

Иеромонах
ИСААК

ЖИТИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ
СВЯТОГОРЦА

Перевод с греческого

УДК 271.2–3 Старец Паисий Святогорец
ББК 86.372–6–3 Старец Паисий Святогорец
И85

Перевод на русский язык выполнен
иеромонахом Доримедонтом (Сухининым)
с издания

ΙΕΡΟΜΟΝΑΧΟΥ ΙΣΑΑΚ
ΒΙΟΣ ΓΕΡΟΝΤΟΣ ΠΑΪΣΙΟΥ
ΤΟΥ ΑΓΙΟΡΕΪΤΟΥ

ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ
2004

По вопросам приобретения обращаться:

Издательский Дом
“Святая Гора”

107082, Москва, а/я 93
тел.: (495) 540–11–40
факс.: (495) 246–69–39
e-mail: info@agionoros.ru

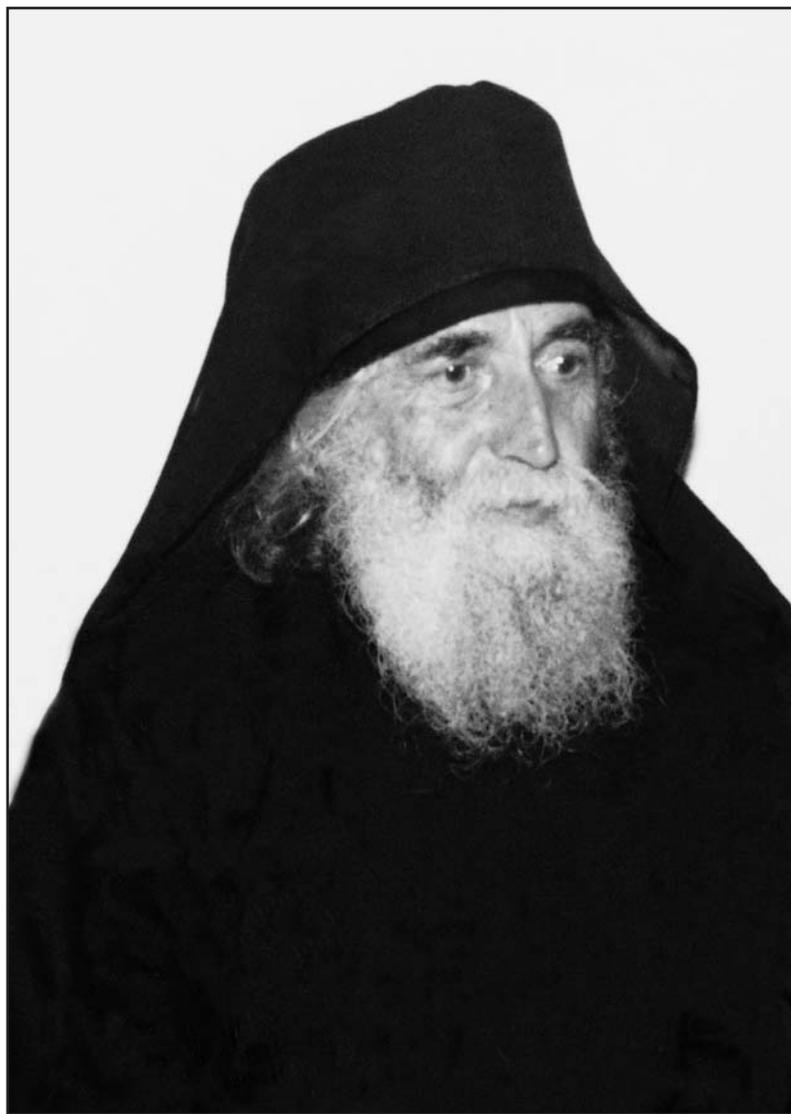
Исаак, иеромонах.

Житие Старца Паисия Святогорца / иером. Исаак; пер. с греч.
[иером. Доримедонтом (Сухининым)]. – М. : Изд. Дом “Святая
Гора”, 2006. – 736 с. : ил., порт. – Доп. тит. л. греч.

© Иеромонах Доримедонт (Сухинин). Святая Гора Афон, 2006

© Издательский Дом “Святая Гора”, Москва, 2006

Все права защищены. Запрещается полное или частичное воспроизведение настоящего издания (текста, элементов оформления, макета) каким бы то ни было способом (графическим, электронным, механическим) без письменного разрешения издателей.

Старец Паисий Святогорец (1924–1994)

Ἱερομονάχου ΙΓΔΔΚ

**ΒΙΟΣ ΓΕΡΟΝΤΟΣ ΠΑΤΡΙΣ
ΤΥ ΑΓΟΡΕΙΤΥ**

ΑΓΙΟΝ ΟΡΟΣ 2004

иеромонах
ИСААК

ЖИТИЕ СТАРЦА
ПАИСИЯ СВЯТОГОРЦА

Издательский Дом
СВЯТАЯ ГОРА
Москва 2006

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	15
-------------------	----

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ПРОСТРАННОЕ ЖИТИЕ СТАРЦА

Глава первая. ПРЕДКИ ПО ПЛОТИ И ДУХУ

Акритские Фарасы	29
Семья Старца	31
Крещение и отъезд из родных мест	34

Глава вторая. ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ УРОКИ ПОДВИЖНИЧЕСТВА

Воспитание в “обучении и наставлении Господнем“	39
Детское подвижничество	40
Плотницкое ремесло	43
Благословенный юноша	45
Ведомый Крестом	45
Боговидение	46
Подготовка к монашеской жизни	47
Забота о других	50
Опасности и испытания	52
Поддержка семьи	54

Глава третья. ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Любостный радист	59
Невзгоды	60
Духовные упражнения и опыты	62
Жертва ради других	63
Благодеяние и клевета	64
Спасение своей части	65
Самопожертвование	66
Молитвы под пулями	67
Непослушание богохульнику	68

Глава четвёртая. ПОИСКИ И ПОДГОТОВКА

Первое посещение Святой Горы	73
Труд и подготовка	76

Глава пятая. МОНАХ В ОБЩЕЖИТЕЛЬНОМ
ЭСФИГМЕНСКОМ МОНАСТЫРЕ

Препятствие перед уходом из мира	81
Насельник Эсфигменского монастыря	81
Испытания и служения	83
Новоначальные подвиги	84
“Меня палила огнём любовь моих родных“	85
Бесовские явления	86
Постриг в рясофор	87
Трепещущий Агнец	87
Трезвенный делатель	88
Послушание до крови	89
Посещение Божественной Благодати	92
Удаление на безмолвие	92

Глава шестая. В ОСОБНОЖИТЕЛЬНОМ МОНАСТЫРЕ
ФИЛОФЕЙ

Послушник у Старца	97
Усердный труженик и незаметный подвижник	99
Помысел гордости	101

“Тангалашкины шуточки“	102
Старание помочь ближнему	103
Поездка в Коницу на лечение	104
Промысл Божий	106
Постриг в мантию	107
Связь с добродетельными отцами	109
Благословения от Пресвятой Богородицы	110
Полученное откровение	112

Глава седьмая. В МОНАСТЫРЕ СТОМИОН

Восстановление обители	117
Уважение к монастырю	121
В обрыв за святыней	123
Обретение мощей преподобного Арсения	123
Труды, подвижничество и безмолвие	126
Покровитель бедных и сирот	129
Мученическое отношение к искушению	131
Борьба против сектантов и еретиков	133
“Водимый Духом...“	134
Бесовские нападения	136
Спасение по Промыслу Божию	137
Ночное посещение Пресвятой Богородицы	138
Похожее на правду бесовское видение	139
Дружба с дикими зверями	141
Другие события коницкого периода	143
Уход из Стомиона	147

Глава восьмая. ПУСТЫННИК НА БОГОШЕСТВЕННОЙ СИНАЙСКОЙ ГОРЕ

Переселение на Синай	153
Ниспослание дождя	156
Блаженная пустынная жизнь	156
Чудесное Божественное Причащение	160
Рукоделие и милостыни	161
“И бе в пустыни искушаемь...“	163
Друзья пустытника	165

Бесстрастие святых Иоакима и Анны	166
В келье Святых сорока мучеников	167
Кончина матери Старца	168
Имя Казандзакиса	168
Недопущение до Причастия и Божественное утешение	169
Невидимая брань и невыразимые состояния	169
Прощание со сладкой пустыней	171

Глава девятая. В ИВЕРСКОМ СКИТУ

Безмолвие или братство ?	177
Различные стороны скитской жизни	179
Помощь душе усопшего	181
Вмешательство Честного Предтечи	182
Дьявольская злоба	183
Постриг в великую схиму	184
Пицца от Ангела	185
Операция на лёгких	185
Основание исихастирия	187

Глава десятая. НА ПУСТЫННЫХ КАТУНАКАХ

В бедной Ипатьевской келие	191
Подарки подвижнику	193
Бесноватый	193
Нищета Старца	194
“Доброе лицемерие“	194
Свет сладчайший	195

Глава одиннадцатая. В КАЛИВЕ ЧЕСТНОГО КРЕСТА

В святой Ставроникитской обители	199
Кончина батюшки Тихона	200
Жизнь в келье Честного Креста	202
“Свет стезям моим“	208
Явление преподобного Арсения	209
Батюшка Тихон и искуситель	211
Паломничество на остров Тинос	211

Прельщённый монах	212
Сострадая больному	213
Рясы и масличное дерево	217
Поездка в Фарасы	218
Святая Евфимия	220
Бесовские шуточки	224
Видение души почившего монаха	225
Снегирь по имени Олет	226
Спасение от смерти	226
Осуждённая душа	227
Молитва за бесов	228
Георгакис с Тибета	230
Поездка в Австралию	232
Ночной посетитель	236
Явление Христа	236
Рыба, поданная Богом	239
Дороги и автомобили	240
Икона, излучающая свет	242
“Святой, с которым поступили очень несправедливо“	243
Бесовское множество	246
Необычный защитник	246
“Помолися, и небо дождь даде“	247
Ангел Хранитель	247

Свидетельства паломников

Свидетельство духовника Старца	248
Поддержка молодого монаха	248
Незабываемое посещение	250
Молчание птиц	251
Необычный престольный праздник	252
Старец отвечает “по-своему“	256
Божественная Литургия в келье Честного Креста	259
Бог обязан помогать человеку	261
Прозорливость Старца	262
Забавные случаи и афоризмы Старца	263

Глава двенадцатая. В “ПАНАГУДЕ”.

ОТДАНИЕ СЕБЯ ТЕМ, КОМУ БОЛЬНО

Переселение в келью “Панагуда”	271
Святые Пантелеимон и Лукиллиан	274
“Утешайте люди моя”	276
Явление святого великомученика Власия	280
Благоухание от иконы “Достойно есть”	282
Мощи святого Космы Прота	282
“Коза“ на даче	283
Залитая Светом келья	284
Обетование Пресвятой Богородицы	284
Поездка на Святую Землю и Синай	285
Действия Божественной Благодати	287
Видение молящегося ребёнка	289
“Христе мой, благослови меня.. “	289
Страшное видение	289
Пресвятая Богородица	290
Об антихристе, числе 666 и новых удостоверениях личности	291
Благоухание от Святых мощей	296
Операция по удалению грыжи	296
Богохульный фильм	298
Видение Благодати Священства	300
“Преображение“	301

Свидетельства паломников

Ответ на помысел	303
Необычное посещение	304
“Ведь у тебя поломаны ноги“	305
Исцеления болящих	306
“Мы возьмём Константинополь”	311
“Попроси у неё прощения“	312
“Имей духовное благодество“	312
Знамение от лампы	313
“Они идут.. “	314
Покаявшийся кришнаит	315
Ученик гуру	316

Старец и юные	317
Глава тринадцатая. БОЛЕЗНЬ И БЛАЖЕННАЯ КОНЧИНА	
Страдание и болезни	331
“Со мной произошёл один случай“	334
На пределах крепости	334
Последний выезд со Святой Афонской Горы.	
Дальнейшее развитие болезни	337
Приношение людям в мученических	
страданиях	339
Блаженная и незаметная кончина	343
Глава четырнадцатая. ПОСМЕРТНЫЕ ЧУДЕСА	
“Не оступи от нас“	351
Благоухание	352
Изгнание беса	353
Спасение ребёнка	355
Явление во сне	356
Чудесное явление и помощь	356
Осязаемое присутствие	358
Помощь Старца в дорожно-транспортных	
происшествиях	359
Воскрешение от духовной смерти	362
Шарф Старца исцеляет опухоль	364
Исцеление бесноватой	365
Исцеление поражённого глаза	367

ЧАСТЬ ВТОРАЯ ДОБРОДЕТЕЛИ, ДАРОВАНИЯ И ПРИНОШЕНИЕ СТАРЦА МИРУ

Глава первая. ДОБРОДЕТЕЛИ СТАРЦА	
Крайнее странничество или	
уклонение от мира	373
Послушание	380

Блаженное и богатое смирение	387
Делатель и проповедник покаяния	400
Нестяжание	408
“Алчность подвижничества“	416
“Труждаясь и делая своими руками“	432
Аромат благоговения	442
“Правду возлюби“	452
Любочестие Старца	458
Доверие Божественному Промыслу	460
Ангел мира	466
Светильник рассуждения	471
Безмолвия рачитель	482
Трезвение	491
Молитва и келейный устав Старца	498
Бесстрастие	522
Благородная любовь	526

Глава вторая. БЛАГОДАТНЫЕ ДАРОВАНИЯ СТАРЦА

Преодоление законов естества	543
Примирение с творением	557
Молитвенник о всём мире	562
Благодатный учитель	571
Дарование утешения	576
Противоборец и изгнатель бесов	581
· Явление бесов	584
· Исцеление бесноватых	588
“Миро изливанное“	595
Разумение иностранных языков	600
Необыкновенные перемещения	
в пространстве	604
Слышание молитв и просьб о помощи	609
Знание о состоянии усопших	615
Свидетельства о прозорливости	618
Благодать исцелений	639
Явления Святых	650
Источник Нетварного Света	655

Глава третья. ПРИНОШЕНИЕ СТАРЦА МИРУ

“Наставник пустыни“	665
Служение людям из пустыни	669
Выезды в мир	675
Поборник Предания	687
К Матери-Церкви	699
Верный сын Отечества	710

ПРИЛОЖЕНИЕ

Внешний вид, характер и природные дарования Старца	721
Вместо эпилога	727
Духовное завещание Старца	731

Предисловие

В последние годы увидели свет различные книги и публикации о Блаженном Старце Паисии Святогорце. Они действительно оказали духовную пользу многим и сделали имя Старца ещё более известным. Однако в основном в них идёт речь об учении и чудесах Старца Паисия. Биографические сведения, содержащиеся в этих книгах, – минимальны.

Убедившись в необходимости составления систематического жизнеописания отца Паисия, одно из его духовных чад – наш Старец, иеромонах Исаак⁽¹⁾, – решил взять этот труд на себя. Отец Исаак вместе с монахами своего братства начал составление «Жития» Старца Паисия приблизительно через два года после его кончины (Старец Паисий почил о Господе 29 июня/12 июля 1994 года). Труд близился к завершению, когда кончина самого отца Исаака (3 июля/

⁽¹⁾ Иеромонах Исаак / Аталлах / (12/25.IV.1937–3/16.VII.1998) родился в селении Набай близ Бейрута (Ливан). После окончания Богословской школы в Баламанде преподавал там византийское церковное пение. Во время учёбы в Греции познакомился со Старцем Паисием, под влиянием которого остался на Святой Афонской Горе. Был пострижен Старцем Паисием в великую схиму. Переводил с греческого на арабский язык святых Отцов-аскетов. Был одним из уважаемых святогорских Старцев и духовников. – *Прим. пер.*

16 июля 1998 года) отложила издание на неопределённое время.

«Житие» оставалось неопубликованным, оно ещё нуждалось в исправлениях и дополнениях. Между тем, из-за трудностей, возникших после кончины нашего Старца, отца Исаака, продолжать работу над книгой было для нас невозможно. Кроме этого, осознавая свою очевидную непригодность для столь ответственного труда, мы более трёх лет вообще боялись прикоснуться к «Житию».

Завершить работу нас побуждало желание нашего Старца, отца Исаака, и труд, проделанный им ради того, чтобы «Житие» Старца Паисия увидело свет. Кроме этого, многие братья и сёстры во Христе также побуждали нас довести дело до конца.

Иногда у нас опускались руки. Мы были готовы оставить этот чрезвычайно сложный и ответственный труд. Нами овладевал страх того, что мы искажим облик Старца и вместо пользы принесём духовный вред и соблазн. Мы чувствовали себя подобно маленькому ребёнку, который, пытаясь говорить о чём-то великом, превосходящем его меру, не находит слов и не может выразить то, что он желает.

При жизни отца Паисия мы не считали необходимым записывать его слова, фотографировать его самого или собирать о нём биографические сведения с тем, чтобы когда-нибудь составить его жизнеописание. Нас наполняло само его присутствие, нам было достаточно уже того, что мы его видели и слышали. Возможно, кто-то посчитает это упущением. Однако наша совесть спокойна от того, что мы не делали ничего, что могло его огорчить.

Единственным исключением были немногие записи, сделанные нами для того, чтобы не забыть ответы отца Паисия на личные вопросы, связанные с нашей ежедневной монашеской жизнью. Отвечая нам, Старец приводил примеры из своего подвижнического опыта, рассказывал о пережитых им сверхъестественных событиях и демонических искушениях. Однако в основном мы опирались на то, что сохранилось в нашей памяти. Многие из того, что запомнилось, мы слышали от него неоднократно. И сейчас – к общей пользе наших братьев и сестёр мы передаём на бумаге его слова, начертанные им в наших сердцах.

Узнав о составлении «Жития», многие миряне и священнослужители – по собственной инициативе или по нашей просьбе – предоставили в наше распоряжение немало ценных документов: писем Старца Паисия, фотографий, записей и свидетельств очевидцев. Весь этот материал, превнесший в «Житие» Старца немало ранее неизвестных страниц, был использован с осторожностью и ответственностью. После многократного просеивания и отбора было оставлено лишь то, что действительно заслуживало доверия. Не всё в предоставленных сведениях соответствовало действительности и духу Старца. Некоторые люди от нерассудительного благоговения что-то преувеличивали, а другие, возможно, поняв Старца неправильно, передавали его слова искажённо. Были и такие – совсем немногие, – кто высказывался о Старце отрицательно – возможно, делая это по неведению, а не по злему расположению. Пусть Бог не вменит им этого в грех.

«Начáло словéс Твои́х и́стина»⁽¹⁾, и поэтому главным принципом при работе над «Житием» мы тоже избрали истину. Мы старались представить Старца таким, каким мы его знали, таким, каким он был, – избегая порождаемых любовью и восторженностью преувеличений.

Значительная часть «Жития», по сути, является автобиографией Старца Паисия, поскольку главным источником сведений был он сам. Большинство повествований исходят непосредственно из его неложнейших уст. Однако в действительности мы написали очень немного. Будучи скудным и слабым, наш труд не даёт исчерпывающей картины духовного богатства Старца. Мы не только не превозносим, но – отнюдь не желая того – во многом преуменьшаем его образ. Причины этого в следующем.

Его внутренняя жизнь – как жизнь любого святого – проходила *«втайне»*, невидимо для других. Чтобы помочь нам в нашей монашеской жизни, Старец открывал немного – по большей же части происходившее с ним осталось неизвестным. Когда он был жив, в нашем общении с ним преобладала скрывавшая его духовное величие человеческая сторона. Но главная причина в том, что наши сердечная слепота и несовершенство помешали нам увидеть Старца более духовно – что помогло бы воссоздать его образ с большей достоверностью. Будь наше духовное состояние лучше, это, безусловно, отразилось бы и на настоящем труде. Как известно, наиболее верно описать жизнь Святого может человек, восшедший в такую же меру и такое же состояние. Сам Старец Паисий говорил, что жития Святых, написанные Святými, восхитительны.

⁽¹⁾ Пс. 118, 160.

Итак, поскольку «*студенецъ есть глубокъ и почерпала не ѱмамы*»⁽¹⁾, то есть наших духовных сил недостаточно для того, чтобы показать духовное величие Старца, мы ограничились простым и точным изложением сведений о нём, стараясь быть лишь достоверными свидетелями и ничем больше.

Но, несмотря на это, даже сквозь неуклюже написанные нами страницы, проявляется образ Старца Паисия – человека, который с лёгкой простотой движется в пространстве между землёй и Небом, насмехается над дьяволом – одновременно сострадая его падению – и общается со множеством Святых. Старец предстаёт перед читателем совершенно нищим, но при этом низводящим своей молитвой с Неба на землю богатейшие благословения. Он выглядит физически слабым и немощным, но при этом настолько могучим и наполненным огнём Божественной Благодати, что перед ним отступают даже законы естества. Он живёт в пустыне, но при этом – очень близок к нуждам людей; строгий аскет по отношению к себе самому, он до самопожертвования человеколюбив по отношению к убогим, страдающим и несправедливо обиженным.

Поместить в один том все сведения о Старце было бы невозможно. Поэтому из множества описанных случаев выбраны наиболее характерные и поучительные. В книгу не вошло учение Старца (объёмом в несколько томов), множество писем и более двухсот свидетельств о совершённых им чудесах. Но мы и не ставили перед собой цели представить читателю просто «список чудес». Вполне естественно, что в человеке, восшедшем на вершину добродетелей и стяжавшем Божественную Благодать, действительно

⁽¹⁾ Ср.: Ин. 4, 11.

открываются благодатные дарования и он творит чудеса. Однако вопрос состоит в том, как достичь этой вершины, каким путём надо идти и каким образом подвизаться против страстей и искушений. Поэтому даже более, чем чудеса Старца, нас трогали и трогают его великое самоотречение, его любочестные подвиги ради любви ко Христу, его монашеская акривия⁽¹⁾ и тонкое чувство духовной жизни, его редкая рассудительность, жертвенная любовь к каждому человеку и святоотеческое мудрование, способное принести покой каждому сердцу.

Книга «Житие Старца Паисия Святогорца» состоит из двух частей. В первой части вниманию читателя предлагается «*Пространное житие*» Старца. Мы старались как можно проще, но и в наиболее целостном виде показать подвижнический путь Старца от рождения до кончины, следуя хронологии и внешнему течению его жизни. Основа каждой из четырнадцати тематических блоков первой части – то географическое место, где Старец жил в те или иные годы. Главы содержат биографические сведения о Старце, описания его подвигов, свидетельства о чудесах, многообразных дарованиях и помощи людям.

Вторая часть книги, озаглавленная «*Добродетели, дарования и приношение Старца миру*», – это необходимое дополнение и пояснение к первой части. Знакомство с её содержанием позволит читателю узнать Старца глубже и понять его полнее. Каждая из двух частей книги независима от другой – они могли быть изданы и как два отдельных тома, – но всё же они связаны между собой глубоким внутрен-

⁽¹⁾ Точность, строгость, бескомпромиссность (греч.).

ним единством. Вторая часть – это тоже жизнеописание, однако оно не следует хронологической канве, а содержит биографические сведения, разделённые по различным темам⁽¹⁾.

Центральное понятие второй части – Божественная Благодать. Для того чтобы Её стяжать, Старец сначала подъял борьбу против страстей и греха и впоследствии явился *«добрѣм строителем различныя Благодати Божия»*⁽²⁾.

В тематическом блоке «Добродетели» различные случаи из жизни Старца описываются так, чтобы читатель мог извлечь для себя практическую пользу. Они разделены по главам, основное содержание которых составляет добродетель, поставленная в название каждой главы. Учение Старца о той или иной добродетели в главы не включено – за исключением немногих лаконичных и наиболее характерных отрывков. Однако там, где было необходимо что-то подчеркнуть, для того чтобы лучше показать дух Старца, отрывков из его поучений приводится больше.

⁽¹⁾ Разделение второй части на три тематических блока («Добродетели», «Дарования» и «Приношение миру») имеет в своём основании следующие слова Священного Писания: *«вина́ и сикѣра не ѡмать пѣти»* (подвижничество, борьба), *«и Ду́ха Свята́го испо́лнится ещё из чрева́ матери своей́»* (Божественная Благодать), *«и мно́гих от сыно́в израи́левых обрати́т ко Го́споду Бо́гу их»* (приношение миру) (Лк. 1, 15–16).

Великий Предтеча прошёл через все эти стадии, хотя и в иной последовательности, поскольку он стал Пророком ещё в материнской утробе. Все Святые сначала подъяли подвиг, для того чтобы очиститься от страстей, и – соблюдая Божественные заповеди, от которых рождаются добродетели, – впоследствии прияли Божественную Благодать. В третьей стадии дарования Святых используются и раздаются ради спасения людей.

⁽²⁾ См.: 1 Пет. 4, 10.

О проявлениях дарований *Старца* – многообразных и сверхъестественных – ярко свидетельствуют другие люди и поступки самого отца Паисия. Из множества свидетельств были выбраны немногие – наиболее показательные. Эти свидетельства, также разделённые по тематическим главам, приводятся без комментариев – за исключением случаев, где пояснения были необходимы.

Масштабы, глубину и достоинство *Приношения Старца* миру было бы невозможно описать и объективно оценить на немногих страницах этой книги. Имея в себе разнообразие Божественных дарований, Старец естественно и непринуждённо, без человеческих потуг и надрывных усилий передавал богатство Божественной Благодати погибающим от голода душам. В нашей книге упоминаются лишь некоторые из сторон его *Приношения* – то, в чём он особенно помог людям.

Желая избежать неточностей и ошибок, мы представили написанное нами на суд и проверку духовных чад Старца Паисия и других отцов. Выражаем многую благодарность и признательность нашим духовным братьям за сделанные ими исправления и дополнения. Их помощь в работе над книгой шла от всего сердца и была существенной. Без неё «Житие» Старца вышло бы очень несовершенным и содержало бы много ошибок.

Мы благодарны братьям и сёстрам, принявшим участие в работе над книгой и предоставившим в наше распоряжение различные сведения, а также всем, кто проверял и правил текст, потратив много времени и труда ради того, чтобы эту работу закончить. Выражаем также признательность тем, кто старался сделать издание лучше и содействовал его выходу в свет через десять лет после кончины Старца.

Особую благодарность выражаем нашему многоуважаемому Старцу Григорию, постриженнику Старца Паисия и духовнику женского монастыря Честного Предтечи в селении Метаморфоси на Халкидике, за то, что он всячески поддерживал нас во время работы над книгой и взял на себя издержки, связанные с типографскими и другими расходами по греческому изданию настоящего «Жития».

Считаем необходимым сделать некоторые замечания, облегчающие читателю знакомство с книгой.

Многое из действий и слов Старца становится понятным из общего контекста его жития. Не следует нерассудительно обобщать всё, что говорил Старец. Некоторые его слова были произнесены по конкретному случаю и не предназначались для всех. Как говорил сам Старец: «Одно и то же лекарство может принести и пользу, и вред – в зависимости от организма человека».

В книге говорится об отношении Старца к различным общецерковным, национальным, общемонашеским и другим проблемам. Необходимо подчеркнуть, что позиция Старца была совершенно духовной и бесстрастной. Поэтому и в книге эти вопросы освещаются без малейшего желания кого бы то ни было задеть или скомпрометировать.

Свидетельства очевидцев помещены в книгу в том виде, в каком они были нам переданы. Некоторые обширные свидетельства были сокращены без изменения общего смысла. Были учтены желания тех, кто подавал свидетельства с просьбой не называть их имени.

Даты приводятся по старому стилю. Там, где дата приводится по новому стилю, стоят буквы: «н. ст.».

Заканчивая вводную часть, признаёмся в том, что на этих страницах мы не в состоянии по достоинству выразить Старцу нашу признательность и благодарность за всё то, что он нам дал. Мы можем лишь сердечно просить его простить нас, если в чём-то мы согрешили против его любви, и в особенности за то, что дерзнули издать его «Житие». Однако просим Старца молиться о том, чтобы Бог просветил умы читающих эту книгу, чтобы они поняли её правильно и получили духовную пользу. Осознавая свои несовершенства и недостатки, мы с благодарностью примем любые замечания и советы, происходящие от стремления к более ясному проявлению истины.

Если читатель встретит в описании благоуханных подвигов Старца какие-то ошибки, то виноват в них не Старец Паисий и не его биограф отец Исаак, но те, кто завершил работу над этой книгой и её издал.

Однако если чья-то душа, согревшись огнём подвигов Старца Паисия, сама начнёт духовную борьбу, то пусть она прославит поклоняемое имя Великого Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, *«Емú же слава и поклонение со Отцём и Святым Дúхом во веки.*

Амíнь».

Братство Старца Исаака
Святая Гора Афон

A decorative border with intricate, repeating scrollwork and floral patterns surrounds the text.

Часть первая

**ПРОСТРАННОЕ ЖИТИЕ
СТАРЦА**

глава первая

**ΠΡΕΔΚΗ
ΠΟ ΠΛΟΤΗ И ΔУΧУ**

Акритские Фарасы. Современный вид.

Акритские Фарасы

Родина Старца Паисия – акритское⁽¹⁾ селение Фарасы, или Варасио. До Обмена Населением⁽²⁾ это было зажиточное греческое село – оплот православной веры, греческого языка и культуры в каппадокийской земле. К Фарасам относились ещё шесть более мелких селений. Сёла эти находились примерно в двухстах километрах южнее главного города Каппадокии – Кесарии. Несмотря на свою оторванность от единоплеменников и единоверцев в глубинах Малой Азии, фарасиотам удавалось неискажённо хранить Православие, эллинское самосознание и греческий язык.

Фарасиоты славились мужеством. Благодаря их отваге нога турецких разбойников-четов не ступила в их село, сохранившееся как свободный островок Эллады на окраинах далёкой Каппадокии. Поэтому

⁽¹⁾ Акриты (от *ἄκρον* – крайняя точка, предел) – в Византийской Империи жители приграничных районов, охранявшие границы Империи от вторжения врагов. Акриты пользовались славой мужественных воинов, их подвиги воспеваются в средневековом греческом эпосе, в акритском эпосе и народных песнях. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ Имеется в виду Обмен Населением 1924 года, когда жившие в Турции греки переселились в Грецию, а жившие в Греции турки – в Турцию. – *Прим. пер.*

в Фарасах находили прибежище многие греки, гонимые турками. Фарасиотов по справедливости называли маккавеями⁽¹⁾.

Не уступали мужчинам в мужестве и героизме и фарасиотские женщины. Однажды турки гнались за группой фарасиотских женщин, желая их схватить. Эти женщины – среди которых были и родственницы Старца, – чтобы не подвергнуться унижениям в турецких гаремах, предпочли броситься в реку и утонуть, сохранив таким образом свою веру и честь.

В Фарасах насчитывалось пятьдесят церквей. Некоторые из них в византийскую эпоху были монастырями и переживали расцвет. Также в округе находилось множество святых источников, славившихся своими чудесами по всей Каппадокии. Центральный храм Фарас, освящённый в честь святых преподобномучеников Варахисия и Ионы, был построен на месте, где, согласно Преданию, эти Святые в середине четвёртого века приняли мученическую кончину.

Фарасиоты были продолжателями выдающегося, берущего своё начало от великих Отцов-каппадокийцев, аскетического Предания. Они любили Церковь, имели благоговение и подвижнический дух. Весь год в посты и постные дни большинство фарасиотов вкушали пищу и пили воду один раз в день – в девятом часу по византийскому времени⁽²⁾.

Последним ярким и совершенным выражением следования этому Преданию был приходской свя-

⁽¹⁾ Иудейский священнический род, вставший во главе борьбы иудейского народа против Антиоха IV Епифана (175–164 гг. до Р.Х.) В переносном смысле маккавеями называют ревностных борцов за Веру и Отечество. (Далее примечания составителей “Жития” даются без указаний).

⁽²⁾ То есть около трёх часов пополудни. – *Прим. пер.*

щенник села – святой Арсений Каппадокийский⁽¹⁾ (1841–1924). Видя его святую жизнь и многие чудеса, к нему стекались не только христиане, но и мусульмане со всей Каппадокии.

**Семья
Старца**

Жившие в этой благословенной среде предки Старца Паисия отличались особенным благоговением.

Его бабушке, Хаджи-Христине, принадлежал небольшой храм в честь святого Архангела Михаила, расположенный в значительном расстоянии от села. Время от времени она уединялась в этом храме и проводила время в безмолвии, молитве и посте. Однажды, когда зимой её завалило в этой церквушке снегом, она каждый день находила на церковном подоконнике горячий хлеб. Она молилась и ела этот Божественный дар. У Хаджи-Христины был также свой дом в Адане⁽²⁾. Там она принимала святого Арсения, когда тот пешком приходил в Адану, совершая паломничества на Святую Землю.

Первоначально предки Старца носили фамилию Хаджидигенис. Потом они были вынуждены взять как фамилию имя прадеда Старца, которого звали Феодосий. Отца Старца сначала звали Продромос Феодосиу, однако из-за преследований со стороны турок Продромос был вынужден ещё раз сменить фамилию и стал называться Эзнепидис, что значит «иностранец». Отец Старца принадлежал к благородной фарасиотской семье, которая из поколения в поколение

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий Святогорец*. Преподобный Арсений Каппадокийский. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1997.

⁽²⁾ Адана – город и средиземноморский порт на юге Турции. – *Прим. пер.*

начальствовала в Фарасах. Имея административный дар, Продромос оставался старостой несколько десятилетий. Он был верующим и благоговейным человеком и особенное благоговение имел ко святому Арсению, во всём оказывая ему послушание.

Отец Старца был хорошим мастером, его руки прекрасно справлялись с любой работой. Он трудился в Фарасах как крестьянин, но, кроме этого, имея плавильную печь, занимался выплавкой железа. Мужественный, отважный и легко идущий на риск человек, он уже в юности начал исследовать нехоженые места вокруг Фарас и подниматься на неприступные скалы. В шестнадцать он ранил льва и вступил с ним в схватку. Он очень любил Родину, имел меткий глаз, твёрдую руку стрелка и бесстрашный воинский дух. Он много раз спасал своё село от чetов. Однажды, одевшись богатой турчанкой, он пришёл в их логово, разыскал главаря, отнял у него винтовку и вместе с другими молодыми фарасиотами прогнал разбойников. Много раз Продромос подвергался опасности, однажды турки даже взяли его в плен, но молитвы преподобного Арсения его хранили.

Когда, будучи старостой села, он ходил в Аданы на приём к Кемалю⁽¹⁾, тот, отдавая должное его мужеству, приветствовал его так: «Добро пожаловать, ромейский паренёк-молодец».

Когда началась греко-итальянская война⁽²⁾, Продромос, уже живший в Греции, невзирая на свои не-

⁽¹⁾ Ататюрк Мустафа Кемаль (1881–1938) – вождь турецкой (так называемой кемалистской) революции 1918–1923 гг., первый президент (1923–1938) Турецкой Республики. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ Война в октябре-ноябре 1940 г. между Грецией и фашистской Италией. – *Прим. пер.*

молодые годы, был захвачен юношеским пылом и хотел идти на фронт добровольцем.

Этот человек отличался справедливостью, братолюбием и милосердием. Когда греческое правительство выделило земельные участки для переселенцев из Малой Азии, старик Продромос, оставаясь старостой беженцев-фарасиотов и в Конице, в первую очередь позаботился о том, чтобы участки получили другие фарасиоты. Для своей семьи оставил самый плохой надел – наиболее бесплодные участки земли. Расчищая и разрабатывая эти некогда не паханные наделы, он жёг заросли колючих кустарников. Тогда от огня и дыма повредились глаза старика.

Мать Старца звали Евлогией⁽¹⁾. Она происходила из рода Франгопулосов и приходилась родственницей преподобному Арсению Каппадокийскому. Это была благоразумная, трудолюбивая и очень благоговейная женщина, воспитанная на наставлениях преподобного Арсения. Замуж за Продромоса Энепидиса Евлогию выдали совсем юной, в пятнадцатилетнем возрасте.

Эти благословенные люди родили десятерых детей. Первенцы – Екатерина и Сотирия – умерли во младенчестве. Когда преподобный Арсений крестил их третьего ребёнка, тоже девочку, он велел дать ей имя Зоя, что значит «жизнь». С тех пор никто из их детей не умирал. Имена детей Продромоса и Евлогии (по старшинству) следующие: Зоя, Мария, Рафаил, Амалия, Харалампий, Арсений (впоследствии Ста-

⁽¹⁾ Старец говорил, что хотя при Крещении его матери было дано имя Евлогия (с этим именем она записана и в помяннике Старца), в Конице все её звали Евлампия.

рец Паисий), Христина и Лука. До сих пор живы Рафаил и Христина.

***Крещение и отъезд
из родных мест***

Итак, в Фарасах, на каппадокийской земле, вырастившей многих Святых, 25 июля 1924 года, в день Успения святой Анны, родился Старец.

При Крещении родители хотели дать ему имя деда – Христос. Однако преподобный Арсений сказал бабушке младенца: «Послушай, Хаджианна, ведь я окрестил тебе столько детей! Неужели ты не дашь хоть одному из них моё имя?» А родителям Старца преподобный Арсений сказал: «Хорошо, вот вы хотите оставить кого-то, кто пошёл бы по стопам деда. А разве я не хочу оставить монаха, который пошёл бы по моим стопам?» И, повернувшись к крестной матери, произнёс: «Скажи: Арсений»⁽¹⁾. То есть Преподобный дал Старцу своё имя и своё благословение, а также предвидел, что он станет монахом, как и произошло в действительности⁽²⁾.

В том же году, когда родился Старец, произошёл Обмен Населением и греки Малой Азии были с корнем вырваны из родного отеческого края. Вместе с остальными фарасиотами и преподобным Арсением семья Старца отправилась в горький путь эмиграции. На корабле, в давке и толчее, кто-то наступил на младенца, и его жизни угрожала опасность. Но Бог сохранил избранного Своего живым, потому что

⁽¹⁾ Восприемницей при Крещении была супруга певчего преподобного Арсения Продромоса Корциноглу – Анастасия. По греческой традиции имя крещаемого произносит его восприемник. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ См. *Старец Паисий Святогорец*. Преподобный Арсений Каппадокийский. Ук. изд. С. 53.

ему предстояло стать поводырём многих душ в Небесное Царство. Потом сам Старец – разумеется, по смирению – говорил: «Если бы я умер тогда – только что получив Благодать Святого Крещения, – то меня бросили бы в море и моё тело съели бы рыбы. Какая-нибудь рыбёшка сказала бы мне за это, по крайней мере, “спасибо”, и моя душа пошла бы в Рай». Старец подразумевал, что, оставшись в живых, он якобы не сделал ничего доброго.

Приплыв в Грецию, беженцы недолгое время пробыли в порту Пирея, а затем были переведены в крепость острова Керкира⁽¹⁾, где преподобный Арсений скончался и был погребён, согласно его собственным пророческим словам: «Я проживу в Греции сорок дней и умру на острове». С Керкиры беженцы переместились сначала в одно селение недалеко от Игуменницы⁽²⁾, а окончательно осели в Конице⁽³⁾.

Новопрощённый Благодатью Святого Крещения сорокадневный младенец Арсений был привезён своими родителями на землю Матери-Эллады. Тогда – среди множества беженцев – он был никому не известен. Пройдут годы, и – став известным во всём мире – он будет вести множество людей к познанию Бога.

С первых дней своей жизни он узнал, что такое боль и страдания людей. Позже сам он станет пристанью утешения для тысяч измученных душ.

⁽¹⁾ Остров в Ионическом море, итальянцы называют Корфу. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ Город в Эпире. – *Прим. пер.*

⁽³⁾ Город в Эпире. – *Прим. пер.*

глава вторая

**ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ
УРОКИ
ПОДВИЖНИЧЕСТВА**

Будущий Старец в пятилетнем возрасте с родителями.

Воспитание в «обучении и наставлении Господнем»

Маленький и благословенный Арсений, впитывая материнское молоко, учился у своих родителей благоговению к Богу. Вместо сказок и детских историй они рассказывали ему о жизни и чудесах преподобного Арсения. В мальчике зародилось восхищение и любовь к Хаджифенди – так звали Преподобного в Фарасах. Уже с малых лет он хотел стать монахом, чтобы походить на своего Святого.

Вторым человеком, который после преподобного Арсения оказал самое благотворное влияние на всю жизнь Старца, была его мать. Он чувствовал к ней особую любовь и помогал ей, насколько было в его силах. От неё он научился смиренномудрию. Она советовала ему не стремиться побеждать сверстников в играх, чтобы потом не гордиться этим, и даже не стремиться первым занимать место в шеренге одноклассников, потому что, как она говорила, «первым или последним ты туда встанешь – никакой разницы нет».

Кроме этого, мать учила его воздержанию: не разрешала ничего есть до тех пор, пока не придёт время

приятия пищи. Нарушение этого правила она считала тяжёлым грехом, подобным блуду.

Мать помогала ему приобрести простоту, трудолюбие, хозяйственность и быть внимательным в общении с другими. Она учила его никогда не произносить имя искусителя – дьявола.

Дважды в день вся семья молилась перед домашним иконостасом. Однако мать продолжала молиться и занимаясь делами по хозяйству – она творила Иисусову молитву. Родители Старца отличались таким благоговением, что брали с собой антидор даже на гумно⁽¹⁾.

Маленький Арсений, имея острый ум и живой интерес ко всему, быстро усваивал всё доброе, услышанное от родителей.

Следуя их примеру, он научился поститься, молиться и ходить в храм Божий. Он был самым любимым из всех детей в семье. «Мой отец, – рассказывал Старец, – любил меня, потому что я имел склонность к машинам и инструментам и мои руки справлялись с любой работой. А вот моя мать любила меня за то ложное (то есть небольшое) благоговение, которое у меня было».

Детское подвижничество

Выучившись хорошо читать, Арсений раздобыл Священное Писание и каждый день читал Святое Евангелие. Также он где-то доставал Жития Святых и читал их, получая истинное наслаждение. Он собрал целую коробку с Житиями. Возвращаясь из школы, он не хотел даже есть – сперва бежал к своей ко-

⁽¹⁾ То есть, работая до вечера, они по постным дням ничего не ели и не пили, а в конце рабочего дня вкушали антидор. – *Прим. пер.*

робке, доставал какое-нибудь Житие и зачитывался. Его старший брат – несмотря на то что был человеком благоговейным – прятал от него Жития. Он опасался, что Арсений слишком увлечётся церковными книгами и это плохо отразится на его учёбе. Арсений ничего не говорил, находил другие Жития и продолжал питать себя духовно. Однажды, видя, что Арсений снова читает какое-то Житие – старшему брату не доводилось даже слышать имя этого Святого, – брат поразился: «Где же ты его снова раздобыл – этого Святого?»

Благоговейная жительница Кониц Екатерина Патера вспоминает о Старце: «Он очень любил Церковь и всё церковное. Однажды я его спросила:

– Дитя моё, ты сегодня что-нибудь кушал?

– Нет. А как я могу есть, когда моя мать всё варит в одной кастрюле: и мясное, и постное. Кастрюля впитывает в себя мясо, и я не могу есть даже постную пищу, которая в ней приготовлена.

– Дитя моё, но ведь твоя мать такая чистюля, она хорошо моет посуду водой с золой...

– Нет, – отвечает, – я из этой посуды есть не могу.

Он без конца всё постился и постился и куда-нибудь уходил, чтобы быть одному и молиться».

Об этом свидетельствует и брат Старца: «Арсений со второго класса начальной школы читал духовные книги, уединялся и много молился. В играх – подобно другим детям – он участия не принимал».

Врождённое призвание к монашеству проявилось в Арсении рано. Он чувствовал великую любовь к Богу, и его молитва была выражением этой любви. Под великие праздники он не ложился спать, зажигал лампадку и молился, всю ночь простаивая на но-

гах. Старший брат не давал ему вставать по ночам и читать Псалтирь, силком укладывая в кровать и закутывая одеялами. Но, в конечном итоге, все чинимые братом препятствия не только не сломили ревности Арсения, но ещё и приумножили его любовь к Богу.

Когда Арсения спрашивали, кем он станет, когда вырастет, он с твёрдостью отвечал: «Монахом». Бог устроил так, что, вступив на добрый путь ещё ребёнком, Арсений впоследствии не мучался вопросом о том, какую жизнь ему избрать. Перед ним открывался только один путь – ангельская жизнь иноков.

Прочитанное в Житиях он старался применить к себе. Как-то он прочёл, что если ты боишься находиться в каком-то месте, то надо приходиться туда почаще, чтобы этот страх изгнать⁽¹⁾. Поскольку Арсений боялся ходить через кладбище, он решил пойти туда затемно, чтобы избавиться от этой боязни. Тогда он учился в четвёртом классе начальной школы.

«Днём, – рассказывал Старец, – я приглядел на кладбище одну пустую могилу. Когда стемнело, моё сердце отчаянно забилося, однако я пошёл на кладбище и залез в эту могилу. Сначала было страшно, но потом я освоился. Просидев в могиле немало времени, я осмелел, привстал в ней, вылез наружу и стал бродить от одной могилы к другой. Но я старался, чтобы меня не увидели и не приняли за призрак. Именно это и было нужно: сходить на кладбище три раза, просидеть там до поздней ночи и – страх улетучился».

Ещё Старец рассказывал: «Учась в школе, я читал Жития Святых и уже тогда желал стать подвижни-

⁽¹⁾ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Сергиев Посад, 1908, С. 142.

ком. Часто я уходил за село – в горы. Как-то раз, когда мне было одиннадцать лет, я бродил по горам и обратил внимание на одну большую скалу. Рано-рано утром следующего дня я пошёл туда, чтобы забраться на её вершину и стать столпником. Придя к подножию скалы, я увидел, что она очень высокая. Поднявшись на неё с трудом, я начал молиться. Выбившись из сил, я подумал: «Пустынники возделывали хоть какой-то огородик и ели... Немножко водички, немножко фиников... А у тебя на скале ничего нет. Как же ты будешь здесь жить?» Наконец я решил спуститься, но уже наступила ночь. Спуск был более тяжёлый, чем подъём, потому что я ничего не видел. Спустился я с огромным трудом. Матерь Божия сохранила меня, и я не разбился».

Сестра Старца Христина вспоминает, что однажды, когда родители были в поле, начался дождь. Арсений, думая о том, каково сейчас родителям, подвёл младших брата и сестру к иконостасу и встал вместе с ними на колени. Дети помолились, и дождь перестал.

Когда сверкали молнии, Арсений обычно произносил слова: *«Вели́ко ѹмя Святѣя Трѡицы»*.

Плотницкое ремесло По свидетельствам одноклассников Старца, в начальной школе он был внимательным, благоразумным ребёнком и его все любили. Особенно чутко он относился к урокам Закона Божия. Арсений был хорошим учеником; умным, ловким и любочестным мальчиком. Его сочувствие к другим доходило до жертвы. Его глаза были живыми, выразительными и настолько сияющими, что его прозвали «Гумбисья», что на фара-сиотском диалекте означает «светлячок».

Начальную школу юный Арсений закончил с общим баллом восемь⁽¹⁾ и с примерным поведением. Однако гимназии в Конице не было, и учиться дальше он не стал. Ему хотелось стать плотником, потому что он полюбил ремесло нашего Господа.

Работая вместе со старшим мастером в разных домах, Арсений не садился есть вместе с ним, но под каким-нибудь предлогом шёл домой, быстро обедал и бегом возвращался. Потом его мастер и учитель понял, что он делал это для того, чтобы не нарушать поста.

Хорошо выучившись плотницкому ремеслу, Арсений сделал в родительский дом прекрасный иконостас и Крест – похожий на те, которые держат в руках Святые Мученики, виденные им на иконах.

Позже он открыл собственную столярную мастерскую. Он изготавливал окна и двери, нашивал потолки и стелил полы, делал иконостасы и даже гробы. Однако за последние он никогда не брал с людей денег – сочувствуя таким образом человеческой боли.

У него были золотые руки плотника. Его работа приходилась людям по сердцу. Все в Конице говорили: «Какой же сын у кыры-Евлампии!⁽²⁾ Хороший мастер, порядочный и спорый, а по характеру – справедливый и искренний». Поэтому заказчики предпочитали Арсения. Таким образом он зарабатывал себе на жизнь, помогал родным и давал милостыню нуждающимся.

⁽¹⁾ По десятибалльной системе оценок. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ Кыра – уважительная приставка к женскому имени (от греч. *κυρία* – госпожа) – *Прим. пер.*

**Благословенный
юноша**

Среди жителей Коницы ходил слух о том, что сын Эзнепидиса Арсений видел святого Георгия и после этого много дней постился. Сам Старец никогда не рассказывал о таком событии, и от других свидетелей узнать о нём также ничего не удалось. Но, даже если это были просто слухи, они свидетельствуют о том немалом почтении, которое испытывали к нему земляки. Жители Коницы считали, что Арсений наделён от Бога особой Благодатью. Одна турчанка первого числа каждого месяца приглашала его в свой дом – чтобы весь месяц прошёл хорошо. Вместе с детьми этой женщины Старец учился в школе, и некоторые из них крестились и стали христианами. Потом, когда эта турчанка увидела Арсения уже монахом, она выразила своё почтение к нему следующими словами: «Я ради тебя пожертвую всем». Растроганная мусульманка стирала пыль с обуви молодого монаха и с верой натирала этой пылью свою парализованную руку.

**Ведомый
Крестом**

Старец рассказывал: «Однажды мои братья и сёстры трудились в поле. Мать приготовила им пищу, но отнести её было некому. Мать расстроилась. Поле было в двух часах ходьбы от нашего дома. “Давай я отнесу им обед”, – предложил я. “Но как ты узнаешь дорогу?” – “Спрошу кого-нибудь”, – отвечаю.

Я вышел из дома и зашагал, держа в руке Крест – подобно Святым Мученикам, которых я видел на иконах. Я так и не понял, какой шёл дорогой. Дойдя до поля, я оставил братьям обед и тут же поспешил домой, потому что меня ждала мама».

Боговидение Старец рассказывал: «С одиннадцатилетнего возраста я читал Жития Святых, постился и совершал бдения. Мой старший брат отбирал у меня Жития и прятал их. Но ему не удалось добиться своего. Я уходил в лес и продолжал читать Жития. Тогда один из друзей моего брата, Костас, сказал ему: “Я тебе его исправлю – сделаю так, что он оставит церковные книжки, посты и тому подобное”.

Костас пришёл к нам в дом и начал рассказывать мне теорию Дарвина. Тогда я колебался и решил: “Пойду помолюсь, и если Христос – Бог, то Он явится мне, чтобы я перестал колебаться в вере. Он даст знак – тенью, голосом или чем-то подобным”. Э, настолько в те годы у меня хватало ума. Уединившись, я начал класть поклоны и молиться несколько часов подряд. Но я ничего не увидел и не услышал. Совершенно выбившись из сил, я остановился. Тут я вспомнил одну сказанную Костасом фразу: “Я признаю, что Христос был Человеком выдающимся – праведным, добродетельным. Его соплеменники позавидовали Его добродетели и осудили Его на смерть”. Тогда я решил: “Раз Христос был таким, то – даже если Он был просто Человеком – Его стоит полюбить, послушаться и принести себя в жертву ради Него. Мне не нужен ни Рай, ни что-нибудь подобное. На все жертвы стоит идти ради лишь Его святости и Его добродетели». То есть Старец включил в работу добрый помысел и любочестие.

«Бог ждал, как я отнесусь к этому искушению. После того как я включил в работу такой помысел, явился Сам Христос. Он явился в преизобилии Света. Я видел Его от пояса и выше. Он взглянул на меня

со мною любовью и сказал: «Аз есмь воскрешение и живот. Веруй в Мя, аще и умрет, оживёт»⁽¹⁾. Те же самые слова были написаны в раскрытом Евангелии, которое Он держал в Своей левой руке».

Это событие рассеяло в пятнадцатилетнем Арсении помыслы сомнения и потрясло его детскую душу. Благодатью Божией он познал Христа как Истинного Бога и Спасителя мира. В Богочеловечестве Господа его убедили не люди и не книги, но Он Сам – Открывшийся ему – и к тому же в столь юном возрасте. Уже утверждённый в вере Арсений воскликнул: «А ну-ка, Костас, теперь я готов поговорить с тобой о Христе!»

Подготовка к монашеской жизни

После этого события Арсений стал подвизаться с ещё большей ревностью и начал серьёзно задумываться над тем, как посвятить себя Богу. Он посетил епархиальное управление города Янина⁽²⁾ и спросил протосингела⁽³⁾, может ли он поскорее стать монахом. «Сейчас ещё рано, – ответил протосингел, – поговорим попозже, когда подрастёшь». Арсению тогда было пятнадцать лет.

Его понятия о монашестве были очень высокими, и он старался как можно лучше подготовить себя к этому пути. Если кто-нибудь предлагал сосватать ему невесту, он решительно возражал: «Я буду монахом». После того как на одной свадьбе отец поднял тост и пожелал ему: «Ну, дай Бог, чтобы и на твоей

⁽¹⁾ Ин. 11, 25.

⁽²⁾ Город в Эпире, в 70 км от Коницы. – *Прим. пер.*

⁽³⁾ Старший священник в епархии, ближайший помощник правящего архиерея. Приблизительно, эта должность соответствует секретарю епархии в Русской Православной Церкви. – *Прим. пер.*

свадьбе тоже погуляли», Арсений перестал целовать отцу руку. Он делал это не от неуважения, но в знак молчаливого несогласия. Он хотел, чтобы осуществилось не пожелание отца, но пророчество преподобного Арсения.

Родные это поняли. Уговаривать их Арсению не было необходимости. Доказательством серьезности стремлений была его жизнь и подвиги.

Часто свободное время он проводил в небольшой церквушке святой Варвары в обществе других благоговейных юношей, среди которых были будущий игумен Великой Лавры святого Афанасия на Святой Горе отец Павел Зисакис и отец Кирилл Мантос – будущий Старец афонской Свято-Никольской общежительной кельи Буразери. Каждый день юноши вычитывали богослужебные последования. Вечером они совершали Вечерню, Повечерие с акафистом Божией Матери, после чего читали Священное Писание и Жития Святых.

Поскольку действующих монастырей поблизости не было, Арсений искал добродетельных старцев в других местах. Однажды вместе с будущим отцом Павлом Зисакисом они посетили отца Иакова Балодимоса. Впоследствии отец Паисий рассказывал много удивительного об отце Иакове, которого он считал святым человеком и превосходным духовником.

Арсений старался приучить себя к условиям монашеской жизни. Он предпочитал безвкусную пищу, которую вдобавок не солил, чтобы не пить много воды. Свою одежду он стирал сам, не разрешая делать это матери и сёстрам.

С самого юного возраста он строго постился и, чтобы «помешать» себе много есть, очень туго затягивал

пояс. Однажды он довёл себя постом до того, что в изнеможении повалился на кровать. Впоследствии Старец рассказывал: «Мои руки были тонкие, как у африканских детей, потому что, когда я был маленьким, мой организм недополучил основных питательных веществ. Моя шея стала тоненькой, как стебелёк от вишенки. “У тебя голова отвалится”, – дразнили меня дети».

Одно время, когда вместе со своими братьями и сёстрами Арсений ходил работать в поле, по дороге он отставал и шёл позади. От любопытства братья решили подсмотреть, что он делает. То, что они увидели, их глубоко поразило. Арсений снимал обувь и босиком бежал по полю со скошенным клевером, который был очень колючим – всё равно что тонкие гвозди. Острия скошенной травы протыкали кожу на ступнях, ноги были в крови. Однако мальчик с радостью терпел боль, подражая Мученикам, о которых читал в Житиях. Он старался стать сообщником и сопричастником их страстей – таким мученическим мудрованием и Божественным рачением была распалена его душа.

Арсений имел обычай раз в неделю подниматься на гору. Там в безмолвии он проводил день в посте, молитве, чтении духовных книг и поклонах. Его влекло безмолвие, и он желал удостоиться жить так, как жили аскеты и пустынники. С собой у него был Крест. «Тогда, поднимаясь с Крестом на гору, – рассказывал Старец, – я имел такую веру, что ничего не боялся».

Родители радовались за Арсения и любовались им. Имея благоговение, они понимали, ради чего он совершал свои подвиги и не беспокоились. А вот старший брат Рафаил, видя, как Арсений предаётся

великим подвигам, снова попытался ему помешать. Однако на этот раз Арсений – до пятнадцатилетнего возраста молчаливо принимавший братскую опеку – «возвысил голос» и оказал брату сопротивление. После этого уже никто не дерзал мешать Арсению. Позже, повстречавшись с младшим братом уже как с монахом, Рафаил попросил у него прощения.

Арсений подвизался не только с юношеским пылом, но и со старческим благоразумием, сочетая подвиги с многим вниманием и самоконтролем. Каждый день он подвергал себя рассмотрению: что он сделал, как говорил, не ранил ли кого-то своим поведением?

Забота о других Примером своей жизни и советами Арсений духовно помогал и другим детям. Обычно он общался с теми, кто помладше. Он собирал их в церковке святой Варвары, где они вместе читали Жития Святых, а Арсений побуждал их делать поклоны и поститься. Некоторые матери забеспокоились и стали удерживать своих детей от общения с Арсением. Родители мальчика, работавшего вместе с Арсением у одного мастера, испугавшись, что сын станет монахом, запретили ему дружить с Арсением, подвизаться и молиться вместе с ним. Позже этот юноша уехал работать в Германию, где трагически погиб. Его родители мучались угрызениями совести и говорили: «Уж лучше бы он стал монахом». Другого юношу, тоже фарасиотского происхождения, Арсений хотел взять с собой, когда собирался уходить в монастырь, – и с этой целью пытался уговорить его мать отпустить сына. Ещё одного парня он поддержал в желании стать священником. Один священнослужитель, родом из Коницы, также

признался, что последовать своему монашескому призванию ему помог ещё бывший мирянином Старец Паисий.

Арсений очень болел душой, желая, чтобы люди познали Бога. Некий старый пастух жил совсем один высоко в горах и был в церкви всего два-три раза за свою жизнь. Арсений нашёл подход к этому человеку и сумел привести его ко Христу.

У жившего в Конице мусульманина по имени Байрам заболела мать. Юный Арсений по ночам приходил в их дом, помогал ухаживать за больной. После этого Байрам захотел стать христианином.

Как подмастерье плотника, Арсений получал небольшие деньги – и раздавал их в милостыню детям из сиротского приюта. Он также приводил бедных детей к себе в дом на обед.

Житель Коницы, господин Апостолос Хаджирумбис, в своём письме, озаглавленном «Мои воспоминания об одном Святом», пишет: «С Арсением мы жили не близко – на разных улицах. Впервые увидев его, я поразился живости этого человека. Будучи подмастерьем плотника, он выделялся замечательной ловкостью, расторопностью, рвением, но больше всего – своей человечностью. Потом его мастер говорил: “Да, таких, как Арсений, больше нет!”

Как и все крестьянские дети, мы пасли лошадей на общественных пастбищах. Тогда мне открылось душевное величие Арсения. Из наших пустяковых детских ссор стало ясно, что он был единственным, кто предпочитал не обижать, а быть обиженным.

С каждой новой встречей я всё больше убеждался в том, что его постоянным старанием было исповедовать Господа. У него в кармане всегда была духовная

книга, которую он часто читал нам вслух. Помню, как он дорожил своими слушателями-сверстниками. Он был готов сделать что угодно: пойти сторожить наших лошадей, носить за нас воду и тому подобное – лишь бы мы со вниманием слушали Священное Писание.

Я никогда не забуду, с каким старанием и выразительностью он говорил, если речь заходила о Крестной Жертве Христа. Его речь становилась настолько образной, что ему удавалось приковать к себе внимание даже самых непоседливых детей. Я отчётливо видел в его юношеском лице радость от того, что он мог учить слову Божию столь чистых слушателей. Насколько я помню, он продолжал собирать нас для чтения духовных книг около четырёх или пяти лет – пока не ушёл в армию».

Опасности и испытания

Итак, юношеские годы Арсений провёл без попечений и в аскетических подвигах. Но вот пришли тяжёлые годы греко-итальянской войны, оккупации, а потом и Гражданской войны⁽¹⁾. В это время он испытал немало трудностей, подвергся многим опасностям.

Во время оккупации многие бедняки приходили к его матери, чтобы обменять драгоценности или дорогие вещи на пару пригоршней муки. Мать Старца давала несчастным муку и хлеб, но взамен не брала с них ни денег, ни их семейных драгоценностей. Кира-Евлампия часто пекла хлеб, который быстро заканчивался, потому что она раздавала его голо-

⁽¹⁾ Оккупация Греции в 1941–44 гг. Германией, Италией и Болгарией. В 1944–48 гг. в Греции шла Гражданская война между правительственной армией и коммунистами. – *Прим. пер.*

дающим. Брат Старца Рафаил бесплатно давал беднякам немного кукурузы или же менял кукурузу на оливковое масло, которое отдавал в церковь. Позже Старец сожалел, что из-за своего возраста он не мог в трудные годы голода и оккупации помогать людям больше – так, как он этого хотел.

Во время Гражданской войны коммунисты схватили Арсения и бросили его в тюрьму. Сидя в тюрьме, он очень мучался от блох и страшной тесноты. В одну маленькую камеру затолкали много заключённых. Старец вспоминал, что, когда все заключённые укладывались спать на пол, он “вклинивался” последним, с трудом втискивая между ними своё тело.

В тюрьме он подвергся и нравственному испытанию. Однажды коммунисты перевели его в одиночную камеру и привели туда двух почти раздетых девок-коммунисток. Арсений начал усиленно молиться Пресвятой Богородице и сразу ощутил «силу свыше», которая укрепила его. Он стал смотреть на девушек бесстрастно – подобно тому как Адам смотрел на Еву в Раю. Потом Арсений по-доброму поговорил с девушками. Те пришли в чувство, им стало стыдно, и, заплакав, они ушли.

На допросе следователь спросил Арсения:

- За что тебя взяли?
- За то, что мой брат воюет в отряде у Зерваса⁽¹⁾.
- А почему он воюет у Зерваса?
- А кто из нас старше: я или мой брат? По-вашему, я могу требовать у брата отчёта в том, что он делает?

⁽¹⁾ Наполеон Зервас (1891–1957) – лидер антифашистского движения «Национальный Греческий Демократический Союз», действовавшего против нацистов в Эпире и некоторых других областях Греции. – *Прим. пер.*

Оценив искренность и смелость Арсения, коммунисты выпустили его на волю.

Впоследствии Арсений приносил хлеб голодным и измученным мятежникам-коммунистам – хотя он знал, что они хотят убить его брата. Будучи не в состоянии понять несвоекорыстную любовь Старца, коммунисты посчитали его действия подозрительными и даже собирались его судить. Впоследствии Старец защищал этих людей от мести тех, кто потерял на войне с мятежниками своих близких.

Много испытаний и опасностей выпало на долю Старца. В доме его отца мятежники обустроили своё логово, и Арсений два месяца был вынужден скрываться в одном турецком доме. Снежной зимой он прятался от коммунистов в горах под открытым небом. Однажды мятежники схватили его и увели для тяжёлой рабской работы в Македонию. Потом два месяца Арсений вместе со своей сестрой Христиной прожил в Янине. Там их посетил один из его друзей, незадолго до этого сошедший в протестантскую ересь евангелистов, и оставил им чемодан, набитый еретическими книгами. Арсений велел сестре сжечь эти книги, потому что, как он сказал, «в них содержится много отравы».

Во время Коницкой битвы он, как доброволец, помогал ухаживать за ранеными и погребать убитых.

***Поддержка
семьи***

Часто Арсений видел, как мать плачет и переживает за его братьев, сражавшихся на войне. В это время он был утешением и поддержкой матери и на время отложил мысль о монашестве, потому что родные сильно нуждались в его присутствии. Позже Старец скажет:

«Странничество – это не значит самому устроиться поудобнее, а родные пусть пропадают пропадом». Конечно, он продолжал подвизаться, однако отложил до времени своё желание «*воздати молитвы своя Господеви*»⁽¹⁾.

В доме он взял на себя все крестьянские работы, которых было очень много. В помощь ему родители наняли работника, но этот человек оказался наглавым. Он садился на лошадь и ехал верхом, а Арсений едва поспевал за ним пешком. Работник выглядел как хозяин, а Арсений – как батрак. Арсений никогда не приказывал ему работать, но много работал сам, а работник – когда имел настроение. Беря лошадей на пастбище, Арсений снимал с них сёдла и нёс их на своей спине. Он предпочитал страдать и уставать сам, но не утомлять животных. Когда его спрашивали, зачем он снимает сёдла, он отвечал: «Чтобы ветки не цеплялись». Во время жатвы, в полдень, когда его братья и сёстры отдыхали, он шёл собирать колоски, чтобы подкормить их лошадку. Смоквы он тоже отдавал лошадям. О животных он думал больше, чем о себе самом.

* * *

Несмотря на то что война заставила Арсения отложить уход в монахи, его ревность к ангельскому иноческому житию не охладела. К своим подвигам и аскетическим упражнениям он приложил новые и более высокие. Видя, что его Родине угрожает опасность, он отозвался на призыв защищать её с оружием в руках. Перед уходом в армию он пришёл в

⁽¹⁾ Ср.: Пс. 115, 5; 9.

церквушку святой Варвары и попросил Пресвятую Богородицу: «Пусть мне будет плохо, пусть будет опасно, но только бы мне не убить никакого человека и потом удостоиться стать монахом».

Именно тогда Арсений дал обет, что если Божия Матерь сохранит его на войне, то он поможет заново отстроить Её святую обитель Стомион⁽¹⁾, которую сожгли немцы, и три года будет служить Ей в этой обители.

⁽¹⁾ Монастырь в честь Рождества Пресвятой Богородицы, недалеко от Коницы. – *Прим. пер.*

глава третья

ВОЕННАЯ СЛУЖБА

Любочестный радист

В 1945 году Арсений был призван на службу Родине. Он прибыл на сборный пункт в город Навплион⁽¹⁾ и отправился в учебную часть для получения воинской специальности радиста. Потом его перевели в другую часть – располагавшуюся в Агринионе⁽²⁾. «С кем у тебя высокие связи, что ты получил такую хорошую воинскую специальность?» – выпытывали у Арсения сослуживцы. «Да нет у меня никаких связей», – отнекивался он. «Да ладно тебе...» – не верили те, и тогда он отвечал: «Я знаком с... Богом».

И действительно, *«бѣше Господь с ним и бѣше муж благополучен»*⁽³⁾.

Его любовь к другим доходила до жертвы. Он выполнял за своих сослуживцев их обязанности, очень много работал. Если кто-то из солдат просился в увольнение, Арсений с готовностью замещал его на службе. Многие злоупотребляли его добротой и считали дурачком. Однако сам он чувствовал радость от жертвы, на которую шёл ради других. Одновремен-

⁽¹⁾ Город на Пелопоннесе. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ Город в Центральной Греции. – *Прим. пер.*

⁽³⁾ Ср.: Быт. 39, 2.

но, отсиживая за кого-то на боевом дежурстве или находясь в наряде, он имел благоприятную возможность быть одному и молиться. «Что будет с этим человеком? – удивлялся командир части. – Он никогда не просится отдохнуть».

Однажды у него поднялась температура, на градуснике было 39 и 5, но освобождения от службы он не попросил. В конце концов организм не выдержал, и он потерял сознание. Когда его несли на носилках в госпиталь, сослуживцы с иронией называли его монашескими именами: «Ну что, Венедикт-Акакий?..» Они догадывались, что он хотел стать монахом. Однако постепенно ирония уступила место уважению и даже восхищению. Образ жизни Арсения, его великая любовь, его цельный, чистый характер изменили отношение сослуживцев к нему. Его считали уже не дурачком, а сокровищем и благословением для их подразделения.

Но надо сказать и о том, что воинская специальность радиста освободила его от необходимости прямого вооружённого участия в боевых действиях. Таким образом Божественной Благодатью он был сохранён от того, чтобы убивать людей. Кроме того, воинская специальность Арсения оказалась подготовкой к его последующей монашеской «специализации» – посылать Богу сигналы своей молитвой.

Невзгоды Полубатальон, в котором служил Арсений, принимал участие в боевых действиях. Невзгоды и испытания, которые пережили солдаты, кому-то могут показаться невероятными.

Старец рассказывал, что однажды, когда закончилось продовольствие, их пищей был снег. В другой раз они остались без пищи на тринадцать дней

и выжили, питаюсь лишь дикими каштанами. Ещё чаще на их долю выпадали мучения от жажды, и тогда они были вынуждены утолять её водой, застоявшейся в следах от лошадиных копыт. Самым страшным врагом был холод. Воины спали в палатках и по утрам, просыпаясь под снежными завалами, начинали считать обмороженных. Однажды утром Арсений мотыгой выкопал из-под снега двадцать шесть обмороженных сослуживцев. В другой раз их завалило снегом на трое суток, и он, как радист, посылал в штаб сигналы о помощи. Он и сам обморозил ноги, целые куски мяса отделялись, подобно древесной коре. Его отправили в госпиталь, и только милостью Божией он избежал ампутации. Был ещё случай, когда мул ударил его копытами. Грудь почернела, и на ней были видны отпечатки подков. От удара Арсений потерял сознание, но, придя в себя, продолжил путь.

Он был рад мокнуть под дождём, мёрзнуть и уставать ради того, чтобы не мучились другие. К сожалению, некоторые солдаты, совершая какой-то проступок и желая оправдаться, сваливали вину на Арсения. Офицер ругал его, и Арсений, не желая компрометировать своих сослуживцев, со смирением, молча претерпевал незаслуженные обличения.

Однако командир части высоко ценил Арсения и доверял ему. На трудные задания командир посылал именно его, потому что знал его безотказность и способность справиться с любым порученным делом.

За всё время службы будущий монах только однажды получил отпуск и навестил родных. Дома он заболел, потерял много крови и был госпитализирован в янинскую больницу, где пролежал пятнадцать дней. Поправившись, он возвратился в свою часть.

***Духовные упражнения
и опыты***

Находясь в таких невзгодах и испытаниях, он не оставлял и своего духовного аскетического подвига. В столовой он обычно съедал лишь половину порции, а после отбоя выходил на плоскую крышу казармы для молитвы.

«Однажды, – рассказывал Старец, – я не был на Божественной Литургии целых пять месяцев, потому что в горах, где мы сидели, не было ни священников, ни церквей. Потом командир послал меня в Агринион за запчастями для рации, и по дороге я оказался рядом с храмом, где нараспев читали акафист Пресвятой Богородице. Я перекрестился, приложился к иконам и заплакал. “Пресвятая моя Богородица, – прошептал я, – во что же это я превратился?” Разве я мог тогда представить, что придёт время и Бог устроит так, что я буду иметь церквушку прямо у себя в каливе!» И из глубины сердца Старец славословил Бога за этот дар.

Сравнивая пережитое им на войне с аскезой, совершённой в монашеские годы, он с самоукорением говорил: «Для Христа я не сделал ничего. Если бы такую же аскезу, как страдания на войне, я совершил как монах, то стал бы святым».

Будучи солдатом, он переживал опыты посещения Божественной Благодати. Однажды Старец рассказывал следующее: «Как-то мы пришли на стрельбище в Триполи⁽¹⁾, и я увидел, как от оврага исходит необычный свет, который для других оставался невидимым. Свет разливался по всему стрельбищу, несмотря на то что был день. Тогда я не мог понять, что это за свет. Позже понял, в чём было дело. На этом

⁽¹⁾ Город на Пелопоннесе. – *Прим. пер.*

стрельбище расстреливали осуждённых, и, возможно, там были несправедливо убиты и некоторые невиновные... Поэтому был виден этот свет. По милости Божией, меня не посылали в расстрельную команду. Конечно, расстреливать я бы не смог».

Жертва ради других

В то время духом жертвенности отличалось большинство сослуживцев Арсения, но он был особенно бесстрашен к опасностям и смерти. Много раз он мог попасть в плен, много раз видел смерть в нескольких шагах от себя.

Однажды солдаты бросали жребий, кому идти в деревню за продовольствием. Арсений сказал: «Пойду я». Но случилось так, что мятежники приняли его за своего. Взяв продукты, он вернулся обратно к товарищам.

Когда кого-то из сослуживцев назначали участвовать в опасной операции, патрулировании или тому подобном, Арсений спрашивал его: «Какая у тебя семья?» Если солдат говорил, что женат и имеет ребёнка, Арсений отвечал: «Хорошо», шёл к дежурному по части и просил отправить его на операцию вместо семейного сослуживца.

Второму радисту их отряда Арсений не давал носить ни рацию, ни аккумуляторы, чтобы в случае опасности тот был налегке и мог спастись.

«В одном бою, – рассказывал Старец, – я вырыл себе небольшой окопчик. Один солдат подполз и попросился ко мне. Я потеснился, и с трудом мы сидели в тесном этом окопчике. Потом, когда приполз ещё один солдат, я выбрался из окопчика и дал ему возможность укрыться. Вдруг – один осколок чиркает меня по голове! Я был без каски – только в ка-

пюшоне. Щупаю голову рукой и никакой крови не чувствую. Снова щупаю – ничего! Осколок сбрил на голове волосы, оставив голую полоску шесть сантиметров шириной. Не осталось даже царапины. Уступив ребятам место в окопчике, я сделал это от сердца. “Лучше, – подумал я тогда, – если меня сейчас один раз убьёт, чем убьёт кого-то ещё, а потом и меня всю оставшуюся жизнь будет убивать совесть. Как я вынесу мысль о том, что я мог его спасти и не спас?” Конечно, Бог очень помогает тому, кто жертвует собой ради других».

***Благодеяние
и клевета***

Старец рассказывал: «Как-то раз мы с сослуживцами вкладчину купили лампы и подсвечники для одной затерянной в горах церквушки святого Иоанна Предтечи, рядом с которой стоял лагерем наш полубатальон.

Была зима. К нам пришли “транспортники” – так называли мобилизованных женщин и детей с мулами, нагруженными боеприпасами и продовольствием для располагавшихся в горах частей. Поскольку погода испортилась и валил снег, несчастные устроили себе шалашики из еловых веток и стали устраиваться на ночлег.

И вот служивший в нашем полубатальоне младший лейтенант – больше похожий не на человека, а на животное – стал приставать к девушке. Несчастливая предпочла умереть, но не поддаться греху. Она убежала в горы, а по её следам поспешила одна пожилая женщина. Блуждая по сугробам, они оказались возле той самой церквушки святого Предтечи, но, поскольку дверь была заперта на ключ, остались стоять под навесом, дрожа от холода.

В ту самую ночь мне внезапно пришёл настойчивый помысел пойти в церковь и зажечь лампы. Снега навалило сантиметров восемьдесят. Я пошёл и, не зная, что произошло, нашёл возле храма двух окоченевших, почерневших от холода женщин. Я дал каждой по перчатке, открыл дверь, и мы вошли внутрь. Немного придя в себя, несчастные рассказали мне о том, что произошло. «Я, – сказала девушка, – сделала всё, что могла, и решила: “Теперь пусть Бог сделает остальное”».

Мне стало больно за несчастных и непроизвольно у меня вырвалось: «Всё, закончились ваши муки. Завтра будете дома». И действительно, наутро их отпустили домой».

Младший лейтенант узнал, что Арсений помог женщинам и они остались в живых. Возможно, желая скрыть свою вину, он распустил клевету о том, что, дескать, Эзнепидис ввёл в церковь «транспортников» с мулами. Командир полубатальона вызвал Арсения к себе. «Неужели, господин командир, я настолько бессовестный, что могу завести в храм животных?» – спросил Арсений. Однако о вине младшего лейтенанта он не сказал ни слова. Да и себя оправдал только потому, что его обвиняли в поругании Дома Божия.

***Спасение
своей части***

Старец рассказывал: «Однажды наш полубатальон попал в окружение, против нас было тысяча шестьсот мятежников. Мы окопались за скалами, которые представляли собой как бы естественное оборонительное сооружение. Все мои сослуживцы быстро подтаскивали к скалам боеприпасы, и командир приказал мне помогать другим, а рацию бросить. Он даже стал уг-

рожать пистолетом, думая, что я уклоняюсь от этого, потому что якобы хочу спрятаться.

Я присоединился к ребятам, стал носить ящики с боеприпасами, а в промежутках бегал к рации, пытаясь соединиться с главным штабом. После многих попыток я установил связь и сообщил, что мы находимся в опасности. На следующий день, когда мятежники приблизились к нам так близко, что мы уже слышали их брань, – прилетела наша штурмовая авиация и разбила их в пух и прах».

Впоследствии Старец приводил этот случай в пример тем, кто спрашивал его: «Какую пользу приносят монахи, сидящие в пустыне и не желающие выйти в мир, чтобы помочь людям?» – «Монахи, – отвечал Старец, – это радисты Церкви. Если своей молитвой они устанавливают связь с Богом, то Он спешит на помощь и помогает более действенно. Лишний одиночный выстрел погоды не сделал, а вот когда прилетела авиация – это решило судьбу сражения».

Самопожертвование Сослуживец Старца – господин Пантелис Дзекос (ныне монах Арсений с острова Керкира) – рассказывает: «Однажды, когда мы были в Навпакте, я принимал радиосообщение с Патры. Вдруг ко мне подходит Арсений и говорит: “Знаешь, а ведь мы с тобой братья!” – “С чего ты взял?” – удивился я. “У нас с тобой одинаковые пальцы, – ответил он и показал мне два больших пальца своих рук⁽¹⁾. – Вот видишь: твои пальцы такие же, как мои, и поэтому мы с тобой братья».

⁽¹⁾ Большие пальцы на руках Старца действительно были не совсем обычные: их крайние фаланги были маленькими, а ногти – почти в половину меньше обычных.

Пантелиса и Арсения соединила братская дружба, и однажды, рискуя собственной жизнью, Арсений спас друга. Сохранилась магнитофонная запись, на которой слышно, как голос господина Пантелиса дрожит и рассказ прерывается слезами умиления и благодарности своему другу и спасителю: «Возле Навпакта был у нас один бой. Мы отступали, потому что мятежники превосходили нас численностью и силой. Когда мы бежали, я упал и сильно ударился, потому что за спиной у меня была тяжёлая рация. Когда остальные добежали до резервной линии окопов, которую определили как место отхода, Арсений увидел, что меня нет. Вот тогда он снимает рацию и бежит обратно... Ему кричат офицеры, солдаты: “Оставь его!.. Он всё – пропал!..” А он – потом другие мне рассказали – подбежал ко мне, взвалил на плечи себе и потащил к нашим окопам. Очнулся я и слышу, как Арсению говорит капитан Вудурис: “Тебя, видно, какой-то Святой крепко любит, раз он тебе помог, да и этого ты тоже выручил”. Я их спрашиваю: “А что было, ребята?” И они мне объяснили. А ведь место, где я упал, было в сотне метров от мятежников и в сотне – от окопов, где наши сидели».

***Молитвы
под пулями***

«Однажды, – продолжает господин Пантелис, – мы окопались на одной высоте, которая называется Фониас⁽¹⁾. Мятежники нас обложили, и мы не могли никуда ускользнуть, потому что все пути были закрыты. Тогда Арсений встал в полный рост. Пули вокруг свистят, осколки падают. Я его схватил за рукав и тяну

⁽¹⁾ Убийца (греч. φονιάς).

к земле. А он не ложится. Глядит вверх, а руки вот так – крест накрест. Не иначе как пожалел нас Господь – прилетели штурмовики и расчистили нам путь к отступлению. Начали мы отходить, и я его спрашиваю: “Слушай, голубь ты мой, да почему же ты не ложился?” – “Я, – говорит, – молился”. – “Молился?! – я ушам своим не поверил».

Какую же силу имела его молитва и насколько велика была его вера, если он пренебрегал свистящими вокруг пулями! Вероятнее всего, он просил Бога о том, чтобы убили его, но остались в живых другие. Поэтому он стоял во весь рост, не прячась от осколков и пуль. И Праведный Бог, видя его самопожертвование, вместе с другими спас и его самого.

Непослушание богохульнику

Рассказ Старца об одном случае, происшедшем незадолго до его увольнения в запас: «Война закончилась, и мы возвращались из Флорины. По дороге я услышал, как наш ротный хулит Бога и святыни нашей веры. Я подошёл к нему и сказал: “С настоящего времени я отказываюсь исполнять Ваши приказания, потому что, хуля Бога и христианские святыни, Вы оскорбляете и мою веру, и мою воинскую присягу – клятву защищать Родину, Веру и семью”. Услышав это, ротный передёрнулся от злобы и обозвал меня наглецом. Он велел мне что-то сделать и добавил: “Я Вам приказываю!” – Я ему на это ответил: “Я только что заявил Вам, что выполнять Ваши приказания больше не буду”. Тогда ротный сказал: “Ну ладно-ладно, давай считать вопрос закрытым”.

Как только мы прибыли в расположение полка, я немедленно пошёл к командиру и доложил ему о

происшедшем. Командир сказал, что за отказ от выполнения приказаний начальника или старшего по званию положен трибунал. Тогда я снова заявил, что отказываюсь выполнять приказания своего ротного, потому что он – клятвопреступник и нарушитель воинской присяги. Он хулит Бога, перед Которым мы оба клялись защищать Родину и Веру. И с негодованием я добавил: *“Повиновáтися подобáет Бóгови пáче, нéжели челове́ком”*⁽¹⁾».

* * *

В марте 1950 года, отдав защите Родины около пяти лет своей жизни, Арсений получил свидетельство об увольнении в запас. В тот день он находился в селении Макрокоми близ города Ламия.

Когда он прощался со своим другом Пантелисом, тот стал звать его на Керкиру, чтобы построить дома по соседству и создать там семьи. Арсений отказался. Он ответил, что станет монахом.

Закончив воинскую службу, он желал быть вписанным в иное воинство и быть причисленным к другому – монашескому – чину, для того чтобы служить Небесному Царю.

⁽¹⁾ Деян. 5, 29.

глава четвѣрта

**ΠΟΙΣΚΙ И
ΠΟΔΓΟΤΟΒΚΑ**

Первое посещение Святой Горы

Недолго пробыв в Конице, Арсений в солдатской форме приехал на Святую Афонскую Гору. В первый день его приняли на ночлег в лаврской келье святого Иоанна Богослова – чуть пониже монастыря Кутлумуш. Арсений искал старца, чтобы отдать себя в послушание. Он посетил много калив, скитов и келий, так как склонялся к безмолвной жизни. Слыша, что где-то есть добродетельные старцы, он спешил с ними встретиться, подобно пчеле, спешащей на благоухание цветка.

В числе прочих он посетил одну келью в Кавсокаливии и остался там на какое-то время. Старец кельи, хотя уже имел послушника, стал просить: «Арсений, останься здесь, чтобы позаботиться обо мне в старости и закрыть мне глаза на смертном одре». От волнений и неудач в поисках такого старца, который извещал бы его внутренним извещением и которому он мог бы отдать себя в послушание, Арсений провёл ночь без сна – в молитве и поклонах. Утром послушник старца сказал ему: «Ты стучал всю ночь ногой в пол, чтобы мы подумали, что ты делаешь поклоны?» Арсений ничего не ответил. Однако он удивился, что у брата были такие помыслы.

Идя из Кавсокаливии в скит Святой Анны, Арсений дошёл до «Креста», и, сбившись с пути, стал подниматься к вершине Афона. Там он встретил отшельника со светлым лицом, в старой латаной рясе и беседовал с ним⁽¹⁾.

В Святой Анне он встретил епископа Милитупольского Иерофея. От усталости и волнений Арсений совершенно выбился из сил и очень похудел. Увидев его в таком состоянии, добродетельный архиерей принял его с любовью и предложил ему обед, поставив на стол, кроме прочего, полный стакан вина.

– Ваше Преосвященство, я не смогу его выпить, – стал отказываться Арсений.

– Пей, пей, – ответил епископ, – это вино пойдёт тебе на пользу.

Он дал юноше полезные наставления и преподал ему своё благословение.

Придя в Новый скит, Арсений попросил иеромонаха Неофита из кельи Святого Димитрия принять его на какое-то время к себе, чтобы решить, что делать дальше. В этой келье он прожил недолгое время – пока не пришёл в себя после усталости и волнений. Находясь там, он узнал об отшельнике Серафиме⁽²⁾, который был пострижен в этой келье в монахи и потом стал подвизаться в пещере недалеко от афонской вершины.

Арсений вёл себя с простотой и искренностью. Каждому – кто бы его ни спрашивал – он открывал свой помысел, и потом это приводило к искушениям, которые доставляли ему страдания.

⁽¹⁾ См. *Старец Паусий*. Святогорские отцы и святогорские истории. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2002. С. 45–47.

⁽²⁾ Там же. С. 43–45.

Позже Старец писал: «Будучи новоначальным, я очень устал и измучился, пока не нашёл того, чего желал. Конечно, причиной этого были мои многие грехи, и произошло это для того, чтобы я расплатился за некоторые из них. А второй причиной моих страданий была моя деревенская неотёсанность, из-за которой я вверял себя всякому встречному. Благодарю Бога за всё, потому что это принесло мне большую пользу⁽¹⁾».

Также Арсений пострадал и от некоторых, не имевших рассуждения зилотов. Он думал, что их называют зилотами из-за того, что у них много ревности⁽²⁾ и они много подвизаются. Но зилоты заморочили ему голову и даже хотели его заново крестить, несмотря на то что он был крещён святым Арсением и к тому же по старому календарю. Позже Старец говорил: «Вначале, пока я духовно не оперился, никто мне не помог, все меня отталкивали. Потом я встретил Святых».

Несмотря на то что он не нашёл того, чего искал, пройденные испытания пошли ему на пользу и многому научили. Подвергаясь опасности, – как он сам говорил – «потерять и тот немногий ум, который имел», Арсений решил по семейным обстоятельствам вернуться домой.

Как раз в это время он получил письмо от своего отца, который просил его о помощи. Старший брат женился, и отцу приходилось трудно. Осознавая ответственность и обязанности перед семьёй – особенно перед младшими братьями и сёстрами, – Арсений откликнулся на отцовскую просьбу.

⁽¹⁾ *Старец Паусий*. Письма. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2001. С. 13.

⁽²⁾ Зилот – букв. «ревнитель» (от греч. ζήλος – ревность).

Однако он имел мужественную душу. Безрезультатное посещение Святой Горы не притупило его ревности и не угасило его упования.

***Труд и
подготовка***

Снова он начал трудиться плотником в Конице и в окрестных селениях. Он поддерживал отца материально и помогал ему в крестьянских полевых работах. Младшей сестре он купил швейную машинку и собрал для неё приданое – пятьдесят золотых монет.

Тайно он давал милостыню многим беднякам. Он помогал семьям, которые потеряли на войне близких, и безвозмездно делал им двери и окна. Он был любим всеми.

Его жизнь в миру была постоянной духовной борьбой и подготовкой к жизни монашеской. Днём он напряжённо работал и держал пост, а большую часть ночи проводил в бдении – с молитвами и псалмопениями, совершал поклоны. Он выбрал себе для жизни сырой подвал, а для большей аскезы спал прямо на цементном полу. После усталости многотрудного дня тело просило покоя. Однако любочестный Арсений считал, что у него было бы оправдание отдыхать лишь в том случае, если бы у него были ампутированы ноги. Так, делая над собой усилие, он совершал свой любочестный подвиг.

После армии он уже не ел мяса, оправдываясь перед другими тем, что оно якобы вызывает у него отвращение. На самом деле он избегал мясной пищи для того, чтобы приучить себя к условиям монашеской жизни. Живя в миру, он подвизался и вёл себя так, словно был монахом. В то время он отпустил себе бороду. Построив маленькую хижину в углублении

обрыва, он уходил туда и пребывал в безмолвии. Но, когда хижину обнаружили, перестал туда ходить. Часто он жил в доме одного из своих друзей, где была церквушка в честь святого новомученика Георгия из Янины. На один из многодневных постов он уехал в монастырь на Пелопоннесе, где провёл время в аскетических подвигах.

В деревнях, где Арсений плотничал, он был очень внимательным, говорил мало, а во время работы напевал что-то церковное. Когда не было возможности достать постной пищи, проводил день в сухоядении.

От родственников Арсений не скрывал, что собирается стать монахом. Но от душевной чуткости и благородства он говорил им, что остаётся в миру якобы потому, что ещё не готов к монашеству – чтобы родные не переживали из-за того, что исполнение его желания задерживается из-за них.

По-человечески он сделал всё, что было возможно, и в мирской жизни не оставил ничего недоделанным и неулаженным. «Когда я уходил в монахи, никто не мог мне ничего возразить», – говорил он, имея в виду то, что он безукоризненно исполнил свой долг по отношению к семье.

В марте 1953 года Арсений был уже готов к тому, чтобы последовать монашескому призванию, которое проявилось в нём ещё в младенческом возрасте. После горячей молитвы он выбрал из трёх возможных вариантов один – вновь отправиться на Святую Афонскую Гору.

глава пятая

**МОНАХ В ЭСФИГМЕНСКОМ
ОБЩЕЖИТЕЛЬНОМ
МОНАСТЫРЕ**

После пострига в рясофор.

Препятствие перед уходом из мира

Когда Арсений собирался в путь к священному Афону, произошло следующее. Все свои сбережения он раздал нищим, оставив лишь деньги на билет до Святой Горы. В это время у одного бедного крестьянина окошел бык, и он стал просить Арсения помочь купить быка. Арсений отнёсся к этому с рассудительностью. Он сказал крестьянину: «Прости, сейчас я тебе помочь не могу».

Если бы он отдал бедняку деньги, то его уход из мира снова был бы отложен – до тех пор пока он снова не собрал бы сумму, необходимую на билет. Этого и хотел диавол. Чуткое сердце Арсения сострадало бедняку, но его рассудительность подсказала ему иное решение. «Можно оставить одно добро ради другого – большего добра»⁽¹⁾.

***Насельник
Эсфигменского
общежития***

Учитывая опыт своего первого посещения Святой Горы, Арсений рассудительно решил пожить в общежительном монастыре, чтобы духовно опереться. Он рассчитывал попробовать

⁽¹⁾ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Ук. изд. С. 264.

остаться в монастыре Констанонит, потому что слышал, что это была безмолвная и аскетическая обитель. Однако в день его прибытия к Афону на южной стороне полуострова разыгрался шторм – и Арсений принял это как проявление Промысла Божия. Поэтому он сел на кораблик, который шёл вдоль северного побережья, и вышел на берег в монастыре Эсфигмен (тогда эта обитель ещё не была раскольнической). Он был принят игуменом Каллиником, положил установленный поклон и начал послушничество испытание.

Монастырь Эсфигмен отличался хорошим порядком и устройением. Его насельники имели подвижнический, аскетический дух. Кроме многочасовых богослужений монахи и послушники несли тяжёлые послушания и исполняли келейное правило. Старец рассказывал: «Для того чтобы прожить в тогдашнем Эсфигмене сорок дней Великого поста, надо было взойти на настоящую Голгофу. В сутки – только одна тарелка водянистой похлёбки без масла. Это было самое строгое общежитие. Первую седмицу Великого поста все отцы почти целый день проводили в церкви».

Ещё один рассказ Старца: «Будучи в общежитии, я получил большую помощь от одного из отцов. Он совсем не разговаривал, ни с кем. У него была потребность беседовать со Христом. Его сердце не лежало к тому, чтобы говорить с людьми. Достаточно было просто видеть этого человека. Он помог мне больше, чем Жития Святых. За определённую вину он был отлучён от Причастия на три года, хотя за подобное обычно не отлучают и на двадцать дней. Монахи, находящиеся в таком состоянии, молчат, но

даже мирские люди, видя их, изменяются к лучшему. Это и есть проповедь монахов».

В монастыре, среди других добродетельных отцов, был ещё один благоговейный монах, отличавшийся подвижническим духом. Он вызывал у Арсения восхищение. Без зависти и ревности Арсений молился Богу и просил, чтобы этот благоговейный брат походил на Святого, имя которого он носил. А о себе он просил, чтобы Бог привёл его в такое же духовное состояние, как у этого брата. Себя он ставил ниже всех.

Испытания и служения

Молодой послушник с радостью преуспевал в трудах общежительной жизни. Вначале ему дали послушание помощника в трапезной и в пекарне. Месить хлебы было очень тяжело. Месили руками в большой квашне. Замешивали много муки. Чтобы отделять куски теста, надо было по плечи погружать руки в квашню.

Позже, узнав, что Арсений владеет плотницким ремеслом, ему дали послушание в столярной мастерской. Весь день, не вкушая пищи, он строгал каштановые брусья большим ручным рубанком. В любой работе он был искусен, очень способен и спор. Даже вьючные сёдла для монастырских мулов он делал «как мебель».

От любочестия Арсений взял благословение помогать в архондарике⁽¹⁾, когда в монастыре было много посетителей. Также он был ответственным за два небольших храма, находившихся вне монастыря. Каждый день он зажигал там лампы, поддерживал

⁽¹⁾ Место для приёма гостей в греческих монастырях. – *Прим. пер.*

порядок и чистоту, заботился о том, чтобы время от времени там совершалась Божественная Литургия.

***Новоначальные
подвиги***

Взяв за образец преподобных отцов, Арсений старался им подражать. Положив в основание своей монашеской жизни смиренномудрие и послушание, он отдался подвигам, превосходившим его силы.

Днём он трудился телесно, а ночи проводил без сна в молитвах и славословии Бога. Он чувствовал огромную усталость, но, несмотря на это, не уступал и подвигов не убавлял. Он постоянно прибавлял к ним новые и новые – всегда делая это с благословения и под наблюдением игумена. Всё он совершал с радостным расположением.

Старец рассказывал: «Целыми днями мы работали в токарной мастерской. Работа была тяжёлой. Вечером я шёл в архондарик и с 10 до 11 помогал там. У меня не оставалось времени даже на келейное правило. Поэтому, закончив дела в архондарике и вернувшись в келью, я не ложился спать, но только на четверть часа клал ноги повыше, чтобы они немного отдохнули и оттекла кровь, которая собиралась в ногах от долгого стояния. Потом, чтобы не уснуть, становился в таз с водой и молился по чёткам. Спал я от получаса до часа и потом шёл в церковь читать Полунощницу. Я поступал так потому, что у меня тогда был помысел сомнения: смогу ли я впоследствии исполнять схимническое монашеское правило? И поэтому я попросил у игумена благословение исполнять это правило уже с послушничества. Он меня на это благословил. Я попросил не от эгоизма, но из боязни, что не смогу в будущем исполнять великосхимничес-

кие обязанности. Я делал это не от гордости. “Если мне это не по силам, – думал я, – то нечего себя и обманывать”».

В церкви он совсем не садился в стасидии, всё время был на ногах. Если им начинал овладевать сон, он сразу же подскакивал.

Зимой, у себя в келье, он не топил печку. В келье была такая сырость, что плесень свисала со стен, как вата. Когда холод становился невыносимым, он брал шкуру – из тех, что шли на сёдла для мулов, – и заворачивал в неё ноги. На улице зимой он работал в одном подряснике, под которым – чтобы было потеплей – обёртывал себя бумагой.

В Эсфигмене была традиция: накануне Великого поста всем отцам выдавали по банке сгущённого молока. Своё молоко Арсений отдавал старцу Никите, у которого была предрасположенность к туберкулёзу. Когда на великопостных трапезах была фасоль, он глотал её не прожёвывая, чтобы она переваривалась дольше и давала больше энергии. Ради аскезы он спал на каменных плитах, а иногда на кирпичах, которые считал «более человеколюбивыми».

Потихоньку братья монастыря начали замечать его подвижничество и благоговение. Священники, когда шли служить Литургию в параклисах⁽¹⁾, стали предпочитать в качестве певчего именно Арсения.

**«Меня палила огнём
любовь моих родных»** Словно мало было аскезы и
труда на послушаниях, мо-
лодого послушника начал
искушать диавол, который пытался расстроить его

⁽¹⁾ Придельные боковые храмы в византийском соборе или отдельные небольшие храмы вне собора. – *Прим. пер.*

различными помыслами. Дьявол нашёл «больное место» Арсения – его сильную любовь к родным. Потом Старец рассказывал: «Вначале дьявол “поджаривал” меня воспоминаниями о моих родных. Он приносил мне воспоминания то о матери, то о других родственниках. Иногда показывал мне их во сне больными, а иногда – умершими. Старший на послушании замечал, что я расстроен, и спрашивал, что со мной. Я шёл на исповедь к игумену и вновь обретал мир. Вначале отрыв от своей маленькой плотской семьи и вхождение в великую семью Адама, в семью Бога, связан для монаха со скорбью и болью».

Бесовские явления

Дьявол не довольствовался одной лишь бранью помыслов, тем более, что не мог сдержать ими подвижничество юного послушника. Дьявол являлся ему и в чувственном виде. Арсений видел дьявола воочию и разговаривал с ним. Искуситель всеми способами пытался его утратить и помешать его подвигам. Вероятно, из опыта он догадывался о том, что получится из этого юноши.

Послушник Арсений не приходил в смущение и страх от дьявольских явлений. Он говорил: «Приходи-приходи, ведь ты мне помогаешь! Когда я забываю о Боге, ты помогаешь мне вспомнить о Нём и молиться».

Позже Старец вспоминал: «Ну разве останется искушение после таких слов? Оно исчезало в одно мгновение. Ведь искуситель не дурак, чтобы приносить монаху победные венцы».

– Геронда, под искушением Вы подразумеваете помыслы? – простодушно спросил его один монах.

– Брат ты мой! Искуситель – сам диавол! Понимаешь? Какие там ещё помыслы? – ответил старец.

Юный, но мудрый послушник Арсений «человеческим вымыслом преодолел бесовское коварство»⁽¹⁾.

Постриг в рясофор

27 марта 1954 года после установленного испытания послушник Арсений был пострижен в монашество. Он принял рясофорный постриг и был переименован в Аверкия. Игумен предлагал ему постриг в великую схиму, но тот отказался. «Я мог стать сразу великосхимником, потому что мне говорили: “В армии ты отслужил, и никаких препятствий у тебя нет”, – рассказывал Старец. Но я ответил: “Хватит рясофора”».

Он считал себя недостойным великой схимы и, кроме того, не хотел связывать себя обетами пребывать в этой обители до последнего издыхания. Он любил жизнь в безмолвии и желал со временем ей последовать.

Трепещущий Агнец

Старец рассказывал: «Я помогал в церкви, неся послушание пономаря во время Всенощных бдений. Однажды, стоя в алтаре, я наблюдал за совершавшим Проскомидию священником. Когда священник произнёс слова “жрётся Агнец Божий”, я увидел, что Агнец на дискосе трепещет, как живой ягнёнок, которого режут. Разве мог я после этого случая дерзнуть ещё раз приблизиться к священнику во время Проскомидии! Из этого видно, что Таинство начинается ещё с Проскомидии, чтобы там ни говорили некоторые...

⁽¹⁾ Ср.: Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Ук. изд. С. 28.

[будто оно начинается лишь во время Евхаристического канона]».

***Трезвенный
делатель***

С этого времени он начал делать выписки из прочитанных книг. То, что помогало ему в духовной борьбе, он выписывал в отдельную тетрадь и старался претворить в дело. Его невидимый внутренний подвиг был следующим: немного чтения практических аскетических сочинений, многое внимание, непрестанная молитва и упорная работа над тем, чтобы очистить себя от страстей и стяжать Божественную Благодать.

Как во время послушания, так и на общих работах, куда выходила вся братия, он старался не прерывать молитвы. Работал быстро и молча. Старец Герасим Кутлумушский, бывший в то время в Эсфигмене, вспоминает: «Выходя на общие работы, мы разговаривали, смеялись, а он – молчал. Работал в сторонке и избегал многословия и осуждения. Он был очень внимательным монахом».

Однажды монастырь послал нескольких монахов – в том числе и отца Аверкия – за пределы Святой Горы – сажать на принадлежавшем Эсфигмену участке серебристые тополя. Вблизи участка была дорога, по которой проходили мирские люди. Отец Аверкий понудил свой помысел и свои глаза никого не видеть. И действительно, он совершил подвиг, подобный подвигу аввы Исидора Скитского⁽¹⁾, который ходил в Александрию и не видел в ней никого, кроме патриарха. Глаза молодого монаха Аверкия были открыты лишь для того, чтобы видеть добрые примеры преуспевающих отцов и получать пользу.

⁽¹⁾ См. Скитский патерик. М., 2001. С. 223–224.

***Послушание
до крови***

Старец рассказывал: «В то время в монастыре был один брат столяр, отец И. Отцы приняли его по нужде, потому что сперва в Эсфигмене было семь столяров и плотников, а потом не осталось ни одного. Даже какую-то мелочь некому было сделать. Поскольку монастырь нуждался в этом монахе, ему многое позволяли, и он сильно возомнил о себе. Потом отец И. стал членом Духовного Собора и вообще перестал с кем-либо считаться. Кого бы из братии ни посылали к нему в ученики, никто больше недели выдержать не мог. Я, Благодатью Божией, проработал с ним два с половиной года. Слов нет передать, что я пережил. Но, знаете, какую я получил пользу! Он постоянно ругался, кричал. Видел он плохо и часто велел мне что-то делать неправильно. Я видел, что мы совершаем ошибку и потом придётся всё это исправлять, переделывать. Но, если я дерзал говорить ему об этом, он начинал кричать: “Ты что, ещё не научился? Тебе надо говорить только два слова: “простите” и “благословите”. Я умолкал. Вещь, которую мы делали, выходила наперекосяк. Помню, окна для церкви у нас получились все переделанные и перелатанные. Если отцы спрашивали, почему мы сделали окна так плохо, я ничего не отвечал. Ведь отец И. был членом Духовного Собора и, если бы хотел, мог сказать правду. А если он этого не хотел, ну так что же – значит, я откладывал себе про запас драхму-другую, то есть зарабатывал духовную мзду. Я тогда харкал кровью, а он кричал: “Эй, что ты там делаешь? Давай работай! Ведь так или иначе ты всё равно не жилец на этом свете!” Когда моё состояние ухудшилось и врач сказал, чтобы я обязательно лёг на два месяца в мо-

настырскую больницу, отец И. пришёл туда и начал кричать: “А ну, быстро спускайся вниз, нет у тебя никакой болезни!” Я оказал послушание, спустился и пошёл на гору, где мы пилили каштаны и обтёсывали брёвна. Пошёл я по одной заброшенной тропинке, чтобы отцы меня не увидели и старец И. не был скомпрометирован. По дороге у меня началось артериальное кровотечение, и я был вынужден вернуться. Потом отец И. снова пришёл в больницу и строго спросил меня: “Ты почему не пришёл работать, а?”

Я не имел на этого брата никакого худого помысла. Я думал о том, что Бог попускает всё это от Своей любви, чтобы я расплатился за какой-то из своих грехов. Когда я был в миру, Бог даровал мне быть хорошим плотником. Люди спешили ко мне с заказами и – помимо моей воли – я забирал работу у других столяров и плотников. Все заказчики спешили ко мне, а отцы семейств оставались без работы. Чтобы избежать этого, я говорил, что не смогу делать работу быстро, что у меня много других заказов, но люди отвечали: “Ничего, подождём”. И вот в столярной мастерской Эсфигмена я расплачивался за свои грехи. В конце концов я получил от этого брата такую огромную пользу, что Благий Бог не оставил и его. Он потерял зрение, смирился перед всеми и спасся. Из-за него я харкал кровью, но он сделал меня человеком».

Святые Отцы называли послушание исповедничеством. Но для отца Аверкия послушание было мученическим, это было послушание с кровью. К тому же это было послушание не игумену, но просто одному из старших братьев. Однако всё он перенёс с радостью и терпением.

Когда другие члены Духовного Собора видели, что окна сбиты кое-как, и делали ему замечания, он не оправдывал себя, говоря, что так велел ему сделать старец И. Он молчал и претерпевал несправедливые обвинения, словно был действительно виноват. Впоследствии Благий Бог открыл истину и соборные отцы, поняв, в чём дело, восхищались добродетелью новоназначенного монаха.

Когда отец Аверкий лежал в монастырской больнице, добрый больничар, чтобы хоть как-то укрепить его силы, кормил его орехами с мёдом. Отец Аверкий расстраивался из-за того, что лежал в кровати и не мог помогать «труждающимся отцам и братьям». Больничар сказал ему: «Если ты молишься по чёткам, то это имеет бóльшую цену. Бог, услышав молитву, даст силу отцам и пошлёт благословения в монастырь». Так, с любочестием, монах Аверкий трудился в молитве за всех отцов и братьев.

Когда он немного пришёл в себя, игумен дал ему благословение ради поправки здоровья завести у себя в келье примус и небольшой кофейник с ручкой, чтобы готовить горячее питьё. Спрашивая у отцов, где можно найти примус, отец Аверкий пришёл в сильное умиление от того, что ни у кого в монастыре примуса не оказалось. С трудом он раздобыл примус и один-два раза попил в келье горячий отвар из трав. Но потом его начал обличать помысел, и он, выбросив из окна в море свой «кофейник» – консервную банку с приделанной ручкой, – возложил своё здоровье и всего себя на Бога.

**Посещение
Божественной
Благодати**

Жёсткость аскезы отца Аверкия усладило одно ранее незнакомое ему явление – посещение Божественной Благодати. Старец рассказывал: “Когда мои аккумуляторы совсем сели (то есть когда истощились телесные силы), я пережил одно необыкновенное событие. Однажды ночью я стоял и молился. Вдруг я почувствовал, как что-то опускается сверху и всего меня омывает. Я чувствовал необыкновенное радование, и мои глаза стали подобны двум источникам, из которых ручьём текли слёзы. Я видел и ощутимо переживал Божественную Благодать⁽¹⁾. До этого я много раз испытывал умиление и подобное этому, но такое посещение было впервые. Это событие имело такую духовную силу, что оно укрепило меня и продержалось во мне около десяти лет, до того момента, когда уже позже, на Синае, я несколько иным образом пережил нечто большее.

**Удаление
на безмолвие**

Когда Арсений пришёл в Эсфигмен, он просил игумена позволить ему прожить там какое-то время, а затем – благословить его уйти на безмолвие. Игумен согласился. Конечно, отец Аверкий получил пользу от всех Эсфигменских отцов и, живя в этой многострадальной обители, заложил добрый фундамент своей монашеской жизни. Но и горячее стремление к жизни безмолвной становилось всё сильнее и сильнее. Во

⁽¹⁾ «Божество, то есть Божественная Благодать сама по себе, одна, не бывает явною, если не низойдёт в разумную душу. Как чувственный огонь не является в чувственном, если не найдёт горючего вещества; так и умный огонь не является в умном, если не найдёт вещества заповедей Божиих». *Преподобный Симеон Новый Богослов*. Творения. Т. I. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 38.

время молитвы его ум был восхищаем в созерцание. Его сердце было распалено «*угльми пустынными*»⁽¹⁾, и он чувствовал, как его зовёт к себе пустыня.

Он взял благословение на уход из монастыря ради безмолвной жизни. Оставив в обители труды и служения, кровь и пот, он вышел из неё с упованием на то, что Бог и Пресвятая Богородица направят его «*в зёмлю пустынную*».

Прежде всего он отправился в Иверский монастырь и приложился к Иверской иконе Пресвятой Богородицы. Когда он прикладывался, лик Божией Матери изменился и стал очень нежным и сладким. Из этого изменения он понял, что его уход на безмолвие согласен с волею Божией.

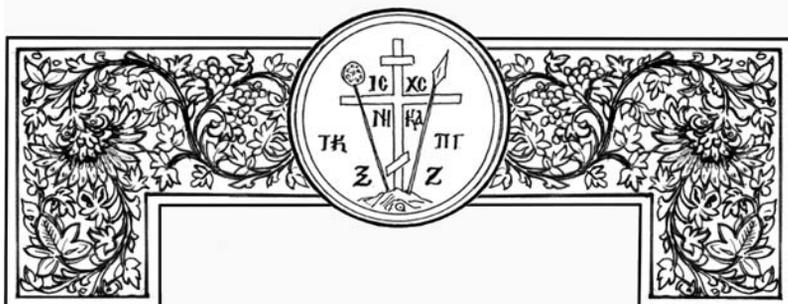
⁽¹⁾ Пс. 119, 4.

глава шестая

**В ОСОБНОЖИТЕЛЬНОМ
МОНАСТЫРЕ ФИЛОФЕЙ**

Молодой монах Паусий.

Послушник у Старца

В Кутлумушском скиту святого Пантелеймона, в каливе Введения во храм Пресвятой Богородицы подвизался добродетельный Старец – иеромонах Кирилл. Отец Аверкий, будучи привлечён его добродетелями, о которых он слышал от других, пришёл к нему и попросился в послушники. Старец оставил его у себя. Они стали подвизаться вместе, и отец Аверкий надеялся остаться в послушниках у Старца навсегда.

Спустя два-три месяца после прихода к отцу Кириллу, отец Аверкий попросил у него благословения съездить в Коницу и привезти на Святую Гору своего брата Луку⁽¹⁾, чтобы и тот стал монахом.

– Он что, не знает дороги и не может приехать сам? – спросил Старец.

– Знает.

⁽¹⁾ Старец говорил, что его младший брат Лука «был человеком благоговейным и чистым, хотел стать монахом». Однако Лука полагал, что, как монаху, ему надо будет изнурять себя такими же сверхчеловеческими подвигами и проводить такую же строгую аскетическую жизнь, какую проводил его брат Арсений, ещё находясь в миру. Осознавая, что такое самоотречение ему не по силам (он отличался болезненным складом), Лука отказался от мысли стать монахом.

– Э, тогда оставь его. Вот если он приедет, то ты ему поможешь и даже отдашь брату свою келью.

Итак, отец Аверкий нашёл себе по сердцу святого Старца и тихое пристанище спасения. Однако дьявол не мог успокоиться и наводил на него различные искушения. Несмотря на то что отец Аверкий ушёл из Эсфигмена с благословения игумена, антипросоп⁽¹⁾ монастыря стал настаивать, чтобы тот вернулся в обитель, потому что в нём нуждались как в плотнике. Антипросоп угрожал, что если отец Аверкий не вернётся, то он изгонит его со Святой Горы.

Тогда отец Кирилл спросил Аверкия, нет ли у него знакомых или родственников в другом монастыре. В монастыре Филофей у отца Аверкия был дальний родственник и земляк – иеромонах Симеон, который был знаком ещё с преподобным Арсением Каппадокийским. Узнав об этом, Старец Кирилл посоветовал Аверкию перейти в Филофей и быть под покровительством отца Симеона, потому что, как он говорил, «иначе ты не найдёшь себе покоя».

Отец Аверкий послушался и перешёл в монастырь Филофей, который в то время был ещё особножительным⁽²⁾. Живя там, он время от времени ходил пешком к отцу Кириллу и советовался с ним по духовным вопросам.

Часто Старец Кирилл, получая извещение от Бога, заранее знал о посещении Аверкия и о том, на какой

⁽¹⁾ Представитель каждого из двадцати афонских монастырей в Священном Киноте Святой Горы. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ В святогорских особножительных (идиоритмичных) монастырях общим было только богослужение. В таких обителях не было игумена, общей трапезы, все монахи получали за свои послушания денежное вознаграждение и продукты и сами заботились о своём пропитании, одежде и тому подобном.

духовный вопрос тот хотел получить ответ. Старец ничего не говорил и лишь показывал отчёркнутое место в той или иной книге. Это и являлось ответом на вопрос молодого монаха.

Впоследствии Старец Паисий в одной из своих книг⁽¹⁾ описал то чудесное, что он видел в этом святом Старце. Отец Кирилл имел дар прозорливости, изгонял бесов, а когда читал Евангелие, из его глаз ручьями текли слёзы.

Усердный труженник и незаметный подвижник

Отец Аверкий искал безмолвной жизни, однако, оказав послушание Старцу, оказался в особножительном монастыре. Ему дали ответственное послушание келаря и трапезника. В его обязанности входило раздавать отцам продукты и вино. Потом его поставили старшим в столярную мастерскую, и кроме того, он помогал месить тесто в пекарне. Отец Аверкий уставал на послушании, но, несмотря на это, был всегда готов жертвовать собой ради других и помогать там, где была нужда.

Один старый насельник монастыря Филофей вспоминает: «На всех нас производили впечатление кротость, доброта и мирное устройство Аверкия. Это в нём было очень ощутимо. Как трапезник он быстро и ловко раздавал братии продукты. Всё время, пока он был в трапезе, он ни разу не вызвал нареkania ни у кого из отцов. Он раздавал продукты с таким благоговением, словно антидор. Он всех нас умиротворил, оказал влияние на братию примером своей жизни, своим характером и безупречным поведением. Ста-

⁽¹⁾ *Старец Паисий*. Святогорские отцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 126–129.

реньким монахам он носил воду и дрова. Помню, старец Евдоким на него показывал и говорил: “Вот хороший монах”.

Ещё он помогал архондаричному, отцу Авксентию, человеку болезненному и слабому. Когда отец Аверкий ушёл из Филофея, отец Авксентий говорил: “Лишились мы благословенного человека Божия!”

Видели мы его только на послушании и в храме, где он читал Девятый час и Полунощницу. Друзей и приятелей он себе не заводил – сидел у себя в келье и молился. Мы слышали, что он много постится и мало спит. В словах он был очень внимателен. Всё молчал, говорил только “благословите”».

Отец Аверкий неопустительно участвовал в богослужественной жизни монастыря. Кроме этого, у себя в келье он тайно совершал большие подвиги и много молился. Он поставил себе духовную цель: как можно лучше подготовиться к жизни в пустыне. У него была возможность подвизаться незаметно для других, так как условия особножительного монастыря были для этого благоприятны.

Старец рассказывал: «В келье вместо подушки у меня был обрубок каштанового пенька. Вместо кровати – две доски с пустым местом посредине, чтобы позвоночник не прикасался к доскам и не нагревался. Каждый день я постился до Девятого часа. Кроме этого, старался много дней подряд есть какой-то один вид овощей – например, одни помидоры, один латук, одну капусту, до тех пор пока эта пища не надоедала, так что я ел её уже без желания. Каждую ночь я совершал бдение. Спал немного. В храме не садился в стасидию, чтобы меня не поборол сон».

Монастырь Филофей находится на значительной высоте. Зимой там выпадает много снега и бывает очень холодно. Однако отец Аверкий ради аскезы не топил у себя в келье печку. Благодать Божия согревала его и сохраняла от серьёзных болезней, несмотря на то что совсем здоровым он никогда не был – постоянно страдал от какой-нибудь немощи. Видя, что кто-то из старцев запирает свои дрова на замок, опасаясь, что их украдут, отец Аверкий расстраивался. Он считал подозрительность несовместимой с монашеским званием и просил такого монаха не запираеть дрова, обещая, что сам будет носить дрова ему или даже всем, чтобы никто не брал чужого.

**Помысел
гордости** «И вот, – рассказывал Старец, – хотя от аскезы я стал похожим на скелет, однажды ночью я почувствовал искусителя – как бы женское дыхание прямо у себя над ухом. Я тут же поднялся, начал церковное песнопение и зажёл свечу. Когда я исповедал происшедшее духовнику, он мне сказал: “Должно быть, в тебе есть тайная гордость. Если человек совершает такую аскезу, то подобным искушениям оправдания нет”. И действительно, исследовав себя, я убедился, что иногда мой помысел говорил мне, что я что-то из себя представляю и будто бы делаю – как бы это сказать? – ну, якобы делаю что-то значительное. Ух, какая же это чушь собачья!..»

Для того чтобы отец Аверкий смирился и очистился от тайной гордости, его духовник велел приходить к нему каждый день и брать у него приготовленную пищу. Сам отец Аверкий пищи на огне не готовил, тогда как отец Симеон, заболев туберкулёзом, сле-

дил за своим питанием. Целый месяц отец Аверкий приносил ему крупу, рис, макароны и забирал у него готовую пиццу. Когда искушение прошло, он снова начал поститься. Но наученный опытом искушений, подвизался уже с большим смирением и познанием себя.

**«Тангалашкины
шуточки»**

Первое время диавол приносил ему хульные помыслы. Диавол приводил ему на ум ту грязь, которую он слышал от сослуживцев в армии. Тогда он не обращал на неё внимания, а теперь диавол нашёптывал все эти грязные вещи о Святых во время молитвы и даже в храме.

Отец Аверкий исповедовался духовнику, уходил в придел Честного Предтечи и молился. Когда он прикладывался к иконе святого Предтечи, от неё исходило благоухание и отец Аверкий уходил из храма умиротворённым. Потом брань хульных помыслов восставала вновь. Он снова шёл в Предтеченский придел, молился и икона вновь благоухала.

Конечно, успокоиться диавол не мог. Иногда сквозь сон отец Аверкий слышал грохот и крики. Просыпаясь, он ничего не видел. «Тангалашкины шуточки»⁽¹⁾, – комментировал Старец.

На одной Божественной Литургии отец Аверкий тихонько подпевал певчим «Святый Боже...» Вдруг он увидел, как из дверей, ведущих в притвор, вываливается страшный зверь. Голова у диавола была пёсией, а из глаз и из пасти выходило пламя. Он качал

⁽¹⁾ Тангалашкой (ταυκολάκι) Старец называл диавола. Он услышал это наименование от одного старика-понтийца, и оно ему понравилось. Тангалашка – значит тот, кто повредился умом и вытворяет разные сумасбродные вещи.

головой вверх-вниз и издевательски пел: «А... а... а!..» Потом злобно повернулся к отцу Аверкию и, раздражённый тем, что тот пел «Святый Бóже», дважды оскорбительно погрозил ему лапой.

***Старание
помочь ближнему***

Старец рассказывал: «Тогда в Филофее был один монах, старец Спиридон, который вёл себя как настоящий атаман и дебошир.

Монаху – а особенно великосхимнику – Бог попускает одержимость нечистым духом для того, чтобы он смирился и спасся. Это и произошло с отцом Спиридоном. Он пытался спрыгнуть с балкона и покончить с собой, потом выкидывал другие сумасшедшие номера, и его даже возили в лечебницу для душевнобольных. Психиатры собрали консилиум и пришли к выводу, что исцелить отца Спиридона может только Сам Бог.

Однажды я сказал отцу Спиридону: “Знаешь, я себя чего-то нехорошо чувствую. Давай сходим к священнику, чтобы он прочитал надо мной молитвы о болящих”. Мы пришли к священнику и я попросил его прочесть над отцом Спиридоном заклинательные молитвы. Заранее я попросил батюшку читать их тихим голосом, чтобы отец Спиридон не убежал, услышав, что именно над ним читают. Когда мы пришли в храм, я опустил на колени и сказал: “Отец Спиридон, встань тоже на коленочки”. А он подбоченился, смерил меня взглядом и ответил: “Если ты себя плохо чувствуешь, то я-то в чём виноват?”

Потом с ним случились другие приключения – он сломал ногу, лежал в кровати, не вставая. Он смирился, и Бог забрал его к Себе.

Однажды, будучи больным, он позвал меня к себе в келью, чтобы я помолился. Я молился по чёткам с крестным знаменем и на каждом узелке говорил: “Господи Иисусе Христе, помилуй старца Спиридона”. – “Оставь ты этого «старца Спиридона»”, – говорит, – молись так: “помилуй Спирьку”. Раньше-то попробуй не назови его уважительно старцем Спиридоном – сразу выходил из себя. И вот – смирился. Да помилует его Бог».

Поездка в Коницу на лечение

В Филофее состояние здоровья отца Аверкия начало ухудшаться. Монастырские старцы обеспокоились и летом 1956 года послали его на лечение в Коницу. Отец Аверкий не хотел ложиться в больницу, чтобы не давать людям мира сего повода обвинять монахов в том, что они доводят себя до больниц и санаториев.

Приехав в Коницу, он очень строго и внимательно хранил монашеский обет уклонения от мира, поэтому в родительском доме не остановился. Он поселился в отдалённой церквушке святой Варвары, с которой его связывали аскетические детские подвиги и сверхъестественные события. Там по ночам он зажигал свечу и совершал Всенощные бдения, молясь и делая земные поклоны на каменных плитах.

Это продолжалось до тех пор, пока Промыслом Божиим в этот маленький храм не пришла зажечь лампы его знакомая по детским годам – Екатерина Патера, которая приехала на родину в отпуск. «Было лето, – рассказывает госпожа Патера. – Я пришла в Варваринский храм и увидела там монаха. Он был очень худой, похожий на Преподобных с икон. У него

был такой вид, как у Самого Христа. Сначала я его не узнала. Он приехал в Коницу на лечение. У себя в доме он жить не хотел – говорил, что монахи должны держаться вдали от родных. Тогда я ему предложила остановиться у нас в доме, чтобы порадовалась моя пожилая мать, которая жила совсем одна.

От благодарности он склонил голову и перебрался к нам. В монастыре ему дали на расходы одну “короаки” (монета достоинством в четверть золотой лиры), и он нам её отдал.

Он прожил у нас около трёх месяцев. Лечился стрептомицином. Из Коницы приходил врач и следил за его состоянием, а его родная сестра приходила делать ему уколы.

Жил он в комнате на верхнем этаже и целыми днями читал, молился и старался поститься. А я – в те немногие дни, которые оставались у меня от отпуска, – готовила ему калорийную, укрепляющую еду. Я отваривала мясо, заправляла бульон большим количеством оливкового масла – чтобы он не догадался, что ест мясное, – и делала ему суп. Организм у него был крепкий, и скоро он пришёл в себя. Увидев, что его ремень уже застёгивается с трудом и надо переходить на следующую дырочку, он перестал есть мои супы. Сам варил себе в баночке немного пшенички и питался только ею.

Однажды ночью моя мать проснулась от того, что сверху, из комнаты, где спал отец Аверкий, раздавался ритмичный стук: тук-тук, тук-тук... Она разбудила меня и послала наверх посмотреть, что делает монах. Было двенадцать ночи. Стучу я в дверь и говорю: “Молитвами святых отец наших...” – это он меня научил так говорить, когда стучишься. От-

крывает он и спрашивает: “Эй, сестра, ты что испугалась? Не волнуйся, я уже понял, что вас разбудил. Признаться, я обычно ночи так и провожу. Да я ведь сейчас вообще веду жизнь немонашескую, тогда как я обязан молиться и за тех, кто мне помогает”. Вот так: сам больной, а целую ночь – чётки да поклоны».

***Промысл
Божий***

Старец рассказывал: «Когда я возвращался из Коницы на Святую Гору, в Урануполисе ко мне подошла одна девушка и попросила за неё молиться. Она решила стать монахиней, а её родители этого не хотели. Из дома она ушла тайком, ничего с собой не взяв. Это была исстрадавшаяся душа.

Я оставил себе только чуть-чуть денег – на билет до Дафни. Я подумал, что Бог мне поможет добраться от Дафни до монастыря. Все прочие деньги я отдал этой девушке и ещё подарил ей будильник, потому что в монастыре – куда она направлялась – он бы ей пригодился.

Как только мы приплыли в Дафни, я услышал, как меня зовёт один соборный старец из Филофея: “Эй, видишь мулов? Это наши, филофеевские. Давай-ка грузи на них свои вещи, да и сам забирайся. Слышишь, что говорю? Оказывай послушание”.

До монастыря я добрался легко и без усталости. И в тот же вечер ко мне подошёл один монах и сказал: “Знаешь, мне привезли будильник, а у меня уже есть один. Тебе, случайно, не нужен будильник? Вот возьми, пожалуйста”.

Я тогда буквально рассыпался в прах, почувствовал сокрушение – видя, насколько осязательно действует Промысл Божий, заботясь обо мне, окаянном».

**Постриг
в мантию**

Согласно архиву монастыря Филофей, отец Аверкий поступил в обитель 12 марта 1956 года. После года невидимых другим подвигов он был пострижен в мантию и переименован Паисием – в честь ревностного митрополита Кесарийского Паисия II, который был родом из Фарас. Постриг совершился 3 марта 1957 года. Восприемником при постриге был Старец Савва. Отец Паисий чтит и уважал своего восприемника, потому что, по его словам, он был «муж добродетельный, учёный и благоговейный». Со Старцем Саввой отец Паисий переписывался и потом – уже из Стомиона. Он желал принять от его руки великую схиму – великий и ангельский образ. Старец Савва искренне любил отца Паисия и наставлял его как своё чадо.

После пострига отец Паисий послал матери свою фотографию, на обороте которой написал следующее стихотворение⁽¹⁾:

Родная матушка моя, поклон тебе от сына.
В монахи ныне уходя от суетного мира,
Лицом к обманщику-врагу, один в глухой пустыне,
Всем из любви к Царю Христу он жертвует отныне.

Мирская сладость, красота мне чужда и несладка,
В любви Спасителя Христа всё сердце без остатка.
Иду тернистою стопой, путём Христовым крестным,
Молясь, чтоб встретиться с тобой

во Царствии Небесном.

Твоей любви живая связь, но, к жизни вечной Слову
Умом и сердцем устремясь, я режу по живому –
По плоти наших кровных уз – и – размыкаю звенья
И сбрасываю ветхий груз земного тяготенья.

⁽¹⁾ Помещаем греческий текст стихотворения Старца (стр. 108) и его свободный перевод на русский язык. – *Прим. пер.*

Ματθούλα μου εί χαιρετώ έχω πάω να μονάσω,
 Φεύγω την μάταιαν βωήν, τον φθάνον, να γελάσω.
 Ήταν μοναζιάν στην έρημον τάνιατα να περάσω,
 Διά την αγαθήν του χριστού, όλα θα τα θυιάσω.

Όλα του νόμου τα αγαθά, εάν κυύβαλλα θα άρην,
 Να έμειλέν την φώτην εντολήν, τον Θεόν να αγαθήν.
 Με τον εσαυρόν στον βαχθοδών, τον Ήκουόν να άκοουθήν,
 Έσεί εις την άνω Ήρουαλήν, εύχομαι τα εί ευανθήν.

Φεύγω άπό την μεγάλην σου εσορήν, ματθούλα να φερύσω
 Διά να ήμισα αιώνη μαή, τον Ήκουόν, θα παραμαχέσω.
 Δίκωτό μικρόν έθείησα τα μαύρα, διά να φερύσω,
 Να άγερωθώ εις τον χριστόν, του Θεού να άρίσω.

Και διά μητέρα εις τό εζη, θα έχω την Παναγίαν,
 Να κι φυλάξη άβλαθή, άπό του έχθρου, την αναουρίαν
 Μάννα μου κι μαλάωζεν, στην έρημον δώ στην άευρίαν
 Θα εύχομαι πάντα διά εεί, και δόξην την φοχίζίαν.

Μ.Σ. Π.Φ. Φιλοθεΐτου. Αγ. Όροι. 3-5-1937

ΓΑΓΙΕΡΟΥΕ στην εεβαστην μου
 μητέραο Πάϊσιο

Моя отныне будет Мать – Мария, Матерь Бога,
 Своим Покровом охранять от вражьего прилога.
 В глухой пустыне буду жить, Царя Христа желая
 О мире мира умолить и о тебе, родная.

[Сочинение] Мон[аха] Паис[ия] Филофеита.
 Святая Гора. 3-5-1957

Посвящается моей уважаемой матери.
 Паисий.

**Связь с
 добродетельными
 отцами**

Слыша о добродетельных отцах, живущих подвижнически и духовно преуспевших, отец Паисий стремился познакомиться с ними и получить пользу. Он считал их советы сокровищем и подвизался, чтобы походить на них в добродетели. Слова и пример их жизни он хранил в себе как величайшую драгоценность и потом для общей пользы поделился ими в своей книге «Святогорские отцы и святогорские истории».

Уже на второй день перехода в Филофей отец Паисий посетил келью русского монаха Старца Августина, но Старец отсутствовал. Отец Паисий оставил ему какие-то вещи в благословение. В это время Старец Августин в Духе видел отца Паисия из Ильинского скита, находящегося в четырёх часах пешего пути от Филофея. Впоследствии отец Паисий и Старец Августин духовно сдружились. В своей книге отец Паисий рассказал, как Старец вёл брань с бесами, созерцал Нетварный Свет, как в монастырской больнице его посетила Пресвятая Богородица и о других случаях⁽¹⁾.

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий*. Святогорские отцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 76–83.

С Катунак в Филофей приходил и Старец Пётр, которого называли Петракис, и они с отцом Паисием беседовали на духовные темы. Восхищаясь им и благоговая перед ним больше, чем перед кем-либо из других знаемых им подвижников, отец Паисий хотел стать его послушником⁽¹⁾.

Отец Паисий приобрёл доверие двух Христа ради юродивых – одного филофеевского монаха, старца Дометия, и жившего в каливе старца Е. Последний доверительно рассказывал молодому монаху Паисию о своём юродстве и подвигах.

Конечно, отец Паисий продолжал поддерживать связь и со своим прежним Старцем, иеромонахом Кириллом. Также он был духовно близок с подвижником, румынским иеромонахом Афанасием из скита Лакку. Впоследствии он познакомился и с другими добродетельными отцами.

***Благословения
от Пресвятой
Богородицы***

Отец Пасисий рассказывал: «Шёл Успенский пост. После Божественной Литургии Старец послал меня на одну работу. Я был совершенно без сил от поста и Всенощного бдения, которое мы совершали ночью. После Божественной Литургии я не ел, потому что Старец мне насчёт еды ничего не сказал.

Дойдя до Иверского монастыря, я стал ждать катер. Обычно он приходит в полдень, однако уже наступил вечер, а катера всё не было. У меня совершенно не оставалось сил, и я подумал, что надо совершить одну чётку молитв Пресвятой Богородице с просьбой, что-

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий*. Святогорские отцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 65–75.

бы она дала мне какую-нибудь пищу. Но потом я укорил себя: “Ах ты, бессовестный, тревожишь Матерь Божию по таким пустякам!” Не успел я закончить чётку, как вдруг из монастырских ворот вышел один брат. Я сидел в беседке перед воротами. Он подошёл ко мне, дал мне небольшой кулёчек и сказал: “Вот, брате, прими ради Госпожи Богородицы”. Развернув кулёк, я увидел половину хлебца, несколько смокв и немного винограда. Я едва смог удержаться, чтобы не расплакаться, пока этот брат не уйдёт».

В другой раз Старец получил осязательнейший опыт Промысла Пресвятой Богородицы, находясь на пристани того же монастыря. Два этих случая очень похожи, но, тем не менее, между ними есть значительная разница. И во второй раз Старец ожидал катер, будучи голодным и уставшим после Всенощного бдения.

Старец рассказывал: «От истощения я чувствовал себя плохо. Я даже испугался, что потеряю сознание и это увидят монастырские рабочие. Поэтому я собрался с силами, отошёл подальше и спрятался за штабелями досок. В какой-то момент я захотел попросить Божию Матерь о помощи, но тут же оборвал себя: “Несчастный ты человек, что же выходит, Божия Матерь нам ради хлеба нужна?” И как только я это произнёс, явилась Сама Пресвятая Богородица и подала мне горячий хлеб и кисть винограда. Э, дальше-то что уж рассказывать...»

Один человек, исцелённый Старцем от неизлечимой болезни, услышав этот рассказ, поразился:

– Геронда, а что же... после того как ты съел виноградины, веточка-то у тебя в руке разве не осталась?

– И веточка, и косточки! – горячо ответил Старец.

**Полученное
откровение**

В течение своего недолгого пребывания в Филофее отец Паисий не переставал думать о пустыне. Он чувствовал уже очень настойчивое желание уйти на безмолвие, им овладели безмолвнические «*болёзнии яко раждáющие*»⁽¹⁾. Он предпринимал различные попытки удалиться в пустыню, однако все они были безуспешными. Путь на безмолвие оказался закрыт. План Божий был другим.

Однажды отец Паисий договорился с лодочником, чтобы тот отвёз его на пустынный остров и оставил там подвизаться одного. Но в назначенный день лодочник не приплыл.

Также отец Паисий хотел перейти на Катунаки и стать послушником Старца Петра, но благословения на это не было. Тем временем Старец Пётр преподобнически скончался. Впоследствии отец Паисий говорил: «Какая же меня ждала беда, если бы я перешёл к отцу Петру! После его кончины я остался бы один и без тормозов бросился бы в аскезу. Что бы сделал со мной диавол!»

Затем отец Паисий договорился с ещё одним филофеевским монахом – отцом Ф. – перейти на Катунаки ради безмолвия и аскезы. Они договорились, что станут добывать себе пропитание так: отец Паисий будет делать рукоделье, а отец Ф. относить его в монастыри и менять на сухари. Но однажды ночью, ещё до того как ударили в било, отец Паисий постучал в дверь кельи отца Ф. и сказал ему, что им нет воли Божией идти на Катунаки. А отец Ф., в свою очередь, рассказал отцу Паисию, что видел следующий сон: «Мы бежали по крыше монастыря, и, когда уже соби-

⁽¹⁾ Пс. 47, 7.

рались с неё прыгнуть, одна Жена, одетая в чёрное, удержала нас сзади за одежду и сказала, что внизу пропасть и мы разобьёмся. Из этого я тоже понял, что Бог не желает нашего перехода на Катунки».

Впоследствии Старец Паисий так рассказывал о том, что побудило его изменить решение и вместо Катунки перейти в монастырь Стомион: «Я молился у себя в келье, и вдруг у меня совершенно отказали руки и ноги. Я не мог не то что подняться, но даже пошевелиться, меня сковала какая-то невидимая сила. Я понял: происходит что-то необыкновенное. В таком состоянии – словно меня прикрутили винтами к полу – я пробыл более двух часов. Вдруг, как по телевизору, я увидел с одной стороны Катунки, а с другой – монастырь Стомион в Конице. Я с горячим желанием обернул взор на Катунки и услышал голос – это был голос Пресвятой Богородицы, – ясно говорящий мне: “Ты не пойдёшь на Катунки, а поедешь в монастырь Стомион”. – “Матерь Божия, – сказал я, – я просил у Тебя пустыни, а Ты посылаешь меня в мир?” И снова услышал тот же самый голос, строго говорящий мне: “Ты поедешь в Коницу и встретишь такого-то человека, который тебе очень поможет”⁽¹⁾. Одновременно, во время этого события я, как по телевизору, увидел ответы на многие волновавшие меня недоумения. Потом я вдруг разрешился от невидимых уз и моё сердце исполнилось Божественной Благодатью. Я пошёл к духовнику и рассказал ему о происшедшем. “Это воля Божия, – сказал духовник, – однако никому не рассказывай об этом видении. Скажи, что по состоянию здоровья (а я

⁽¹⁾ Этим человеком была Екатерина Русси, мать димарха (мэра) Коницы. Старец называл эту женщину «святая душа».

действительно в то время харкал кровью) тебе надо выехать со Святой Горы, и поезжай в Коницу». Я хотел одного, но у Бога был Свой план. Однако впоследствии оказалось, что я перешёл в Стомион главным образом для того, чтобы помочь восьмидесяти сохранившимся в протестантство семьям вернуться в Православие».

глава седьмая

**В МОНАСТЫРЕ
СТОМИОН**

Монастырь Рождества Богородицы, Стомион. 50-е годы XX века.

Восстановление обители

«**О**т Господа стопы человеку исправляются»⁽¹⁾. И вот, Своим Откровением Господь направляет стопы человека Божия Паисия в монастырь Стомион Коницкой епархии. Он жаждал пустынной жизни и приготавливал себя к пустыне, однако, по заповеди Пресвятой Богородицы, оказался в монастыре, находящемся в миру.

Старец вспоминал: «Ещё будучи солдатом, я дал Божией Матери обет: если Её Благодать сохранит меня на войне, то я три года буду трудиться на восстановлении Её сгоревшей обители. Я думал, что поскольку стал монахом, то Божия Мать не взыщет с меня исполнения этого обета. Но, видно, Она этого хотела».

Так, в августе 1958 года Старец оказался в тихом монастыре Стомион. Люди были рады его переходу в обитель, и многие приходили его навестить.

Отец Паисий начал восстанавливать сгоревшую обитель, не имея ни денег, ни материалов. Ему помогали некоторые добрые христиане. Владыка благословил отцу Паисию ездить по деревням со святыми

⁽¹⁾ Пс. 36, 23.

мощами и собирать пожертвования. Бедные жители деревень приходили поклониться святым мощам и оставляли в пожертвование по тарелке пшеницы. Так Старец набирал один-два мешка пшеницы. Однако он не оставлял её для продажи и восстановления обители, но отдавал священникам села для раздачи самым нуждающимся семьям.

Сама Пресвятая Богородица, приведшая отца Паисия в Свою маленькую обитель, благоволила к его многотрудным усилиям. Она просветила некоторых людей, и те помогли восстановлению монастыря деньгами, материалами и личным трудом. Кроме того, часто отец Паисий чувствовал Её непосредственное содействие и попечение. Старец рассказывал: «Когда заливали бетон, пришли помочь семьдесят человек. Неожиданно, в самый разгар работы, мастера говорят мне: “Не хватает двадцати мешков цемента”. Что тут делать? Я оказался в трудном положении. “Оставлять работу недоделанной нельзя”, – говорят мастера. Чтобы привезти ещё цемента, надо было четыре с половиной часа везти мешки на мулах, которых перед этим надо было ещё забрать с пастбища. Я поспешил в церковь, зажёл свечку и на коленях стал просить Божию Матерь о помощи. Потом вернулся к мастерам и велел им продолжать заливать бетон, не убавляя количества цемента в растворе. А когда мы закончили, у нас осталось ещё пять лишних мешков цемента!»

Тем временем женщины, готовившие обед, сказали Старцу, что хлеба и похлёбки не хватит на всех рабочих. Отец Паисий успокоил их и сказал, чтобы они нисколько не волновались. И действительно: “*ядбша*

и насытишася, и взяша избытки укруп”⁽¹⁾ – уходя, люди уносили оставшийся хлеб в мешочках.

И ещё: когда заливали бетон, всё небо вдруг затянулось чёрными тучами, вот-вот был готов разразиться ливень. Если бы он начался, то работа осталась бы недоделанной. Но вскоре засветило солнышко, и работа была закончена.

Трудно было не только доставать стройматериалы, но и перевозить их в монастырь по «козьей» тропочке, которая в некоторых местах становилась настолько узкой, что нагруженный мул проходил с трудом. С одной стороны тропы была пропасть.

Рассказывает один из рабочих, трудившихся в монастыре: «Когда мы готовились заливать бетон, отец Паисий возил с берега реки гальку и поднимал её в монастырь. Он носил её или на спине в мешке, или привозил на муле, если его удавалось найти. Он добился, чего хотел: бетон залили вовремя. Но Старец совсем выбился из сил».

Рассказывает господин Георгиос Майпас: «Однажды в Стомион поднялся профессор археологии господин Дакарис. Увидев, что пол в церкви выложен каменными плитами, он сказал отцу Паисию: “Я пришлю тебе белый мрамор”. И действительно, мрамор привезли и оставили возле моста. Старец попросил жителей Коницы, чтобы они на мулах перевезли мрамор в монастырь. Те пришли к мосту, однако увидели, что мраморные плиты большого размера, и испугались, что животные могут поскользнуться и упасть в пропасть. Услышав, что жители утверждают, будто перевезти мрамор на мулах невозможно, Старец ответил им только: “Ну ладно”. После этого

⁽¹⁾ Мк. 8, 8.

спускается он к мосту и берёт на спину две мраморные плиты, чтобы нести их в монастырь. Некоторые из прохожих, увидев его, удивились: “Что ты делаешь, отче?” – “Да вот, – отвечает, – коницким жителям жалко своих мулов, поэтому я буду носить мрамор на себе”. Тогда эти люди побежали в Коницу со словами: “Вы тут рассиживаетесь по кофейням, а отец Паисий таскает мрамор на собственной спине!” Тем стало стыдно, они взяли мулов, подняли мрамор в монастырь, и так пол в храме был покрыт белым мрамором».

Закупив древесину, отец Паисий сам сделал двери, окна, стасидии, столы и многое другое. Также он поменял крышу над церковью, устроил братские кельи, архондарик, резервуар для воды. Выполнял Старец и другие работы.

Сестра Старца, Христина, вспоминает: «Монастырь был полуразрушен. Я приходила помогать. Когда мы пришли первый раз, то привезли с собой немного вещей на муле. Более-менее целыми оставались одна комната, кухня и ещё одно помещение возле самых ворот, однако он сделал себе крохотный сарайчик из досок. В этом сарайчике поместиться можно было только сидя – а лёжа уже никак. Я ему говорю: “Как же ты здесь будешь жить? Ведь тебя мыши съедят!” А он отвечает: “Если придёт какой посетитель, то у него будет комната, чтобы остановиться”. Продукты он мне возвращал. “Уноси, – говорил, – а то их мыши съедят”. В этом сарайчике он и прожил до тех пор, пока в монастырь не пришли ещё два отца, и тогда уже они устроили себе три небольших келейки. Ещё позже он устроил келью в углу монастырской ограды и жил в ней».

Господин Майпас рассказывал: «Отец Паисий был превосходным плотником. Он положил много трудов на то, чтобы восстановить разрушенный монастырь. Он был болен, но усердно держал пост, никогда не давал себе послабления».

А вот свидетельство господина Иоанна Хаджирумбиса: «Посетив Старца в Стомионе, мы увидели, как по-хозяйски он всё сделал в монастыре. Его работа вызывала восхищение. Он рассказал нам о том, что река, текущая ниже монастыря, зимой становится очень бурной и трудно перейти на другой берег. Мы предложили ему свою помощь. Он своими руками сделал опалубку для мостика, потом пришли восемь человек и помогли ему залить бетон».

Уважение к монастырю

Старец не только тратил время и силы на строительство, но своей добродетельной жизнью и рассудительными советами внушал паломникам уважение к монастырской святыне.

Во-первых, на возвышенном месте правее от входа в обитель он вырыл могилу, поставил над ней крест, каждый день зажигал перед ним лампадку и кадил ладаном. Он делал это и для того, чтобы помнить о смерти самому, но главным образом, ради мирских людей, чтобы они, видя перед собой могилу, не могли развлекаться на этом месте.

Прекратились пирушки и танцы, которым прежде предавались возле обители жители Коницы. Старец считал недопустимым, чтобы люди развлекались рядом с храмом, в котором совершается служба. Только на престольный праздник он оказывал мирянам снисхождение и позволял накрывать напротив монастыря, под буками, возле источника, праздничное

угощение. Старец благоустроил это место и огородил его досками от ветра. Однако пить спиртные напитки пришедшим на праздник он не позволял. Как-то раз кто-то нарушил его запрет, принёс с собой ёмкость с узо⁽¹⁾ и за деньги разливал людям. Догадавшись, что происходит, Старец спросил: «Что у тебя в бутылке?» – «Вода», – ответил тот. «Вода есть и в источнике», – сказал Старец и толкнул ногой стоявшую на краю обрыва бутылку. Та полетела вниз – к реке Аос.

Ниже монастыря, немного не доходя до цементного мостика, в месте, которое называлось Гаврос, Старец повесил две таблички со стрелочками. На одной, указывавшей путь к монастырю, было написано: «К священной обители Стомион – благоприлично одетые», а на другой, указывавшей направление к реке: «К реке Аос – неприлично одетые». Особенно Старец был против того, чтобы в монастырь входили нескромно одетые женщины. У дверцы, ведущей в алтарь, он также повесил табличку: «Запрещается вход мирянам».

Как-то раз – дело было в пятницу – в монастырь поднялись мирские люди. Взяв в обители сковороду, они развели за монастырскими воротами костёр и стали жарить рыбу, которую принесли с собой. Сначала Старец их не заметил, потому что был занят. Но, узнав, что происходит, он возгорелся божественной ревностью, вышел за ворота, взял сковороду и вместе с рыбой выбросил её в пропасть⁽²⁾.

⁽¹⁾ Греческий сорт анисовой водки. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ Из этого случая видно, какое большое значение Старец придавал посту. Рыбу и пищу с растительным маслом по средам и пятницам в Греции не едят не только монахи, но даже и многие благоговейные миряне. – *Прим. пер.*

***В обрыв за
святыней***

Однажды Старец нёс в монастырь святые мощи. Они находились в мощевике, привязанном ремнями к плечам Старца. В месте, которое называется «Большая лестница», ремень оборвался и мощевик полетел в обрыв. От сильной любви и благоговения ко святым мощам Старец немедленно, без малейшего колебания, прыгнул в пропасть вслед за мощами. О себе он в этот момент не подумал. Мощевик катился вниз, ударяясь о скалы. В конце концов Благодатью Божией Старец остался целым и невредимым – на нём не было ни царапины. Мощевик со святыми мощами также остался невредимым, тогда как металлический ящик наподобие сейфа, в который он был вложен, – весь смялся от ударов. Обрыв был настолько глубоким и крутым, что Старец не мог подняться на тропу в этом месте. Ему пришлось долго выбираться, идя по берегу.

***Обретение мощей
преподобного Арсения***

В тот самый год, когда Старец пришёл в Стомион, он решил обрести мощи преподобного Арсения Каппадокийского. Скончины Преподобного прошло уже более тридцати лет, и его останки ещё покоились на кладбище острова Керкира (Корфу). Поручив заботу о монастыре своему брату Рафаилу, в октябре 1958 года Старец поехал на Керкиру. Там он стал искать своего старого друга и сослуживца Пантелиса Дзекоса и застал его в мастерской за работой. Господин Пантелис не узнал отца Паисия и, не отрываясь от работы, спросил: «Отче, что Вам угодно?» Старец ничего не ответил. «Может быть, я чем-то могу быть Вам полезен?» – снова спросил господин Пантелис. «Вот этим», – ответил Старец и показал ему два своих больших пальца. Тогда,

узнав своего друга и спасителя, господин Пантелис, полный радости и волнения от неожиданной встречи, стал его обнимать и целовать.

Приведя Старца в дом, он велел матери и супруге накрывать богатый стол и стал просить Старца доставить ему радость и остановиться в его доме. «Я тебе эту радость доставлю, – ответил Старец, – но и ты тоже доставишь мне одну радость». – «Сколько хочешь». Тогда Старец попросил поставить ему только тарелку варёной травы, которую он «заправил» двумя-тремя каплями растительного масла. Кроме этой травы и двух-трёх маслинок, он ничего не съел.

Старые друзья легли спать в одной комнате. Господин Пантелис делал вид, что спит. Ночью отец Паисий трижды приподнимался, глядел, спит ли его друг, потом вставал, опускался на колени возле кровати и молился.

Утром, когда они пошли на кладбище, начался проливной дождь. «Не бойся, – сказал Старец, – пока мы будем идти, дождь перестанет». И действительно, дождь делался всё тише и тише, пока не перестал совсем.

Во время обретения мощей Старец омывал останки преподобного Арсения вином и водой, обёртывал их белыми тряпочками – кусками чистой простыни и складывал в чёрный кофр, наподобие чемоданчика. Была найдена и пряжка от пояса преподобного Арсения. В какой-то момент отец Паисий поскользнулся и упал на господина Пантелиса. Чтобы удержаться, тот опёрся рукой о стену⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Господин Пантелис запомнил это место стены, ставшее ориентиром, по которому он через 37 лет показал высокопреосвященнейшему митрополиту Керкиры Тимофею место, где находилась могила преподобного Арсения, для второго обретения мощей Преподобного, совершившегося в субботу 8 августа 1995 года (н. ст.). Тогда

Работник кладбища роптал на то, что они обретают мощи в такой дождливый день, и поэтому чуткий Старец, несмотря на то что получил на обретение мощей благословение местного владыки, сказал господину Пантелису: «Чтобы этот человек не расстраивался, давай закончим побыстрее. Ничего страшного, если две-три косточки останутся в могиле. Мы их достанем, когда я приеду на будущий год».

После обретения мощей сквозь кипарисы пробился луч солнца и осветил могилу Преподобного.

С кладбища отец Паисий пошёл в гостиницу. Он не хотел идти с мощами в дом господина Пантелиса, который незадолго до этого женился, боясь, что женщины из суеверия поймут это неправильно. На следующее утро, встретившись с отцом Паисием, господин Пантелис увидел, что его облик изменился от Божественной Благодати. «Какой же ты сегодня красивый! – говорил господин Пантелис. – Нет, послушай, ты ведь правда красивый!»

Старец рассказал ему следующее: «Знаешь, что со мной произошло сегодня ночью? Я тебе расскажу. Когда я хотел открыть святые мощи и приложиться к ним, меня начала давить какая-то сила. Я стал задыхаться, но успел произнести: “Святой Арсений, помоги мне!” – и мне стало легче»⁽¹⁾.

В радости Старец вернулся со святыми мощами в Коницу и переночевал в доме Екатерины Патера, где поставил мощи под иконостасом. Госпожа Патера за-

были обретены часть правой ноги с пальцами и шесть позвонков преподобного Арсения.

⁽¹⁾ Всё, связанное с обретением мощей преподобного Арсения, рассказано господином Пантелисом Дзекосом, ныне монахом Арсением. Об этом событии подробнее см. в кн. Старца Паисия Святогорца «Преподобный Арсений Каппадокийский». Ук. изд. С. 10.

жгла лампадку и ушла заниматься домашними делами. Однако со стороны той комнаты, где стояли святые мощи, она видела свет, подобный свету зарниц или молний, и подумала, что собирается дождь. Она даже поспешила приготовить зонтик, потому что утром собиралась идти в Нижнюю Коницу на Литургию. Старец пытался объяснить ей, что эти «молнии» сверкают не на небе, которое было чистым и звёздным, а исходят от святых мощей. «Этот свет, – рассказывала госпожа Патера, – был каким-то странным – подобен молниям, но без вспышек».

***Труды,
подвижничество
и безмолвие***

Старец называл Стомион «сладким Пресвятой Богородицы», желая, чтобы это название напоминало ему о Саде Божией Матери – Святой Афонской Горе. Стомион отличался дикой девственной красотой – знающие люди говорят, что это одно из красивейших мест на земле.

Однако условия жизни в Стомионе были очень тяжёлыми. Монастырь не имел даже лошади или мула. Старец рассказывал: «У меня было много сил. Два часа пешего пути я проходил за сорок пять минут. Я пил воду, а организм перерабатывал её в кровь. Случилось, что я три-четыре раза в день ходил из монастыря в Коницу и приносил на своих плечах строительные материалы для сгоревшего монастыря». Такое пешее хождение даже само по себе – жёсткая и болезненная аскеза. Но это доставляло Старцу радость – потому что он любил труд.

Иногда он снимал обувь и босиком по заросшей тропинке шёл в находящийся напротив старый монастырь. Там он молился и через два-три часа воз-

вращался в Стомион через ущелье реки Аос. Одному юноше, спросившему, зачем он это делает, отец Паисий ответил: «Да ведь я поздновато стал монахом». То есть Старец прилагал подвиги к подвигам для того, чтобы восполнить ту аскезу, которую он совершил бы, если бы стал монахом в более молодом возрасте.

Связавшись «с заботами Марфы» – как он называл стройку – и помогая людям в их нуждах, Старец продолжал и приумножал свой аскетический подвиг – притом, что состояние его здоровья оставляло желать лучшего. Он строго постился и всячески поработал своё немощное тело. В это время он проходил курс лечения уколами. Иногда пищей целых суток был для него стакан воды. В монастырском огороде он выращивал различные овощи, но, несмотря на это, обычно обходился чаем с сухарями или толчёными орехами.

Рассказывает госпожа Пенелопа Барбути: «На огород он ходил босиком, а вечерами вытаскивал из своих ног занозы и колючки. Он съедал один сухарь утром и один вечером. А иногда вообще обходился только чаем. Работал очень много и почти не спал. Он старался никому ни в чём не отказывать, хотел всем помочь и услужить. Никогда никому не говорил “нет”. На руках у него были мозоли от многих поклонов. А ноги – одни кости. Физическое здоровье у него было не в порядке».

Днём Старец очень много работал, а ночи проводил в бдении. Самостоятельно вычитывал богослужение суточного круга – как научился на Святой Горе. Он не оставлял ничего из предусмотренного монашеским уставом. С необыкновенной скрупулёзностью исполнял своё личное монашеское правило, а кроме

того, молился по чёткам о живых и усопших вообще, а также о людях, имевших особую нужду в молитве.

Необходимое общение с людьми и занятие строительством не угасили его жажды к безмолвию. Напротив, они распалили эту жажду, и отец Паисий изыскивал различные способы непрерывного пребывания в умном делании и общении с Богом. Он всей душой стремился скрываться в безмолвных пещерах, чтобы, не отвлекаясь ни на что, молиться *«желая и взыскуя Бога»*. Это делание было его духовным радованием. Один с Единым Богом, в безмолвии, он услаждался и питался общением с Ним в возжеленной для него умной молитве.

Несмотря на то что монастырь находился в пустынном и безмолвном месте, Старец время от времени удалялся в пещеру. Он уходил туда ночами и совершал бдения – молясь по чёткам и делая бесчисленные поклоны. Пещера, где он молился, находилась в холодном месте, куда не попадало солнце. С потолка пещеры сочилась вода.

Поэтому он вырыл себе другую – маленькую, как хлебная печь, – пещерку в солнечном месте. В этой пещере он мог поместиться, лишь согнувшись. Чтобы пещеру не было заметно, он прикрывал её ветками. Позже, найдя дупло в дубе – в солнечном и сухом месте, – Старец хотел расширить его и уходить туда на безмолвие зимой, когда в монастырь совсем не попадает солнечный свет.

Если не было паломников, Старец на несколько часов уходил к себе в келью. Там он читал, молился и занимался духовным деланием. Дверь кельи он оставлял чуть приоткрытой, чтобы видеть монастырские врата – не придёт ли кто-нибудь.

В дни, когда Старец был вынужден отвлекаться на проходящих паломников, он с рассуждением находил время для исполнения своего монашеского правила. Если паломников приходило много, Старец оставлял кого-то из знакомых следить за порядком в церкви, а сам уходил совершать своё монашеское правило, после чего возвращался. Уходя в келью, он всегда оставлял дверь трапезной открытой, чтобы проходящие могли найти хлеб, консервы, помидоры и перекусить.

***Покровитель
бедных и сирот***

Одновременно со строительством монастырских зданий Старец заботился и о людях, которые испытывали нужду. А таких было немало. В то время в деревнях вокруг Коницы царили страшная нищета, заброшенность и горе. Старец собирал одежду, деньги, продукты и лекарства, упаковывал их в посылки и посылал нуждающимся. В этом ему помогали некоторые благоговейные женщины. Старец посылал женщин, которые были к этому расположены, опекать людей, нуждающихся в уходе, главным образом, стариков, у которых не было никого из родных.

Получив разрешение в полиции, Старец установил в каждом квартале Коницы по копилке и назначил ответственных за них. Ещё одна копилка находилась возле полицейского участка. Старец создал специальный попечительский совет, который распорядился собранными в копилках деньгами и раздавал их нуждающимся.

Также Старец заботился о бедных детях и о сиротах, стараясь, чтобы они могли продолжить учёбу. Он посылал их к тем, кто мог в этом помочь. Но и сам

он – как мог – помогал таким детям деньгами. Многие из них получили высшее образование и сейчас вспоминают Старца с благодарностью.

Земельные участки, принадлежащие монастырю, он отдавал бедным семьям для сельскохозяйственных работ. Арендную плату за эти участки Старец не требовал. Он говорил беднякам, чтобы они, если урожай будет хорошим, давали монастырю часть из него – сколько хотят сами. Если же год был неурожайный, то Старец не просил ничего.

Каждый раз, когда его сестра Христина приносила ему одежду или продукты, он их не принимал и говорил ей, чтобы она относила их в семьи, где люди не могли свести концы с концами.

На Богоявление Старец ходил по домам со Святой водой, и люди жертвовали что-то на монастырь. Однажды он вошёл в дом, где ребёнок был инвалидом. Мать – хозяйка дома – хотела положить в ящик для пожертвований какие-то деньги. Старец сказал ей: «От тебя Божия Мать ничего не просит. Ты сама в нужде». Сказав это, он тут же выложил на стол деньги из ящика для пожертвований и оставил их в бедной семье.

Госпожа Екатерина Патера рассказывает: «Он помогал очень многим. Он был очень милостивым. Однажды я связала ему свитер, а он, встретив на дороге сумасшедшую женщину, тут же снял с себя свитер и отдал его ей – чтобы несчастная не мёрзла. Я дарила ему и другие вещи, но он отдавал их первому встречному».

Господин Фома Тассиос свидетельствует: «Один старик жил в пещере, покинутый всеми. А отец Паисий каждую неделю приносил ему необходимые

продукты и своими руками его мыл. Он выходил из монастыря ещё затемно и шёл к этому старику так, чтобы никто об этом не знал».

Господин Лазарь Стергиу также вспоминает о том, что Старец регулярно посещал нищую старуху, которая жила одна в каком-то сарае и приносил ей продукты.

***Мученическое
отношение
к искушению***

Старец заботился не только о материальных нуждах людей. Намного большее попечение он проявлял о спасении их бессмертных душ. Он вспоминал: «Как-то, спросив знакомых об одной своей однокласснице, я узнал, что она пошла по плохому пути. Ну что же, тогда я стал молиться, чтобы Бог просветил её прийти в монастырь – чтобы я с ней поговорил. Я собрал говорившие о покаянии отрывки из Священного Писания и святоотеческих книг. И вот однажды она пришла в обитель ещё с двумя-тремя женщинами. Потом стала часто приходиться со своим ребёнком и приносить в монастырь свечи и масло. Но как-то раз один человек сказал мне: “Отец, да ведь она же тебя обманывает! Здесь притворяется благоговейной, но внизу, в городе, крутит любовь с полицейскими”».

В следующий раз, когда она пришла в монастырь, я её строго отругал, и она ушла в слезах. Вскоре я почувствовал, как всё мое тело опалает сильное плотское разжжение. Я стал молиться, но молитва не помогала. Недоумевая, отчего со мной произошло это искушение, я снова стал молиться, но опять совершенно безрезультатно. Тогда я взял топор, положил на пень левую ногу, придавил голень ноги остриём

топора и стал бить по обуху молотком. Я отсёк семь кусочков мяса, надеясь, что плотское разжжение от этой боли хоть немножко уменьшится. Но ничего подобного: ботинок наполнился кровью, а плотская брань не уменьшалась. Тогда я поднялся, оставил монастырь открытым и пошёл в лес. “Пусть меня лучше сожрут медведи”, – говорил я себе.

В дороге я выбился из сил и в изнеможении упал на краю тропы. Я пытался найти причину постигшего меня искушения. Почему оно на меня обрушилось, что было этому виной? И тут, внезапно вспомнив о женщине, которую отругал, я подумал: “Боже мой, а если она почувствует такую плотскую брань, то как она, несчастная, сможет её вынести?” Так вот в чём была причина моего искушения! Раскайвшись в том, что я так строго обличил эту женщину, я попросил прощения у Бога и тут же почувствовал себя так, словно вышел из прохладной воды после купания. Плотское разжжение исчезло».

В заключение Старец прибавил: «Когда нас искушает плотская похоть, в этом не всегда виновата плоть. Ведь плотская брань может происходить также от помыслов осуждения и гордости. Сначала нам надо отыскать причину постигшего нас искушения и потом уже предпринимать соответствующие действия. Не надо сразу, не разобравшись, в чём дело, противодействовать плотской брани постом, бдением и тому подобным».

Этот случай свидетельствует о мученическом мудровании Старца, для которого было предпочтительнее умереть, стать жертвой диких зверей, но не согрешить – даже в помысле. Он действительно дал кровь, чтобы приять Дух. Подобные случаи встре-

чаются и в Житиях Святых. К примеру, когда авва Пахон подвергся плотскому искушению, он пошёл в нору гиены, а после этого подносил к своему телу ядовитую змею, но Бог сохранил его и даровал ему бесстрашие⁽¹⁾.

Шрамы от топора сохранялись на ноге Старца до его кончины. Об этом свидетельствуют люди их видевшие, осязавшие и слышавшие эту историю из уст самого Старца.

Борьба против сектантов и еретиков

В Коннице к тому времени появились сектанты – так называемые евангелисты. Они занимались прозелитизмом, и их число постоянно увеличивалось. У них был молитвенный дом для собраний – опасное осиное гнездо.

Своим лжеучением волки-протестанты прельщали православных христиан. И вот, для того чтобы изгнать еретиков, Бог использовал малограмотного, однако «исполненного *Благодати и силы*» и имевшего великую православную чуткость отца Паисия.

Сначала Старец как следует разузнал о догматах их лжеучения. Потом он написал текст о том, кто такие евангелисты и прикрепил его к монастырским дверям, чтобы его читали паломники.

На собрания сектантов Старец посылал доверенных людей, чтобы узнать, кто именно приходит слушать протестантских лжеучителей. Потом он приглашал слушателей еретических проповедей к себе и один на один увещал их. После эти люди уже не ходили на сектантские собрания. Некоторых из них

⁽¹⁾ См. *Палладий, епископ Еленопольский*. Лавсаик. Коломна, 1992. С. 72–74.

он принимал в монастырь на работу и убеждал их порвать с сектантской организацией. Эти люди впоследствии стали христианами.

Кроме этого, Старец благословил коницких ребят пойти ночью к дому молитвенных собраний сектантов и снять с него вывеску. Старец также встретился с главарём сектантов, который приезжал в Коницу из Салоник, и убедил его больше не приезжать в Коницу. Молитвами Старца, а также благодаря его активным и рассудительным действиям, люди, совратившиеся в секту, вернулись в Православие, и Коница снова стала *«едíным ста́дом с едíным па́стырем»*.

После этого в Конице появились последователи Макракиса⁽¹⁾, но и им Старец не позволил совращать людей. Действуя активно и своевременно, он открыл людям глаза на них, и макракисты, тоже ничего не добившись в Конице, уехали ни с чем.

Старец заботился и о живущих в Конице мусульманах. Он окружил их любовью и заботой, помогал им в их нуждах, каждую пятницу собирал их в одном из их домов. Он надеялся, что с помощью любви и правильного отношения они могли стать христианами. И действительно, некоторые из этих людей позже приняли Святое Крещение.

«Водимый Духом...» Старец рассказывал: «В Стомион приехали два монаха, для того чтобы жить вместе со мной. Я тогда жил в большой келье и решил разделить её на две части.

⁽¹⁾ Макракис Апостолос (1831–1905) – греческий богослов и христианский писатель. Критикуя недостатки церковной жизни, уклонялся в крайности и радикализм. Имел немало последователей. – *Прим. пер.*

Но поскольку у меня не было денег для этого, я решил взять в долг пятьсот драхм.

По дороге в Коницу я проходил мимо часовни, перекрестился, зажёг в этой часовне лампадку и пошёл дальше. Когда я проходил мимо одного дома, что-то подтолкнуло меня постучаться. Было утро. Увидев меня, хозяин обрадовался. “Я как раз хотел тебя увидеть, – сказал он мне. – Я пообещал Пресвятой Богородице пожертвовать вот эти деньги на Её обитель”. И он дал мне пятьсот драхм – ровно столько, сколько мне было нужно.

Помня об этом случае, в другой раз я также почувствовал подобные внутренние побуждения – что-то подталкивало меня поехать в большой город – Янину. Будучи не в силах удержаться, я послушался внутреннего голоса и поехал. Зачем я туда еду, я не знал. Никакой определённой цели у меня не было. Проходя по улицам, я оказался возле магазина и зашёл купить несколько стаканчиков для лампад в церкви – просто так, про запас. Купив лампадные стаканчики, я снова пошёл по улице. Проходя переулком мимо одного дома, я вдруг почувствовал, что какая-то внутренняя сила подталкивает меня зайти внутрь. Я послушался и постучал в дверь. Открыла одетая в чёрное женщина лет сорока пяти. Увидев, что на пороге стоит монах, она упала мне в ноги и минут пятнадцать непрерывно повторяла: “Иисусе мой, благодарю Тебя, благодарю Тебя, Иисусе мой”.

Мы прошли в дом. Там были ещё две женщины. С одиннадцати часов утра и до пяти часов вечера мы сидели и беседовали. Потом мы отслужили молебный канон Пресвятой Богородице. Эта женщина стояла на коленях и пела молебный канон наизусть.

Она овдовела молодой, была очень богата. Часть своих земель она давала девочкам-сироткам, и на этих землях работали её родственники. Она собиралась правильно раздать своё имущество и потом уйти в монастырь. Ожидая этого, она побывала в Иерусалиме, где стала тайной монахиней. Она носила чёрные, похожие на монашеские одежды. Эта женщина настойчиво просила Бога послать ей какого-то монаха, чтобы он научил её монашеской жизни. Впоследствии, раздав своё богатство на дела милосердия, она ушла в женский монастырь, находившийся на одном из островов⁽¹⁾.

Эта женщина рассказала мне ещё об одной тайной монахине, которая торговала в киоске. Я встретился и с ней. Она взяла на себя воспитание племянников, детей своего брата, сирот по отцу и по матери. Ум этой рабы Божией часто был восхищаем в созерцание. Люди, приходившие в киоск за покупками, не понимая, в каком она находится состоянии, думали, что от большого горя она немного повредила в уме и сейчас пребывает в прострации. Покупатели сами брали из киоска всё, что хотели, оставляя на тарелочке деньги. Обе эти женщины были избранницы Божии».

Бесовские нападения

Узнав о том, что в старину насельники монастыря Стомион спускались ради безмолвия в пропасть, Старец попробовал сделать то же самое. Он обвязал себя верёвкой, другой конец которой привязал к дереву на вершине

⁽¹⁾ Монастырь Фанероменис на острове Саламин. Там эта матушка подвизалась в монашеских подвигах и почилла о Господе. В миру её звали Афина Хаджи, в монашестве – монахиня Анна. В годы оккупации она принимала активное участие в борьбе против оккупантов.

пропасти. Спускаясь в пропасть, Старец обнаружил выровненную площадку – примерно один квадратный метр, встал на неё, и ему захотелось там помолиться. Взяв несколько камней, он положил их на краю, сделав небольшой бордюрик. Как только он начал молиться, налетел искуситель – подобно смерчу, сильному вихрю – и стал с силой сталкивать Старца в пропасть. Тогда Старец призвал Пресвятую Богородицу: «*Пресвятая Богородице, спаси мя*». Смерч тут же прекратился, и Старец остался в живых. А он стоял уже на самом краю пропасти, упираясь ногами в камни. Эта пропасть так крута и ужасна, что один её вид уже вызывает головокружение.

Старец рассказывал ещё об одном бесовском нападении: «Я был в церкви и молился. Примерно в полночь я услышал, как без остановки прыгает дверная щеколда: так-так, так-так. Прошёл час, а щеколда всё дергалась. Одновременно слышались какие-то голоса и стук. В монастыре кроме меня не было никого. Я подумал, что если за этой дверью диавол, то из храма лучше не выходить. Я вошёл в алтарь и пробыл там до рассвета».

***Спасение по
Промыслу Божию***

«Однажды, когда я восстанавливал монастырь, – рассказывал Старец, – мне надо было срочно идти в одно место за строительными материалами. Пешком туда часа два идти. По дороге, в одном опасном месте, которое я называл “Голгофой”, я встретил своего знакомого с тремя мулами, нагружёнными древесиной. Вьючные сёдла сбились набок, один мул был уже на краю пропасти – того гляди сорвётся вниз.

Я подумал, что если останусь помогать этому человеку, то потеряю время и задержусь. Но совесть не позволяла мне оставить его без помощи. Я стал ему помогать. “Бог тебя послал, отче”, – обрадовался он.

Я помог ему перевьючить мулов и ушёл, задержавшись примерно на двадцать минут. Идя дальше, я увидел, что дорогу только что смял длинный – метров триста длиной – оползень. Люди, видевшие его, сказали мне, что он сошёл только что. Если бы я не помог тому человеку, то наверняка оказался бы на этом месте как раз во время оползня и не смог бы спастись. Всё это произошло по Промыслу Божию. Бог, для того чтобы меня спасти, попустил этому человеку немножко помучиться. Я был спасён от верной смерти, а этот человек тысячу раз сказал мне “спасибо”. Но я тоже, наткнувшись на оползень, обернулся и издали стал кричать ему: “Дядюшка Анастасий, ты спас меня! Бог тебя послал!”»

***Ночное посещение
Пресвятой Богородицы***

Две благоговейные женщины из Коницы, госпожа Пенелопа Мурелату и госпожа Пенелопа Барбути, помогали отцу Паисию работать на огороде. Однажды после Повечерия они пошли в монастырскую гостиницу и рано легли спать. Ночью, услышав стук в монастырское било, они проснулись и, выйдя из комнаты, увидели, что Старец тоже выходит из своей кельи. Старец сказал им: «Благословенные души, разве я не просил вас ночью не стучать в било?»

Женщины с недоумением ответили, что даже и не дотрагивались до била. И вдруг они заметили,

как внутрь храма входит и становится невидимой какая-то Женщина. Они увидели Её в профиль – от плеча и ниже – руку и омофор. Это была Пресвятая Богородица, ночное посещение Которой было возведено тем, что било начало стучать само собой.

Увидев Пресвятую Богородицу, Старец – до этого разговаривавший громко – от благоговения и священного трепета замолчал, дав женщинам знак уйти, а сам ушёл в свою келью.

Около полуночи он позвал их в храм, и они отслужили молебен Пресвятой Богородице. После молебна он сказал им: «Бог удостоил вас увидеть Матерь Божию. Но не рассказывайте об этом никому».

***Похожее на правду
бесовское видение***

«Однажды ночью, – рассказывает Старец, – сидя в келье на скамеечке, я творил Иисусову молитву. Внезапно в монастырском дворе послышалась музыка – звуки скрипок, барабанов, человеческие голоса и шум танца. Поднявшись, я выглянул в окно посмотреть, что происходит, но ничего не увидел. Во дворе было очень тихо. Я понял, что это дьявольские проделки.

Не успел я сесть на скамью и продолжить молитву, как внезапно моя келья наполнилась сильным светом. Крыша исчезла. Этот свет достигал до неба, а на вершине этого светлого столпа я увидел как бы лицо белокурого юноши, похожего на Христа. Видно было только половину лица и светящуюся надпись: “*Слáва в Вѣшних Бóгу*”. Я поднялся и стал всматриваться вверх, чтобы получше разглядеть лицо и вдруг услышал голос, говорящий мне: “Ты удостоился увидеть Христа!”

Старец в монастыре Стомион.

В то самое мгновение, когда голос говорил мне это, я поглядел вниз, ища, на что бы мне встать, чтобы разглядеть лицо получше, увидеть его полностью. Но одновременно я подумал: “Да кто такой я, недостойный, чтобы видеть Христа?” В то же самое мгновение исчезли и свет, и лже-Христос, и я увидел, что потолок был на своем месте».

Не сумев прельстить Старца ложным видением, диавол в отместку исцарапал его ноги так, что из ран текла кровь.

Помятуя об этом случае, Старец так говорил о правильном отношении к видениям: «Вот так и начинается прелесть. Если бы Господь не помог мне уразуметь, что это видение было бесовским, то потом начались бы “телепередачи” лукавого. Диавол показывал бы мне: “Вот Христос, вот Божия Матерь, вот пророчества и тому подобное”. Так человек и впадает в прелесть. Поэтому мы не должны легко принимать видения – даже если они от Бога. Ведь и Бог, если можно так выразиться, радуется, если мы не принимаем видений, потому что, не принимая их, мы проявляем смирение и внимание, которых Он от нас хочет. Господь знает, каким образом показать нам то, что желает. Он знает, как научить нас чему-то не с помощью видения, а по-другому».

Дружба с дикими зверями

Великая любовь Старца к Богу и к Его образу – человеку – переливалась через край его сердца. Преизлияния этой любви хватало даже на неразумную тварь. Особенно Старец любил диких животных, которые, чувствуя его любовь, тоже не боялись к нему подходить.

Один оленёнок приходил к Старцу и ел из его рук. Старец масляной краской нарисовал на лбу у этого оленёнка крест и попросил охотников не охотиться возле монастыря и не стрелять, увидев оленёнка с крестом на лбу. Но, к несчастью, один охотник пренебрёг заповедью Старца и, увидев оленёнка, его убил. Старец очень расстроился и предсказал, что с этим охотником произойдёт несчастье. Пророчество исполнилось в точности. Мы не говорим об этом подробно, потому что тот человек ещё жив.

В лесах, прилегающих к монастырю Стомион, живут медведи. Однажды Старец поднимался по узкой тропинке в монастырь и вёл за собой нагруженного ослёнка. На дороге он встретил медведя. Медведь отошёл к краю тропинки, пропуская Старца. Старец в свою очередь делал медведю знак проходить первым. «А он, – рассказывал Старец шутя, – протянул лапу, стал тянуть меня за рукав и показывать, чтобы первым прошёл я». Старец сказал медведю: «Завтра чтобы тебя здесь не было, потому что я жду посетителей. Если не послушаешься, то я возьму тебя за ухо, отведу в хлев и там привяжу».

Старец говорил, что у медведей есть эгоизм. Оказавшись в опасности, они делают вид, что им не страшно, но потом убегают со всех ног.

Один медведь часто приходил в монастырь и подружился со Старцем, который его кормил. В те дни, когда в монастырь приходили люди, Старец заранее просил медведя не показываться людям на глаза и их не пугать. Иногда медведь нарушал заповедь Старца, неожиданно показываясь и наводя на всех ужас. Этого медведя видели многие, в том числе и Екатерина Патера, которая рассказывала: «Однажды ночью

я поднималась в монастырь с фонариком, желая успеть на Божественную Литургию. Вдруг я услышала треск, посветила фонариком и увидела зверя, похожего на громадную собаку. Этот зверь шёл за мной по пятам. Когда я дошла до монастыря, то спросила отца Паисия: “А собака-то эта что, монастырская?” А он мне ответил: “Это разве собака? А ну-ка погляди хорошенько. Ведь это же медведь”».

***Другие события
конецкого периода***

Однажды обворовали дом госпожи Пенелопы Барбути. Воры взяли те немногие деньги, которые она скопила, – всего-навсего пятьсот пятьдесят драхм. Расстроенная, она тут же пошла в монастырь, чтобы рассказать о случившемся Старцу. Старец уже ожидал её возле монастыря под шелковицей. Издалека он закричал: «Не расстраивайся: найдутся! Сколько там было: пятьсот пятьдесят драхм, что ли? Через пятнадцать дней найдёшь». Через тринадцать дней госпожа Пенелопа снова встретила Старца и сказала, что ещё не нашла сворованных денег. «Благословенная душа, – ответил он ей, – я тебе разве не сказал, что через пятнадцать дней? Почему ты такая нетерпеливая?» И действительно, ровно на пятнадцатый день госпоже Пенелопе одна женщина принесла деньги, которые украл её сын.

* * *

Когда по воскресеньям в монастыре не служилась Божественная Литургия, Старец спускался для службы и Причащения Святых Христовых Тайн в Коницу. В полночь с субботы на воскресенье он за-

крывал монастырь и через час приходил в Коницу, где в усыпальнице ждал начала службы и шесть-семь часов молился за живых и усопших – пока пономарь не открывал храм.

В одну из таких ночей, он увидел, как останки усопших излучают свет. Кто знает, может быть, это было знамение, которым усопшие души дали понять Старцу, что чувствуют его молитвы?

* * *

Одно время в монастыре работал господин Лазарь Стергиу. Он рассказывал: «Как-то в субботу я делал опалубку над стеной, чтобы залить над ней бетонную стяжку, а отец Паисий убирался в храм. Около одиннадцати часов дня он хотел что-то мне сказать и стал делать какие-то знаки. В обед мы пошли есть, но он молчал: потерял голос. “Что с тобой случилось, отец Паисий?” – спросил я его. Он выглядел спокойным, как будто ничего не произошло. “Пойти в город позвать врача?” – спросил я. Нет, он мне не разрешил. Мы с ним общались знаками. Прошла неделя. В следующую субботу он мыл лампы. Вдруг я услышал, как он поёт. Он вышел из храма, держа в руках икону Пресвятой Богородицы. От радости я его расцеловал».

В те же дни в монастырь приходила и госпожа Пенелопа Барбути. Поняв, что Старец потерял голос, она заплакала. Потом, когда голос вернулся, она его спросила: «Что с тобой было, отче?»

Старец сказал ей, что такое уже случилось с ним на Святой Горе. Однако сейчас он получил извещение о том, что больше с ним такого не произойдёт. И действительно, больше ничего подобного с ним не случилось.

* * *

«Когда я строила дом в селе Святой Георгий, – рассказывает Екатерина Патера, – туда пришёл Старец, чтобы встретиться с моей матерью. Когда он пришёл, один мальчонка восьми лет – его звали Стефанис – упал с верхнего этажа, ударившись головой о цемент, разбил голову, и кровь лилась ручьём. Все бывшие там – его бабушка и мама – кричали, не зная, что делать.

– Что там случилось? – спросил отец Паисий.

Он спустился вниз, благословил мальчонку крестом, который у него был с собой, попросил кусочек ватки, приложил его к ране – и врач не понадобился! Даже шрама не осталось!»

* * *

Однажды Старец задержался в Конице, беседуя о вере с мусульманами. Чтобы не упустить Повечерие, он совершил его по чёткам, поднимаясь в монастырь. Бесы выхватили чётки у него из рук. Старец опустился на колени и стал молиться. «Я не уйду отсюда, если вы не принесёте мне чётки», – сказал он. И нечистые духи вернули ему чётки, будучи не в силах противиться силе его молитвы!

* * *

Как-то раз монастырь посетил мэр Коницы с другими официальными лицами. Старец не заискивал перед ними и не угодничал – якобы для того, чтобы они помогли монастырю. Он не умел льстить и угрож-

дать людям. Он начал разносить угощение, начиная не с мэра, но с дяди Георгия – простого и благоговейного крестьянина, достойного уважения больше, чем другие. Хотя Старец и относился с почтением к людям, занимавшим высокое место, в этом случае он почтил добродетель – *«сла́ва челове́ка есть добродé-тель»*⁽¹⁾, – а не просто человека, облечённого мирской властью, но добродетели не имеющего.

* * *

Рассказывает господин Фома Тассиос из Коницы: «Однажды я встретил Старца на автовокзале города Янина. Мы поехали вместе, по дороге чуть не попали в страшную аварию: три автобуса и один грузовик врезались в линию электропередач. А наш автобус был словно перенесён невидимой силой на пять метров от дороги, и мы избежали столкновения. Я говорю Старцу: “Если бы тебя с нами не было, отец Паисий, мы превратились бы в соляной столп”. А он мне отвечает: “А ты заметил, чтобы кто-нибудь осенил себя крестом? Ты, когдаходишь в автобус, молись, чтобы доехать благополучно”».

* * *

Госпожа Пенелопа Барбути рассказывает: «Когда у него болела голова, он прислонял её к иконе Пресвятой Богородицы, и боль проходила. Тесто для просфор он замешивал без закваски. Он его осенил крестом, и оно поднималось. Однажды он мне сказал: “К

⁽¹⁾ *Святой Иоанн Златоуст*. Полное собрание творений в 12-ти томах. Т. V. М., 2005. С. 251.

нам идут три охотника. Приготовь фасоль”. И действительно, пришли три охотника и попросили поесть фасоли. У них с собой было мясо в мешке, но они оставили его за оградой монастыря на дереве, потому что Старец не разрешал печь мясо в монастыре».

* * *

В Янинах он познакомился с одной мирской женщиной, у которой был дар прозорливости. Он хотел купить стекло для керосиновой лампы, но у него не хватало денег. Нужно было тринадцать драхм. И вот, проходя мимо дома этой женщины, он услышал, как она говорит кому-то: «Дай монаху тринадцать драхм, чтобы он купил стёкла для лампы».

***Уход из
Стомиона***

Жители Коницы и окрестных сёл звали Старца «монах» и относились к нему с благоговением. Они искренне любили его и помогали ему, хотя и не осознавали до конца, какое сокровище он в себе скрывал. В его лице люди видели что-то особенное. Они пленялись его любовью и добротой. Он был для них Ангелом-Хранителем, утешением, поддержкой в трудностях. Сегодня зрелые мужчины вспоминают, как, будучи маленькими детьми, они видели исхудалого монаха. Он шёл быстрым шагом по коницким улицам, погружённый в себя, не глядя по сторонам.

Слух о его добродетели распространился и за пределы Коницы. Для встречи с ним люди приезжали из других мест. С ним подружилась группа студентов богословского факультета, которые переписывались с ним. Приезжая, они останавливались в

монастыре. Старец помог им духовно. Почти все они избрали монашескую жизнь.

Но среди посетителей монастыря были и такие, кто не переставая расстраивал Старца своими мирскими причудами, не собираясь исправляться. Кто-то пытался провести к монастырю автомобильную и воздушную монорельсовую дороги. Кому-то не нравилось, что Старец отменил мирские развлечения на монастырском дворе в день престольного праздника. Эти люди действовали против Старца. Некоторые из них требовали его изгнания из монастыря, желая взять в свои руки монастырские владения и лес. Были и другие причины для ухода Старца из Стомиона.

Сперва Старец уехал из монастыря на месяц. За день до престольного праздника он пришёл в храм для того, чтобы совершить службу, а закончив её, увидел, что во дворе разожгли костры и начались танцы. Тогда он взял свою рясу и ночью, расстроенный, уехал на Святую Гору. «Они были ещё духовно незрелы», – говорил Старец. Но после просьб многих земляков он опять вернулся в Стомион.

В 1961 году он снова уехал на Святую Афонскую Гору. Жители Коницы, желая заставить его вернуться, написали письмо в монастырь Филофей и поставили под этим письмом свои подписи. Они просили, чтобы Старец пожалел их и вернулся в Коницу.

В одном из своих писем Старец писал: «Когда я уехал из Коницы, жители заволновались. Через несколько дней после того, как я приехал на Святую Гору и достиг Филофея, в монастырь пришло письмо от мэра Коницы со многими подписями и ещё одно

письмо от номарха⁽¹⁾ того района, с просьбой позволить мне вернуться в монастырь Стомион, поскольку там была большая нужда и тому подобное. Они также изложили свои причины, но в монастыре не все были согласны дать мне это благословение. Я узнал, что жители Коницы собираются дойти до патриарха Афинагора и до министра иностранных дел Аверова, с просьбой повлиять на губернатора Святой Горы, который подчиняется Министерству иностранных дел».

После настойчивых просьб Старец снова возвратился в Стомион, взяв отпускную грамоту от монастыря Филофей 7 августа 1961 года.

Брат Старца Лука и господин Димитрий Корциноглу, видя трудности, которые Старец испытывал в Стомионе, по собственному почину построили на окраине Коницы домик, в котором была келья, небольшой храмик и мастерская. Они надеялись, что Старец останется там жить. Они не хотели, чтобы он их покинул и они лишились бы его драгоценного присутствия.

Восстановив монастырь, изгнав из Коницы сектантов (возможно, это было самым большим из благодеяний отца Паисия родному городу) и оказав помощь многим, Старец стал мучиться помыслом, что, живя в Конице, он ничего не делает. Он часто укорял себя: «Ведь я монах. Что я забыл здесь, в миру?» И, жалуясь, он говорил Пресвятой Богородице: «Владычица моя, ведь я просил у Тебя пустыни, а Ты привела меня в мир».

⁽¹⁾ Глава номоса – округа, административной единицы в Греции. – *Прим. пер.*

Видимо, он получил ответ на свою молитву. Когда позже отец Косма – ныне игумен монастыря Стомион – спросил его, почему он ушёл, он ответил: «Э, я попросил Матерь Божию, чтобы Она Сама показала мне место, куда идти. И Она сказала мне: “Иди на Синай”».

В то время Старца посетил выпускник богословского факультета, живший тогда на Синае, – ныне синайский архиепископ Дамиан. С его помощью Старец вступил в переписку с тогдашним синайским архиепископом Порфирием. Он спросил Владыку, позволит ли тот жить ему на Синае, где-нибудь вне монастыря, ничем не обременяя обитель, и получил положительный ответ.

Итак, увидев, что его миссия в «мирской пустыне» закончена, и исполнив свой обет Пресвятой Богородице, Старец 30 сентября 1962 года окончательно оставил Стомион и удалился на Богошественную Гору Синай. Он не сказал никому о причинах своего ухода, потому что люди устроили бы смуту и стали возмущаться. Он объяснил, что уезжает на лечение. Когда он уходил, многие плакали, потому что он был их утешением.

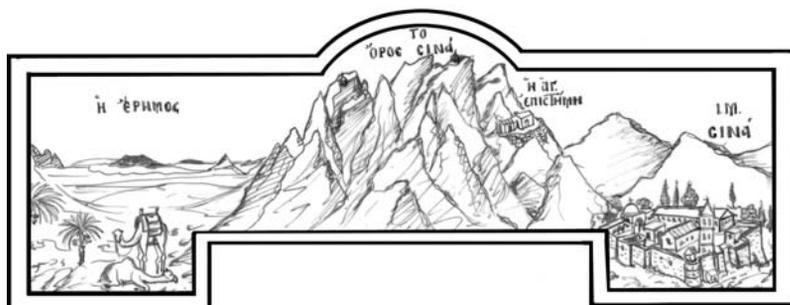
Старец не только восстановил монастырь, не только составил его «Историю» (хронику), но и продолжил её своей святой жизнью. На коницких скалах остались страницы его жития. Он написал его своими подвигами и пережитыми им сверхъестественными событиями. Жители Коницы с благоговением хранят память о «монахе», который сегодня известен во всём мире как Старец Паисий Святогорец.

глава восьмая

**ПУСТЫННИК НА
БОГОШЕСТВЕННОЙ
СИНАЙСКОЙ ГОРЕ**

*Возле пустынной кельи святых Галактиона и
Епистими.*

Переселение на Синай

Господин Ставрос Балтоянис, художник-реставратор, живущий в Афинах, рассказывает: «Осенью 1962 года я отправился в Синайский монастырь по приглашению этой обители, чтобы заняться реставрацией монастырских икон. В Каире на монастырском подворье во время обеда я познакомился с монахом Паисием, который тоже ехал на Синай. Он был необыкновенно худым, ел совсем-совсем мало и почти постоянно молчал. Сильный грудной кашель свидетельствовал о том, что у него были проблемы со здоровьем.

Ожидая разрешения на поездку в Синайский монастырь, мы с отцом Паисием прожили в Каире около недели. За эти дни я смог убедиться в том, что он упорно избегал пищи, которую нам приносили, а когда ел, делал это лишь потому, что чувствовал, что должен оказывать послушание. С того времени и позже, живя вместе с ним в монастыре, я понял, что среди монашеских добродетелей, которыми он был украшен, было истинное и сознательное послушание.

Получив необходимые бумаги, мы загрузили наш багаж в такси и выехали из Каира. Помню, как отец Паисий молча сидел в уголке машины всё время, пока мы ехали до Суэца. В Суэце я и ещё один че-

ловек, наш попутчик, сделали кое-какие покупки – в основном продукты. Во время долгой стоянки в Суэце, которая была также передышкой в путешествии, мы с нашим спутником проголодались. На наше приглашение присоединиться к обеду, отец Паисий никак не отреагировал. Он ограничился тем, что смачивал свои губы каплями сока, выжатого из маленького египетского лимона. Этот лимон и был единственным “запасом пищи”, который он имел с собой.

Переночевав в Фаране, утром мы отправились на Синай. Приехали в монастырь ближе к вечеру. Отца Паисия быстро отвели в его келью, а я остался с моим коллегой Анастасием Маргаритовым, который ожидал меня, чтобы вместе начать работу. Вскоре мы узнали, что, войдя в свою келью, отец Паисий первым делом снял с кровати матрас и выкрутил электрическую лампочку, которая освещала комнату.

Умеренность, аскетический дух, бесхитростное простодушие этого человека и его всецелая самоотдача Богу не замедлили проявиться во время его пребывания в Синайском монастыре. Молча он старался принимать участие в делах и заботах общезжития и быстро стал полезным членом братства. Все быстро узнали о его способностях и знаниях, таких, например, как искусство в обработке дерева. Последнее обстоятельство натолкнуло нас с моим коллегой-реставратором на идею попросить у монастыря, чтобы новый насельник помогал нам в столярных работах, которые обычно необходимы при реставрации икон.

Отец Паисий стал очень тщательно работать над изготовлением деревянного киота для иконы Христа, которая от старости лопнула и разделилась на

две части⁽¹⁾. Работа ему удалась. Очень искусно и с большой находчивостью он изготовил второй деревянный ковчежец с рамой размером в икону – какой она была вначале. Мы поместили в этот ковчег обе части лопнувшей иконы, и между ними остался небольшой зазор. Мы специально оставили это пустое пространство, рассчитав, что оно будет незаметным взгляду человека, который поклоняется иконе. Так отец Паисий работал рядом с нами, со вниманием и ответственностью исполняя столярные работы, связанные с реставрацией. Он работал молча, с большой отдачей, распространяя вокруг себя атмосферу благодатства и святости. Его постоянные уклонения от обеда в полдень, его страшная худоба и сильный, непрекращающийся кашель заставляли нас переживать о его здоровье, и мы часто старались отговорить его от такой строгой аскезы. Я никогда не забуду его посветлевшее лицо, когда однажды он был вынужден ответить мне на подобные замечания. “Ставрос, – сказал он, – ты эти вопросы оставь нам – монахам”.

Мы прожили в монастыре около сорока дней, а Паисий был всё таким же, как вначале: незлобивый, необыкновенно духовный, задумчивый и, вероятно, молящийся в те часы, когда он молча помогал нам в работе. В последний день, попрощавшись с ним, я покинул монастырь с уверенностью, что оставляю там святого человека.

Изредка до меня доходили слухи о том, что отец Паисий подвизался всё строже и строже. Вскоре после нашего расставания, как я и предполагал, отец Паисий удалился из монастыря на одну из скал Бого-

⁽¹⁾ Речь идёт о знаменитой Синайской иконе Христа Пантократора.

шественной Горы и жил там в исключительном подвиге, спускаясь в монастырь в определённые дни».

***Ниспослание
дождя***

Когда отец Паисий приехал на Синай, стояла сильная засуха. Природные условия тех мест таковы, что дождь идёт крайне редко. Однако в год, когда приехал Старец, недостаток воды чувствовался особенно остро. В монастыре готовили караван верблюдов, чтобы привезти воду издалека. Старец сказал: «Подождите, не отправляйтесь за водой сегодня». Ночью он молился, и пошёл сильный дождь.

***Блаженная
пустынная жизнь***

Взяв благословение жить одному в пустыне, Старец переселился в келью святых Галактиона и Епистимии. Этот аскетирий состоит из маленького храма и крохотной, продолжающей храм келейки. Аскетирий расположен в прекрасном возвышенном месте, прямо напротив Святой Вершины. Он отстоит от монастыря на расстоянии чуть меньше часа пешего пути.

В двухстах метрах выше аскетирия находится пещера святого Галактиона, а немного за ней – скит, в котором жила святая Епистимия с другими подвижницами. Это святые, благословенные места. Несмотря на сухость и духоту, эти скалы вдохновляют. Там, в орлиной вышине, Старец, как орёл духа, устроил своё гнездо, или, лучше сказать, возвёл свою сторожевую башню.

Совсем недалеко от аскетирия, на расстоянии «вержёния камня», сочился небольшой родничок. За сутки набиралось два-три литра воды. Старец расска-

зывал: «Я ходил за водой с жестяной баночкой. Вода мне была нужна для чая или для того, чтобы смачивать лоб. Ожидая, пока вода наберётся, я с благодарностью читал акафист Пресвятой Богородице и мои глаза наполнялись слезами. “Боже мой, – говорил я, – мне надо только немного водички для питья – больше я ничего не хочу”». Настолько драгоценными были эти немногие капли воды для него – пожелавшего жить в пустыне. Но и этой водой Старец делился с дикими животными и с жаждущими пустынными птицами.

– Геронда, как Вы жили на Синае? – спросил Старца один человек.

Старец ответил: «Моей пищей был чай с сухарями, которые я делал сам. Я раскатывал тонкий лист теста и высушивал его на солнце. Эти сухари были настолько жёсткими, что разбивались, как стекло. Иногда я варил толчёный рис в консервной банке. Эта банка была и кофейником, и кастрюлей, и тарелкой, и кружкой. Всё моё хозяйство состояло из этой банки да одной ложечки – чуть поменьше столовой.

Кроме этого, у меня была майка, которую я надевал ночью, чтобы было потеплее. Вечером я пил чёрный чай, чтобы не спать, и в чай клал чуть побольше сахара – какую-нибудь лишнюю ложечку. Этот сахар заменял мне вторую майку. (Старец хотел сказать, что его согревали калории, которые давал дополнительный сахар.) У меня была ещё смена тёплой одежды, потому что ночью в тех местах бывает очень холодно. У меня не было ни лампы, ни фонаря – только одна зажигалка, которой я подсвечивал путь ночью, идя по каменной тропе со ступеньками. Зажигалка была нужна также для того, чтобы иногда разжигать огонь. Чтобы нагреть чай или воду, я собирал

хворост и сухие веточки. Ещё у меня было несколько запасных кремней и маленькая бутылочка с бензином для зажигалки. Больше ничего не было.

Как-то раз я посадил один куст помидоров, но потом меня начал мучить помысел и я его вырвал, чтобы не искушать бедуинов. Мне казалось неприличным, что у бедных бедуинов не было помидоров, а у меня – монаха – будут.

Днём я творил Иисусову молитву и занимался рукоделием. Молитва и рукоделие – это был мой устав. Ночью несколько часов я делал поклоны – не считая. Службу не вычитывал, заменял её молитвами по чёткам.

Чтобы меня не донимали любопытные, зелёной масляной краской я нарисовал на скалах черепа с костями – знак опасности. Как-то раз один немец-турист захотел подняться ко мне. Увидев черепа, он решил, что попал на минное поле, но, видимо, был в таких делах специалистом и, ступая очень осторожно, всё-таки добрался до моей кельи. Я наблюдал за ним сверху. Я дал ему подняться, потом зашёл в пещеру святого Галактиона и завалил вход в пещеру охапкой колючих веток. Он меня искал, но, не найдя, ушёл».

Старец чрезвычайно упростил свою жизнь и всеми своими силами, не отвлекаясь на что-то ещё, отдался подвижничеству. «Пустыня избавляет человека от страстей. Если ты отнесёшься к пустыне с почтением и подстроишь себя под неё, то она даст тебе прочувствовать своё утешение», – с ностальгией говорил Старец позже. Так в немногих словах он выражал свой опыт жизни в Синайской пустыне.

Старец любил посещать места, где жили подвижники. Он восхищался маленькими аскетическими пе-

щерами. Где-то он находил сохранившийся колодец, в другом месте скала была почерневшей от огня, на котором изредка готовили себе пищу те, кто подвизались там раньше. Эти древние места аскетических подвигов вдохновляли и умиляли Старца. Он посетил также аскетирий святого Георгия Арселаита. Это было совершенно пустынное место, удобное для жизни отшельников. Великий пост Старец провёл в аскетирии святого Стефана (о нём говорится в «Лестнице»⁽¹⁾), расположенном немного ниже Святой Вершины. Старец провёл Великий пост, не вкушая почти ничего. У него была с собой только маленькая жестяная баночка, в которой он приносил себе воду из колодца, располагавшегося чуть ниже, в аскетирии святого пророка Ильи.

У Старца было правило не надевать ботинок. Его пятки потрескались, и из них сочилась кровь. Ботинки он носил в своей монашеской сумке и обувался, только спускаясь в монастырь либо встречая кого-то на дороге.

Тот, кто бывал в пустыне, знает, насколько болезненно идти босиком по скалам или по песку. Днём песок и камни раскаляются так сильно, что бедуины, зарывая в раскалённый песок яйца, их варят. А когда приходит ночь, скалы настолько остывают, что, идя по ним, ступаешь, будто по льду.

В монастырь отец Паисий спускался каждое воскресенье, либо раз в пятнадцать дней. Он помогал читать и петь на службе, причащался. В монастыре у него была маленькая уединённая келейка в башне, где в прежние времена держали сосланных на Си-

⁽¹⁾ См. Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лестница, в русском переводе. Ук. изд. С. 83–84.

най. Старец принимал участие в общих монастырских работах, плотничал и помогал братьям в обрезке масличных деревьев. Но, несмотря на свою помощь монастырю, он не обременял обитель ничем. Продукты, которые ему полагались, он раздавал остальным отцам. Он не брал себе даже ту скромную денежную сумму, на которую тогда имели право все насельники Синайского монастыря.

Некоторые из насельников монастыря советовались с ним и получали пользу от его опыта и рассуждений. У Старца был послушник – Евфимий Склирис (впоследствии насельник монастыря Ставроникита на Святой Афонской Горе монах Афанасий), который, хотя и жил в монастыре, пользовался духовным руководством Старца Паисия.

Но и тогдашний Синайский архиепископ Порфирий – добрый и смиренный иерарх – благоговел перед Старцем и прислушивался к тому, что тот ему советовал делать для того, чтобы в монастыре возродилась монашеская жизнь.

***Чудесное
Божественное
Причащение***

Вначале, приехав на Синай, Старец решил подняться в аскетирий и прожить там две недели, не спускаясь в монастырь. Он сообщил об этом отцам, попросив, чтобы его не беспокоили. Один из монахов, отец Софроний, спросил его: «Геронда, а ты выдержишь там, наверху?»

– Постараюсь. Буду просить Бога о том, чтобы выдержать.

Позже Старец рассказывал: «Что я пережил там, наверху, от диавола за эти пятнадцать дней, нельзя выразить. Это невозможно себе представить! Я чув-

ствовал себя так, словно был пригвождён ко Кресту. Потом, на второе воскресенье, я спустился в монастырь, чтобы быть на Божественной Литургии. Причастившись, я особым образом почувствовал вкус Божественного Причащения. Это были Тело и Кровь Христовы».

Получив силы от этого знаменья и глядя из монастыря на аскетирий, Старец сказал диаволу:

– Если хочешь, приходи, вот теперь повоюем.

Рукоделие и милостыни

Рукоделием Старца была резьба по дереву. Он рассказывал: «Я вырезал на дереве иконы, изображающие пророка Моисея, получающего скрижали с заповедями. Дерево для рукоделия я заготавливал сам. Возле ручья, если идти по направлению к келье Святых Бессребреников, росли нужные мне деревья – один из видов левкады – это дерево, похожее на серебристый тополь. Я пилил эти деревья, сушил древесину, делал дощечки и вырезал иконки. Часто, даже ночью, я приоткрывал дверь кельи и при свете луны, творя Иисусову молитву, шлифовал и подготавливал дерево к резьбе. Вместо инструментов у меня были только два маленьких ножичка. Я сделал их из ножниц фирмы «Зингер», которые привёз с собой из Греции. Я разобрал эти ножницы на две части, заточил их и покрыл зелёной масляной краской, чтобы они не отражали солнечные лучи и не слепили мне глаза. Вначале на одну икону у меня уходило три дня. Потом я заканчивал икону в одиннадцать часов.

Рукоделие я отдавал в монастырь для продажи. Эти иконки шли у паломников нарасхват. Деньги за иконы я отдавал знакомым таксистам из Каира

и просил купить на них одежду, шапочки, печенье, продукты и тому подобное. Потом я набивал этими вещами рюкзак и выяснял, где были стоянки бедуинов. Я подходил к их палаткам, подзывал бедуинских детей, отводил их в сторонку и раздавал им эти благословения.

Как-то раз, когда я пришёл в палатку одного бедуинчика, которого звали Сулейман, он от благодарности поймал петуха и уже собирался его заколоть, чтобы угостить меня обедом. Он хотел таким образом отблагодарить меня за те вещи, которые я принёс в благословение. “Да оставь ты, Сулейман, этого петуха, – сказал я. – Оставь, съедим его в другой раз”. Ну как ещё я мог ему объяснить, что не ем мяса?»

От mnogой любви к людям – творениям Божиим – Старец ставил себя на последнее место, он выбивался из сил, чтобы им помочь. Именно поэтому он не поехал в паломничество в Иерусалим – чего так хотел – не желая, чтобы “бедуинчики” лишились его благословения. И эти простодушные люди, понимая великую любовь Старца, в которой не было никакой личной выгоды и корысти, любили его сверх меры. Каждый раз, когда к ним приходил их любимый «Абуна Паизи» (по-бедуински «отец Паисий»), они от радости устраивали настоящее торжество.

Когда бедуины с потрескавшимися, израненными ногами – ведь они ходили босиком – приходили в аскетирий Старца, он замазывал трещины на их ногах воском и давал им по паре сандалий. Другим он раздавал шапочки – чтобы солнце не пекло им голову – или другие вещи, которые у него были. Однако бедуинов стало приходиться так много, что денег, которые Старец выручал от рукоделия, уже не хватало.

Тогда он оказался перед выбором: «Для чего я сюда пришёл: помогать бедуинам или молиться о всём мире?» Он решил поменьше заниматься рукоделием, надеясь, что Бог устроит всё наилучшим образом.

В тот самый день, когда Старец принял это решение, его посетил один грек-врач, живший за границей. Старец заговорил с ним так, словно знал его многие годы: «Заходи. Я тебя ждал». Старец просидел с ним несколько часов, беседуя с любовью. Дал ему несколько добрых советов и, кроме того, открыл некоторые вещи из его жизни, о которых никто не знал.

Тогда, находясь под впечатлением от дарования Старца, врач дал ему сто золотых монет со словами: «Возьми эти деньги, чтобы помогать бедуинам, не нарушать распорядка своего дня и не оставлять молитвы».

«Я не мог удержаться от слёз, – рассказывал впоследствии Старец. – Я оставил его во дворе, зашёл в келью, потому что не мог сдержать слёз оттого, что Бог столь быстро дал мне ответ. Промысл и любовь Божия привели меня в такое состояние, что я рассыпался в прах».

Потом Старец проводил врача до монастыря по короткой тропинке, потому что уже наступила ночь.

Деньгами, выручаемыми от рукоделия, Старец также помогал одному не имевшему родителей юноше, который учился на богословском факультете в Греции.

**«И бе в пустыни
искушаемь...»**

Однажды, сидя на скале, на краю глубокой пропасти, Старец занимался рукоделием, творя Иисусову молитву. Внезапно ему явился диавол и сказал:

«Прыгай вниз, Паисий. Обещаю, что ты останешься цел и невредим». Старец невозмутимо продолжал творить молитву и заниматься рукоделием. Он оставил диавола без внимания. Но лукавый подзадоривал его броситься в пропасть, повторяя своё «обещание». Эти «уговоры» не прекращались около полутора часов.

Наконец, Старец взял в руки камень и швырнул его в пропасть, говоря диаволу: «Ну ладно, так уж и быть, я успокою твой помысел». Диавол, потерпев неудачу сбросить Старца в пропасть, сказал ему, якобы с восхищением: «Вот это да, такого ответа мне не дал даже Христос! Ты ответил лучше». – «Христос – это Бог, – сказал Старец. – Он не такой, как я, клоун. *Иди́ за мно́ю, сатана́*».

Так, имея в себе Божественную Благодать, Старец избежал первого искушения – броситься в пропасть и разбиться о скалы. Кроме этого, он избежал и более глубокой пропасти – гордыни – не приняв диавольской похвалы, которая побуждала его возомнить себя выше Христа.

* * *

У себя в аскетирии Старец имел старый будильник, который надо было покачать, для того чтобы он ходил. Однажды, когда Старец по привычке раскачивал будильник, желая дать ему ход, лукавый стал внушать ему следующие помыслы: «Если бы ты был женат, то сейчас укачивал так своего малыша». О таких вещах Старец не думал никогда в жизни – даже будучи мирянином. Его реакция была молниеносной. Без задержки, он со всей силы запустил будильником в скалу напротив, находившуюся метрах в трёх

от него. Будильник должен был разлететься на мелкие кусочки, но, не долетев до скалы сантиметров десять, он вдруг резко остановился, медленно опустился вниз, ровно встал и затикал: тик-так, тик-так... «Ах ты, диавол!» – воскликнул Старец, видя в этом бесовскую энергию. Он взял камень и прихлопнул будильник сверху.

Самым замечательным в этом событии была не медленная реакция пустычника на диавольское искушение. Он ничуть не замедлил в приражении помысла, не стал с ним беседовать, не стал ему отвечать, но воспротивился молниеносно.

* * *

Старец рассказывал и следующее: «Однажды ночью я спускался по тропинке, на которой были ступеньки. Моя зажигалка барахлила. Я щёлкал ей, стараясь разглядеть, куда мне ступить. Вдруг я вижу перед собой руку, держащую светильник, который освещал и тропинку и всю местность вокруг. Я тут же закрыл глаза, отвернулся от этого света и сказал диаволу: “Не нужен мне твой свет”». Старец сказал так, потому что знал: тот, кто даёт ему такой ложный свет, – это диавол.

***Друзья
пустытника***

«Живя на Синае, – рассказывал Старец, – я дружил с двумя куропатками. Это время было для меня временем расстройств и огорчений. Птицы прилетали посидеть со мной за компанию и меня утешить. Куда бы я ни шёл, они – слыша мои шаги – прилетали и садились рядом. Когда я вырезал иконки, они усажива-

лись мне на плечи. Однажды целую неделю я болел и не выходил из кельи. Выздоровев, я по обыкновению поднялся на вершину холма и стал звать птиц, чтобы их покормить. Птицы не появились. Я оставил им корм и ушёл. На следующий день, когда я поднимался на вершину холма, птицы вылетели навстречу и стали летать вокруг меня, радостно хлопая крыльями. Корм они оставили нетронутым. Но, увидев меня, они его съели.

Дикие животные – это очень любочестные создания. У диких животных я нашёл больше любочестия, чем у многих людей. Лучше дружить с животными, чем с людьми мира сего. Если – после Бога – ты хочешь иметь истинного друга, то подружись со Святыми. Если же у тебя нет друзей Святых, то дружи с дикими животными».

* * *

Также Старец рассказывал: «Однажды я сварил в консервной банке немного рисовой каши. На следующий день, очищая банку, я бросал засохшие кусочки риса мышам. После этого каждый раз, когда я вырезал иконы и из-под резца вылетали стружки, мышки, видя падающие кусочки дерева и принимая их за рис, собирались вокруг меня. Если мы живём правильной жизнью, то рядом с нами умиротворяются даже дикие животные».

***Бесстрастие святых
Иоакима и Анны***

Будучи на Синае, Старец пережил в Святом Духе сверхъестественное событие: ему было дано постигнуть целомудренную и ос-

вящённую связь святых богоотцов Иоакима и Анны, от которых была зачата и рождена Пресвятая Богородица. Старец был извещён, что «святые Иоаким и Анна были совершенно духовными людьми, без всякого мирского мудрования. Такой бесстрастнейшей супружеской пары, как они, никогда не было. Сначала наедине они помолились со слезами Богу о том, чтобы он даровал им дитя, а потом сошлись как муж и жена – по послушанию Богу, а не по плотской похоти. Поскольку зачатие Пресвятой Богородицы было без наслаждения, Она была Всечистой. Конечно, Она не была освобождена от первородного греха, как прельщённо думают паписты, потому что Она была зачата естественным образом, то есть не бессеменно. Но Её зачатие произошло совершенно бесстрастно, именно таким образом, как Бог хотел, чтобы рождались люди».

В другой раз в беседе Старец снова говорил об этих истинах и подчёркивал их значение. Видя, что один из собеседников ему не доверяет, Старец приподнялся и решительно сказал: «Я пережил это событие!» Он хотел ясно дать понять, что то, о чём он говорил, – не просто его собственные благоговейные помыслы, но – Божественное Откровение.

***В келье Святых
сорока Мучеников***

Во время Святой Пятидесятницы Старец вместе с другими отцами пошёл служить Литургию в келью Святых сорока Мучеников. С собой они взяли много красных пасхальных яиц. После Божественной Литургии к келье подошли бедуины, и монахи стали раздавать им пасхальные яйца. Яиц было сорок и бедуинов, которые пришли к келье сорока Мучеников, тоже оказалось ровно сорок.

**Кончина матери
Старца**

Однажды Старец почувствовал особое тёплое чувство, необъяснимое утешение и очень сильную любовь к Пресвятой Богородице. Он удивился, не зная, что это значит и почему его посетило такое утешение, – и записал дату этого события⁽¹⁾. Позже он узнал, что в тот самый день скончалась его мать, которую он любил чрезвычайно, но оставил ради любви ко Христу и к Пресвятой Богородице. Этим утешением Мать Божия словно говорила Старцу: «Не расстраивайся, твоя Мать – это Я». Божия Мать, если можно так выразиться, усыновила Старца с того времени, как он стал монахом. Кроме этого, Старец удостоился неоднократно видеть Пресвятую Богородицу, беседовать с Ней и даже принимать пищу из Её Пречистых рук.

**Имя
Казандзакиса**

Старец и два других Синайских отца поднялись на вершину святой Екатерины, чтобы отслужить там Божественную Литургию. После Литургии отцы начали спускаться вниз, а Старец подошёл к скале, на которой когда-то написал своё имя богохульный писатель Казандзакис⁽²⁾. Зубилом Старец сбил с камня имя этого известного безбожника. Он считал неприличным, чтобы паломники видели на святой вершине Синайской Горы имя этого богохульника – «*сквѣрну безбѳжия на мѣсте свѣте*»⁽³⁾.

⁽¹⁾ Это было 6 октября 1963 года.

⁽²⁾ Казандзакис Никос (1885–1957) – известный греческий богохульный и антихристианский писатель, автор богохульнейшего романа «Последнее искушение» (известного многим по фильму М. Скорцезе) и других книг, хулящих Христа, Церковь и святыни христианской веры. – *Прим. пер.*

⁽³⁾ Ср.: Мф. 24, 15.

Один из спускавшихся отцов – родом с Крита – услышав, как Старец бьёт зубилом по скале, подумал, что он поправляет камни на тропе и стал его торопить: «Эй, отец Паисий! Оставь ты эту тропинку! Пойдём вниз». Старец с улыбкой ответил ему: «Что могу – то делаю, батюшка...»

Испытывая отвращение к Казандзакису из-за его безбожия и богохульств, Старец не желал ни видеть, ни слышать его имени.

***Недопущение до
Причастия
и Божественное
утешение***

В один из воскресных дней Старец увидел из своей кельи, как на Святую Вершину поднимаются паломники. Заметив среди них священников и поняв, что будет служить Божественная литургия, Старец пошёл вслед за ними. На вершине он поисповедовался священнику в том, что накануне, то есть в субботу, он «не постился» – а именно, добавил себе в пищу ложку растительного масла, не зная о том, что на вершине будут служить Литургию. Притом, что всю предшествовавшую неделю Старец провёл в сухоядении и масла не вкушал, священник не разрешил ему причащаться. Старец смиренно послушался и не стал подходить к Святой Чаше, однако почувствовал такое утешение и Благодать, словно причастился.

***Невидимая брань и
невыразимые состояния***

В письме с Синая от 1 марта 1964 года Старец пишет: «Бес часто тревожит меня, несмотря на то что я довёл свою плоть до изнеможения. Благодарю Матерь Божию за то, что Она не гнушается мной, но всегда мне помогает.

Всеблагий Бог попускает искушения для того, чтобы мы подъяли подвиг – после которого будем увенчаны неувыдаемым победным венцом. Несколько дней назад в исихастирии диавол сильно волновал меня. Эта брань продолжалась почти неделю, как раз в то время, когда я готовился причаститься на Божественной Литургии, которая должна была совершаться на Святой Вершине. Благодарю Благого Бога за то, что Он меня сохранил – брань была такой сильной... После этой борьбы Благий Бог – поскольку Он меня уберёг – удостоил меня причаститься на Святой Вершине. Весь тот день после Причастия я испытывал такую радость, что не могу описать. Я рассыпался в прах от великой любви Божией и чувствовал Его присутствие близ себя. Поэтому враг диавол и вёл против меня такую напряжённую брань – желая лишить меня этого духовного радования, которое дало мне силы на долгое время...»

Синайский подвижник жил уже жизнью бесплотных Ангелов. «*Едѣн, в себѣ в безмѡлвии глагѡляй Бѡгу... непрестѡнными же молѣтвами и ко Бѡгу бѣлизѡстию*»⁽¹⁾. Он был пленён Божественным рачением. Его молитва была непрерывной – как и его дыхание, она не прерывалась даже во сне. Как младенец материнским молоком, он питался Божественной Благодатью, он на опыте отчётливо переживал присутствие Божие, а также те великие события, которые произошли на Синае в эпоху Пророка Моисея. Позже он в таких словах описывал пещеру пророка: «Вся гора, скалы стали мягкими, как тесто – “схождѣнія

⁽¹⁾ См. Житие преподобного Саввы Освященного. Цит. по изд.: Βίος Ὁσίου Σάββα Ἠγιασμένου. ΕΠΕ. Φιλοκαλία. Τ. Ε'. Σ. 236 (κεφ. 1στ').

ради Божия на ню во огни»⁽¹⁾. Поэтому в пещере и остались отпечатки от спины пророка Моисея».

Как сказано выше, комментируя чудесное Божественное посещение, которого он удостоился в Эсфигмене, Старец говорил: «На Синае я переживал более высокие состояния, но другим образом».

Не желая открывать, что именно он пережил там, на горе Боговидения, Старец ограничился лишь намёком. Несомненно, синайские события были чем-то подобны эсфигменским, но проявились в большей степени, поэтому Старец и связывал их между собой.

Вероятнее всего, это не было какое-то видение или чудо. Это были часто переживаемые на опыте особые состояния, во время которых Старец получал бóльшую Благодать, и всё его духовное состояние делалось более духовным. «Я чувствую, как во мне – подобно нежной заре – забрезжило что-то качественно иное», – писал он тогда.

Всеми этими событиями, многие из которых нам ещё неизвестны, Божественная Благодать таинственно готовила Старца к его предстоящему служению.

Прощание со сладкой пустыней

Живя такой жизнью, Старец радовался, наконец-то обретя то, что искал столько лет. Однако состояние его здоровья становилось всё хуже и хуже. Он мучился головными болями, причина которых была в нехватке кислорода, поскольку его келья находилась очень высоко. Бог питал Старца небесной манной – утешал его Своей Благодатью, и вначале он не придавал значения симптомам болезни. Однако со временем состояние его здоровья всё

⁽¹⁾ Исх. 19, 18.

ухудшалось. В письме от 1 марта 1964 года Старец написал: «Однако вижу, что Бог спускает меня всё ниже и ниже. Сейчас, уже целую неделю я нахожусь в монастыре, потому что у меня открылась астма. Исихастирий святых Галактиона и Епистимии расположен на высоте 2000 метров, и поэтому там я страшно мучился. Несмотря на то что я принуждал себя остаться там, наверху, это оказалось невозможным: у меня останавливалось дыхание. Здесь, в монастыре, по крайней мере, метров на четыреста ниже. Если же буду мучиться и здесь, то придётся вернуться в Элладу... Однако, оставляю всё на волю Божию, и пусть Сам Он – Благий по естеству – делает то, что полезно моей душе. Пока же я ещё не принял решения».

В конце концов, видя, что состояние его здоровья ухудшается, Старец принял решение покинуть сладкую Синайскую пустыню. Это решение далось ему с печалью. Он желал остаться на Синае навсегда, чтобы *«молитися Бóгу в горé сей»*⁽¹⁾. Он полюбил Синай, потому что жил там истинной пустынножизнью. До конца своих дней Старец с чувством родства вспоминал о Синае. Он заботился, чтобы в Синайский монастырь шли новые монахи и эта обитель духовно сияла.

Возвращаясь на Святую Гору, в одном из афинских храмов он встретился с профессором богословского факультета Панагиотисом Брациотисом. Удивлённый тем, что синайский подвижник, несмотря на болезнь, всю службу простоял на ногах, профессор подошёл к нему и спросил: «Ты что, даже сейчас не хочешь немного присесть?»

⁽¹⁾ Ср.: Исх. 3, 12.

Находясь в Афинах, Старец *«вiде беззакóние и пререкáние во граде»*⁽¹⁾. Дьявол предпринял очередную попытку искушить Старца – на этот раз он не предстал перед ним воочию, как на Синае, но использовал одного из своих слуг. Разыскивая адрес своих знакомых, отец Паисий обратился за помощью к человеку, который привёл его в какой-то дом, открыл дверь, завёл внутрь, и отец Паисий понял, что оказался... в незаконном доме разврата! Вначале он растерялся, но потом, призвав Бога на помощь, толкнул дверь и убежал, *«áки сёрна от тенёт и я́ко пти́ца от сéти»*⁽²⁾.

⁽¹⁾ Ср.: Пс. 54, 10.

⁽²⁾ Притч. 6, 5.

глава девятая

В ИВЕРСКОМ СКИТУ

*Иверский скит. Слева – калива святых Архангелов, справа – каливка Старца Паисия.
Слева внизу – вторая калива Старца.*

Безмолвие или братство?

Возвратившись на Святую Афонскую Гору, Старец хотел поселиться в освящённой пустыне Капсалы – безмолвной и подвижнической местности неподалёку от Кариса. Но, не найдя на Капсале пригодной кельи, он – за послушание одному старцу – поселился в Иверском скиту – в каливе святых Архангелов (в омологии⁽¹⁾ записана дата 12 мая 1964 г.) В письме от 24 июля 1964 года сам Старец пишет о своей жизни следующее: «Благодатью Божией я взял каливу в пустынном Иверском скиту. Здесь есть всё необходимое для безмолвнической жизни. Из пятнадцати калив скита заселены только семь. По субботам и воскресеньям мы собираемся в скитский соборный храм только на Литургию – остальные службы совершаем сами у себя в каливах. В моей каливе церквушка посвящена святым Архангелам. При каливе – небольшой участок с несколькими масличными деревьями, огородик с колодцем и тому подобное. Конечно, я занимаюсь

⁽¹⁾ Документ, подтверждающий и регламентирующий права монаха на жизнь в афонской келье. Выдаётся монастырём, на территории которого келья расположена. Под “кельей” в этом и подобных случаях имеется в виду небольшое отдельно стоящее здание, часто с храмом, где обычно живут от одного до пяти монахов. В настоящем издании слова “келья” и “калива” за незначительностью различий между ними употребляются как синонимы. – *Прим. пер.*

кое-каким ремонтом, потому что дом старый. Вижу, что дело идёт к тому, что у меня появится небольшое братство. По правде сказать, меня это весьма огорчает, ведь я привык жить один и вижу по себе, что один мог бы больше преуспеть. Я немало просил Господа о том, чтобы остаться одному, но вижу, что Его воля в том, чтобы у меня было братство. Я ходил к моему духовнику, русскому подвижнику батюшке Тихону, и он сказал, что я должен принимать тех, кто захочет жить вместе со мной. Единственное, что он мне благословил, – это построить чуть подальше крохотную келейку, чтобы иметь и немного безмолвия.

Я начал ремонт в келье, потому что, возможно, скоро приедут наши друзья, и я, как могу, должен буду оказывать им снисходительность. Мне не хватает самых необходимых вещей. Дом надо ремонтировать, необходимые вещи надо покупать и так далее – пока мы не начнём заниматься каким-то рукодельем. Три месяца я постоянно работал, и, слава Богу, многое удалось привести в порядок. За год надо развязаться со всеми этими ремонтами и делами, чтобы начать основное дело – молитву и духовное чтение, а уже после – как второстепенное занятие – какое-то небольшое рукодельице. Таким образом, у нас будет беспопечительность, которая станет увлекать братьев к Небу.

Масла нам хватит с оливковых деревьев – и для церковки тоже. Огород будет давать все свежие овощи, а на зиму – картошку и фасоль. Из поздних овощей будем сажать капусту и тому подобное. На участке есть и другие деревья. Виноградных лоз тоже достаточно. Когда братья занимаются небольшим рукодельицем для того, чтобы отвлечься, “переключ-

читься”, а не для того, чтобы уходить в рукоделье с головой, – то они смогут найти сначала себя, а потом – Бога. Благий Бог, Который помогает и добрым и злым, поможет нам как Добрый Отец. Я верю в это. И Он поможет намного больше, если Его воля в том, чтобы что-то совершилось во славу Его.

Я думаю со временем устроить небольшие каливки для братии – в ста метрах одна от другой, чтобы у всех членов братства была возможность жить и вместе, и по отдельности. Ведь испытав все виды монашеской жизни, я понял, что в безмолвии монах очищается».

Различные стороны скитской жизни

Среди немногих насельников скита выделялся отец Пахомий⁽¹⁾ – из братства иеромонаха Нила. Он мог брать змей и скорпионов голыми руками. Отец Паисий рассказывал и многое другое о простоте и добродетелях отца Пахомия, о его совершенном послушании своему старцу. Старец Паисий любил отца Пахомия и часто посылал ему что-то в благословение.

Вокруг отца Паисия стали собираться молодые монахи, среди которых были иеромонахи Василий и Григорий. Впоследствии они возродили монашескую жизнь в обители Ставроникита, игуменом которой стал отец Василий. На время – пока два иеромонаха приводили в порядок свою келью – Старец отдал им келью святых Архангелов, а сам переселился в крохотную «хижинку», которую построил в некотором отдалении из каштановых досок.

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 41–43.

Каждую ночь Старец совершал бдение с бесчисленными поклонами и множеством молитв по чёткам. Молитва была его главным делом. Он старался, чтобы его связь с Богом посредством умного делания не прерывалась никогда.

Несмотря на расшатанное здоровье, он принуждал себя к подвигу, постясь до изнеможения. И когда «аккумуляторы разряжались» и он «доходил до “аминь”»⁽¹⁾, то – непостижимым образом – он вновь восстанавливал силы и продолжал подвиги.

Спускаясь к пристани, он шёл босиком, как делал это на Синае. Башмаки он нёс в своей монашеской торбе и надевал их, если видел вдалеке человека.

Будучи резчиком-самоучкой, Старец вырезал красивейшие наперсные и водосвятные кресты. Продавая их, он получал средства, чтобы жить самому и помогать нуждающимся.

Живя в скиту, он с готовностью помогал братии и, если кто-то просил о помощи, с радостью спешил, желая облегчить тяготы каждого.

Также он принял послушание дикеоса⁽²⁾ скита. Закончив уборку в соборном храме, Старец, не желая терять безмолвия, оставлял для посетителей записку с просьбой, как только они придут, звонить в колокольчик. Безмолвствуя в своей каливке, он слышал звон колокольчика и спускался вниз – чтобы позаботиться о паломниках и телесно, и духовно.

В это время произошла встреча Старца с одним необыкновенным паломником – докером из Пирейс-

(1) Выражения самого Старца.

(2) Ежегодно избираемый насельник скита, которому поручаются ключи от соборного храма и заведование общими скитскими делами.

кого порта, который своей молитвой воскресил тес-
тя-богохульника, чтобы тот покаялся⁽¹⁾.

Старец рассказывал и о следующем случае: «Как-то раз в скит пришёл священник. Увидев его, я не получил внутреннего извещения о том, что этот человек облечён Благодатью Священства. Беседуя с ним, я понял, что он католик, и строго сказал ему: “Надень католический капюшон и в таком виде ходи по монастырям”.

Как я узнал впоследствии, этот человек по имени Бонифаций был католическим священником. Чтобы обманывать православных, он менял облачения в соответствии с тем, к кому приходил: с греками одевался как греческий монах, с русским духовенством – как русский батюшка».

Длинные волосы, борода и ряса Старца не обманули. Божественная Благодать изнутри извещала его о том, что пришедший, несмотря на свою священническую одежду, Благодати Священства не имел. *«Не требоваше да кто свидѣтельствует о челове́цах: сам бо ве́дяше что бе в челове́це»*⁽²⁾.

Помощь душе усопшего

Старец рассказывал: «Как только я поселился в Иверском скиту, об этом узнал мой старый знакомый – дядюшка Афанасий – лесной сторож из Филофеевского монастыря. Он пришёл меня навестить и принёс в благословение некоторые вещи и продукты, потому что тогда, в начале скитской жизни, у меня не было самого необходимого.

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий Святогорец*. Слова. Т. IV. М., 2004. С. 193–194.

⁽²⁾ Ин. 2, 25.

Я поблагодарил его и предложил написать имена своих усопших сродников, чтобы я их поминал. Однако он, находясь под влиянием какого-то иеговиста, стал говорить: “Если человек умрёт, то всё: после смерти никакой жизни нет”.

Вскоре скончался и он сам. Узнав об этом, я сходил в Филофей на его могилу. Каждый день я совершал сердечную молитву о том, чтобы Бог упокоил его душу.

Через двадцать дней после кончины дядюшки Афанасия, меня разыскал один эпитроп из монастыря Филофей и стал взволнованно рассказывать: “Отче, мне явился покойный Афанасий и стал укорять меня за то, что я его забыл и никак ему не помогаю. Он сказал, что только ты помогаешь ему своей молитвой. А я ведь действительно его не поминал. Меня сделали членом Духовного Собора и поручили канцелярские дела. Работы навалилось очень много, и – что делать? – я оставил даже своё монашеское правило”.

– Что, – говорю, – делать: теперь молись на своём правиле немного побольше».

Этот случай укрепил Старца, и он стал ещё с большей силой молиться о душах всех усопших.

Вмешательство Честного Предтечи

Старец рассказывал: «Возле Иверского скита есть овраг. Когда я видел его, то испытывал Божественное рачение: моё сердце трепетало от желания поселиться там ради большего безмолвия и молитвы. Когда я подошёл к одному из соборных старцев Иверского монастыря за благословением построить в овраге небольшую каливку, он поднял крик: “Да что вы там вообще вытворяете? Строите из себя подвижников!..” Но вот ночью этому соборному стар-

цу является покровитель Иверского скита – Честной Предтеча и начинает его бить. В ужасе тот проснулся и побежал в храм, где в это время шла служба. Он стал настойчиво просить у отцов, чтобы они прервали службу и собрали Духовный Собор, желая рассказать им, что с ним произошло, потому что он не мог успокоиться. “Службу прерывать нельзя, – ответили отцы. – Потерпи, пока не закончим”. Потом собралась братия, и он рассказал, что с ним произошло. После этого случая соборный старец не только дал мне благословение на постройку каливки, но ещё и прислал мулов, нагруженных разными материалами для постройки. В этом овраге была такая сырость, что с гвоздей капала вода. Поэтому отцы и ушли из этого места. Живя там, я кашлял кровью, а это привело к тому, что я оставил в туберкулёзном диспансере два ребра. Я очень устал от того, что носил стройматериалы для каливки⁽¹⁾. Однако я переживал радость. Эта радость, конечно, была духовной, но – не всецело духовной. Небесная радость есть нечто иное. Она есть энергия Божественной Благодати».

Дьявольская злоба Как-то раз, собирая милостыню, в скит зашёл бедняк с «пандахусой»⁽²⁾. Старец отдал несчастному все свои деньги – по тем временам значительную сумму. Даже монастыри не давали беднякам столько, сколько дал он. Дьявол, будучи не в силах видеть человека во плоти

⁽¹⁾ Эта каливка сохранилась до сих пор: возле старого соборного храма Иверского скита, в нескольких метрах от источника основателя скита – святого преподобномученика Иакова.

⁽²⁾ Письменное разрешение Священного Кинота Святой Горы на сбор милостыни в афонских монастырях, скитах и кельях.

«*аки безплотнаго*», пришёл в ярость и швырнул в калиту Старца большим камнем, который пробил крышу и застрял в потолке – прямо над его головой.

Постриг в великую схиму

С батюшкой Тихоном отец Паисий познакомился, ещё живя в Эсфигмене. Сейчас, подвизаясь в Иверском скиту, он избрал отца Тихона своим Старцем, регулярно приходил к нему в келью, чтобы видеть его и советоваться с ним. «Когда ты примешь великую схиму?» – часто спрашивал его отец Тихон. «Когда на это будет благословение, Геронда, – отвечал отец Паисий. – Меня этот вопрос не беспокоит».

Подвизаясь в монашестве уже много лет, отец Паисий ещё не был пострижен в великую схиму. В первую очередь, он старался по-монашески жить, чтобы не просто формально принять великую схиму, но сподобиться и схимнической благодати. Большее значение он придавал тому, чтобы облечься в схиму изнутри, то есть стать монахом по внутреннему человеку. Поэтому, как он сам говорил впоследствии, вопрос о том, когда произойдёт постриг в схиму, его совсем не занимал. «Даже если бы меня и в рясофор не постригли, я бы не волновался – рассказывал он. – Меня занимало то, чтобы по-монашески жить. Если душа не будет возделана, не будет внутренне вооружена, то схима – несмотря на то что она есть оружие – такой душе не поможет. Ведь даже малейшее преслушание после принятия схимы влечёт большую ответственность. [Великосхимнику] необходимо иметь великую бескомпромиссность. Мы должны подвизаться ради того, чтобы сохранить обеты. Хорошо будет, если монах ещё до принятия великой

схимы начнёт стараться в подвиге соблюдать схимнические обеты».

Отец Паисий никогда сам не заводил разговора о постриге в великую схиму, по смирению считая себя недостойным и желая во всём безукоризненно соблюдать монашеские обеты.

Однако теперь, после побуждений своего Старца, он согласился стать великосхимником. 11 января 1966 года в Ставроникитской келие Честного Креста от честных рук батюшки Тихона отец Паисий принял великий и ангельский образ.

Пицца от Ангела Старец рассказывал: «Шёл Успенский пост, и я несколько дней ничего не ел. Вдобавок меня попросили отвести на побережье одного больного монаха. Я отвёл его к морю и почувствовал ужасную слабость. На обратном пути недалеко от моей кельи передо мной возник некто, вручивший мне корзиночку с фруктами, виноградом и смоквами. Это был Ангел. Отдав мне пиццу, он тут же исчез».

Операция на лёгких Ещё когда отец Паисий был молодым монахом, его беспокоили заболевания дыхательных путей. В Эсфигмене – когда он кашлял кровью и мучился от внутренних кровотечений – его положили в монастырскую больницу. С тех пор он страдал от этих немощей до самой кончины.

Живя в Филофее, он был вынужден выехать в мир на лечение. Впоследствии та же болезнь лёгких, ослабевших ещё более от недостатка кислорода, вынудила его оставить Синай.

Старец и сам не знал, что это за болезнь. Врачи ошибочно диагностировали туберкулёз. За послушание врачам он дал сделать себе сотни бессмысленных уколов стрептомицина. От уколов его мышцы стали твёрдыми, как камень, – до такой степени, что однажды, когда ему делали инъекцию, игла шприца согнулась, но Старец даже виду не показал, что ему больно.

Правильный диагноз – бронхоэктаз – первым поставил благоговейный врач по фамилии Дайкос. «Спаси, Господи, Дайкоса», – говорил Старец.

Однако болезнь становилась всё сильнее. Поэтому Старец был вынужден выехать на обследование, которое показало, что необходимо хирургическое вмешательство. Операция была сделана в Центре лёгочных заболеваний Северной Греции. Старцу удалили почти всё левое лёгкое и два ребра. В письме из больницы от 10 декабря 1966 года Старец рассказывает: «Операция была серьёзной. Мне удалили долю левого и небольшую часть правого лёгкого. В удалённой части было очень много воспалительных очагов (бронхоэктаз). Операция длилась около десяти часов. Во время операции у меня не останавливалось кровотечение. Понадобилось четыре литра крови... Когда через девять дней после операции мне вынули отводные трубки, я стал задыхаться, и поэтому меня снова на два часа отвезли в операционную и опять установили эти трубки – больше чем на двадцать дней. Операция дала осложнение и на глаза. Тогда как правый глаз глядит очень живо, левый – с той стороны, где удалено лёгкое, – прищурился и глядит смиренно. Но это меня не беспокоит – ведь есть люди, которые родились совсем слепыми.

Правда и то, что я теперь мучаюсь, но, знаете, даже если у человека и нет никакой болезни, ему стоило бы потратить свои деньги на то, чтобы пережить такое небольшое мучение. Я говорю так, потому что эта болезнь принесла мне большую пользу.

Раньше, читая в Священном Писании о Страстях Господних, я воспринимал это просто как исторический факт. И о мучениях Святых – также. Отныне же я буду им сопереживать, потому что и самому мне довелось пережить небольшую боль. Вот уже двадцать пять дней, как я не могу прийти в себя от страданий».

Как сообщает выписка из истории болезни Старца, он «находился на стационарном лечении в Центре лёгочных заболеваний Северной Греции с 4 августа до 15 декабря 1966 года, с диагнозом “бронхоэктаз нижней доли левого лёгкого”. После операции выписан в удовлетворительном состоянии». В больнице, Старец оказывал послушание врачам и ел мясо.

Во время болезни Старца (10 августа 1966 н. ст.) скончался его отец. Узнав об этом, Старец сразу же открыл Часослов и стал читать о его упокоении Сто восемнадцатый псалом. Когда он закончил чтение, один из больных сказал ему, что он тоже только что получил известие о кончине одного из своих родственников. Старец прочитал тот же псалом ещё раз.

***Основание
исихастирия***

Находясь в больнице, Старец познакомился и духовно сблизился с несколькими благоговейными и монахолюбивыми девушками, которые навещали его и дали кровь, необходимую во время операции. Старец, по долгу благодарности, впоследствии духовно помогал им всем, чем мог. Он говорил, что свой долг

по отношению к ним он ощущал, как бы «кожей», так сильно, как ощущают желание снять власяницу, надетую на голое тело, – так образно Старец передавал своё сильное желание воздать добром за сделанное ему добро. Старец помог этим девушкам найти подходящее место для монашеской жизни. Так и был основан известный исихастирий⁽¹⁾ святого Иоанна Богослова в Суроти, недалеко от Салоник. Впоследствии, до самой кончины, Старец духовно руководил сёстрами исихастирия, там же, после кончины, он оставил и своё многострадальное тело. Приняв от сестёр кровь, он дал им дух – то есть оказал духовную помощь.

* * *

Возвратившись из больницы в скит, Старец продолжил свой любочестный подвиг. Братьев в скиту стало больше. Скитская жизнь с общими обязанностями и попечениями усилила его желание большего безмолвия. Но уходить из Иверского скита было необходимо главным образом потому, что после операции надо было обязательно сменить климат и жить в сухом месте. Старец отца Паисия, батюшка Тихон, посоветовал ему перейти на Катунаки. «Надо оказать послушание Старцу», – сказал отец Паисий и, взяв 11 июля 1967 года отпускной билет, удалился на Катунаки.

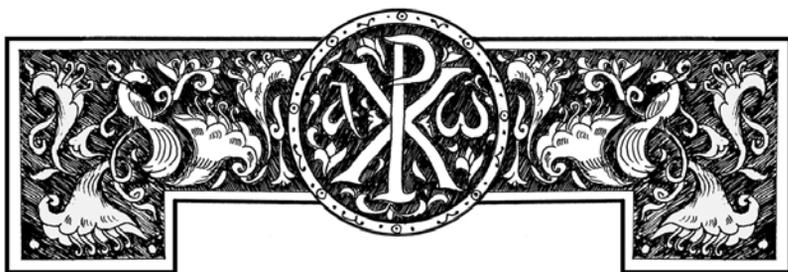
⁽¹⁾ В данном случае: монастырь, расположенный на частной земле и пользующийся почти полной независимостью от епархиального архиерея. – *Прим. пер.*

ελαβα δεσята

**НА ПУСТЫННЫХ
КАТУНАКАХ**

Ипатьевская келья на Катунанах в 60-70-е годы XX века.

В бедной Ипатьевской каливе

Жтак, взыскав возлюбленное безмолвие, а также по причине расшатанного здоровья, отец Паисий перешёл на Катунки и поселился в Ипатьевской каливе, в местности, называемой Влахика, над кельей Данилеев.

В письме от 18 сентября 1967 года он писал: «Слава Богу, я чувствую себя очень хорошо. Одышка меня не беспокоит, ведь я могу открывать окно и днём и ночью – потому что здесь нет сырости. Соседей у меня тоже нет».

Калива, где поселился Старец, была бедной хижинкой без храма – с небольшим колодцем и тремя каменными террасами на прилегающем участке. В нескольких метрах от главной каливы была ещё одна – совсем маленькая, обитая жостью. Эта вторая каливка имела особое благословение, потому что в своё время в ней подвизался Старец Ефрем по прозвищу «Окаянный»⁽¹⁾. Отец Паисий часто приходил туда молиться и чувствовал благодатную намоленность этого места. В ста метрах выше была пещера – в древности

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 93–95.

она служила прибежищем разбойникам, – в которой также подвизался Старец Ефрем.

Жизнь на Катунаках была безмолвной, беспопечительной и очень бедной. Старец занимался рукоделием – вырезал на кипарисовых дощечках Распятия с предстоящими Божией Матерью и святым Иоанном Богословом. Немногие из этих иконок он продавал, чтобы иметь какие-то средства на пропитание, но по большей части раздавал их в благословение. Также он раздавал в благословение прессованные иконки, которые тоже делал сам.

В это время он извлёк из могилы останки своего предшественника, румынского монаха Старца Ипатия.

Когда Старец помогал отцам Данилеевской кельи во время их престольного праздника, среди других помогавших был один монах из Кавсокаливитского скита. На него произвёл большое впечатление неизвестный ему монах (это был отец Паисий), который ловко и расторопно помогал отцам, справляясь с работой за двоих или даже за троих. Он трудился молча, творя молитву, совсем не присаживаясь отдохнуть.

Однажды, плывя на кораблике из Дафни в Катунаки, Старец Паисий подошёл к монаху, которого видел впервые, со смирением поклонился и обратился к нему по имени. Это был великий карульский подвижник Старец Гавриил, который, в свою очередь, рад был познакомиться с отцом Паисием, так как уже слышал про аскета, живущего в местности Влахика. Два подвижника отошли в сторонку и с искренней любовью и задушевностью духовно беседовали. Позже отец Паисий рассказывал: «Старец Гавриил был настоящий подвижник, но у Стар-

ца Петра (Петракиса)⁽¹⁾ было что-то особенное. Он отличался какой-то духовной нежностью».

Живя на Катунаках, Старец Паисий познакомился и с другими отцами, пришедшими в высокую духовную меру.

**Подарки
подвижнику**

Больным и стареньким монахам отец Паисий разносил «благословения» – одежду и продукты. Один пожилой монах повесил на двери своей каливы записку: «Не беспокойте меня. Я стар и немощен». Он не хотел ни от кого ничего принимать. Однако отцу Паисию удавалось убедить его принимать от него благословения следующими словами: «Бери, Геронда, бери. Ведь ты и немощен, и стар».

Однажды отец Паисий посетил катунакского монаха Старца Савву и оставил ему кое-какие благословения. Уходя, он спросил Старца, в чём тот нуждается. Старец Савва ответил, что у него нет маек. Возвращаясь в свою каливу, отец Паисий встретил паломника, который шёл к нему и нёс в подарок свёрток. Развернув свёрток, отец Паисий поразился Промыслу Божию. В свёртке были майки, которые отец Паисий тут же, вернувшись, отдал Старцу Савве.

Бесноватый

«Однажды, – рассказывал Старец, – поднимаясь в каливу основательно нагруженный разными вещами, я встретил мирянина из Трикалы⁽²⁾, который вызвался мне помочь. Этот несчастный был бесноватым. По дороге бес стал его

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 65–75.

⁽²⁾ Город в Фессалии. – *Прим. пер.*

мучить, и он упал на тропинку. Когда я перекрестил его крестом от чёток, бесноватый схватил мою правую руку и начал гнуть её так сильно, что чуть не сломал. Я переложил чётки в левую руку и снова перекрестил его со словами: “Во Имя Господа нашего Иисуса Христа, изыди, нечистый дúше”. Он тут же успокоился и попросил у меня прощения». Рассказав эту историю, Старец с особым чувством добавил: «Чётки имеют великую силу – ого-го какую!»

**Нищета
Старца** Однажды, сидя во дворе своей бедной каливы, Старец заметил неизвестного, который прятался в лесу и следил за ним. Было похоже, что этот человек ищет удобного случая, чтобы обворовать келью Старца.

Подумав, Старец сказал себе: «Должно быть, несчастный испытывает нужду». Не медля ни минуты, он ушёл из каливы, оставив дверь открытой. Вор свободно зашёл внутрь, но, к своему огорчению, не нашёл в жилище Старца ничего «достойного» воровства, а лишь соломенный матрац и несколько предметов самой ничтожной стоимости. «Хотя, – рассказывал Старец, – вор и был человек дикий, неотёсанный, но увиденное тронуло его сердце. Потом он уже сам принёс мне продуктов». Раскаявшись, вор попросил у Старца прощения, и тот простил его от всего сердца.

**«Доброе
лицемерие»** Однажды в каливу Старца пришёл отец Даниил из Данилеевской кельи. Он несколько раз постучал в дверь со словами: «*Молíтвами святýх отéц нáших...*», однако ответа долго не было. Наконец дверь открылась.

На пороге, весь в слезах, стоял Старец Паисий. В руках он держал луковицу и сухарь. «Как твои дела, отец Паисий?» – спросил отец Даниил. «Э, отец мой, какие там дела... – ответил Старец. – Вот, разве не видишь? Ем. Всё ем и ем...» Говоря это, Старец откусывал от луковицы и сухаря, а из глаз его потоком катились слёзы.

Видимо, Старец находился в состоянии такого сильного умиления, что не мог сдержать слёз. Однако, услышав, что пришёл отец Даниил, он постарался совладать с собой, потому что надо было открыть гостю дверь. И вот, будучи не в силах сдержать слёз, он прибег к уловке с луком. Но отец Даниил, рассказавший об этом случае, понял, в чём была истинная причина слёз Старца.

***Свет
сладчайший***

Живя на Катунаках, Старец имел опыт Божественного посещения. «Однажды ночью, – рассказывал он, – творя Иисусову молитву, я исполнился великой радости. Я продолжил молитву, и вдруг моя келья озарилась Светом, белым, с чуть голубоватым оттенком. Моё сердце сладостно билось. Я продолжил молиться по чёткам пока не взошло солнце. Ах, каким ярким был этот Свет! Ярче, чем свет солнца. Рядом с ним солнце становилось тусклым. Я смотрел на солнце, и оно казалось мне бледным – подобно лунному свету в полнолуние. Я видел этот Свет долго, а потом, когда он исчез и Благодать уменьшилась, ни в чём не находил утешения и радости. Резко перейдя из одного состояние в другое – низшее, – я ощущал себя животным, пытался есть, пить воду, заниматься рукоделием – и чувствовал себя подобно животному.

Потом я совершенно забыл об этом событии и вспомнил о нём лишь позавчера⁽¹⁾, когда один благоговейный адвокат, занимающийся Иисусовой молитвой, рассказал мне о пережитом им подобном состоянии».

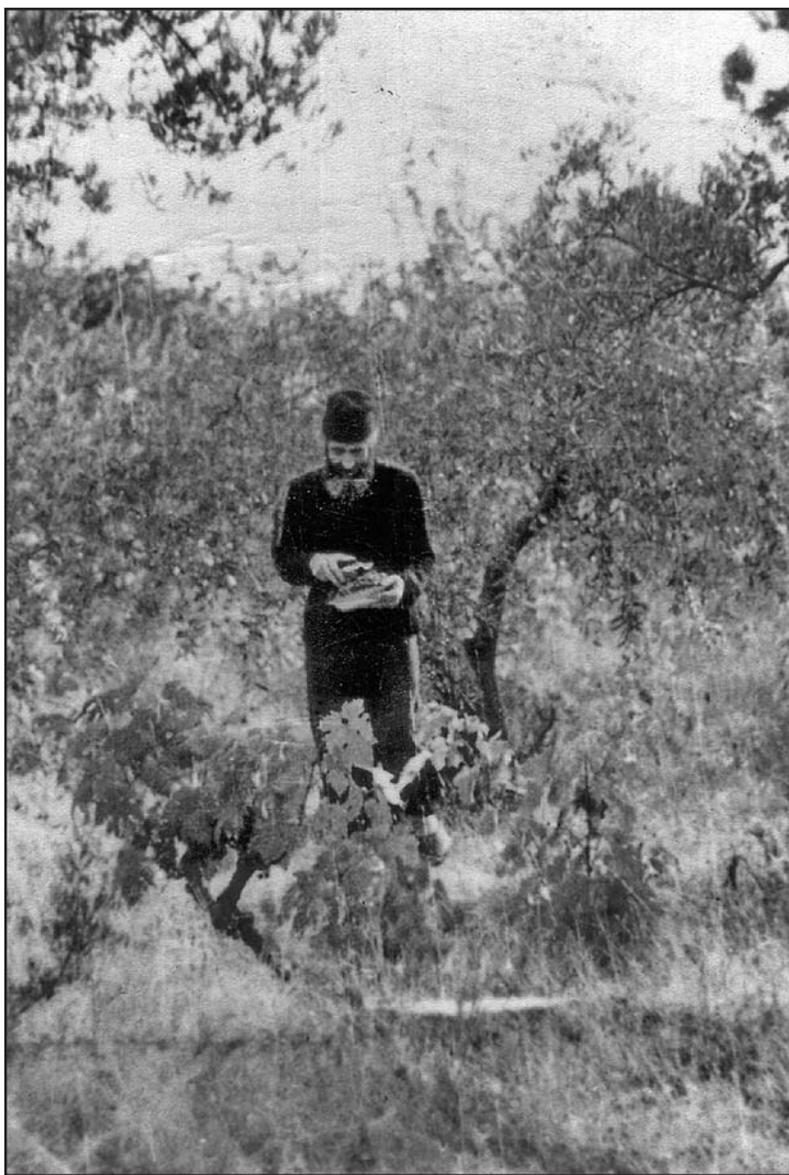
Старец не назвал виденный им Свет словом «Нетварный», хотя не может быть сомнений в том, что это был именно Нетварный Свет. Не описывая Свет более подробно, Старец добавил лишь то, что «этот Свет виден и с закрытыми, и с открытыми глазами, и в ночной тьме, и днём – при солнечном свете».

Божественная Благодать утешала подвижника Паисия: волею обнищавшего и с самоотречением подвизавшегося в лишённой утешений Катунакской пустыне.

⁽¹⁾ Произнесено 23 июня 1984 года.

глава одиннадцатая

**В КАЛИВЕ
ЧЕСТНАГО КРЕСТА**

В саду каливы Честного Креста.

В святой Ставроникитской обители

Священный Кинот⁽¹⁾ Святой Афонской Горы призвал насельников Иверского скита иеромонахов Василия и Григория возродить монашескую жизнь в доселе особножительном монастыре Ставроникита, страдавшем от нехватки братии. Когда отцы Василий и Григорий спросили Старца, как им поступить, он благословил им принять приглашение Кинота и добавил: «Я тоже приду к вам и, чем могу, помогу».

Так, после года жизни и подвигов в Катунакской пустыне, 12 августа 1968 года Старец перешёл в святую Ставроникитскую обитель.

В письме от 11 октября 1968 года он сообщает: «Скорее всего, Вы уже узнали о том, что я сменил место и образ жизни. То есть после пустыни я оказался в монастыре и, вместо прежней совершенной беспопечительности, – теперь нагружен попечениями и ответственностью. Уверен, что Вы будете молиться о том, чтобы эта повинность не затянулась надолго, и я снова обрёл своего рассеянного внутреннего человека. Конечно, избежать призвания на это послушание

⁽¹⁾ Выборный орган, координирующий действия двадцати афонских общежительных монастырей. – *Прим. пер.*

я не мог. Надеюсь, что к весне всё наладится и я стану свободным, чтобы постоянно молиться о Вас, потому что сейчас, с монастырскими хлопотами, я не успеваю выполнять даже свои собственные необходимые монашеские обязанности».

Поскольку монастырь испытывал сильную нужду, Старец помогал на всех послушаниях. Он начинал первым и за ним подтягивались остальные. Из-за нехватки братии он также принял на себя обязанности члена Духовного Собора.

6 ноября 1968 года, с задержкой, он получил отпусковую грамоту из Великой Лавры, которой принадлежала келья на Катунаках.

Кончина батюшки Тихона

Между тем, Старец отца Паисия, русский подвижник батюшка Тихон, находился в предверии кончины. Прожив жизнь, исполненную борьбы и подвигов, сейчас он готовился к жизни вечной.

За десять дней до кончины он попросил своего послушника отца Паисия перейти к нему на келью. Старец Паисий пишет: «Эти последние десять дней, которые я провёл рядом с ним, были для меня величайшим благословением Божиим, потому что я получил пользу бóльшую, чем когда бы то ни было. Ведь мне была дана благоприятная возможность немного пожить его жизнью и узнать его лучше... Последнюю ночь он непрерывно, в течение трёх часов держал свои руки на моей голове, благословлял меня и давал мне последнее целование»⁽¹⁾.

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 34.

Старец Тихон почил 10 сентября 1968 года, заранее узнав о своей кончине и своими руками приготовив себе могилу.

Доброму послушнику, своему «сладкому Паисию», – как он его называл – Старец оставил своё благословение и обещание навещать его каждый год. «Мы с тобой, дитя моё, – говорил Старец Тихон, – будем иметь дорогую любовь во веки веков». Желая, чтобы отец Паисий стал его преемником по келье, Старец Тихон сказал: «Если ты останешься жить в этой келье, это доставит мне радость. Но пусть будет так, как хочет Бог, дитя моё».

И действительно: после того, как отец Паисий помог молодому братству наладить монастырскую жизнь, он – ради безмолвия – переселился в каливу Честного Креста (в омологии записана дата 2 марта 1969 года). Он считал великим благословением жить и подвизаться на месте, где совершал аскетические подвиги его святой Старец. Это место умиляло и вдохновляло его, потому что от сверхчеловеческих подвигов батюшки Тихона и от происшедших там Божественных событий оно было пропитано особой Благодатью Божией.

Освободившись от попечений монастырского общежития, заручившись молитвой и примером своего Старца, отец Паисий наслаждался своим «сладким безмолвием» и общением с Богом, молясь о спасении мира и о том, чтобы пребывать в безвестности самому. В письме от 10 апреля 1969 года он писал: «Сейчас, когда Благодатью Божией я развязался с монастырём и живу в моём сладком безмолвии (которое и само по себе есть таинственная молитва), я буду помнить о Вас больше, и из далёкого далёка буду нахо-

диться совсем рядом с Вами. Молитесь о том, чтобы я лучше исчез с человеческих глаз, чем был видим друзьями, потому что только в этом случае я исполню своё предназначение. Это правда, что исчезая, я чувствую себя близ измученного страданиями мира».

Однако, несмотря на то что Старец был невидим миру и «погребён» в «овраге батюшки Тихона», он стал полюсом притяжения для многих юношей, поступивших послушниками в Ставроникитский монастырь. Молодые люди поступали в Ставроникиту, чтобы иметь возможность видеть Старца Паисия и советоваться с ним. В монастыре быстро увеличилось число братии и образовалось полноценное общежитие. Из своего аскетирия Старец заботился о монашеской жизни в обители и тихо, без шума, старался направлять её в святоотеческое русло.

Жизнь в келье Честного Креста

По пути из Ставроникиты в Кариес, вскоре за часовней Святителя Николая, слева от дороги начинается узенькая тропинка. Спускаясь и поднимаясь по неровной лесистой местности, среди низких зарослей земляничного дерева, каменного дуба и вереска, тропа заканчивается у каливы, огороженной проволочной сеткой. Раньше возле каливы висел ящик с щелью и записка примерно следующего содержания: «Напишите на бумаге, о чём вы хотите со мной поговорить, и опустите записку в ящик. Бóльшую пользу вы получите не от разговора, а от молитвы».

Над забором была натянута проволока, привязанная к колокольчику во дворе, в который звонили монахи и паломники, извещаая Старца о своём приходе.

Широкий двор осеняла листва масличных деревьев и нескольких виноградных лоз. Между тропой и забором было очень много веток и срубленных деревьев, наваленных Старцем для того, чтобы, когда он выходил из кельи и шёл в мастерскую, его не было видно с тропы. Спускаясь от калитки к келье, посетитель мог видеть справа под масличным деревом летний архондарик Старца – столик и два-три пенька для сиденья. Слева была могила батюшки Тихона, которую Старец Паисий обсадил кустами розмарина – чтобы на неё случайно не наступали посетители.

Спустившись по трём-четырёх ступенькам ко входу в келью, посетитель сначала оказывался в коридоре, образованном стеной дома и каменной террасой. Двери и с одной, и с другой стороны коридора были закрыты – чтобы не сквозило. Слева располагалась примитивная «кухня» – крохотный пятачок на каменной полке размером как раз для одной кастрюли и внизу – место для огня. Пройдя под небольшим навесом ко входу и войдя внутрь кельи, паломник оказывался в коридорчике шириной в один и длиной в три шага, освещаемом крохотным окошком. Прямо напротив входа была келья (комната) Старца, а слева – маленькая церковь Честного Креста, с несколькими образами в иконостасе, одной стасидией⁽¹⁾ и одним аналоем. Больше в храме не было ничего. Простота была впечатляющей.

В нескольких метрах к западу от входа была ещё одна дверь, она вела в мастерскую Старца и в архондарик – крохотную, бедную комнатку с низким, сплетённым из камыша и обмазанным глиной потол-

⁽¹⁾ Высокое деревянное кресло с подлокотниками, в котором можно как стоять, так и сидеть. – *Прим. пер.*

ком. В архондарике стояли две кровати, пространство между которыми было столь узким, что едва помещался один человек.

В маленькой каливке Честного Креста у Старца не было условий для частого приёма гостей. Живя по своему безмолвническому уставу, он с рассуждением оставлял посетителей на ночь, если видел, что в этом была нужда. В письме от 21 декабря 1971 года он писал: «Я имею всё благое желание принимать Вас у себя в каливе, оказывать Вам всё моё цыганское гостеприимство и отдавать Вам не половину Паисия, а всего себя полностью. Приезжайте без колебаний, когда захотите, потому что если я узнаю, что Вы колеблетесь, то это меня огорчит. Единственное “но” – это то, что сейчас – зимой – калива не может принять больше одного гостя. К сожалению, моя калива имеет разногласия с моим сердцем».

К востоку от каливы была каменная цистерна, в которую по желобам собиралась с крыши дождевая вода. Из этой цистерны Старец брал воду, чтобы пить самому и давать проходящим. Чуть подальше была ещё одна, открытая цистерна с водой для полива, которую Старец никогда не использовал, потому что огорода не возделывал.

Внешне жизнь Старца в каливе Честного Креста шла приблизительно так: с вечера он спал два-три часа, поднимался около полуночи и совершал Всенощное бдение. Утром, перед рассветом, немного отдышал. Днём, если не было посетителей, занимался рукодельем: изготавливал под прессом тиснённые иконки и кресты. Оставшиеся часы посвящал внимательному чтению духовных книг, молитве и ответам на многочисленные письма, в которых люди проси-

ли его молитв и задавали вопросы. Старец писал по несколько часов в день, а когда темнело, зажигал свечу. Однако писем становилось всё больше и больше, и поэтому где-то с 1977 года Старец решил на них не отвечать, за исключением безотлагательных и серьёзных случаев. Он сообщил об этом решении некоторым из своих знакомых, а потом об этом узнали и другие. Старец объяснял своё решение так: «Я – как бы это сказать – собирался быть монахом и жить по-монашески. Но вижу, что эти письма отвлекают меня от моей цели». Однако молиться о людях, славших ему письма, Старец не переставал. Наоборот, он ограничил переписку именно для того, чтобы у него появилось больше времени для молитвы, которую он считал самым главным приношением монахов миру.

Вместе с тем, жизнь, упрощённая до невообразимого предела, давала ему возможность почти всё своё время посвящать духовным занятиям и молитве о тех, кто испытывал духовную нужду.

Год от года посетителей становилось всё больше и больше. Люди со своими проблемами занимали Старца по многу часов в день. Он писал: «Я был простужен, с высокой температурой. С одной стороны, посетители поднимали мне температуру, но с другой – не давали мне умереть – потому что у меня не оставалось для этого времени».

Старец оказался перед выбором: остаться на Святой Горе либо удалиться ради безмолвия на Синай или куда-то ещё. Торопиться с выбором он не стал и, помолвившись, – чтобы не принимать решений «от своей головы» – увидел, что воля Божия была в том, чтобы остаться. «По всему видно, что мне придётся приспособливаться к трудностям здесь... Прошедшие дни я

занимался тем, что огораживал свой участок металлической сеткой». (Из письма от 9 мая 1975 года.)

Какое-то время на два дня в неделю – в среду и пятницу – Старец стал уходить в затвор. Не открывая в эти дни никому, он постился, молился и занимался тонким духовным деланием. В лесу возле источника у него была ещё одна крошечная каливка, сбита очень просто, как сарайчик, и крытая жстью. Иногда, ради большего безмолвия, он приходил сюда. После затвора или длительного отсутствия, он доставал из «почтового ящика» записки приходивших посетителей и совершал за них сердечную молитву.

На Литургию и Причастие он обычно приходил в монастырь. Но время от времени приглашал иеромонаха и к себе – чтобы отслужить Литургию в своей церковке Честного Креста. Временами ходил на Литургию в знакомые ему кельи.

Собрав маслины, он иногда – на примитивной и оригинальной маслобойке собственного изобретения и изготовления – выжимал немного масла для лампад. Маслинами он делился с бедными подвижниками и старенькими монахами Капсалы, которых посещал, чтобы получить пользу самому и оказать им посильную поддержку.

Приготовлением пищи он не занимался, кроме тех очень редких случаев, когда оставлял кого-то из гостей на ночь у себя в каливе. Однажды, оставив у себя знакомого юношу, он стал готовить обед: положил в кастрюлю немного растолчённой в ступе чечевицы, добавил горсть риса, налил воды и, положив под кастрюлю пучок вереска и сусуры, заросли которых окружали его каливу, развёл огонь и стал беседовать с гостем. Юноша думал, что, увлекшись беседой, Ста-

рец забыл о готовившейся пище. Однако вскоре обед оказался готов – пищу не понадобилось даже перемешивать. Настолько простым было его поварское искусство.

Вечерню они совершили по чёткам. Юноша молился в храме, а Старец – у себя в келье, где он прочитал и канон из «Феотокариона»⁽¹⁾. Затем была трапеза, за которой Старец не переставал с отеческой любовью давать юноше советы и наставлять его. Пища была без масла, но очень вкусной. На юношу произвело впечатление то мирное сокрушение, с которым Старец читал молитву перед трапезой: он сосредоточился в себе так, словно оторвался от всего земного и стоял перед Самим Христом. После трапезы он вышел во двор покормить диких животных, каждое из которых звал по имени.

На закате солнца Старец и юноша один час помолились по чёткам во дворе – каждый наедине. Потом, отведя гостя в архондарик, отец Паисий удалился к себе в келью.

Так, в нищенской капсалиотской каливке Честного Креста подвизался Старец Паисий. «*В рове преисподнем*»⁽²⁾, но в высоких подвигах, с непрестанной молитвой, наедине с Единым Богом и питаюсь Его Благодарью. Совершенно нищий в отношении материальных благ и удобств, но богатый добродетелями и Божественной Благодарью. Изнуряя себя аскезой и доставляя духовный покой каждому просившему его помо-

⁽¹⁾ Феотокарион (греч. **Φεοτοκάριον**) – сборник богослужебных канонов в честь Пресвятой Богородицы, составленный преподобным Никодимом Святогорцем и впервые изданный в 1766 году. Содержит шестьдесят два канона, написанных двадцатью двумя писателями разных эпох. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ Ср.: Пс. 87, 7.

щи человеку. Страдая от человеческой боли и грехов, он одновременно переливал в сердца людей радость и утешение. Он вёл брань с демонами, беседовал со Святыми, общался с дикими животными и духовно помогал людям. Ниже будут приведены некоторые соответствующие примеры и свидетельства очевидцев.

«Свет стезям моим» Старец рассказывал: «Я был в монастыре Ставроникита. Наступил вечер. Выходя из монастыря, я встретил за воротами одного мирянина, который хотел со мной поговорить. Идя рядом, он начал рассказывать мне о своих проблемах. Время шло, а я был болен – причём так, что не мог ни присесть отдохнуть, ни неподвижно стоять на ногах. Тем временем сгустились сумерки и наступила ночь. Вспомнив о своей болезни, я хотел прервать беседу, однако подумал: “У человека столько проблем, и неужели я буду думать о себе самом?” Он продолжал говорить, пока ночь полностью не вступила в свои права. Сам он договорился о ночлеге для себя в одной из келий, потому что ворота монастыря к тому времени уже были заперты.

Когда мы закончили беседу, я направился к своей каливе. Свернув на тропу, дошёл до очень узкого и крутого спуска. Я ничего не видел (фонарика у меня при себе не было) и упал среди веток и зарослей ежевики. Ничего вокруг не видя, я хватался руками за ветви, а моя торба, перевернувшись, оказалась у меня на голове. Находясь в таком положении, я подумал: “Ну, что будем делать? Э, прочитаю-ка я Повечерие”. Я начал читать “Святый Бóже...” и другие молитвы. Внезапно всё осветилось от сильного света. Вокруг меня сделалось светло, как днём, я понял, где

нахожусь, и выкарабкался на тропу. Свет продолжал освещать всё вокруг. Сердце моё было переполнено небесным радованием. Добредя до каливы, я достал спрятанный на обычном месте ключ, открыл дверь, вошёл в церковь, зажёл лампы, и только тогда Свет стал становиться всё слабее и слабее».

***Явление преподобного
Арсения***

21 февраля 1971 года Старец сидел во дворе каливы и читал черновую рукопись составленного им Жития преподобного Арсения Каппадокийского, проверяя, нет ли там ошибок. «До захода солнца оставалось два часа, – пишет Старец. – Я читал рукопись, и в это время меня посетил отец Арсений. Он ласково погладил меня, подобно тому как преподаватель ласково гладит хорошо написавшего урок ученика, и одновременно оставил мне невыразимую сладость и небесное радование, вынести которые я был не в силах. После его ухода я, как сумасшедший, бегал по участку вокруг моей каливы и громко звал его, думая, что смогу его найти»⁽¹⁾.

Явление Святого потрясло Старца. Собственно-ручно он сделал карандашный рисунок Преподобного, с которого сёстры монастыря в Суроти написали икону. Однако Старец говорил: «Первая икона вышла не очень похожей на Преподобного. Во время написания второй иконы я всё время стоял у них над душой и говорил, как именно должна быть прописана каждая деталь». Так была написана известная икона преподобного Арсения, полностью передающая его характерные черты.

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий Святогорец*. Преподобный Арсений Каппадокийский. Ук. изд. С. 24–25.

Старец твёрдо верил в святость преподобного Арсения, но, несмотря на это, велел сёстрам не изображать на его иконе нимба. И саму икону он поместил в храме не вместе с иконами других Святых – а под ними. Когда его спросили, почему он не перевесит икону выше, он ответил: «Если Преподобный хочет, то пусть поднимется выше сам», имея в виду, что Святой сам «позаботится» о своей канонизации. Также собственноручно Старец сделал стальную матрицу с изображением Преподобного (тоже без нимба), с помощью которой делал его тиснёные иконы на дереве. И в первоначальном заглавии книги он написал: «Отец Арсений Каппадокийский» (без слова «свят-ой»). Старец ждал, чтобы сначала Преподобный был причислен к лику Святых Церковью, и только тогда дополнил матрицу нимбом и написал в заголовке Жития: «Святой Арсений»⁽¹⁾.

Ещё задолго до официальной канонизации Старец сделал в своей личной Минее под 28 октября следующую запись на фарасиотском диалекте:

Σὸ σημερινὸ ἢ ἡμέρα, εἰς 10¹¹⁻¹⁹²⁴ το φρασημο, πῶς
 μο 28 τοῦ Ἰαζρημητι, ὑμνοῦν τοῦ Θεοῦ ὁ
 καὶ νοητ, ὁ ἱερογὰχος Ἀρσένιος (Χατζηφενδι) ἐν Βαράσι
 27η Τετάρτα, τοῦ ἡν εὐβη τοῦ κα Σχολιῆ. #.ἰ.η.η. κ.α.α.α.α.α.α.

То есть:

«Сегодня, 10-11-1924 по новому календарю, а по старому 28 октября, почил добрый человек Божий, иеромонах Арсений (Хаджифенди), в Фарасах Кесарийских. Благословение его и молитва да будут с нами. Монах Паусий».

⁽¹⁾ Преподобный Арсений Каппадокийский канонизирован Вселенской Патриархией в 1986 году.

***Батюшка Тихон
и искуситель***

В одной из своих книг отец Паисий писал: «10 сентября 1971 года, ночью, после полуночи, творя Иисусову молитву, я внезапно увидел входящего в келью Старца (батюшку Тихона). Вскочив, я обнял его ноги и с благоговением стал их целовать. Однако – я и не понял как – он выскользнул из моих рук и стал уходить. Я увидел, как он входит в храм, а затем стал невидим»⁽¹⁾.

Однажды Старец хотел пойти в монастырь и причаститься. Поскольку в тот день пришло много посетителей, у него не было времени исполнить своё монашеское правило и подготовиться к Причастию так, как он хотел. Поэтому Старец заколебался – идти ли ему причащаться или нет.

В этот момент он увидел, как некто, внешне похожий на батюшку Тихона, стоя перед ним на ступеньках, морщил нос, отрицательно качал головой и отговаривал: «Нет-нет, не надо тебе причащаться».

Несмотря на то что Старец помнил об обещании батюшки Тихона его навещать, он сразу же понял, что тот, кто отговаривал его от Божественного Причащения, был диавол в образе батюшки. «Уходи, ты не мой Старец», – ответил отец Паисий искусителю. Потом пошёл в монастырь и причастился.

***Паломничество
на остров Тинос***

Однажды, незадолго до начала Успенского поста, Старец на корабле отправился на остров Тинос, чтобы поклониться Тиносской чудотворной иконе Пресвятой Богородицы. На палубе корабля

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий*. Отцы-святогорцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 35–36.

отец Паисий увидел полуголых женщин, «принимавших солнечные ванны». Старец огорчился. «Как же низко пали иконы Бога – Его образы!» – думал он. Не обращая внимания на происходящее вокруг, Старец сосредоточился в себе и с болью стал совершать сердечную молитву: «Боже мой, пошли дождь, чтобы они образумились!»

Вскоре небо затянуло тучами и пошёл проливной дождь. Женщины были вынуждены одеться и уйти в каюты.

С благоговением приложившись к чудотворной иконе, Старец не остался на Тиносе, но тут же отправился обратно. Позже он рассказывал одному знакомому: «Чтобы ты понял, я скажу тебе только одно: Мать Божия на этой иконе – совсем как Живая».

На корабле Старец встретил Афинского архиепископа Иеронима⁽¹⁾ и беседовал с ним о положении Церкви.

Прельщённый монах

Как-то раз к Старцу пришёл прельщённый монах. Он положил себе правилом никогда не пить воды. Прелесть – очень страшная болезнь и исцеляются от неё с большим трудом. Однако Старец с рассуждением нашёл способ помочь прельщённому. «Я принёс ему угощение: лукум и воду, – рассказывал Старец, – а он мне заявляет: “Я воду не пью”. Я понял, что он в прелести и отвечаю: “Я не говорю, чтобы ты выпил целый стакан. Выпей, если хочешь, только один глоточек”.

Зная, что сейчас произойдёт, я приготовил полное ведро воды, и всё случилось точно так, как я ожи-

⁽¹⁾ Иероним (Коцонис) – архиепископ Афинский и всея Эллады в 1967–1973 гг.

дал. Собираясь выпить всего один глоток и взяв в руки стакан, он осушил его залпом. Потом, словно его жгло, он попросил ещё один стакан воды, потом ещё, и в конце концов выпил ведро почти целиком».

Правило, которое положил для себя прельщённый монах, имело отправной точкой гордость, и естественно, что в этом эгоистическом «подвиге» он и получал бесовскую помощь. Однако, как только монах оказал послушание Старцу и смирился, бесовское содействие прекратилось, и он уже не мог выполнить своего эгоистичного обета.

***Сострадая
больному***

Ставроникитский монах отец Афанасий (в миру Евфимий Склирис) родился в Коринфе в 1930 году. Окончив юридический факультет университета, он поступил послушником в монастырь на Синае, где и познакомился со Старцем Паисием. Затем, вслед за Старцем, он приехал на Афон и в декабре 1968 года поступил в братство Ставроникитского монастыря. Отец Афанасий был великосхимником, членом Духовного Собора и представителем монастыря в Священном Киноте. Старец особенно любил отца Афанасия, потому что тот отличался послушанием. Когда отец Афанасий заболел, его положили в Народную афинскую больницу. Врачи диагностировали в его лёгких обширные метастазы, происходившие от старой опухоли, при оперировании которой отцу Афанасию был удалён один глаз. Ему делали частые проколы, выкачивали жидкость, которая собиралась вокруг лёгкого, он тяжело дышал и время от времени задыхался. Узнав о состоянии больного, Старец Паисий решил поехать в Афины, чтобы его поддержать.

Господин Панагиотис Дроситис, почётный председатель Апелляционного суда, имевший благословение целый месяц принимать Старца у себя в доме, рассказывает: «Старец приехал ко мне поздно вечером. Чтобы он чувствовал себя свободно, я поселил его в отдельной комнатке, отделявшейся от моей спальни раздвижной прозрачной дверцей. Старец не заметил этой дверцы, и, пока я не заснул, мне пришлось стать невольным свидетелем того, как он с состраданием молился Христу и Божией Матери о болящем отце Афанасии, прося об его исцелении.

По всей вероятности, этой ночью ему было какое-то видение, потому что уже со следующего утра он начал говорить о том, что отец Афанасий нас покинет. Он говорил об этом так, словно получил ясный ответ на настойчивую молитвенную просьбу предыдущей ночи. Когда я сказал Старцу о том, что спал в смежной комнате, он был застигнут врасплох и стал явно волноваться, словно не желая, чтобы кто-то узнал о том, что происходило ночью, и о том, что ему было открыто. В то же самое утро мы поехали в больницу к отцу Афанасию. Старец уделял внимание не только ему – но духовно утешал и укреплял остальных больных, посетителей и сотрудников больницы. Узнав о состоянии отца Афанасия, Старец попросил лечащих врачей, чтобы они рассказали больному о том, что его положение очень серьёзно. Узнав от врачей правду, отец Афанасий сначала впал в задумчивость и расстройство. Однако общение со Старцем Паисием и его духовная поддержка не дали этому состоянию затянуться надолго. Отец Афанасий воспрял духом и из умирающего больного превратился в проповедника жизни – несмотря

на то что состояние его здоровья становилось всё хуже и хуже.

Старец Паисий приходил в больницу каждый день. Его присутствие превратило больничные палаты, коридоры и лестничные площадки в подлинные лечебницы душ. Врачи и медсёстры, больные и многие телесно здоровые люди всех возрастов спешили к Старцу за благословением, укреплением и разрешением своих затруднений. На всех в изобилии проливалась его любовь. Но и сам Старец искал и находил возможности оказать любовь ближним.

Я помню, как Старец делился последним с больными бедняками. Также помню, как он переживал и молился за одну молоденькую девушку, нравственно сбившуюся с пути, и как он был рад, получив внутреннее извещение о том, что это создание Божие в конце концов выходит на правильный путь.

Усталый, он возвращался домой поздно вечером, после трудного дня, полного забот о ближних. Часто люди, которые не могли встретиться со Старцем в больнице, приходили и сюда. Не помню ни одного случая, когда Старец показал бы другим, что он устал и измучен. Напротив: он был радостен, весел и шутил в своём известном стиле. Я до сих пор храню одну из его шуточных записок, которые он оставлял мне каждый день в знак благодарности, чтобы сохранить меня в радостной атмосфере.

Наконец, Старец убедился в том, что больной отец Афанасий укрепился, утвердился в вере и – несмотря на свои телесные страдания – преобразился в светлого проповедника жизни, укреплявшего и радовавшего других больных и даже тех, кто приходил его навестить. Старец уехал из Афин, однако не прекращал

общаться с отцом Афанасием посредством писем, полных тепла и любви, которые посылал больному через меня. У меня осталось последнее из этих писем, уже не заставшее отца Афанасия в живых. В письмо отец Паисий вложил фотографию Старца Тихона.

Кончина отца Афанасия была чистой и освящённой. Потом отец Паисий рассказывал мне, что, когда тело отца Афанасия привезли на Афон, на пристань монастыря Ставроникита, его лицо было настолько радостным и спокойным, что если бы Старец не стеснялся тех, кто находился рядом, то он закричал бы в голос – от радости и славословия Благому Богу».

Отец Афанасий почил о Господе 6 мая 1972 года. Сам Старец рассказывал о кончине своего друга-сподвижника так: «Сперва у отца Афанасия возникла опухоль – так называемая меланома⁽¹⁾. Она разрослась, но он жил несколько лет. В последние годы опухоль дала метастазы на лёгкие, и отца Афанасия вновь положили в больницу. Месяц я жил недалеко от больницы – в доме моих знакомых и два раза в день его навещал. Вскоре после того, как я уехал из Афин, он умер. Я узнал об этом заранее – из одного видения и в день его кончины сказал: “Сегодня отец Афанасий скончается”. Потом его тело привезли к нам в монастырь. Когда я его увидел, мной овладела печаль. Это была печаль за прошедшее. За те годы, которые мы прожили вместе. За те годы, на которые мы разлучаемся – пока Господь не призовет к себе и меня. И вот – когда я воздавал ему последнее целование – он мне улыбнулся! Да, в утешение, по Промыслу Божию».

⁽¹⁾ Злокачественная опухоль преимущественно кожи (а также сетчатки глаза, мозга, слизистых оболочек), развивающаяся из клеток, продуцирующих тёмные пигменты. – *Прим. пер.*

***Рясы и масличное
дерево***

В то время – около 1972 года – в Греции обсуждался вопрос перемены священнических одежд. Некоторые из клириков хотели взять у Старца Паисия благословение не носить рясы. Один из таких священников-модернистов приехал к Старцу и стал его уговаривать: «Но ведь не ряса делает человека священником! Предпочтительнее, чтобы священники ходили без рясы, потому что таким образом им легче найти подход к людям...» – и другие подобные глупости. Старец так и не смог убедить этого модерниста изменить своё мнение и в конце беседы сказал: «Ладно, приходи завтра, и я дам тебе ответ».

Ночь Старец провёл в молитве, а утром, когда пришёл священник, Старец показал ему одно масличное дерево, с которого нарочно содрал кору. На верхушке Старец оставил несколько подстриженных веточек, так что всё дерево было некоторым образом похоже... на священника без рясы, с реденькой, подстриженной бородкой. «Ну что, – спросил Старец, – нравится тебе это дерево с содранной корой? Вот так же, как дерево, выглядят и те священники, которые не носят рясу». Эти слова поразили священника, и он ушёл, благодаря Старца, который простым примером смог убедить его оставить свои мирские воззрения.

На стволе ободранного дерева Старец вырезал ножом следующие слова: «Древа свой сбросили наряд, посмотрим, сколько уродят...», а чуть пониже: «Поп безряственный – видать, безнравственный».

Конечно, дерево вскоре засохло. Однако оно послужило на пользу многим – и не только в отношении ношения рясы: так доходчиво Старец содействовал тому, чтобы различные попытки исказить Православное Предание не осуществились.

Через несколько лет один по-доброму расположенный юноша, готовившийся стать священником, спросил Старца: «Батюшка, а по какой причине священники должны носить рясы?» Старец ответил: «Причин много. Но вполне достаточно одной-единственной: всем благоговейным людям приятно и радостно видеть своего священника, облачённым в рясу».

Поездка в Фарасы

Когда Старец писал Житие преподобного Арсения, его сердце горело желанием посетить Фарасы Каппадокийские. Бог удостоил его осуществить это желание: 29 октября 1972 года вместе с архимандритом Василием (в то время игуменом монастыря Ставроникита) отец Паисий посетил село, в котором родился.

Описание этого путешествия содержится в книге «Житие преподобного Арсения Каппадокийского». Между тем, Старец вспоминал и другие интересные подробности.

По дороге они остановились в одной турецкой деревеньке и зашли в столовую пообедать. Почти все жители деревни с любопытством заглядывали в окна и рассматривали приезжих греков. Когда принесли обед и они встали для молитвы, Старец попросил игумена постоять и помолиться подольше. Итак, Старец Паисий и отец Василий читали разные молитвы и многократно осеняли себя крестным знаменем. «Мы вычитали чуть ли не целое монашеское правило, – смеясь рассказывал Старец. – Ведь некоторые из этих турков, возможно, были тайные христиане. Вот мы нарочно и затянули молитву, чтобы они, горемыки, немножко порадовались».

Туркам, которые спрашивали Старца о цели их путешествия, он откровенно отвечал, что Фарасы – это место, где он родился. Одному турку-полицейскому отец Паисий показался подозрительным. Он схватил Старца, посадил его в огороженное сеткой помещение и ушёл, не заперев дверь на ключ. Прошло несколько часов, но никто из полицейских не появлялся. Тогда Старец попросил игумена найти такси. Они вышли из полицейского участка, сели в машину и уехали.

В Фарасах у Старца заболела душа, когда он увидел, что из храма, в котором служил преподобный Арсений, турки сделали мечеть. Фарасы оказались совсем не такими, какими представлял их себе Старец по рассказам родителей. Некогда богатое и знатное село было в руинах и нечистотах. Турки везде ходили за Старцем по пятам, ни на минуту не оставляли его одного, глядели на него с беспокойством и подозрительностью. Конечно, всё это свидетельствовало о том, что они не чувствовали себя хозяевами в Каппадокии.

Из Фарас отцы Паисий и Василий заехали в Анкару и возвратились в Константинополь. С волнением и трепетом Старец пришёл в храм Святой Софии. Укрывшись в уголке, он с сердечною болью молился. Заметив это, смотритель-турок поднял крик и стал угрожать Старцу, твердя: «Кемаль велел, чтобы ни вы, ни мы здесь не молились!» Тогда, исполнившись Божественной ревности и пренебрегая опасностью, Старец тоже стал говорить с турком резким, повышенным тоном. Он подвёл смотрителя к одной из колонн храма, за которой виднелись лужи мочи, и, указывая на них, с негодованием обличил турка: «А это что здесь такое?! Это вам Кемаль сказал, чтобы вы такое делали?»

Рассказывая об этом случае, Старец добавлял: «Придёт гнев Божий и их укротит...»

Потом паломники посетили монастырь «Хора»⁽¹⁾, где Старца привели в восхищение прекрасные мозаики. «Там видна Благодать, переливающаяся через край», – рассказывал он. В Константинопольской Патриархии к Старцу отнеслись с уважением и благоговением – там были рады посещению подвижника-святогорца. В Патриархии произошёл один случай, из которого Старец увидел смирение и терпение Вселенского Патриарха Димитрия.

Святая Евфимия Как-то раз один из монахов – духовное чадо Старца – пришёл в каливу Честного Креста. Старец находился во дворе каливы и без остановки от сердца повторял: «Сла́ва Тебе́, Бо́же». Он повторял эти слова снова и снова и вдруг, обратившись к пришедшему монаху, произнёс: «Так вот человек и приходит в негодность – в добром смысле этого слова». – «Какой человек, Геронда?» – «Я тихо-мирно сидел у себя в келье, а она пришла и вывела меня из равновесия. Да, хорошо они живут там, наверху». – «Геронда, Вы о чём?» – «Я расскажу тебе, но только никому об этом не говори».

И Старец рассказал следующее: «Недавно я выезжал в мир по одному вопросу, касающемуся Церкви, и снова вернулся на Афон. Во вторник⁽²⁾, около деся-

⁽¹⁾ Монастырь «Хора» в Константинополе построен при императоре Константине Великом в IV веке. Много раз перестраивался. В XIV веке украшен замечательной мозаикой и фресками, представляющими собой вершину византийского церковного искусства. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ 27 февраля 1974 года.

ти часов утра, я был в келье и читал Часы⁽¹⁾. Вдруг я услышал стук в дверь и женский голос: “*Молїтвами святѣх отѣцъ наших...*”

“Откуда на Святой Горе женщина?” – изумился я, но одновременно почувствовал в сердце некую Божественную сладость. Спрашиваю: “Кто там?” – слышу в ответ: “Евфимия”. – “Какая ещё Евфимия? – подумал я. – Неужели какая-нибудь сумасшедшая переделалась в мужскую одежду и пробралась на Афон? И что мне теперь делать?” А она опять стучит. Я снова спрашиваю: “Кто там?” – и она снова отвечает: “Евфимия”. Я не знаю, что делать, и дверь не открываю. А когда она постучала в третий раз, дверь открылась сама, хотя изнутри была закрыта на задвижку. Я услышал в коридоре шаги, выскочил из кельи и увидел перед собой женщину в платке, похожем на шаль. Рядом с ней стоял некто, похожий на евангелиста Луку, – но он вдруг куда-то исчез. Женщина излучала свет, и поэтому я был уверен, что это явление не от лукавого. Однако, несмотря на это, я спросил её: “Кто ты такая?” – “Мученица Евфимия”, – ответила она. “Если, – говорю, – ты мученица Евфимия, то пойдём, поклонимся Святой Троице. Что буду делать я, повторяй за мной и ты”. Я вошёл в храм и положил земной поклон со словами: “*Во Имя Отца*”. Она повторила эти слова и тоже сделала земной поклон. “*И Сына*”, – сказал я. “*И Сына*”, – повторила она тоненьким голоском. “Говори громче, – сказал я, – чтобы я слышал”, и она повторила эти слова громче.

Я стоял в церкви, а она – в коридоре. И поклоны она делала не в сторону храма, а в сторону моей ке-

⁽¹⁾ Краткое богослужбное последование, входящее в состав суточного круга. – *Прим. пер.*

льи. Сперва я удивился, но потом вспомнил, что над входом в келью у меня висела маленькая, наклеенная на дощечку бумажная иконка Святой Троицы. Когда мы поклонились в третий раз со словами: “*И Святаго Духа*”, я сказал: “Сейчас я тебе тоже поклонюсь”. Я поклонился ей и поцеловал ей ноги и кончик носа, подумав, что целовать её в лицо будет бесстыдством.

После этого Святая села на скамеечку. А я – на сундучок, и она разрешила один мучивший меня церковный вопрос

Потом она рассказала мне о своей жизни. Я знал, что в Церкви есть святая по имени Евфимия, но Жития её не помнил. Когда она рассказывала мне о своих мучениях за Христа, я не просто слышал, но как бы видел, переживал эти мучения. Мною овладел трепет, ужас! О, что за мучения она пережила!..

“Как же ты выдержала такие муки?” – спросил я её. “Если бы я знала о том, в какой славе пребывают Святые, то сделала бы всё возможное, чтобы подвергнуться ещё бóльшим мукам”, – ответила она.

После этого события я три дня не мог ничего делать: я просто скакал от радости и непрестанно славословил Бога. Ни есть не мог, ничего, ничего... только славословие – без остановки».

В одном из писем Старец говорит: «Во всю мою жизнь я не смогу оплатить свой великий долг перед святой Евфимией, которая – будучи мне незнакомой и не имея передо мной никаких обязательств – оказала мне эту великую честь...»

Рассказывая об этом событии, Старец со смирением добавлял: «Святая Евфимия явилась мне не потому, что я был этого достоин, но потому, что в то время меня беспокоил один вопрос, связанный с положением Церкви. А кроме этого, были ещё две причины».

Старец был поражён тем, что «Святая – такая хрупкая, слабенькая – и как она только выдержала страшные муки? Ладно, если бы она была женщина крупная, сильная... А то ведь – в чём только душа держалась».

Находясь в состоянии такой райской радости, Старец составил в честь святой Евфимии стихиру (на подобен *«Кѣими похвѣльными венцы...»*): *«Кѣими похвѣльными пѣсни, восхвалѣм Евфѣмѣю, снизшѣдшюю свѣше и посетѣвшюю живѣущаго монаха окаяннаго на Капсѣле. Трѣжды в двѣри пакѣ егѣ постучѣвши, четвѣртая⁽¹⁾ сѣми отворѣшася чудѣсне, и вошѣдши с небѣсною слѣвою, Христѣва Мѣченица, поклонѣшася вкѣпе Трѣце Святѣй»*. И эксапостиларий (на подобен: *«Учеником сошѣдшеся...»*): *«Великомѣченице слѣвная Христѣва Евфѣмѣя, люблю тебѣя зело-зело, пѣсле Святѣй Панагѣи...»* Конечно же, Старец составил эти стихиры не для литургического пользования. Он даже не пел их при посторонних.

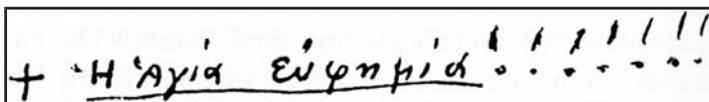
Несмотря на своё нежелание выезжать в мир, Старец, нарушив свои правила, вновь поехал в Суроти и, рассказав о случившемся сѣстрам, сделал их причастницами своей небесной радости. С помощью и под руководством Старца сѣстры написали икону святой Евфимии в том виде, как она ему явилась.

На куске стали Старец собственноручно выгравировал икону святой Евфимии и с помощью этой матрицы делал деревянные иконки, которые раздавал паломникам в её честь. При гравировке матрицы Старцу никак не удавались пальцы на левой руке Святой. «Я замучился, вырезая её руку, – рассказывал Старец, –

⁽¹⁾ Никакого противоречия с прежним текстом здесь нет. Святая Евфимия трижды постучала в дверь, а на четвёртый раз дверь отворилась без стука.

но потом включил в работу добрый помысел: “Может быть, это мне за то, что и я её, бедную, замучил своими “проверками”».

В Минее, под 27-м февраля, Старец подписал: «† Святая Евфимия!!!»

Бесовские шуточки

Старец говорил: «Больше всего диавол не хочет, чтобы мы молились. Видя, что кто-то молится, диавол – если не может ему помешать – старается, по крайней мере, увлечь человека в фантазии или помыслы. Если диаволу не удаётся и это, то он даже является молящемуся сам. Он делает это только и только для того, чтобы возмутить тебя и хоть немножко вывести тебя из состояния молитвы. Помню, однажды я молился во дворе каливы Честного Креста, рядом с могилкой батюшки Тихона. Я читал Славословие и совершал земные поклоны. Когда я дошёл до слов “во свете Твоём узрим свет”, внезапно за моей спиной разлился сильный свет, как от прожектора, который осветил всё вокруг. Он “добивал” даже до побережья Калягры⁽¹⁾. Поняв, что этот свет бесовский, я, не обращая на него никакого внимания и не возмущившись, продолжил молитву.

Тогда, увидев, что возмутить меня с помощью “света” не получилось, диавол придумал другую штуку. Внезапно слева, в нескольких метрах от меня, появились два бесёнка – вот такусенькие – ростом метра

⁽¹⁾ Участок афонского побережья между монастырями Иверским и Ставроникита. – *Прим. пер.*

в полтора и начали “баловаться”, шлёпая друг друга в ладоши и пинаясь ногами. Кино да и только! Ну тут уж я не мог удержаться от смеха. Видишь, что придумал диавол? Видит, что я не обращаю внимания на его “свет” – так на тебе, – прислал мне этих бесенят».

* * *

Однажды ночью, когда Старец спал, он почувствовал, как кто-то толкает его и говорит: «Вставай на своё монашеское правило – ты проспал». – «Кто же это меня толкает в такой час?» – подумал Старец сквозь сон. Проснувшись, открыв глаза, он увидел возле себя диавола. «А, это ты...» – сказал Старец и, выражая презрение к диаволу, спокойно повернулся на другой бок. Однако искуситель не мог уgomониться и продолжал своё: «Да, но ведь ты проспал, тебе надо совершать твоё правило!» – «Я сам знаю, когда мне совершать моё правило, – ответил Старец. – Не тебе распоряжаться моей молитвой».

***Видение души
почившего монаха***

Ночью 1-го июня 1975 года, молясь, Старец увидел, как восходит на небо душа румынского монаха Старца Филарета⁽¹⁾ из кельи святого Андрея на Капсале. Душа отца Филарета была в образе отрока лет двенадцати, со светлым лицом. Она восходила на небеса в небесном свете. На следующий день Старцу сказали, что в тот самый час ночи, когда ему было это видение, добродетельный старец Филарет (это имя значит «друг добродетели») почил о Господе.

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий*. Отцы святогорцы и святогорские истории. Ук. изд. С. 89–93.

***Снегирь по имени
Олет***

Старец любил подниматься на один небольшой хребет над своей каливой и молиться там по чёткам. Тут к нему стал прилетать снегирь, с которым Старец подружился и дал ему имя Олет, что по-бедуински означает «дитя». Когда Старец звал птицу по имени, она тут же прилетала, садилась ему на плечо, клевала корм из его ладони. Когда Старец уезжал, он оставлял корм на одном плоском камне, под которым в двух банках хранились запасы «продуктов» для Олета: одна банка была с рисом, а другая – с пшеницей.

Старец рассказывал: «Мы с Олетом дружим уже пять лет. Однажды, когда я болел, он не притронулся к корму, который я ему оставил на камне, но прилетел в келью, чтобы посмотреть, что со мной случилось. Этот горемыка привёл меня в умиление. Животные понимают, как расположены люди, и приближаются к нам в соответствии с нашим расположением. Человек для них всё равно что Бог. Поэтому человек должен любить животных – ведь другого рая они не ждут».

***Спасение от
смерти***

Однажды, как рассказывал сам Старец, с ним произошло следующее: «Вдалеке-вдалеке я услышал артиллерийскую пальбу – стреляли словно из тяжёлых орудий. Я взял чётки и поднялся на соседний хребет, чтобы получше увидеть, что происходит: мне показалось даже, что началась война. Я встал на камень и стал творить Иисусову молитву. Вдруг впереди что-то сверкнуло – и я мгновенно упал на землю». Что же произошло? Один охотник издалека увидел Старца и принял его за кабана. Вскинув ружьё, он прицелился и

нажал на курок. Старец, увидев блеск ружейного ствола на солнце, мигом упал на землю и остался в живых. Видимо, диавол, которому доставляют радость войны и битвы, не хотел, чтобы Старец молился о мире своего Отечества. Позже был ещё один подобный случай, когда Старец, молясь в лесу, попал под обстрел охотника. Но и в этот раз Бог сохранил его от опасности.

Осуждённая душа Старец рассказывал: «Одна моя знакомая старуха была жутко скупой. А вот дочка у неё была очень хорошая. Когда она хотела подать милостыню, то выбрасывала какую-нибудь вещь из окна, выходила из дома с пустыми руками (потому что её мать следила, чтобы та ничего не выносила из дому), потом подбирала под окном выброшенную вещь и отдавала нуждающимся. Однако если она говорила матери, что монах (то есть я) просит у них такую-то вещь, то старуха позволяла отдать.

После кончины этой старухи (я в то время уже жил на Афоне) я увидел некоего юношу (по всей вероятности, это был её Ангел Хранитель), который сказал мне: “Пойдём, тебя просит прийти раба Божия такая-то” (он назвал её имя). Я так и не понял, что со мной произошло: внезапно мы оказались в Конице перед какой-то могилой. Юноша повёл рукой и могила открылась. В могиле, среди глинистой жижи, я увидел скупую старуху, которая уже начала разлагаться. “Монах, спаси меня!” – закричала она.

Мне стало за неё больно, я испытал к ней жалость. Не чувствуя брезгливости, я спрыгнул в могилу, обнял её и стал спрашивать: “Что с тобой?” – “Скажи мне, – спросила она, – разве я не с готовностью давала тебе то, что ты у меня просил?” – “Да, – говорю, – с

готовностью”. – “Всё в порядке”, – успокоил её Ангел Хранитель. Он вновь повёл рукой и “задёрнул” могилу, подобно тому как задёргивают занавеску, и я вновь оказался в своей каливе.

Сёстры из Суроти меня потом спрашивают: “Что с тобой произошло в день святого Андрея?”⁽¹⁾ – “Молитесь, – отвечаю я им, – о упокоении души рабы Божией такой-то”.

Через два месяца⁽²⁾ я увидел её вновь. Внизу была бездна, хаос, а наверху, на ровном месте виднелись дворцы, много домов и много людей. Там же, наверху, стояла и эта старуха – очень радостная. Лицо у неё было словно у младенца, только крохотное грязное пятнышко осталось, но один маленький Ангел оттирал и это пятнышко – чтобы вся она стала чистой.

Я видел, как в глубине бездны бьются, мучаются и пытаются выбраться наверх люди.

Обняв старуху от радости, я отвёл её подальше от края бездны, чтобы те, кто мучались внизу, нас не видели и не страдали от этого ещё больше. А она и говорит мне: “Пойдём, покажу, куда меня Господь поместил”».

Молитва за бесов Сердце Старца уже преизливалось любовью к Богу, оно горело огнём любви «о людях, и о пернатых, и о животных, и о бесах, и о всей твари»⁽³⁾. Старец читал об этом у аввы Исаака Сирина, но и сам переживал подобные состояния.

⁽¹⁾ А именно: 30 ноября 1973 (или 1974-го) года.

⁽²⁾ 30 января 1974 (или 1975-го) года.

⁽³⁾ *Святой Исаак Сирин*. Слово 81. С. 306. Здесь и далее цитаты на творений святого Исаака Сирина даются в русском переводе по изданию: Ἰσαὰκ τοῦ Σύρου. Ἑκδ. τὰ Ἀσκητικά, Ἐκδ. Σπανάς, Ἀθήναι, 1976.

Старец в Фарасах.

Πηγαίνοντας για το Κοιμητήρι, είχα
 μαζί μου μια ομάδα γερασέντες από Σιδρόν Κχασιάδε
 από τον Κχορρά τον μαχαρίτ παλαιότερα
 φράδιον παλαιά και έχω μετρήσει τὴν Σιδρόνι-
 ζες και ἔβγαλε σίδρο.
 Ψυά διαπρίνετε ἡ Ἐπισησία.
 ὅπως ἀπὸ ἔρηναι ψήξε ὁ Τοῦρως ἀπὸ
 ἡλο, ἀπὸ τὴν οἰκουμένη Μοιά χαδόν ὁ Ἰσάφ
 και τὴν ἄντι ὁ Δαβινοφὸς τὸν χαρίδ,
 ἀπὸ βικησιζήτε για Ἰσλαμίζήτες.

Памятная запись, сделанная рукой Старца на
 обратной стороне фотографии.

«Однажды, – рассказывал он, – я стоял на коленях и молился о бесах, прислонив голову к земле и говоря: “Ты – Бог, и если Ты хочешь, то можешь найти способ, чтобы спасти и этих окаянных, несчастных бесов”.

С болью молясь такими словами, я увидел рядом с собой голову пса, который высовывал язык и меня передразнивал. Возможно, Бог попустил это, желая показать мне, что Он хочет спасти и бесов, но они сами этого не хотят»⁽¹⁾.

Георгакис с Тибета

Один юноша лет шестнадцати-семнадцати по имени Георгакис приехал на Афон и ходил по разным монастырям. В трёхлетнем возрасте родители отдали его в буддистский монастырь на Тибете. Мальчик очень преуспел в йоге, стал совершенным колдуном и мог вызывать любого демона, какого только хотел. Также он в совершенстве выучился каратэ, имел чёрный пояс. С помощью сатаны он показывал производящие сильное впечатление «фокусы»: здоровенные камни разбивал ударом руки, как грецкие орехи; мог читать закрытые книги, а лесные орехи сдавливал в кулаке так, что скорлупа падала, а ядра оставались прилипшими к ладони.

Кто-то из монахов, желая помочь Георгакису, привёл его к отцу Паисию. Юноша спросил Старца, какими он обладает силами и на что способен. Старец ответил, что сам по себе он никакой силы не имеет и вся сила – от Бога.

⁽¹⁾ Ср. *Старец Паисий Святогорец*. Письма. Ук. изд. С. 76. В “Письмах” Старец говорит о некоем монахе, но на самом деле этот случай произошёл с ним самим.

Георгакис, желая произвести на Старца впечатление, сосредоточил взгляд на лежавшем вдалеке большом камне, и вдруг камень рассыпался в крошку. Тогда Старец перекрестил один маленький камешек и попросил Георгакиса раскрошить и его. Тот сконцентрировался, стал производить различные колдовские действия, но ничего сделать с камнем не смог. Вдруг юноша начал дрожать. Сатанинские силы – которыми, как ему казалось, он повелевал, – будучи не в силах расколоть маленький камешек, в ярости обратились против него самого и, подбросив его – словно камень из пращи, – зашвырнули на противоположную сторону оврага. Старец помог Георгакису выбраться из зарослей. Юноша был в жалком состоянии.

«В другой раз, – рассказывал Старец, – когда мы с ним беседовали, он вдруг вскочил, схватил меня за руки и заломил их мне за спину. “Пусть Хаджифенди⁽¹⁾, если может, придёт и освободит тебя!” – прошипел он. Я воспринял эти слова как богохульство – чуть дёрнул руками: вот так – и он отлетел в сторону. Тогда он высоко подпрыгнул и хотел ударить меня ногой, но его нога, словно натолкнувшись на невидимое препятствие, остановилась в нескольких сантиметрах от моего лица. Бог меня уберёт.

Я оставил этого несчастного на ночь у себя в келье. Бесы, разъярившись на него за то, что он не смог меня победить, утащили его вниз, в овраг, и там избили. Утром в жалком состоянии, израненный, весь в земле и колючках, он вылез из оврага и признался: “Это сатана избил меня за то, что я не смог тебя победить”».

⁽¹⁾ Так звали святого Арсения Каппадокийского жителя Фарас. – *Прим. пер.*

Старец убедил Георгакиса принести ему свои магические книжки, чтобы их сжечь.

На какое-то время отец Паисий оставил Георгакиса у себя и – пока тот оказывал ему послушание – помогал ему. Старец выяснил, был ли Георгакис крещён, и даже разузнал, в каком храме было совершено Таинство. Сила и Благодать Старца потрясли юношу, и ему захотелось стать монахом. Но монашеская жизнь оказалась ему не по силам.

Старец рассказывал другим о случае с Георгакисом, для того чтобы доказать, насколько велико заблуждение тех, кто считает, что все религии равны, что все они верят в одного и того же Бога, а между тибетскими и православными монахами якобы нет никакой разницы.

Поездка в Австралию В 1977 году, по приглашению Православной Церкви в Австралии, Старец Паисий вместе с тогдашним игуменом монастыря Ставроникита отцом Василием посетил Австралию, чтобы духовно помочь живущим там грекам.

Старец рассказывал: «В самолёте я вдруг почувствовал в себе изменение и спросил, над какой страной мы летим. Оказалось – над Сирией. Эта страна имеет многую Благодать – из-за тех подвижников, что подвизались в её пустынях. То же самое я почувствовал и над Святой Землёй.

Потом я вдруг ощутил холод, некое демоническое “излучение”, и тут стюардесса объявила, что мы пролетаем над Пакистаном.

А когда мы прилетели в Австралию, у меня было такое чувство, что эти места ещё не освятились му-

ченической кровью и преподобническим потом, но что это произойдёт».

В Мельбурне Старец остановился в доме ныне почившего иерея Иоанна Лимоянниса. Днём Старец беседовал с людьми, готовя их к Таинству Исповеди. Дочь отца Иоанна, Деспина, вспоминает: «Старец Паисий был мудрый человек. Он знал о твоих проблемах ещё до того, как ты начнёшь ему рассказывать. Он весь благоухал – и сам, и даже комната, в которой он жил. Моя больная мать говорила: “Мы принимаем у себя святого человека, который приносит нашему дому благословение. Ходит он так, что шагов не слышно. Да ведь это просто ангел без крыльев! На лице у него видна Божественная Благодать. С того дня, как он у нас поселился, я стала чувствовать себя совершенно здоровой! Я ему кладу чистые полотенца, а он ими не пользуется – вытирает лицо собственным маленьким полотенчиком, и как оно благоухает!..»

«Старец советовал нам, – продолжает госпожа Деспина, – быть смиренными, молиться и просить у Благого Бога разрешения наших проблем. Он говорил, чтобы мы не пытались разрешать свои проблемы сами, потому что, делая это, мы лишь запутаем их ещё больше. Одно одеяло, которым укрывался Старец, моя мать хранила как святыню. Когда она была больна, то укрывалась этим одеялом и ощущала на себе многую Благодать Божию».

Отец Спиридон Вандорос, настоятель храма Святителя Нектария в Мельбурне, возил Старца Паисия на своей машине. Он рассказывает о следующем чуде: «Моему земляку, Дионисию Спилиотису, родом из города Аргостоли с острова Кефаллония, тогда было тридцать лет. Он был женат и имел дво-

их детей. У него случился инсульт в тяжёлой форме. Врачи сказали, что долго он не проживёт, а если и будет жить, то в состоянии комы. Когда Дионисий лежал в Королевской больнице Мельбурна, я привёз туда Старца Паисия. Старец много раз крестообразно осенил голову больного мощевиком-ракушкой, в котором были мощи святого Арсения Каппадокийского, и помолился за него. Через несколько дней, к изумлению и восторгу врачей и родных, Дионисий в совершенном здравии был выписан из больницы и возвратился домой. Он до сих пор живёт в местечке Дроманна недалеко от Мельбурна».

Когда Старец посетил Австралию, протосингелом Австралийской архиепископии был архимандрит Стефан – в настоящее время игумен монастыря Пресвятой Богородицы «Всецарицы». Его Высокопреподобие вспоминает: «Посещение приснопамятным Старцем Паисием Австралии было тихим, негромким – поскольку в то время большинству он был незнаком. На меня особое впечатление произвёл вот какой случай. В один из вечеров мы со Старцем приехали в небольшой храм. Оставив его в храме, я вышел по делу и почти сразу – всего через несколько минут – вернулся в церковь. Но Старца там не оказалось. Я позвал его по имени, но мне никто не ответил. Я позвал ещё два-три раза, но снова – молчание. Я забеспокоился, закричал почти в полный голос. Вдруг вижу, как он выходит из-за дальних стасидий храма. У него был такой вид, словно он выходил из иного мира. Я сделал вывод, что за это короткое время Старец духовно погрузился в молитву. Черты его лица, казалось, изменились. Он словно выходил из внемирного пространства, которое было ему хорошо

знакомо и в которое он был способен перемещаться посредством молитвы. Конечно, тогда обо всём этом ни я, ни он даже не упомянули. Однако я оценил его духовное достоинство, понял, что за человек был в тот момент рядом, каково было его духовное величие. Благословение его и молитва да будет с нами. Он нас любил. Когда он уехал, мы чувствовали близ себя его присутствие. В своём монашеском правиле, молясь по чёткам, я призываю его имя».

Один грек из Австралии рассказывал, что, когда Старец выходил из алтаря храма, к нему приблизилась женщина и попросила его благословения. Старец рукой стал делать ей знак, чтобы она уходила, отгонял её от себя. В недоумении она спросила: «Это Вы мне, Геронда?» – «Да». – «За что? Что я сделала?» – «Пойди сперва помирись со своей двоюродной сестрой и потом приходи», – ответил Старец. И действительно, эта женщина поссорилась со своей двоюродной сестрой и даже не разговаривала с ней.

Будучи в Австралии, Старец подчёркивал необходимость основания там монастырей, чтобы они духовно помогали людям, опережая и одолевая разных йогов и пятидесятников, которые своим лжесветом сбивают людей с пути.

Посещение Старцем далёкого континента оставило неизгладимый след в сердцах живущих там православных греков. Один священник из Австралии рассказывал: «Мы чувствуем, что он словно благословил Австралию на четыре стороны горизонта. Христиане, знавшие Старца, по праву чтут его память и призывают его благодать и помощь».

Ночной посетитель Старец рассказывал, что вскоре после возвращения из Австралии произошёл такой случай. «Как-то поздним вечером я услышал стук в дверь и, спросив: “Кто там?” – услышал в ответ имя своего знакомого. Потом голос из-за двери спросил: “Сколько сейчас времени?” – и сам же ответил: “А, знаю. Три”. Я посмотрел на часы – действительно, было три⁽¹⁾. Я открыл дверь и – увидел диавола! Он был лысый и очень уродливый, с лицом красным, как медь. В гневе диавол сказал мне: “За то зло, которое ты мне делаешь, я тебя отсюда выгоню!” После этих слов он исчез, оставив после себя невыносимое зловоние».

Старцу было настолько больно за то жалкое состояние, до которого дошёл диавол, что, рассказывая об этом, он долгое время глубоко вздыхал и, скорбно качая головой, говорил: «Во что же превращается тот, кто удаляется от Бога! До какого жалкого состояния довело себя лучшее из творений Божиих! Если бы люди знали, какой диавол вонючий и гадкий, то все бы его презирали и никто бы не грешил».

Личина явившегося Старцу диавола было настолько отвратительна, что Старец говорил, что если бы было возможно, то он желал бы, чтобы те, кто идут в адскую муку, по крайней мере, не видели его лица.

Явление Христа Старец рассказывал иеромонаху Г.: «Молясь Христу, я ощущал некое затруднение. Вот Матерь Божия – Она для меня как родная Мать. Святая Евфимия – тоже

⁽¹⁾ По византийскому времени, то есть около девяти часов вечера по-европейски. На стене коридора Старец написал: «3 часа» – и нарисовал стрелку, которая, вероятно, указывала на место, где стоял диавол.

родная. Я её зову: “Святая ты моя Евфимьюшка!..” А молясь Христу, я чувствовал затруднение. К Его иконе я прикладывался со страхом. И когда во время Иисусовой молитвы мой ум иногда отходил от Христа, меня это не расстраивало. “Кто я такой, чтобы постоянно иметь свой ум во Христе?” – говорил я себе. И вот произошло то, о чём я хочу тебе рассказать.

Был вечер после праздника Обретения главы Честного Предтечи, канун памяти святого апостола Карпа⁽¹⁾. Я чувствовал себя невесомым, воздушным. Никакой охоты спать у меня не было, и я подумал: “Дай-ка я сяду напишу что-нибудь про батюшку Тихона и пошлю это сёстрам в Суроти”. До восьми тридцати по-святогорски я написал около тридцати страниц. Спать мне не хотелось, но я решил прилечь, потому что немного устали ноги.

Начало светать. До девяти по-святогорски (примерно шесть утра по-мирскому) я ещё не уснул. И тут я увидел, как исчезла одна из стен моей кельи (та, что в сторону мастерской, возле неё стоит кровать). Я увидел Христа – в Свете, на расстоянии примерно шести метров от меня. Я видел Его сбоку. Волосы Его были светлыми, а глаза голубыми. Он мне ничего не говорил, только смотрел – но не прямо на меня, а как бы чуть в сторону.

Я всё это видел не телесными глазами. Тут телесные глаза открыты ли, закрыты ли – никакой разницы нет. Я всё это видел глазами душевными.

Увидев Его, я подумал: “Как же они могли в такое Лицо плевать? Как же они – не боявшиеся Бога люди – могли к такому Лицу прикоснуться? Как они могли вколачивать в это Тело гвозди? О, Боже мой!..”

⁽¹⁾ 26 мая 1977 года.

Я был поражён. А какую я испытывал сладость! Какое радование! Я не могу описать словами эту красоту. Она была тем, о чём говорится: *“Красён добротою пáче сынóв челове́ческих”*. Вот какой была эта красота. Я никогда не видел ничего подобного ни на одной из Его икон. Одна только, не помню уже, где я её видел, – была немного похожа.

Человеку стоило бы подвизаться тысячу лет ради того, чтобы увидеть эту красоту хотя бы на одно мгновение. О, сколь великие и неизреченные вещи могут быть дарованы человеку – и какими ничтожными пустяками мы занимаемся!

Я верю, что это явление было подарком, который мне сделал батюшка Тихон. Ты только об этом никому не рассказывай. Я и тебе-то долго думал, говорить или не говорить. И видишь, пока ты у меня был – столько времени не говорил ничего, сейчас только решился, когда ты уходишь»⁽¹⁾.

Через два дня, вновь встретившись с иеромонахом Г., Старец сказал ему: «Я всю ночь проплакал. И зачем я тебе только это рассказал! Я не боюсь, что ты передашь это другим, нет. Но сам я, рассказав тебе об этом, потерпел ущерб».

Одна из сестёр монастыря Суроти, почувствовав, что со Старцем произошло что-то необыкновенное, написала ему: «Такого-то мая, в таком-то часу... Остальное Вы расскажете нам сами». И действительно, приехав через какое-то время в Суроти, Старец рассказал сёстрам об этом событии и описал Явившегося ему Христа. По его точным описаниям монахини-иконописицы написали икону Господа.

⁽¹⁾ Записано иеромонахом Г. со слов Старца 28 мая 1977 года.

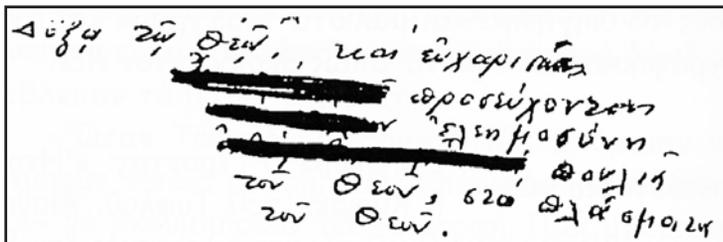
***Рыба, посланная
Богом***

Старец рассказывал: «Был воскресный день, Неделя о слепом. Я чувствовал себя измождённым, и у меня появился помысел о том, что если бы я поел немного рыбки, то это пошло бы мне на пользу. Мне захотелось рыбы не по похоти чревоугодия, но как лекарства. В то время у меня были проблемы и с кишечником. Потом мне понадобилось сходить в соседнюю келью. На обратном пути я увидел большую птицу, похожую на орла. Она летела так низко над землей, что я нагнулся, чтобы она меня не ударила. Я испугался, что эта птица могла быть дьявольским искушением, и поэтому, не обращая на неё внимания, быстро вошёл в свою келью.

Вскоре мне вновь понадобилось выйти из каливы. На том месте, где мы с птицей едва не столкнулись, я увидел большую живую рыбу. Она лежала на земле и билась. Я сначала осенил себя крестным знаменем, поблагодарил Бога и потом поднял рыбу. Но разве после такого очевидного чуда захочется эту рыбу есть?»

Чтобы не забывать об этом событии и всегда помнить о Промысле Божиим, Старец на деревянной спинке своей кровати очень художественно изобразил орла, держащего в когтях большую рыбу. Кроме этого, в Цветной Триоди на полях страницы, где находится служба Недели о слепом, Старец описал это событие. Однако впоследствии по смирению, не желая, чтобы оно было известно другим, этот кусочек страницы он оторвал. И всё же часть записи осталась на странице, потому что если бы Старец оторвал и её, то были бы также уничтожены песнопения, напечатанные на обратной стороне. Для того чтобы запутать смысл, Старец зачеркнул некоторые слова из остав-

шейся записи и прочитать их удалось с трудом. Вот эта запись:

То есть:

*«Слава Богу и благодарения (тем, кто) молятся
(и посылают) милостьню (без шума) с птицами
Божиими созданиям Божиим»⁽¹⁾.*

Дороги и автомобили Около 1977 года разгорелся спор об использовании автомобилей на Святой Афонской Горе. Между насельниками Святой Афонской Горы не было согласия. Одни настаивали на том, чтобы на Афоне появлялось больше автомобилей и они широко использовались, потому что таким образом монахи получают пользу и якобы выгадывают время для молитвы. Другие были убеждены, что для блага Святой Горы, для того чтобы не было утеряно безмолвие и не был искажён природный облик Афона, необходимо прекратить прокладывать новые дороги, и машины со Святой Афонской Горы должны быть удалены.

Старец поддерживал вторых. Он выражал своё мнение с дерзновением и ясностью. Он говорил: «Если они хотят удобств подобного рода, то пусть перейдут в монастырь, находящийся в миру, и не разрушают Святую Афонскую Гору. Будет меньшим злом, если сами

⁽¹⁾ В скобки взяты слова, зачёркнутые Старцем.

они потеряют в миру своё девство, чем если, оставшись на Святой Горе, разрушат девственность этого священного места. Даже по хребту Святой Афонской Горы они собираются проложить дорогу – так, чтобы она пересекала всю Святую Гору на две части. Ты только послушай! Ну неужели они этого не понимают? Это всё равно что, если можно так выразиться, рубить по афонскому хребту топором. А к чему это приведёт? Многие туристы будут на машинах кататься по всей Святой Горе, а найдутся ещё и такие, что будут продавать прохладительные напитки. И Афонская Гора, которую Святые Отцы освятили своими подвигами, станет самым настоящим сумасшедшим домом...» Немного помолчав, Старец добавил: «Но Пресвятая Богородица не попустит того, чтобы Её Сад был разрушен...» Представители многих монастырей приходили в каливу Старца, чтобы с ним посоветоваться. Старец, помимо решительных, но одновременно исполненных болью наставлений, даваемых представителям монастырей наедине, побудил их составить общее обращение – призыв запретить на Святой Горе дороги и автомобили. Старец сам подписал это обращение вместе с другими уважаемыми и видными святогорскими отцами. В конечном итоге, Священный Кинот решил, чтобы каждый монастырь ограничивался движением автомобилей на собственной территории. Но, к сожалению, это не только не изменило, но даже ухудшило положение дел. В конце концов, когда Старца уже не слушали, он со скорбью говорил: «Виновные за всё это дадут ответ Богу. [А нам сейчас] хватит и того, чтобы не соглашаться с ними и не участвовать во всём этом».

В то время Старец, побыв некоторое время в миру, возвращался на Афон. Была зима. Выпало много сне-

га, и поэтому автобус из Кариеса не смог спуститься в Дафни за пассажирами, сошедшими с корабля. Большинство пассажиров были монахами. Все они сели в машину, принадлежавшую одному из монастырей, и стали уговаривать Старца Паисия, чтобы тот последовал их примеру. Но все их уговоры оказались тщетными. Старец в сопровождении одного юноши пошёл в Кариес пешком. Он был измождён и простужен, за плечами нёс довольно тяжёлый рюкзак. Снег всё валил и валил. Дойти в тот день до своей кельи он так и не смог. Лишь к позднему вечеру дошёл до Кариеса и там переночевал. Старец предпочёл трудности, лишь бы не нарушить делом того, что он утверждал словом.

Свою позицию по этому вопросу Старец не изменил до конца своих дней. Достоинно внимания то, что в последний день пребывания на Святой Горе перед отъездом Старца, незадолго до его кончины 21 октября 1993 года, на престольном празднике в келье преподобного Христодула, когда после Литургии Старца о чём-то спросили, он сменил тему беседы и с непривычной для него жёсткостью стал обличать дороги и автомобили на Святой Афонской Горе. Старец, если можно так выразиться, хотел, чтобы его последние заветы ярко врезались в сердца его слушателей. Он как бы хотел «запечатлеть» то, во что верил.

Икона, излучающая свет

Был поздний вечер, канун памяти святого великомученика Артемия (19 октября 1978 года). Старец стоял на коленях и молился. У него над подушкой висела деревянная, обёрнутая в полиэтилен иконка Христа в том виде, как Он ему явился. Вдруг Старец заметил над подушкой некий

Свет, словнодвигающийся луч фонарика, и, присмотревшись, убедился, что этот Свет исходит от иконы. Исполненный небесного радования, Старец долго с благоговением лобызал икону. Икона продолжала излучать Свет. Это чудесное явление продолжалось нескольких дней. Один святогорский монах приложился к этой иконе через восемь дней после того, как она начала светиться в первый раз, и видел этот сверхъестественный Свет своими глазами. Потом, желая духовно утешить кого-то, Старец подарил ему эту излучающую Свет икону.

**«Святой, с которым
поступили очень
несправедливо»**

Однажды Старец сидел на каменном приступке возле монастыря Ставроникита и беседовал с паломниками.

Один из паломников, выпускник богословского факультета, утверждал, что авва Исаак Сирийский был несторианином, и повторял – к несчастью для себя – известное западное воззрение по этому вопросу.

Старец Паисий пытался убедить богослова в том, что авва Исаак Сирийский был не только православным, но и Святым и что его аскетические слова исполнены многой Благодатью и силой. Но попытки Старца оказались тщетными – «богослов» упрямо стоял на своём. Старец ушёл в свою каливу огорчённым и погрузился в молитву.

Когда он отошёл от монастыря совсем чуть-чуть и дошёл до места, где растёт большой платан, с ним, по его собственным словам, «произошло одно событие», описать которое подробно он не захотел. По одному из свидетельств, Старцу было видение: он увидел проходящий перед ним лик Преподобных отцов. Один из

Преподобных остановился перед Старцем и сказал ему: «Я Исаак Сирин. Я весьма и весьма православный. Действительно, в той области, где я был епископом, была распространена несторианская ересь, но я с ней боролся». Мы не в состоянии подтвердить истинность этого видения или его отвергнуть. Во всяком случае, не поддаётся сомнению то, что происшедшее со Старцем событие было сверхъестественным. Это событие с ясностью и чёткостью известило Старца о православии и святости аввы Исаака.

Книга преподобного Исаака лежала в возглавии кровати Старца. Он читал эту книгу постоянно, и шесть лет она была его единственным духовным чтением. Он читал одну фразу из этой книги и целый день повторял её в уме, «работая» с ней глубоко и деятельно, по его собственному выражению, подобно тому как «жвачные животные жуют жвачку». В благословение приходящим Старец раздавал выдержки из слов святого Исаака, желая побудить людей к чтению его творений. Старец верил, что «изучение аскетических трудов аввы Исаака приносит большую пользу, потому что оно даёт уразуметь глубочайший смысл жизни, и если у человека, который верит в Бога, есть малые или большие комплексы любого рода, помогает ему от них избавиться. В книге аввы Исаака содержатся многие духовные “витамины”, благодаря которым это чтение изменяет душу»⁽¹⁾.

Мирянам Старец тоже советовал читать авву Исаака, но – понемногу, чтобы усваивать прочитанное. Старец говорил, что книга аввы Исаака имеет такую же ценность, как целая библиотека Святых Отцов.

⁽¹⁾ *Старец Паисий Святогорец. Письма. Ук. изд. С. 60.*

В том экземпляре книги аввы Исаака, которую читал Старец, под иконописным изображением Святого, где он держит в руках перо, Старец Паисий подписал: «Авва, дай мне твоё перо, чтобы я подчеркнул все слова в твоей книге». То есть Старец хотел сказать, что книга эта имеет столь великое достоинство, что стоит подчёркивать в ней каждое слово.

Старец не только читал слова аввы Исаака, но и испытывал к нему много благоговения и особенно почитал его как Святого. На маленьком престоле храма его кельи «Панагуды» одной из немногих помещавшихся там икон была икона преподобного Исаака Сирина. От любви и благоговения к Преподобному, Старец дал его имя одному из монахов, которого постриг в великую схиму. Память преподобного Исаака Старец праздновал 28 сентября. Он сам установил, чтобы в этот день все отцы его круга совершали общее Всенощное бдение. На одном из этих бдений Старца видели в фаворском Свете, возвышенным и изменённым. До того как отцы начали праздновать память Святого 28 сентября, Старец подписал в Минее под 28 января (в этот день память преподобного Исаака Сирина совершается вместе с памятью преподобного Ефрема Сирина) следующие слова:

Τῇ ΚΗ' τοῦ αὐτοῦ μηνός, Μνήμη τοῦ Ὁσίου Πατρὸς ἡμῶν Ἐφραίμ, τοῦ Σύρου. Ἰωάν' Ἰσαάκ' ἰερογ'
τοῦ μεγαλοῦ Σουχασίου
ἐπί' εὐφ' ἀβιχιμῆνον.

«28 дня того же месяца память преподобного отца нашего Ефрема Сирина. и Исаака Великого Исихаста, с которым поступили очень несправедливо».

***Бесовское
множество***

Старец рассказывал: «Я сидел у себя в келье и вдруг услышал звон колокольчика. Выглянул в окно и увидел жуткое зрелище: гуру, преподававший чёрную магию, стоял за калиткой моей кельи, а его сопровождала целая толпа бесов. Какой ужас! Ведь человек – это образ Божий. Можно понять, если за кем-то ходит только один бес, а то ведь целая бесовская армия! Я им не открыл. Да и зачем было открывать? Чтобы терять с ними время?»

Когда через несколько дней Старец пришёл в монастырь Ставроникита, отцы рассказали ему о странном посетителе, который заходил в монастырь на днях. Старец ничего не ответил.

***Необычный
защитник***

Однажды к Старцу пришли несколько священников, духовники из мира. Они спрашивали его о том, как им относиться к грехам исповедующихся. Им хотелось без рассуждения применять акривию и строгость Священных Канонов, соблюдая их буквально и не беря в расчёт покаяние кающихся. Старец отвечал, что мы должны относиться к людям снисходительно и с любовью. Духовники стояли на своём. Тогда Старец сказал им, что мы должны окружать любовью не только людей, но даже и змей.

Когда Старец говорил эти слова, к нему подползла большая змея и приподнялась вертикально, словно желая таким образом подтвердить справедливость слов Старца. Собеседники Старца уверились в правоте его слов, будучи убеждены столь необычной поддержкой.

**«Помолися, и небо
дождь даде»**

Однажды Старца посетил молодой монах-святогорец. На прощание Старец сказал ему: «Давай сегодня ночью помолимся о том, чтобы пошёл дождь, потому что засуха принесла немало бед тем, кто живёт в миру. Посеянные хлеба засыхают от бездождия».

Монах ночью молиться не стал. Он не отнёсся к словам Старца всерьёз, а может быть, просто о них забыл. С вечера на небе не было ни облачка. Ночью монах услышал, как начался дождь. Он был восхищён дерзновением Старца к Богу и той Благодатью, которую Бог ему дал – подобно пророку Илии. Старец мог отверзть небеса своей молитвой, и «*снїде росá*».

«Хорошо, что я не молился, – рассказывал потом этот монах, – возможно, потом помысел говорил бы мне, что дождь пошёл потому, что Бог услышал именно мою молитву».

Ангел Хранитель

Старец вспоминал: «Была память святого Исидора Пелусиотского⁽¹⁾. Из-за многих расстройств и огорчений я мучился сильными головными болями. От высокого давления у меня подёргивался глаз, была опасность инсульта. Я чувствовал себя так, словно кто-то изнутри бил молотком и хотел выйти наружу. Около девяти часов вечера (по мирскому времени) я лёг на кровать и увидел прекрасного Ангела, который как бы вышел из меня в образе двенадцатилетнего ребёнка. Его светлые пушистые волосы опускались до плеч. Он улыбнулся мне и нежно провёл своей рукой по моим глазам. Боль тут же прекратилась, ис-

⁽¹⁾ 4 февраля 1979 года.

чезло и расстройство. Я чувствовал такую сладость! Захотелось, чтобы боль снова вернулась, – лишь бы ещё раз увидеть своего Ангела Хранителя».

* * *

Свидетельства паломников

Свидетельство духовника Старца

Отец Павел Зисакис, проигумен Великой лавры Афанасия Великого, свидетельствует: «С отцом Паисием я познакомился в детстве в начальной школе в Конице. Уже тогда он со мной горячностью и ревностью подвизался ради христианской веры. Я приехал на Святую Гору чуть раньше отца Паисия, приходил к нему в келью. Мы с ним обсуждали духовные вопросы, а кроме этого, он у меня исповедовался. Он любил Бога и людей. Любил пустынночество и подвижничество. Очень много подвизался. Он жил хорошей духовной жизнью, в крайнем посте и молитвах. Во всём был весьма благоговейным и последовательным».

Поддержка молодого монаха

Святогорский Старец отец Николай Тригонас рассказывает: «Я познакомился со Старцем Паисием в октябре 1968 года, когда он был ещё в Ставрениките. В монастыре он пел на клиросе и помогал на всех послушаниях, потом перешёл в каливу отца Тихона.

Когда в Ставрениките у меня были искушения, я приходил к Старцу Паисию в келью и беседовал с ним. Он мне говорил: “Я за тебя помолюсь”. Молясь,

он имел великое дерзновение. После его молитвы три-четыре дня мне было хорошо и покойно. А было и так: я шёл к нему в келью и только доходил до ручья – все искушения исчезали.

Однажды Старец Паисий на месяц оставил меня у себя в келье – до приезда моего духовника отца Павла Зисакиса. Каждую ночь, в полночь, он вставал и заводил будильник, чтобы звонок прозвучал через три часа. Он творил молитву Иисусову и забывал обо всём, его ум был восхищаем. Потом, через три часа, когда звонил будильник, он будил и меня и звал в храм на службу. Он читал Шестопсалмие, а всю остальную службу совершал по чёткам. Он делал много земных поклонов. Утром мы пили что-то горячее. Старец делал тиснёные иконки, а я готовил пищу. Тогда к нему ещё не приходило много людей. Помню, пришли три монаха-католика и стали спрашивать Старца о молитве Иисусовой. Он попросил меня сварить им вермишелевый суп. Угостил их, побеседовал. Я тоже спрашивал его об умной молитве. Он говорил мне: “Старайся творить молитву, и она сама тебя научит”.

В другой раз он послал меня по делу в одну из келий. Я задержался, и он пошёл меня искать. Он волновался и по дороге молился. Увидев его издали, я спрятался в зарослях земляничного дерева. Когда он приблизился, я увидел, что его лицо сильно сияет.

Однажды он пошёл в Ставроникиту на Божественную Литургию, за которой причастился Святых Христовых Таин. Когда он вернулся в келью, то я увидел в темноте его глаза – очень светлые и сияющие.

Помню, как-то я совершил одну хитрость, мошенничество, о котором ему ничего не сказал. Тогда он

сам сказал мне: «Пойди и положи земной поклон на могиле Старца батюшки Тихона». – «А что я сделал?» – «Ты сам знаешь».

И ещё через несколько лет, на похоронах иеродиакона Дионисия Фирфириса я увидел, что лицо Старца Паисия сияет. Его образ был преподобническим».

***Незабываемое
посещение***

Свидетельствует житель города Волос, не пожелавший открывать своё имя: «В 1974 году, за неделю до турецкого вторжения на Кипр, мы шестером приехали на Святую Гору, чтобы познакомиться со Старцем Паисием. Тогда он ещё не был столь известен. Пройдя по узкой заросшей тропинке, мы оказались возле его каливы, увидели пожилого монаха в потрёпанном подряснике, вскапывающего грядки. Один из нас спросил: “А где Старец Паисий?” – “Здесь”, – ответил он и открыл калитку.

Мы вошли в храм кельи и приложились к иконам. Снова выйдя во двор, мы увидели того же монаха, одетого более аккуратно. Мы снова спросили: “А где же отец Паисий?” – “Вы, – ответил он, – приехали поглядеть на большой арбуз, а нашли пустую бутылочную тыкву”. Тогда все мы поняли, что перед нами стоит сам отец Паисий.

Мы уселись под масличным деревом – кто-то сел на камни, кто-то на траву. Что последовало за этим, описать невозможно. Эта беседа была самым настоящим духовным пиршеством. На любой наш вопрос и недоумение Старец давал самый пригодный, самый просвещённый и самый духовный ответ.

Мы проговорили около часа. Вдруг из веток кустарника выползла огромная змея. Скорее всего, это

была одна из разновидностей полоза – дендрогалия. “Змея!” – закричал один из нашей компании и приготовился бросить в неё камнем. Отец Паисий успокоил нас словами: “Не обижайте её, она приползает и сидит со мной за компанию”. Старец поднялся, взял консервную баночку, наполнил водой и поставил в стороне. Когда змея напилась, Старец сказал ей: “Сейчас уползай, у меня гости”. Тут же, оказывая послушание Старцу, змея исчезла в траве, так же тихо и неожиданно, как и появилась. Мы сидели, потеряв дар речи. Невозможно описать наши чувства. Этот случай и вся беседа со Старцем остались начертанными глубоко в наших душах. А кроме этого, Старец пророчески рассказал нам о событиях, которые последуют после вторжения турок на Кипр».

Молчание птиц Иеромонах Христодул (Капетас), старец Иверской кельи святых Петра и Онуфрия, рассказывал: «Мы слышали об отце Паисии, что он разговаривает с животными и птицами, берёт в свои руки змей, но я лично в это не верил, считал это мирскими слухами, которые распространяются ради того, чтобы Старец приобрёл себе имя. В начале июля 1971 года, когда я закончил Афониаду, мы с моим духовным братом Константином Литрасом посетили Старца Паисия в келье Честного Креста. Мы пришли утром, около половины десятого, и Старец принял нас в своём “архондарике под открытым небом” – под масличным деревом. Он принёс нам угощение: по сушёной смокве и по два-три орешка фундука, поставил по стакану воды – и стал беседовать на различные духовные темы.

В том месте, где расположена келья Старца, собиралось много соловьёв и других птиц, которые щебетали и пели, не умолкая. Они мешали нам, и Старец сказал: “Прервитесь (он не сказал “замолчите”), благословенные птицы, ведь вы видите, что я беседую с людьми! Когда закончу, тогда начинайте вы”. В то же мгновение птицы “прервались”, оставшись при этом на своих местах.

Происшедшее произвело на нас такое впечатление, что поддерживать беседу стало невозможным. Этот случай был и тайным ответом мне лично, ответом на те сомнения, которые у меня были относительно Старца Паисия. Пусть он простит меня за то, что я рассказываю об этом случае после его кончины. Я прошу его благословения и молитвы».

***Необычный
престольный
праздник***

Свидетельство епископа города Лимасол на Кипре митрополита Афанасия: «В сентябре 1977 года, в понедельник, накануне праздника Воздвижения Честного Креста, я пришёл к Старцу Паисию. Было раннее утро. Я постучал, и Старец мне открыл, он был очень радостным и благодушным. “А, слава Богу, что ты пришёл, дьякон, – сказал он. – У меня ведь завтра престольный праздник. Придут певчие, на обед я заказал очень вкусную рыбу. Только вот дьякона не хватало. Но сейчас – когда ты пришёл – праздник будет в полном порядке”. Потом он добавил: “Сегодня вечером ты останешься здесь”.

Я знал, что Старец не оставлял у себя на ночь никого, и, услышав эти слова, чуть не подпрыгнул от радости.

Мы пошли в церквушку, он велел мне привести в порядок святой престол. Я вытирал пыль, подметал коридор, делал другие работы, чувствуя очень большую радость. Около полудня мы сели есть. Он сделал чай, принёс сухарь и немного дикой травы со своего огорода.

На меня произвело впечатление то, как Старец молился перед трапезой. Читая *“Отче наш”*, он поднял руки и прочитал молитву с такой любовью и благоговением, словно действительно разговаривал с Богом.

Он отвёл меня в мою келью, и около часа я отдохнул. Потом мы совершили по чёткам малую Вечерню.

После малой Вечерни Старец сказал: “Гляди, дьякон, сейчас мы совершим бдение по чёткам, а утром придёт священник и отслужит нам Литургию. Ты умеешь молиться по чёткам? Я объясню, что тебе надо будет делать”. И он объяснил мне порядок Всенощного бдения по чёткам. По этому мудрому распорядку всё было предусмотрено так, чтобы ночью мною не овладел сон. Он сказал, чтобы я совершал по чёткам триста молитв *“Господи Иисусе Христе, помилуй мя”*. Потом сто молитв Пресвятой Богородице. Потом ещё триста молитв Христу о живых. Сто молитв о живых Пресвятой Богородице. Потом чётку-трёхсотницу Христу об усопших. Потом сотницу об усопших Пресвятой Богородице. Потом чётку-трёхсотницу Честному Кресту и потом чётку-трёхсотницу с молитвой *“Слава Тебе, Боже наш, слава Тебе”*. О подобном уставе Всенощного бдения я услышал впервые. Старец объяснил мне: “Последняя чётка – это славословие. Когда закончишь все эти чётки, начнёшь круг сначала”.

“Если услышишь шум, не бойся, – предупредил он. – Здесь возле кельи ходят дикие кабаны, шакалы

и другие звери”. Он поселил меня в своём маленьком архондарике и сказал, что около полуночи позовет в церковь, чтобы мы вместе прочитали правило ко Святому Причащению.

Я слышал, как время от времени за стенкой Старец глубоко вздыхает. Иногда он стучал в стену и спрашивал: “Эй, дьякон, ты не спишь? У тебя всё нормально?”

Ближе к часу ночи мы пошли в церковь. Он поставил меня в единственную стасидию, которая была в храме, и дал в руки свечу, чтобы я читал правило ко Святому Причащению. Сам он стоял слева от меня и произносил стихи к тропарям Канона ко Святому Причащению: “*Сла́ва Тебе́, Бо́же наш, сла́ва Тебе́*”. Каждый раз, говоря этот стих, он осенял себя крестным знаменем и совершал глубокий поясной поклон.

Мы дошли до тропаря “*Ма́рие, Ма́терь Бо́жия...*”. Помню, едва я успел прочитать эти слова как почувствовал в себе что-то... не знаю, не могу это описать. Я остановился. Лампада перед иконой Пресвятой Богородицы начала раскачиваться – нерезко, от одного края иконы к другому, – и вся церквушка наполнилась Светом. Я видел текст правила к Святому Причащению без свечи и в какой-то момент подумал, что её можно погасить.

Я увидел, что, держа руки скрещёнными на груди, Старец пригнулся к самому полу. Он понял, что я хотел спросить его о том, что происходит, и сделал знак, чтобы я молчал. Я стоял в стасидии, а Старец – согнувшись – рядом со мной. Я чувствовал к Старцу такую любовь и благоговение, что ощущал себя находящимся в Раю.

Мы пребывали в таком состоянии полчаса или час – точно понять я не мог. Я не знал, что делать.

Неосознанно я сам продолжал чтение правила к Святому Причащению, и, когда дошёл до молитвы “*От сквѣрных устѣн...*”, потихоньку исчез этот необычный Свет, а потом перестала качаться лампада. Мы закончили правило и вышли в коридор. Старец посадил меня на скамейку, а сам присел рядом на сундучок. Мы молчали. Потом я спросил: “Геронда, что это было?” – “Что было?” – “Ну, лампада. Как лампада могла качаться так долго?” – “А что ты видел?” – “Я видел, как лампада перед иконой Матери Божией раскачивалась”. – “Ты видел только это?” – “И ещё Свет”. – “И всё?” – “Больше ничего не видел”. Думаю, если Старец спрашивал у меня о том, видел ли я что-либо ещё, то, наверное, сам он видел нечто большее. “Ну, ладно, ничего особенного в этом не было”, – сказал наконец Старец. “Да как же ничего особенного, Геронда! Ведь раскачивалась лампада, и был Свет!” – “Э, да разве ты не слышал, что в книгах написано, как Матерь Божия посещает кельи монахов и смотрит, чем они занимаются? Ну вот, Она зашла и сюда, а увидев двух сумасшедших, решила их поприветствовать и покачала Своей лампадой”, – ответил Старец.

После этого Старец рассказал о различных пережитых им сверхъестественных опытах. Он сказал, что видел святую Евфимию и многое другое. Всё его прежнее нежелание говорить исчезло, и он рассказывал охотно. До утра мы беседовали на духовные темы. Он особо подчеркнул: “Я, дьякон, рассказываю тебе обо всём этом от любви, для того чтобы тебе помочь, а не для того, чтобы ты считал, что я что-то из себя представляю”.

В половине шестого пришёл священник, и Старец хотел, чтобы я принял участие в Литургии. Но диаконского облачения у него в келье не оказалось. Он принёс мне старый стихарь, взял одну епитрахиль, сложил её подобно орарю и с помощью булавки укрепил у меня на плече. Потом он разыскал поручи и надел их мне на руки. В разноцветных пёстрых облачениях я был похож на клоуна, но это была самая прекрасная Литургия в моей жизни. Мы были только троём: Старец, иеромонах и я.

Он оставил меня у себя до субботы. В один из дней он послал меня в Буразери⁽¹⁾, чтобы я повидался со своими земляками и пообедал у них. В другой раз он послал меня на трапезу в Ставроникиту – потому что у него в келье были только чай и сухари».

Старец отвечает
«по-своему»

Господин Феодор Хаджипатерас, владелец бакалейного магазина из города Ксанфи, свидетельствует: «Услышав об отце Паисии от одного студента, я посетил Старца в его келье и рассказал ему и о своей проблеме: “Геронда, у меня в магазине много мышей, и я расстраиваюсь. Никак не могу от них избавиться. Прошу тебя, помолись Богу, чтобы они ушли”. Я просил Старца об этом с душевной болью, потому что мыши портили продукты и вещи, постоянно было слышно, как они бегали наверху, на чердаке. Они постоянно прыгали на глазах у покупателей даже среди бела дня. У меня был большой радиоприёмник, который я привёз из Германии. Мыши забрались в него, устроили там гнездо, наро-

⁽¹⁾ Большая общежительная келья Святителя Николая недалеко от Кариеса. – *Прим. пер.*

жали мышат, поели электромагнитные катушки... Старец ответил мне: “Благословенная душа! Из-за мышей мы будем беспокоить Бога?” Мне показалось, что он не придавал моим словам значение.

Я вернулся домой. Моя душа ликовала, лишь немного я расстраивался от мысли, что Старец не понял меня, когда я рассказывал о мышах.

Однако, придя к себе в магазин, я понял: что-то изменилось. Через два дня убедился, что мыши исчезли, не осталось ни одной. Я понял, что их прогнала молитва Старца.

Спустя время я начал ощущать большую усталость, меня оставили силы, я очень похудел. После медицинского обследования три врача назначили мне лечение, потому что мой организм мучили какие-то микробы. Я лежал в кровати и не мог работать.

Я решил написать о своём состоянии Старцу Паисию и просил его, чтобы он ответил, нужно ли мне уезжать из Ксанфи [на лечение] или же оставаться здесь, доверившись Промыслу Божию и местным врачам.

На второй день лечения у меня начались сильные желудочные боли. “У тебя будет желудочное кровотечение, – сказал врач. – Тебе надо прекратить принимать лекарства”. Меня положили в стационар. Глубокой ночью я поднялся с кровати и без сознания упал на пол. У меня совершенно не было аппетита. Я таял, подобно свече. Врачи осматривали меня и ничего не говорили. Меня положили в больницу в четверг, а к вечеру субботы мне стало совсем плохо.

В воскресенье утром я проснулся, почувствовав в себе удивительную силу. Я позвонил жене, чтобы она забрала меня из больницы, – я не хотел уходить тайком, словно вор.

Врач сказал мне: “Ещё вчера твоё состояние было ужасным, а сейчас что-то действительно изменилось. Я ничего не понимаю, это необъяснимо”. Я ответил ему: “Произошло чудо, Бог сотворил чудо”. Я спрашивал себя, кто был посредником в этом чуде между мной и Богом? Я ел с аппетитом, и моя пища была смешана со слёзами умиления. На следующий день я пошёл на работу, не чувствуя ни малейшей усталости. Всего за несколько дней я набрал килограммы, потерянные во время болезни.

В начале декабря вместе с моим другом, профессором университета, и одним из его студентов мы посетили Старца Паисия. Старец открыл нам калитку. Первым зашёл профессор, потом студент, они направились по тропинке к келье. Старец и я остались стоять у калитки. Старец спросил меня: “Как твои дела, Феодор? Сейчас ты здоров?” Я подумал, что он спрашивает меня, потому что я писал ему о своей болезни. “Да, Геронда, слава Богу, я чувствую себя очень хорошо”, – ответил я ему. По пути к келье он снова спросил: “Ты ведь получил моё письмо, не так ли?” Я остановился от неожиданности: никакого письма я не получал. Однако ещё до того, как я успел ему ответить, он сказал: “Да, я не писал тебе письма, но ответил тебе по-другому, по-своему”. У меня внутри словно разразилось землетрясение. Я понял, что Старец исцелил меня своими молитвами. Он вновь спросил: “Но ведь ты получил моё послание, не так ли?” – “Да, Геронда, – ответил я ему, – твоё письмо я получил”. Мы вошли в церковь, приложились к иконам, а потом я вышел во двор и долго плакал от волнения и умиления».

***Божественная Литургия
в келье Честного Креста***

27 октября 1978 года два
святогорских монаха по-
сетили Старца в его кали-

ве. Один из них описал это посещение таким образом: «Мы пришли к Старцу за час или два до заката солнца. Подойдя к калитке участка, огороженного проволочной сеткой, мы увидели, что из трубы кельи идёт дым и услышали оживлённую беседу. Из-за дровяной кучи появился отец Паисий. Он поглядел на нас, и мы ему поклонились. Сделав нам несколько радостных жестов руками, он потихоньку подошёл к калитке, открыл её и впустил нас, кладя перед нами поклоны и стараясь поцеловать нам руки.

Спускаясь к келье, мы увидели молодого монаха из Ставроникиты, который готовил пиццу на огне и плакал от дыма. Старец с улыбкой представил этого монаха: «Отец такой-то – повар престольного праздника». – «Гляди, благословенная душа, не сожги мне еду», – сказал он ему. Монах в ответ засмеялся. Мы поняли, что перед нашим приходом они беседовали о чём-то весёлом.

Мы вошли в церковь, приложились к иконам, а потом он провёл нас в свой архондарик и принёс угощение. Старец объяснил, что завтра, в день кончины отца Арсения Каппадокийского, они собирались служить в келье Божественную Литургию.

Мы немного помолчали, и вдруг Старец сказал: «Когда к батюшке Тихону приходили посетители в рясах, он спрашивал их, священники ли они и служат ли они Божественную Литургию. Если они отвечали “да”, то он славословил Бога. Если же кто-то из священников отвечал, что он не литургисает, отец Тихон очень огорчался – настолько сильно, что вы не може-

те даже себе представить”. Эти слова Старца очень удивили нас, потому что мой друг действительно был иеромонахом и уже давно не совершал Божественной Литургии, хотя канонических препятствий к этому не было. Мы переглянулись...

Мы долго беседовали со Старцем на духовные темы, а потом он предложил нам остаться в его келье на ночь. “Повар престольного праздника” принёс нам обед. Сам же Старец с монахом съели лишь несколько миндальных орешков, которые Старец растолок в маленькой ступке.

Утром из монастыря пришёл священник, и вместе с моим другом-иеромонахом они отслужили Божественную Литургию. Во время Литургии мы с отцом Паисием пели, причём отец Паисий пел очень радостно и весело.

С началом Божественной Литургии Старец шепнул мне на ухо, что в следующий раз поставит служить меня. Он словно хотел объяснить, по какой причине благословил служить Божественную Литургию моему другу, а не мне, хотя я был старше друга и по возрасту, и по хиротонии. “Я понял, – сказал мне Старец, – что в последнее время он не служил, и поэтому вчера, как только вы пришли, сказал вам, что говорил отец Тихон в подобных случаях”.

После Божественной Литургии священник и второй монах ушли в монастырь. Нас же Старец удержал у себя ещё несколько часов. Перед уходом мы почувствовали, что природа вокруг нас выглядит по-другому. Мы ощутили всё духовно. Было такое чувство, что зелёные деревца, росшие вокруг кельи, вот-вот заведут с нами какой-то разговор...»

***Бог обязан помогать
человеку***

Свидетельство господина
Елевферия Тамиолакиса с
острова Крит: «Однажды, об-

ременённый многими обязанностями, я оказался в трудном положении и поехал за поддержкой на Афон – к Старцу Паисию. По сугробам, в сильную непогоду дошёл до его каливы и постучал в дверь. Старец тут же открыл. Завёл меня внутрь. “А я тебя ждал”, – сказал он. Конечно же, я не предупредил его о своём приезде. Он усадил меня возле печки и не спеша стал готовить мне чай. Налив в маленький кофейник воду, он осенил себя крестным знаменем со словами: “Слава Тебе́, Бо́же!” Потом, насыпав в воду разных трав, снова перекрестился и произнёс: “Слава Тебе́, Бо́же!” А поставив кофейник на огонь, снова осенил себя крестом с теми же самыми словами: “Слава Тебе́, Бо́же!”

Пока, кроме “а я тебя ждал”, он не сказал мне ни слова. Глядя на Старца, я стал нервничать из-за его неторопливости, спокойствия: меня очень беспокоили мои проблемы. Когда чай был готов, Старец налил мне его в кружку и, взглянув простодушно и сочувственно, тихо спросил, что со мной происходит и почему у меня такой озабоченный вид. Находясь в нервном возбуждении, я стал решительно и напористо “выкладывать” перед Старцем свои проблемы, стараясь обратить его внимание на то, что люди в мире испытывают очень много затруднений. Старец чуть улыбнулся, отпил из кружки и совершенно бесстрастно ответил: “Ну и что ты переживаешь? Бог поможет”. Я разнервничался ещё больше. Я очень любил Старца, мог разговаривать с ним свободно и поэтому воскликнул: “Да уж ладно тебе, Геронда!.. Бог помогает раз, помогает два... Он что, обязан помогать постоянно?”

Тогда он серьёзно взглянул на меня и произнёс слова, поразившие меня как молния. “Да, – сказал он, – Бог обязан помогать постоянно”. Он сказал эти слова так уверенно, что было совершенно очевидно: он знал о том, что говорит “из первых уст”. Внезапно у меня внутри всё переменялось: исчезла нервозность, я успокоился, ощутил в себе безграничную тишину. У меня оставалось только одно недоумение, которое я ему и высказал: “А почему Бог обязан нам помогать?” Ответ, который дал Старец, мог дать только человек, который действительно чувствует себя Божиим чадом и имеет к своему Отцу дерзновение. Старец сказал: “Вот ты, родив детей, сейчас чувствуешь себя обязанным помогать им, приезжаешь из Салоник на Афон в такую непогоду, идёшь ко мне, – и всё потому, что о них беспокоишься. Так и Бог, Который создал нас и для Которого мы – дети, – тоже заботится о нас, потому что Он чувствует необходимость нам помочь. Да: Он обязан нам помогать!”

Меня потрясла непосредственность его ответа. Вдруг куда-то исчезло всё то, что меня тяготило, и с этого момента я окончательно перестал тревожиться о будущем».

Прозорливость Старца

Свидетельство господина Апостолоса Папахристу, преподавателя богословия и церковного певчего из города Агринио: «Впервые я посетил Старца 12 сентября 1977 года в его келье Честного Креста. Раньше мы знакомы не были, но, увидев меня, он сказал: “Добро пожаловать, Апостолос!”

В январе 1979 года я посетил его вновь. Незадолго до этого моя двоюродная сестра помолвилась с од-

ним юношей, и я спросил Старца, годится ли этот молодой человек для создания хорошей семьи.

Старец ответил: “Этот человек несправедливо обидел одну душу и поэтому ничего путного из него не выйдет. Он пообещал жениться на девушке, однако оставил её, и та от расстройства пыталась покончить с собой. Она не умерла, но осталась парализованной. Если он не попросит у неё прощения за то, что сделал, то из него никогда не выйдет ничего путного”.

И действительно, до сего дня этот человек, несмотря на все свои старания, так и не смог создать семьи и преуспеть в жизни».

Забавные случаи и афоризмы Старца

Отличительными чертами Старца, о которых сказано недостаточно, были его постоянные благодушие и весёлость. Весёлость – это добродетель, и в искреннем, естественном смехе нет ничего предосудительного.

Часто, желая утешить скорбящие души, Старец рассказывал весёлые, забавные истории, которые вызывали у слушателей живой, искренний смех. Но весёлость была и просто отличительной чертой его характера. Нередко за какой-то из его простых шуток скрывался глубокий духовный смысл. Старец играл словами, давал им своё собственное «этимологическое объяснение», выдумывал самые невероятные неологизмы. Однако делал это очень тонко, так, чтобы никого не ранить и не осудить. Из многих примеров мы выбрали несколько показательных⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Мы были вынуждены сократить несколько отрывков из этого раздела, так как некоторые из афоризмов Старца, основанные на омофоничности греческих слов, в русском переводе теряют смысл. – *Прим. пер.*

* * *

Однажды Старца посетил человек, «помешанный» на древностях, музеях и тому подобном. Он попросил Старца показать ему «античные памятники его кельи». Желая рассеять пустоту запросов посетителя, Старец показал ему на одну обвалившуюся стену и шутя сказал: «Обратите внимание на эти античные руины. Они относятся к эпохе царя Навуходоносора».

* * *

– Геронда, откуда Вы берёте столько лукума? – спросил Старца ребёнок.

– Как откуда? Срываю с лукумовых деревьев! – ответил Старец и показал малышу на заросли кустарника вокруг каливы.

* * *

– Отче, чем ты здесь занимаешься? – спросил Старца человек, равнодушно относившийся к вопросам духовной жизни.

– Слежу за муравьями, чтобы они не ссорились, – ответил Старец.

В другой раз, когда равнодушные люди спросили Старца, чем он занимается ночью, он, показывая на звёзды, ответил: «Как чем? У меня послушание: каждый вечер зажигать на небе лампадки».

* * *

Однажды знакомая Старца Екатерина Патера вместе с господином Георгием Лагосом⁽¹⁾, профессором медицинского факультета университета города Янина, приехали в монастырь Суроти, чтобы увидеть Старца. Старец сказал госпоже Патера: «Сейчас ты приехала на зайце, а в другой раз приедешь на черепахе». И действительно, в следующий раз вместе с одной женщиной они заблудились и вместо пяти часов добирались часов девять-десять.

* * *

Однажды Старец хотел поцеловать руку у только что рукоположенного священника, но тот по смирению не давал ему этого сделать. «Если ты хочешь, чтобы твоя рука была твоей собственностью, – сказал Старец, – то тебе не надо было становиться священником». После этого Старец поцеловал молодому священнику руку.

* * *

Однажды в Панагуде Старец работал на огороде. Он доставал из консервной банки из-под кальмаров лук-севок и сажал его в землю. Один «умник» с заложенными за спину руками подошёл к Старцу и спросил, что это он делает.

- Сажаю кальмаров, – ответил Старец.
- Ну и как, приживаются?
- Ну, а что же? Если сажать усами вниз, то приживаются.

⁽¹⁾ Лагός (λαγός) – по-гречески значит заяц. – *Прим. пер.*

* * *

Как-то раз перед началом пения Постной Триоди Старец сказал одному паломнику: «Ты когда-нибудь проезжал через “диодии”⁽¹⁾? Те, кто через них проезжает – платит деньги. А мы – “проезжая” по Триоди – что-нибудь платим?» – имея в виду под платой за «проезд по Триоди» совершение какой-либо жертвы.

* * *

Когда Старец жил в Иверском скиту, его посетил знакомый юноша. На молодом человеке был костюм и очень красивый галстук. Старец – которому по душе было всё простое – желая научить юношу простоте, без многих слов использовал для этого оригинальный и шуточный способ. Шутливым тоном он спросил: «Слушай-ка, ты не одолжишь свой галстук вот этому ослику? Пусть горемыка тоже немножко порадует-ся». Юноша снял галстук, и Старец, еле сдерживаясь от смеха, подвязал его на шею ослу. Благодаря такой шутке юноша получил урок и больше на Святую Гору в галстук не приезжал.

* * *

Порой Старец «юродствовал», то есть делал или говорил что-то внешне несуразное. Когда его посетил один духовно равнодушный человек, желавший лишь убить время и рассказать ему о «текущих со-

⁽¹⁾ Диодии – на греческих автомобильных дорогах место сбора налогов с водителей на некоторых пунктах. – *Прим. пер.*

бытиях», Старец, поняв это, спросил его: «Ну, что нового на бирже? Как высоко поднялся курс фунта стерлинга?» Юродствуя, нестяжательный подвижник “интересовался” курсом валюты.

* * *

Однажды Старец попросил в монастыре, к которому относилась его келья, чтобы несколько дней его никто не беспокоил. В один из этих дней к нему пришла компания студентов. Они настойчиво стучали в клепальце у калитки, но Старец не открывал. Однако, когда студенты пролезли во двор под сеткой забора, Старец был вынужден выйти и спросить, что им нужно.

– Геронда, мы хотим с Вами побеседовать на духовные темы.

– Послушайте, ребята, ну на какие духовные темы можно с вами беседовать? Тут впору полицию вызывать. Что говорит Христос в Евангелии: *«Не входя́й двéрми, но прелáзй и́нуде...»* – на этом Старец остановился и не досказал окончание евангельского стиха: *«... той тать есть и разбо́йник»*⁽¹⁾.

* * *

А в другой раз через забор каливы Старца перелез один архимандрит. Старец по деликатности не сделал ему никакого замечания. Потом, шутя, он прокомментировал это так: “Ну, этот ладно – у него есть благословение лазать через забор. Ведь он – архи-мандрит (дословно начальник «мандры» – загона для овец).

⁽¹⁾ Ин. 10, 1.

* * *

Один паломник, грек, привёз к Старцу своих друзей-англичан и попросил его сказать им что-то в назидание. Конечно, Старец не знал английского языка, но, тем не менее, он нашёл замечательный способ, чтобы помочь европейцам с их эгоистичной уверенностью в себе задуматься о чём-то важном. Он сказал: «Скажи им, что мы – греки – иной раз пишем местоимение “я” со строчной буквы, тогда как они – всегда с прописной».

* * *

Один бесноватый заявил Старцу: «Аз есмь сый (по-гречески “он”). Пади ниц, поклонись мне». На что Старец ответил: «Никакой ты не “он” – дурень, ты самый настоящий “онос” (онос – значит по-гречески “осёл”)». В этом случае Старец обращался к бесу, который говорил устами одержимого.

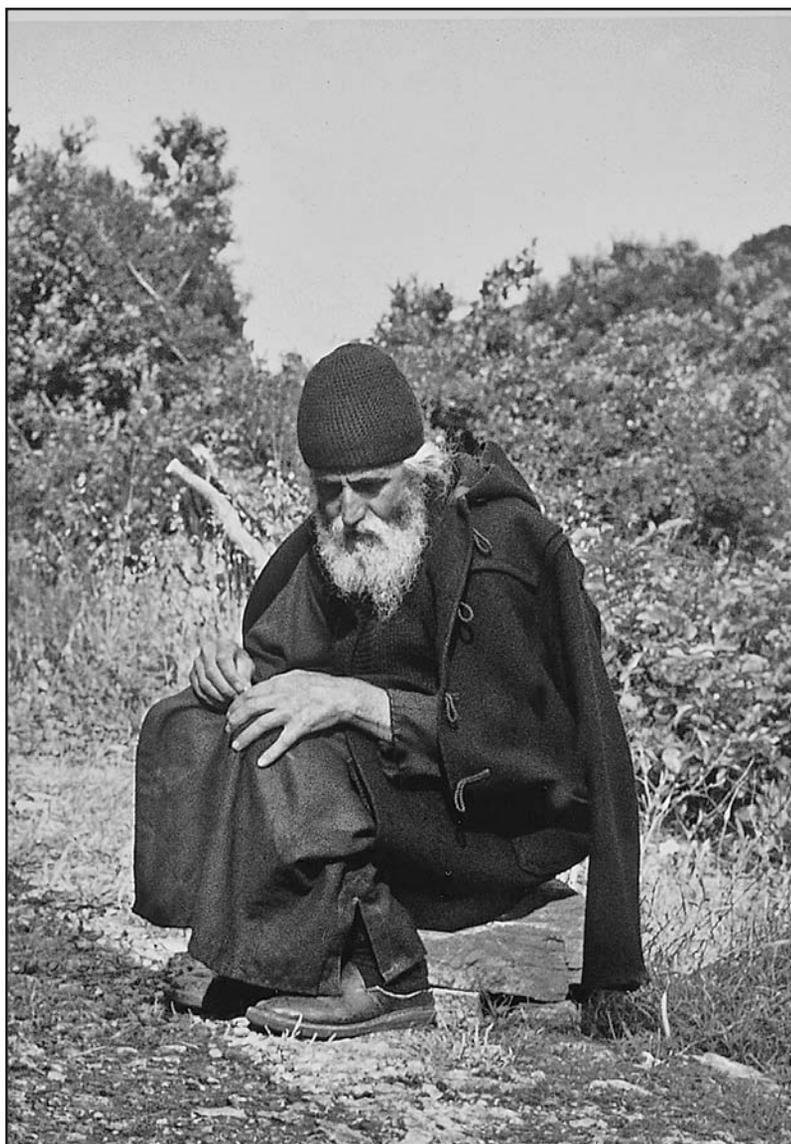
* * *

Один святогорский монах сказал Старцу: «Ты, Геронда, аскет». Старец с неудовольствием спросил его: «А что значит аскет?» И сам же ответил: «Аскет – значит тот, у кого нет крова⁽¹⁾, тогда как у меня есть калива. Следовательно, я и кров имею, и к аскетам не отношусь».

⁽¹⁾ Игра слов: ἄσκητής – греч., аскет, подвижник; ἄσκειής – греч., тот, у кого нет крова.

глава двенадцатая

**В «ПАНАГУДЕ»:
ОТДАНИЕ СЕБЯ ТЕМ,
КОМУ БОЛЬНО**

Во дворе “Панагуды”. 5 июня 1983 года.

Переселение в келью «Панагуда»

Проведя одиннадцать подвижнических лет в каливе Честного Креста, отдавая себя все эти годы людям, Старец впоследствии решил уйти из этой кельи. Для ухода была серьёзная духовная причина. Ища себе келью, Старец хотел поселиться на Капсале вместе со слепым румынским монахом старцем Миной, чтобы упокоить его старость. Но монастырь, которому принадлежала келья старца Мины, не дал на это благословение. Идя по капсальским тропам, Старец со слезами просил: «Пресвятая моя Богородица, у Тебя для всех находится место в Твоём саду – неужели не найдётся для меня?»

27 февраля, в день, когда ранее ему было видение святой Евфимии, отец Паисий с помощью старца Иоакима нашёл себе новое место для подвигов: келью «Панагуда». До этого «Панагуда» считалась домом при винограднике монастыря Кутлумуш. Это событие Старец воспринял как благословение святой Евфимии и с умилением благодарил Святую за её заботу. Братья монастыря Кутлумуш, обрадованные переходом Старца, с готовностью удовлетворили его

прошение и предоставили ему келью «Панагуда». Взяв из монастыря Ставроникита отпускную грамоту, Старец получил омологию на «Панагуду», которая с этого момента стала считаться не домом при монастырском винограднике, а отдельной кельей.

Келья «Панагуда» находится на вершине небольшого холма среди густой растительности, недалеко от тропы, соединяющей Кариес с Иверским монастырём, напротив скита святого Пантелеимона. Храм кельи занимает её юго-восточный угол, он освящён в честь Рождества Пресвятой Богородицы (поэтому келья и называется «Панагуда» – то есть «малая Панагия»⁽¹⁾). Храм расположен справа от коридора – сразу возле входа. Слева – напротив входа в храм – дверь в келью самого Старца. Далее по коридору ещё два помещения: правое Старец переделал в архондарик, а слева устроил себе мастерскую. Дверь из архондарика выходит на балкон, с которого открывается вид на Кариес.

Несмотря на то, что Старец искал безмолвную келью в южной части Святой Горы, он пошёл на жертву ради паломников и поселился в месте, которое было для них более доступно, – в Панагуде. Эта маленькая аккуратная келья находится неподалеку от Кариеса. Это было удобно приходившим к Старцу людям: они могли ночевать в расположенных неподалёку монастырях. То есть многие паломники, приходившие к Старцу, могли распределяться по нескольким монастырям, чтобы тяжесть их приёма не падала лишь на какую-то одну обитель.

⁽¹⁾ Обычно «*Великой Панагией*» называются храмы и обители, посвящённые Успению Пресвятой Богородицы, «*Малая Панагия*» (или «Панагица», «Панагуда» (на севере Греции) – уменьшительно-ласкательная форма от слова «Панагия») – храмы и обители, посвящённые Её Рождеству. – *Прим. пер.*

От одного родничка Старец подвёл к «Панагуде» пластиковый шланг с водой. Однако в летние месяцы воды не хватало, поэтому Старец починил старую подземную цистерну, которая наполнялась зимой. Он огородил участок вокруг каливы проволочной сеткой, оставив два входа. Также он возделал крохотный огородик, в котором посадил несколько корней многолетней дикой капусты. Кроме этого, каждый год он сажал на своём огороδικе лук, салат-латук и несколько кустов помидоров. Других овощей он не выращивал.

Калива была старой и запущенной, в ней многого не хватало, многое было недоделано. Не было дверей, окон и потолков, в полу зияли дыры, а сквозь кровлю сочилась вода. С огромным трудом Старец взялся за самое необходимое из ремонта. Денег у него не было, да и от других он принимал их неохотно. Весь день он трудился, а вечером целый час шёл пешком в келью своего ученика, где ночевал, пока не починил свою каливу. Туда он перенёс из кельи Честного Креста и свои немногие вещи. В ремонте Старцу помогал вышеупомянутый ученик и отцы монастыря Кутлумуш, которые выделили мулов для перевоза строительных материалов. Прежде всего, Старец постарался привести в порядок храмик своей каливы, а после этого келью (комнату) для себя, чтобы в ней ночевать.

Однажды, идя в «Панагуду» и еле волоча ноги от усталости, Старец думал: «Если бы в “Панагуде” была, по крайней мере, кровать, чтобы я мог немножко отдохнуть!» Дойдя до «Панагуды», он увидел, что пока его не было, кто-то из монахов из старой двери сколотил ему аскетический лежак.

Помимо утомительных трудов в течение целого дня Старец принимал людей. Он готовил цементный раствор, но, когда приходили люди со своими проблемами и затруднениями, садился с ними и их выслушивал. Возвращаясь к работе, он видел, что раствор уже затвердел и надо было готовить новый. Однако Старец не роптал. «Люди испытывают такие муки! Да пропади он пропадом, этот цемент», – говорил он, стараясь не замечать усталости и одновременно отвлекая людей от их скорби. Он лез перекрывать крышу, но видя, что пришли паломники, снова спускался вниз. Паломники уходили, и Старец вновь лез наверх, чтобы продолжить работу. Так продолжалось до тех пор, пока он не переселился в «Панагуду» окончательно. Однако и впоследствии, жертвуя собой, он часто оставлял необходимые работы ради приходивших к нему людей.

***Святые Пантелеимон
и Лукиллиан***

Был вечер 2 июня 1979 года. Старец только перевёз в «Панагуду» свои вещи и ещё не успел их разобрать. Он готовился совершать Вечерню и спросил помогавшего ему монаха, память какого Святого совершается на следующий день. Монах не помнил, но пообещал, что скажет об этом завтра, когда придёт продолжать работу. Вскоре он поспешно ушёл, потому что уже смеркалось.

О том, что произошло после, Старец рассказывал так: «Минеи были у меня сложены в коробках. Я искал очки, чтобы посмотреть, какой Святой празднуется на следующий день, и очков не находил. Чтобы не терять времени, я начал совершать Вечерню по чёткам, говоря: “Святые дня, молитесь Бога о нас”».

Потом поднялся в полночь и с фонариком около получаса снова пытался найти в книгах, какой Святой сегодня празднуется – но безрезультатно. “Ну всё, – сказал я, – Полуночницу я пропустил”. Чтобы не потерять в поисках целую ночь, я снова начал молиться по чёткам: *“Святѣи Бѣжи, моли́те Бѣга о нас”*, не называя при этом Святых дня поимённо.

Тогда я увидел святого великомученика Пантелеимона, который шёл в мою келью и вёл ещё какого-то Святого.

– Кто ты? – спросил я второго Святого.

– Святой Лукиллиан, – ответил он.

Не помня, чтобы у нас в Церкви был такой Святой, я переспросил:

– Лукиан?

– Нет, Лукиллиан.

– Как? Лонгин? – спросил я вновь.

– Лу-кил-ли-ан, – повторил Святой в третий раз, медленно произнося своё имя.

После этого, обратясь к святому великомученику Пантелеимону, святой Лукиллиан попросил его посмотреть, зажили или нет мои раны, которые остались от операции. Святой Пантелеимон в белом фартуке, как врач, подошёл ко мне. Ощупав мне грудь в том месте, где была сделана операция на лёгких, святой Великомученик ответил святому Лукиллиану: “Всё нормально. Имей в виду результаты этого исследования, когда придёт время выдавать ему диплом”».

Святые исчезли, а Старец, славословя Бога и благодаря Святых, зажгёт свечу и нашёл в книгах, что, действительно, в тот день, 3 июня, Церковью совершалась память святого мученика Лукиллиана.

Утром, когда пришёл помогавший Старцу монах, Старец с улыбкой спросил его: «Ну что, святой Лукиллиан?» – и рассказал о явлении ему прошедшей ночью Святых.

Прочтя житие святого Лукиллиана, Старец изумился от следующего «совпадения»: пространное житие святого Лукиллиана, рукопись которого находится в библиотеке Иверского монастыря, помещено в Синаксарий святого Никодима Святогорца под 27 февраля – то есть в тот самый день, когда ранее Старцу являлась Святая Евфимия. Эта связь между святыми Мучеником и Великомученицей, перед которой он испытывал столь великое благоговение, а также близость мучений этих святых по времени и, особенно географически, доставляли Старцу сугубую радость.

После этого явления Старец пошёл в Кутлумушский скит и поклонился иконе святого великомученика Пантелеимона. Старец говорил, что икона в просквинитарии храма очень похожа на Святого.

После этого Старец ежегодно почитал память святого Пантелеимона и поместил его икону в храм своей кельи.

Это чудесное событие утешило Старца и прогнало ту усталость и расстройство, которые были у него при переселении из одной кельи в другую.

«Утешайте люди моя» Теперь поток спешивших к Старцу паломников изменил направление и вместо кельи Честного Креста тёк в «Панагуду». Этот поток становился всё более и более полным. Прежде места вокруг «Панагуды» были тихими и безлюдными. Теперь можно было

видеть, как люди разного возраста и общественного положения спускаются и поднимаются по тропе, пересекающей большой луг под Кутлумушским монастырём. Движение паломников особенно усиливалось в час, когда приходил автобус. Большинство пассажиров с нетерпением спешили к келье Старца, чтобы попасть к нему первыми, спрашивая встречавшихся на пути: «Мы правильно идём к отцу Паисию?», «Старец у себя?», «У него много людей?».

Старец принимал людей целый день. Он выносил им утешение и жертвовал многими часами своего времени, чтобы выслушать их, чтобы взять на себя их крест, их боль, чтобы дать им совет, отругать, исцелить или даже просто развлечь. При этом он совсем не брал в расчёт того, что сам ещё не отдыхал после Всенощного бдения, что был голоден, что ему хотелось пить, что он был больным и уставшим. Однако особенно дорого общение с народом обходилось ему, потому что оно прерывало и уменьшало его молитву, от которой он не мог оторваться. Старец в буквальном смысле слова был палим желанием безмолвия и непрерываемого общения с Богом. Однако его чуткое и полное любви сердце не позволяло оставить без утешения тех, кто к нему приходил, – *«труждающихся и обременённых»*.

Поэтому Старец с рассуждением постарался совместить служение людям и безмолвническую жизнь. Это удалось ему превосходно. Его благодатная прозорливость, позволявшая видеть как расположение приходивших к нему людей, так и степень серьёзности их проблемы – часто ещё прежде, чем они к нему обращались, – а также некоторые чрезвычайные Божественные события были теми безошибочными «ре-

гуляторами», которые позволяли Старцу правильно сочетать безмолвие и служение людям.

Согласно одному свидетельству, однажды отец Паисий был очень уставшим, а кто-то из паломников не переставая звонил в колокольчик у его калитки. Когда Старец пошёл открывать, он увидел своего Старца, блаженнопочившего батюшку Тихона. Отец Тихон с довольным видом стоял за проволочным ограждением и говорил ему: «Я радуюсь тому, что ты принимаешь людей». Это событие ещё больше склонило Старца на служение людям.

Но время шло, и число посетителей умножилось настолько, что превосходило границы его сил. Старец по секрету рассказывал одному из своих близких: «Я не распоряжаюсь самим собой. Живу по распорядку других. Раньше мой ум погружался в молитву. Сейчас я переживаю проблемы людей [как свои собственные]. Часто я даже вскакиваю от них во сне!»

С другой стороны, Старец осознавал, что, по крайней мере, большинство из тех, кто к нему приходил, очень нуждались в его помощи. В связи с этим он говорил: «Не думайте, что люди приходят сюда для того, чтобы просто провести время. У них огромные проблемы. И знаете, что заставляет меня продолжать жить так, как я живу сейчас? То, что некоторые из этих душ получают помощь. Я, скажем так, хотел стать монахом, для того чтобы жить в неизвестности. Только вот люди не дают мне осуществить эту цель. Один старец сказал мне: “У тебя, отец Паисий, епитимья: принимать людей и их утешать”. Только вот не знаю, как всё это рассудит Бог».

Конечно, сам Старец сердцем и душой желал жить один, в безмолвии, и молиться. Он ощущал, что

посредством безмолвия и молитвы приносит своим братьям нечто большее и качественно иное.

Поэтому, видя, что количество посетителей постоянно увеличивается, Старец был вынужден принять некоторые меры. В летние месяцы он днём на несколько часов удалялся в лес, зимой – закрывался в келье. В эти часы он, главным образом, читал Псалтирь, молясь о страдающих людях. Но, конечно, бывали и исключения, когда, «извещённый» о каком-то серьёзном и срочном случае, Старец нарушал свой устав и выходил из затвора или из леса к людям.

Он задумывался даже и о более «кардинальном» решении проблемы – переселении – хотя бы на какой-то достаточно большой срок – в безмолвное место, пусть и вне Святой Афонской Горы. Он принимал предложения о переселении в безмолвные и неизвестные людям места даже из-за границы – из Америки.

Но вдруг в его отношении к этому вопросу произошла резкая и очевидная перемена. Раз и навсегда он прекратил любимые уходы в лес и сократил часы затвора. Когда кто-то с недоумением спросил его об этой перемене, он ответил намёком, процитировав изречение из книги пророка Исая: *«Утешайте, утешайте люди Моя, глаголет Бог»*⁽¹⁾, давая понять, что получил такую заповедь. Согласно одному из свидетельств, Старцу явилась Пресвятая Богородица и сказала ему: «Моё дело – охранять ваши границы, и Я это делаю. Так и ты: принимай всех людей без исключения, потому что они испытывают нужду». Старец смиренно послушался Пресвятую Богородицу и по Её заповеди принял послушание служить тем, кто испытывал боль.

⁽¹⁾ Ис. 40, 1.

Он принимал у себя всех. Но, несмотря на это, мир его не изменял: не делал его мирским. Наоборот: Старец, Благодатью Божией, преображал людей. Происходило это не только потому, что он жертвовал собой, отдавая себя людям, но и потому, что, преуспевающая и духовно восходя от силы деятельной в силу созерцательную, он переживал великие сверхъестественные события. Используя свой безмолвный опыт, он уделял молитве ночь и те часы днём, когда удавалось побыть одному. Оставаясь один, он молитвой передавал человеческие просьбы Богу, а будучи с людьми, проповедовал им Христа. Бог и страдающие люди: вот два полюса, вокруг которых стала теперь вращаться вся его жизнь.

***Явление святого
великомученика Власия***

Архимандрит Августин (Кацабирис) неоднократно просил Старца помолиться о том, чтобы ему (Старцу) явился новоявленный Святой – священномученик Власий из Склавен. Отец Августин желал увидеть лицо этого новоявленного Святого, для того чтобы написать его икону.

Было 21 января 1980 года. Вечер с воскресенья (Недели о блудном сыне) на понедельник. Ночью, молясь у себя в келье по чёткам, Старец увидел, как перед ним в свете появляется неизвестный Святой, облачённый в монашескую мантию. Рядом со стеной кельи Старца, над печью, появилось изображение руин какого-то монастыря. Почувствовав неопишемую радость и веселье, Старец подумал: «Что же это за Святой?» Тогда он услышал голос из церкви: «Это святой Власий из Склавен».

Желая отблагодарить Святого за честь, которую он ему оказал, Старец поехал в Склавены и поклонился источающим Благодать святым мощам Священномученика. Можно сказать, что отец Паисий поехал к Святому с ответным визитом. Кроме этого, Старец издали показал отцу Августину то место, где в древности был построен монастырь Святого, потому что наступала ночь и пойти туда они не могли.

Рассказ господина Апостолоса Папахристу: «20 мая 1980 года Старец Паисий остановился в моём доме в Агринио с тем, чтобы от меня поехать в Склавены и поклониться мощам святого Власия. Старец захотел сделать это после того, как Святой явился ему в его келье. Старец провёл в нашем доме одну ночь. Мы постелили ему чистые белые простыни, но утром было видно, что он на них не ложился. Когда мы приехали в Склавены, он сделал перед мощами Святого земные поклоны и, приложившись к ним, наставлял тех, кто находился вокруг».

Впоследствии Старец заказал в монастыре Святой Троицы, что в селении Коропи в Аттике, икону святого Власия, описав монахине-иконописице характерные черты внешности Святого. Икона пришлась ему по душе, поскольку Святой был изображён точно таким, каким он ему явился. «Видно, что эта монахиня имела благоговение и писала икону с молитвой и постом», – сказал он.

Каждый год Старец чтит память святого Власия, один совершая у себя в келье Всенощное бдение. Он праздновал его память не 11 февраля, как установлено, но 19 ноября – в день его мученической кончины.

***Благоухание от иконы
«Достойно есть»***

Старец рассказывал: «В понедельник Светлой Седмицы я сидел в архондарике своей кельи и творил молитву Иисусову. Вдруг я почувствовал необыкновенно сильное благоухание, вышел в коридор, чтобы посмотреть, откуда оно исходит, потом пошёл в церковь – но благоухание шло не оттуда. Я вышел из калитки во двор. Здесь благоухание чувствовалось сильнее. Потом я услышал, как бьют в деревянное било. Поглядев в сторону Кутлумушского монастыря, я увидел, как вниз идёт Крестный ход, и понял, что это благоухание исходит от иконы Пресвятой Богородицы».

В понедельник Светлой Седмицы в окрестностях Кариеса совершается Крестный ход с чудотворной иконой Божией Матери «Достойно есть». Крестный ход спускается от монастыря Кутлумуш до кельи святых Апостолов, так называемой «алипиевской». Келья «Панагуда» отстоит от «алипиевской» кельи на расстоянии примерно одного километра. С этого расстояния Пресвятая Богородица, если можно так выразиться, послала Старцу Своё приветствие.

***Мощи святого Космы
Прота***

В начале Рождественского поста 1981 года были обретенны мощи святого преподобномученика Космы Прота (то есть протоэпистата Святой Афонской Горы). Святой преподобномученик принял мучения от латинумудрствующих в XIII веке. И вот, по истечении стольких веков, его святые мощи были обретенны в протатском храме в Кариесе.

На следующий день после обретения мощей Старец Паисий приехал на Святую Афонскую Гору

из мира. Приехав в Кариес, он пошёл в протатский храм, с благоговением поклонился святым мощам и почувствовал от мощей неизреченное благоухание. Он говорил, что даже земля от гроба святого Космы благодатна, потому что она пропиталась Благодатью от его святых останков.

На следующий год в неделю Торжества Православия в протатском храме было совершено всеафонское Всенощное бдение в честь святого Космы. На этом бдении присутствовал и Старец Паисий. Во время службы он видел, как с крыши храма над святой головой преподобномученика изливается Свет. Всем своим существом Старец устремился к этому невидимому для других Свету и наслаждался им.

«Коза» на чердаке Однажды Старец оставил себя на ночь одного молодого монаха и положил его спать на деревянную скамью, стоящую в коридоре. Шерстяное покрывало, которое лежало на этой скамье, Старец покрыл одеялом, а под голову монаху положил свернутый в рулон неиспользованный коврик. Получилось прекраснейшее подвижническое ложе. Шутя, Старец говорил этому монаху: «Тот, кто спит на такой подушке, видит видения». Утром на следующий день он с улыбкой спросил монаха: «Ну, как ты спал? Видений не было?»

– Нет, Геронда.

– А «коз» (то есть бесов) тоже не видел?

– Их тоже не видел.

– Вчера, – серьёзным тоном сказал Старец, – из полицейского отделения в Кариесе сюда приходил один унтер-офицер. Когда мы беседовали, то слышали, как на чердаке блеяла одна «коза».

Залитая Светом келья В 1982 году, в самый день Пасхи, двое монахов, духовные чада Старца Паисия, зашли в келью «Равдухос» для того, чтобы поздравить с Пасхой старца кельи диакона Иоанна и спеть «Христос Воскресе». Отец Иоанн спросил отцов, не справляли ли они Пасху в келье Старца Паисия.

– Нет, – ответили те. – Мы праздновали Пасху в Кутлумуше, вместе с нами был и Старец.

В недоумении отец Иоанн рассказал им о том, что произошло. Вместе с другими отцами они праздновали Пасху в одной из соседних келий. Когда они уже расходились, то увидели в келье Старца Паисия «Панагуде» множество возжённых свечей. Вся келья была залита светом. Это было необыкновенное светлое зрелище! Находясь под впечатлением увиденного, Старец Иоанн сказал другим отцам: «Поглядите-ка, как торжественно Старец Паисий празднует Пасху! А мы закончили так рано».

Однако в ту пасхальную ночь в «Панагуде» никого не было – даже самого Старца. Кто знает: что это был за свет, что это были за огни?

Когда Старцу рассказали об этом, он смиренно ответил: «Это произошло по Промыслу Божию для того, чтобы известить отца Иоанна. Некоторые посетители, идя в мою келью, по дороге заходят к нему и беспокоят его, спрашивая, как ко мне пройти, и, возможно, как человек, он когда-то возроптал или вознегодовал. Поэтому Бог и показал ему этот Свет».

**Обетование Пресвятой
Богородицы**

Однажды Старец увидел сон: будто он, отправляясь в долгое путешествие, го-

товил необходимые документы. Вместе с ним готовили документы и другие люди, тоже собирающиеся в путь. Вдруг явилась прекрасная и величественная Жена, облачённая в золотые одежды. Она взяла у Старца его документы, положила их Себе за пазуху и сказала, что Сама их оформит, только пока ему не время уезжать, ещё рано. Незадолго до этого Старец молился так: «Пресвятая Богородица, мой загранпаспорт и мои документы ещё не готовы», имея в виду, что он ещё не готов к отходу в иную жизнь.

В скором времени Старец поехал в Иерусалим. Будучи в Гефсимании, он с изумлением, которое заметили и его спутники, узнал в лике Пресвятой Богородицы на Её иконе «Иерусалимская» ту Госпожу, Которую видел во сне. Так он осознал, что ему явилась Пресвятая Богородица и что долгое путешествие, которое ему предстоит, есть отход в жизнь иную, но час для этого пока не пришёл.

Поездка на Святую Землю и на Синай

В 1982 году Старец посетил Святую Землю и «свято поклонился святыне». Это была его первая и единственная паломническая поездка в Иерусалим. Он с восхищением рассказывал о великой Благодати, которая разлита на Святой Земле, особенно на Голгофе и на Всесвятом Гробе Господнем.

Когда Старец поднялся для поклонения на Святую Гору Фавор, то, по его собственным словам, во время молитвы с ним «произошло одно событие»⁽¹⁾. Потом Старец показал сторожу Фаворского храма точное место Божественного Преображения Спасителя.

⁽¹⁾ Один человек слышал от Старца, что он видел там Свет.

В Назарете Старец увидел одного тайного христианина-еврея, который подошёл, с благоговением сняв шапочку, к источнику Пресвятой Богородицы и выпил святой воды, стараясь остаться незамеченным. Старец говорил: «Среди евреев немало тайных христиан, которые боятся исповедать веру, чтобы не быть гонимыми. А впоследствии примут Крещение ещё больше евреев, и они будут нашими лучшими друзьями».

На Елеонской горе Старец попросил сопровождавших его отцов из Святогробского братства дать ему какое-то время помолиться одному. Он упал на колени перед камнем, где с тревогой молился Господь, перед тем как Его взяли под стражу, обнял этот камень так сильно, словно прирос к нему, и с рыданиями молился там долгое время. Сторожа этого места, римо-католика по исповеданию, молитва Старца потрясла.

Старец сказал: «На Святой Земле на меня произвели впечатление три человека. Один, ныне почивший епископ Назарета, владыка Исидор, другой – отец такой-то» (этот отец до сих пор жив), а имя третьего Старец по какой-то причине открывать не захотел.

После Иерусалима Старец поехал на Синай, чтобы духовно помочь монастырю святой Екатерины. Кроме этого, и сам он хотел пожить там некоторое время. «Я хочу вспомнить старое, а также дать немножко отдохнуть моим соседям-келиотам на Святой Горе, которые устали от множества людей», – говорил он.

На Синае Старец нашёл удобное место для проживания – пустынную келью, посвящённую Покрову Пресвятой Богородицы, с крохотной церковкой и маленькой комнаткой. «Однако я видел, что у меня нет сил [для такой жизни]. Да и сама пустыня изме-

нилась, она была уже не такой, какой я знал её раньше. Бедуины уже не были мирными и спокойными, как тогда. Сейчас они понакупили себе автомобилей, отвёрток, радиоприёмников... Теперь беспокойный мирской дух видишь и там, в Синайской пустыне. Сейчас больше безмолвия внутри монастырских стен Синайского монастыря, а не за ними – в пустыне».

Поэтому Старец на Синае надолго не задержался. Он духовно помог монастырю и возвратился на Святую Афонскую Гору.

*Действия Божественной
Благодати*

Старец рассказывал: «Когда человека посещает Божественная Благодать, он чувствует взывание сердца. Однажды я молился четырнадцать часов без остановки и вместо усталости чувствовал радование, веселье! Но в какой-то момент мне подумалось, что я уже немолод, что у меня не хватает двух рёбер, и поэтому мне надо надеть специальный пояс и верёвкой привязать себя к крючку на потолке, хотя у меня и были две деревянные рогулины, чтобы опираться на них подмышками. То есть, на самом деле, я и без пояса мог бы продолжать молитву, мог бы отдаваться ей столько, сколько она шла. Но где там! Замедлив в этом помысле, я тут же как подкошенный повалился на пол. Вот тут-то ощутилась вся накопленная за четырнадцать часов усталость! Минут пятнадцать я неподвижно лежал на полу. Бог словно говорил мне: “Тебя удерживает Моя Благодать, а не твой пояс”. И разве скажешь, что мой помысел был греховный или что в нём был эгоизм? [Нет]. Я просто подумал “по-человечески”: раз я нахожусь в таком телесном состоянии, то мне

надо быть внимательным. А что уж говорить, если бы я принял помысел гордый! Такой помысел изгнал бы Божественную Благодать полностью. Видите, насколько тонка духовная жизнь и сколь много в ней необходимо внимания».

* * *

И ранее, живя в келье Честного Креста, Старец пережил подобное событие. Он рассказывал о нём 27 октября 1978 года так: «Однажды я много часов подряд молился, стоя на ногах. Я не только не чувствовал усталости, но, напротив, ощущал невыразимую радость – настолько большую, что не хотел прерывать молитву. Желая продолжить молитву так долго, насколько возможно, я пошёл в келью, чтобы опоясать себя толстым поясом. Однако, не успев даже взять пояса в руки, я упал на пол и скрутился в клубок. Бог удерживал меня столько часов, а когда я захотел “приложить” [к Его силе] свою собственную человеческую силу и заботу, Он отобрал от меня силу Свою, чтобы показать мне действительную цену моего собственного старания».

* * *

В другой раз Старец рассказывал: «Во время бдения в одном монастыре я очень замёрз и думал о том, что, причастившись, пойду после Божественной Литургии к себе в келью и, чтобы согреться, укурюсь тремя-четырьмя одеялами. Однако, как только я причастился, по всему моему телу стало разливаться тепло. Я чувствовал, как Божественная Благодать

распространяется у меня внутри подобно тому, как постепенно становится всё теплее и теплее электрический обогреватель».

***Видение молящегося
ребенка***

Старец рассказывал: «Когда-то я просил Бога, чтобы Он показал мне, как нужно молиться. И вот я увидел в видении одного знакомого ребёнка. Он стоял на коленях и со слезами исповедовал Богу свои грехи. А после этого он воздевал руки и обращался к Богу с просьбой. Это видение поразило всё моё существо и я воскликнул: “Боже мой, прости меня, я ещё не научился молиться”. Поэтому хорошо, чтобы молитва начиналась исповедью нашей жизни вообще. А после исповеди пусть будет прошение, внутри которого – славословие и благодарение».

***«Христе мой,
благослови меня...»***

26 марта 1984 года со Старцем произошло событие, о котором спустя несколько дней он рассказывал так: «Устремив взор на икону Христа, я молился и вдруг почувствовал в себе какое-то изменение. Падая ниц, я воскликнул: “Христе мой, благослови меня!” Тут же я почувствовал благоухание, которое наполнило всю мою келью и долго не уходило. У меня там лежал пыльный, грязный коврик – так вот даже он стал благоухать. Я стоял на коленях и лобызал даже этот пыльный коврик».

Страшное видение

11 апреля 1984 года, во вторник Светлой Седмицы, около двенадцати часов ночи, Старцу было видение, связанное со страшным преступлением, – абортами. Он

рассказывал об этом видении многим. Свидетельства о нём опубликованы и в других книгах, но мы помещаем его здесь ввиду необыкновенной важности этой темы, которая беспокоит многих. Возможно, узнав о видении Старца, получит пользу чья-то душа. Итак, Старец рассказывал: «С вечера я возжёл две свечи, как обычно зажигаю их с молитвой о тех, кто страдает душевно и телесно. В числе страждущих – и души усопших. Эти свечи горят и когда я сплю. И вот я увидел страшное видение. Передо мной открылось поле пшеницы, которая ещё не начала колоситься. Колосья только-только наливались силой. Стоя за оградой этого поля, я ставил на неё свечи об упокоении усопших. Слева простиралась неровная, гористая и сухая местность, которая сотрясалась от сильного гула, от тысяч душераздирающих криков, которые могли тронуть даже самое жестокое сердце. От этих душераздирающих криков у меня обливалось сердце кровью, но я не мог понять, что происходит. И тут я услышал голос: “Поле, засеянное ещё не начавшей колоситься пшеницей, – это усыпальница душ усопших, которые воскреснут. В месте же, сотрясающемся и дрожащем от душераздирающих криков, находятся души детей, убитых абортами”.

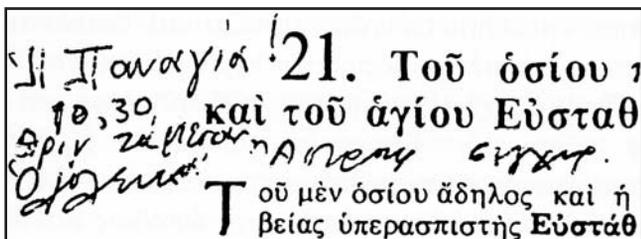
Видение кончилось, но я уже не мог прийти в себя от страшной боли за души этих детей. Лечь отдохнуть я тоже не мог, несмотря на то что очень устал, потому что накануне мне пришлось долго идти пешком и стоять на ногах».

Пресвятая Богородица Старец рассказывал⁽¹⁾:
«Прошлым Великим пос-

⁽¹⁾ Произнесено 21 февраля 1985 года.

том мне явилась Пресвятая Богородица. Она была облачена в белое. Она сказала, что в мире произойдёт много всяких событий, поэтому мне надо позаботиться о том, чтобы сделать кое-что...»

Пресвятая Богородица явилась Старцу возле северо-восточного угла его каливы. Увидев Божию Матерь, Старец смиренно произнёс: «Пресвятая моя Богородица, и место это грязное⁽¹⁾, и сам я грязный». Однако после того явления он благоговел даже перед местом, на котором стояли ноги Пречистой Богоматери. Он хотел посадить на этом месте цветы, чтобы туда никто не наступал. В Часослове под 21 февраля он так, чтобы никто не понял, с сокращениями, сделал запись об этом чудесном событии:

То есть:

«Пресвятая Богородица! В десять тридцать перед полночью, Вся в белом, в сияющих одеждах...»

Об антихристе, числе 666 и новых удостоверениях личности

Отец Паисий разделял тревогу людей, помогал им найти ответы на мучившие их вопросы. Среди вопросов, которые особенно беспокоили верующих в то время, была и проблема новых удостоверений личности. Ещё до того, как эта проблема встала в

⁽¹⁾ Старец сказал так, вероятно, потому, что иногда выбрасывал на это место очистки от фруктов.

Греции столь остро, Старец, когда он считал необходимым, говорил людям о знамениях времён и об антихристе. Впоследствии, когда на продуктах и товарах широко распространился штрих-код с числом 666, когда Греческое правительство стало делать шаги к выдаче новых удостоверений личности, которые – как оказалось позже – должны были содержать на себе магнитную ленту, число 666 и изображение дьявола, Старец стал говорить на эту тему больше.

В то время говорить на эти темы было опасно – как из-за возможности ошибиться и впасть в прелесть, так и из-за различных противодействий. Духовники с прекрасным богословским образованием избегали ответов на вопросы об антихристе, числе 666 и новых удостоверениях личности и посылали людей узнать мнение Старца Паисия. Вначале даже внутри Церкви возникло смущение, поскольку подавляющее большинство духовных лиц, за исключением нескольких светлых примеров, относилось к происходившему равнодушно, тогда как некоторые клирики и иерархи – к счастью, их было немного – выражали по этому поводу прельщённые взгляды.

Старец Паисий занял по этому вопросу однозначную позицию, он говорил на эту тему ясно и недвусмысленно. Он не только отвечал на многие вопросы верующих в личных беседах с ними, но и написал в 1987 году своё известное письмо «Знамения времён – 666»⁽¹⁾. Это письмо с облегчением приняли многие верующие, они руководствуются им и по сей день.

⁽¹⁾ Отсылаем читателя к посланию Старца, вышедшему в «самиздате», а также к листовке, содержащей отрывки магнитофонной записи беседы со Старцем на данную тему (Издание Воскресенской кельи. Капсала, 1995). См. также *Старец Паисий Святогорец*. Слова. Ук. изд. Т II. С. 181–200.

Многие, прочитав его, пересмотрели свои взгляды и согласились со Старцем. Предвидя, что его мнение по этому вопросу будет востребовано и в будущем, Старец написал это письмо собственной рукой и поставил под ним свою подпись, чтобы не дать никому возможности внести в него какие-то изменения. Свои взгляды по этому вопросу Старец Паисий не изменил до кончины.

Всё сказанное и написанное Старцем на эту тему было плодом его молитвы, духовной чуткости и внутреннего извещения. Он хотел, чтобы мы жили духовной жизнью, были хорошо информированы о том, что происходит, и готовы пойти на жертвы. С одной стороны, нам не следует быть равнодушными, с другой, – поддаваться панике и тревоге. Мы должны отличаться духом исповедничества, который понадобится нам в соответствии с тем положением, которое занимает каждый из нас.

Юношей и девушек, которые спрашивали Старца, следует ли создавать семью в связи с тем, что могут произойти апокалиптические события, Старец побуждал создавать семьи и трудиться, поскольку, как говорил он, и в годы гонений христиане поступали так же.

«Годы, которые мы переживаем, – говорил Старец, – это трудные годы. Разразится гроза. И пока она будет продолжаться, нам надо будет помучиться, а может быть – и пойти на мученичество. Пережить это время можно будет, только живя духовно. Отчаиваться не надо. Эти трудные годы – благословение, потому что они вынудят нас жить ближе ко Христу. Эти годы – благоприятная возможность для большего подвига. Нынешняя брань не будет войной с помощью оружия. Это будет духовная брань, война с антихристом.

Он постарается «*прельстїти, аще възможно, и избранныя*»⁽¹⁾. Всё происходящее будет контролироваться Зверем из Брюсселя. После введения кредитных карт и новых удостоверений личности лукавым образом будут наносить печать, станут вынуждать людей принять печать на руку или на лоб. Покупать, продавать, пользоваться различными услугами смогут только те, кто будет иметь печать. Верующим людям, отказавшимся от печати, придётся нелегко. Поэтому уже сейчас нам надо приучать себя жить просто и, если есть возможность, иметь для нужд своей семьи участок земли, несколько масличных деревьев или скотину. Тяжёлые времена продлятся три – три с половиной года. Бог не оставит людей без помощи».

Некоторые говорили: «Ну и что страшного в том, что я приму печать. Я осенью свой лоб знамением Креста», или «я получу новое удостоверение личности и нарисую на нём крестик», или «в душе я от Христа отрекаться не буду». Старец, показывая ущербность логики и поведения таких людей, говорил следующее: «Если бы нынешние христиане со своей логикой жили во времена мучений, то у нас в Церкви не было бы ни одного мученика. Первые христиане совершенно не брали в расчёт [человеческую] логику, но непреклонно исповедовали Христа и горели желанием мученичества. Их пытались соблазнить высокими санами и званиями, им говорили: “Скажи только, что ты не христианин, а в душе веруй в Бога; брось на жаровню немного ладана, сделай вид, что ты приносишь жертву богам, и после не приноси никакой жертвы; сделай вид, что ешь идоложертвенное, а сам ешь чистое, неосквернённое мясо; не проповедуй

⁽¹⁾ Мф. 24, 24.

Христа в этом месте, иди в другое”, и, несмотря на всё это, христиане никак и ничем не отрекались от Христа. Они с радостью спешили мученичеством засвидетельствовать свою любовь ко Христу. Они были палимы Божественным рачением.

Церковь должна занять и выразить правильную позицию. Она должна выразить протест в связи с происходящим и потребовать от государства, чтобы новые удостоверения личности, по крайней мере, не были обязательными. Церковь должна объяснить происходящее верующим, должна дать им понять, что принятие нового удостоверения личности будет падением».

Суммируя сказанное Старцем на эту тему, можно сделать следующий вывод: он был убеждён в том, что «за спиной ЕЭС кроется диктаторский режим сионистов. Такую жестокую диктатуру мог выдумать только диавол. Печать антихриста – это отречение. Даже новое удостоверение личности – это уже отречение. Если у них на удостоверении личности изображён символ диавола – число 666⁽¹⁾, и я ставлю на этом удостоверении свою подпись, то значит, я это принимаю. Это отречение – всё предельно ясно. Принимая диавольский символ, ты отрицаешься от святого Крещения, ты принимаешь иную печать, отрицаешься от печати Христовой и приемлешь печать диавола. Число 666 на денежных купюрах – это дело другое – *«воздадите ўбо, яже кёсарева, кёсареву...»*⁽²⁾. Другое дело – удостоверение личности, которое является чем-то личным.

⁽¹⁾ См.: Апок. 13, 18.

⁽²⁾ Лк. 20, 25.

Даже если человек примет печать антихриста по неоправданному неведению или равнодушию, он тоже теряет Божественную Благодать и принимает бесовское воздействие».

Таковой, в немногих словах, была позиция Старца. Он говорил на эту тему ясно, недвусмысленно и твёрдо – до самой кончины. Сейчас он руководит и учит людей своими писаниями.

Благоухание от святых мощей

Старец рассказывал: «Однажды вместе с иеромонахом Паисием мы шли по тропинке, и вдруг оба почувствовали сильное благоухание. Я понял, что где-то рядом погребены мощи святого подвижника. На другой день я пошёл на это место один и заметил точное место, откуда исходило благоухание. Я собирался раскопать могилу и обрести эти святые мощи, но потом – на это была причина – оставил их погребёнными».

Операция по удалению грыжи

Однажды, когда Старец штамповал на прессовальном станке деревянные иконки, от перенапряжения у него открылась грыжа. Внутренняя оболочка его брюшной полости разорвалась подобно куску ткани. Так, ко многим крестам Старца добавился ещё и этот. Однако он не садился ни во время многочасовых Всенощных бдений, на которые приходил в некоторые обители, ни когда принимал народ. Обычно он принимал людей стоя, чтобы они не задерживались надолго. Старец не соглашался на просьбы знакомых врачей и духовных чад лечь в больницу на операцию. Он лишь старался – с помо-

щью простых народных средств – поддерживать своё состояние – чтобы ему не становилось хуже.

Однажды, когда Старец выехал со Святой Горы в Суроти, врач, приехавший туда, чтобы с ним встретиться, предложил ему свою помощь:

– Геронда, что у Вас болит? Если это в моих силах, я Вам помогу.

«У меня грыжа, – ответил Старец, – но ложиться на операцию я не хочу. Пусть у меня будет какая-нибудь болячка. Если у тебя что-то болит, если ты страдаешь и не просишь Бога облегчить твоё страдание, но просишь Его о других, это большое дело. В этом случае Бог особо слышит молитву того, кто, страдая сам, просит у Него о том, чтобы исцелились другие».

Это состояние продолжилось несколько лет. Старец претерпевал невообразимые страдания. Ему было очень больно, но внешне он этого не показывал. Ложиться на правый бок он уже не мог. Своё монашеское правило он выполнял, но делал это с трудом и с болью.

Наконец перевязанный особым медицинским поясом, с палочкой, нёмоцный и страдающий Старец выехал с Афона, желая отправиться на Синай. Но врач, который осмотрел его в Суроти, не позволил ему продолжить путешествие. Требовалась срочная операция. Состояние Старца было критическим, медлить было уже нельзя.

Таким образом, несмотря на своё нежелание, вместо Синая Старец оказался на операционном столе. Благоговейный врач, господин Георгиос Бладзас, оперировавший Старца, волновался за исход операции. Поняв это, Старец сказал ему:

– Не бойся, Георгий. Я видел, как пройдёт операция... Всё будет хорошо. Я только хочу попросить

тебя вот о чём: не пиши в истории болезни и на табличке у входа в палату «монах Паисий», напиши «Арсений Эзнепидис».

– Почему, Геронда?

– Потому что, если вы напишите «монах Паисий», то будут приходить люди, и это доставит вам неудобства.

И действительно, операция была сделана, и всё прошло хорошо – как это видел и предсказал Старец. Врачи и медсестры так и не догадались о том, кто такой был этот монах. Они только говорили: «Удивительный человек этот монах! Многие монахи лежали у нас в больнице, но этот – не такой, как другие».

Старец был госпитализирован в больницу «Теагенион» города Салоники 12 ноября 1987 года (н. ст.). После сделанной ему операции паховой грыжи он был выписан из больницы 18 ноября того же года в удовлетворительном состоянии.

Ещё не успев как следует оправиться после операции и не заезжая на Афон, Старец на короткое время посетил Святую Гору Синай.

Богохульный фильм

В 1988 году во всей Греции возникли волнения в связи с показом богохульного фильма Скорцезе «Последнее искушение Христа», снятого по книге писателя Казандзакиса.

Помимо отдельных протестов благочестивых представителей греческого народа, Элладская Православная Церковь приняла решение о проведении 6–7 ноября 1988 г. (н. ст.) акции всецерковного протеста, принять участие в которой Церковь призвала и Святую Гору Афон.

Многие были против этого решения, считая, что акции протеста не слишком духовное дело. Такие люди говорили, что из-за их пренебрежения к фильму Скорцезе этот фильм будет менее популярным.

Мнение Старца было совершенно противоположным. «Во времена иконоборчества, – говорил он, – у Золотых ворот Константинополя десять христиан решительно защитили икону Христа и пошли ради неё на мучение⁽¹⁾. Сейчас – когда хулится Лицо Христа – нам нельзя оставаться равнодушными. Если бы мы – такие “рассудительные” и “разумные” – жили в ту эпоху, то мы бы сказали десяти мученикам: “Поступая так, вы ведёте себя недуховно. Отнесите к Спафарию, который лезет по лестнице, чтобы сбросить икону вниз, с пренебрежением, а когда положение дел изменится, мы повесим на это место другую икону – да ещё более византийскую, чем прежняя”. В этом-то весь и ужас! Своё падение, свою трусость, своё желание устроиться поудобнее мы выдаём за что-то высшее!»

Считая протест против показа богохульного фильма исповеданием веры, Старец поспешил встать в ряды верных чад воинствующей Церкви. Кроме благословений и побуждений принять участие в акции протеста, которые Старец дал разным людям, он, вместе с другими отцами, подписал обращение в монастырь Кутлумуш, выражая желание участвовать в поездке святогорских монахов в Салоники на акцию протеста против показа богохульной картины. Своей позицией Старец содействовал тому, что Священный Кинот принял решение об официаль-

⁽¹⁾ См. *Святитель Димитрий Ростовский. Жития Святых*. Август. М., 1992. С. 144–146.

ном участия большого числа святогорских монахов в этой акции. Присутствие протоэпистата, антипротосопов большинства монастырей, игуменов и около ста святогорских монахов воодушевило и укрепило собравшихся в Салониках христиан. Особое чувство у собравшихся вызвало присутствие Старца Паисия, который, несмотря на серьёзные проблемы со здоровьем, всё время стоял на ногах. В конце акции толпы людей, желавших выразить Старцу своё благоговение, так стеснили его, что он подвергся опасности быть раздавленным.

В этой акции протеста также принимали участие монахи и монахини из монастырей, находящихся в миру, и множество верующих. Скоординированные действия и молитвы всех христиан – в том числе и Старца – привели к благому результату. Греческое правительство запретило показ богохульной картины. Таким образом, опасность «последнего искушения» была устранена. Дай Бог, чтобы это искушение действительно было последним.

Видение Благодати Священства

Однажды, когда Старец был в каливе, кто-то постучал в клепальце возле его калитки. (Там висел старый лемех, в который приходящие паломники стучали металлическим стержнем, извещая о своём приходе.) Выглянув в окно, Старец увидел, что его ждут около десяти человек. Он вышел и, направляясь к калитке, произнёс: «Если офицер Вооружённых сил не облачён в офицерский мундир и фуражку, то его можно ударить и остаться безнаказанным». Никто из ожидавших Старца людей смысла его слов не понял – кроме одного человека,

который ответил ему: «Да, Геронда, нам нужна хорошая взбучка». Смысл слов Старца понял только этот человек, потому что сказанное касалось именно его. Открыв калитку и заведя паломников внутрь, Старец отвёл этого человека в сторону, и прежде чем тот успел что-либо сказать, сам сказал ему следующее: «Слушай-ка, то, что ты делаешь, – неправильно, потому что люди будут думать, что ты совершил тяжёлый грех уже после хиротонии. Одень рясу, отпусти бороду, поисповедуйся своему владыке и попроси его, чтобы он дал тебе послушание в каком-нибудь епархиальном отделе. Конечно, служить Литургию тебе не надо, но священником оставайся, чтобы не соблазнялись люди».

Этот человек за границей был рукоположен во священника, но впоследствии, читая «Пидалион», понял, что становиться священником он был недостоин. Поэтому он сам решил оставить священство, снял рясу, остриг волосы и бороду. Увидев неистребимую Благодать Священства, Старец понял проблему этого иерея и дал ему свой рассудительный совет.

«Преображение» 28 сентября 1992 года в одной келье на Капсале совершалось Всенощное бдение в честь преподобного Исаака Сирина. Среди собравшихся на бдение монахов был и Старец Паисий, который испытывал к святому Исааку особое благоговение. Храм в этой келье расположен следующим образом: боковая дверь выводит в крохотный притвор, в котором – одна напротив другой – расположены ещё две двери: левая ведёт в храм, а правая, напротив неё, – в одну из келий, которая как бы продолжает притвор. В ней-то и молился Старец за Всенощным бдением.

Перед входом на Вечерне все певчие, собравшись на правом клиросе, пели «Славник». Обстановка в крохотном храме была очень умирительная. Присутствовавшие слушали певчих со вниманием. На службе находились и два православных ливанца – священнослужитель и юноша, которые во время пения «Славника» стояли в стасидиях левого клироса. Повернувшись к юноше и желая ему что-то сказать, священнослужитель увидел стоявшего в келье Старца, поднявшегося над полом примерно на двадцать пять – тридцать сантиметров. В левой руке Старец держал четки, весь он находился в сиянии Света. Непокрытые части его тела: лицо и руки – излучали Свет, очень сильный Свет. Не в состоянии оторвать глаз от этого необычного и неотмирного зрелища, священнослужитель хотел было закричать, но голос его не слушался. Увидев изумление священнослужителя, стоявший рядом юноша обернулся и увидел то же самое. Старец стоял, слегка склонив голову, внимая себе. Он выглядел радостным и улыбался. Внезапно Свет усилился и разглядеть Старца в этом Свете священнослужитель и молодой человек уже не могли. Когда спустя какое-то время они смогли вновь поднять глаза и взглянуть на Старца, то увидели его уже в естественном состоянии.

Преобразившегося Старца видел из алтаря ещё один священник – тоже иностранец. Двери кельи, где стоял Старец, двери, ведущие из притвора в храм, и Царские врата расположены на одной прямой, все они были открыты.

Возникает естественный вопрос: почему из многих находившихся на бдении отцов Старца в преображённом состоянии видели только трое? На бде-

нии было около двадцати пяти человек, но Старец «преобразился пред тремя».

Возможно, эти люди были достойны видения, а может быть, Бог промыслительно устроил это по причине, которая известна только Ему. Один из свидетелей чуда в то время у себя на родине строил небольшой монастырь. Проект строительства он привёз показать Старцу. Но ему пришёл помысел: «Ну и что тебе скажет отец Паисий? И кто он вообще такой, этот отец Паисий? Он что – пророк?» И вот Благий Бог показал этому человеку, «кто такой Старец Паисий».

* * *

Свидетельства паломников

Ответ на помысел

Письменное свидетельство
К. Д.: «Увидя в руке у Старца чётки, я захотел получить их от него в благословение, а взамен отдать ему свои. Сидя от него поодаль, я думал, как бы это устроить. Вдруг он поворачивается ко мне и с улыбкой говорит:

– Такого обмена, какой ты задумал, – быть не может. Мои чётки – на триста узелков, а твои – только на сто.

В следующий раз, купив чётки на триста узелков и придя к Старцу, я показал ему их и сказал:

– Геронда, ты от меня не уйдёшь. Сейчас твои чётки будут мои.

– Если бы ты знал, о чём просишь, ты бы этого не делал. Ну уж ладно, быть по-твоему – забирай.

– Нет, нет, – стал отнекиваться я.

– Не отнекивайся. Раз хочешь – бери.

Эти чётки я храню как благословение и ношу как оберегающую меня святыню».

Необычное посещение Свидетельство святогорского монаха отца Н.: «Первый и единственный раз я посетил Старца в келье “Панагуда” в 1987 году. Тогда я был студентом. Мы приехали к Старцу с товарищем по университету, которого звали Янис. Постучав в клепальце и покричав, мы стали ждать. Потом мы вновь постучали, но опять не получили никакого ответа. Стояла глубокая тишина. Вдруг мы услышали, как из кельи доносятся звуки песнопения. Много нежных голосов сливалось в один. Можно было различить слова: “Святый...”, “Святый...”.

– Они служат Литургию и дошли только до “Святый Бóже”, – сказал я. – Закончат ещё не скоро, поэтому давай лучше уйдём.

– Нет, давай подождём. Только стучать больше не будем, – ответил Янис.

Неожиданно пение прекратилось, и из кельи вышел Старец. Помню его лицо. Оно было очень светлым. Подобного лица я раньше не видел! Старец был один, с ним никого не было. Но тогда что за нежные голоса мы слышали? Мы удивлялись всё больше и больше.

С порога Старец спросил, сколько нас человек и вновь вошёл в келью, взял ключ и стал приближаться к калитке, чтобы пустить нас внутрь. И тут мы вновь изумились: Старец шагал по тропинке, не касаясь ногами земли! Медленными шагами он подошёл к нам, и когда приблизился на расстояние двух-трёх метров, раздалось сильное благоухание. Мы растерялись.

– Добро пожаловать! – поприветствовал нас Старец.

Он показал нам пеньки во дворе и попросил присесть, а сам пошёл за лукумом для нас. Он спросил, на каком факультете мы учимся, и, найдя какой-то повод, стал говорить о пользе молитвы, особенно когда тело страдает от болезни. “В этих случаях мы получаем полную мзду”, – сказал он и вдруг согнулся пополам, схватившись за живот. Мы поняли, что он мучается от грыжи. Мягким благородным тоном Старец сказал нам:

– Простите меня... У меня ещё и эта немощь... Однако давайте, вам пора идти.

Мы склонились под его благословение. Он лего-нечко постучал нас по головам, и мы ушли. До сегодняшнего дня я никому не рассказывал о тех чудесных событиях, пережить которые мы удостоились в то благословенное утро».

**«Ведь у тебя поломаны
ноги»**

Письменное свидетельство Константина из города А.: «Это было в первый

раз, когда я пришёл к Старцу Паисию. Он спросил меня:

– Костас, как же ты сюда добрался? Ведь у тебя поломаны ноги!

И добавил:

– Костас, раз Бог её забрал, это значит, что Он возлюбил её больше.

– Кого “её”, отче? – спросил я с изумлением.

– Твою невесту.

И действительно, в 1991 году мы с невестой попали в серьёзную аварию. Она погибла, а я сильно повредил себе ноги».

Исцеления болящих

Господин Е. А., зубной врач из города Салоники, рассказал следующее: «В сильном расстройстве из-за того, что оба моих ребёнка были больны, я приехал на Святую Гору, чтобы встретиться с батюшкой – Старцем Паисием. Возле кельи Старца ждало много народа. Вскоре открылась дверь и он появился на пороге. Он сказал: “Парни, я могу уделить каждому из вас от одной до двух минут – не больше...”

Закончив разговаривать с четвёртым посетителем, Старец повернулся ко мне и сказал: “Ну, Евангелос, что там у тебя...” Раньше он меня не знал; я приехал к нему впервые. Подойдя к нему, я сказал: “Батюшка, мне двух минут не хватит. Мне нужно много времени, потому что я нахожусь в страшном расстройстве. Я приехал сказать Вам, что готов взорвать три Божиих храма. Скажи Богу, чтобы Он перестал мучить моих детей. Что они Ему сделали?” Внимательно выслушав меня, Старец ответил: “Послушай-ка, Евангелос – (он второй раз назвал меня по имени, хотя раньше мы не были с ним знакомы), – твои дети выздоровеют”.

После этого он подарил мне крест, который вырезал своими руками. В этом кресте были мощи святого Арсения Каппадокийского. Так состоялось знакомство с моим любимым батюшкой.

Моя дочь болела псориазом. Каждые два-три дня всё её тельце сверху донизу сбрасывало кожу – как сходит кожа со змеи. После посещения Старца прошло пятнадцать дней. Я заметил, что за это время у неё не проявилось никаких признаков болезни, кроме одного прыщика на колене. Я снова поехал на Святую Гору, чтобы поблагодарить Старца. С собой я

вёз полотенце, желая в знак благодарности помыть ему ноги. Но, конечно же, он этого не позволил. Я застал его копающим в саду, и прежде чем я успел ему что-либо сказать, он спросил: “Ну, Евангелос, что ты приехал мне сказать? Что у твоей дочки остался прыщик на коленке? Бог оставил ей это для того, чтобы она не забывала о своей болезни”.

Мой сын тоже был болен серьезной хронической болезнью. Чем закончится эта болезнь, никто не знал. Врачи никаких прогнозов не давали.

И вот, в третий раз поехав к Старцу, я взял с собой сына. В монастыре, куда мы зашли по дороге, монахи, видя малыша, говорили мне: “Почему малыш спит?” Такое у него было выражение глаз. Он казался спящим.

Батюшка Паисий, как только нас увидел, сказал мальчику: “Ну, молодец, добро пожаловать”. У него во дворе лежал большой камень, очень тяжёлый. Я потом пробовал поднять этот камень и не мог оторвать его от земли. Батюшка говорит моему сыну: “Ну что, можешь поднять этот камень?” Малыш подбежал к камню и... его поднял! Возможно ли было в это поверить? Тут батюшка встал на колени рядом с моим сыном – его голова оказалась почти вровень с головой малыша – и сказал ему: “Отныне никакой болезни у тебя нет”.

Когда Старец говорил эти слова, глазки мальчика вдруг открылись. Он уже не казался спящим – как я привык его видеть в последние два-три года. “Вместе с камнем, который он бросил, улетела и его болезнь”, – сказал батюшка. И действительно, с того дня мой сын, слава Богу, чувствует себя прекрасно».

* * *

Свидетельство господина Матфея Голиаса из города Янина: «Был февраль, когда мы с другом посетили Старца, чтобы рассказать ему о наших проблемах. Помню: тогда навалило много снега. У меня болел мочевой пузырь, и я мочился кровью, у меня в мочевом пузыре обнаружили какие-то папилломы, однако я не знал, доброкачественная это опухоль или рак. “Мне больно, Геронда, и когда я мочусь, у меня идёт кровь”, – сказал я Старцу.

А мой друг от жутких головных болей не мог в то время связать двух слов. Старец завёл нас в церковку своей каливы. Он достал мощи святого Арсения и вся церковка наполнилась неизречимым благоуханием. В тот самый момент, когда он осенил святыми мощами моего друга, его жуткая головная боль исчезла. В храме Старец был не таким, как на улице. Когда он выходил из алтаря с мощами в руке и без скуфьи, то он был преисполнен Света, очень радостен. Из моих глаз ручьём текли слёзы. Осеняя меня крестом, Старец сказал мне: “Ты боишься рака, а у тебя его нет. Когда приедешь домой, пойдешь в больницу и попроси, чтобы тебе сделали прижигание этих папиллом”. И действительно, так и вышло. Врач сказал: “Каждые шесть месяцев будем делать прижигание”. Однако я, сделав прижигание всего один раз, больше на него не ходил и боли в мочевом пузыре меня уже не беспокоили».

* * *

Один монах страдал хроническими запорами, которые, в свою очередь, привели к кровотечениям. У

него образовалась открытая рана, и он терял много крови. Когда об этом узнал Старец Паисий, ему стало больно за этого монаха. Старец вспомнил себя, как он страдал от такой же немощи на Синае.

Вначале Старец дал монаху несколько советов из области народной медицины, которые немного помогли ему, но кровотечение не прекращалось. Потом монах стал прибегать к помощи врачей, пользоваться лекарствами, но безрезультатно. Старец интересовался состоянием больного и всегда с участием спрашивал, как тот себя чувствует. Однажды, встретив его после трёхдневного поста первой седмицы Великого поста, он сказал ему: «Я всё думал о тебе, о том, как ты будешь держать строгий трёхдневный пост в таком состоянии».

Однако в следующий раз, встретив больного, Старец быстрыми шагами подошёл к нему, и, не поприветствовав его, не сказав ни слова, схватил его за плечи, и с нетерпением спросил: «Ну что, разве сейчас ты не выздоровел? Скажи мне, сейчас ты не выздоровел?» Монах, застигнутый врасплох, ответил: «Да, Геронда, сейчас, слава Богу, я выздоровел». И он действительно выздоровел. У него прекратилось не только кровотечение, но и запоры.

Сначала Старец пытался помочь этому брату по-человечески. Однако, увидев недостаточность человеческих средств, он прибег к Богу посредством молитвы, получил внутреннее извещение о том, что его молитва была услышана, и спрашивал монаха просто для того, чтобы в этом убедиться.

Свидетельство преподавателя университета господина М. С.: «В один воскресный день, находясь в церкви, я почувствовал тяжесть в груди. На следующий день я посетил кардиолога. Он сделал мне кардиограмму и увидел, что у меня проблемы с сердцем. Кардиолог направил меня на ЭКГ с нагрузкой, результат которого подтвердил, что у меня неполадки с коронарными сосудами. Врачи порекомендовали мне год попить лекарства. Потом опять сделали тот же тест, результат которого снова был неутешительным. Врачи поняли, что лекарства не помогли и посоветовали сделать коронарографию. Конечно, я расстроился и испугался. В молитве я прибег к Богу, а также послал письмо Старцу Паисию и рассказал ему о предстоящем серьёзном исследовании. Через отца И. Старец ответил, что он будет молиться и что всё будет хорошо. Я ободрился и решил сделать это опасное исследование. Коронарографию мне делали 5 марта 1992 года. Когда я лежал на операционном столе и врачи исследовали моё сердце, мой ум был возле Старца Паисия. Мой ум как бы находился во дворе и внутри его кельи. Обследование закончилось, и врачи были удовлетворены и удивлены одновременно. Врач, сопровождавший меня из операционной в палату, глядел на меня с нескрываемым удивлением. Придя немного в себя, я спросил: “Ну что, доктор?” Он ответил: “Удивительное дело. У тебя сердце – со странностями. Мы были уверены, что у тебя неполадки с коронарными сосудами, однако убедились, что у тебя не только всё с ними в порядке, но они ещё и в пре-

красном состоянии. Медицински этого объяснить нельзя, это можно объяснить только тем, что твоё сердце со странностями, с чудачествами”.

Я пришёл в умиление и ответил: “Доктор, странностей у моего сердца нет. А то, что оно здорово, – это чудо, которое может быть объяснено молитвами одного святогорского монаха”».

**«Мы возьмём
Константинополь»**

Однажды группа детей – учеников Афониады – решили пойти к Старцу и спросить его о том, возьмут ли греки Константинополь и доживут ли они, дети, до этих времён.

Они пришли в каливу отца Паисия, взяли угощение, но задать свой вопрос боялись. Один делал знаки другому, тот – третьему. Но в конце концов никто так не решился спросить Старца. Тогда Старец сказал им сам: «Ну что, молодцы? О чём вы хотите спросить? О Константинополе? Возьмём мы его, возьмём, да и вы до этого доживёте».

Дети передали слова Старца учителю Константину Маллидису – доброму христианину и горячему патриоту. Учитель, очень заинтересованный, пришёл к Старцу, чтобы услышать то же самое из его собственных уст, но Старец ответил ему: «Оставь ты, Костас, эти дела: всё это не для нас с тобой. Нам надо готовиться к переселению в Город иной».

Эти слова Старца предзнаменовали предстоящую кончину как его самого, так и его собеседника, потому что вскоре они – сначала Костас, а потом Старец – переселились в наше истинное Небесное Отечество, в Новый град, в Вышний Иерусалим.

**«Попроси у неё
прощения»**

Свидетельство господина Фотия Пападопулоса из города Драма: «Однажды я шёл из Кариеса к Старцу. Перед Кутлумушским монастырём я встретил юношу, который спросил меня, как пройти к отцу Паисию. “Пойдём вместе”, – сказал я ему. Придя в калливу Старца, мы увидели, что он нас как будто ждал. “Эх ты, понтийская голова, – сказал он мне, – зачем ты его сюда привёл?” Я объяснил Старцу, что не знаком с этим юношей, просто повстречал его по пути. “Уводи, уводи его отсюда, – повторял Старец, – пусть встаёт и уходит. Знаешь, что он сделал?” А юноше он с гневом сказал: “Уходи, чтобы глаза мои тебя не видели! Тому, что ты сделал, прощения нет. Пойди сперва к той девушке и со слезами попроси у неё прощения. Когда получишь прощение, тогда приходи”. И он действительно выгнал этого парня! Такое поведение было для него совершенно необычным. Я видел Старца в таком состоянии впервые.

Потом, когда мы с этим юношей спускались к Иверскому монастырю, он рассказал мне, что в день своей свадьбы ждал в церкви свою невесту на венчание. И вот в храм вошла какая-то его подруга, и он ушёл из храма вместе с ней. Свадьба была расстроена».

**«Имей духовное
благородство»**

Клирик из монастыря, находящегося в миру, рассказал следующее: «В августе 1993 года я жил как гость в одном святогорском общежитии. Игумен и отцы этого монастыря предлагали мне остаться и поступить в число братии. Я молился, чтобы Бог показал мне Свою волю. Однажды я пришёл к Старцу Паисию в “Панагуду” не для того, чтобы его о чём-то

спросить, а просто, чтобы взять его благословение. Однако меня ожидало немало “сюрпризов”.

Старец отвёл меня в сторонку и спросил: “Откуда ты, отче?” Я ответил. Отец Паисий сказал: “Отче, оставайся в своём монастыре”. Я растерялся. Старец продолжил: “Ты пройдёшь через искушения. Однако потерпи, потому что тебе надо через них пройти – до тех пор, пока не придёт назначенный час”. Про себя я думал: “Не понимаю: что это он мне говорит?” Однако сейчас, проходя то через одни, то через другие искушения, я понимаю слова Старца.

Потом он мне сказал: “Имей духовное благородство. Когда ты разговариваешь с юными, не надо на них давить. Это и есть духовное благородство. Уважай другого человека, не дави на него”. Потом он давал мне наставления и говорил мне о том, что я делал, будучи у себя в монастыре. Я удивился: откуда Старец знал, что я беседовал с юношами и, убеждая их пойти на исповедь, давил на них больше, чем нужно. Потом Старец добавил: “Если бы Бог захотел, то за одну минуту Он мог бы заставить весь мир покаяться. Он переключил бы “тумблер” на отметку “семь баллов Рихтера” и устроил бы такое землетрясение, что ты увидел бы, как все люди в страхе осеняют себя широким крестным знаменем. Но такое покаяние – это не искреннее покаяние. Это вынужденное покаяние, и цена ему невелика. Поэтому и ты на них не дави».

Знамение от лампады Свидетельство человека, пожелавшего остаться неизвестным: «Однажды, когда закончилось моё годичное пребывание на Святой Афонской Горе, я пришёл к отцу Паисию попрощаться и сказал ему: “Я выез-

жаю в мир со страхом и неудовлетворенностью, потому что во мне ничего не изменилось. Мои проблемы остаются неулаженными. Однако, если ты этого хочешь и если тебе меня жалко, попроси Христа о том, чтобы покачалась лампада у Его иконы в иконостасе – в подтверждение твоих наставлений. Я прошу об этом потому, что сами по себе твои слова кажутся мне бедными и слабыми и утешить меня в пережитой мной драме они не могут”.

У меня колотилось сердце, и я глядел то на икону Христа в иконостасе, то на отца Паисия, который молчал и молился. Вдруг лампада перед иконой Христа стала размеренно раскачиваться. Я опустил в эту лампаду свой дрожащий палец, взял немного масла и крестообразно помазал себе лоб.

Старец сказал мне: “Лампада перед иконой Божией Матери тоже могла бы качаться, но потом ты стал бы думать, что они раскачивались от сквозняка”».

«Они идут...» Свидетельство насельника Великой Лавры монаха Павла: «С блаженнопочившим Старцем Паисием я много раз встречался в его келье “Панагуде”. Это был настоящий подвижник и преподобный муж. Он был кроток, мирен, нелицемерен, нестяжателен и дружелюбен; он был человеком молитвы и любви, наделён редкими духовными дарованиями и высоким умом.

Незадолго до кончины приснопамятного Старца я – ради того чтобы получить совет и пользу – его посетил. Я подошёл к его келье, никого из посетителей не было. Помню, что обе калитки были раскрыты настежь. Старец вышел на порог, я поклонился ему, взял благословение и после обычного приветствия и

угощения, сев на деревянный пенёк, стал рассказывать ему о том, что меня волновало.

Старец не садился. Он прохаживался передо мной взад-вперёд и время от времени бормотал: “Он идёт...”, “А – это он...”, “Ну-ну”, показывая своим видом, что кто-то идёт, чтобы с ним встретиться. Это продолжалось минут десять, так что я, полагая, что Старец не слушает, о чём я ему рассказываю, подумал: “Он меня не слушает”. Не успел я так подумать, он громко сказал мне: “А ты говори, говори – я тебя слушаю”. Я продолжал, но всё же не очень-то верил, что он меня слушает и снова подумал: “Нет, он меня всё-таки не слушает”. Но он тут же вслух ответил на мою мысль: “Да говори же, говори, ведь я тебя слушаю”.

Вскоре послышались шаги, и в калитке показались дикей скита пророка Или и иеромонах Иоаким со своим послушником иеромонахом Павлом. Когда пришедшие поприветствовали Старца, мы с отцом Павлом отошли в сторонку. Я спросил его:

– Вы сообщали Старцу о своём приходе?

– Нет, ведь у него же нет телефона. Мы пришли к нему впервые. А почему ты об этом спрашиваешь?

И я рассказал ему о том, как вёл себя Старец перед их приходом».

Покаявшийся кришнаит

Старец помогал многим несчастным, связавшимся с восточными религиями, йогой и тому подобным. Ниже следует рассказ бывшего кришнаита, занимавшего в греческом отделении этой секты руководящее место.

«О Старце Паисии я услышал на кришнаитском съезде в Италии. Туда собрались руководители отде-

лений нашей организации из разных государств Европы. Мы обсуждали различные темы. Там я и услышал о Старце Паисии. О нём говорили как о йоге, который появился в Греции. Вот я и решил с ним познакомиться.

Вернувшись в Грецию, я познакомился со Старцем и стал понимать своё заблуждение. Когда я сказал своим прежним единомышленникам о том, что хочу от них уйти, они объявили мне настоящую войну. Я – бывший руководитель целой организации, мотавшийся по всей Европе, теперь боялся сесть в городской автобус. Любой пустяк, с которым я сталкивался, вызывал у меня невообразимые трудности. Я чувствовал, что моя душа была расслабленной, парализованной. Мной владели боль и страх. Это происходило потому, что я дал диаволу много прав над собой. Но Старец Паисий помог мне вырваться из дьявольских сетей. Если бы не было Старца, который покрывал меня своими молитвами, то мне ни за что не удалось бы из них выпутаться, ни за что не удалось бы избавиться от сатанинских козней последователей этой секты.

Впоследствии этот молодой человек публично исповедал Христа в одном из афинских храмов и через Миропомазание вновь был принят в лоно Святой Православной Церкви.

Ученик гуру Однажды к Старцу приехал богач. Этот человек вместе со всей своей семьёй много лет был учеником одного известного индийского гуру. И не просто учеником: он получил от гуру посвящение, то есть, выражаясь на их языке, «получил от него знание». Со своей семьёй он ездил на встречи с гуру в разные европейские столицы и отдавал ему много денег.

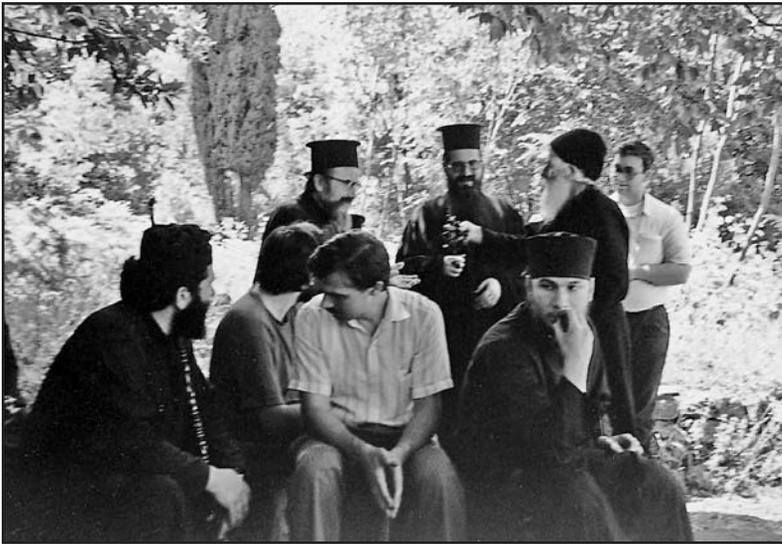
Старец Паисий, обладая даром прозорливости, открыл этому человеку некоторые случаи из его жизни и посоветовал ему найти работу – хотя он и не нуждался в деньгах. «Работа, – сказал Старец, – пошла бы тебе на пользу».

Находясь под впечатлением духовных дарований Старца, этот человек спросил его о медитации и других подобных методах, используемых в восточных религиозных культурах. «Послушай-ка, сынок, – мягко, по-доброму прервал его Старец, – ведь дело не в методах. Да, вы тоже стараетесь, но в месте, где вы копаете, скрыто не золото, а диавол. Золото – это Христос».

Старец и юные Старец поддерживал особую духовную связь с юными. Он любил их настоящей любовью – как своих детей, заботился о том, чтобы они нашли свой путь и молился о них. Он помогал им преодолеть трудности и проблемы. Он страдал за них, разделял их боль. Интуитивно чувствуя великую любовь Старца, юноши и девушки безгранично доверяли ему, слушались его и, в буквальном смысле слова, его обожали. В келье Старца можно было встретить наркоманов, анархистов, нравственно распущенных, душевнобольных, втянутых в различные секты, отчаявшихся в жизни и готовых покончить с собой. Следуя советам Старца, молодые люди каялись, приходили в себя и впоследствии вновь посещали его – уже духовно изменившись. И сами они становились проповедниками покаяния для своих друзей, которых привозили к Старцу. Для того чтобы было понятно, каким образом Старец помогал молодым, ниже приводится несколько примеров его благодатной помощи.

Многим наркоманам Старец помог порвать с наркотиками. Вначале ему удавалось пробудить в них интерес к жизни, установить с ними контакт и завоевать их доверие. Несчастные слушали Старца со вниманием и принимали его советы. Многие из них, благодаря молитве и помощи Старца, освободились от своей страсти и стали горячими христианами и добрыми главами семейств. Сострадая их боли, Старец говорил: «Несчастные, они не могут удержать себя в руках. Молодежь сегодня сама себя приводит в негодность». Старец своими руками завязывал этим юношам развязавшиеся шнурки на ботинках, отгонял от них мух, поправлял волосы, которые падали им на глаза. Он советовал им пойти на исповедь, начать жить духовной жизнью, устроиться на какую-нибудь простую работу, чтобы быть чем-то занятым. Он советовал им есть морковь и давал другие практические советы. Он посылал их к людям, в окружении которых было бы легче избавиться от страсти к наркотикам, помогал им стать членами общества и создать семьи.

Один юноша-наркоман пытался отсечь свою страсть, от которой страдал и он сам, и его семья. Представления о Старце Паисии у него были смутные, он знал о нём понаслышке. Но, несмотря на это, он возложил на Старца свою последнюю надежду. Спускаясь по тропинке к «Панагуде», юноша думал: «Может, хоть у него найдётся лекарство, которое поможет мне развязаться с наркотиками». Старец, увидев его, с улыбкой произнёс: «Ну, иди, иди сюда. Я для тебя хороших таблеток припас» – и вложил ему в ладонь несколько лесных орехов.

*Старец с паломниками
(фото монаха Гавриила, монастырь Филофей).*

«Таблетки» Старца оказались очень сильными. Произошло чудо: зависимость несчастного юноши от наркотиков отсекло как ножом.

* * *

Свидетельство человека, пожелавшего остаться неизвестным: «Однажды я встретил у Старца знакомого студента. Было известно, что он гомосексуалист. Он приехал встретиться со Старцем и в ходе беседы пришёл в покаяние. Вся его жизнь изменилась. Потом я встречал его на Всенощных бдениях в Салониках. Он стоял за одной из колонн храма, и из его глаз ручьём текли слёзы. Он плакал беззвучно и очень мирно. Я был изумлён милостью Бога и покаянием человека, но, кроме этого, и Благодатью Старца Паисия, которому оказалось под силу *“известі честнёе от недостойнаго”*⁽¹⁾. Потом я вновь видел этого юношу в “Панагуде”. Он привозил с собой других, подобных ему, падших молодых людей, чтобы они тоже получили помощь».

* * *

Известно много случаев, когда заядлые курильщики благодаря Старцу бросали курить. Слова, которые Старец говорил этим людям, были не просто советами. Его слова имели силу. Они внушали человеку отвращение к табаку, и желание курить у него пропадало. Но более всего в подобных случаях Старец помогал людям не словами, а молитвой.

⁽¹⁾ См.: Иер. 15, 19.

Свидетельство человека, пожелавшего остаться неизвестным: «Я приехал на Святую Гору, чтобы стать монахом. Скуфьи в монастыре мне ещё не давали, потому что я не мог бросить курить⁽¹⁾. Тогда я выкуривал по две пачки в день. Я старался, как мог: разрывал пачки, выбрасывал их, но... на следующий день находил их в мусорных баках и вновь закуривал. Мне было очень стыдно рассказывать обо всём этом, но я пошёл к Старцу и всё ему рассказал. Старец ответил: “Не бойся, поднимешься” – с этими словами он утешительно похлопал меня по плечу.

Мы разговаривали в десять часов утра. В тот день до самого вечера я ни разу не подумал о сигарете. С этого самого момента, молитвами Старца, я бросил курить, потом стал монахом. Это было для меня чудом».

Рассказ другого паломника: «Когда, придя в келью Старца, мы сидели во дворе, я достал сигарету и закурил. Я выкуривал три пачки в день, поэтому закурил совершенно механически. Старец подошёл ко мне, вынул сигарету у меня изо рта и сказал: “Ну, вот что: теперь ты не будешь курить до тех пор, пока немцы не изобретут такой аппарат, который очищает лёгкие”. Ночевать мы пошли в монастырь, где я вдруг осознал, что прошло уже три часа, а я не курил. Но и желания курить у меня больше не было. После этого посещения Старца я бросил курить раз и навсегда».

* * *

Когда к Старцу приходили некоторые равнодушные юноши, не желавшие служить в армии и нахо-

⁽¹⁾ В святогорских монастырях новоначальные послушники носят одну скуфью (без подрысника). – *Прим. пер.*

дившие себе целую кучу оправданий, Старец рассказывал им случаи из своей солдатской жизни и приводил другие соответствующие примеры. После этого молодые люди просили у него благословения пойти служить в самые трудные и опасные рода войск. «Вот что, парни, – говорил Старец, – вы идите служить и служите там, куда вас пошлют».

* * *

Старец говорил, что наша Церковь учит человека идти одним из двух путей: или путём монашеским, или путём брака. Старец считал неестественным, если человек не идёт ни тем, ни другим путём. «Вол, который не хочет впрягаться ни в ярмо, ни в плуг, оказывается у мясника», – говорил он. Старец помог многим юношам последовать своему призванию и либо стать монахами, либо создать семьи. Многих нерешительных молодых людей, не годившихся для монашеской жизни, он побудил создать семьи. Когда такие люди спрашивали, что ему прислать, он отказывался, говоря: «Пришли мне лучше приглашение на свою свадьбу». В других случаях, желая помочь таким людям, он накладывал на них добрую «епитимью», говоря: «Без обручального кольца больше сюда не приходите».

* * *

Однажды к Старцу пришёл юноша с длинными, как лошадиный хвост, волосами. Старец спросил его:

- Слушай, парень, ты чем занимаешься?
- Я студент.
- Много тебе осталось сдать экзаменов?

– Восемь.

– Если хочешь их сдать, – в шутку сказал Старец, – то давай я тебя подстригу.

Старец вынес из кельи ножницы и подстриг молодого человека. Юноша посчитал это благословением, рассказал своим друзьям и те тоже приходили к Старцу, чтобы получить от него подобное благословение. «Я совершил много постригов», – смеялся Старец. «Геронда, – спрашивали его, – а что Вы делаете с их волосами?» – «Собираю в мешок и пересаживаю лысым», – с улыбкой отвечал он.

А в других случаях Старец смиренно говорил: «Если мне и суждено спастись, то это произойдёт за молитвы матерей. Знаешь, сколько я получаю от них писем, когда они, растроганные, благодарят меня за то, что я убедил их детей постричь волосы и вынуть из ушей серёжки?» Старец не хотел, чтобы мужчины отращивали длинные волосы, он считал это женоподобным и приводил по этому случаю слова апостола Павла: «*Муж úбо áще власы растúт, безчéстие емý есть*»⁽¹⁾. Видя юных с длинными волосами, Старец говорил им: «Волосы отпускают или те, кто относится к клиру, или те, кто бесится с жиру»⁽²⁾. А вы к какой категории себя относите?»

* * *

Однажды Старца посетили юноши из Австралии. Им нравилась духовная жизнь, но одновременно они

⁽¹⁾ 1 Кор. 11, 14.

⁽²⁾ У Старца игра слов: «Μαλλιά άφήνουν οί άφιρομένοι καί οί άφηρημένοι» (дословно, *άφηρημένοι* – отвлечённые, рассеянные, невнимательные). – *Прим. пер.*

любили и мирские развлечения. Они спрашивали Старца о танцах и старались вырвать у него признание того, что танцы – вещь хорошая. Старец ответил им: «Парни, вот вы, предположим, собираетесь подняться на вершину Афона и – поскольку не можете этого сделать – хотите, чтобы мы считали, будто бы вершина находится пониже – чтобы вы могли потом хвалиться, будто бы на неё взошли».

* * *

Старец был против телевидения. Он считал его действие разрушительным для всех, а особенно для детей и молодёжи. С болью он рассказывал о случаях, когда родители, желая, чтобы их не беспокоили дети, разрешали им часами смотреть телевизор, в результате чего дети разрушались умственно, душевно и телесно. Он рассказывал и про тот вред, который телевизор своим излучением причиняет маленьким детям и даже находящимся в материнской утробе младенцам. Старец говорил и о бесовских воздействиях через телевидение. Поэтому при каждом удобном случае он убеждал людей не смотреть телевизор, советовал выбросить его из дома, давать детям другую – духовную (Жития Святых, Всенощные бдения, паломнические поездки) или же нейтральную (невинные игрушки, забавы и экскурсии) – пищу. Старец говорил: «Не позволяйте вашим детям смотреть телевизор. Телевизионный сигнал достигает только до Луны. А вот сигнал духовного телевидения доходит даже до Бога».

Однажды Старец беседовал с группой молодых людей. В нескольких метрах от них сидел ещё один

молодой человек – преподаватель старших классов средней школы. Он размышлял об одном занимавшем его в последнее время вопросе: «Ну ладно, обо всей той грязи, которую показывают по телевизору, нет и речи – я её смотреть даже не хочу. Но, может быть, ради того, чтобы быть в курсе элементарных событий, мне можно смотреть выпуски новостей?» В эту секунду Старец резко повернулся к нему и сказал: «Выпуски новостей смотреть тоже не надо!» Сказав это, Старец вновь повернулся к другим молодым людям и продолжил беседу с ними.

Один недавно женившийся молодой человек после беседы со Старцем, уходя, попросил его дать последний совет. Старец сказал: «Передай своей жене, чтобы она не смотрела телевизор, потому что иначе ваш ребёнок родится умственно отсталым». Немного помолчав, он добавил: «И ходить смотреть телевизор к родне ей тоже не надо». Действительно, жена этого человека обычно ходила смотреть телевизор к своей матери.

* * *

Свидетельство монаха Паисия: «Будучи студентом юридического факультета, я посетил Старца 22 августа 1988 года. Со мной был и мой товарищ по университету Григорий. Я жил вне Церкви и поэтому приехал на Святую Гору впервые – по настоянию знакомых. Приехал я больше как “духовный турист”, но, кроме того, мне хотелось доказать Старцу Паисию, что Бога нет и что он впустую потратил столько лет в монашестве.

Около четырёх часов вечера мы пришли в “Панагуду”. Возле калитки мы увидели, что Старца ждали

человек тридцать пять. Люди нетерпеливо стучали в железку, но он не появлялся. Мы обошли келью кругом, подошли к задней калитке, но она тоже оказалась закрыта. И тут – не знаю, что со мной случилось, ведь я не принимал участия в Таинствах Церкви около двенадцати лет – я вдруг опустился на колени и стал молиться. “Боже мой, – сказал я, – если Ты действительно существуешь и хочешь, чтобы я уверовал, сделай так, чтобы вышел Старец и стал говорить нам о Тебе”.

Не прошло и пяти минут, как вдруг из леса появился Старец Паисий. У него был тихий взгляд и очень ласковая улыбка. Он приблизился к нам.

– Вы отец Паисий? – взволнованно спросил я.

– Зачем тебе нужен отец Паисий? – ответил он.

– Я хочу передать ему вот эти носки и взять у него благословение.

– Ну тогда наклоняй голову, чтобы я тебя благословил.

Впервые после моего Крещения я взял такое благословение. Старец положил руку на мою голову и минут на пять погрузился в молитву.

Потом он завёл нас во двор кельи, и мы сели на пеньки. Он стал говорить нам о Боге и о том, что происходит в мире, – словно он только что прослушал последний выпуск радионовостей. Беседуя, он много раз протягивал нам коробку с лукумом, уговаривая брать ещё.

Пришли ещё двое ребят, по виду анархисты. Старец продолжал беседу. Кроме всего прочего, он сказал нам и о буддизме, вырвав, таким образом, из моей души и эти занозы, потому что несколько последних лет – по часу в день я занимался йогой.

Мы беседовали около часа, после чего он повернулся ко мне и спросил: “Хочешь, я возьму тебя в послушники?” Я ответил: “Нет, отче, я на это не го-жусь: я люблю мир”. В течение беседы Старец ещё несколько раз повторил свой вопрос, но, к сожалению, в то время я жил настолько далеко от всего духовного, что не мог оценить величие сделанного мне предложения.

Потом он оставил нас и пошёл складывать в поленницу какие-то обгорелые дрова. Мы вызвались ему помочь, но он отказался, сказав, что делает зарядку и что складывать дрова – это его послушание.

Прошло минут пятнадцать. Мы, четверо “духовных туристов”, сидели молча, “переваривая” то, что сказал нам Старец. Своими словами он рассеял мои сомнения в существовании Троичного Бога. Однако одновременно я принимал и приращения помыслов от лукавого. Мне вдруг пришёл помысел спросить – не вслух, а в душе – Старца о том, что необходимо сделать, чтобы оказаться в Раю. В своём тщеславном уме я решил: раз отец Паисий парит на такой духовной высоте, то он угадает мои мысли и мне ответит. Бог, пожалев меня, не принял мой эгоизм всерьёз: Старец, оставив дрова, медленными шагами подошёл к нам и, глядя на меня – но уже не в глаза, а глубоко – в самую душу, – ответил мне вслух: “Для этого, сынок, надо иметь любовь и веру во Христа”.

У меня задрожали ноги, а моё сердце забилося так сильно, что я думал, что оно разорвётся. Я смог про-бормотать только: “Григорий, нам пора уходить” и “благодарите, отче”. Но Старец ответил: “Ну что же ты хочешь уйти? Оставайся, я возьму тебя к себе в послушники и дам тебе своё имя”. Однако моё сердце

уже не могло выдержать того откровения Божия, которое только что его посетило.

После этого моя жизнь в корне изменилась. Несмотря на то, что я видел Старца первый и последний раз, у меня навсегда осталась с ним внутренняя душевная связь. Она продолжалась и после его успения: его чудесное участие в моей жизни много раз было явным. Однако величайшее чудо в том, что ему удалось навсегда посеять зерно веры во Христа в мою душу – в душу человека, совершенно далёкого от Церкви. После этой встречи со Старцем прошло менее шести лет, и из отрицателя Церкви я стал монахом. В монашеском постриге – как и предвидел Старец – мне было дано имя Паисий».

глава тринадцатая

**БОЛЕЗНЬ И БЛАЖЕННАЯ
КОНЧИНА**

Старец встречает Пасху вместе со своими учениками.

Страдание и болезни

Как было уже сказано, подвижничество и боль были неотлучными спутниками Старца всю его жизнь. Свои подвиги он принёс в добровольную жертву любви ко Христу, мучительные болезни принимал с благодарностью и славословием.

Старец был испытан различными немощами. Страдание и болезни стали его почти всегдашним состоянием. Болея, он подвизался в подвигах аскезы, подвизаясь – болел. Он умел не обращать внимания на свою боль. «Ты делай своё дело, а я буду делать своё», – говорил он болезни и продолжал молиться, заниматься рукоделием или принимать людей. В то время как самому ему было больно, он утешал тех, кто тоже испытывал боль.

С самого начала своей монашеской жизни Старец страдал и мучился от бронхоэктаза много лет. Ему был поставлен неправильный диагноз и назначено неправильное лечение. Старец харкал кровью, и в конце концов ему была сделана сложная операция.

После операции Старец простыл, и врач назначил ему сильные антибиотики, не приняв во внимание то, что больной ничего не ел. У Старца открылся язвенный колит. Ему казалось, будто с его «кишок снимали кожуру». После этого он очень болезненно реагировал на самую малейшую простуду. У него начина-

лись боли, бурчание и вздутие в животе, понос с кровью. То же самое происходило и когда он принимал некоторые виды пищи.

Он очень чутко реагировал на холод. Если во время Всенощных бдений двери храма были хоть чуточку открыты, то от малейшего сквозняка он начинал чихать и сильно кашлять. Часто он клал себе на лоб бумажную салфетку или маленький пластырь. Как объяснял сам Старец: «У меня были сильные головные боли, и один монах из Ставроникиты посоветовал мне подкладывать под скуфью бумажную салфетку. Он говорил, что от этого головная боль пройдет. Я и сам увидел, что этот способ действенный, потому что голова согревается и перестаёт болеть».

Уже в сентябре, с первыми холодами, Старец начинал топить у себя в келье печку, сложенную из кирпичей. Эта печь давала ему тепло, однако одновременно – дымом из трубы – «выдавала» его посетителям.

Конечно, когда Старец понимал, что пришедшие испытывают действительную нужду, он – в каком бы состоянии ни находился, каким бы больным ни был – в холод ли, в дождь или в снег – поднимался с кровати и выходил во двор, чтобы впустить пришедших. Он усаживал их в натопленном архондарике, а сам принимал каждого по отдельности в церкви, где было очень холодно. Так могло продолжаться несколько часов.

Всё это состояние, каким бы трудным и болезненным оно ни было, Старец терпел, славословя Бога. Он не роптал и не просил, чтобы Бог забрал от него болезни и дал ему здоровье.

Около пяти-шести месяцев он страдал от межпозвоночной грыжи, которую получил на Синае, пы-

таясь поднять тяжёлый обломок гранита. Ему было очень больно. Иногда он мог стоять или ходить, только опираясь на две палочки, принимать людей в таком состоянии ему было очень трудно.

В последние годы кишечные кровотечения стали мучить Старца всё чаще и чаще. Он дошёл до того, что ходил в туалет до девятнадцати раз за ночь. В его кишечнике ничего не было – из него шла только кровь. Врачи не могли с точностью назвать причину этих кровотечений, потому что ехать на обследование Старец отказывался.

Он принимал людей, выполнял свои духовные монашеские обязанности, тщательно соблюдал свой подвижнический устав, но силы его оставляли. Его истощали кровотечения и страшная усталость. «Иногда, – говорил Старец, – мне хочется потерять сознание».

За два года до кончины Старец вместе с другими отцами пришёл в одну афонскую каливу, чтобы встретить Пасху. Шутя, он сказал старцу кельи: «Эх, батюшка, что-то произошло: или твоя келья передвинулась дальше от моей, или я состарился. Одно из двух: но вот что именно? Наверное, всё же я состарился».

Старец видел, что его силы иссякают. Болезнь принимала всё более и более тяжёлую форму, кровотечение становилось сильнее, его нельзя было остановить ничем. Но, несмотря ни на что, он терпел, не прибегая к медицинским обследованиям и лекарствам. Он усиленно просил у Бога только одного: помогать страдающим братьям, которые не переставая приходили к нему и просили о помощи. И разве Благий Бог мог не прийти в умиление от этих молитв и их не услышать?

**«Со мной произошёл
один случай»**

Старец рассказывал: «Когда я находился в таком состоянии, со мной произошёл один случай. Лёжа на кровати, я взял в руки икону преподобного Арсения Каппадокийского, прижал её к животу и почувствовал, как от неё изошла какая-то сила».

Старец вновь обрёл силы, стал продолжать свои подвиги и – на какое-то время – служение людям. Болезнь не ушла, её симптомы остались прежними: кровотечение и тому подобное, – однако он чувствовал в себе силы.

На пределах крепости

Однако надолго этих сил не хватило. Вернулось прежнее болезненное состояние, Старец чуть не падал в обморок. Иногда он даже и падал без сознания во дворе своей каливы, и когда приходил в себя, благодарил Бога за то, что его никто не видел. Однажды зимой он упал без сознания прямо в снег. Потом он говорил: «Вы нашли бы меня в снегу *“яко мех на слáne”*». Во вторую Неделю Великого поста 1993 года во время Божественной Литургии, которая совершалась в церковке его каливы, истощение Старца дошло до предела. Вдруг он начал тяжело дышать, его глаза широко открылись, какое-то время его дыхание было похоже на предсмертные хрипы. Однако от благоговения он не согласился сесть и остался стоять на ногах. Потеряв сознание, он стал падать вперёд перед собой, но отцы, стоявшие рядом, успели его подхватить. Когда он пришёл в себя, то – несмотря на все просьбы и побуждения отцов – сесть так и не согласился. В конце Божественной Литур-

гии, несмотря на то что несколько раз, пока она шла, он падал в обморок и его рвало, он пытался принести отцам угощение, сделать им чай, не обращая внимания на своё критическое состояние. После угощения он никому не позволил с ним находиться. Он остался один, «*яко человек без помощи*» – без помощи человеческой, вверяя милости Божией своё страдающее человеческое естество.

Он потерял много крови, его лицо стало очень бледным. Знакомые, кто чем мог, пытались ему помочь. Кто-то предлагал принести таблетки, содержащие железо, но он отнекивался и отшучивался: «У меня здесь в келье железа много, мне нужно не железо, а сталь». Так Старец отказывался от предлагаемой ему помощи.

Беспокойства он не испытывал. Он просил Бога только об одном: чтобы Он оказал ему снисхождение и во время Божественной Литургии останавливал его кровотечение, чтобы он мог причащаться. Бог услышал его молитвы, и на какое-то время так и произошло. Сам Старец лучше, чем кто бы то ни было, знал и о тяжести своей болезни, и о приближении кончины, которую он предчувствовал. Однако всем и каждому он об этом не говорил.

Всю свою жизнь он помнил и размышлял о смерти. Он сделал свою кровать похожей на гроб, в кельях, где жил, он всегда выкапывал себе могилу. Но сейчас, намёками, он стал говорить духовным чадам о смерти, приуготовливая их к предстоящему расставанию. Он говорил: «Когда разрушается дом (то есть заболевает тело) и сквозь крышу начинает течь вода, тогда хозяин этого дома (душа) уже не хочет в нём оставаться». Великую схиму своего Старца, батюшки Ти-

хона, Старец много лет хранил как благословение и святыню. Сейчас он раздал разные части этой схимы в благословение своим духовным чадам. Он приготовил прессованные крестики и иконки и написал записку, в которой просил после его кончины раздать их в благословение людям, чтобы они помолились за упокой его души.

Вселенский патриарх, узнав о состоянии здоровья Старца, передал ему просьбу послушаться врачей и поехать на обследование. И удивительное дело: после этого на некоторое время кровотечения прекратились! С простотой Старец спрашивал одного своего ученика: «Конечно, патриарху я должен оказать послушание, но сейчас, когда кровотечение прекратилось, разве я уже не имею права его не послушаться? Ты как думаешь?» Однако вскоре кровотечения возобновились.

Отношение Старца к своей болезни обсуждалось и толковалось на разные лады. Некоторые «соблазнились», считая поведение Старца «самоубийством». Другие восхищались той выдержкой и отвагой, с которыми он относился к постигшему его испытанию. Многие же – главным образом больные – получили пользу и утешение, видя, что Старец тоже болен и что он относится к своей болезни с терпением.

Монахи просили Старца обратить внимание на своё здоровье, говоря ему: «Мы в тебе нуждаемся». Другие принимались учить его, говоря, что ему нужно делать, а третьи молча, в душевной скорби, смотрели на переживаемое им мучение и молились. Каждый судил и действовал в соответствии со своим помыслом и с тем духовным состоянием, в котором находился.

***Последний выезд со
Святой Афонской Горы.
Дальнейшее развитие
болезни***

Каждый год Старец праздновал память преподобного Христодула в одной находившейся по соседству келье, где жили его духовные чада – монахи. В 1993 году, как обычно, он пришёл в эту келью на престольный праздник. После праздника Старец пошёл в монастырь Кутлумуш поздравить игумена обители архимандрита Христодула с днём Ангела. На следующий день, 22 октября 1993 года, Старец выехал со Святой Афонской Горы – как он обычно это делал последние годы, чтобы быть в монастыре Суроти в день памяти преподобного Арсения Каппадокийского. Однако, этот выезд Старца с Афона был для него последним. На Святую Гору он уже не вернулся – даже после своей кончины.

В Суроти Старец присутствовал на Всенощном бдении и, как обычно, остался там ещё на несколько дней, чтобы принять сестёр и мирян, которые нуждались в его окормлении. После этого он хотел вернуться на Афон. Но тут ко множеству его немощей добавилась ещё одна: заворот кишок. Кишечник перекрылся и даже кровотечения на время прекратились. Тогда, против своей воли, он был вынужден уступить просьбам лечь на обследование в больницу.

В дальнейшем его болезнь развивалась следующим образом: в больнице «Теагенион» врачи убедились, что у Старца запущенная стадия рака. По предположению врачей, рак начался у Старца ещё шесть лет назад, но метастаз не было.

Благоговейный врач, господин Георгий Бладзас, который делал Старцу операцию несколько лет на-

зад, переживал, ожидая результатов обследования. Старец сказал ему: «Ты себя так не веди. Понятно: у меня рак. И я буду тебя слушаться. Всё, вопрос закрыт».

Оказывая послушание врачу, Старец стал ходить на облучение, цель которого была в том, чтобы подготовить опухоль к операции. Когда Старец приходил в отделение, где делали облучение, его окружало множество людей, которые рассказывали ему о своих муках и скорбях. Состояние Старца было более тяжёлым, чем состояние этих людей, потому что тридцать раз в день ему опорожняли кишечник, что сопровождалось жуткими болями. Однако с его лица не сходила улыбка и он утешал остальных больных.

Раньше, когда ему делали операцию грыжи, Старец скрыл своё монашеское имя, а сейчас сказал, чтобы его написали и в историю болезни, и на табличке при входе в палату, где Старец принимал всех желающих его увидеть, зная, что вскоре ему предстоит уйти.

Четвертого февраля 1994 года (н. ст.) Старцу была сделана операция. Опухоль толстой кишки была удалена, однако болезнь стремительно развивалась. Рак дал метастазы на печень и на лёгкие. После операции Старцу временно была установлена колостома⁽¹⁾, несмотря на то что он этого не хотел. Потом сделали повторную операцию, и деятельность кишечника была восстановлена. Кроме этого, Старцу делали химиотерапию. Когда его возили на томографию, он очень страдал. Он сидел в инвалидной коляске, стра-

⁽¹⁾ Вывод устья толстой кишки на отверстие на животе. – *Прим. пер.*

дая от боли и дрожа от холода. Увидев в коридоре перед лабораторией, где делали томографию, другого больного, который тоже долго ждал очереди на обследование, Старец пропустил его вперёд. Когда опять подошла его очередь, томограф сломался, и его на машине повезли на томографию в другую больницу. Там врачи увидели, что рак быстро развивается, поражая печень и лёгкие. Всё это время Старец был благодушен, весел, не переставал смешить людей своими добрыми, прекрасными шутками – так, словно больным был не он, а кто-то другой. Он утешал и облегчал боль тех, кто оказывался рядом с ним.

***Приношение людям
в мученических
страданиях***

И перед тем как Старец лёг на обследование и операцию, и в больнице, и после неё – в монастыре Суроти, куда он вернулся – многие приходили, желая увидеть его, излить ему свою боль и попрощаться с ним. Эти посещения были источником дополнительного труда и страданий – в дополнение к тем, которые Старец испытывал в своей болезни. Но избежать этих посещений было нельзя.

– Геронда, зачем ты оставляешь своих чад? – спросил его один человек.

– Ну а что же! *«Дни́е лет на́ших, в ни́хже се́дмь-деся́т лет...»*⁽¹⁾, столько и хватит...

– Геронда, почему Вы не молитесь о том, чтобы Бог исцелил Вас? Ведь мы в Вас так нуждаемся! – спросил его другой.

– Что? Обманывать Бога? Ведь я же сам просил Его о том, чтобы Он дал мне эту болезнь...

⁽¹⁾ Пс. 89, 10.

– Геронда, дайте мне Ваш последний совет, чтобы я его помнил, – просил один из его духовных чад.

– Будем иметь духовное благородство. Имея его, мы пребываем в родстве со Христом.

Старец беседовал и с сёстрами во время общих собраний насельниц монастыря. Сёстры, жертвуя собой, всеми силами пытались облегчить его болезнь, а он давал им наставления и последние советы.

* * *

В больнице «Теагенион» лежал раковый больной по имени Ламброс М. родом из города Трикала. От болезни он ужасно исхудал, от него остались буквально кожа да кости. Он постоянно сидел в инвалидной коляске и не мог даже встать на ноги.

Жене этого человека после настойчивых попыток удалось встретиться со Старцем. Старец сказал ей, что Ламброс выздоровеет, приедет в Трикалу, порадует, увидев семью, однако вскоре опять заболит и умрёт. Состояние здоровья больного было очень тяжёлым и, по логике человеческой, такое развитие болезни, о котором сказал Старец, было исключено. Однако всё произошло именно так, как он сказал. Ламброс выздоровел, доставил последнее утешение своей семье, потом вновь заболел и примерно через полгода скончался.

* * *

В четверг Светлой Седмицы 1994 года Старца посетила госпожа Эрифилия Цика из города Волоса. Приводим её рассказ: «Летом 1993 года моя одиннадцатилетняя дочь заболела раком. Мы с мужем и сестрой пытались всеми силами облегчить её болезнь, но она умерла. Старец сказал мне, что моя дочь будет жить, и действительно так и произошло. Она выздоровела, но через несколько месяцев снова заболела. Старец сказал мне, что она умрёт, и действительно так и произошло. Она умерла. Старец сказал мне, что она будет жить, и действительно так и произошло. Она выздоровела, но через несколько месяцев снова заболела. Старец сказал мне, что она умрёт, и действительно так и произошло. Она умерла.»

цатилетняя дочь Антония заболела странной болезнью. На кончиках пальцев и вокруг губ у неё возникли белые пятна. “Возможно, – сказали врачи, – это признак тяжёлой болезни, которая может быстро развиваться”. Лечение кортизоном результата не дало. Мы просто отчаялись. Когда мы приехали в Суроти, чтобы встретиться со Старцем, он нас принял – меня и трёх моих дочерей. Несмотря на свои ужасные боли, он улыбался.

Когда я рассказала ему о болезни дочери, он сжал руки девочки своими руками и, пристально глядя ей в глаза, спросил: “Что же ты, моя девочка, так сильно горюешь?” Действительно, после того как в 1991 году умер мой муж и отец моих дочерей, Антония очень сильно тосковала.

Потом Старец сказал мне: “Эрифилия, дочка, не переживай, ничего страшного нет. И никакая это не наследственная болезнь (о наследственной болезни нам говорили врачи). У неё эти пятна оттого, что она сильно переживает”.

Вдруг он спросил меня: “А ты сама чего хочешь?” Я ответила: “Я хочу, чтобы эти пятна остались такие, как есть, и больше не распространялись”.

Тогда, перекрестив ребёнка своей святой рукой, он сказал мне: “Всё будет хорошо”.

И действительно, болезнь больше не развивалась. Прошло уже десять лет, а мы не ходили ни к каким врачам и никак не лечились. Я попросила Старца о том, чтобы пятна у дочери остались такие, как есть, а не исчезли, для того чтобы сама девочка, а также наша семья всю жизнь помнили о Благодати Старца, о его щедром благословении».

* * *

За месяц до кончины Старца его посетил архимандрит Пантелеимон – ныне высокопреосвященнейший митрополит Ксанфийский. Он пишет: «Мы взяли к Старцу двух малышей. По дороге они нарвали диких цветов и, как только мы вошли в келью Старца, с радостью и непосредственностью вручили ему, положив букет на подушку. “Видишь, – сказал Старец, – дети знают, что делают”. Я хотел уверить Старца в том, что он нужен нам живым, что мы нуждаемся в нём и о нём молимся. В ответ Старец сказал, что сам он молится о другом. Радостным, как и всегда, тоном Старец добавил: “Но теперь я и не знаю, чьи молитвы услышит Бог – мои или твои”. Потом он спросил меня, принёс ли я письма, чтобы передать их кому-нибудь на Небе. Он сказал, что мне предоставляется удобный случай послать письма на Небо с ним – не тратя денег на марки. Он был расположен передавать радость другим, и это неослабевающее расположение отчётливо виднелось на его ласковом, кротком лице».

* * *

Отец Тимофей (Цотрас), игумен монастыря святого Иоанна Русского, расположенного на Кассандре, прислал следующее свидетельство: «Вместе с ныне почившим митрополитом Кассандрийским Синесием и отцом Агафангелом мы приехали в Суроти, чтобы увидеть Старца Паисия.

Зайдя в храм и приложившись к мощам преподобного Арсения, мы прошли в маленькую гостиную.

Увидев нас, Старец вышел навстречу. В изумлении мы увидели, как окружённый сверхъестественным светом он, не касаясь ступенек, идёт к нам по воздуху!

Нам принесли угощение, потом Старец ненадолго остался с владыкой вдвоём, после чего мы направились к выходу. Когда мы прошли около тридцати метров, владыка сказал нам и игуменье: “Видите, святость скрыть нельзя. Он летел по воздуху и весь сиял”. – “Он идёт за нами!” – шёпотом воскликнул отец Агафангел. Оказалось, что тяжело больной Старец шёл следом, желая оказать честь епископу.

Владыка повернулся, увидел Старца и, улыбнувшись, попросил его вернуться и лечь в кровать, чтобы поберечь свои силы».

Блаженная и незаметная кончина

Всё это время Старец смиренно подчинялся указаниям медиков. Но однажды он позвал врача и сказал ему:

– На этом мы лечение прекратим.
 – Почему, Геронда?
 – Сейчас слушаться меня будешь ты. Скажи им, чтобы они остановились. А то я не могу ничего делать. Вчера я захотел помолиться на коленях и не смог. Я не могу никого видеть. Моя миссия закончена. Это всё. На этом вы меня оставите.

После этого он спросил:

– Я смогу пить немного воды или арбузного сока? Больше мне ничего не нужно. И я тебя попрошу: приди ко мне ещё один раз – а после этого уже не приходи.

«В последний раз я его видел, – рассказывает лечащий врач Старца господин Георгий Бладзас, – за

семь дней до его кончины. Я, видимо, выглядел расстроенным. Меня тогда мучил вопрос: делаем ли мы, врачи, по отношению к больным всё как надо, Старец сказал мне:

– Послушай, Георгий. Всё было сделано наилучшим образом. Ты достоин своей mzды. Не горюй. Я хочу, чтобы ты знал о том, что если я тебе понадобится, то буду рядом с тобой.

– Геронда, Ваша печень сильно увеличилась в объёме, и она у Вас болит, – сказал я ему, – потому что рак дал на неё жуткие метастазы.

Старец улыбнулся:

– Ну, печень – это предмет моей гордости. Она меня довела до семидесяти лет, и сейчас она же, так быстро, как только может, отправляет меня туда, куда мне надо уйти. Так что насчёт этого не расстраивайся, всё у меня прекрасно».

Старцу было уже трудно дышать. Рядом с его кроватью стоял баллон с кислородом, который использовался, когда ему становилось невыносимо. Делать себе обезболивающие уколы Старец не давал. Он не хотел совсем не чувствовать боли. Единственным лекарством, которое он принимал, был кортизон – он пил его для того, чтобы до последнего дыхания быть в состоянии самому ухаживать за собой.

Старец желал возвратиться на Святую Гору Афон. Он хотел почить и быть безвестно погребённым там – в Саду Пресвятой Богородицы, на своей духовной Родине. Старец даже просил одного из своих духовных чад подготовить место, где он мог бы дожить свои последние недолгие дни. Он понимал, что жить в таком состоянии в «Панагуде» один он бы уже не смог. В среду Старец стал готовиться к отъезду, ко-

торый был запланирован на понедельник. Но внезапно его состояние резко ухудшилось. Губернатор Святой Афонской Горы предложил перевезти Старца на вертолёте, но врач официально заявил, что по дороге Старец может умереть. Конечно, такие виды транспорта, как вертолёт, не нравились и самому Старцу.

Когда ему стало чуть лучше, он вновь запланировал отъезд на Афон, но этому помешало ухудшение его состояния. За трудностями и препятствиями скрывалась воля Божия. То есть Богу было угодно, чтобы Старец Паисий был погребён в миру, Он знал, что подобно тому как люди нуждались в Старце, когда он был жив, они будут нуждаться в нём и после его кончины.

Поэтому Старец решил остаться и быть погребённым в монастыре Суроти, рядом со своим Святым – преподобным Арсением Каппадокийским. Вероятнее всего, он принял окончательное решение, руководствуясь ясным, полученным от Бога извещением.

Старец попросил привезти ему с Афона облачение великой схимы и куколь. Он указал место своей могилы и дал указание о том, как должно пройти его погребение.

Последние несколько дней, когда проведать Старца заехали два знакомых епископа, он попросил их прочесть над ним разрешительную молитву. Причащался он регулярно. С трудом и страданиями, но самостоятельно приходил в церковь. Когда сёстры предлагали ему, чтобы священник причащал его в келье, он отказывался, говоря:

– Не Христос должен идти ко мне, а я к Нему.

Боли становились всё сильнее и сильнее. Настал момент, когда они имели одинаковую силу и цену с

теми страданиями, которые претерпевали святые Мученики.

– Геронда, Вам больно? – спросил один святогорский монах, видя Старца спокойным и мирным.

– Я привык к боли, – ответил он.

И действительно, за свою жизнь он сроднился с болью. Он не впадал в панику, не роптал, но терпел и славословил Бога. Находясь в этом состоянии, он размышлял о страданиях святых Мучеников, погружаясь умом в пережитые ими мучения. Он говорил: «Болезни принесли мне такую пользу, какую не принесла мне вся подвижническая монашеская жизнь».

Время от времени Старец пел церковные песнопения, желая рассеять боль, которую было трудно терпеть, и «восполнить» пением те невольные стоны, которые у него вырывались.

В день памяти святой великомученицы Евфимии 11 июля (н. ст.), в понедельник, Старец причастился последний раз в жизни. Он причастился в келье, стоя на коленях на кровати, потому что пойти в церковь уже не мог.

Он прекратил принимать людей. Зная о приближающейся кончине, он не желал, чтобы даже сестры входили в его келью. Когда ему что-то было нужно, он стучал в стену и звал ухаживающую за ним сестру. Он хотел быть один, неотвлечённо молиться и более тщательно подготовиться к своему исходу. В естественных человеческих нуждах он до конца обслуживал себя сам. Его страдания были невообразимы, однако он был радостен и мирен.

Его последняя ночь была мученической. В боли он призывал Пресвятую Богородицу. «Сладкая моя Панагия», – говорил он. Потом потерял сознание и около

двух часов был без чувств. Придя в себя, он угасающим голосом произнёс: «Мученичество, настоящее мученичество». После этого он мирно испустил дух. Был вторник, 12 июля 1994 года (н. ст.) одиннадцать часов утра. По старому календарю – 29 июня, память святых первоверховных апостолов Петра и Павла.

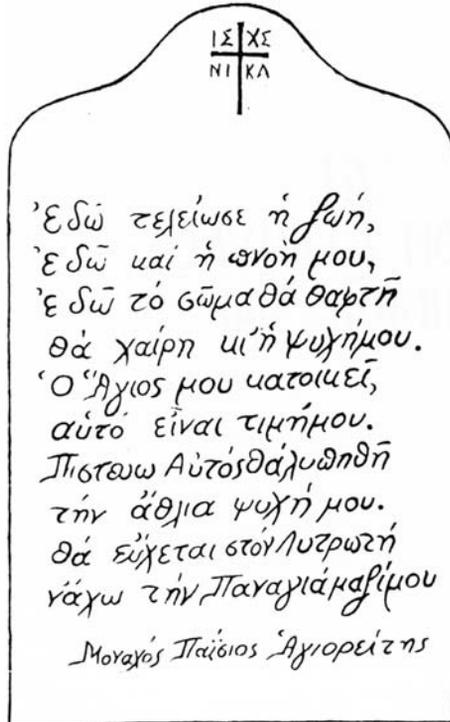
Старец был погребён за алтарём храма преподобного Арсения Каппадокийского. О его кончине и погребении никто не узнал. Такова была его воля. Он хотел, чтобы его похоронили тихо и незаметно.

Через три дня, когда о его кончине стало известно, началось невообразимое. Толпы людей со всей Греции приезжали поклониться его могиле. Любовь и благоговение к Старцу были неподдельны. Одни призывали его как Святого, другие от благоговения брали землю с его могилы. Люди, имевшие что-то из личных вещей Старца, считали это великим благословением.

«Панагуда» – келья Старца на Святой Горе – подверглась «благочестивому разграблению». Паломники подлезали под сеткой забора и карабкались на балкон, желая иметь благословение от Старца, люди расхватывали всё, что попадалось под руку: кружки, ножи, деревяшки, пыльные коврики, верёвки, бумаги и даже пеньки, которые он использовал вместо стульев. К таким действиям никто никого не призывал и не подталкивал – это было стихийное выражение любви.

Многие – особенно те, кто был Старцем облагодетельствован, – задыхались от плача и слёз. Люди почувствовали, что Старца с ними не стало, ощутили себя сиротами. Но впоследствии им воссияла утешительная надежда – они поняли, что теперь Старец находится вблизи Святой Троицы, где предстательствует о всех.

На мраморной плите, которую положили на неза-
тейливую могилу Старца, были выбиты стихи, напи-
санные им самим:

Здесь жизни прервалось земной
Последнее дыхание.
И Бога молит Ангел мой
Души во оправданье.
А рядом мой Святой одет
В небесные одежды,
Душе вымалывает Свет
Спасительной надежды,
Где Светлая Мария –
Святая Панагия.⁽¹⁾

монах Паусий Святогорец

⁽¹⁾ В свободном переводе на русский язык. – Прим. пер.

глава четырнадцатая

ПОСМЕРТНЫЕ ЧУДЕСА

Могила Старца в Суроти.

«Не отступи от нас»

Старец не перестал помогать людям и после своей кончины. *«Не то́кмо бо, егда́ во плóти бе чудотвори́ в лю́дях, но и по егó кончи́не... Не отступí от нас, но со вѣщею пóмощию печѣтся же и забóтитя о нас»⁽¹⁾*. Освободившись от тленного и восприимчивого к болезням тела, он может ещё быстрее и легче спешить «на помощь верою призывающим его». А иногда он спешит на помощь и не будучи позванным – ко многим, кто о нём ничего не слышал, и к тем, кто равнодушен к вере. Люди прибегают к Старцу Паисию и просят его молиться, потому что они верят в его святость. Его могила стала местом всеправославного поклонения. Это место имеет много благословений и Благодати. Там собираются страждущие и утешаются скорбящие. Могила Старца стала новой Силоамской купелью, где исцеляются болящие и происходят многие чудеса. Местом поклонения стала и убогая келья Старца на Святой Афонской Горе. Ежедневно, желая поблагодарить Старца или посмотреть, где он жил,

⁽¹⁾ *Кирилл Скифополит. Житие Евфимия Великого. Лейпциг, 1993. С. 82. – Κυρίλλου Σκυθοπολίτου. Βίος Ἁγίου Εὐθυμίου τοῦ Μεγάλου. Ἔκδ. Schwartz E. Leipzig. 1993. S.82.*

сюда приходят люди, которые знали Старца при его жизни и получили от него благодеяние.

Святые совершают чудеса, являются людям и исцеляют их. Мы видим это и на примере Старца Паисия – и не только при его жизни, но и после кончины. Особую помощь Старец оказывает страдающим раком и бесноватым. Он помогает в дорожных авариях, несчастных случаях, спасая их от гибели. Многим больным Старец являлся в больницах. Различные личные вещи Старца чудотворят и источают неизреченное благоухание.

Исчислить посмертные чудеса Старца невозможно, к ним постоянно прибавляются всё новые и новые. «*Ради словесé истины*» ниже приводятся очень немногие избранные чудеса Старца, заверенные свидетельства о которых представили нам их очевидцы.

Благоухание Благодатное дарование благоухания не исчезло и после кончины Старца. Многие ощущают благоухание, поклоняясь его могиле, посещая его келью на Святой Афонской Горе, некоторые чувствуют, как благоухание исходит от его личных вещей или одежды.

Как свидетельствуют монахи, унаследовавшие келью Старца, «первое время после его кончины, почти все, посещавшие “Панагуду”, ощущали отчётливое благоухание. Особенно сильно благоухало место за проволочной калиткой возле крана с водой, там, где у Старца стояла банка с лукумом. В этом месте утолили свою жажду множество людей – нуждавшихся и жаждущих. Однако большинство приходивших мучились от духовной жажды, которая была утолена не водой, а словами Старца.

Впоследствии это благоухание уменьшилось, но совсем не исчезло. Как-то один благоговейный паломник прикладывался к иконам в храме “Панагуды”. Выйдя из храма в коридор, он был буквально “залит” необыкновенно сильной волной благоухания. Возможно, благоухание было доказательством присутствия здесь Старца, по-своему “приветствовавшего” этого человека».

Свидетельствует отец А. К.: «В тот год, когда скончался Старец, на престольный праздник в келье “Панагуда” совершалась Литургия. Во время Литургии я чувствовал очень сильное благоухание, которое сопровождало меня до монастыря Кутлумуш. Потом это благоухание исчезло».

Господин Василий Цолакис, полицейский из находящейся неподалеку от города Пеллы деревни Ликостомо свидетельствует: «В 2001 году моя супруга Елена повезла в Салоники нашего сына Николая. Мальчику надо было сделать медицинское обследование, он страдал почечной азвестоурией. В дорогу жена взяла почитать одну из книг Старца Паисия. Вдруг из раскрытой книги стало исходить тонкое благоухание, его ощутил и мой сын. Обследования показали, что здоровье ребёнка в полном порядке. По сей день он чувствует себя прекрасно. Моя супруга после этого с книгой Старца Паисия не расстаётся».

Изгнание беса

Свидетельство Евангелоса К. из Салоник: «С двенадцати лет я мучился от вселившегося в меня беса. Моя жизнь была сплошным мучением. Надо мной читали заклинательные молитвы, но после них я чувствовал себя так, словно меня избили.

В первую субботу Великого поста 1995 года духовник благословил меня поехать вместе с ним на Всенощное бдение в Суроти. Перед тем как мы отправились в путь, я почувствовал необычайно жестокую брань. В течение всего бдения меня совсем не клонило в сон. Я сидел на полу в центре храма, вокруг стояли монашки. Когда бдение закончилось, священник стал совершать водосвятный молебен. Я пришёл в бешеное состояние, когда меня повели приложиться к мощам святого Арсения Каппадокийского. Я впервые почувствовал, что бес жжёт мне не только душу, но и тело. Вот даже сейчас: пишу об этом, а волосы встают дыбом. Потом я с трудом пытался сказать: “Паи... Паи...” Игуменья спросила меня: “Паисий?” Я кивнул. После этого я впал в жуткий кризис беснования, стал визжать, меня принесли к могиле, и там я три раза прокричал слово: “Святой!” Я хотел убежать, вырывался из рук державших меня людей, но они силком приложили меня спиной к могиле Старца. И в этот момент я увидел Старца Паисия – он словно поднимался, проснувшись от сна. Он был живым, а не мёртвым. Я видел его от пояса и выше. Это точно был он: с бородой, в рясе. Видение продолжалось лишь мгновение. Старец положил руку мне на лоб, и в тот же момент из моего рта вырвался чёрный дым. Я совершенно успокоился, однако телесная боль ушла не сразу. Я уснул, но от боли несколько раз просыпался со словами: “Мне очень больно, мне очень больно”.

После этого я около сорока дней чувствовал такую радость, что от этой радости плакал. И тогда я сказал такие слова – возможно, они были очень и очень дерзкими: “Боже мой – сказал я – если бы я даже мучился так, как раньше, ещё целую жизнь, то ничего

страшного, мне хватит того, чтобы пережить эту радость ещё раз – хотя бы на одну минуту”».

Спасение ребёнка Приходской священник из деревни Керасья в районе Неа Миханиона неподалёку от Салоник, иерей Христос Цандалис, отец девяти детей, свидетельствует: «Мои дети забрались на плоскую крышу нашего дома. Там был открыт люк осветительной шахты, которая спускалась вниз. Дети стали прыгать через этот люк. Один из сыновей, шестилетний мальчик с задержкой речевого развития, который ещё не разговаривал, тоже захотел перепрыгнуть через этот люк, но не смог, оступился и камнем полетел в шахту. Он упал с четвёртого этажа на первый. С трепещущим сердцем я открывал внизу дверцу этой шахты, готовясь увидеть страшное зрелище – разбившегося ребёнка. Каково же было моё изумление, когда я увидел сына, жёлтого от страха, но целого и невредимого. Я отвёз его в больницу. Осмотрев мальчика, врачи убедились, что на нём нет ни царапины, ни малейшего перелома.

Мы поняли – произошло чудо. Я подумал, что ребёнка спасла чудотворная икона Пресвятой Богородицы, которая находится в храме нашего села Неа Миханиона. Я привёл сына к иконе и спросил его: “Это Она тебя спасла?”. – “Нет”, – ответил малыш. Он подвёл меня к фотографии Старца Паисия и стал показывать на неё пальцем, давая понять, что его спас Старец».

Явление во сне

Свидетельство Екатерины Пате-
ра: «Я мучаюсь от остеопороза.

Один врач прописал мне таблетки. Я начала их пить и за несколько дней похудела на десять килограммов. Чувствовала я себя очень плохо, была сильно истощена. Однажды вечером, ложась спать, я посмотрела на фотографию Старца и сказала ему: «Отец, я себя плохо чувствую». И вот он явился мне во сне и сказал: «Я пришёл, потому что ты меня звала. Почитай-ка как следует бумажку, которая вложена в упаковку с таблетками, которые ты пьёшь». После этого он исчез. Я вскочила с кровати, вытащила из коробочки с таблетками бумажку и, прочитав её, увидела, что эти таблетки предназначены страдающим от ожирения. Ох, если бы я продолжала их пить, я бы точно отдала Богу душу! А Старец – он находится рядом с нами, просто мы его не видим».

**Чудесное явление
и помощь**

Свидетельство жителя города
Пафос на Кипре господина Ни-
колая Ксинариса: «Я сантехник.

Однажды, в июле 1997 года, закончив работу, я собирал инструменты и складывал их в машину. Смеркалось, видно было плохо. Рядом с машиной была натянута проволока, на которой сушат бельё, а на ней с краю болтался ещё один кусок проволоки. Острый край этого куска был загнут подобно крючку – сантиметра два длиной. В темноте я его не заметил. Собрав инструменты, понёс их к машине и наткнулся на крючок, который воткнулся мне прямо в глаз. Я застыл на месте, как попавшаяся на крючок рыба. Из всех сил я закричал: «На помощь!» Хозяин дома, где я работал, выбежал, увидел меня и пообещал, что сейчас вытащит этот крючок. Я

отказался, боясь, что, вытаскивая крючок, он сделает меня слепым. Я попросил его принести из моей машины кусачки – откусить проволоку и отвезти меня в травматологический пункт, чтобы проволоку из глаза мне вытащили врачи.

Пока он искал в машине кусачки, я плакал, мне было жалко детей. У меня их трое, и я не хотел, чтобы их отец был слепым.

И вот в это мгновение передо мной возник худой человек, одетый в чёрную рясу. Увидев его, я перекрестился. У меня начался озноб. Я почувствовал, как он взял меня рукой ниже щеки и толкнул мою голову вверх. В то же мгновение кусок проволоки выскочил из моего глаза.

Когда хозяин принёс кусачки, они не понадобились. Он повёз меня в травматологический пункт. Врачи обследовали меня, я рассказал им о том, что со мной произошло, но они мне не верили. На моём глазе, прямо на зрачке, виднелся след пореза. Врачи дали мне мазь и сказали, что три-четыре дня мне надо носить на глазе повязку.

На следующий день я зашёл в магазин и на стене увидел фотографию человека, который мне явился. Я спросил у хозяйки магазина, кто это такой. Она сказала, что это очень известный монах, его имя Паисий. Я хотел во что бы то ни стало купить у неё эту фотографию, потому что она была для меня бесценна. Стал просить хозяйку, чтобы она мне её продала, предлагая ей за эту фотографию любые деньги, но она вместо фотографии подарила мне книгу о Старце Паисии. Я прочитал эту книгу за день. И теперь она всегда находится у меня в машине – как охраняющая меня святыня».

Осязаемое присутствие

В 2000 году один из рас-
 троганных паломников
 прислал следующее свидетельство: «Когда Старец Паисий был ещё жив, я в числе большой группы паломников приехал на Святую Гору. Мы вышли из Иверского монастыря, желая посетить Старца в его келие. Однако, к несчастью, по дороге мы заблудились и найти его келью не смогли.

В 1998 году, вновь приехав на Афон, я пошёл в его келью, чтобы поклониться, по крайней мере, месту, где он жил. Сам Старец в это время уже скончался. Я чувствовал великую радость и тишину. Однако, когда я уходил из “Панагуды”, к великой радости прибавилась не меньшая скорбь. “Почему, – думал я, – я не встретился со Старцем в прошлый раз, когда мы были на Афоне? Ведь если только посещение его кельи наполнило меня столькой радостью, то сколь невообразимым было бы благословение от знакомства с ним самим! Я, по-видимому, великий грешник, раз Бог лишил меня этой радости”.

Меня угнетала невыносимая скорбь. Я еле сдерживался, чтобы не расплакаться. И вот, когда погружённый в эти мысли, я пошёл по тропинке вниз, чтобы выйти на большую, выложенную камнями тропу, ведущую в Иверский монастырь, я почувствовал, как сзади меня крепко обняла чья-то рука. Потом эта рука нежно похлопала меня по спине, и я услышал утешающий голос: “Ну, давай, парень, иди с Богом”⁽¹⁾. В то же мгновение всё вокруг наполнилось очень сильным благоуханием, а мою душу переполнило неизречённое радование, которое совершенно

⁽¹⁾ Достоинно замечания то, что и похлопывание по спине, и эти слова были обычными для Старца, но свидетель этого не знал.

разогнало мою прежнюю скорбь. Хотя я и не видел лица Старца, но чувствовал себя так, словно с ним познакомился».

***Помощь Старца в
дорожно-транспортных
происшествиях***

Житель Афин, господин С. родом из города Каламаты, рассказывает, что он ехал на своём автомобиле в Янину. По дороге на большой скорости он лоб в лоб столкнулся со встречным автомобилем. Машина господина С. в буквальном смысле слова разлетелась на куски, а сам он с серьёзной черепно-мозговой травмой был тут же госпитализирован и помещён в реанимационное отделение.

Находясь там, он увидел светлое облако, а в нём – пожилого монаха. Господин С. был невоцерковлённым человеком, однако за несколько дней до аварии, один из знакомых рассказывал ему о благодатном Старце Паисии. Поражённый видением, этот человек непроизвольно спросил неизвестного инокка:

– Ты Старец Паисий?

Старец не ответил. Он улыбнулся, ласково погладил его по голове и сказал ему:

– Не бойся, поправишься!

Господин С. пришёл в себя. Он был смущён необычным явлением, но, несмотря на то что не был до конца уверен в том, кто его чудесный посетитель, верил в истину сказанных ему слов. Взмолванный, он рассказал о явлении врачам. Врачи, видя по-человечески необъяснимое улучшение его состояния, в изумлении подтвердили:

– Действительно, произошло чудо!

Когда господина С. выписали из больницы, он проходил мимо книжного магазина и с удивлением увидел фотографию своего спасителя на обложке одной из выставленных в витрине книг. Так господин С. узнал, кто был его благодетель, и, исполненный благодарности, купил и прочёл эту книгу. В январе 1998 года этот человек приехал на Афон, пришёл в «Панагуду» и взволнованно рассказал о том, что с ним произошло. Явление Старца – помимо того что спасло этого человека от верной смерти – в корне изменило его жизнь вообще. Этот человек нашёл себе духовника и поисповедовался. Он прекратил мирскую греховную жизнь, несмотря на то что родные всячески побуждали его к такой жизни. «Мне уже невозможно продолжать жить так, как раньше, – со слезами говорил он, – потому что я вспоминаю улыбающееся светлое лицо Старца Паисия».

* * *

Свидетельство одного святогорского монаха: «Однажды в “Панагуду” пришли два мирянина. Приложившись к иконам в храме, они попросили нас рассказать им что-то о Старце. Помимо прочего, я рассказал этим людям о том, что от приходящих в каливу паломников мы имеем много свидетельств о посмертных чудесах Старца: явлениях, исцелениях, помощи в авариях. Когда я произнёс слова “помощь в авариях”, в глазах одного из пришедших заблестели слёзы, и, повернувшись к своему другу, он взволнованно сказал:

– Видишь! И в авариях тоже!

Потом они попросили рассказать хотя бы об одном чуде и хотели услышать именно о помощи в авариях. Я рассказал им о случае с господином С.⁽¹⁾ Когда, рассказывая о явлении Старца, я произнёс: “И вот в светлом облаке перед ним явился монах”, человек, который прерывал меня раньше, не сдержался и закричал:

– И мне в облаке!

И вкратце рассказал о своём чудесном спасении. Он был так взволнован, что большего рассказать не мог: “Мчась на мотоцикле со скоростью сто сорок километров в час, я столкнулся с такси и влетел в него, как клин... Вдруг передо мной открылось светлое облако, в котором явился монах... И вот, несмотря на такое страшное столкновение, я остался цел и невредим! Моя жена стала мне говорить: “Поищи-ка в книжках, погляди фотографии, чтобы узнать, что за Святой тебя спас”. В первый раз я увидел фотографию Старца в одном из календарей, изданных Афониадой. Это была фотография, на которой Старец стоял в окружении учеников школы... Этот человек спас мне жизнь...»

* * *

Рассказ благочестивого женатого священника, студента Фессалоникийского университета. «Недавно ко мне пришёл один юноша и сказал: “Отче, вчера я должен был умереть, но Бог меня спас. На большой скорости я ехал на мотоцикле и, столкнувшись с машиной, отлетел далеко в сторону. После столкновения я увидел, как какой-то старичок

⁽¹⁾ Смотри выше – стр. 359–360.

крепко хватает меня за правую руку. Так я остался цел и невредим”.

Я, – продолжает священник, – показал юноше иконы некоторых святых и фотографии современных старцев. Увидев фотографию Старца Паисия, молодой человек взволнованно закричал: “Это был он, он!”

Через несколько дней юноша снова пришёл ко мне и рассказал о том, что только что обнаружил в кармане куртки, которая была на нём во время аварии, икону Христа и фотографию Старца Паисия Святогорца. Карман был на правом предплечье – точно в том месте, за которое схватил его Старец. Фотографию и икону тайком положила туда его мать».

Воскрешение от духовной смерти

Однако самые удивительные совершённые Старцем чудеса – как по количеству, так и по «качеству» – это чудеса нравственные. Многие люди, равнодушные к вере, убеждённые атеисты, не имевшие нравственных ограничений, – либо после посмертного явления Старца, либо (чаще всего) после прочтения какой-то из его книг – духовно воскресли, ревностно вошли в Церковь, а некоторые вступили и на поприще монашеской жизни.

Один юноша жил в неведении и во грехе. Когда – конечно, не случайно – в его руки попали «Письма» Старца Паисия, он в буквальном смысле слова был потрясён. Его жизнь изменилась, и сейчас он собирается стать монахом.

«Шесть лет назад, – признаётся ещё один молодой человек, – я был анархистом, носил серёжки и принимал наркотики. Один парень из нашей компа-

нии дал мне книгу Старца Паисия. От любопытства я стал её листать, заинтересовался и “проглотил” её залпом – за ночь. С этого момента изменилась вся моя жизнь». Подобных свидетельств можно было бы привести очень много.

Господин Георгиос Николау, живущий в афинском районе Амбелокипи, прислал следующее свидетельство: «В один из воскресных дней октября 1996 года я приехал с моим другом на службу в монастырь святого Иоанна в местечке Кареас. Была годовщина кончины моей матери, и я хотел заказать поминовение. Это было моё первое посещение церковной службы за много лет.

Когда закончилась Божественная Литургия, мы пришли в монастырскую книжную лавку, где я увидел одну из книг Старца Паисия. Моё сердце радостно затрепетало. Я тут же купил эту книжку, и когда вернулся домой, то первым делом сел её читать. В тот момент, когда я читал стихотворение, которое Старец написал на обратной стороне фотографии, присланной матери после монашеского пострига, во мне что-то изменилось. Я начал плакать, буквально рыдать. Моё сердце размягчилось, и сквозь слёзы я стал просить Бога: “Боже мой, молитвами святого Старца Паисия помоги и мне стать монахом!” Я этих слов не обдумывал, они вырвались у меня сами. И удивительное дело: сейчас, спустя шесть лет, я действительно готовлюсь стать монахом.

А тогда, читая эту книгу, внезапно на несколько секунд я потерял ощущение пространства и времени и увидел святого Старца Паисия. Старец держал за руку мою почившую мать. Я был потрясён, потому что видел Старца и мать совершенно живыми,

настоящими! Я рассказал об этом одному старцу, имеющему дар рассуждения, и он сказал мне, что это явление было истинным, что это не бесовская фантазия. Я стал ходить на службу каждое воскресенье и во все церковные праздники. Потом, незадолго до Рождества 1996 года, я впервые поисповедовался и почувствовал в душе великую радость. Такое я переживал впервые. Тишину в душу приносит только Христос.

В мае 2002 года я удостоился приехать на Святую Афонскую Гору, в келью Старца «Панагуда». Находясь в келье, я время от времени чувствовал неизречённое благоухание – и не только внутри каливы, но и во дворе».

***Шарф Старца
исцеляет опухоль***

Женщина по имени Филица из города Волоса рассказывает: «Моя сестра сделала рентгенограмму молочной железы, и у неё была обнаружена опухоль. Она пришла в отчаяние, и я оказалась в трудном положении, будучи не в состоянии помочь ей и успокоить её.

Моя близкая подруга имеет великое сокровище: шарфик Блаженного Старца Паисия. Я пришла к ней и с поклоном попросила у неё эту святыню. Дрожащими руками прижав шарф к груди, с сильно бьющимся сердцем я прибежала к своей больной сестре и положила ей этот шарф на протянутые руки. Сестра со слезами на глазах подошла к иконе и стала молиться. Я пожелала ей скорейшего выздоровления и тут же возвратила святыню подруге.

Через четыре-пять дней сестре вновь сделали рентгенограмму груди. Чудо произошло! Никакой

опухоли на снимке не было. Она исчезла без следа. Великую Благодать имеет Старец Паисий!»

Исцеление бесноватой

Декабрьским утром 1996 года, в церковной лавке монастыря Суроти находились сестра, несущая там послушание, одна семейная пара с маленькой девочкой и пожилым мужчиной – отцом мужа или жены, две женщины средних лет и один молодой мужчина. Вдруг раздался пронзительный крик. Одна из двух женщин средних лет – довольно высокого роста и плотного телосложения – повалилась на пол и принялась биться и громко реветь. Она быстро трясла головой взад и вперёд. Зрелище было жутким. Женщина с девочкой вышла из лавки, а остальные подбежали, чтобы помочь несчастной, которая рычала, задыхалась и жутким, угрожающим мужским голосом кричала: «Я вам задам за то, что вы мне не верите! Я вам покажу... Вот ещё, ещё немножко, и я вам всем поставлю на руку число 666... Все вы мне будете поклоняться... Сволочи, идиоты...» – и другие подобные ругательства. Потом она завизжала и закричала таким голосом, что стало ясно, что она кого-то боится: «Паисий, ты меня жжёшь, жжёшь! Ты хочешь отправить меня обратно в тартар!.. И эта мерзавка тоже: всё таскает меня по монастырям... Что ты ей помогаешь? Ты меня жжёшь, жжёшь». Она кричала жутко – всё сильнее и сильнее. Билась она так сильно, что присутствовавшие боялись, что она проломит себе голову. Было видно, что её мучает бес.

«А-а-а, а-а-а, – закричала она опять. – Вот, сейчас пришла ещё и Мария... Ты жжёшь меня, Паи-

сий», – сильно прокричала она и потом вдруг перестала биться. Она выглядела так, словно потеряла сознание.

Присутствовавшие со страхом приблизились к ней, пытаясь ей помочь, а женщины прикрывали её одеждой. Приведя её в порядок, они подняли несчастную с пола. Её глаза открылись, и она мирно и тихо заплакала. Из глубин её сердца изливались слова благодарности:

«Благодарю тебя, Геронда... Благодарю Тебя, Боже мой», – она вновь и вновь со многими благодарностями произносила эти слова. Потом подошла к одной из икон Христа и Пресвятой Богородицы и с сильными рыданиями поверглась пред ними ниц, восклицая: «Боже мой!.. Боже мой!.. Как же ты снизошёл ко мне, недостойной... Благодарю Тебя, Боже мой, благодарю тебя, Геронда!.. Такой помощи, Боже мой, я недостойна».

Вся эта сцена была очень волнующей. Потом эта женщина и её спутница с благодарностью попрощались с монахиней и ушли.

Эта женщина была одержима бесом. Уходя, она рассказала монахине, что накануне ночью видела во сне Старца Паисия, который сказал: «Приезжай на мою могилу, и я тебя исцелю». Несчастливая приехала в монастырь, спросила, где могила Старца и поклонилась ей. Потом она зашла в лавку, где с ней и произошло всё описанное.

***Исцеление поражённого
глаза***

Свидетельство госпожи Ларисы Николаевны Масловой, врача из города Москвы: «В результате несчастного случая

мой левый глаз совершенно ослеп. На “Скорой” меня привезли в Первую градскую больницу города Москвы. В палатах места не было, и поэтому меня положили в коридоре. Всю ночь я совсем не спала: молилась и сильно переживала. Ближе к утру, когда я находилась как бы между сном и бодрствованием, ко мне пришёл батюшка Паисий. Я ясно увидела его перед собой и узнала его, потому что раньше читала книгу о его жизни. Старец накрыл мне голову каким-то полотенчиком и стал невидим. В тот же момент я поняла, что мой слепой глаз стал видеть. Утром пришли врачи, но их помощь не понадобилась. В больнице я была с 4 до 11 февраля 2002 года. Номер истории болезни 31171.

Благодарю Господа за оказанную мне милость и батюшку Паисия за его помощь».

A decorative border with intricate, repeating scrollwork and floral patterns surrounds the text.

Часть вторая

**ДОБРОДЕТЕЛИ, ДАРОВАНИЯ
И ПРИНОШЕНИЕ СТАРЦА
МИРУ**

ελαβα περβα

ДОБРОДЕТЕЛИ СТАРЦА

*Отец Паисий помогает реставраторам в мастерской
монастыря святой Екатерины на Синае.*

Крайнее странничество или уклонение от мира

Уходя из мира на Святую Афонскую Гору, Старец порвал связь с родственниками. Он сделал это для того, чтобы стяжать добродетель странничества, которая на лестнице монашеских добродетелей является первой ступенью.

Оторваться от своей семьи не было для Старца делом лёгким и безболезненным. Ведь он был очень привязан к своим родителям, братьям и сёстрам. Его любовь к ним доходила до жертвы. Он говорил: «Вначале для желающего вступить в монашество очень болезненно выйти из своей малой семьи и вступить в великую семью Адама, семью Бога».

По этой причине, в начале своего отречения, от любви к родным Старец испытал страдания. По его собственным словам, «диавол жарил его, как на сковороде». Однако он с мужеством подъял борьбу против привязанности к родным, и, Благодатью Божией, его сердце и ум от них оторвались. Старцу удалось стяжать добродетель совершенного странничества.

Когда, уже будучи монахом, он впервые приехал к себе на родину поправить здоровье, в родительском доме он не остановился, но ночевал в расположенных на окраине города часовнях и храмах, чтобы соблюсти данный им монашеский обет о хранении

странничества. Позже, перейдя жить в дом госпожи Патера, куда к нему приходили врачи делать уколы, он, понимая, что пища, которую ему предлагали, была прислана его матерью, отказывался её есть. Он любил мать сверх меры, но, несмотря на это, став монахом, перестал называть её матерью. Матерью он называл госпожу Елену, которая приняла его в своём доме и которую он любил, как духовную мать. Как-то раз ему подарили шерстяные носки, но он, узнав, что их связала его сестра Христина, от них отказался.

Когда Старец жил в монастыре Стомион, который находится рядом с его родным городом, он ни разу не остался на ночь в родном доме или в домах своих сестёр. Единственным исключением был случай, когда в Коницу приехал отец Герасим (Стояс), старый афонский монах, духовный наследник Старца Хаджи Георгия. Отец Герасим остановился в доме родителей Старца и очень упрашивал его прийти туда и встретиться с ним. Чтобы его не огорчать, Старец Паисий уступил его просьбам.

Один его знакомый с недоумением спросил, почему он не приходит в родительский дом, Старец ответил: «Поскольку, ради любви ко Христу, я оставил моих родителей и дал обет [странничества], я уже не могу жить в родительском доме. Сейчас мои родители, братья и родственники – это весь мир».

Почувствовать родственную связь со всеми людьми – это было и более отдалённой целью его уклонения от мира. Он говорил: «Я не сделал ничего доброго, а Благий Бог – несмотря на то что у меня семь братьев и сестёр – даровал мне ощущать своими братьями и сёстрами людей всего мира».

Однажды, когда Старец жил в Иверском скиту, его посетил младший брат Лука с одним из своих знакомых. Немного поговорив, они попросили Старца пойти вместе с ними поклониться святыне в Иверский монастырь. Старец показал им дорогу в Ивирон, говоря: «Глядите, Иверский монастырь – в той стороне. Если вы хотите туда пойти, то идите». Они ушли в слезах. «Хоть люди они и благоговейные, но что такое монашеская жизнь, они не поняли», – говорил потом Старец.

В другой раз, когда Старец жил уже в «Панагуде», туда приехал его старший брат с ещё одним паломником. Они пришли усталые, однако Старец принял их за калиткой у крана с водой. Он побеседовал с ними, но внутрь каливы их не завёл, на ночь у себя не оставил и вещи и продукты от них не принял. Однако, уже зная о его правиле, посетители не огорчились. Но в другой раз Старец оставил у себя на ночь своего племянника, потому что тот нуждался в духовной помощи. Конечно, если на то имелась серьёзная причина, Старец оставлял у себя и любого другого человека. Когда кто-то спросил его, кто этот юноша, Старец с улыбкой ответил: «Мой племянник». И потом шёпотом, чтобы юноша не услышал, добавил: «Ну и что из того, что он мой племянник? Разве моряк имеет огород? Так что же, я – монах – буду иметь родственников?»

Однажды младшая сестра Старца приехала в Суроти, чтобы его повидать. Он заставил её ждать несколько часов. В конце концов, после всех, он принял её на одну минуту, не присаживаясь, стоя на ногах, да вдобавок ещё и отчитал её за то, что она приехала. Даже перед кончиной, когда он был болен и его

братья и сёстры приехали его увидеть, он сказал им: «Ну что вам здесь нужно, зачем вы приехали? Ведь здесь монастырь». До конца своей жизни Старец был выше родственных связей и чувств. Особенно внимательно он соблюдал это правило в монастыре – не желая давать монахиням даже самого малого повода к соблазну.

Людей душевных⁽¹⁾, тех, кто не постигает и не принимает того, что от Духа, возможно, соблазнит отношение Старца к его родным. Ведь душевные люди не знают, что Бог и обеты монашеской схимы требуют от монаха быть чужим к своим родителям по плоти. Чужим – не от ненависти или отвращения, но чтобы быть подражателем Господа, ставшего Странником ради нас, а ещё для того, чтобы возлюбить всех людей равной любовью.

Став монахом, Старец заключил с Богом «тайное соглашение» о том, что о его родных будет заботиться уже Он. Если бы Старец старался помогать родным, заботился бы о них, то это соглашение было бы нарушено. Он возложил своих родных на Бога раз и навсегда – и больше за них не волновался. Абсолютное доверие тому, что он вручил своих родных в более надёжные руки, было и тайной, непрестанной молитвой Старца о них. Поэтому о родных он даже не молился. «По крайней мере, после того как я стал монахом, я ни разу не молился о моих родителях по плоти», – писал он в одном из своих писем. Он лишь вписал имена родных в помянник, чтобы священник, совершавший Литургию в его келье, поминал их на проскомидии.

⁽¹⁾ Ср.: 1 Кор. 2, 14.

Как-то раз он сказал следующее: «Я для своих родных не сделал ничего, не оказал им никакой помощи. А ведь я мог бы и собрать земляков, которые живут сейчас по всей Греции, мог бы, как монах, дать им духовные наставления...» Но к «нашим и не нашим», то есть к родным, он уже не возвращался. Он имел такое странничество, что однажды обмолвился: «Я даже не знаю, кто сейчас из моей семьи, братьев и сестёр жив, а кто умер».

Старец рассказывал: «Вчера утром ко мне пришёл один человек и сказал, что почила моя сестра Мария. “Ладно, – сказал я, – я её помяну”⁽¹⁾. Весь тот день я принимал людей. Ночью, поминая имена усопших, я забыл имя моей почившей сестры и стал вспоминать: “Чьё-то имя я забыл. Чьё же?” – и потом вспомнил, что это была моя сестра».

Когда Старец был новоначальным монахом, странничество помогало ему в монашеской борьбе. Однако когда он духовно возрос, то уже не подвергался опасности повредиться от общения с родными, потому что на всех людей смотрел уже одинаково, бесстрастно. Старец стяжал некую всемирность, он стал «отец всемирен». Но, несмотря на это, он с рассуждением выдерживал в отношениях с родными ту же дистанцию, что и раньше, делая это для того, чтобы не давать повода к уклонению от странничества юным и духовно слабым монахам.

После 1971 года (тогда он собирал материалы к Житию святого Арсения Каппадокийского) Старец Коницу уже не посещал, хотя местный архиерей и

⁽¹⁾ Вообще о своих родных Старец не молился. Только узнавая о кончине кого-то из них, он один раз читал «Непорóчны...», совершал об их упокоении одни чётки и из заздравного помянника переписывал их имена в заупокойный.

другие клирики его приглашали. Крайне редко, если для этого была духовная причина, он писал родным письма. В единственном письме, отправленном им матери, он написал, что оставляет её и что отныне его Матерью будет Пресвятая Богородица.

Родные, хотя до конца и не понимали его поведения, ему доверяли, принимали то, что он им говорил, и не обижались. Они знали, сколь сильно он любил их до того, как ушёл из мира, и о том, сколь много он для них сделал. Они верили, что он ведёт себя так из-за духовных причин, потому что он монах. Бог внутренне извещал родных Старца, и они не огорчались. Но надо сказать и о том, что даже в этой жизни родные Старца Паисия в некоторой степени были вознаграждены за то, что он так к ним относился: ведь помимо Божественной помощи они – как родственники Старца Паисия Святогорца – с избытком пользуются уважением, честью и помощью людей.

Монахам, которые спрашивали Старца о связях с родными, он говорил: «Нам не надо к ним прилепляться. Связь с родными – это утешение человеческое, тогда как мы, монахи, должны искать утешения от Бога. Монах, который очень любит своих родителей, остаётся духовно недоразвитым, и Господь не даёт ему этой Благодати – чувствовать родными всех людей и любить всех в равной степени. Да ведь, кроме того, странничество – это и данный нами при постриге обет. Ради любви ко Христу мы обещали Ему удалиться от наших родных».

Старец не принуждал всех монахов вести себя, как он. Он подогревал их любочестие и оставлял каждого из них вести себя свободно – в соответствии со своим духовным состоянием. Видя, что монахи имеют

добродетель странничества, он радовался; видя в них противоположное – огорчался. Когда он узнал, что один святогорский монах по серьёзной причине выехав в мир, не заехал в родной дом, его лицо просияло от радости.

Старец положил добродетель странничества твёрдым основанием монашеской жизни, до конца своих дней он последовательно и бескомпромиссно соблюдал обеты, данные им при постриге. Так ему удалось всей душой возлюбить Бога и, ощутив каждого из людей своим братом, стать достойным восхищения примером монашеского совершенства.

Святые отцы говорят, что «совершенное странничество бывает причиной таких подвигов».

Послушание

Послушником общежительного монастыря Старец был недолго. Однако уже в начале своей монашеской жизни он выучил наиважнейшую монашескую дисциплину – послушание – и получил по этому предмету отличную оценку. Вначале с радостным расположением он оказывал совершенное послушание своему игумену и старцу. Также он без рассуждения слушался членов монастырского Духовного собора. Когда он спрашивал их о том, как сделать то или иное дело или как поступить в том или ином случае, они отвечали: «Сделай так, как тебя просветит Бог». Однако такой ответ его огорчал: он хотел, чтобы старшие давали ему конкретные указания, он хотел совершенно отсечь свою волю. Самые тяжёлые экзамены на послушание Старец сдал, слепо слушаясь старца И., который, как сказано выше, нагружал его тяжёлыми работами, строго обличал его, делая всё это без ведома игумена. Добрый послушник терпел всё молча, укоряя себя. Он никогда не осуждал старца И. – даже в помысле. Он верил в то, что эти испытания Бог попустил за его грехи. В конце концов послушание отцу И. довело отца Паисия до кровотечения, и его положили в монастырскую больницу. Там он благодарил

Бога и молился за старца И., потому что получил от него пользу. «Он бил меня, как бьют пойманного осьминога, – говорил Старец, – но он очистил меня от всей внутренней нечистоты».

Старец опытно переживал Таинство Послушания. Опытю познав, какие блага приносит эта добродетель, он стремился к ней и искал её. Он говорил: «Знайте: весь секрет монашеской жизни заключён в послушании: в том, чтобы отсекал свою волю – если это возможно, то даже и перед тем, кто тебя младше, если, конечно, нет опасности ему повредить. Тогда приходит Благодать Божия. Уйдя из общежития, я остро чувствовал необходимость оказывать кому-то послушание. Когда я перешёл в Стомион, то ближайший ко мне монах, отец Серафим, жил от меня в девяти часах пешего пути. Поэтому я взял к себе в монастырь одного двенадцатилетнего незаконнорождённого ребёнка, которого все презирали, и сделал его своим старцем. Я его спрашивал: “Ну что, сынок, как ты думаешь, надо мне это делать?” И я делал то, что он мне говорил. Например: “Ну как ты думаешь, пойти мне пилить дрова?” – “У тебя что, не в порядке с головой, что ты хочешь идти пилить дрова!” – отвечал он мне. Так я отсекал свою волю и шёл заниматься чем-то другим. Если бы вы знали, какую я получил от этого пользу! Конечно же, люди, видя всё это, удивлялись – поскольку они относились ко мне с уважением. “Погляди-ка, – говорили они, – он оказывает послушание ребёнку!” Но и ребёнок укрепился, научился проявлять инициативу и, получив таким образом помощь, стал настоящим человеком. Однако я, отсекая свою волю, получил пользу большую, чем он. Отсечение воли помогает в духовной жизни». Конечно, в

какой-то момент Старец дошёл до такого состояния, что уже не имел нужды в послушании в его начальной форме – то есть в слепом послушании старцу – поскольку он сумел стяжать умное подчинение [Богу]. «Для того, кто добре совершил духовное послушание, плоть подчинив духу, не требуется послушание человеческое, ибо таковой в послушании состоит слову Божию и закону как благодарный раб»⁽¹⁾.

Подобного высшего состояния достиг и Старец Паисий. Он подчинил своё мудрование Благодати Божией, будучи руководим Духом Святым. Как говорил преподобный Пётр Дамаскин: «Когда же воцарится в нас Благодать Духа, тогда уже не будем иметь своей воли, но всё что ни бывает с нами, есть воля Божия. Тогда мир имеем»⁽²⁾.

У Старца уже не было собственной воли, собственного плана, собственной программы действий. В письме от 3 ноября 1972 года он писал: «Программу моих действий составляет Бог, а не я. Несмотря на то что я уже не планирую заранее, когда мне выезжать в мир, если случается нужда, я – даже и не желая выезжать с Афона – не могу противиться [воле Божией], потому что Бог побуждает меня к этому Своей любовью и моей собственной любовью к ближнему».

Помимо того что Старец имел просвещённый ум и рассуждение, в серьёзных вопросах он получал особые извещения от Бога – прося или даже не прося Его об этом. Несмотря на это, если речь шла о вопросах, касавшихся только его самого, он, по многому смире-

⁽¹⁾ *Преподобный Феогност. О деятельной и созерцательной жизни. Добротолубие. Т. III. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 379–380.*

⁽²⁾ Творения преподобного Петра Дамаскина. М., 1993. С. 20.

нию, не хотел следовать своей личной воле, но спрашивал, как ему поступить других старцев, духовников, епископов и даже своих духовных чад – оказывая им послушание.

Старец говорил и следующее: «Насколько бы правильным не было моё личное мнение о касающемся меня вопросе, я не могу ему доверять, потому что это мнение – моё. Врач, если заболевает, не ставит себе диагноз сам. Он идёт к другому врачу, хотя бы тот и уступал ему в опыте и врачебном искусстве».

Первое время, когда Старец переселился в «Панагуду», до него стали доходить желчные комментарии некоторых монахов, кельи которых расположены на пути из Кариеса к его келье. Шедшие к Старцу посетители беспокоили этих отцов, и те роптали. Старец задумал сменить келью. Но когда он пошёл к одному из афонских духовников – иеромонаху Никодиму и спросил его об этом, тот ответил: «Если тебе не скажет об этом Священный Кинот, не уходи». Так Старец Паисий оказал послушание и остался в «Панагуде».

В другой раз Старца приглашали в безмолвное место в Канаду. Подобно тому как Великий Антоний спрашивал своего ученика, надо ли ему идти в Константинополь, Старец Паисий спрашивал, ехать ли ему в Канаду, своих духовных чад и, оказывая им послушание, не поехал. В другой раз он задумал посадить во дворе «Панагуды» несколько виноградных лоз, чтобы приходившие к нему паломники сидели в тени виноградных листьев. Однако, когда кто-то из монахов выразил несогласие с его желанием, Старец послушался и сажать виноград не стал.

Когда в «Панагуду» приходил служить Литургию какой-то иеромонах, Старец спрашивал его о том, что

ему читать, пока тот совершает Проскомидию: Часы, молебный канон Пресвятой Богородице, правило ко Святому Причащению или же молитву Иисусову? «Я привык слушаться священника и делать то, что он мне говорит», – говорил Старец.

Если послушание есть отсечение воли и «отвержение... собственного желания»⁽¹⁾, то это значит, что Старец Паисий до конца жизни был истинным послушником. Прежде всего, это проявлялось в презрении телесного покоя. «Отсекать волю свою пребывающему в келии своей – значит нерадеть о телесном покое во всех его видах»⁽²⁾. Кроме этого, отдавая себя людям, которые к нему приходили, Старец доходил до того, что “не мог быть себе хозяином”. Даже если он был простужен, голоден или болен, или, хуже всего, мучился, как в конце своей жизни, от кровотечений, и ему надо было пойти в туалет, он с выдержкой терпел и отсекал не только свои естественные желания, но даже и наиболее естественные человеческие нужды. Старец даже сам придумывал всё новые и новые способы отсечения своей воли, давая таким образом другим пример послушания.

Но, несмотря на это, некоторые, не расположенные к Старцу люди говорили: «Кому оказывает послушание Старец Паисий? Мы не знаем, кто у него старец». Такие люди не понимали, что для Старца жить в послушании было легко, радостно и отраднo. Однако Бог возложил на него иное служение.

⁽¹⁾ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица в русском переводе. Ук. изд. С. 51.

⁽²⁾ Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия и Иоанна. М., 2002. С. 114.

Старец говорил: «Я могу жить в слепом послушании. Однако, если я несу за кого-то ответственность – то есть духовную ответственность как старец – то мне нужно проявлять инициативу самому».

Будучи послушником, Старец прошёл через разные стадии послушания и был утешением для своих старцев. Он научился послушанию на деле, а не из книг. Поэтому он понимал послушников и помогал им. И хотя будучи послушником, он был строг и неуступчив к себе самому, позже, став Старцем, он подавал другим советы с мягкостью и снисхождением. Он отличался большой чуткостью, тонкостью и рассудительностью.

Старец хотел, чтобы послушание проистекало из свободы и совершалось с радостным расположением. Он не хотел, чтобы оно было формальным, внешним и казарменным, но – подчинением мудрованию Старца. Отец Паисий считал послушание исцелением от всех духовных болезней, а прежде всего – от гордости. Он подчёркивал: «Послушание – это самый быстрый и лёгкий путь. Это ключ, открывающий райскую дверь. Послушанием отсекаются своеволие, эгоизм, страсти, и потом к человеку приходит Благодать Божия и его жизнь становится Раем».

Старец говорил: «Если больной оказывает послушание врачу, то он выздоровеет. Если кто-то не очень умён и оказывает послушание, то он станет философом. Однако если у человека семь пядей во лбу, но послушания он не оказывает, то он себя погубит». Старец считал, что хуже всего, когда человек не слушает советы старцев и делает то, что говорит ему его помысел. Он говорил: «Если человек слушает свой помысел, то он наносит себе вред, он проиграл,

он сам ищет своей погибели». Если кто-то спрашивал Старца не ради того, чтобы получить от него пользу или оказать ему послушание, но ради того, чтобы “вырвать” у него благословение, поступить по своей воле, то Старец, прерывая бесплодную беседу, говорил: «Положи поклон своему помыслу и делай что хочешь». В таких случаях сам он от ответственности освобождался. Поэтому он подчёркивал: «Старцы дадут ответ Богу в соответствии с послушанием, которое оказывают им послушники».

Старец советовал: «Послушники должны оказывать послушание своему старцу. Если старец строг и несправедлив к ним, то они примут и обильную Благодать. Им не надо осуждать Старца. Если им трудно, пусть открывают ему свой помысел, а после этого делают то, что он им скажет. Послушник должен быть само рвение, само самоотречение, а старец лишь должен его немного притормаживать. Старцу нужно с рассуждением обрезать его лишние боковые ветви, но не верхушку [уродуя и делая его ни на что не годным]. Сперва сам старец должен пройти через послушание, ему не следует ставить на послушнике эксперименты. Старцы, которые требуют слепого послушания, должны отличаться очень хорошим зрением».

Советы Старца Паисия практичны, действенны. Они несут в себе внутреннее извещение, потому что то, о чём он говорил, он сначала применил на деле сам. Как «*сотворивый и научивый*» послушанию, он сначала явил себя благодатным послушником, а затем рассудительным Старцем. «Мой сладкий Паисий», – так называл отца Паисия за его послушание Старец, батюшка Тихон.

Блаженное и богатое смирение

Соль добавляется в любую пищу и делает её вкуснее. Подобно этому, во всей жизни Старца Паисия, во всех её проявлениях, в его словах, книгах и письмах, в его отношениях с людьми мы встречаем смиренномудрие. Его душа, как в одежду, облеклась во смирение, в это «одеяние Божества»⁽¹⁾.

Чудеса и благодеяния Божии не приносили Старцу помыслов гордости, напротив, – они становились для него поводом ко смирению и большему подвигу. Это – отличительная черта смирения Старца. Его смирение было благородным, оно было тем «блаженным и богатым смирением», о котором пишет Святой Иоанн Лествичник⁽²⁾.

Старец видел себя стоящим ниже всей твари, даже более худшим, чем животные. В одном из писем от 25 декабря 1965 года он пишет: «Мы уподобляем себя животным и этим уподоблением осуждаем даже их,

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирин. Слово 20. Ук. изд. С. 76.*

⁽²⁾ «Иное есть смирение кающихся, исполненное сетования, иное зазрение совести ещё согрешающих и иное – блаженное и богатое смирение, которое особенным Божиим действием вселяется в совершенных». Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Ук. изд. С. 68–69.

несчастных. Но ведь мы не подобны им, а хуже, чем они. Однажды, размышляя о том, кому мне себя уподобить, я, в конечном итоге, не нашёл ничего лучше навозного жука. Однако, поразмыслив хорошенько, я понял, что несправедлив даже к этому бедолаге. Ведь и он выполняет своё предназначение: отделяет кусочки навоза, делает из них шарики и убирает нечистоты. Тогда как я – человек разумный, творение Божие, созданное по Его образу и подобию, своим грехом собираю навоз в Храме Божием – в себе самом. И беда в том, что я не терплю, если меня называют не только навозным жуком, но даже и каким-нибудь осликом, многие и утомительные труды которого на благо человека, по крайней мере, знают все. Это животное тоже проявляет великое терпение и в конце своей жизни уходит в небытие».

Старец глубоко переживал Таинство Смирения. Его ум порождал смиренные понятия и слова. Он называл себя «недоразвитым», «сопливым», «деревенщиной», «негодным», «чучелом гороховым», «невеждой», «глупцом» и тому подобными словами.

Своим смирением Старец хранил себя в безопасности. Он знал, что *«в гордыни погíбель и развращéние мно́го»*⁽¹⁾, тогда как смирение – это тот божественный магнит, который притягивает к человеку все дарования и благословения Божии. Поэтому Старец возлюбил смирение от сердца. Смирение нравилось ему даже как слово, и он любил использовать его в обычных выражениях, например: «сделай-ка свет немножко посмиренней», «смирренная скамеечка», «это дерево надо бы сделать маленько посмиренней» (то есть обрезать ему ветви) и т. п.

⁽¹⁾ Тов. 4, 13.

Если Старец ошибался в своих суждениях, то ему доставало смирения, чтобы в этом признаться. Если он кого-то осуждал, то просил прощения. Он знал свою меру. Он не обманывал себя, полагая, что может ответить на любой вопрос. Если люди спрашивали его о специальных вопросах, например о церковных, канонических или научных, то он отсылал их за советом к компетентным лицам.

Подобно тому как пчела избегает дыма, Старец уклонялся и избегал оказываемой ему чести, знаков отличия, чинов и выпячиваний. Его смиренномудрие было глубоким и истинным, как это видно из его непритворных, естественных слов и поступков.

Когда он был солдатом и его наградили орденом Мужества, то вместо него вышел из строя и получил награду его сослуживец. «Ну и правильно сделал, – сказал ему Старец, – зачем он мне, этот орден?»

Когда он ездил на Керкиру, его друг и сослуживец Пантелис Дзекос привёл его в свой дом и представил матери: «Вот тот, кто меня спас». Услышав такие слова, Старец подскочил и стал горячо возражать: «Да что ты, что ты! Это Господь тебя спас, а не я». Достоинно замечания то, что, приехав на Керкиру и встретившись с другом Пантелисом, Старец не открыл ему своего монашеского имени. Когда, спустя много лет, сын Пантелиса Филипп посетил Святую Афонскую Гору и пришёл к Старцу, тот понял, что юноша был сыном его армейского друга, однако своего мирского имени ему не открыл. С юношей он послал отцу подарки и благословения. Вернувшись на Керкиру, Филипп взахлёб рассказывал отцу о доброте Старца Паисия, но господин Пантелис, не понимая, о ком идёт речь, жалел, что тот не смог разыскать

на Афоне Арсения Эзнепидиса. Он разыскивал его 35 лет и только только после кончины Старца узнал, что Арсений Эзнепидис был Старцем Паисием Святогорцем. Потом господин Дзекос говорил: «Если бы он от меня не скрывался, то я раструбил бы по всему свету, что он меня спас, ушёл бы из мира на Афон и остался бы жить вместе с ним».

Из некоторых внешних поступков и слов Старца его смиренное мудрование становилось явным и заметным другим.

Приходя на Всенощные бдения в монастыри, он вставал в самой дальней стасидии. Он уклонялся от чтения Предначинательного псалма, Символа веры, *“Отче наш”* и прочего, что по святогорскому чину читает на богослужении старец или наиболее уважаемый из монахов, – несмотря на то что другие отцы, присутствовавшие на бдениях, были его учениками, а по возрасту годились ему в сыновья и внуки. Во время Святого Причащения к Чаше он обычно подходил вторым, пропуская вперёд самого младшего из монахов или детей, если они присутствовали на службе. Он чувствовал себя последним после последнего.

Чтобы не забывать о том, кто он, Старец карандашом написал на стене своей кельи в каливе Честного Креста: *«Госпóдь воздвизáет от земли нíща и от гнóища възвышáет убóга»*⁽¹⁾.

Однажды, когда Старец приехал в женский монастырь, радостная игуменья собрала всех сестёр и велела звонить в колокола, желая устроить Старцу почётную встречу. Но Старец, не зная, куда себя деть от неловкости, резким тоном сказал игуменье: «Матушка! Ты что это такое устроила?! Мне надо не

⁽¹⁾ Ср.: Пс. 112, 7.

в колокола звонить, а в консервные банки». В старину в деревнях гремели консервными банками и жестянками перед человеком, которого хотели опозорить.

Если Старца хотели сфотографировать, записать его речь на магнитофон или рассказывали о нём другим, Старец становился строгим и ругал этих людей. Когда ему показывали его фотографии, он говорил: «Ну-ка, дай я посмотрю», брал фотографии и их разрывал. Узнав, что кто-то тайком записал его беседу на магнитофон, он забирал кассету и сжигал её в печке. Когда один человек попросил у него благословение написать о нём статью в газете, Старец ответил: «Ты меня не смей, не смей. Пиши про кого хочешь, только меня оставь в покое и никаких статей про меня не печатай – если хочешь, чтобы у нас с тобой остались нормальные отношения». Один монах, которого Старец часто принимал и помогал ему, восторженно рассказывал о нём другим. Узнав об этом, Старец наложил на него епитимью: три года не приходите к нему в каливу. Один человек в Суроти в лицо назвал Старца святым, и Старец заплакал. Да и что он мог сделать? Как он ни старался, жить в безвестности ему уже не удавалось. Бог хотел прославить его уже в жизни сей. Таков духовный закон. Чем больше человек гонится за своей тенью – то есть за славой, тем больше слава от него убегает. Чем быстрее он пытается от неё убежать, тем быстрее она следует за ним. Именно это произошло и со Старцем Паисием.

Когда Святую Гору Афон посетил Вселенский патриарх Димитрий⁽¹⁾, Старец в числе других отцов

⁽¹⁾ Патриарх Димитрий I занимал престол Вселенской Патриархии в 1972–1991 годах.

пришёл взять его благословение. Кто-то из свиты патриарха сказал ему: «Ваше Святейшество, пришёл отец Паисий». Смиренный патриарх поднялся с архиерейского места, чтобы поприветствовать Старца. Тогда Старец упал ему в ноги, прижав лицо к полу, и оставался в таком положении, пока кто-то из окружавших патриарха епископов его не поднял. В это же время в Протатском храме находился и президент Греции. Далее следует рассказ начальника личной охраны президента господина Константина Папуциса: «О Старце Паисии я раньше слышал. Я представлял его высоким, величественным и ждал, что в храме он займёт почётное место. Однако мне показали на старенького монаха, который с опущенной головой стоял в укромном месте за храмовой колонной. Он был худеньким, невысокого роста, но в его облике было что-то Божественное – привлекающее к себе других. Один из полицейских узнал Старца и сказал другим: “Отец Паисий!” И вдруг все охранники из службы личной безопасности президента, как по команде, сорвались со своих мест и побежали к Старцу за благословением. Я остался с президентом один. Я растерялся. Пытался позвать их, но куда там! И тут, повинуясь повелению сердца, а не рассудка, не подумав о последствиях, я тоже оставил свой пост и побежал под благословение Старца. Бог сохранил нас, и никакого ЧП не произошло.

Старец Паисий, будучи не в состоянии уклониться от “атаки” сотрудников Службы безопасности, легонько постукивал каждого из нас по голове, говоря: “Давайте, ребята, давайте: назад, на работу, на работу”.

В каждом из нас произошло какое-то внутреннее изменение. Нас переполняла ранее не испытанная нами радость».

Если Старца спрашивали, гордится ли он, когда ему оказывают столько чести, он отвечал: «Что мне гордиться, если я знаю, кто я такой. А когда я подумаю ещё и о том, сколько литров крови излил за меня Христос, то едва не теряю рассудок».

Имея в виду множество людей, приходивших с ним встретиться, Старец говорил: «Несмотря на то что я – самая обычная тыква, мучающиеся от жажды люди в нетерпении приходят ко мне, чтобы утолить свою жажду, ожидая найти сочный арбуз».

Старец расстраивался из-за того, что он стал всем известным. Изливая своё сердце человеку, которому он доверял, он говорил: «Мой самый большой враг – моё имя. Самое большое зло сделали мне не враги, а знакомые и друзья. Если бы в начале своего монашеского пути я знал о том, чем всё это закончится, то уехал бы в Иерусалим, стал бы тайным монахом и носил бы чёрное пальто и скуфью, длинные волосы и бороду. Никто не знал бы о том, что я монах, и я мог бы жить так, чтобы оставаться в неизвестности».

Старец не верил в похвалы, не услаждался ложной человеческой славой. Поэтому она ему и не повредила. Он говорил: «Моими делами хулится имя Божие. Но я, совершаю их не ради того, чтобы сознательно сделать зло, и поэтому верю, что меня помилует Христос».

Старец радовался, видя, как другие достигают высших степеней церковного служения: становятся священниками, духовниками, игуменами, епископами. Он помогал таким людям и, видя, что они достойны

высшего сана, побуждал их его принять. В его сердце не было ни следа ревности, зависти или чувства собственной неполноценности. Он хотел видеть всех стоящими выше себя и помогал молодым монахам в их [духовном] преуспевании. «Для того чтобы возрос и принёс духовный плод молодой монах, – говорил Старец, – я готов стать той землёй, на которой он будет расти».

Старец приветствовал других первым, целовал руку священникам, кладя перед ними поклон, даже если они были младше его. Перед игуменами и епископами он обычно совершал поклон земной. Однако сам он уклонялся и не давал целовать свою руку другим. «Я на него сильно обижался за то, что он не давал мне поцеловать его руку, – свидетельствует врач, который его оперировал. – А сам он буквально стискивал меня в своих объятиях».

Общаясь со Старцем, человек не видел разницы между собой и им. Старец никому не показывал, что кто-то стоит ниже его. Это происходило потому, что сам он не чувствовал, что стоит выше, чем кто-то: он чувствовал, что другие стоят выше его.

Подлинность смиренномудрия Старца была испытана бесчестьями, унижениями, клеветой и несправедливостью. Когда один монах поливал Старца грязью, обвиняя его в несуществующих грехах, тот не стал оправдываться и себя защищать. Он только с душевной болью молился, чтобы Бог дал этому брату покаяние. Узнав о том, что этот монах опубликовал свои обвинения против него в хульной книге, Старец сказал: «Вот это хорошая книга, не то, что другая».

Под «другой» он имел в виду книгу, в которой его хвалили. Игумен одного из монастырей, прочитав эти

обвинения, сказал, что для Старца Паисия это почётная награда.

Старец писал: «Блаженны радующиеся тогда, когда их несправедливо обвиняют, а не тогда, когда их справедливо хвалят за их добродетельную жизнь. Именно в этом заключается признак святости»⁽¹⁾. Поэтому, слыша обвинения против себя, Старец радовался и по какому-то поводу просил одного человека: «А ты меня поноси́, перемывай мне кости. Можешь меня поноси́ть?»

Другой монах, встречая на дороге идущих к Старцу Паисию паломников, говорил им: «Ну что вы идёте к этому Паисию?» И городил целую кучу самых различных обвинений. Старец узнавал об этом, однако не расстраивался и объяснений не требовал. Обвинения нравились ему больше, чем похвала. «Совершенство смирения состоит в том, чтобы с радостью переносить ложные обвинения»⁽²⁾. Старец даже посылал в благословение своему обвинителю вещи и продукты. Однако бесстрастно перенося клевету, Старец не выносил лицемерия, подобно тому как и Господь жёстко обличил лицемерие фарисеев словами: «Гóре вам», – словами, которые не произнёс о других грешниках. Однажды, когда обвинитель Старца встретил на дороге его самого, и, всем своим видом изображая благоговение, со словами: «Святой мой Геронда!» – хотел положить ему поклон и поцеловать руку, Старец сказал ему: «В следующий раз будь поискреннее».

О смирении Старец говорил: «Недостаточно лишь изгонять помыслы гордости, надо ещё и поразмыс-

⁽¹⁾ *Старец Паисий Святогорец. Письма. Ук. изд. С. 210.*

⁽²⁾ *Святой Исаак Сирин. Слово 56. Ук. изд. С. 223.*

лить о жертве и о благодеяниях Бога, и о нашей собственной неблагодарности. Тогда наше сердце – будь оно даже гранитным – сокрушается. Когда человек познаёт себя, тогда смирение становится его состоянием. Бог приходит и вселяется в такого человека, а молитва Иисусова творится сама собой». Познание себя ведёт ко смирению и является «основанием, корнем и началом всякой благодати»⁽¹⁾.

Старец верил в то, что достоинства смиренного человека больше, чем достоинства всего мира. Такой человек сильнее, чем все остальные. Чтобы у монаха была сила в молитве и борьбе, ему надо иметь смирение, которое скрывает в себе Божественную силу. Имея гордость, монах ослабевает и душой, и телом. А подвизаясь смиренно, он имеет силы – хотя бы его подвиги были и не столь велики.

Желая показать, к какому результату приводит смирение, Старец рассказывал следующий случай: «Как-то раз заболел котёнок. Бедняжку тошнило, и он мучился. При виде его страданий мне стало больно. Я перекрестил его, но это ему не помогло. “Ах ты, непутёвый, – говорю я себе, – ты даже котёнку не в состоянии помочь!”. И как только я смирился – котёнок тут же выздоровел».

Старец констатировал: «Нынче смирение не в цене. Люди не знают его достоинства и силы, не стремятся его приобрести. И однако смирение настолько необходимо, что оно возводит нас на Небо. Поэтому смирение и называется “высототворным”. На Небо восходят не мирским подъёмом, но духовным спуском – то есть смирением. Человек смиряющийся и внимательный будет спасён. Монах должен сделать

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирин. Слово 21. Ук. изд. С. 82.*

смирение своим состоянием, и это особенно необходимо в последнее мгновение его жизни».

Старец желал, чтобы смирение было его спутником и после его кончины. Незадолго до смерти он по секрету просил одного человека: «Когда я умру, бросьте меня в овраг деревни Агия Параскеви⁽¹⁾, чтобы меня съели собаки». А до этого он говорил: «Я хотел бы, чтобы после извлечения из могилы мои кости оказались чёрными⁽²⁾, чтобы люди, увидев это, сказали: “Ах, так вот что за фрукт был этот Паисий!” Если это произойдёт, люди не будут нас почитать».

Желая избежать проявлений чести во время своих похорон, а также впоследствии, Старец хотел почить и быть в неизвестности погребённым на Святой Горе. Но, получив внутреннее извещение о том, что воля Божия не в этом, а в другом, он смиренно оказал ей послушание и отсек даже своё последнее желание. Единственное, о чём он попросил, – чтобы на его похороны никого не звали.

* * *

Среди монахов есть простые благословенные старцы, которые, находясь на высоте добродетели, этого не понимают. По mnogой простоте они и не подозревают о том, каким духовным богатством обладают. Один из таких «старичков», видя Нетварный Свет, не знал о том, что он видит. Он думал, что по ночам

⁽¹⁾ Деревня, возле которой расположен монастырь Суроти.

⁽²⁾ В Греции останки усопшего через три года после кончины извлекают из могилы и складывают кости в усыпальницах. – *Прим. пер.*

такой Свет освещает всех монахов и что этот Свет возникает и исчезает сам по себе.

Старец Паисий к таким монахам не относился. Да, он имел блаженную простоту, святость жизни, он видел Нетварный Свет и переживал высокие состояния. Однако при этом он обладал и духовным ведением. Он очень хорошо знал о том, что переживаемые им – явления Божественные, что это редкие благодатные состояния, однако ещё лучше он знал и о том, что эти явления и состояния происходят от Бога, и о том, что его собственное – только грехи. Старец всецело осознавал, что всё это – милостыня, которую оказал ему Бог. Поэтому он говорил: «Я – консервная банка, которая сверкает на солнце и кажется золотой. Но эта банка пуста. Если меня покинет Благодать Божия, я стану самым большим озорником и буду проводить время в злачных местах вокруг площади Согласия⁽¹⁾, тогда как ещё будучи мирянином, я ни разу не заходил даже в кофейню».

Старец совершенно не брал в расчёт своё великое подвижничество, потому что совершал его не «ради мздовоздаяния», но от любви ко Христу. Он чувствовал себя помилованным Богом и обязанным Ему. Он вздыхал и испытывал боль от того, что, как ему казалось, он ничего [для Него] не сделал. «Я был знаком со святыми, и поэтому мне надо было сделать многое», – говорил он. Он чувствовал, что не воздал Богу за Его дарования, что ему не удалось принести Ему то, что должно.

Многие почитали Старца как Святого, другие – совсем немногие – обвиняли его как колдуна. Сам же он, с осознанием того, кто он есть на самом деле, гово-

⁽¹⁾ Центральная площадь в Афинах. – *Прим. пер.*

рил: «Я и не святой, и не колдун. Я грешный человек, который пытается бороться. Во Вселенной я вижу себя крохотной пылинкой. Так пусть эта пылинка, по крайней мере, будет чистой».

Таков был Старец – великий, погружённый в бездну своего «блаженного и богатого смирения», с полным осознанием данных ему Божественных дарований, но одновременно – с осознанием своего недостоинства.

Делатель и проповедник покаяния

Как-то раз, после одного из своих выездов в мир, Старец сказал: «Сегодня грех вошёл в моду. Из тех людей, с которыми я встречался и беседовал, на исповеди было менее десяти процентов. Я испытываю потребность исповедоваться каждый день, а они – не находят в себе грехов!»

Сам Старец жил в другом духовном пространстве. Он оценивал свои поступки иначе, чем люди мира сего. Для других он всегда находил смягчающие вину обстоятельства, однако самого себя – судил строго. Он говорил: «Залог того, что кто-то ведёт подлинную духовную жизнь, это – большая строгость к себе самому и – много снисходительности к другим. Человек не должен использовать каноны, как пушки, против других людей». Старец занимался тонким духовным деланием. Он каялся, исповедовался и, подражая Святым, с любочестием совершал подвиги и соблюдал монашеские правила, будучи побуждаем к этому лишь собственным произволением. Он говорил: «Когда Святые называли себя грешниками, они в это верили. Их духовные очи стали подобны микроскопам, и свои даже незначительные – прегрешения – они видели как большие грехи».

Когда Старец говорил о себе самом, могло создаться впечатление, что он великий грешник. Он напряжённо переживал покаяние, однако в себе испытывал утешение и радость, которые передавались и тем, с кем он общался.

Его покаяние было огненным, и поэтому он чувствовал необходимость часто исповедоваться. Какое-то время, помимо прочих подвижнических подвигов и трудов, он каждый день совершал семьдесят семь чётков-трёхсотниц с Иисусовой молитвой и крестным знаменем. Он символически «семьдесят крат седмерицею» просил у Бога прощения. Веря в то, что он – великий грешник, Старец пламенно умолял Бога, чтобы Он его помиловал и даровал ему прощение грехов.

Воздвывая покаяние, Старец часто читал Великий канон святого Андрея Критского, который выучил наизусть. Также ему нравилась молитва Манассии⁽¹⁾, которая помогала ему в покаянии. Когда с сокрушенным духом и смиренной душою он читал эту молитву, то вставал на колени, падал ниц, повергался в прах.

Когда в его каливе совершалась Божественная литургия, Старец перед причащением вставал на колени и просил священника прочесть над ним разрешительную молитву. Он прижимал лицо к полу, и было слышно, как из-под епитрахили раздаются глубокие сердечные вздохи. Однажды на запричастном стихе он запел тропарь *«Всем предста́тельствуеши Блага́я...»*. Его голос дрожал от умиления. Слова

⁽¹⁾ Молитва Манассии, царя иудейска: *«Господи Вседержителю, Боже отец наших...»*, – читается на великом Повечерии. См. Часослов. М., 2004. С. 199.

псалмопения как бы выходили из глубин его внутреннего человека. Было такое чувство, что его сердце с корнем исторгается со своего места. Дойдя до слов «*Иногда бо не ѿ мамы грѣшнии к Бѳгу...*», Старец не выдержал. Он разразился рыданиями, и, хотя пытался скрыть своё умиление, выйдя из церкви и притворяясь, будто хочет высморкаться, присутствовавшие поняли, в каком состоянии он находится.

Один священник приехал в паломничество на Святую Гору и оказался на Всенощном бдении в монастыре Ставроникита. На него произвёл впечатление стоявший в соседней стасидии монах, плакавший в продолжение всего бдения. Священник заметил этот плач, хотя монах и старался его скрыть. Потом, спросив у кого-то из братии, кто этот монах, священник узнал, что это был Старец Паисий.

О слёзах Старец говорил: «Слёзы бывают многих видов. Слёзы покаяния – это надёжные слёзы, потому что они очищают от грехов и приносят духовную мзду. Однако эти слёзы истощают организм. А бывают и тихие, бесшумные слёзы, которые внешне не видимы. Одно единственное вздыхание часто стоит выше, чем чашка или даже целое ведро, полное слёз».

В другой раз Старца посетил живший в пустыне пожилой монах. Он пришёл удостовериться в том, что рассказывали о Старце. Задавая Старцу вопросы, монах пытался понять, в каком духовном состоянии тот находится. Старец рассказывал: «Три часа подряд он читал мне лекцию по теории Иисусовой молитвы. Он начитался книг об умном делании. То есть всё, что было написано об умном делании, он прочёл. Он говорил: “Если молящийся приходит в такое-то

состояние, то с ним происходит то-то, а если он переходит в такое-то состояние, то его осеняет то-то... А ты в каком состоянии находишься?"

– В каком ещё, – говорю, – состоянии? Ни в каком состоянии я не нахожусь.

– А что ты тогда здесь делаешь?

– Что я здесь делаю? Я прошу Бога, чтобы Он дал мне познать самого себя. Если я познаю самого себя, то буду иметь покаяние. Если ко мне придёт покаяние, то придёт и смирение, а за ними – придёт Благодать. Поэтому я и прошу: покаяния, покаяния, покаяния. После этого Бог посылает Свою Благодать».

Святая жизнь Старца, подобно некоему указателю, молча указывала людям направление ко Господу Иисусу Христу, а сам он своими словами всем проповедовал покаяние: «Не надо просить у Бога ни света, ни дарования, ничего другого, но лишь одного: покаяния, покаяния, покаяния». Одним из самых скромных примеров покаяния Старца было его «вретнице» – мешок, который он, молясь в своей келье, набрасывал себе на спину – как делали молящиеся «*во вретнице и пёпле*» пророки и преподобный Арсений Каппадокийский.

Множество людей приходили к Старцу, открывали перед ним своё сердце и просили о помощи. Старец объяснял им, что он не духовник: «Идите к духовнику и поисповедуйтесь». Как-то раз один из паломников ответил ему на это: «Геронда, ты голодному дорогу не показывай, дорогу он и сам знает. Голодному, чтобы наестся, нужна не дорога, а кусок хлеба».

Старец принимал таких людей, однако объяснял им, что беседа и совет – это одно, а Таинство Исповеди – это другое. Он подчёркивал, что людям надо

обязательно пойти к духовнику, поисповедоваться, а духовник должен прочесть над ними разрешительную молитву. Старец подчёркивал, что это необходимо не только для спасения их души, но это ещё и некая подготовка для беседы с ним. «Если вы не исповедовались, – говорил он, – то ваш ум замутнён, – и мы с вами к взаимопониманию прийти не сможем».

Один человек, имевший серьёзную проблему, пришёл к Старцу, чтобы попросить его о молитве. Старец посоветовал ему пойти на исповедь. Почти в отчаянии, этот человек стал возражать, что он пришёл к святому человеку, для того чтобы тот ему помог, а он начинает говорить ему о какой-то исповеди. Старец ответил: «Я могу помочь именно так – с помощью исповеди».

Старцу было жалко тех, кто не кается, и он молился о них. Людей равнодушных он старался привести в чувство, старался, чтобы они сами поняли необходимость исповеди. Когда один человек впервые пришёл к Старцу, тот ему не открыл. Из-за калитки он поговорил с ним, назвал его по имени и сказал, чтобы он пришёл к нему после исповеди – поскольку понял, что человек не исповедовался в своих грехах. Когда этот человек послушался Старца и после исповеди пришёл к нему снова, Старец открыл ему и с улыбкой сказал: «Ну вот – сейчас ты в порядке. Пойдём, поговорим о том, что тебя беспокоит» – и сам назвал проблему, с какой пришёл к нему этот человек.

Когда Старец видел, что человек кается и меняет образ жизни с греховного на добродетельный, он не скрывал радости. Он сострадал вместе с кающимися и укреплял их. Своей любовью он, словно смазкой, покрывал грехи кающихся и помогал им прийти к по-

каянию. Он удивлялся и огорчался, видя, что падение в грех приводит людей к малодушию и отчаянию. Он говорил: «Но ведь есть покаяние! Неужели твои грехи превосходят милость Божию?» И добавлял: «Меня не интересует – насколько великий грешник тот или иной человек. Меня беспокоит, познал ли он самого себя. Бог будет судить каждого из нас в соответствии с тем деланием, которое мы совершили по отношению к своему ветхому человеку. Если душа отсекает свои недостатки, то она предстаёт пред Христом прекрасной».

Когда знакомый Старцу монах, поправ свои монашеские обеты, снял схиму и вернулся в мир, Старец с кем-то из знакомых послал ему записку с просьбой вернуться и с обещанием, что он возьмёт его к себе в послушники, хотя известно, что послушников он не брал. И Старец, действительно, с радостью взял бы этого монаха в послушники, пойдя на эту жертву ради спасения его души. Потом, когда этого монаха забрали в армию, Старец сам посетил его в части, где тот служил, и говорил с ним о покаянии.

Однажды Старца посетил паломник, который спрашивал его «о высотах духовных и небесных». Старец в беседе с ним подчёркивал значение покаяния и смирения. Собеседник вновь пытался повернуть разговор на высокие духовные дарования и благодатные состояния. Однако Старец вновь перевёл разговор на покаяние. Собеседник приуныл, потому что много слышал о святости, о дарованиях Старца, а тот беседовал с ним только о покаянии.

Если к Старцу приходил больной и просил помолиться о его здоровье, Старец советовал ему поисповедоваться и причаститься. То же самое он совето-

вал студентам, приходившим просить его молитв об успехах в учёбе. Семейным парам, у которых были проблемы, Старец советовал иметь духовника, исповедоваться, причащаться и жить духовной жизнью. То есть в качестве универсального и сильного лекарства от всех болезней, он «прописывал» людям покаяние. Покаяние составляло ядро его проповеди.

Старец огорчался из-за того, что «люди утратили чувство покаяния. Они грешат, и совесть их в этом не обличает. Хотя у нашего внутреннего человека столько работы, что она никогда не кончится. Покаяние никогда не заканчивается, подобно тому как над резной деревянной иконой можно трудиться с увеличительным стеклом хоть всю жизнь. Если человек не начнёт работать над самим собой, то диавол найдёт ему другую работу – заниматься другими. Необходимо стяжать духовную чуткость. Христианин должен увидеть страсти, живущие у него внутри, каяться в них, а не стараться их забыть. Европейцы, как крышкой, покрывают сверху свою совесть, а потом живут так, что их нельзя назвать ни больными, ни здоровыми. Если в нашей духовной жизни происходит падение, то нам надо не расстраиваться, а приводить себя в порядок. Я, когда видел какой-то из своих грехов, – радовался. Я радовался тому, что мне открылась одна из моих ран и я могу её исцелить. Вот, предположим, человек разбивает стакан и после этого смеётся. Беда не в том, что он разбил этот стакан, а в том, что он не осознаёт того, что он сделал. Раз он смеётся, раз он не осознаёт своей ошибки, то он будет разбивать стаканы ещё и ещё. Печаль человека должна соответствовать степени его прегрешений, потому что в противном случае он будет впадать в те же самые грехи».

Из своего опыта Старец учил: «В духовной жизни действуют духовные законы. Если мы искренне покаемся в каком-то из наших грехов, то потом нам не надо будет расплачиваться за него болезнью. Болезни или несправедливости Бог попускает за те из наших грехов, которые мы не осознаём».

Кроме этого, Старец советовал всем покаяние, для того «чтобы избежать брани. Ведь мы сами провоцируем диавола вести против нас брань своими грехами. Этот мир пришёл в негодность, поэтому он и погибнет – если, конечно, не покается. Этот мир похож на дырявый мешок, настолько дырявый, что его уже невозможно заштопать. Может быть, только Бог сможет перешить этот дырявый мешок в какой-нибудь крохотный мешочек». Одному монаху Старец говорил: «Мы несём ответственность за то, что происходит: ты это понимаешь? Тот, кто старается стать лучше, влияет и на тех, кто находится вокруг него, и на весь мир. Если бы я был святым, то своей молитвой я бы очень помог людям». Старец особо подчёркивал значение покаяния в монашеской жизни, он говорил о монахах, что они одеваются в покаяние. Вся жизнь монаха есть покаяние.

В это спасительное покаяние оделся и сам Старец, став его великим деятелем и проповедником.

Нестяжание

Необыкновенно последовательно Старец соблюдал обет нестяжания, данный им Господу в день своего монашеского пострига.

Когда Старец был в Эсфигмене и после пострига его перевели в новую келью, то он нашёл в ней три подрясника. Старец подумал, что один подрясник он будет надевать в церковь, другой – на послушание, а в третьем находиться в келье. Но, подумав так, он осудил себя: «Да, замечательное ты нашёл себе оправдание». После этого он отнёс два подрясника рухольному, себе оставив только один – тот, который был на нём. Уходя из монастыря, он не взял с собой ничего. У него не было даже простой монашеской сумки. Постирал коврик, на котором он совершал в келье земные поклоны, он сшил его края, приделал к ним верёвку и получилась сумка, в которую, уходя из Эсфигмена, он положил свою рясу.

Когда он жил в монастыре Стомион, у него тоже был только один подрясник. Другой одежды у Старца не было. Стирая свой подрясник и вешая его сушиться, он закутывался в рясу. Он говорил: «Второй подрясник не нужен».

Когда он жил на Синае, его нестяжание достигло наивысшей точки. В его аскетии не было ничего из вещей века сего.

Когда Старец жил в келье Честного Креста, вся его «келарня» – то есть склад – состояла из маленького сундучка. Этот сундучок стоял в конце коридора, соединявшего келью с церковью. Старец использовал сундучок и как сиденье, и как стол, и для того, чтобы складывать в него немногие необходимые ему продукты: сухари, немного риса, маслин и баночку меда. Но, несмотря на настоящую бедность, когда он угощал кого-нибудь в своей келье, его страннолюбие было щедрым и поистине царским, потому что щедрым и страннолюбивым было его душевное расположение.

Преподобный Арсений Каппадокийский, явившись Старцу Паисию, сказал ему: «Меня заставляет любить тебя ещё больше то, что на почте ты не принимаешь денежных переводов. Ведь я слежу за тобой и на почте». Действительно, Старец попросил работников почтового отделения Кариеса, чтобы они возвращали приходившие ему почтовые переводы отправителям. Старец лишь записывал имена людей, приславших ему деньги, чтобы их поминать, а иногда – и их адреса, чтобы посылать им что-то в благословение. Старец предупреждал таких людей, что если они вновь пришлют ему перевод или посылку, то он перестанет их поминать. Он много раз просил почтовых работников, чтобы они возвращали отправителям и приходившие ему посылки, но, видя, что для них это обременительно, получал посылки, чтобы их не расстраивать. Несмотря на то что днём он очень уставал, вечером он садился и разбирал эти посылки, с рассуждением раскладывая их по

кучкам – в соответствии с нуждами других монахов. Потом в рюкзаке он относил им эти вещи или просил об этом других отцов. Так сам он оставался нестяжательным и был «яко нищ, а многи богатящ»⁽¹⁾. Любые вещи, кроме тех, в которых он испытывал острую необходимость, – по его же собственным строгим критериям – он считал бременем, которое его огорчало и от которого он стремился избавиться. Он говорил: «Когда у меня есть [лишние] вещи, я чувствую себя так, словно на моё тело надета тесная, сдавливающая майка».

В хранении нестяжания Старца затрудняло то, что благодетельствованные им лица несли и присылали ему подарки. Для чуткого Старца подвиг стал вдвойне обременителен: с одной стороны, постараться отказаться от этих подарков и приношений так, чтобы не расстроить и не ранить людей, желавших ему что-то подарить, а с другой стороны – рассудительно раздавать другим то, что он всё же был вынужден принять – так, чтобы при этом не оскорбить и дарителей. Однажды мать больного ребёнка прислала Старцу тысячу драхм. Расстроенный Старец в связи с этим 4 марта 1971 года писал человеку, знавшему ту женщину: «Чтобы Вы поняли меня лучше, я приведу пример. В то время как я громко стучу в Христовы двери молитвой, деньги, которые присылают мне люди, желающие меня за эту молитву отблагодарить, превращаются в камень. Он бьёт меня по голове и оглушает меня так, что я перестаю даже молиться – до тех пор пока не найду, кому эти деньги отдать, а это тоже нелегко – ведь как ни старайся, всё равно получишь духовный ущерб. Говорю Вам ис-

⁽¹⁾ Ср.: 2 Кор. 6, 10.

кренне: со вчерашнего вечера и до сего – тоже вечернего – часа я не мог сосредоточиться, потому что мне надо было найти, кому отдать эти деньги. Несчастные люди прислали мне их от своей большой любви, и я их за это поблагодарю. Но я пишу Вам для того, чтобы в следующий раз Вы мне тоже помогли. Я начал с детских домов в Греции, а потихоньку добрался даже до Кении, до несчастных православных негритят, а потом опять “переключился” на несчастных деток, которые просят помощи здесь, в Греции...»

Если Старец находил в келье деньги, которые кто-то из посетителей оставлял ему тайком, он вкладывал купюры в книги и дарил эти книги бедным детям, учившимся в Афониаде. Если он догадывался, кто ему эти деньги оставил, то посылал этому человеку в благословение иконки и другие вещи, стоимость которых была намного выше оставленных ему денег. Это было его принципом: давать больше, чем принимать.

Когда Старец жил на Катунаках, его посетил один человек. Старец приготовил обед и угостил посетителя. Тот попросил продать ему несколько деревянных иконок. «Сейчас, – ответил Старец, – у меня нет времени на рукоделие». Однако посетитель тайно оставил Старцу двести драхм и свой адрес. Вскоре он получил по почте пятьдесят деревянных иконок, которые стоили гораздо больше, чем двести драхм.

Продавал рукоделие Старец очень редко. Обычно он раздавал своё рукоделие в благословение людям. Он имел абсолютное доверие Промыслу Божию и поэтому о себе не беспокоился и денег на собственные нужды не держал. И Бог промыслил о нём, присылая ему то, в чём он нуждался.

Старец не принимал денег и от тех людей, которых поминал. Он писал: «Если мне понадобятся деньги и случится так, что в то же время Вы пришлёте мне письмо с просьбой помолиться о серьёзной мучающей Вас проблеме, то знайте, что я предпочту занять у кого-то ещё и потихоньку своим скромным рукоделением отдать долг – чем просить денег у Вас».

Если у Старца оказывались деньги, он старался их раздать. Однажды у него оказалось пятьсот драхм, и он хотел дать их одному студенту. Юноша заколебался. Он не хотел брать эти деньги, зная бедность самого Старца. «Не надо, Геронда, не надо! У меня есть деньги!» – отнекивался студент. «А сколько миллионов?» – в шутку спросил Старец и убедил его принять помощь.

Переселяясь из каливы батюшки Тихона в «Панагуду», Старец нагрузил все свои вещи на двух мулов. Больше всего места занимал тяжёлый пресс, с помощью которого он делал штампованные иконки, и годичный набор Минеи⁽¹⁾. Личных вещей было совсем немного. Они умещались в один рюкзак, и он мог носить их за собой – как улитка или кочевник. Таково было всё его имущество.

Когда он переселялся в «Панагуду», у него было всего двести пятьдесят драхм, и он дал их в задаток мастеру, у которого заказал маленькое железное окошко для храмика кельи, в которую переселялся.

Когда Старцу было нужно выехать в мир, у него не было денег на билеты. Часто он был вынужден просить деньги в долг. Также ему было трудно скопить

⁽¹⁾ Месячная Минея – богослужебная книга, содержащая в себе службы с изменяемыми песнопениями и молитвословиями для неподвижных богослужений годичного круга, то есть на все дни 12-ти месяцев.

деньги, чтобы купить дров на зиму, – это случилось в последние годы, когда у него уже не оставалось времени на то, чтобы заготовить дрова самому. Когда знакомые Старца предлагали заплатить за дрова, он отказывался и просил помочь стареньким нуждавшимся монахам.

Его ряса и подрясник были истрёпанными и старыми, но чистыми. Однажды, когда он выехал в мир, его знакомый заказал у портного новую рясу для Старца, полагая, что он носит дырявую, потому что не может купить себе новую. Но Старец эту рясу не принял. Однако вскоре он сам заказал себе новую рясу и больше такими предложениями его не беспокоили.

Несмотря на то что Старец жил в каливе и общался со многими людьми, он хранил обет нестяжания, подобно отшельнику. Некоторые имевшиеся у него вещи он держал ради людей, *«яко имѹщ и не содержаяй»*⁽¹⁾.

Однажды Старца посетил пожилой монах, старец Викентий. В этом монахе была скрыта какая-то тайна. Он носил монашескую скуфью, короткое пальто и выглядел как что-то среднее между монахом и мирянином. С мешком за плечами он ходил по конакам⁽²⁾ и по кельям в Кариесе и вещи, которые ему давали, складывал в этот мешок. Потом он тайно шёл к беднякам и больным и раздавал им собранные вещи.

И вот однажды таинственный старец Викентий пришёл в «Панагуду», развалился во дворе и стал спрашивать Старца Паисия: «А это у тебя есть? А то у тебя есть?» Старец на всё давал утвердительный

⁽¹⁾ Ср.: 1 Кор. 7, 30.

⁽²⁾ Здесь: представительства общежительных афонских монастырей в Кариесе. – *Прим. пер.*

ответ и отдавал отцу Викентию всё, чего бы тот у него ни попросил. Тогда, набив свой мешок благословениями, посланный Богом Старец Викентий ушёл. Если можно так выразиться, он взвесил и испытал любовь Старца Паисия и убедился в её искренности и чистоте.

Старец после этого случая говорил: «На меня произвело впечатление, что вещи, которые он у меня просил, действительно были мне нужны. Он попросил у меня пятьсот драхм – я дал ему тысячу триста. Потом он забрал у меня увеличительное стекло с удобной ручкой, плащ, оставил меня без продуктов, без керосина и так далее. Да, или он пришёл в великую меру, или же Бог просвещает его вести себя так, чтобы мы познали самих себя, увидели, не привязано ли наше сердце к чему-то материальному, хотя и необходимому нам».

Старец говорил: «Если у нас что-то попросят и мы жалеем отдать эту вещь или если мы огорчаемся, когда что-то теряем, это значит, что мы любим вещь больше, чем Христа. Если человек радуется, отдавая, и огорчается, принимая, – это хороший знак. Если кто-то войдёт в мою келью и вычистит её до последнего гвоздя, меня это нисколько не огорчит. Однако если я услышу, как кто-то хулит Христа или Пресвятую Богородицу, или же увижу, например, что кто-то ломает часовенку, тогда я отдам всего себя, защищая святыню».

Выезжая со Святой Афонской Горы в последний раз в жизни, Старец имел с собой лишь маленький рюкзачок, в котором лежала одна ряса и какие-то благословения. Поняв, что на Святую Гору ему уже не вернуться, он попросил, чтобы ему привезли ве-

ликосхимническое облачение и куколь. Материальных ценностей, денег, дорогого антиквариата у него не только никогда не было, но он никогда и не старался это приобрести.

Люди мира сего не могут понять смысл добродетели нестяжания. Нестяжание и девство – это не заповеди Бога, данные всем людям, но – монашеские добродетели. Нестяжание и девство – это те жертвы, которые монахи сами, по своему любочестию, приносят Господу.

Своей жизнью Старец учил тому, что утешение и радость монаха находится не в материальном, а в Боге. Тому, кто хочет Его достичь, очень помогает нестяжание – это «истинное имение». Поэтому Старец говорил: «Чем больше выбрасываешь (то есть даёшь милостыню) – тем выше летишь⁽¹⁾ (то есть духовно восходишь)». Стяжание монахом денег и материальных благ Старец считал неудачей и опасным препятствием. Он желал, чтобы монах «не жил чужими благословениями, но раздавал благословения сам».

Так, свободный от всякого материального пристрастия, Старец вступил на монашеское поприще и ушёл из этой жизни материально нищим, но богатым сокровищем своего нестяжания.

*Нищ бе, богатства бескрайнего ради,
И ничтоже имущ и мети многая мни⁽²⁾.*

⁽¹⁾ Греч. игра слов: «Ὅσα πετῶς» (досл. – бросаешь, т.е. подаёшь милостыню) – «τόσο πετῶς» (досл. – взлетаешь, т.е. духовно возвышаешься). – *Прим. пер.*

⁽²⁾ *Преподобный Симеон Новый Богослов. Гимны. Sources Chretiennes 156, 188.*

«Алчность подвижничества»

Как монахи, так и миряне называли Старца Паисия «подвижник». Это имя было дано ему за аскетические подвиги. Самому Старцу его «прозвище» не нравилось, и он от него уклонялся.

Однако сами дела Старца доказывают его великое подвижничество. В этой главе будет изложено немного – то, что ему не удалось скрыть, и то, что сам он открывал другим ради духовного назидания. Многие из его подвигов остались тайными и неизвестными людям. Однако о них ведал Бог, Который и воздаст Старцу за его труды. О некоторых подвигах Старца не будет упомянуто сознательно, потому что они превосходят обычную меру подвижничества и могут быть поняты неправильно.

Уже с юношеского возраста Старец подвизался, беря на себя изнурительные посты. Будучи солдатом, он продолжал строго поститься среди невзгод, снегов и опасностей.

Когда он вступил в общежитие, вначале его организму было немного трудно от постов, изнурительных послушаний и малого сна. Однако вскоре он к этому привык.

Подвизаясь в монастыре Стомион, он очень много работал и очень мало ел. Его желудок, как он сам говорил, стал «как у птички». На сутки ему хватало кружки чая и немного сухарей.

На Синае Старец жил ангельской жизнью, так, как живут бесплотные. Будучи свободным от всякого земного пристрастия, он подчинил плоть духу. Его тело утончилось, стало невесомым, воздушным, приобрело подвижническую благодать, однако одновременно было мужественным, бесстрашным и гибким, как у атлета. Живя в Синайской пустыне, он провёл целый Великий пост, вкушая одно лишь Божественное Причастие. Он вкушал немного пищи только по воскресеньям, а в остальные дни, если это было необходимо, пил лишь немного воды.

Переселившись в Иверский скит и увидев, что возле его новой кельи смоковницу и вишню, он сказал: «Слава Богу, этого мне хватит, чтобы жить здесь. Человеку, чтобы поддерживать себя, нужно немного». Живя в Иверском скиту, Старец три месяца питался только кедровыми орехами. Там, неподалёку, росло несколько кедров. Но можно ли было набрать с них хотя бы две-три ложки орехов на каждый день? Такого количества пищи было достаточно для пропитания лишь такому настоящему аскету, каким был Старец Паисий.

Хотя аскеза приносила ему радость, хотя он вкушал «*воздержания сладость*», его аскеза была прервана после операции на лёгких. Оказывая послушание врачам, он ел то, что ему давали, даже мясо.

Однако, вернувшись на Святую Гору, он вновь отдал себя изнурительным постам. Как-то, желая оказать пользу одному из своих учеников, он сказал

ему: «Я старался применить в своей жизни то, что написано в книгах. Я проводил без пищи целые дни и доходил до того, что не мог даже поднять ноги. У меня не было сил, чтобы выйти с тропинки на дорогу. Я боялся, что кто-нибудь увидит меня упавшим. Тогда я просил Божию Матерь, чтобы Она дала мне силы. Потом хватался за ветки и подтягивался руками, чтобы идти дальше».

Каждый день Старец держал Девятый час⁽¹⁾, а, желая помочь тем, кто нуждался в помощи, воздерживался от пищи и воды три дня подряд. То есть он сопровождал свою молитву о нуждавшихся людях с жертвой поста. В Успенский пост он все дни, кроме субботы и воскресенья, старался ничего не есть – в честь Пресвятой Богородицы. К установленным Церковью многодневным постам Старец добавлял свои собственные многодневные посты – когда молился о каком-то серьёзном вопросе или о страждущем человеке.

Обычно Старец ел то, что не требовало варки или другого приготовления на огне. «К счастью, – говорил он, – приготовления пищи в моём распорядке дня нет». Однако когда в последние годы его жизни один из монахов иногда приносил ему приготовленное на огне кушанье, Старец, ради любви, ел его и говорил: «Желудок иногда хочет поесть и чего-нибудь приготовленного на огне».

Однажды его спросили: «Геронда, как Ваш желудок не испортился от стольких постов?» Он ответил: «Желудок от постов не портится. Однако если человек расстраивается, то ему надо есть. Пото-

⁽¹⁾ Воздержание от пищи и воды до Девятого часа по византийскому времени (до трёх часов пополудни по европейскому).

*«По любочестию он принёс свою плоть
в жертву любви ко Христу».*

му что, когда человек расстраивается, его желудок постоянно вырабатывает желудочный сок, который должен вырабатываться только для переваривания пищи. Сок разъедает стенки желудка, и он начинает болеть. Человек должен есть в соответствии с тем состоянием, в котором находится. Он может проявить воздержание и поест поменьше? Пусть ест поменьше. Если человек [духовно] преуспевает, то он вкушает мало пищи, а силы в себе чувствует такие, как если бы ел как обычно. Это происходит потому, что он питается духовно и та немногая пища, которой он обходится, достаточна для поддержания его жизни». Сам Старец обычно ел из маленькой тарелочки, в которой помещалось немного пищи.

Он стремился к тому, чтобы никто не узнал, как он постится. Когда он бывал в гостях, то не держал «Девятого часа» и ел то, что давали – если для него не было в том [духовного] вреда. Когда он жил в келье Честного Креста, знакомый антипросоп одного из монастырей позвал его в конак этого монастыря в Кариесе, чтобы побеседовать с ним. После беседы он устроил для Старца трапезу. Старец съел всё, что было на блюде и даже подтёр блюдо хлебным мякишем. Только Бог знает о том, как он постился после этого у себя в келье.

Он не хотел дать никому даже малейшего повода «заподозрить» его в том, что он строго постится. Единственным, чего не удавалось скрыть, было его худое измождённое тело – «предатель», рассказывающий о его великих постах другим. Бесы, нападая на Старца, обзывали его «костлявым» и в этом случае не врали. Когда, будучи в монастыре Стомион, он принёс в деревню возле Коницы ковчег со святы-

ми мощами, один старик, указывая на ковчег, а потом на лицо Старца, сказал: «И здесь я вижу кости, и тут – кости». В более молодом возрасте он был как тень, как бесплотное существо, таким худым, словно у него совсем не было желудка. В своей книге о Хаджи Георгии⁽¹⁾ Отец Паисий писал, что преподобный Старец от любочестия принёс свою плоть в жертву ради любви к Богу. То же самое можно сказать и о нём самом.

Добрая привычка вседневного поста помогла Старцу достичь высоких мер аскезы, помогла ему стать великим постником. Он говорил: «В аскезе очень помогает привычка. Привыкнув подвизаться с юности, потом человек уже не испытывает трудностей». Однако ещё больше Старцу в его подвиге помогало умение владеть собой, умение держать себя в руках. Когда после продолжительного поста его тело жаловалось и просило утешения, Старец начинал с ним беседовать: «Чего тебе нужно? Вот, пойдёшь выпей чашку чая, тебе этого хватит». И он пил «пустой» чай – даже без сухаря. Когда от поста у него начинались головокружения, он всё равно не ел пищи, но пил воду, «обманывая» таким образом голод и продолжая пост.

Кроме строгого поста, Старец каждую ночь совершал Всенощное бдение, проводя ночь в молитве. *«Постом, бдением, молитвою небесная дарования приём...»*⁽²⁾.

⁽¹⁾ *Старец Паисий Святогорец*. Афонский Старец Хаджи Георгий (готовится к изданию Троице-Сергиевой Лаврой и Издательским Домом «Святая Гора»).

⁽²⁾ Из общего тропаря Преподобным.

Живя в Эсфигмене, Старец спал около получаса в сутки. Спал он на полу: на каменных плитах или на кирпичач. Позже, когда он спал на сколоченной из досок кровати, не желая иметь покоя даже во сне, он клал под матрас камни. Когда в монастыре Стомион один из паломников случайно увидел доски, на которых он спал, и сказал ему: «Отче, больно тяжёлый ты избрал путь», – то он ответил: «Если ты хочешь чего-то так же сильно, как я желал подвижнической жизни, потом это “что-то” становится приятным».

И Старец действительно чувствовал себя очень радостно, ложась на своё подвижническое ложе, где «подушкой» был обрубок дерева, а «периной» – деревянные доски. От жёстких досок его поясница была чёрной, но он радовался, потому что читал у аввы Исаака следующее: «Прежде всех страстей любление себя, а прежде всех добродетелей – пренебрежение покоем»⁽¹⁾, потому что «покой питает и умножает страсти»⁽²⁾.

Днём Старец никогда не отдыхал. В последние годы жизни, когда целый день он отдавал приходившим к нему людям, он немного изменил свой устав и отдыхал до трёх часов в сутки. Около полуночи он вставал и молился по чёткам. Однако часто он отдыхал три часа не в сутки, а в трое суток. Постом он смирял своё тело, бдениями – очищал и утончал свой ум.

Ночной молитве он отдавал всего себя, все свои силы. Он выбивался из сил, совершая «всенощные стояния» и бесчисленные коленопреклонения. В старости он стал молиться в стасидии и опираясь

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирин. Слово 71. Ук. изд. С. 278.*

⁽²⁾ *Святой Исаак Сирин. Слово 27. Ук. изд. С. 119.*

на особый деревянный костыль в форме буквы «Т», который монахи используют при келейной молитве. Кроме этого, Старец обвязывался верёвкой, другой конец которой был прикреплен к потолку его кельи, чтобы молиться, стоя на ногах – как новый пророк Моисей. Когда он уставал, то продолжал молитву, вставая на колени, давая таким образом каплю покоя своему изнурённому телу.

О бдении Старец говорил: «Дремота приводит монаха в негодность и лишает его общения с Богом. Необходима непрестанная борьба и принуждение себя. В первое мгновение ночной молитвы нам надо проявить по отношению к себе немного принуждения. Первая фаланга бесов налетает, но, если мы оказываем сопротивление, уносится прочь. Давайте не будем совершать бдение, для того чтобы получить от него удовольствие. Мы можем совершать бдение, например, возле больного и говорить: “Боже мой, исцели его, чтобы он выздоровел и тоже мог Тебя славословить”, и после этого мы сами начинаем славословить Бога. Или: “Боже мой, дай сон людям, которые не могут уснуть либо от боли, либо оттого, что их нервы натянуты как струны, и они принимают снотворное”».

Как Старец ни старался скрыть свои подвиги, некоторые из них не оставались незамеченными. Накануне Всенощных бдений его почти целыми днями занимали люди со своими проблемами. Где-нибудь на закате солнца к нему в каливу заходили знакомые монахи, и вместе с ними он шёл на Всенощную. Почти всю ночь он стоял в стасидии и не садился, а на рассвете возвращался в свою келью. Разве у него оставалось время для того, чтобы отдохнуть? С самого

утра к его келье сходилась множество страждущих людей, настоятельно просящих, чтобы он их принял. Как он мог это выдержать? Где он находил силы? Ведь он был стар и немощен...

И, несмотря на всё это, он не нарушал своего устава и не умерял подвижничества. Труд, пост, бдение, утешение страждущих, молитва и бескомпромиссное исполнение своих монашеских обязанностей. «Непрестанное понуждение естества» – с мудрованием и расположением мученика.

«Милуя всю тварь» – одушевлённую и бездушную, сострадая даже диаволу, по отношению к самому себе Старец был немилостивым и неуступчивым – как и все Святые. Он не оказывал своему «скудельному сосуду», то есть своему телу, самолюбивого снисхождения и давал ему меньше того, в чём оно действительно нуждалось. Другим Старец советовал: «По отношению к телу будем исполнять лишь то, что необходимо, потому что то, что больше необходимого, – есть похоть, которая изгоняет из сердца Христа, занимает там Его место и оставляет после себя засуху и пустоту».

В начале монашеской жизни Старец подвизался с дотошностью, скрупулёзностью и принуждением себя. Впоследствии он не имел в этом столь большой необходимости, потому что его духовный плод созрел. Аскеза стала уже образом его жизни, и, когда это было необходимо, он мог допустить определённое отклонение от «буквы». Старец советовал: «Сейчас, пока вы молодые, подвизайтесь, потому что потом вы этого делать не сможете. Раньше я подвизался много. А сейчас я самому себе противен: простужаюсь даже от сквозняка, который дует из замочной скважины».

Также Старец советовал монахам совершать земные поклоны, потому что, как он говорил, «совершая поклоны, мы смиренно поклоняемся Богу, от нас уходит дремота и заводится наш [духовный] мотор. Также от поклонов исчезают неестественные отвисшие животы, поклоны делают тело мужественным и отважным».

Старец говорил: «Через два-три часа после принятия еды мы можем совершать поклоны. Когда мы совершаем поклоны, наши колени должны касаться плеч, а наша голова – пола возле колен». Старец советовал при поклонах касаться пола не ладонью, но внешними костяшками кулака. Однако он не хотел, чтобы на руках были видны мозоли от поклонов, поэтому советовал совершать поклоны на мягком коврике. Так он делал поклоны сам, и если видел, что кто-то при поклоне опирается о пол не кулаком, а ладонью, то его исправлял. Когда Старец делал поклоны, его быстрота, гибкость и «запас прочности» производили впечатление.

Как-то Старец оставил ночевать в «Панагуде» одного монаха. Ночью этот монах слышал из кельи Старца ритмичный стук по полу от поклонов и сердечные воздыхания, обращённые ко Христу и Пресвятой Богородице. Потом Старец погружался в молитву и наступала тишина. Затем вновь слышалось, как он делает поклоны.

Иногда, совершая земные поклоны, Старец произносил не Иисусову молитву, а тропари и псалмы. Летними ночами он молился во дворе своей каливы. Из двух досок он сколотил небольшой помостик размером приблизительно метр двадцать на пятьдесят

сантиметров, на котором совершал поклоны и молился, стоя на коленях.

Старец придавал большое значение благословенному усилию, принуждению себя. Без усилия и борьбы не освятился ни один Святой. Старец говорил, что усилие приводит Бога в умиление, но одновременно убеждался в том, что «нынешнее поколение отличается ленью, которую переносит и в монашескую жизнь. Мы хотим освятиться без труда»⁽¹⁾.

Старец шутил: «Разве не лучше совершать Всенощные бдения, лёжа в кровати? А рядом с кроватью можно поставить магнитофон и включить любое песнопение, какое ни пожелаешь. А ещё можно завести себе маленького заводного аскетика на пружинках, чтобы он делал за нас поклоны и тянул чётки». Этим примером Старец хотел обличить менталитет современного человека, стремящегося к лёгкому и избегающего телесного труда. Старец советовал: «Нам надо быть внимательными, чтобы не заразиться тем духом, который присутствует в мире»⁽²⁾. Люди мирские хотят немного работать или же совсем не работать и получать при этом много денег. Ученики в школах хотят не готовить уроков и получать хорошие отметки. Так старайтесь же подвизаться. Наша жизнь – это усилие, труд».

Старец принадлежал к поколению тех людей, для которых труд был отдыхом, а страдание – развлечением. Ему было радостно трудиться. Он имел «любо-

⁽¹⁾ Святой Григорий Синаит говорит: «Всякое делание телесное и духовное, не имеющее болезнования или труда, никогда не приносит плода проходящему его». Добротолюбие. Т. V. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 236.

⁽²⁾ Святой Исаак Сирийский пишет: «Совершаемое без труда есть правда людей мирских». Слово 16. Ук. изд. С. 57.

трудный нрав», то есть он был расположен трудиться до самой кончины. Своими руками он совершал все необходимые работы: ремонтировал келью, косил траву, топором рубил в лесу дрова на зиму, на своих плечах носил их в каливу и колол колуном – кроме последних лет жизни, когда из-за множества посетителей у него не оставалось на это времени.

Когда Старцу было необходимо посетить какой-то монастырь или келью на Святой Афонской Горе, то он обычно шёл туда пешком, а в более молодые годы и необутым – ради большего подвига.

Старец был сильным человеком, но не исполином. Его великое самоотречение, любочестие, ревность к духовному укрепили его тело, и он совершал подвиги бóльшие, чем другие монахи, которые телесно были сильнее его. Он угнетал, «расплавлял» своё тело в аскезе. В подвиге он исчерпывал все силы. Каждую каплю своего жизненного потенциала он отдавал Христу. То насилие, которое он совершал над собой, доходило до пределов его крепости, а иногда и превосходило эти пределы, после чего он падал в изнеможении. Правая рука отказывалась ему служить от бесчисленных крестных знамений, которые он совершал, молясь по чёткам. Однако для того, чтобы дать руке отдохнуть, он молиться не переставал. Чётки он перекладывал в правую руку, а крестное знамение начинал совершать левой⁽¹⁾. Даже из этого

⁽¹⁾ Пусть никого не соблазняет то, что Старец совершал крестное знамение левой рукой. Старец уподоблялся воину, который бился с врагом любым способом, «с оружием правды в правой и левой руке» (Ср.: 2 Кор. 6, 7). Святой Варсонофий Великий в своих ответах пишет: «Я теперь, когда хочу перекрестить правую руку, то делаю сие левою рукою». *Руководство к духовной жизни преподобных Варсонофия и Иоанна*. Ук. изд. С. 321.

примера видно, насколько неуступчив был Старец в своём аскетическом подвиге.

Здесь идёт речь в основном об аскезе Старца в два последних десятилетия его жизни. То пламя, воодушевление и ревность, которые он имел в юности и в расцвете своих телесных сил, описать словами невозможно.

И действительно, если он имел такую ревность и совершал столь великую аскезу, даже тогда, когда его «мотор испортился», то есть когда его тело стало немощным, то какие подвиги он совершал, будучи молодым? Люди, знавшие Старца в молодости, признаются, что уже сам его необычный вид вызывал изумление и священный трепет. Его ревность была подобна «огненным углям, она была его побудительной силой, побуждала его к ревности, воспаляла и укрепляла его к презрению плоти, в скорбях, в лютых искушениях, она побуждала его к тому, чтобы предавать свою душу на смерть»⁽¹⁾. «Вечером он умирает, а утром воскресает», – говорила о Старце Паисии его знакомая монахиня Анна Хаджи.

Испытаний, подобных тем, какими Старец изнурял себя в юности, он не советовал никому. И не только не советовал, но и отговаривал от них. Однако сам он никогда не раскаивался в тех аскетических опытах, которые поставил на себе самом.

После борьбы и подвигов Старец дошёл до такого состояния, что мог жить, обходясь минимальным количеством пищи и сна. Питаясь Божественной Благодатью, он говорил: «Есть люди, которые не спят от радости. Такие люди питаются и телесно, и духовно». Когда однажды его спросили: «Как мог

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирин. Слово 61. Ук. изд. С. 247–248.*

выдержать кто-то из Святых всего лишь один час сна в сутки, притом стоя, держась за верёвку, чтобы не упасть?» – он ответил: «Уставая, этот Святой восстанавливал свои силы». Сам он переживал то же самое на собственном опыте. Его питала и укрепляла Благодать Божия. Он был подобен машине, работающей без остановки и сжигающей при этом совсем мало горючего.

Старец хотел, чтобы молодые монахи подвизались: «Духовная жизнь – это доблесть, отвага. Имейте отвагу и доблесть, не будьте поколением заплесневелым. Вступив в монастырь, с самого начала надо без колебаний, одним махом уцепиться за Христа, уцепиться за Небо. Телесная аскеза помогает в том случае, когда она совершается с любочестием. Не будем легко идти на уступки, откладывая наши духовные обязанности “на потом”⁽¹⁾. Совершай молитву, сколько в твоих силах – пусть и немного, а упущение потом исповедуй старцу».

«Подобно тому как больной должен питаться независимо от того, есть у него аппетит или нет, – потому что он знает, что еда пойдёт ему на пользу, так и мы, даже не имея расположения к молитве, поклонам, духовному чтению, всё равно должны это делать, зная, что получим от этого пользу, – пусть у нас и нет расположения. В духовной жизни необходимо себя понуждать, а не делать что-либо из-под палки, с душевной тревогой. Духовное понуждение себя – это не рабский труд из-под палки, поэтому оно и помогает [в духовной жизни]».

⁽¹⁾ Духовные обязанности – ежедневные богослужение, поклоны, молитва, чтение Св. Писания и прочее, что монах должен совершать неопустительно. – *Прим. пер.*

Побуждая других к подвигу, Старец подчёркивал и опасности того прельщённого подвижничества, которое питает гордыню, обращая внимание лишь на одну – телесную сторону аскезы и пренебрегая борьбой с душевными страстями: «Самая большая борьба должна вестись за то, чтобы стяжать смирение и любовь – а одержать победу в такой борьбе легко даже для маленькой девочки. Если человек увеличивает телесный подвиг, то одновременно он может увеличить и свою гордыню, имея ложное чувство, что он якобы что-то из себя представляет. Однако, если он наведёт прицел на гордость и выстрелит в неё, то с большой лёгкостью он может добиться успеха и в остальном. В первую очередь, нам надо обратить внимание на смирение и любовь, а уже потом – на бдение и пост».

«Монах, – говорил Старец, – должен научиться быть себе хозяином и владеть собой. Говорить, принимать пищу он должен не когда ему вздумается – а когда это нужно. Если он этому научился, то куда бы он ни попал, где бы ни оказался, он не повредится. А вот тот, кто не умеет собой владеть, похож на быка, который входит в амбар с зерном и, начав его есть, не может остановиться, пока не лопнет. Многие легко увлекаются какой-нибудь страстью и, не имея тормоса, потом катятся под откос».

Подвижничество Старца было великим, оно совершалось «втайне», и его отправной точкой было любочестие. Его подвижничество не было сухим и формальным, из него видна великая любовь Старца к Богу. Тот, кто любит, жаждет пострадать за того, кого любит. Аскеза была для Старца не самоцелью, но средством очищения и освящения. С её помощью

он помогал людям и приносил благоприятную жертву Богу. С рассуждением он жертвовал аскезой ради чего-то высшего. Как-то раз, желая убедить больного монаха в том, что ему надо разрешить пост ради здоровья, Старец – только и только по любви – съел перед ним немного мяса. Бог оказал ему милость, и вкуса мяса он не почувствовал.

Посредством аскезы Старец стал мёртв для мира. Он иссушил свою плоть, чтобы она не произрастила страсти. Он очистил свою душу и тело и стал сосудом, исполненным мира Благодати Святого Духа.

«Труждаясь и делая своими руками»

Смалого возраста Старец возлюбил труд. Он помогал своим родителям в крестьянских делах, работая без усталости и с большой отдачей. В одиночку он мог сжать пшеницу на нескольких стреммах⁽¹⁾. Чтобы придать себе сил в работе, он заходил на середину поля и сжинал одну из средних полос пшеницы так, чтобы оставались два небольших несжатых куска.

Будучи плотником, Старец любил своё ремесло и поэтому много трудился. Он работал с чувством и с расположением – от сердца. Плотницкое ремесло он сочетал с духовным деланием и с делами человеколюбия. Работая, пел что-то церковное и молился. Из заработанных денег он подавал милостыню бедным или же работал для них без платы.

Став монахом, он выполнял возложенные на него послушания предельно тщательно и усердно. После своих послушаний он, по любочестию, шёл помогать тем, кто нуждался в его помощи.

Живя в монастыре Стомион, он, когда находил время между работами по восстановлению обители, делал иконы и раздавал их в благословение: на деревянную дощечку наклеивал бумажную иконку,

⁽¹⁾ Стремма – участок земли площадью 1000 м². – *Прим. пер.*

а вместо рамки обклеивал её сосновыми шишками. Там, в Стомионе, он впервые начал делать штампованные иконки и чрезвычайно преуспел в этом рукоделии. В Стомионе у него был токарный станок, который крутился от ножного привода. На этом станке Старец вытачивал различные деревянные вещи и очень изящные деревянные литийницы⁽¹⁾.

В монашеских рукоделиях Старец был искусен и шёл впереди других. Но и в физическом труде он был неутомим, за ним было не угнаться. Монахи, знавшие его, свидетельствуют, что он рубил деревья быстрее, чем профессиональные дровосеки, а доски обстругивал со скоростью электрорубанка. Словом, работал за десятерых.

Старцу не нравилась чрезмерная скрупулёзность и медлительность в работе. Поскольку *«муж слабосёрд поругаем бываёт»*⁽²⁾, он хотел, чтобы монах немного занимался физическим трудом и много – духовным деланием. Многая работа заставляет монаха забывать о Боге, как забывали о Нём евреи в Египте. Но, как говорил Старец, «уж если работать, так работать».

Будучи на Синае, Старец вырезал деревянные иконки, изображавшие святого пророка Моисея, принимающего от Бога скрижаль с десятью заповедями.

Живя в Иверском скиту, Старец в основном вырезал нательные кресты и кресты для освящения воды. Один маленький водосвятный крест он сделал изнутри пустым, а вокруг вырезал шестнадцать ликов разных Святых. Крест сделан с таким искусством, что видны все детали и даже ногти на пальцах у Святых.

⁽¹⁾ Литийница – предмет церковной утвари – небольшой поднос для освящения хлебов, пшеницы, вина и елея. – *Прим. пер.*

⁽²⁾ Ср.: Притч. 12, 8.

Коница

Коница

Стомион

Синай

Рукоделие Старца

Катунаки

Иверский скит

Панагуда

Панагуда

Рукоделие Старца

Старец выучился резьбе по дереву не у учителя – он был самоучкой. Он постарался освоить это искусство сам и стал превосходным резчиком. Творения его рук – помимо того что были совершенны внешне, излучали особую Благодать, потому что он делал их с благоговением и молитвой.

Об искусстве резчика по дереву Старец говорил: «Христос на Кресте, Пресвятая Богородица, Святые должны на резных иконах выглядеть естественно, но одновременно и более тонко, более аскетично – так, чтобы через них было видно что-то духовное. Христос не должен выглядеть полным, тем более что перед тем, как Его распять, Ему ничего не давали есть».

Старец советовал: «Если, вырезая икону, ты думаешь о том, где раздобыть дерево для рукоделия, то это не молитва. Однако если ты думаешь о том, как придать лику Христа должное выражение, то это молитва».

Живя на Катунаках, Старец вырезал иконы, изображавшие Распятого Господа с предстоящими Пресвятой Богородицей и святым Иоанном Богословом. Также из лаврового дерева он делал ножи для разрезания бумаги с изречениями из Священного Писания. Эти ножи он раздавал в благословение людям.

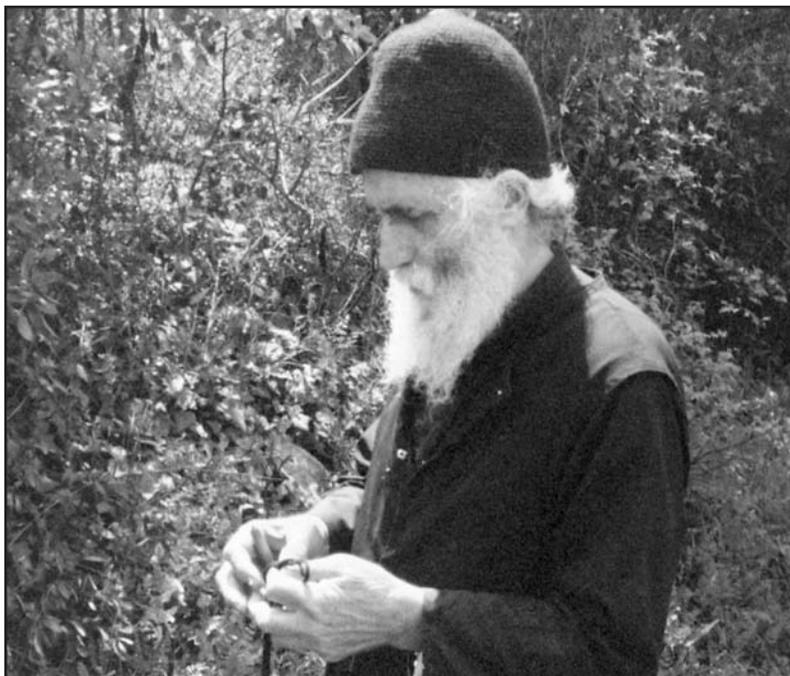
В келье Честного Креста Старец в основном делал штампованные иконки. Он выставлял их за калиткой и паломники брали, сколько хотели. Для штамповки иконок у Старца было несколько матриц, изображавших: икону Божией Матери «Сладкое Лобзание», Распятого Господа, святую Евфимию, преподобного Арсения, Святую Афонскую Гору, Богошественную Гору Синай, крест с копием и губкой – для пряжек на монашеских поясах.

Самым трудным делом было изготовить матрицу. Сделав из стальной пластины овал или квадрат, Старец с помощью молотка и маленьких резцов собственного изготовления выбивал на стали «негативные изображения» той или иной иконы. Потом Старец шёл в лес и искал особые деревья, которые годились для этого рукоделия – крушину и острою. Издалека на плечах он приносил срубленные деревья в келью, давал им подсохнуть, потом ножовкой разрезал их на косые «ломтики» и гладко шлифовал наждачной бумагой. Потом на огне он нагревал матрицы и с помощью ручного заворачивающегося прессы вдавливал их в подготовленные кусочки дерева. Иконки получались очень красивыми. Старец учил этому рукоделию и других отцов и даже давал им готовые матрицы.

Живя в «Панагуде», он вырезал небольшие иконки Пресвятой Богородицы «Сладкое Лобзание» и раздавал их людям, особо нуждавшимся в помощи. Эти иконки получались очень хорошо, как живые, в них словно присутствовал дух.

Также Старец вырезал на дереве рельефные изображения Святой Афонской Горы. Ещё он с помощью прессы штамповал красивые и оригинальные иконы на бумаге: Христос и Матерь Божия, окружённые полевыми цветами.

Однажды Старец увидел, как один из его учеников плёл чётки, и попросил показать ему это рукоделие. Выучившись, он стал плести чётки – даже когда разговаривал с людьми. Сплетённые чётки раздавал в благословение. Но где ему было успеть наплести столько чёток на всех приходивших к нему? Поэтому он покупал рукоделие и у бедных нуждавшихся

Старец за плетением чётки.

монахов-подвижников – желая им помочь и одновременно иметь что-то, что можно было бы дать приходящим к нему людям. Другие монахи с удовольствием давали ему своё рукоделие и без денег, но Старец предпочитал давать что-то другим от своих собственных трудов. Он считал, что в этом случае подаренные вещи имеют ценность. Измученность Старца от грыжи, упадок его телесных сил, большой поток приходивших к нему посетителей привели к тому, что плетение чётки в последние годы жизни стало его главным рукоделием. Много часов в день Старец отдавал паломникам, число которых непрестанно увели-

чивалось. Хотя он был погружён в беседу, его руки в это время – механически и быстро – плели чётки.

Рукоделие – узда для уныния. Оно помогает монаху пребывать в безмолвии. Однако Старец, для того чтобы жить в пустыне, в таких «побочных средствах» не нуждался. Конечно, он занимался рукоделием для того, чтобы не есть «хлеба праздности» и «пшеницы лености», несмотря на то что сам мало в чём нуждался и продавал рукоделие редко. Рукоделие тоже было проявлением его великой любви. Он хотел дать что-то в благословение каждому приходящему к нему. Уставая, он раздавал свои рукоделия «во славу Матери Божией» и приносил таким образом радость и утешение людям, которые считали великим благословением получить что-то из его рук.

Для того чтобы монашеские рукоделия имели благословение, ими нужно заниматься с молитвой и без спешки. Старец говорил: «Если мы занимаемся рукоделием в состоянии внутреннего мира и молитвы, то наше духовное состояние, если можно так выразиться, отпечатывается на рукоделии. И когда люди берут его у нас, они получают благословение. Однажды я вырезал икону, и поскольку у меня уже была “набитая” рука, я без остановки творил молитву Иисусову, не отрываясь от работы. И вот икона сама приняла законченный вид. Я взял её в ладони и просидел так два-три часа. Когда мы достигаем доброго духовного состояния, когда наша любовь ко Христу изливается через край нашего сердца, то наше телесное служение тоже становится молитвой. В другой раз мне заказали три разных иконки святого великомученика Димитрия. Времени у меня было полгода. Прошло пять месяцев, а я успел вырезать только две иконки.

И вот, вырезая третью, я стал торопиться, волноваться, и образ святого Великомученика вышел плохо. Я не стал отдавать третью икону заказчику, но дал её кому-то в благословение».

Для Старца было немыслимо заниматься рукоделием или физическим трудом без молитвы. Один монах спросил его: «Геронда, как мне быть сейчас, когда я восстанавливаю свою полуразрушенную келью?» Старец ответил: «Руки пусть работают, а ум – творя молитву Иисусову – пусть пребывает в Боге».

Старец часто говорил, что рукоделие монаха должно быть простым. Монах-резчик не должен делать сложные многофигурные композиции, потому что потом ему не будет отбоя от заказов. Если возможно, пусть он постоянно вырезает одну и ту же икону, но вырезает её как можно лучше, так, чтобы его ум мог молиться не отвлекаясь.

Кроме этого, он говорил: «Лучше, если монах продаёт своё рукоделие дешево и не даёт милостыню, чем если бы он продавал его за большие деньги, чтобы потом раздавать их в милостыню другим».

Беседуя с иконописцами, Старец настойчиво повторял, что они должны писать хорошие иконы. Он считал, что «икона проповедует веками, тогда как проповедь в храме длится недолго. К примеру, мы видим икону Пресвятой Богородицы и получаем утешение. Конечно, если икона написана плохо, если лик Святого, его глаза вышли злыми, дикими, то такая икона совершает отрицательную проповедь. Один человек говорил мне: “Я встаю на колени перед иконой Христа и хочу открыть своё сердце, но вижу, что Христос похож на немецко-фашистского захватчи-

ка, который на меня свирепо смотрит. Тогда я, конечно, напрягаюсь”.

Икона совершает чудеса, если она притягивает к себе Благодать изображённого на ней Святого. По иконе видно, что любит иконописец. Обычно мы изображаем на иконах самих себя. Одна монахиня любила свою сестру и на иконе изобразила свою сестру. А вот всё то, что мы делаем, без остатка отдавая Богу, – притягивает к себе Божественную Благодать. Внутреннее состояние души отражается и в рукоделии. Если ты имеешь благоговение, то твоё рукоделие будет пропитано благоговением. Если ты имеешь душевную тревогу, то и рукоделие твоё имеет в себе что-то демоническое и передаёт его другим».

Конечно, Старец подчёркивал значение благоговения и аккуратности в рукоделии, однако он смотрел на рукоделие как на вспомогательное средство, а не как на самоцель. Он говорил: «Ведь в конечном итоге перед нами, монахами, не стоит цель – стать хорошими певчими, искусными резчиками, иконописцами или кем-то ещё. Перед нами стоит цель стать настоящими монахами, стать Ангелами. Если это произойдёт, то и вырезанный тобой крест, и написанная икона будут благословенны, и молящиеся перед ними люди тоже получают благословение. Поэтому – чтобы получить благословение – люди предпочитают покупать кресты, иконы, чётки и тому подобное в монастырях».

Аромат благоговения

Однажды много слышавший о Старце Паисии подвижник, живший в затворе, решил его посетить и, побеседовав со Старцем, убедился, что Старец – человек, отличающийся особым благоговением. И действительно, он имел редкое благоговение, которое унаследовал от родителей, главным образом, от матери.

Придя в общежительный монастырь, он получил пользу от многих отцов, а особенно от иеромонаха, о котором говорил: «Мы не можем достичь такого благоговения, которое было у этого батюшки. Куда нам! Он служил Литургию каждый день и очень много подвизался. В течение полугода он каждый день съедал только половину просфорки и несколько высушенных на солнце помидоров». Этот благоговейный служитель Бога, а также другие священники монастыря, служа Литургию в разных приделах, просили юного в то время монаха отца Аверкия (впоследствии ставшего Старцем Паисием), чтобы он приходил петь и пономарить на их Литургиях.

Благоговение Старца было врождённым. Однако и сам он много потрудился, чтобы его возделать и развить. Он придавал благоговению огромное значение,

ставил его так высоко, что даже говорил: «Благоговение – это самая важная добродетель, потому что оно привлекает Благодать Божию».

Согласно Старцу Паисию, благоговение – это страх Божий, духовная чуткость. Человек благоговейный остро чувствует присутствие Божие и ведёт себя со вниманием и скромностью.

Старец хотел, чтобы благоговение было искренним, внутренним. Одни лишь внешние его формы внушали ему отвращение. Когда кто-то похвалил ему одно монашеское братство, отличавшееся строгим чином и дисциплиной в богослужебной жизни, он сказал: «Если это благочиние проистекает у них изнутри, если оно не внешнее, а внутреннее, тогда оно достойно уважения». Сам Старец вёл себя с благоговением, но одновременно и со свободой, чуждаясь формальностей и сухих внешних проявлений. Если он не чувствовал чего-то внутренне, то этого не делал. Он отличал благоговение от благочестия. Слова «благочестие» он старался избегать даже в своей речи. Он говорил, что благоговение – это фимиам, тогда как благочестие – одеколон⁽¹⁾.

Начиная с малого и незначительного, благоговение Старца продолжалось и заканчивалось более существенным и духовным. Он говорил: «Если человек с пренебрежением относится к малому, есть опасность того, что это пренебрежение перейдёт и на что-то более значимое и более святое, и потом, не понимая того, оправдывая себя, что в этом нет ничего страшного, а то дело пустяковое, человек – Боже

⁽¹⁾ В греческом языке от слова «благочестие» (εὐσεβεία) происходит слово «эвсевизмос» – означающее пиетизм, т.е. скрупулёзное исполнение внешних форм благочестия, не имеющих в себе внутренней духовной основы. – *Прим. пер.*

упаси – дойдёт до совершенного пренебрежения Божественным и станет неблагоговейным, бесстыдником и безбожником».

Благоговение Старца было видно из того, как он молился, как прикладывался к иконам, как принимал из священнических рук антидор, пил святую воду, причащался, нёс икону во время Крестных ходов, как пел в храме и как трогательно украшал крохотную церковку своей каливы. Он был внимательным даже к мелочам, но это не было ни схоластичностью, ни формализмом. Это было таким отношением к Богу, которое не предусмотрено ни в одном церковном уставе, но к которому побуждает одно лишь внутреннее расположение человека. Не только к своей крохотной церквушке, но и ко всей своей каливе Старец относился, как к месту священному. Келья, в которой он молился, была у него как храмик. Там у него находился иконостас со множеством икон, горела неугасимая лампада, там он кадил ладаном и возжигал много свечей. Кровать свою он сделал наподобие гроба и, показывая на неё, говорил: «Это алтарь моей кельи». На кровать он не клал ни икон, ни священных книг. Исключением была подушка, на которой лежала одна изъеденная и выцветшая икона. Один брат спросил его, почему она там лежит и почему она в таком состоянии. И хотя Старец пытался уклониться от ответа, в конце концов, брат понял, что икона стала такой из-за того, что Старец покрывал её бесчисленными лобзаниями и обливал слезами. «Так у меня может пройти всё Всеночное бдение», – со смирением и стеснительностью признался Старец. С благоговением Старец относился и к другим помещениям внутри каливы:

к мастерской, в которой он штамповал иконки, к архондарнику, в котором Благодатью Божией возродились человеческие души, к балкону и даже ко двору. Старец считал отсутствием благоговения иметь внутри кельи уборную. У него она находилась во дворе – в достаточном расстоянии от дома. Причиной этого было не только желание большего подвижничества, но, главным образом, благоговение.

Однажды, ещё живя в келье Честного Креста, Старец на несколько дней выехал в мир. Братья монастыря, побуждаемые любовью, желая хоть чем-то облегчить его жизнь, приделали к келье крохотную конурку-туалет. Однако Старец этим туалетом так никогда и не воспользовался.

В последние месяцы, когда состояние его здоровья стало критическим и ночью ему многократно приходилось выходить во двор – и в холод, и в дождь, и в снег – его духовные чада, желающие облегчить его страдания, настаивали на том, чтобы сделать ему туалет на краю балкона, но Старец отказался, говоря: «Там, на балконе, являлась Матерь Божия. А я сейчас сделаю там уборную?»

Подобно тому как Ангелы на Небесах *«всеблагоговейно»* служат Богу день и ночь, так и жизнь Старца Паисия, как ароматом, была пропитана глубоким и неподдельным благоговением. Часто, когда Старец соприкасался с чем-то святым, это благоговение становилось явным, оно было видно из его отношения к Богу. Ко всякой святыне Старец относился так, словно она была живой.

Однажды, страдая от грыжи, он пришёл в гости в одну келью. Старец кельи уговаривал его прилечь отдохнуть, но отец Паисий отказался, потому что мог

лечь только на левый бок, но в этом случае он лёг бы ногами к висевшим на стене иконам, а это он считал неблагоговеиным.

Перед тем как войти в святой алтарь, Старец делал земной поклон с крестным знамением, снимал с головы скуфью, прикладывался к кресту на диаконских дверях и входил в алтарь. Если он готовился причаститься, то на запричастном стихе поклонялся иконам в иконостасе, совершая перед ними земные поклоны. Какое-то время он придерживался следующего правила: готовясь к Божественному Причащению, тридцать три часа совершенно ничего не есть.

От необыкновенного благоговения, которое он испытывал к Таинству Священства, Старец не согласился принять священнический сан, хотя по его собственному откровенному признанию, он «трижды получил от Бога извещение стать священником»⁽¹⁾.

Благоговение Старец считал основной добродетелью для каждого христианина. Однако, измеряя благоговение теми строгими критериями, которыми он отличался, он говорил, что, хотя оно и необходимо, сегодня встретить его нелегко. Благоговение имело для Старца вес больший, чем другие добродетели.

Благоговение было для Старца критерием оценки многих вещей. Когда благоговеиный человек писал, говорил или делал что-то опрометчивое и другие начинали его обвинять, Старец, ещё не успев определиться в своём окончательном отношении к этому

⁽¹⁾ Скорее всего, это извещение от Бога было не заповедью стать священником, но указанием на такую возможность, потому что, когда кто-то спросил Старца, почему, несмотря на внутреннее извещение, он всё-таки отказался от хиротонии, он ответил: «Христос подаёт нам дары. Но разве это значит, что мы обязательно должны их все принимать?»

проступку, оправдывал человека, говоря: «Но ведь он же человек благоговейный, нет, не верю, чтобы он мог такое сделать». Он верил, что благоговение хранит человека от ошибок, от прельщений и от падений, возможно, имея в виду слова Священного Писания: «Путь благоговéинствующих сохранит Господь»⁽¹⁾.

Во всех поступках, словах, духовной борьбе любого христианина, но особенно монаха, благоговение имело для Старца Паисия огромное значение. Оно было тем постоянным коэффициентом, который, сочетаясь с любой другой духовной величиной, давал в итоге более высокий духовный результат.

Старец советовал монахам быть внимательными и стараться приобрести благоговение. Он говорил: «Особенно молодой монах должен весь быть одно благоговение. В этом ему поможет “Эвергетинос”⁽²⁾, если эта книга будет постоянно лежать раскрытой на столе – то есть если монах будет постоянно читать эту книгу и общаться с другими благоговейными людьми». Когда один молодой монах спросил Старца, в отношении чего ему следует быть особенно внимательным, тот ответил: «В отношении благоговения и внимания к себе самому».

Когда один епископ из России спросил Старца, кого рукополагать во священники (видимо, в его епархии было много кандидатов на священство), Старец ответил: «Рукополагай благоговейных и чистых – то есть тех, кто сохранил целомудрие». Благоговейных

⁽¹⁾ Ср.: Притч. 2, 8.

⁽²⁾ «Эвергетинóс» – систематизированный сборник аскетических поучений Святых Отцов, составленный около XI века основателем и игуменом константинопольского монастыря Эвергетис Павлом и впервые изданный в конце XVIII века преподобным Никодимом Святогорцем. – *Прим. пер.*

и чистых, – а не «образованных», не «голосистых», не «общественно активных».

И в церковном пении, и в иконописании большее значение для Старца имело благоговение, и меньшее – художественный уровень пения или написанной иконы. Старец мог различить, присутствует ли в пении или в иконе благоговение. Он говорил: «Если ты будешь внимать смыслу исполняемых тобой песнопений, ты изменишься от этого сам и петь будешь с благоговением. А если ты будешь петь с благоговением, то даже если ты допустишь в пении ошибку – благоговение эту ошибку “усладит”. А вот если ты внимателен только к технике пения, то есть если ты стараешься лишь не ошибиться в нотах и благоговения в твоём пении нет, то ты станешь таким же, как один мирской певчий, который пел “*Благослови, душе моя, Господа*”, а впечатление было такое, словно кузнец бил кувалдой по наковальне. Я этого певчего услышал, когда ехал куда-то в машине. Долго слушать я его не смог, попросил водителя выключить магнитофон. Если человек поёт не от сердца, то своим пением он словно выгоняет тебя из церкви. Есть один Священный Канон, который говорит о том, что за бесчинные вопли полагается епитимья, потому что такие вопли выгоняют людей из церкви».

Иконописцам Старец советовал: «Будем писать икону с благоговением, так, словно, закончив её, мы должны отдать её в руки Самого Христа. Нам бы понравилось, если бы нам подарили фотографию, на которой наше лицо было бы искажённым? Неправильно, если Мать Божия изображается на иконах так же, как святая Анна, для того чтобы скрыть Её телесную красоту. Ведь в мире не было Женщины душев-

но и телесно прекрасней, чем Пресвятая Богородица! Как Она изменяла души людей Своей красотой!»

Об иконе Пресвятой Богородицы «Сладкое Лобзание», хранящейся в монастыре Филофей, Старец говорил, что она имеет технические несовершенства, потому что «ноги Христа на ней как клинья, однако, несмотря на это, она чудотворна и излучает великую Благодать и сладость! Может быть, это происходит потому, что Бог воздал иконописцу за его благоговение».

«К человеку благоговейному приходит Благодать Божия и красит его душу», – говорил Старец. Но с печалью он свидетельствовал о том, что сегодня люди невнимательны к благоговению. Он говорил: «Если человек не имеет благоговения, но с пренебрежением относится к Божественному, то его оставляет Божественная Благодать, над ним берёт власть лукавый, и потом люди становятся бесноватыми. К человеку неблагоговейному Божественная Благодать даже не приближается. Она идёт к тем, кто Её чтит».

В пример неблагоговения Старец приводил жертву Каина, а также сыновей первосвященника Илия из Ветхого Завета. Их пренебрежение к Божественному разгневало Бога, и они были наказаны. Старец считал недостатком благоговения ставить иконы, церковные книги, антидор и вообще любую святыню на сиденье стасидии, а тем более на стул или кровать – кроме подушки.

Когда Старец давал людям в благословение иконки, он советовал класть их в нагрудный карман. Он рассказывал об одном паломнике, которому подарил крест с частичкой Животворящего Древа. У паломника вдруг искривилась шея, и Старец по Божест-

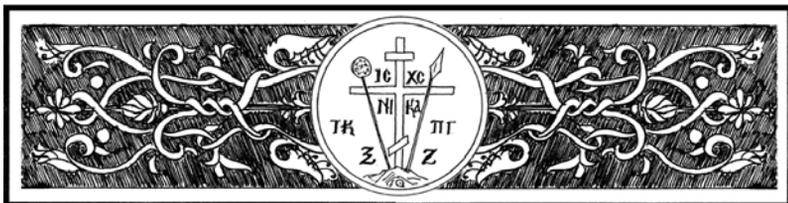
венному просвещению понял, что это произошло по бесовскому воздействию, из-за того, что данную ему святыню этот человек положил в задний карман брюк. Если Старец видел, что люди невнимательно относятся к своей жизни [и совершают тяжёлые грехи], он не советовал им носить на себе крест с частицей Животворящего Древа. Он рассказывал, что один человек стал бесноватым из-за того, что в тот день, когда причастился, плюнул в нечистое место, а ещё одна женщина стала бесноваться из-за того, что вылила в унитаз святую воду. Ещё он рассказывал об одном юноше, обручившемся с девушкой и после этого ходившем к колдуну. Колдун сказал ему помочиться на обручальные кольца. Юноша послушался колдуна и стал бесноватым, потому что обручальные кольца – это святыня. Старец приводил и другие примеры, желая показать, как некоторые, от отсутствия благоговения и внимания, были оставлены Божественной Благодатью и стали бесноватыми.

Старец считал неправильным, если Святых Отцов называли просто по имени: «Василий, Григорий...» Он говорил: «Даже про священника или монаха мы говорим “отец такой-то” и его самого называем “отец”. А называть так неблагоговейно Святых Отцов!..»

Старец не хотел, чтобы в жертву Богу приносился нечистый воск или парафин, любое масло, кроме оливкового, или же оливковое, но дурного качества. Он говорил: «В служение Богу надо приносить самое лучшее. А ещё Ему надо приносить наши силы, нашу чистую молитву, а не усталость и зевание». Великим неблагоговением Старец считал совершение Божественной Литургии на заплесневевших просфорах, даже если плесени было совсем чуть-чуть. «Хрис-

тос, – говорил он, – даёт нам Своё Тело и Свою Кровь, а мы будем давать Ему заплесневелые просфоры?» Для того чтобы найти просфоры для Божественной Литургии, Старец мог пойти в монастырь, находящийся за несколько километров. Просфоры он брал за бока и старался не дотрагиваться до печати наверху просфоры.

Старец старался отблагодарить и сделать приятное Тому, Кого он любил. От своей великой любви он приносил Богу самое лучшее, что у него было. Он вёл себя тонко, с духовной чуткостью и с благоговением. Этим он благоугодил Богу, Который щедро подавал ему Свою Благодать.

«Правду возлюби»

Согласно Священному Писанию, праведником называется тот, кто соблюдает все заповеди Божии и благоугождает Богу. То есть праведник – это святой. Праведность – отличительная черта всех угодивших Богу Святых.

Однако в современном греческом языке слово «праведный» (по-гречески «дикеос») означает «справедливый» – то есть тот, кто безукоризнен в своих отношениях с людьми. Именно этот смысл вкладывал в слово «дикеос» и Старец Паисий. Он разделял справедливость на справедливость человеческую, когда кто-то справедлив к своему ближнему и не обижает его, и на справедливость Божественную, когда человек сознательно и с благодарностью претерпевает несправедливости по отношению к себе. Согласно Старцу Паисию, «Божественная справедливость состоит в том, чтобы делать то, что доставляет покой твоему ближнему», то есть предпочитать жертвовать своей волей, своим покоем, тем, на что ты имеешь право – ради того чтобы доставить покой и помочь другому. «Духовная справедливость, – выразительно говорил Старец, – состоит в том, что человек чувствует чужое бремя своим. Чем больше человек духовно преуспел, тем меньше он даёт себе прав. Предположим, что мы

поднимаемся с кем-то в гору и у нас обоих рюкзаки за спиной. Человек духовный, желая помочь ближнему, берёт себе и его рюкзак, но по чуткости, деликатности говорит, что с двумя рюкзаками ему легче сохранить равновесие на подъёме. Весь секрет в том, чтобы поставить себя на место другого, его понять. Поступая так, мы вступаем в родство со Христом».

Старец советовал: «Выбросьте вы эту человеческую логику и человеческую правду! Проникнитесь правдой Божественной. Некоторые, даже духовные люди, сочиняют новое евангелие – не такое, как старое – и хотят, чтобы христианин “не был дурачком”. Но как раз наоборот! Монах должен радоваться, когда к нему относятся несправедливо. У него нет “права” ни на что, потому что он идёт вслед Онеправданного Христа. У человека мирского есть и неведение [духовных законов], есть и много прав. Если его оскорбит кто-то старший, он может подать на него в суд. А вот у монаха – как бы несправедливо к нему ни относились – никаких прав нет. У него нет прав, если его даже не просто оскорбят, но и унижат. Бог попускает все эти оскорбления и унижения для того, чтобы мы расплатились за какой-то из наших грехов или для того, чтобы мы отложили себе про запас [духовную] монету. Когда к нам несправедливо относятся, а мы пытаемся “докопаться до правды” и оправдать себя, то на нашем [духовном] банковском счету не остаётся никаких сбережений». Одновременно Старец верил, что человеку, сознательно претерпевающему несправедливости, уже в этой жизни Праведный Бог воздаёт духовными, а может быть, и не только духовными, но и материальными – в соответствии с состоянием человека – дарами.

В письме от 25 февраля 1971 года Старец писал: «Из одного случая я увидел великую, не имеющую границ, справедливость Божию. В монастырь поступила послушницей девушка. В миру она претерпела несправедливость, и всеми её трудами воспользовались грешные люди. И вот, пробыв послушницей всего месяц, она достигла духовного созерцания и опытно переживала Божественные тайны».

Монаху, не сумевшему поладить с братом, с которым они трудились на послушании, Старец посоветовал: «Скажи ему: “Ты прав”. Но знаешь, сколько вместе со своей правотой пошли в адскую муку? Ведь [человеческая] справедливость поступает с монахом несправедливо». Старец хотел сказать, что, пытаясь себя оправдать, монах получает духовный вред. Однако некоторым новоначальным монахам он советовал: «Если человек ещё не достиг такого устройства, чтобы с радостью принимать несправедливости, будет очень хорошо, если во время недоразумений он даст свои объяснения».

Образно Старец говорил о несправедливости так: «Есть приюты и благотворительные учреждения для сирот, для больных, для стариков – для кого угодно. Вот только для несчастной несправедливости до сих пор не сделали никакого приюта. Каждый берёт её и перебрасывает на плечи своего ближнего, потому что все видят, как она тяжела и некрасива. И, однако, насколько сладка несправедливость! Она сладка, как ничто другое! Самые прекрасные мгновения в моей жизни были те, когда я претерпевал несправедливость. Тот, кто принимает несправедливость, принимает в своё сердце Онеправданного Христа. А вот ссоры и склоки происходят тогда, когда

каждый присваивает себе справедливости больше, чем имеет на неё право. И только человек, имеющий многою любовь, подбирает несчастную, никому не нужную несправедливость, оставляя её – себе, а справедливость – другим. Всю же несправедливость без остатка принял только Христос – когда ради нас на Своих плечах Он нёс Крест на Голгофу».

Именно эту Божественную справедливость Старец сделал законом своей жизни. Он не только с радостью принимал несправедливость – у него хватало чуткости вести себя с теми, кто поступил с ним несправедливо, тонко, так, чтобы их не задеть и не ранить. Он считал этих людей своими благодетелями, молился за них и посылал им подарки. Он говорил: «Часто мы считаем, что с нами поступают несправедливо, но в сущности, если к нам относятся несправедливо, то нам оказывают благодеяние. Никто не может повредить нам несправедливым отношением, если мы сами не несправедливы к самим себе. К самим себе мы несправедливы тогда, когда не живём духовно. А духовно мы живём тогда, когда соблюдаем заповеди Божии».

Старец не довольствовался лишь тем, чтобы жить по законам Божественной правды, но был очень внимательным к тому, чтобы *«не приобщаться чужим грехом»*⁽¹⁾. То есть он не принимал ничего противного Божественной правде. В то время когда он подвизался в монастыре Стомион, одна богатая женщина сдавала свой дом бедной семье. У бедняков не было денег, чтобы платить ей за дом, и тогда она хотела подать на них в суд, говоря, что деньги, которые у них отсудит, она отдаст в монастырь Стомион. Хотя монастырь и

⁽¹⁾ Ср.: 1 Тим. 5, 22.

испытывал огромную нужду, отец Паисий отказался принять от неё какие бы то ни было деньги, говоря: «Ты взяла деньги из одной обители (то есть из бедной семьи) и хочешь отдать их в другую обитель? Нет, я таких денег не хочу».

Нанимая рабочих, Старец никогда заранее не договаривался с ними о плате, но неудовлетворённых никогда не было. Старец всегда давал им справедливую плату и что-то сверху – в благословение.

Старец настолько возлюбил Божественную справедливость, настолько последовательно жил по её законам, что предпочитал претерпеть несправедливость и пойти ради неё в вечную муку, лишь бы никого не обидеть самому.

В письме от 4 апреля 1966 года он говорит о случившемся с ним сверхъестественном событии: «Одно время я просил Бога о том, чтобы пойти в адскую муку. Во-первых, потому что я недостойн видеть Его Всесвятой Лик, а во-вторых, для того, чтобы Он удостоил Своего Царства всех тех, кого я в своей жизни, как человек, огорчил, к кому отнёсся несправедливо или осудил. И Благий Бог попустил мне испытать малую часть адских мучений. Это продолжалось неделю, и выдержать этого я не смог. Вспоминаю те дни, и меня охватывает дрожь. Поэтому человеку, который пойдёт в адскую муку, лучше было бы не родиться».

Известно, как Старец молился, умоляя Бога о тех людях, по отношению к которым он в неведении совершил возможные несправедливости: «Боже мой, помилуй тех, кого я осуждал, и если я оказал другим милостыню, отдай её тем, с кем я поступил несправедливо».

Но Старец был справедлив и в евангельском смысле этого слова – то есть он был праведен, поскольку с детского возраста с ревностью и бескомпромиссностью отдал себя соблюдению Божественных заповедей.

Правда, по законам которой он жил, была его покровом и ограждением в искушениях и опасностях. Это особенно проявилось тогда, когда он был солдатом и участвовал в опасных операциях. Тогда покров Божественной правды защищал его больше, чем древо Честного Креста, потому что *«утверждаёт праведныя Господь»*⁽¹⁾, Который всем *«воздаст по правде»*⁽²⁾. Но, находясь под покровом правды Божией, Старец был неуязвим и для бесчисленных демонских нападений и искушений. Один человек видел диавола, который ходил по двору каливы Старца и бормотал себе под нос: «Неужели я его никогда не поймаю?»

Если мы не станем жить по законам Божественной правды, то преуспевания в нашей духовной жизни не будет, а кроме этого, не будет услышана и наша молитва. «Ведь молятся столько людей и по столько часов! – говорил Старец. – Мир уже давно должен бы был измениться. Но, поскольку отсутствует и праведность, и справедливость, Бог эти молитвы не слышит. Тогда как молитвы одного единственного праведника достаточно для того, чтобы приклонить Бога на милость по отношению к целому народу»⁽³⁾.

⁽¹⁾ Ср.: Пс. 36, 17.

⁽²⁾ Ср.: Пс. 17, 21.

⁽³⁾ См.: Иер. 5, 1 и Иез. 14, 14.

Любочестие Старца

Согласно Старцу Паисию, любочестие – это «благоговейный дистиллянт⁽¹⁾ доброты, очищенная любовь смиренного человека. Сердце человека, имеющего любочестие, наполнено великой благодарностью Богу и ближним. И от духовной тонкости и чуткости такой человек старается воздать другим даже за самое маленькое добро, которое они ему делают». Любочестие – это то, что совершается сверх долга и обязанности, без просьбы со стороны кого-то, по несвоекорыстной любви.

Этой добродетелью отличались все действия Старца Паисия. Его любочестие проявлялось во всём: от простой помощи кому-то до пожертвования своей жизнью на войне, ради того чтобы не подвергались опасности или не были убиты другие. Впоследствии оно проявлялось и в жизни монашеской – с её любочестными подвигами, превосходившими запас его сил. Если Старец видел любочестие в других, это приводило его в умиление. Он говорил: «Мы должны вести себя с любочестием. Любочестные дети со вниманием думают и заботятся о том, как облегчить участь своих родителей или их отблагодарить. А мы, монахи, должны знать, что доставляет радость нашему Старцу и делать это,

⁽¹⁾ Греч. λαμπικώρισμα.

не дожидаясь, пока он нас попросит. Имейте любочестие и не эксплуатируйте чужую доброту. На человека любочестного благословения сыплются, как из мешка, а ноющий ропотник рождает несчастье и горе. Сердце становится чистым не от стирального порошка, а от любочестия. Если мы уже закончили своё послушание, то не будем оставлять без помощи нашего собрата, который не успел закончить своё. Будем приносить себя в жертву. Одна женщина говорила: «Поскольку Христос вкусил горечь и поскольку сама я огорчала Его своими грехами, испытывать радость я не хочу». И какую же она испытывала радость! Она просила других помолиться о том, чтобы она испытывала не радость, а боль за Христа. Какое любочестие! И чем больше она об этом просила, тем бóльшая радость и веселье к ней приходили. Эта женщина вышла из пределов своего «я».

Старец советовал: «Будем делать добро не с мыслью о выгоде и не законнически, но от любви к Богу. Если есть любовь к Богу, то я не только с лёгкостью выполняю свой долг, но и жертвую тем, на что имею право».

Будучи монахом, Старец не довольствовался исполнением одного лишь монашеского правила и служб суточного круга, успокаивая совесть тем, что исполнил свои духовные обязанности. Любочестие побуждало его вдаваться в бóльшие подвиги, а для самого себя не оставлять ни сил, ни времени, ни покоя. О других он думал больше, чем о себе самом, и, желая помочь людям, приносил себя в жертву.

Итак, любочестие – отличавшая Старца добродетель. Когда он был мирянином – любочестие сделало его благодетелем других, когда он был солдатом – оно сделало его героем, когда стал монахом – сделало его Святým.

Доверие Божественному Промыслу

Меня великую веру в Бога и совершенное доверие Божественному Промыслу, Старец говорил: «Я на тысячу процентов уверен в том, что если сейчас я отдам кому-то вот этот свитер, то не успею я дойти до своей каливы, Бог пошлёт мне другой. Но вначале, желая нас испытать⁽¹⁾, Бог попускает нам и немножко помёрзнуть, и заболеть. Вот здесь-то и необходимо внимание. Человек должен быть внимательным к себе, чтобы [не взроптать и] не сказать что-нибудь вроде: “Христе мой, ведь я же отдал этот свитер ради любви к Тебе! А Ты теперь оставляешь меня без свитера, чтобы я заболел?”»

Никогда – насколько бы трудными и зловещими ни казались обстоятельства – Старец не беспокоился и не отчаивался. Это относилось и к нему лично, и к проблемам окружающей среды, и к проблемам церковным, национальным и международным. Старец видел, что активность и господство лукавого и его слуг возрастают, однако одновременно он знал и во всеуслышание говорил, что «уздечку держит Дру-

⁽¹⁾ «Вне искушений Промысл Божий не зрится». *Святой Исаак Сирин*. Слово 44. Ук. изд. С. 187.

гой». «Диавол пашет землю, – образно говорил Старец, – но только сеять в неё будет Христос». Старец верил, что «Бог не попускает произойти злу, если из него не выйдет добра или, по крайней мере, не будет положено препятствие ещё какому-то злу – большему, чем то, которое Он попустил».

Надежда, которая *«никогда́же постыжда́ет»*, сопровождала Старца всю его жизнь, особенно в трудностях. Среди тьмы и тумана он говорил о ясном безоблачном небе. «Благодатью Божией всё будет хорошо», – утешал он отчаявшиеся души. Человеку, переживавшему из-за происков врагов нашей Родины, Старец дал следующий, исполненный надежды ответ: «Даже если мне скажут, что на всей земле не осталось ни одного грека, я отчаиваться не стану. Бог может воскресить хоть одного грека, даже из мёртвых. И если Он это сделает – то хватит и одного». Кроме этого, Старец верил, что «даже если на всей земле останется хотя бы один христианин, Христос всё равно исполнит Свой Божественный план». В то время как другие говорили о страшных событиях, готовых постигнуть наш народ в будущем, и сеяли таким образом страх, Старец Паисий передавал другим оптимизм и надежду: он говорил о воскрешённой Элладе и о том, что Храм Святой Софии в Константинополе вновь будет нашим. «Ведь есть и Бог! Куда ты дел Бога?» – сказал он священнослужителю, который мрачно смотрел на будущее своей Родины.

Старец говорил: «Если бы я не имел доверия Богу, то не знаю, во что бы я превратился. Человек должен действовать лишь до определённого момента: потом начинает действовать Бог. Будем же иметь к Нему безусловное доверие». Это доверие для Стар-

ца не заключалось лишь в какой-то неопределённой надежде, нет, оно было осязаемой неизбежностью, о которой к тому же свидетельствовали бесчисленные примеры.

В своей жизни Старец много раз и разными способами испытал вмешательство Божие. Будучи солдатом, он подарил своё Евангелие одному из сослуживцев. После этого он стал просить у Бога послать ему Евангелие, чтобы он мог читать Слово Божие. На Рождество в их часть прислали двести посылок, и Евангелие оказалось только в той посылке, которая досталась Старцу.

* * *

Когда Старец жил в монастыре Стомион, то однажды он отдал свою майку нищему и сам остался в одном подряснике. Идя в Коницу по делам, он зашёл на почту, где его ждала посылка, набитая майками. Старец верил в то, что «если ты даёшь другим, то Бог даёт тебе».

* * *

Когда он жил на Катунаках, его организм нуждался в чём-то сладком, а ничего сладкого у него в келье не было. Тогда к нему пришёл посетитель, который принёс смоквы и изюм со словами: «А это для тебя». И Старец возблагодарил Бога.

* * *

Однажды, идя по дороге, Старец увидел прекрасный большой гриб. «Слава Богу, – сказал он, – на обратном пути я его срежу и приготовлю себе на ужин». Возвращаясь обратно, он увидел, что половину гриба съело какое-то животное. Ничуть не расстраиваясь, он вновь возблагодарил Бога: «Слава Богу, значит, мне надо съесть не целый гриб, а половину». Он взял половину гриба. Когда утром следующего дня он вышел во двор своей кельи, то увидел, что вокруг выросло много грибов. И он снова возблагодарил Бога. «Слава Богу» за всё: и за целый гриб, и за половинку, и за много.

* * *

Одно из духовных чад Старца рассказывает: «Придя в келью Честного Креста, чтобы встретиться со Старцем, я увидел, что Старец был обут в необычные тапочки: снизу кожаные, а сверху как будто вязанные из шерсти. Я таких тапочек раньше не видел. Я его спрашиваю: «Геронда, где ты раздобыл такие тапочки?» – «Забирай их», – говорит. «Геронда, – отвечаю, – зачем они мне? Я тебя так спросил, от любопытства». – «Нет, – говорит, – ты эти тапочки возьмишь, а мне принесут другие – новые». Ну раз он меня так уговаривал, я не мог отказаться и, помимо своей воли, забрал у него эти тапочки. Не успел я уйти, как пришёл монах из Ставроникиты. Он притащил Старцу здоровенную посылку. Старец говорит: «А ну-ка, давай посмотрим, что нам прислала почта». Он открыл посылку, и мы увидели, что, помимо дру-

гих вещей, там была пара новых тапочек. «Вот, – сказал он тогда, – видишь, как бывает».

* * *

Однажды к Старцу пришёл дрожащий от холода паломник. «Брат ты мой, – говорит Старец, – что же тебе дать?» Поискав, Старец не нашёл в келье никакой лишней одежды, и поэтому, сняв с себя свитер, отдал его этому человеку. Как только посетитель ушёл, в дверь Старца снова постучали. Это был другой паломник, он принёс Старцу небольшую посылку, в которой был только один свитер.

* * *

Старец рассказывал: «В каком-то году, по-моему, в 1971, я около пятнадцати дней болел. У меня была высокая температура, озноб. Разжечь печку я не мог. Я был один и не мог ни согреть себе чаю, ни выйти из каливы. Я думал, что умру, и даже укрылся схимой батюшки Тихона. И как только я это сделал, знаете, какую я почувствовал Благодать? Окружённый светом, я увидел себя во дворе кельи и увидел всё другими глазами. Я видел птиц, рыб, планеты – видел весь мир. И всё видимое мной не молчало, эти птицы, рыбы, планеты – всё остальное говорило: «Всё это Бог сотворил для тебя – для человека».

Я просил Бога о том, чтобы в мой смертный час я был один и только от этой мысли преисполнился радостью и весельем. Если тебя оставляют люди, если ты лишён утешения человеческого, это приносит тебе щедрое Божественное утешение».

Поэтому, когда Старец болел, к помощи врачей он не прибегал. Он вверял себя Промыслу Божию и с доверием и терпением говорил: «Когда я болею, мне никто не нужен – чтобы меня утешал Бог».

* * *

И как он мог не доверять Богу после стольких и стольких проявлений Божественного Промысла, который заботился о нём *«якоже доилица грéет своё чадо»*⁽¹⁾. Бог промыслял о нём, как о Своём достойном и избранном чаде. Он заботился о Старце или через людей, или сверхъестественным образом. Он подавал ему всё: от самого малого до самого насущного, при том, что Старец обычно не просил Его об этом. Поэтому Старец говорил: «Насколько же надёжно, уверенно чувствует себя ребёнок в материнских объятиях! Но ещё более надёжно и уверенно чувствует себя верующий человек в объятиях Бога! Я сейчас переживаю радость ребёнка в материнских объятиях. Объятия Божии подобны Раю. Прекращается молитва, прекращается и всё остальное. Когда ты в Его объятиях, ты живёшь в Раю».

Старец Паисий был тем благословенным человеком, который *«надéется на Гóспода, и бе Госпóдь упováние егó»*⁽²⁾.

⁽¹⁾ Ср.: 1 Сол. 2, 7.

⁽²⁾ Ср.: Иер. 17, 7.

Ангел мира

Старец говорил: «Мир⁽¹⁾ – это дух Бога, тогда как противоположное миру (то есть смущение, волнение) происходит от диавола». И действительно, «мир души свидетельствует о том, что Бог всегда присутствует возле нас, и о том, что Он в нас обитает»⁽²⁾. «Человек, лишённый мира, лишён Божественной Благодати»⁽³⁾, – пишет святой Нектарий Эгинский. Мир есть плод Благодати. Он обитает в сердцах смиренных и чистых.

Такой мир стяжал Старец Паисий. Это было внутреннее благодатное состояние, которое он считал превосходящим молитву. Он стяжал этот мир, прежде всего, совлекишись страстей, но, главным образом, установив связь с Начальником мира⁽⁴⁾ посредством непрестанной молитвы. Этот мирный дух разливался вокруг Старца и передавался тем, кто был рядом с

⁽¹⁾ Греч. Εἰρήνη.

⁽²⁾ *Святой праведный Иоанн Кронштадский. Моя жизнь во Христе. Свято-Преображенский Валаамский монастырь, 1991. Ч. I. С. 242.*

⁽³⁾ *Святой Нектарий Пентапольский. Познай самого себя. Ἁγίου Νεκταρίου Πενταπόλεως. Τό γνῶθι σαυτόν. Ἔκδ. Ἁγιος Νικόδημος. Σ.207.*

⁽⁴⁾ «Той бо есть мир наш» (Еф. 2, 14).

ним. Этот дух ощущался в его речи, в его движениях, в его исполненном тихой радостью, но одновременно огненным взоре, в его рукоделии, в том, как он принимал и провожал людей, а особенно – в его молитве. Тот, кто находился рядом со Старцем, дышал каким-то иным воздухом.

Старец был очень внимательным к тому, чтобы не попасть под влияние «беспокойного мирского духа, который сделал мир подобным сумасшедшему дому». Он усердно старался хранить своё мирное состояние. Часы он всегда специально ставил немного вперёд. Когда он шёл в гости, то выходил раньше, чтобы избежать спешки, смущения, которые потом отрицательно влияли бы на его молитву. Старец хотел, чтобы наша молитва была мирной, прежде всего, в храме. Видя во время богослужения бесчинство, влекущее за собой смущение, он с рассуждением вмешивался и помогал восстановить порядок.

Людям Старец говорил так: «Мир во всём мире наступит тогда, когда мир будет у нас внутри. Различные борющиеся за мир организации здесь помочь не могут».

Старец подчёркивал, что мир внутренний приобретает главным образом через покаяние и соблюдение «доброго чина»⁽¹⁾. Он говорил: «Настоящий мир приходит тогда, когда человек внутренне приведёт себя в порядок и будет внимательным, чтобы не давать диаволу прав над собой, потому что лукавый старается отнять у него мир внезапными нападениями».

Один молодой монах спросил Старца, что ему делать, если он не успевает вовремя закончить свой монашеский канон и из-за этого смущается и вол-

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирин. Слово 73. Ук. изд. С. 289.*

нуется. Старец ответил: «Помолись немного по чёткам о самом себе, немного о живых и немного об усопших – помолись в мире, без спешки. Потом, когда у тебя будет время, восполни то, что не успел».

Старец подчёркивал, что внутренний мир помогает в аскезе: «Когда наш духовный организм имеет в себе мир Божий – ему не нужны витамины. Когда мира нет, то, сколько бы витаминов, сколько бы пищи человек ни употреблял, – на пользу ему это не идёт. Поэтому в аскезе очень помогает внутреннее мирное состояние. Это внутреннее мирное состояние и питало Святых. Несчастные мирские люди питаются мясом, а сил у них всё равно нет: у них дрожат ноги, поститься они не могут, а всё потому, что они живут с душевной тревогой и волнением и внутри у них без остановки вырабатывается желчь и желудочный сок. Когда человек упорядочит себя внутренне, его будет питать даже небольшое количество пищи».

Однажды Старца спросили: «Почему некоторые люди теряют внутренний мир из-за пустяков?» Старец ответил: «Таким людям недостаёт бодрствования над собой. Надо бодрствовать, потому что тангалашка любит нападать неожиданно. Кроме того, мир, который теряется из-за пустяков, – не настоящий мир. Человек думает, что теряет мир, а на самом деле просто к тому беспокойству, которое у него было, прибавилось ещё одно беспокойство. Человек, имеющий настоящий мир, всему находит оправдание».

Подчёркивая особое значение мира в монашеской жизни, Старец говорил: «Монахам нет оправдания, если они не имеют кротости, потому что они ни за кого не несут ответственности. Они должны быть внимательны только к самим себе. Когда их внутренний

человек в порядке, тогда они будут иметь и кротость и смогут [мирно] перенести любое жёсткое слово. Когда наш внутренний человек пребывает в добром устройении и находится в трезвении, то – даже если нас с головы до ног осыпят ругательствами – нас это нисколько не огорчит».

И вот, взыскуя этот многовождеденный мир, или, лучше сказать, взыскуя Самого Бога мира, измученные волнениями люди прибегали к Старцу Паисию. Старец был маленьким, тихим озерцом, которое не волновали мирские бури. Выполняя своё старческое служение, он нёс ответственность за других и иногда, побуждаемый этой ответственностью, был вынужден обличить кого-то или что-то, был вынужден разгневаться «гневом праведнейшим». Но и в этих случаях его мир оставался при нём, потому что он вёл себя так не по пристрастию, а бесстрастно – побуждаемый ревностью по Богу и любовью к сбившемуся с пути человеку, за которого Старец страдал больше, чем тот сам за себя. Хотя Старец был вынужден углубляться во многие проблемы и вопросы, Бог хранил его сердце, и мир – *«превосходящий всяк ум»* – его не оставлял. Рядом со Старцем умиротворялись люди и становились мирными дикие звери.

Однажды в «Панагуду» пришёл очень взволнованный, встревоженный юноша. Он был в отчаянии и в руке держал верёвку. «Или, Геронда, ты мне можешь, – сказал он Старцу, – или я повешусь прямо на твоих глазах». Старец взял юношу за руку и отвёл его в архондарик. Там они поговорили и вскоре вышли во двор. Юноша ушёл от Старца радостным, уже без верёвки, исполненным мира и надежды.

Старец Паисий был не просто мирным человеком – он был миротворцем. Он примирял детей с родителями, примирял уже готовых развестись мужей и жён, примирял начальников с подчинёнными... Говоря кратко, каждую приближавшуюся к нему душу он примирял с Богом и с людьми, примилив её прежде всего с самою собой.

Светильник рассуждения

Рассуждение Старца было Божиим даром и великим благословением для него самого, для тех, кто обращался к нему за советом, и для всей Церкви.

Ещё будучи мирянином, Старец отличался естественным рассуждением. Он действовал «с советом и разумом».

Кроме этого, Старец глубоко знал «естество сущих». Его замечания и объяснения, связанные с животными и растениями, удивляют даже специалистов. Старец прекрасно знал человеческий организм, знал, как он действует и от чего заболевает, он давал людям практические советы, касающиеся их здоровья, – от просто полезных до спасительных, при том, что никаких медицинских книг он не читал. Однако ещё глубже он знал человеческую душу. Он был её глубоким аналитиком, превосходным психологом и психиатром⁽¹⁾ – в святоотеческом смысле этих слов. От его рассудительности не укрывался характер человека, его духовное состояние, его трудности – и он подавал ему именно ту помощь, которая была нужна.

⁽¹⁾ Психология – *ψυχολογία* (досл.: душеведение); психиатрия – *ψυχιατρική* (досл.: душелечение).

Старец использовал свой богатый и редкий духовный опыт, помогая людям, переживавшим непонятное для них состояние, различить, что с ними происходит: что-то благодатное или демоническое. Человек, пробовавший вино, может легко отличить его от уксуса, пусть они и похожи по цвету. Старец говорил: «От того небольшого опыта, который у меня есть, я вижу новоначального и понимаю, в каком состоянии он находится, понимаю его развитие, то, насколько он преуспеет. Я понимаю это от опыта: просвещение Божие – явление иного порядка».

В духовной жизни существует знание, которое происходит от научения. Выше этого знания стоит опыт. Однако драгоценнее всего – Благодать, подаваемый Богом дар рассуждения.

Сочетая опыт и Божественный дар рассуждения, Старец Паисий явился *«светильником рассуждения»*, который освещал всё тёмное и трудноразличимое. Старец особенно почитал пророка Даниила. Он благоговел перед ним, восхищался его смирением, но одновременно и его великим рассуждением. Ему особенно нравилось читать книгу пророка Даниила. Видя в ком-то благодатный дар рассуждения, Старец подчёркивал это, говоря: «Такой-то Старец – рассудителен» или «один рассудительный Старец сказал».

К Старцу, желая получить его совет, прибегали люди разного общественного положения и возраста. Многие приезжали издалека, чтобы услышать из его уст «да» или «нет» – в мучающей их дилемме. Другие, находясь в безвыходном положении или имея очень большие трудности, просили у Старца помощи. Один-единственный совет рассудительного Старца

просвещал этих людей, облегчал их боль и часто изменял всё течение их жизни.

Однажды Старца посетил благоговейный и милосердный человек, имевший фабрику. Желая помочь своим работникам, он платил им зарплату бóльшую, чем хозяева других фабрик той же отрасли, и они стали строить ему козни, потому что их рабочие переходили к нему. Старец посоветовал этому человеку: «Плати каждому из своих работников обычную зарплату, а уже помимо зарплаты давай им в благословение сколько хочешь, но при этом говори: “Это тебе на обучение ребёнка”, “это тебе на замужество дочери” и тому подобное». Этот человек ушёл от Старца радостным и успокоенным.

Добродетельный духовник, живший в миру, столкнулся со следующим искушением: одна женщина настаивала, чтобы он вступил с ней в плотскую связь. Она предупредила его, что, если он станет отказываться, она повесится. Духовник, будучи человеком нравственно безукоризненным и боящимся Бога, пытался говорить с ней как с человеком разумным, но, увидев, что переубедить её невозможно и, желая выиграть время, сказал, что подумает над её предложением. Сразу же он поехал на Святую Гору к Старцу Паисию. Этот священник боялся, что, не желая того, он станет причиной самоубийства. Старец сказал ему: «Скажи ей, чтобы шла и вешалась. Она уже тем, что задумала такое дело, духовно повесилась». Старец рассудительно понял, что эта женщина не наложит на себя рук, но лишь угрожает священнику, желая склонить его к своей похоти. Когда, вернувшись в свой город, духовник передал ей слова Старца, она ушла униженная и, конечно же, вешаться не стала.

Старец занимал определённую позицию и ответственно, недвусмысленно выражал своё чёткое мнение не только по вопросам, касавшимся того или иного человека, но и по проблемам общецерковным и национальным. Правоту его взглядов подтверждало дальнейшее развитие событий в Церкви и в государстве.

Благодать Божия посвятила Старца в Божественные тайны, он стяжал *«ум Христов»*. Он постигал, как действует Бог, желая спасти каждого человека. Он был способен изъяснить духовные законы и разложить их на составляющие.

У Старца был Ветхий Завет в пяти томах на древнегреческом языке с параллельным парафразом на новогреческий. Эти книги Старец читал постоянно. Красным карандашом он подчёркивал некоторые места в новогреческом тексте. На полях он комментировал какое-то место или давал библейским событиям духовные объяснения. Тонкие и рассудительные замечания Старца свидетельствуют о просвещении и рассуждении, которые даровал ему Бог.

Некоторым людям, ещё до того, как они рассказывали ему о своём состоянии, он говорил: «Это искушение произошло с тобой по такой-то причине» или «Бог даровал тебе это благословение вот из-за чего...».

Один человек спросил Старца, почему постоянно болеет его ребёнок. Старец ответил: «Прекрати работать по воскресеньям и праздничным церковным дням – и болеть он перестанет». Этот человек послушался Старца – и, действительно, его ребёнок стал здоров.

Однажды Старец оказался в гостях в знакомой семье в Афинах. Находившийся там человек попросил

его помолиться, чтобы у него родился ребёнок. Но ещё кто-то, присутствовавший при разговоре, перебил его и сказал: «Знаешь, почему Бог не дал тебе ребёнка? Потому что ты просил Его об этом без веры!..» Старец промолчал. Однако, провидя то, что вскоре должно было случиться, он с горечью подумал: «Ох, да ведь теперь умрёт ребёнок у него самого!» И действительно, вернувшись на Святую Гору, он в скором времени получил письмо с печальной новостью.

Слово Божие говорит: «*От зра́ка познán б́удет муж*»⁽¹⁾. Но человек, подобно Старцу Паисию, имеющий благодатный дар рассуждения, познаёт вещи духовно. Он видит то, что находится за внешними формами и явлениями, которые часто обманчивы. Духовный «рентгеновский аппарат» Старца Паисия давал точную картину внутреннего мира и состояния каждого человека.

Старец говорил: «Тот, кто духовно преуспел, может понять человека по его внешнему виду, по глазам. Он получает извещение о том, в каком состоянии человек находится. Иногда опыт может его подвести – максимум процентов на двадцать – когда, увидев, например, что человек задумчив, может показаться, что у него проблемы, тогда как эта задумчивость может быть кратковременной. Однако, если речь идёт о серьёзном вопросе, в котором ближнему нужно помочь, тогда человека, духовно преуспевшего, извещает Бог, и он, ещё не встретившись с кем-то, уже знает его лицо, его отличительные черты, его возраст, его затруднения. Однако здесь необходим смиренный помысел».

Как-то раз на Святую Гору приехал известный священник. Он посещал разные монастыри, игумены

⁽¹⁾ Сир. 19, 26.

собирали на встречу с ним всю братию, его слушали со вниманием и почитали как святого. Однако, когда этот священник пришёл к Старцу Паисию, тот, задав ему всего два вопроса, окончательно уверился в том, о чём раньше его известила Божественная Благодать. Он различил в этом священнике как простоту с благоговением, так и прельщённость с наивностью.

Кто-то хвалил при Старце одного церковного деятеля за его административные дарования и общественную активность. Старец внимательно и молча слушал. Когда собеседник закончил, Старец подвёл итог сказанному такими словами: «Он похож на ореховое дерево. Ореховое дерево даёт хорошую древесину, оно идёт на мебель, но горе человеку, если он забудется и уснёт в тени орехового дерева. Такой человек просыпается больным». Старец хотел подчеркнуть, что вместе с добродетелями в человеке, о котором шла речь, присутствовали и душевные страсти. О другом человеке, который без рассуждения вёл везде правильные разговоры, Старец сказал: «Он швыряет другим золотые венцы с бриллиантами, но несдобровать тому, кому он с размаху попадёт таким венцом по голове».

Старец обладал дарованием по малозначащему и незаметному для многих признаку понимать, как разовьётся состояние не только отдельного человека, но даже монашеского братства или монастыря. Он говорил: «Вы обращаете внимание на большую, но безопасную царапину, и не замечаете маленького прыщика, который разовьётся в опасную опухоль».

Очень давно, в конце шестидесятых годов, Старец посетил келью одного святогорского монаха. На дверном косяке он увидел электрический звонок. Ка-

залось бы, мелочь – для многих не имеющая никакого значения. Однако рассудительный Старец лишь печально покачал головой. И действительно, прошли годы, и этот монах превратил свою келью в роскошную мирскую виллу. «А у него, – сказал тогда Старец Паисий, – этот червячок мирского духа сидел внутри уже тогда, когда он только провёл себе электрический звонок».

Об одном монахе из мира, приехавшем на Святую Гору и привезшем с собой много вещей, Старец сказал: «Ну что же, когда поедет обратно, всё с собой и заберёт». И действительно, прошло несколько месяцев, и этот человек вернулся в мир, забрав с собой обратно и привезённые вещи.

Говоря о проступке одного святогорского монаха, Старец сказал: «Э, что теперь от него ждать? Он вернётся в мир и сбросит с себя монашеские одежды». К несчастью, так и произошло.

Старец знал о том, что происходит на Святой Афонской Горе, как знают об этом немногие, и, кроме этого, он предвидел, как будут развиваться события на Афоне в будущем. Ему было больно за удел Пресвятой Богородицы. Он молился, он говорил и советовал, но к словам его прислушивались очень редко. С рассуждением он не давал впутать и затащить себя в ловушки мирских действий, предпринимаемых якобы на благо Святой Горы. Так, когда антипросоп одного из монастырей хотел предпринять такое мирское действие, которое он считал правильным, и пришёл к Старцу Паисию, чтобы взять на это его благословение, Старец не стал его принимать. Впоследствии он без обиняков объяснил, чего именно хотел этот антипросоп и то, какие

губительные последствия для Святой Горы и для всей Церкви будет иметь его внешне доброе и безобидное действие.

Многим Старец открывал, в чём была воля Божия. Когда она не была ему открыта, он без спешки исследовал вопрос со всех сторон, или, как он выражался, «мучил свой помысел».

В случае, когда Старец желал получить от Бога извещение по какому-то вопросу, он на несколько дней запирался у себя в келье, проводя время в посте, поклонах и молитве – до тех пор, пока не получал от Бога ответ. Тогда, подобно пророкам, он мог сказать: «*Та́ко глаго́лет Госпóдь*». Он знал волю Божию уже напрямую от Самого Бога. То, что ранее было различимо с трудом и находилось во тьме, становилось светлым и ясным.

Старец не хотел, чтобы мы «просили извещения у Бога, если есть возможность посоветоваться с человеком. Бог хочет, чтобы мы поступали так от смирения. Только в том случае, если ты не можешь найти человека, чтобы спросить у него совета и получить извещение, Сам Бог становится твоим Старцем. Он просвещает и извещает тебя. К примеру, ты не можешь найти человека, чтобы он изъяснил тебе какое-то место из Священного Писания. В этом случае тебя просвещает и извещает Сам Бог». Старец советовал, чтобы мы имели рассуждение во всём.

Об аскезе Старец говорил так: «Новоначальный ставит опыты на себе самом, тогда как опытный подвижник подобен хозяину бакалейной лавки, который легонько ударяет пальцем по чашке весов и понимает, сколько на эту чашку надо прибавить или сколько с неё убрать».

Старец говорил, что особенным рассуждением должны отличаться духовники, когда они используют «Пидалион». Одному из них Старец советовал: «Тут каноны такие строгие, а их всё равно нарушают! А представь, что бы было, если бы они были мягкими! Тогда люди жили бы совсем расхлябанно. Необходимо рассуждение, потому что, используя каноны, можно совершать преступления. Применяя к самому себе акривию⁽¹⁾, чтобы быть в состоянии применять икономию⁽²⁾ к другим. В икономии есть и благословение».

«Любая милостыня, которую мы оказываем, должна совершаться с рассуждением, как говорит Господь в Евангелии: “*Всяка жёртва солю осолится*”⁽³⁾. Соль – это рассуждение», – говорил Старец. Однако одновременно он советовал давать милостыню любому, кто просит у нас помощи, даже если он – человек богатый.

Старец говорил, что даже в наших суждениях о других «когда мы включаем о ком-то в работу добрый помысел и видим всех людей святыми – необходимо рассуждение. Ведь если тот, кого мы называем святым, делает что-то нехорошее, кто-то может сказать: “Ну, раз так ведёт себя этот святой человек, значит, это хорошо”. Надо различать, где золото, а

(1) Акривия (греч. ἀκρίβεια – точность) – святоотеческий принцип строгого отношения к Священным Канонам и вообще к Преданию Церкви, при котором признаётся необходимым их буквальное, точное применение. – *Прим. пер.*

(2) Икономия (греч. οἰκονομία – домостроительство) – святоотеческий принцип допущения в исключительных случаях отклонений от точности Священных Канонов в их практическом применении. – *Прим. пер.*

(3) Мк. 9, 49.

где медь. И золото от золота тоже различать должно: надо понимать, сколько в нём карат. Ведь золото бывает разным: от девяти до двадцати четырёх карат».

Однажды Старца спросили: «Геронда, когда я вижу в человеке какую-то страсть, что мне делать? Стараться с помощью доброго помысла видеть эту страсть как добродетель, чтобы не осуждать человека?» Старец ответил: «Нет, надо видеть страсть страстью. Но при этом надо говорить, что я – грешник больший, чем он, потому что он не получил помощи. Если бы он получил помощь, то совершал бы чудеса».

Посредством своего тонкого рассуждения Старец давал всему правильную оценку. Он справедливо судил о происходящем, однако в осуждение при этом не впадал. Он ставил себя ниже самого последнего грешника. Он глубоко верил в это и доказывал это, истолковывая евангельскую притчу о талантах.

Из своего опыта Старец говорил: «Как я понял, есть четыре категории людей: здоровые, болезненные, больные с доброкачественными и больные со злокачественными опухолями. Последний случай – неисцелим. В двух предыдущих врачебная помощь должна оказываться с рассуждением и только в том случае, если лекарство попросят сами больные».

К душе каждого человека Старец относился с рассуждением, избегая крайностей и односторонностей. Он давал каждому человеку то лекарство, в котором нуждался именно он. Разным людям, имевшим одну и ту же проблему, он подсказывал различные выходы. Он не подминал под себя проблемы всех людей нерассудительно и грубо – подобно дорожному катку. Одному человеку он говорил: «То, что я тебе гово-

рю, я говорю именно для тебя. И даже если ты передашь мои слова другому, ему это не поможет, а скорее, повредит. Поэтому будь внимателен». Главным образом, по этой причине Старец не хотел, чтобы его слова записывали на магнитофон. Он видел расположение, вместимость, «запас прочности» своего собеседника и разговаривал с ним в соответствии с этим. Его слова, действия и позиция были ясными и взвешенными. Часто он понимал, что то или иное из его действий может вызвать отрицательную реакцию. Однажды, желая высказаться по одному вопросу, он какое-то время хранил молчание, видя, что в данный момент его слова будут использованы во вред и принесут ещё большее зло.

Следуя советам Старца, люди чувствовали себя надёжно и в безопасности. Известные духовники, опытные подвижники и епископы вручали рассуждению Старца ход своей духовной жизни. Они приходили к нему, чтобы «получить извещение». Он был опытным капитаном, спасавшим человеческие души от волн и подводных рифов настоящей жизни. Посредством своего богопросвещённого рассуждения он привёл ко спасению многие души.

Безмолвия рачитель

Вся жизнь Старца Паисия отличалась непрекращающимися попытками бегства в пустыню. Можно сказать, что он родился с неизбывным желанием безмолвия. Это желание осталось в нём до конца жизни. С детского возраста он любил уединяться, взыскав безмолвие. Часто он поднимался на гору, где проводил время в пещерах, или вскарабкивался на скалы. Подражая Господу, он *«бе отходя в пустыню и моляся»*⁽¹⁾. Вначале Старец избрал для себя жизнь безмолвническую. Однако, по Промыслу Божию, он несколько лет не мог осуществить это желание. Но все препятствия, которые возникали на пути к безмолвию, не только не преуменьшали его желания – напротив, разжигали его ещё больше. Годы подвигов Старца в общежительном и идиоритмичном монастырях на Святой Горе, а затем в монастыре Стомион в действительности были подготовкой к безмолвнической жизни.

Приехав на Синай, он возрадовался безмолвию, наслаждался его плодами и духовно обогатился. Он жил ангельской жизнью, подобно бесплотным, подлаживая свою жизнь к святой пустыне и чувствуя

⁽¹⁾ Лк. 5, 16.

утешение, которое она ему дарила. Он переживал Божественные Тайны и высокие состояния и имел непрестанную Иисусову молитву.

В одном из писем, отправленных из Иверского скита (от 8 мая 1966 года), он так объясняет свое нежелание писать и получать письма: «Я не только прекратил писать письма, но и избегаю любой встречи с людьми. Чем дальше я убегаю от мирских проблем, тем больше смогу помочь миру в его проблемах, потому что в этом случае моё старание помочь не будет старанием человеческим, но сам Благий Бог будет разрешать проблемы людей, при этом оставляя свободной их волю».

Когда Старец жил в келье Честного Креста, приходивших к нему паломников становилось всё больше и больше. Желая оградить своё безмолвие, он принял определённые меры: огородил участок забором и вновь прекратил переписку. В письме от 9 декабря 1970 года он пишет: «Ведь я же монах-исихаст, и, если я буду заниматься перепиской, моя жизнь не будет иметь смысла. Смысл она будет иметь тогда, когда я буду постоянно помнить [о человеческой боли] и молиться за мир. Сейчас зима, и необходимого безмолвия мне хватает. А вот летом больше всего мне мешают безмолвствовать студенты, которые приезжают сюда, чтобы со мной встретиться».

Великая любовь Старца не позволяла ему самому жить в высокой области Фаворского Света и при этом быть безразличным к страдающему человеку. Однако, для того чтобы выйти из этого фаворского состояния и говорить с людьми, Старец прилагал великое усилие. Немногие понимали жертву, на которую он шёл, оставляя своё возлюбленное безмолвие и погру-

жаясь в проблемы людей. Это было его пожизненным подвигом: жить в безмолвии и помогать людям.

Богоспросвещённый рассудительный Старец превосходно объединял безмолвие со служением человеку. В нём счастливо сочетались безмолвник и духовный руководитель. Он был похож на тех древних воинов, которые держали меч и в правой, и в левой руке и поэтому назывались «обоюдодесничники». Старец наилучшим образом пользовался безмолвием, а когда обстоятельства и воля Божияставляли его среди людей, он открывал свои духовные житницы и, как добрый житораздаватель, как новый прекрасный Иосиф, питал жаждущий народ Божий тем хлебом, который пожал в пустыне.

Старцу удавалась безмолвническая жизнь, несмотря на то что его посещали многие. Бывали случаи, когда он буквально задыхался от приходивших к нему людей. Однако его безмолвнический устав и распорядок дня, его опыт и великое рассуждение позволяли ему найти время на всё и на всех. Так и сам он получал духовную пользу и духовно помогал людям.

Он говорил: «Я могу разговаривать с людьми, могу находиться рядом с ними, однако наступает время, когда я хочу быть один». Его глубокий внутренний человек был по своей природе исихастом. Также он добавлял: «Если человек не имеет возможности уйти в пустыню, ему надо постараться создать предпосылки для безмолвия в том месте, где он живёт. Если мы заботимся о том, чтобы отсечь наши страсти, то и здесь, где мы живём сейчас, для нас будет пустыня. Я бы тоже хотел сейчас⁽¹⁾ жить на вершине

⁽¹⁾ Старец говорил это в последние годы своей жизни.

Афона вместе с “невидимыми старцами”⁽¹⁾, но разве я смогу жить вместе с ними? “*Дух úбо бодр, плоть же немощна́*”⁽²⁾. Я хочу быть один всю ночь и три часа днём, мне необходимо совершенное уединение. Я чувствую это необходимостью».

Целые дни напролёт Старец отдавал свои силы людям, утешая их, но он стремился к безмолвию хотя бы в ночные часы. «Когда я оставляю на ночь у себя в келье посетителя, – говорил он, – я не ощущаю безмолвия так, когда я один».

Летом Старец каждый день на несколько часов уходил в лес. Он очистил от кустов и деревьев несколько мест для молитвы и каждое лето из листьев папоротника делал себе небольшой шалашик. Там он читал Псалтирь, молился по чёткам и потом возвращался к себе в келью, где его уже ждали люди.

Возможно, кто-то подумает: «Что за исихаст был Старец Паисий, когда он целыми днями напролёт беседовал с людьми?» Однако, как говорит авва Пимен, «иной человек... с утра до вечера говорит и, между тем, соблюдает молчание; потому что он ничего не говорит без пользы»⁽³⁾.

Находясь в безмолвии, Старец служил Богу, а беседуя с людьми, приводил их к Нему. Однако, будучи

⁽¹⁾ Невидимые старцы – согласно святогорскому преданию, являются самыми святыми монахами Горы и живут совершенно уединённо, будучи никому не известны. Согласно тому же самому преданию, последняя Литургия на Земле будет совершена этими невидимыми двенадцатью. Их число всегда постоянно, потому что, если умирает один из них, его место занимает кто-нибудь из самых достойных монахов Святой Горы.

⁽²⁾ Мф. 26, 41.

⁽³⁾ Достопамятные сказания о подвижничестве святых и блаженных отцов. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1993. С. 138–139.

другом и рачителем безмолвия, он всегда скучал по пустыне. Поэтому в последние годы жизни он неоднократно пытался на время удалиться в пустынное место, однако всегда встречал на своём пути препятствия. Когда он в последний раз посетил Синай, то хотел остаться там на безмолвие, однако у него это не получилось. То же самое произошло и на Святой Земле. Старец думал и о Метеорах⁽¹⁾, и о других пустынных местах, но везде встречал препятствия. Под конец он стал просить Бога удостоить его пожить в пустыне хотя бы два-три года перед тем, как Он возьмёт его из сей жизни. Вместе с одним-двумя монахами Старец попытался удалиться в одну из внутренних афонских пустынь, но все его старания оказались тщетны. Воля Божия была в том, чтобы он оставался в своей каливе и помогал людям. Об этом его ясно два раза известил Сам Бог.

Итак, извещение принимать людей Старец получил свыше. Кроме этого, ухудшилось состояние его здоровья. Теперь он уже не мог, как свободная птица, летать по далёким пустыням. Он довольствовался жизнью, полной самоограничений, в своей каливе и был подобен *“птице, особящейся на zde”* и *“гóрлице любопустынной”*.

В своей каливе Старец жил как в глубокой пустыне, потому что его сердце опустело от страстей и он стяжал безмолвие ума. Он дошёл до такого состояния, что мог одновременно находиться со множеством людей и быть один. Ему удалось осуществить в своей жизни заповедь любимого им святого

⁽¹⁾ Метеоры – место в Фессалии, недалеко от города Трикала. Представляет собой комплекс из нескольких монастырей, расположенных на скалах. – *Прим. пер.*

Исаака Сирина: «Будь друг со всеми людьми и при этом оставайся один в своём помышлении»⁽¹⁾. Старец пребывал «неподвижен сердцем, общаясь по внешнему человеку с людьми, а по внутреннему – с Богом»⁽²⁾. Уже очень рано он научился слышать или не слышать, видеть или не видеть – тогда, когда хотел этого сам.

Зимой 1959 года в монастыре Стомион его посетил один солдат. Он застал Старца больным, лежащим в кровати, и сказал ему: «Отче, Вы болеете, а тут ещё и дети не дают Вам покоя».

– Какие дети?.. – спросил Старец. – А... правда! Сейчас услышал!.. Я и не заметил, что они пришли.

Солдат понял, что погружённый в молитву Старец не слышал крики игравших в монастырском дворе детей, которые будоражили всю округу.

Когда Старец искал пустынное место вне Святой Горы, ему показали хорошую пещеру в безмолвном месте. Но человек, который привёл его туда, сказал, что недалеко от пещеры проходит автомобильная дорога и слышится шум проезжающих машин. «Этот шум меня не беспокоит, – ответил Старец. – Я могу, когда хочу, его слышать, а когда не хочу – не слышать; могу видеть машины, а могу их не видеть. Хуже шум другой: когда хотят меня впутать в разные проблемы».

Однако Старец говорил, что вначале «безмолвие в удалении от мира очень быстро приносит душе внутреннее безмолвие при помощи подвижничества и не-

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирин*. Слово 58. Ук. изд. С. 239.

⁽²⁾ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Ук. изд. С. 31, 43.

престанной молитвы, и тогда человек уже не беспокоится внешним беспокойством»⁽¹⁾.

Основываясь на своём безмолвническом опыте, Старец говорил: «Безмолвие само по себе – это уже молитва». Об одном находящемся в миру исихастической Старец говорил, что живущие там монахи преуспевают, потому что они любят безмолвие и время от времени, ни на что не отвлекаясь, живут в маленьких каливках. И действительно, согласно святому Исааку Сирину, «безмолвие есть край совершенства»⁽²⁾ и «честное дело безмолвия становится пристанищем Таинств»⁽³⁾.

Безмолвие есть благое состояние, однако, пребывая в нём, необходимо подвизаться, совершать дела безмолвия. Старец выразительно говорил: «Чем поможет мне безмолвие, если, пребывая в нём, я имею радиоприёмник? Для того чтобы пустыннонику помогла пустыня, он должен или уже быть хорошим [монахом], или стать им. Подобно тому как сладкие плоды, произрастая в безводных местах, становятся слаще, чем выросшие в местах влажных, а плоды горькие в местах безводных становятся горче, так и хороший монах в пустыне станет лучше, тогда как монах страстный станет более страстным. Некоторые монахи хотят жить в безмолвии. Они находят безмолвную келью и потом впадают в совершенное нерадение и равнодушие. Всё их духовное делание заключается в том, что они иногда сядут и почитают какую-нибудь книжку».

⁽¹⁾ *Старец Паисий Святогорец*. Письма. Ук. изд. С. 106.

⁽²⁾ *Святой Исаак Сирин*. Слово 23. Ук. изд. С. 100.

⁽³⁾ *Святой Исаак Сирин*. Послание 3. Ук. изд. С. 362.

Старец рассказывал и следующий случай: «Давно, когда Ватопедский монастырь был ещё идиоритмичным, двое его насельников договорились уйти в пустыню. Они купили себе келью. Один из них был подвижником. Каждую ночь он совершал бдения. А другой в это время спал и раздражался из-за того, что подвижник беспокоит его своим шумом. Он ему даже говорил: «Что ты там делаешь всю ночь и не можешь успокоиться? Нет, видно до тебя не доходит смысл того, что написано в Псалтири: “*И в но́щи пред тобо́ю*”. Ты ведь “и в но́щи предо мною”, то есть ты даже ночью не даёшь мне покоя!” Из этого видно, что в действительности один из братьев ушёл в пустыню ради высшей духовной жизни, тогда как другой – для высшей плотской жизни, для комфорта».

Старец подчёркивал: «Те, кто живёт в безмолвии, – извлекают ли они пользу из своего молчания, безмолвия, или же сидят и беседуют со своими помыслами? Если они беседуют с помыслами, то они болтуны большие, чем болтуны в миру. Потому что мирскому болтуну делают замечания, его ругают, и постепенно он исправляется, тогда как они, пребывая в пустыне и празднословя со своими помыслами, имеют при этом ложное мнение, что они исихасты и таким образом причиняют себе немалое зло. Для того чтобы быть исихастом, надо иметь умную молитву».

И действительно, цель безмолвия есть молитва. «Собирательным делом безмолвия, – говорит святой авва Исаак Сирин, – является пребывание в молитве»⁽¹⁾.

Старец Паисий был убеждён, что для того, чтобы человек шёл подвизаться в пустыню, необходимы определённые предпосылки. Или он должен идти к

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирин*. Слово 85. Ук. изд. С. 346.

подвизающему в пустыне старцу, или, перед тем как идти в пустыню, достаточное время прожить в послушании в общежительном монастыре. Старец говорил: «Если молодой монах уходит в пустыню, чтобы жить там одному, по своей воле и без наблюдения Старца, то – если он даже и не станет бесноватым – преуспеть не преуспееет». Одного молодого монаха, пришедшего к Старцу за благословением уйти в пустыню, он отговорил от этого со словами: «Сейчас жить один в безмолвии ты не сможешь».

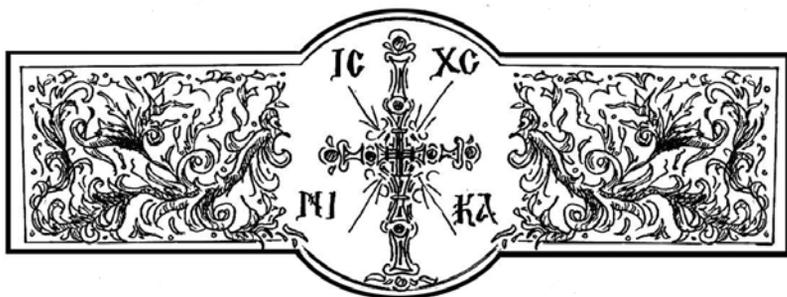
Святогорскому монаху, который жил в келье один и буквально погибал от бесполезных попечений и не находил ни в чём духовного утешения и покоя, Старец посоветовал: «Возьми “Добротолюбие” и чётки и пойдёшь во-о-он туда, видишь: под каштаны».

На вопрос, возможно ли сегодня монаху жить в безмолвии на Святой Афонской Горе, Старец ответил: «Возможно – если монах живёт в неизвестности и не вступает в близкие отношения с мирскими людьми».

Старец помог монахам, имевшим предпосылки для безмолвнической жизни. Благодаря ему были заселены многие афонские кельи, в которых возникли очаги безмолвнической жизни.

Этим безмолвническим духом дышал Старец Паисий, его он передавал другим. Он возлагал на исихазм – безмолвническую жизнь – великие ожидания и многие упования. Он верил в то, что «из безмолвнической, исихастской жизни придёт и возрождение Церкви»⁽¹⁾.

⁽¹⁾ «Возрождение Церкви» не в обновленческом понимании, а как возвращение различных сторон церковной жизни к евангельскому и святоотеческому идеалу. – *Прим. пер.*

Трезвение

Если даже просто говорить о Старце Паисии нелегко, то описывать его внутреннее делание – почти невозможно. *«Глубоко сердце паче всех, и человек есть, и кто познаёт его?»*⁽¹⁾ В этой главе мы совсем чуть-чуть коснёмся трезвения – то есть внимания, бодрствования – Старца Паисия.

Старец был трезвенным делателем, ещё живя в миру. Он был внимателен в выборе того, с кем общаться, в отношении помыслов и чувств. Каждый день он подвергал себя самоконтролю. Он положил себе правилом не смотреть в лицо женщинам. Одна родственница стала жаловаться его матери на то, что он не ответил на её приветствие. Это произошло потому, что Старец не заметил эту женщину – его помысел и взор были устремлены к иному.

Старец не ходил по кофейням и избегал мирских развлечений. «Однажды, – рассказывал он, – в соседском доме устроили шумный пир. Я спал на сеновале. Помолвившись, представляя, будто я нахожусь перед Вифлиемскими яслями, я чувствовал радость».

⁽¹⁾ Иер. 17, 9.

«Поступив в монастырь, – рассказывал Старец Паисий, – я начал усердно заниматься молитвой. Однако в отношении внимания к себе слегка расслабился. Прошло немного времени и я понял: со мной что-то не в порядке. Тогда я осознал, что мне не хватает трезвения, постоянного контроля над собой. В начале духовной жизни требуется больше внимания, чем молитвы. Ведь если нет трезвения, то и молитва на пользу не идёт. Наш внутренний человек должен непрестанно находиться в трезвении. Мы должны замечать каждое из своих движений. Слежение за собой, внимание (трезвение) помогают нам больше, чем молитва и духовное чтение».

Для того чтобы возделать трезвение, Старец на общих монастырских послушаниях трудился молча и в отдалении от других. Когда он жил на Катунаках и на кораблике приезжал в Дафни, то, ожидая обратного корабля, уходил подальше от пристани и людей – к скалам. Когда он жил в «Панагуде», то в Кариес поднимался крайне редко, причём по тропинке, о которой мало кто знал, и в часы, когда встретить кого-то было трудно.

По дороге он не выпускал из рук чётки и творил Иисусову молитву или «читал не по книжке», то есть приводил себе на ум то, что прочитал раньше и размышлял над этим.

Старец имел внутреннее духовное делание, «то единственное делание, за которое воздаёт Бог». Его сердце было согрето памятью Божией. Его ум был чист и внимателен: он легко увлекался духовными предметами и из области мирской уходил в область надмирную.

Однажды в «Панагуде» Старца посетили два стремившихся к монашеству юноши. Был вечер, заходило солнце. Старец уже закрыл калитку и выполнял своё монашеское правило. Однако он открыл этим юношам, усадил их в архондарике, и они задавали ему различные духовные вопросы. Старец отвечал кратко. Молодые люди поняли, что его ум пребывал где-то в ином месте, что он был пленён Богом. Было такое впечатление, что он пребывает «вне себя». Он говорил с ними, однако при этом переживал что-то другое и мыслил о чём-то ином.

Опыт и постоянное делание трезвения научили ум Старца с лёгкостью отражать пристрастные помыслы и преображать их в помыслы добрые и Божественные. Внутри себя он, по его собственному выражению, «открыл фабрику по производству добрых помыслов». О различных стадиях помыслов он говорил следующее: «Человек, который занимается работой над собой, чужих грехов не видит. Человек духовный видит всё чистым и добрым. Вначале человек подвизается, стараясь не осуждать других. Вступив во вторую стадию, противодействуя помыслу осуждения, он старается включать в работу добрые помыслы. Находясь в третьей стадии, он всё, что видит, истолковывает в добром смысле. Появляются любовь и смирение. Когда душа очистится, уцеломудрится, то она не только не утруждается над тем, чтобы включать в работу добрые помыслы, но помыслы слева к ней даже и не приходят. То есть то, что кажется достойным осуждения, она видит достойным оправдания».

«При приражениях помыслов, – говорил он, – лучше всего относиться к ним с презрением: не обращать

на них внимания. Собеседование с помыслом – дело опасное, потому что даже сто адвокатов, соберись они вместе, не смогут переспорить одного маленького дьяволёнка».

Старец советовал не возделывать воображение. Он говорил, что только в том случае, если мы хотим изгнать греховный образ, мы можем [посредством воображения] представлять в уме священные образы: Страшный Суд, Распятие и тому подобное. Если же мы будем использовать наше воображение и в других случаях, то этим воспользуется диавол.

Когда Старец ехал куда-нибудь в автобусе, он тихо пел что-то церковное, а шум мотора был ему вместо «исона»⁽¹⁾. Когда он жил в Иверском скиту, его часто посещал живший там старый монах отец М., который любил поговорить. Старец Паисий слушал его, стоя и молча, а про себя творил Иисусову молитву. Отец М. говорил, говорил, но потом уставал говорить один и уходил. Так Старец умел не нарушить своего трезвенного делания и при этом не ранить брата.

Видя общее состояние современного монашества, Старец говорил: «Я расстраиваюсь из-за того, что многие молодые монахи не научились работать, чтобы самостоятельно зарабатывать себе на хлеб». Старец хотел сказать, что они не научились основным духовным монашеским деланиям, чтобы духовно питаться и преуспевать. Одно из таких монашеских деланий есть трезвение – делание наиважнейшее и необходимое для нашего спасения. Однако, зная трудность тонкого трезвенного делания для молодых и особенно для чувствительных монахов,

⁽¹⁾ Исон (греч. ἴσον – ровный, одинаковый, подобный) – нижний, «базовый» голос в византийском церковном пении. – *Прим. пер.*

Старец с рассуждением говорил: «Новоначальный монах, занимающийся тонким деланием над собой, сходит с ума – как неопытный бухгалтер на огромном предприятии». Старец советовал новоначальным сперва заниматься своими грубыми недостатками и слабостями.

Желая подчеркнуть великое достоинство трезвения, Старец делал это с помощью следующих примеров: «Необходимо внимание. Я вижу, как некоторые люди, будучи в начале своей жизни невнимательными, и сейчас, состарившись, остались такими же – несмотря на то что стали монахами. Предположим, человек рассеянный и невнимательный хочет пойти, например, в Кариес, но по рассеянности идёт по другой дороге и, не понимая, как это произошло, оказывается в другом месте. То же самое происходит и в жизни духовной, если у нас нет трезвения. Мы идём в одно место, но, к несчастью, заканчиваем свой путь в другом. Как тот Петрушка, который пошёл учиться на слесаря, а в конечном итоге выучился на чеканщика монет. Если нет трезвения, то сперва расслабляется наш помысел, потом расслабляется тело, и потом расслабляется весь человек, который уже не расположен ни к чему: ни к рукоделию, ни к духовным занятиям. А расслабляемся мы именно потому, что у нас нет постоянного трезвения».

Утончив свою совесть, Старец не мог перенести, если её что-то обременяло. Его совесть была чуткой и отталкивающей грех, но одновременно – чуткой и приемлющей Благодать. Старец говорил, что «монах – это, главным образом, утончённая совесть. Наша совесть должна стать тонкой, как папиросная бумага». Если Старец не чувствовал свою совесть чистой

и спокойной, то молитвы и духовного делания он не начинал.

Послушание одного молодого монаха было связано с заботой о паломниках. Из-за этого он отвлекался, забывал о молитве Иисусовой и пребывал в печали. Старец посоветовал ему: «Пусть у тебя в келье на письменном столе всегда лежит открытой духовная книга. Когда заходишь в келью, прочитывай из этой книги хоть несколько строчек. А в руке всегда держи маленькие чёточки, чтобы творить молитву Иисусову и не забываться». Старец и сам прибегал к такому «ухищрению» и на опыте убедился в его пользе.

Трезвение необходимо монаху в любом духовном возрасте: «Вначале оно помогает собрать ум, затем – не впасть в прелесть». Если нет трезвения, то приражения помыслов развиваются, превращаются в страсти, и «человек становится магазином по продаже страстей».

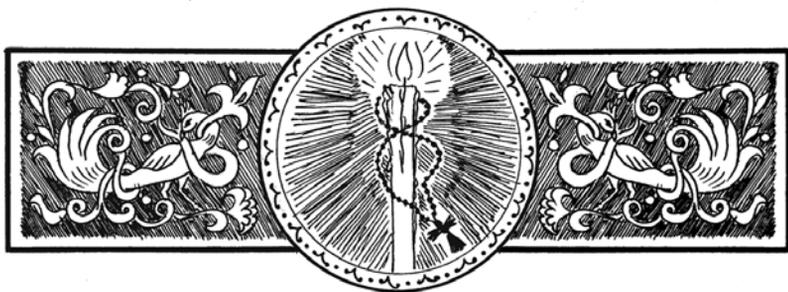
Старец особенно подчёркивал следующее: «Если мы не ловим себя на месте преступления (то есть если мы не следим за собой и не осуждаем себя), то мы так никогда и не исправимся, даже если будем жить тысячу лет. Но при этом мы ещё и создадим о себе ложное представление и в день Страшного суда будем предъявлять Богу чрезмерные требования».

«О каждом нашем действии мы должны спрашивать себя: “Хорошо, мне это нравится; но нравится ли это Богу?” Если мы забываем это делать, то потом забываем и о Боге».

«Давайте обратим всего своего внутреннего человека ко Христу, а каждое наше действие и самое мелкое движение пусть будет совершаться с осозна-

нием того, как на него посмотрит Христос, а не того, каким оно покажется людям».

Старец придавал трезвению такое достоинство и вес, что даже оставил его в завещание другим. Одному монаху, спросившему Старца перед кончиной, в отношении чего ему надо быть особенно внимательным, он ответил: «В отношении благоговения и вниманя к себе».

Молитва и келейный устав Старца

Главным из подвигов Старца всю его жизнь был подвиг стяжания молитвы. Он верил, что молитва – это его служение. Прочие подвиги и аскезы были вспомогательными средствами в молитве. Согласно святому Исааку Сирину, такое расположение похвально: «Блажен, кто... всю телесную деятельность заменил трудом молитвенным»⁽¹⁾.

Старец испытал все способы и виды молитвы. Ещё мирянином он вычитывал богослужения суточного круга и занимался молитвой Иисусовой. Будучи молодым монахом, он неопустительно участвовал в общем храмовом богослужении и как следует выучил богослужебный чин и устав. Живя в монастыре Стомион, он неопустительно совершал всё, что предусматривает богослужебный устав. Его службы суточного круга в будни в общей сложности занимали пять часов ежедневно – помимо келейного монашеского правила.

Позже Старец советовал молодому монаху, который один поселился в келье и ревностно отдался творению Иисусовой молитвы, вычитывать что-то из

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирин. Слово 23. Ук. изд. С. 101.*

богослужений суточного круга и по книгам. Старец предупреждал этого монаха, что в противном случае пройдёт время, и один вид чёток будет вызывать у него страх и отвращение. К несчастью, именно так и произошло, а затем это имело для монаха и другие горькие последствия. Молитва Иисусова – это сильная и твёрдая пища, однако некоторые нуждаются и в молоке.

Старец придавал большое значение расположению ума. Опираясь на собственный опыт, он советовал, как отдавать молитве наше свободное время: «Чтобы духовная жизнь стала лёгкой, нам не надо на себя давить. Мы должны спрашивать наш ум: “Хочешь, совершим богослужение суточного круга? Хочешь, почитаем Псалтирь? Или погуляем по тропинке, творя Иисусову молитву? Или, может быть, споём молебный канон Пресвятой Богородице с великими поклонами?” Так человек не устаёт, потому что всё, что он делает, он делает с внутренним расположением.

Когда наша душа испытывает недомогание и мы не можем совершать поклоны, то помолимся Иисусовой молитвой сидя, почитаем что-то духовное, сделаем то, что нас привлекает. Если у ребёнка нет аппетита, ты не можешь его заставить есть. Ты даёшь ему что-то вкусное, что ему нравится. Потом, когда он выздоровеет, то начинает есть и ревит⁽¹⁾. Так же ведёт себя и душа. В молитве должно соучаствовать всё сердце человека, без остатка. Молитва, аскеза, духовные занятия должны совершаться от сердца. Человек получает духовный доход только в том случае, если ему предшествует духовный вклад, если ему предшествует жертва».

⁽¹⁾ Ревит или нут (бараний горох) – растение семейства бобовых. Зёрна крупнее, чем у обычного гороха. – *Прим. пер.*

«Перед молитвой к ней необходимо подготовиться. Молитва – это тоже сопричащение Богу, это тоже Божественное Причащение. Через молитву человек приемлет Благодать Божию по-другому. Подобно тому как, причащаясь на Божественной Литургии, человек принимает в себя жемчужину Христова Тела и Крови, так в причастии молитвы молящегося осеняет Божественное пламя».

Внимательное чтение и изучение духовных книг собирает воедино ум, согревает сердце и приуготовляет их к молитве. «Ночью, – говорил Старец, – перед совершением нашего келейного правила духовное чтение не нужно, потому что наш ум чист и исполнен свежих сил». Старец подчёркивал, что особенно «внимательное чтение Евангелия необходимо для освящения души, даже если мы полностью и не понимаем его смысла. Читайте “сытные” книги, такие, как творения святого Исаака Сирина. Человек прочитывает одно только предложение из этих книг, и оно способно питать его целую неделю, целый месяц – теми духовными витаминами, которые в себе содержит. А сегодня я вижу, что многие занимаются чтением, испытывают от этого чтения удовольствие, но то, что они читают, их не касается, и в них ничего не остаётся. Они относятся к читаемому легко и несерьёзно, а авва Исаак говорит, что “нарисованная вода не утоляет жажды”. Помню, когда я был новоначальным, то читал немного святоотеческих книг, однако делал выписки из прочитанного, сравнивал себя со Святыми Отцами и видел, насколько далеко от них нахожусь. Я смотрелся в Святых Отцов, как в зеркало».

Особое место в жизни Старца занимало церковное пение. Он любил пение, несмотря на то что считал

его несовершенной молитвой. Он пел в храме: на общих Всенощных бдениях, совершаемых накануне праздника, и на Литургиях, которые совершались в его каливе.

Хотя у Старца и была возможность выучиться петь по нотам, он этого не захотел. Но на слух он пел очень красиво, сладко, с благоговением и воодушевлением. Он чувствовал музыку. В пении участвовал не только его голос, но и всё его существо. Весь он вдохновлялся Божественным вдохновением. Его голос звучал из его сердца и переносил слушателя на небеса. Когда он пел, создавалось впечатление, что он предстоит пред Самим Богом. Особенно он любил некоторые напевы, которые знал наизусть: «Динамис» Нилеоса, «Достойно есть» Папаниколаоса плагального четвёртого гласа, «Херувимскую» Фокаэоса четвёртого гласа, «Исповедайтесь Господеви», «От юности моя», протяжные песнопения «Бог Господь», причастны второго гласа, протяжные подобны, Богородичные догматики и другие песнопения. Он говорил: «Если на Всенощном бдении мы споём какие-то из песнопений медленным напевом, то они придадут богослужению величественность».

Старец советовал: «Когда мы расстроены или огорчены, будем петь что-то церковное. Псалмопение прогоняет диавола, потому что оно одновременно и молитва, и презрение к нему. Когда нас борят хульные помыслы, не надо противоборствовать им молитвой Иисусовой, потому что в этом случае мы противостаём диаволу лоб в лоб, и он воздвигает против нас ещё бóльшую брань. Когда приходят хульные помыслы, будем петь церковные песнопения, и диавол, видя, что мы его презираем, лопнет от злости».

Помимо песнопения Старец непрестанно славословил Бога. «Сла́ва Тебе́, Бо́же, сла́ва Тебе́, Бо́же, сла́ва Тебе́, Бо́же», – эти слова он произносил часто и с сердечным чувством. Они были преизлиянием его благодарности Господу.

Он советовал: «Лучше избегать молитв своими словами – кроме тех случаев, когда они сами вырываются из сердца».

Старцу было по душе проводить Всенощные бдения одному, молясь в своей келье. Однако на общих Всенощных бдениях, он пел вместе с отцами. В других случаях он молча следил за службой, а потом погружался в себя, творил молитву Иисусову, и тогда нельзя было сказать, находился ли он здесь или где-то ещё. Он не мерил молитву часами, прочитанными канонами или протянутыми чётками. Его, главным образом, заботило, чтобы молитва была чистой, доходила до Бога и приносила плоды. «Всё остальное, – говорил он, – нужно для того, чтобы занять ночные часы и потом говорить, что столько-то часов мы совершали Всенощное бдение».

Больше всего Старец любил Иисусову молитву «Господи Иисусе Христе́, помилуй мя». Этой молитве научила его мать, когда он был ребёнком, а потом сам Старец возделал её в себе. С того времени как он жил на Синае и в последующие годы молитва Иисусова – помимо некоторых исключений – заменяла для него все богослужения суточного круга. Молитва стала его дыханием, пищей и наслаждением. Он дошёл до такого состояния, что его ум погружался в молитву Иисусову, и она продолжалась, даже когда он спал.

Старец усердно старался, чтобы его молитва была непрестанной. Он творил молитву и занимаясь руко-

делием, и в дороге, и находясь на людях. Молитва – везде и всегда. Занимаясь физическими работами, он время от времени прерывался, удалялся в безмолвное место, становился на колени и погружался в Иисусову молитву – до тех пор пока кто-нибудь из посетителей не звал его и не возвращал на землю. Обычно он молился, стоя на коленях, с прижатыми к земле руками и головой. От многочасовых коленопреклонений его колени ослабли и с трудом удерживали его, когда он спускался под горку.

О молитве Старца говорить невозможно, потому что его духовные состояния были незримы и невыразимы. И как мы можем описать таинственные воспарения и восхождения его ума, не зная о них совершенно ничего? То небольшое, что описывается здесь, блёкло показывает духовное делание Старца, но не может точно выразить его меру и его духовное состояние.

Однажды Старец сказал молодому монаху: «Я в твоём возрасте каждую ночь совершал у себя в келье торжественный праздник». Старец имел в виду ночную молитву, являющуюся «деланием наслаждения»⁽¹⁾.

Однажды, когда погружённый в молитву Старец стоял в лесу на коленях, его укусил скорпион, но даже тогда молитвы он не прервал.

Ум Старца легко и очень быстро переносился в молитву, терял связь с окружающим миром и был «*яко не сущий*». Даже когда он ехал на машине или находился с другими, про себя он творил молитву Иисусову и, как свидетельствуют очевидцы, «весь погружался в Бога, становился с Ним един».

Известный на Святой Горе учёный и добродетельный насельник Иверского монастыря иеромонах

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирин*. Послание 3. Ук. изд. С. 364.

Афанасий, один из выдающихся афонских монахов, говорил почившему отцу Афанасию Ставроникитскому: «Когда я умру, скажи отцу Паисию, чтобы он за меня помолился. Пусть он ухватит Божию Матерь за платье и станет Ей кричать: “Афанасия помилуй, Афанасия...”» В то время Старец Паисий был относительно молодым и неизвестным.

Старец считал само собой разумеющимся, что монах отдаёт себя молитве Иисусовой: «*Господи Иисусе Христе, помилуй мя*». Когда один молодой монах пожаловался Старцу, что он читает службу один и у него устаёт горло, Старец, желая побудить его к молитве Иисусовой, сказал: «У нас ведь есть ещё и чётки».

Он говорил: «Имя Христово всесильно. Молитва Иисусова – это страшное оружие против дьявола. Перед началом молитвы надо исповедоваться Богу – конечно, предварительно поисповедовавшись старцу – и потом заниматься сердечной молитвой. Так каждый день мы полагаем в нашей жизни доброе начало».

«Молитва Иисусова должна произноситься в уме, а не вслух. Поэтому она и называется: умная молитва. Она не должна совершаться очень быстро (сто чётков – не быстрее, чем за полторы минуты), потому что, молясь быстро, мы не чувствуем молитвы, подобно тому, как наспех глотая пищу, не чувствуем её вкуса. Но также она не должна совершаться и очень медленно».

На вопрос: «Что поможет нам в совершении Иисусовой молитвы?» – Старец ответил: «Чувство нашей греховности и признательность Богу за Его дары помогут нам творить Иисусову молитву любочестно, а не механически. А потом молитва входит и в привычку. Когда мы познаём себя и будем размышлять о нашей неблагодарности, то нам будет хотеться заниматься

молитвой Иисусовой. Когда мы доходим до такого состояния, что, проснувшись, продолжаем творить Иисусову молитву, которую творили во сне, – это значит, что наш духовный горизонт озаряют первые нежные лучи духовного рассвета».

Старец хотел, чтобы Иисусову молитву сопровождала аскеза. Те внешние способы, о которых пишут отцы Добротолюбия, например: низкая скамья, темнота, склонение головы на грудь, сдерживание дыхания и тому подобное – он считал лишь вспомогательными. О темноте он к тому же говорил: «А я свечки зажгу – и молюсь». Старец считал, что если этим вспомогательным средствам будет придано излишнее значение, то они могут причинить вред душе и телу человека или же завести его в прелесть. Однако если дыхание соединяется с Иисусовой молитвой естественным образом, без технических способов, то Старец это принимал.

Старец подчёркивал ту опасность, которая подстерегает практического делателя Иисусовой молитвы, но одновременно подчёркивал и её сознательную цель, говоря: «Сейчас молитва Иисусова вошла в моду. Некоторые считают, что Иисусова молитва – это нирвана, и начинают творить Иисусову молитву, не помня ни о чём другом – чтобы успокоиться. Они стараются молиться, а у них начинает болеть голова. Они творят молитву как заведённые. Но разве мы часы? Что это за молитва: тик-так, тик-так? Такая молитва не приведёт к совлечению ветхого человека. Будем творить молитву Иисусову с чувством. Для Христа большое значение имеет признание нами наших грехов. Он ждёт от нас этого. Однако, осознавая за собой грехи, мы не должны и терять надежды.

Наша цель не в том, чтобы стяжать непрестанную молитву, а в том, чтобы совлечься ветхого человека. Обратимся внутрь себя, познаем самих себя и предпримем подвиг, для того чтобы отдалить от себя страсти. А когда мы всё же будем видеть в себе страсти, станем просить у Бога помощи. Если мы будем поступать так, то со временем у нас появится и привычка непрестанной молитвы. Не надо стараться приобрести молитву Иисусову механически.

Не будем лениться творить молитву Иисусову. Христос в любое время снисходит до разговора с нами, а мы проявляем равнодушие? Сколько бы человек ни разговаривал со Христом – то есть сколько бы он ни молился, – он в этом никогда не раскаивается».

* * *

Испытав немало способов монашеской жизни, приложив старание к тому, чтобы применить на своём опыте то, о чём учат аскетические творения Святых Отцов, советуясь с опытными старцами, Старец Паисий, в конце концов, остановился на определённом уставе келейной жизни, который регулировал в соответствии со своими силами, возрастом, временем, которым располагал, и местом своих подвигов. Он говорил, что «монах должен привыкнуть к определённому монашескому уставу. Каждые десять лет монах должен делать генеральную проверку своих сил и определять себе соответственную меру подвижничества. Когда человек молод, он имеет большую нужду во сне и меньшую – в отдыхе. Когда он состарится, ему необходим больший отдых и меньший сон. Великой силой обладает привычка. То, к чему организм при-

вык, он потребует тогда, когда придёт для этого время – даже если у него в этом нет нужды».

Типикон Старца был приблизительно следующим. В три часа пополудни (девятый час по византийскому времени) он совершал Девятый час и Вечерню, после которой вкушал пищу. Потом совершал Повечерие и несколько часов молился по чёткам. Потом ненадолго ложился отдыхать. Незадолго до полуночи просыпался и начинал своё келейное монашеское правило, переходившее в Полунощницу и Утреню, которые он тоже совершал по чёткам. После окончания Утрени он немного отдыхал и с рассветом вновь начинал молитву и другие духовные занятия. В то время когда его не отвлекал народ, он совершал каждый из богослужебных часов в положенное время, а между часами занимался рукоделием, творя молитву Иисусову. Какое-то время он ложился спать сразу же после захода солнца, потом совершал бдение всю ночь и вновь немного отдыхал утром. Днём он не отдыхал никогда.

Невозможно описать устав Старца в то время когда, будучи моложе, он подвижничал в Синайской пустыне, потому что «всё течение жизни его была непрестанная молитва и пламенная любовь к Богу»⁽¹⁾, а многочасовое рукоделие его не утомляло. Живя на Синае, он не видел людей, его никто не отвлекал, и он совершенно не отвлекался ни на что постороннее.

Живя в келье Честного Креста, Старец читал по богослужебным книгам только Шестопсалмие, канон из Минеи и вечером богородичный канон из «Феотокариона» святого Никодима Святогорца. Всё

⁽¹⁾ Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Ук. изд. С. VII.

остальное он совершал по чёткам. Живя в «Панагуде», он совершал три чётки-трёхсотницы Христу, одну чётку Пресвятой Богородице, одну – честному Предтече, одну – Святому дня и одну – своему Святому. Потом он повторял чётки в той же последовательности с молитвой о живых и в третий раз – об усопших. Потом молился о людях, имевших серьёзную нужду, или о каких-то особых нуждах.

В последние годы жизни, несмотря на то что целый день его отвлекали люди, он, помимо своего монашеского правила и богослужения суточного круга, ежедневно совершал более сорока чёток-трёхсотниц – на счёт.

Псалтирь была у него разделена на три части, и он прочитывал её за трое суток. После каждого псалма он молился об определённой категории людей, в соответствии с тем, как разделил псалмы преподобный Арсений Капшадокийский, и поминал имена. Читая Псалтирь таким образом, он не уставал, даже прочитывая по шесть-семь кафизм подряд.

Каждый год, в Страстную седмицу, желая более глубоко соучаствовать в Страстях Христовых, Старец прочитывал Страстные Евангелия в своей келье. От Утрени Великого Четверга до Вечерни с Великого Пятка на Великую Субботу – то есть с момента взятия Христа под стражу до снятия со Креста Старец не садился, не спал и ничего не ел. Он даже говорил, что в эти два священных дня принуждение себя к полному воздержанию от пищи имеет большую цену, чем воздержание в первые три дня в начале Великого поста (на первой седмице). В Великий Четверток и Великий Пяток Старец пил только чуточку уксуса, для того чтобы привести себе на память «*бцет*»

Владыки Христа. В эти два дня он не открывал дверь никому. Он закрывался в своей келье, пребывал в молитве, его сердце не располагалось даже к церковному песнопению. В последний год своей жизни он сказал, что почувствовал в эти дни особое состояние, какого не чувствовал никогда.

Без причины Старец своего устава не нарушал и не изменял. Он был бескомпромиссным монахом. «Хоть вчетвером меня удерживайте, – говорил он, – а свой монашеский канон я исполню». Даже когда он был очень болен и не мог стоять на ногах, монашеского келейного правила он всё равно не оставлял. Он считал великим духовным разорением «влезать в духовные долги» и не выполнять монашеских обязанностей. «В тот день, когда я не могу исполнить своего монашеского правила, я чувствую себя плохо», – говорил Старец и огорчённо качал головой.

В последние годы жизни, когда число посетителей очень возросло и они не давали ему совершать Вечерню в своё время, Старец, чтобы не упускать Вечерни, совершал её по чёткам ещё утром. Он говорил: «Я читаю “Свѣте тихий...” в тот час, когда восходит солнце!» Совершив Вечерню, он был уже свободен и весь день мог посвятить людям. Бывали случаи, когда ради любви к людям, испытывавшим нужду, он приносил в жертву всё. Он совершал своё Всенощное бдение, не просто молясь, но сострадав измученной душе и утешая её, поскольку Бог «милости хощет, а не жёртвы»⁽¹⁾.

Из письма Старца одному из духовных чад частично видно, какого устава он придерживался: «Вы спрашиваете меня о монашеском уставе. Если у вас

⁽¹⁾ Ср.: Мф. 9, 13.

есть возможность, то недолгое время попробуйте следующий устав: на восходе солнца начинайте Первый час. Пятнадцать минут – Час, пятнадцать минут земные поклоны и чётку с молитвой о детях – *“о всяком человеке, грядущем в мир”*, – чтобы они сохранили в этом мире целомудрие. Сюда же относится и молитва о тех, кто хранит своё девство, – к их числу относимся и мы сами. Потом, сидя, можно ещё полчаса творить молитву Иисусову. Таким образом проходит час после восхода солнца, и Первый час заканчивается. Следующие два часа мы свободны посвятить чему-то духовному: духовному чтению, молитве, а если есть расположение – песнопению. Когда я говорю “мы свободны”, то имею в виду, что душа должна свободно стремиться к тому духовному занятию, которого она желает, или же к рукоделию.

Потом начинайте Третий час таким же образом, как и Первый, с той только разницей, что молитесь на нём о священнослужителях и о том, чтобы не знающие Бога народы пришли к познанию истины. Я думаю, что не будет грехом читать и тропарь Третьего часа: *«Гóсподи, ѝже Пресвятáго Твоегó Дúха в трéтий час апóстолом Твоѝм низпослáвий...»*. После Третьего часа – опять два свободных часа духовного времяпровождения или необходимое рукоделие, работа и тому подобное. То же самое и в Шестой час, с той разницей, что он посвящён миру, чтобы Благий Бог даровал ему покаяние. Два последующих часа можно провести так же, как и предыдущие, либо отдохнуть до Девятого часа. Потом вы совершаете способом, указанным выше, Девятый час, молясь на нём об усопших. После Девятого часа следует Вечерня.

О приёме пищи не могу дать вам точных определений, потому что этот вопрос вы должны отрегулировать сами – в соответствии с имеющимися у вас силами. Скажу только о том, что, когда нет брани, не надо доводить себя до состояния головокружения, чтобы иметь ясность и лучше противостоять бесовскому натиску. Ведь брань ведётся с помыслами и в начале духовной жизни, для того чтобы найти истину, ум нуждается в помощи. Однако, когда человек найдёт истину, найдёт Христа, логика уже не нужна. То же самое происходит и когда человек духовно преуспеет. Преуспевшему человеку уже не нужна такая ясность ума, о стремлении к стяжанию которой я уже упоминал. Ведь человек преуспевший выходит из своего «я» и движется в пространстве, где не действует земное притяжение. Его освещает уже не тварное чувственное солнце, но Сам Творец.

После Вечерни и Повечерия: старайся три часа после захода солнца провести в молитве. Пусть эти три часа [хотя бы] вместе с Повечерием будут и твоим монашеским правилом. Это лучшие часы для молитвы. После этих трёх часов молитвы спите шесть часов, а проснувшись, совершайте Полунощницу и Утреню. Какие-то части богослужения вы можете читать по книгам, а остальное восполнять молитвой по чёткам. Чтобы избежать напряжённости и тревоги, не глядеть постоянно на часы и не считать чётки, знайте, сколько часов вы должны помолиться и ставьте будильник на то время, когда должна заканчиваться Утреня. Постарайтесь исполнять хотя бы пятую часть от того, что я вам написал, но исполнять радостно, без душевной тревоги, чтобы с вами не произошло того, что происходит с молодыми бычками,

которые, если их вначале перенапрягут под ярмом, потом, едва лишь видят ярмо и понимают, что их хотят впрячь в плуг, убегают».

Из этих наставлений Старца мы видим, что он сам усиленно посвящал себя духовному, но без напряжения и с сердечным расположением.

Другому своему ученику, который также подвизался, живя один, Старец дал нижеследующий устав, из которого видны и иные подробности совершения монашеского правила и келейного Всенощного бдения:

«1. Монашеский устав.

В период равноденствия (март – сентябрь):

Третий час пополудни (девятый час по-византийски): Девятый час и Вечерня.

В четыре часа пополудни: ужин – кроме понедельника, среды и пятницы.

Повечерие совершаем на заходе солнца.

Три часа ночи: подъём.

С трёх до четырёх часов ночи: монашеское правило.

В четыре часа ночи начинаем Полунощницу и Утреню.

В одиннадцать часов дня: обед (в дни, когда мы вкушаем пищу один раз в день).

С одиннадцати до трёх часов дня: занимаемся делами и рукоделием.

2. Монашеское правило.

1. Одна чётка-трёхсотница Господу Иисусу Христу с крестным знаменем и малыми поклонами, такими, чтобы доставать рукой до колена. Если колени немного сгибаются, вреда в этом нет – это помогает им не уставать. Поклоны по-

могают стяжать умиление, потому что преклонением колен мы выражаем наше служение Богу.

2. Сто молитв по чёткам Пресвятой Богородице: *“Пресвятая Богородице, спаси мя”*, с малыми поясными поклонами и крестным знамением – как указано выше.

3. *“Слава и ныне, Аллилуйя”* (3), *“Слава Тебе, Боже”* (3) с тремя земными поклонами.

4. Пятидесятый псалом: *“Помилуй мя, Боже”*. Читаем псалом тихо и во время чтения творим земные поклоны – пока не дочитаем его до конца.

5. Тропари Пресвятой Богородице: *“Всем предстательствуеши Благая...”*, *“Все упование мое...”* и другие – с земными поклонами.

6. Тихим голосом читаем малое славословие: *“Тебе слава подобает, Господи Боже наш...”*, творя в это время великие земные поклоны.

7. *“Досто́йно есть...”* с земными поклонами.

8. *“Слава и ныне, Аллилуйя”* (3), *“Слава Тебе, Боже”* (3) и три великих поклона.

Во время чтения молитв поклоны можно совершать чуть реже или чуть чаще – в зависимости от расположения.

Это – первая часть нашего монашеского правила, посвящённая нам самим. Потом повторяем то же самое с молитвой: *“Господи Иисусе Христе, помилуй раб Твоих”* и *“Пресвятая Богородице, спаси рабов Твоих”*. Это молитва о мире. Здесь мы можем помнить и имена людей, которые нуждаются в помощи.

В третий раз повторяем вышеуказанный чин с молитвой: *“Упокой, Господи, души раб Твоих”*, *“Пресвятая Богородице, помози рабам Твоим”*.

В конце совершаем сто молитв по чёткам Святому нашей обители. Потом совершаем Полунощницу и Утреню и затем немного отдыхаем. Перед тем как уснуть, монах должен скрестить руки у себя на груди и читать тропари из последования об усопших, для того чтобы помнить о смерти.

Канон монаха-великосхимника состоит из трёхсот земных поклонов и двенадцати чётков-сотниц. Канон мантийного или рясофорного монаха состоит из ста пятидесяти поклонов и двенадцати чётков. Канон послушника состоит из шестидесяти поклонов и шести чётков.

3. Устав келейного Всенощного бдения, совершаемого по чёткам.

1. Три чётки-трёхсотницы с молитвой: *“Слава Тебѣ, Бѣже”*.

Одна чётка-трёхсотница Пресвятой Богородице со словами: *“Рáдуйся, Невѣсто Невѣстная”*.

2. Три чётки-трёхсотницы: *“Гѣсподи Иисусе Христѣ, помѣлуй мя”*.

Одна чётка-трёхсотница: *“Пресвятáя Богорѣдице, спасѣ мя”*.

3. Три чётки-трёхсотницы о братии: *“Гѣсподи Иисусе Христѣ, помѣлуй раб Твоѣх”*.

Одна чётка-трёхсотница: *“Пресвятáя Богорѣдице, помози рабѣм Твоѣм”*.

4. Три чётки-трёхсотницы с молитвой: *“Крѣсте Христѣ, спасѣ нас сѣлою своѣю”*.

5. Три чётки-трёхсотницы с молитвой об усопших: *“Гѣсподи Иисусе Христѣ, упокой дѣуши усопших раб Твоѣх”*.

Одна чётка-трёхсотница об усопших Пресвятой Богородице: *“Пресвятáя Богорѣдице, помози рабѣм Твоѣм”*.

Затем следует молебный канон Пресвятой Богородице и какое-то время можем почитать духовную книгу.

6. Три чётки-трёхсотницы с молитвой о благодетелях: *“Господи Иисусе Христе, помози рабѣмъ Твоимъ”*.

Одна чётка-трёхсотница Пресвятой Богородице: *“Пресвятая Богородице, помози рабѣмъ Твоимъ”*.

7. Три чётки-трёхсотницы Господу Иисусу Христу с молитвой о всём мире: *“Господи Иисусе Христе, помилуй рабѣвъ Твоихъ”*.

Одна чётка-трёхсотница с молитвой Пресвятой Богородице: *“Пресвятая Богородице, помози рабѣмъ Твоимъ”*.

8. Три чётки-трёхсотницы Господу Иисусу Христу с молитвой о болящих: *“Господи Иисусе Христе, помози рабѣмъ Твоимъ”*.

Одна чётка-сотница Пресвятой Богородице с молитвой о болящих: *“Пресвятая Богородице, помози рабѣмъ Твоимъ”*.

9. Три чётки-трёхсотницы Господу Иисусу Христу с молитвой о братстве: *“Господи Иисусе Христе, помози рабѣмъ Твоимъ”*.

Одна чётка-трёхсотница с молитвой Пресвятой Богородице о братстве: *“Пресвятая Богородице, помози рабѣмъ Твоимъ”*.

Также мы можем молиться по чёткам об упокоении усопших и Святым, к которым чувствуем особое благоговение».

Из указанного видно, насколько Старец Паисий был свободен и не связан второстепенными уставными подробностями и правилами. Желая помочь мо-

наху, Старец указал ему определённую меру, однако в отношении сна и пищи чётких указаний не дал. Он позволил ему определить количество сна и пищи для себя самому – в соответствии со своими силами и подвижничеством. К той высокой жизни, которой Старец жил сам, он никого не принуждал. Всех людей под одну гребёнку подогнать нельзя. В вышеприведённом чине можно легко различить некоторые общие составные части: поклоны, славословие, молитву о живых и об усопших.

Наконец, помещаем ниже ещё один устав Всенощного бдения, совершаемого монахом келейно, одним. Этот устав Старец дал одному женскому монастырю. Он относится к последним годам его жизни, и главное место в нём занимает молитва о мире.

«4. Чин Всенощного бдения.

Своё келейное правило исполняем в начале или в конце Всенощного бдения – на выбор каждого.

Начинаем Бдение чтением духовной книги – не очень долгим.

Потом совершаем молитвы по чёткам следующим образом:

Одна чётка-трёхсотница: *“Сла́ва Тебе́, Бо́же наш, сла́ва Тебе́”*.

Одна чётка-сотница: *«Ра́дуйся, Невéсто Нене-вéстная»*.

Потом: *«Сла́ва и ны́не. Аллилу́йя (3). Сла́ва Тебе́, Бо́же (3). Го́споди, поми́луй (3). Сла́ва и ны́не. 50-й псалом. «Под Твою́ ми́лость...»*. Славословие и *«Досто́йно е́сть»*. Во время чтения всех этих псалмов и молитв творим земные поклоны.

Продолжаем Всенощное бдение следующим образом:

Одна чётка-трёхсотница: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя».

Одна чётка-сотница: «Пресвятая Богородице, спаси мя».

Потом, если есть желание, поём молебный канон Пресвятой Богородице.

Одна чётка-сотница: «Кресте Христов, спаси нас силою твоёю».

Одна чётка-сотница: «Крестителю Христов, моли Бога о мне» (о том, чтобы Бог даровал нам покаяние).

Одна чётка-сотница: «Святый апостоле Христов, моли Бога о мне» (имеется в виду святой апостол и евангелист Иоанн Богослов, которому мы молимся о даровании нам любви).

Одна чётка-сотница: «Святче Божий, моли Бога о мне грешнем» (это молитва преподобному Арсению Каппадокийскому, которому мы молимся о даровании нам здоровья).

После этого следуют такие прошения:

О старцах:

Одна чётка-трёхсотница: «Господи Иисусе Христе, помилуй рабов Твоих».

Одна чётка-сотница: «Пресвятая Богородице, спаси рабов Твоих».

О братстве:

Одна чётка-трёхсотница: «Господи Иисусе Христе, помилуй нас».

Одна чётка-сотница: «Пресвятая Богородице, спаси нас».

Об усопших:

Одна чётка-трёхсотница: «Господи Иисусе Христе, упокой рабов Твоих».

Одна чётка-сотница: *“Пресвятая Богородице, упокой рабов Твоих”*.

О благодетелях:

Одна чётка-трёхсотница: *“Господи Иисусе Христе, помилуй рабов Твоих”*.

Одна чётка-сотница: *“Пресвятая Богородице, спаси рабов Твоих”*.

Далее совершаем три чётки-трёхсотницы со следующими прошениями:

– Боже мой, не оставь рабов Твоих, которые пребывают вдали от Церкви. Пусть Твоя любовь подействует на них и приведёт их к Тебе.

– Помяни, Господи, рабов Твоих, которые страдают от рака.

– Помяни, Господи, рабов Твоих, которые страдают от малых и великих болезней.

– Помяни, Господи, рабов Твоих, которые страдают от телесных увечий.

– Помяни, Господи, рабов Твоих, которые страдают от душевных увечий.

– Помяни, Господи, владык (президентов, министров...) и помоги им править по-христиански.

– Помяни, Господи, детей из неблагополучных семей.

– Помяни, Господи, неблагополучные семьи и тех, кто развёлся.

– Помяни, Господи, сирот всего мира, всех, кто испытывает боль, и всех, к кому в этой жизни отнеслись несправедливо, вдовцов и вдов.

– Помяни, Господи, всех, находящихся в тюрьмах, анархистов, наркоманов, убийц, злодеев, воров, просвети их и помоги им исправиться.

– Помяни, Господи, всех, находящихся на чужбине.

– Помяни, Господи, всех, кто путешествует по морю, по суше, по воздуху, и сохрани их.

– Помяни, Господи, нашу Церковь, отцов Церкви (священнослужителей) и верующих людей.

– Помяни, Господи, все монашеские братства, мужские и женские, старцев и стариц и все братства и всех монахов Святой Афонской Горы.

– Помяни, Господи, рабов Твоих, находящихся на войне.

– Помяни, Господи, рабов Твоих, гонимых в горах и на равнинах.

– Помяни, Господи, рабов Твоих, которых ловят и хватают, как птиц.

– Помяни, Господи, рабов Твоих, которые оставили свои дома, которых выгнали с работы и которые мучаются.

– Помяни, Господи, бедняков, тех, у кого нет крова и беженцев.

– Помяни, Господи, все народы, держи их в Своих объятиях, покрывай их Своим святым покровом и храни их от всякого зла и от войны. И нашу возлюбленную Элладу держи в Своих объятиях день и ночь, покрывай её Своим Святым покровом и храни её от всякого зла и от войны.

– Помяни, Господи, мучающиеся, оставленные, онеправданные, пострадавшие семьи и богато подай им Свои милости.

– Помяни, Господи, рабов Твоих, которые страдают от душевных и телесных проблем всякого рода.

– Помяни, Господи, рабов Твоих, которые попросили у нас, чтобы мы за них молились.

Усопшие сами себе помочь не могут, они ждут помощи от нас, подобно тому как заключённые,

находящиеся в тюрьме, ждут, чтобы кто-нибудь принёс им прохладительный напиток.

Перерыва на Всенощном бдении не делаем: однако, если кто-то хочет отдохнуть, пусть отдохнёт».

*В монастыре Честного Предтечи в селении
Метаморфоси.*

Старец желал, чтобы монах, который подвизается один, имел типикон, устав, который помогал бы ему в его борьбе. Старец советовал: «Находясь в келье, молитвой готовься к послушанию и, находясь на послушании, готовься к тому времени, когда ты будешь в келье. Так ты всегда будешь мирен и радостен. Когда человек рассеян, его ум блуждает в посторонних ве-

цах. Нам поможет, если с самого утра наш день будет подробно расписан, так, чтобы у нас не возникало смущения от помыслов».

Тем, за кого Старец не нёс духовной ответственности и за кем он не мог наблюдать, он устава не давал. Когда один студент попросил Старца дать ему устав, Старец ответил: «Не могу, потому что врач, когда выписывает больному рецепт, должен быть рядом с ним и за ним следить». Он ограничился тем, что дал юноше несколько общих полезных советов о духовной жизни.

Старец безгранично чтит то, что определили Святые Отцы. Одному монаху, который без причины своевольничал и «импровизировал» в отношении богослужения, Старец сделал следующее замечание: «Да, действительно, если мы изменим что-то в службе, то это ещё “не конец света”. Однако, поступая так, мы ставим себя выше Святых Отцов».

С почтением и благоговением Старец соблюдал церковный устав, который помог ему стяжать устав духовный, жить по нему и обрести нечто более существенное: пребывание в непрестанной молитве, которая соединяет нас с Богом.

Бесстрастие

Старец говорил, что «в монастырь мы приходим для совершенства. Монашеская жизнь – это жизнь совершенная, однако мы – жизнью своей – унижаем её достоинство». Именно к этому совершенству Старец и стремился и именно ради него проливал пот и кровь.

Последовательность, бескомпромиссность Старца, его стремление достичь совершенства в соблюдении Божественных заповедей вызывают восхищение. Ему удалось сделать себя «домом бесстрастия» – таким домом, материалом для постройки которого служат добродетели. Сокровища бесстрастных мужей скапливаются из всех добродетелей. Бесстрастие похоже на венец, в который вплетены все виды цветов. Если недостаёт хотя бы одной добродетели, то путь к бесстрастию ещё не окончен. «Бесстрастие есть совокупность многих добродетелей, в которой вместо души обитает Святой Дух»⁽¹⁾. Старец Паисий уже не боролся против страстей, потому что он подчинил их [духу], но постоянно обогащал себя добродетелями. Его духовные соты наполнились мёдом, который услаждает и питает многих.

⁽¹⁾ Творения преподобного Петра Дамаскина. Ук. изд. С. 295.

Кроме этого, бесстрашие Старца отчетливо видно и из его чрезвычайного целомудрия⁽¹⁾. Господь не только сохранил его от плотских грехов, как сам он признался однажды, но его целомудрие простиралось до той меры, что он никогда не допускал себя до сосложения⁽²⁾ с плотскими помыслами. Если много лет спустя после какого-то приражения постыдного помысла он вспоминал об этом, то заливался краской, как маленький ребёнок. Если бесы плотскими фантазиями искушали его во сне, он решительно противодействовал им, просыпался и вскакивал. Однако это происходило в начале его монашеской жизни. Впоследствии он был совершенно недвижим к искушениям подобного рода. Поскольку он смотрел на людей бесстрастно, вид женской красоты⁽³⁾ не приводил в движение его чувства и не соблазнял его. Те немногие случаи плотской брани, о которых сказано выше, имели причиной помысел осуждения или гордости.

Устойчивое духовное состояние Старца, тот мир⁽⁴⁾, который он носил в своей душе, и та наполненность радостью, которую он чувствовал, показывают, что он был человеком, освободившимся от страстей и ис-

(1) «Похвала чистоты столь велика и высока, что некоторые из отцев осмелились назвать её бесстрашием». Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Ук. изд. С. 124.

(2) συγκατάθεση.

(3) «Есть три главных нравственных состояния у монахов: первое – не грешить делом; второе – не задерживать в душе страстные помыслы; третье – в бесстрашии ума взирать на лики женщин и обидчиков». Творения преподобного Максима Исповедника. Кн. I. М., 1993. С. 119.

(4) «Бесстрашие есть мирное состояние души, [пребывая] в котором, она становится стойкой в отношении зла». Творения преподобного Максима Исповедника. Ук. изд. Кн. I. С. 99.

полненным Благодати Святого Духа. Он переплыл море страстей, он не только «*воссубóтствовал*» от греха действием и от греха помышлением, который совершается посредством сосложения со страстными помыслами, но и стяжал недвижимость, неудобопреклонность ко греху⁽¹⁾.

Своими продолжительными подвигами Старец уцеломудрил свою плоть и подчинил её Духу, он относился к труду как к покою и стремился к страданию. Он избегал наслаждения, которое приводит нас к страстям. Даже духовного наслаждения – того, которое приходит в молитве, он не искал. «Тот, кто не вкушает телесного наслаждения и совершенно не боится страдания, стал бесстрастным», – говорят Святые Отцы.

Благодатные дарования были для него поводом к смирению и ещё большим подвигам. Будучи смиренномудрым, он не возносился, когда его прославляли и не огорчался, когда подвергался клевете. Он находился в состоянии бесстрастия, потому что имел память Божию⁽²⁾. Он постоянно или думал о Боге, или говорил о Боге людям, или молился Богу. Когда он молился, его ум выходил из пределов земной действительности, пленялся в созерцание, и при этом приращения помыслов его уже больше не беспокоили⁽³⁾.

⁽¹⁾ См. Святого Максима Исповедника «Главы о богословии и о домостроительстве воплощения Сына Божия». Творения преподобного Максима Исповедника. Ук. изд. Кн. I. С. 223.

⁽²⁾ «Бесстрастие же устанавливается памятованием о Боге». Добролюбие. Ук. изд. Т. V. С. 408.

⁽³⁾ «Всегда, когда во время молитвы ум не тревожится никакой мирской мыслью, тогда знай, что ты не [находишься] вне пределов бесстрастия». Творения преподобного Максима Исповедника. Ук. изд. Кн. I. С. 105.

Чистый ум Старца вглядывался в Новый Век. Старец, облаченный уже в «живоносную мертвенность» и говорящий о Боге, передавал другим благоухание вечной жизни и сладость Божественного рачения.

Согласно святому Максиму Исповеднику, от бесстрастия рождается совершенная любовь⁽¹⁾, «совершенное вселение Бога, бываемое с теми, которые посредством бесстрастия стали чисты сердцем, ибо о них сказано, что они Бога узрят»⁽²⁾.

⁽¹⁾ См. Φιλοκαλία. Τ. Β'. Ἀθήναι, 1974. Σ. 12.

⁽²⁾ См. Ὁσίου Ἰωάννου τοῦ Σιναΐτου. Κλίμαξ. Ἀθήναι, 1970. Σ. 231.

Благородная любовь⁽¹⁾

Высшей точкой и венцом всех подвигов Старца Паисия была любовь. Он говорил: «Я чувствую ко всем людям точно такую же любовь, какую я имел к своим родным. Сейчас людей всего мира я ощущаю братьями и сёстрами».

Старец был исполнен любви к человеку, к твари, он был палим огнём Божественного рачения.

С детского возраста он давал людям милостыню и помогал многим. Коницкие бедняки, находясь в нужде, прибегали к нему и просили его о помощи. *«Сострадánия рáди и въздыхánия убо́гих»* Старец отдавал им даже ту одежду, которая была на нём. Его великая любовь простиралась не только на жителей Коницы, но и на жителей окрестных деревень, и он находил способ помогать *«сúщим в нúждах и болéзнях»*. Старец говорил, что милостыня имеет великую цену. По отношению человека к милостыне он судил, достоин ли тот Божественной милости и

⁽¹⁾ Выражение Старца Паисия «благородная любовь» означает любовь, которая не стремится к воздаянию себе. То есть человек, имеющий благородную любовь, похож на того благородного владыку, который милует других, не ожидая от них воздаяния. От недостатка благородной любви происходят муки и искушения, поскольку люди обычно ждут себе признания и воздаяния. Старец Паисий одним лишь словосочетанием «благородная любовь» указывал на то, как люди должны правильно относиться к своим ближним.

спасения. «Кто-то может быть человеком равнодушным, – говорил Старец, – однако, если он сострадает больному, если он подаёт другим милостыню, то бояться за его участь не следует».

Однажды в соседней с «Панагудой» келье святого Иоанна Богослова обрели останки умершего несколько лет назад старца Продромоса. Старец пришёл в эту келью и помогал братии во время обретения останков. На него произвело впечатление то, что кости отца Продромоса были жёлтыми⁽¹⁾, тогда как отец Продромос больше занимался не монашеской жизнью, а мулами: за плату возил на них вещи. Старец Паисий сказал: «По всей вероятности, он подавал милостыню другим».

Старец огорчился, видя социальное неравенство. «Какие мы христиане, – говорил он, – если у нас есть по два-три дома и дачи за городом, тогда как другие не имеют, где главу приклонить?»

Старец побуждал людей оказывать милостыню своим ближним, потому что он верил, что «когда ты берёшь что-то от другого, то ты принимаешь радость человеческую. Однако если ты отдашь принятое тобой кому-то ещё, то ты получишь и человеческую, и Божественную радость. Духовное [утешение] человек получает тогда, когда отдаёт что-то другим».

Милостыня Старца не имела границ. Он раздавал буквально всё. Он понимал, в какой нужде находится человек ещё до того, как тот просил его о помощи. Продукты и одежду, которую присылали ему люди, он с рассуждением раздавал больным и бедным монахам, а также детям, учащимся в Афониаде. Никто

⁽¹⁾ На Афоне считается, что жёлтый цвет костей свидетельствует о праведности почившего. – *Прим. пер.*

не уходил от него с пустыми руками и без утешения. Вместе со своим монашеским, но щедрым угощением, он раздавал людям в благословение различные вещи: крестики, чётки, иконы, книги и тому подобное – и помогал им духовно. Люди уходили от него с радостным сердцем и успокоенной душой.

«Он постоянно думал о том, как сделать добро: как, не теряя ни мгновения, если это возможно, помочь человеку», – свидетельствует Екатерина Патера. Добро, которое он делал другим, отличалось радостью и красотой, потому что он оказывал его деликатно и тонко. Он не хотел, чтобы ты чувствовал себя ему обязанным, он относился к тебе как к брату и своим поведением побуждал относиться к нему так же.

Он легко отдавал, но с трудом принимал что-то от других. А когда, не желая кого-то ранить, он всё-таки бывал вынужден принять какую-то вещь, то воздавал чем-то ещё – давая больше, чем принимал.

Хотя Старец был нестяжателем, он откладывал немного денег (либо он занимал их у других), для того чтобы помочь кому-то в случае нужды, когда дело не терпело отлагательств. Например, когда какой-нибудь обременённый множеством проблем юноша приезжал на Святую Гору и у него не было билета на обратную дорогу, Старец с рассуждением ему помогал.

Старец мог бы помогать материально многим беднякам, потому что богатые люди доверяли ему значительные денежные суммы, однако этих денег он не принимал. Иногда он посылал людей, имевших нужду, к своим знакомым, которые могли им помочь. Он не стремился открыть «кассу взаимопомощи» для того, чтобы подавать людям милостыню, но смог сам

стать сокровищницей Благодати Божией и – помогать людям духовно. Он был похож не на закрытый колодец со стоячей водой, но на бьющий родник, вода из которого течёт не останавливаясь. Воды из этого родника хватает и деревьям, и птицам, и диким животным – и она всё равно никогда не кончается.

Если Старец видел инвалида или человека с особой нуждой, то он отдавал ему всё своё сердце и обязательно что-то в благословение. Если у него не было ничего другого, то он отдавал несчастному чётки или свитер.

В жертву своей великой любви Старец приносил даже своё благоговение! Святыни, перед которыми он особо благоговел, он без колебаний отдавал другим. Он отдал свой нательный крест, в котором была частица Животворящего Креста Господня, в другой раз отдал ракушку, которую носил на груди и в которой был большой палец преподобного Арсения Каппадокийского. Этим мощевиком Старец крестообразно осеял больных и бесновавшихся. Только тот, кто знает об огненной любви Старца к святой великомученице Евфимии, может частично понять величину той жертвы, на которую он пошёл, подарив одному человеку часть её святых мощей, по Промыслу Божию попавших к нему в руки. И такое случалось не раз! По Промыслу Божию мощи святой Евфимии попадали к Старцу неоднократно, но он, постоянно по любви отдавая их другим, в конце концов сам оказался без мощей Святой, к которой испытывал чрезвычайное благоговение. То же самое происходило и с иконами, от которых совершались знамения или чудеса.

Любовь Старца была видна и из того, как он обличал или ругал сбившегося с пути человека. Подобно

тому как мать ругает своего ребёнка, но он при этом от неё не отходит, так и люди, понимая любовь Старца, с благодарностью принимали его замечания и обличения. Они знали, что он прав, и от его обличений чувствовали себя под надёжной защитой.

Удивительна была и незлопамятность Старца. Людей, которые его обвиняли и были настроены к нему враждебно, он прощал и молился о них. Узнавая о том, что они впали в искушение или в нужду, он, сострадая им сердцем – так, словно они были его братья, спешил им помочь. «Не прощая других, мы находимся вне Рая», – подчёркивал Старец.

Любовь Старца произливалась через край его сердца и распространялась даже на диких животных. Животные чувствовали его любовь, приближались к нему и ели из его рук. Старец говорил: «Я попрошу Христа: “Христе мой, помилуй меня, скота”. А если Он меня спросит: “А ты миловал скотов?” – то, что я Ему отвечу?»

И действительно, он миловал и любил животных, относясь к ним как к творениям Божиим. «Эти несчастные, – говорил он, – другого Рая не ждут».

Уходя с Катунак, он оставил в келье котёнка. Потом у него заболела о нём душа, он вернулся на Катунаки и забрал его, потратив на это два дня. Когда он жил в «Панагуде», ночью к дверям его кельи приходил и мяукал чужой кот. Тогда Старец, даже если был болен, вставал с постели и открывал ему дверь, пропуская кота пробежать через келью на балкон к миске с едой и месту, где он мог укрыться от холода и дождя.

Господин Дроситис Панагиотис, почётный председатель Апелляционного суда, свидетельствует: «Лю-

бовь Старца была непревзойдённой. Она распространялась на всех людей, на всё творение, даже на бесов. Я видел, как у себя в каливе он принимал неизвестного ему человека, исповедовавшего иную религию. Он обнимал его с таким теплом и сердечностью, словно это был его любимый брат. Из собственных уст Старца я слышал, что, когда он со слезами молился о том жалком состоянии, в котором находится диавол, тот явился ему и начал его высмеивать. Я видел, как он с нежностью и любовью заботился даже о растениях, о муравьях, о пресмыкающихся и о других представителях животного царства».

Как душа обладает бóльшим достоинством, чем тело, так и духовная милостыня несравненно выше, чем милостыня материальная. Сам Старец, смиренно потрудившись и стяжав добродетели, смиренно делился с другими своим тайным духовным опытом – будучи побуждаем к этому любовью. Это было его величайшим благодеянием, потому что он оказывал другим духовную милостыню и весьма действительно помогал слабым и колеблющимся душам утвердиться в вере⁽¹⁾.

Только ради этого – то есть ради того чтобы помочь другим – Старец «сдавал духовную кровь» – как сам он называл откровение «ненаучимых таинств»⁽²⁾ перед другими – ради любви к ним. Это тоже признак любви совершенных: себе самим они не могут оставить ничего.

Вся жизнь Старца была даянием, «вычерпыванием из себя», жертвой, совершаемой многими способами

⁽¹⁾ См. *Старец Паисий Святогорец*. Письма. Ук. изд. С. 101–102.

⁽²⁾ *Святой Исаак Сирин*. Слово 85. Ук. изд. С. 326.

и при каждом удобном случае. «Пока человек делает добро, – говорил Старец, – пока он “сгорает”, и сам он весь бывает добр. Он выбрасывает из себя самого себя – то есть не принимает себя в расчёт. Когда проблемы других людей он делает своими, то никакой собственной проблемы у него не остаётся».

Молясь о больных, Старец говорил: «Боже мой, помоги этому больному и забери здоровье от меня». И он с радостью принимал все болезни, которые посылал ему Бог.

Когда Старец приехал в Коницу на лечение, там была девочка по имени Хрисанфа. Она помогала госпоже Екатерине Патера ухаживать за Старцем. У девочки был рак кишечника. Старец сострадал ей, осенял её крестным знаменем и молился. Он просил: «Христе мой, отдай её рак мне». И Благий Бог не презрел его просьбу. Под конец жизни по своему желанию Старец получил мучительнейшую болезнь – рак, которая привела его к кончине. Всю свою жизнь он сострадал больным людям и особенно тем, у кого был рак.

Он говорил: «Приходят люди, говорят мне о своих страданиях, и мой рот наполняется горечью, словно я наелся горького лука. Но зато, когда приходит кто-то, чьё состояние более-менее хорошо, или кто-то из тех, кто приходил раньше, и рассказывает, что его проблема разрешилась, я говорю: “Слава Богу, вот меня угостили кусочком халвы”. Когда я слышу о чужой боли, то – даже если я буду сидеть на осколках стекла или идти босиком по колючкам – я не буду этого чувствовать. Если человек действительно страдает, то для того, чтобы ему помочь, я могу даже умереть».

Однажды в церковке «Панагуды» Старец, стоя на коленях, молился вместе с одним измученным юно-

шей. Чуткое сердце Старца не выдержало чужой боли. Он разразился рыданиями, его слёзы бежали ручьём, и от них промок даже маленький коврик, на котором он стоял. В другой раз, когда один святогорский монах рассказывал ему о многих постигших его искушениях, у Старца полились слёзы, которые перешли в настоящие рыдания. Когда один молодой человек рассказывал Старцу о своих страданиях и плакал, Старец заплакал вместе с ним. «Хватит реветь, брат ты мой, – сказал он сквозь слёзы, – а то кто-нибудь нас с тобой увидит и примет за душевнобольных».

Соучаствуя в человеческой боли, Старец забывал о себе самом, о своём духовном преуспейнии, о своих собственных немощах. «Христе мой, – говорил он, совершая сердечную молитву, – на меня внимания не обращай, отбрось меня в сторону. Помоги людям, которые страдают».

Его исполненные слёз и боли молитвы сопровождалась постом и огромным трудом. Узнав, что один юноша подвергается телесной и душевной опасности, Старец несколько дней оставался без пищи и воды и не прекращал молиться, пока не узнал, что молодой человек опасности избежал.

Желая помочь человеку, Старец дополнительно брал на себя целые многодневные посты. Известно несколько таких случаев: ради юноши, желавшего узнать волю Божию, – по какому пути ему пойти; ради молодого монаха, который не мог удержаться на одном месте, – чтобы он стал более мужественным и твёрдым; ради склонного к монашеству юноше, который подвизался, желая побороть свою страсть; ради ещё одного слабого монаха, – чтобы он преуспел, и другие подобные случаи.

Всю жизнь Старец постился, трудился и молился о народе Божиим, будучи побуждаем к этому своей великой любовью. Эта любовь была его побудительной силой. Его подвиги и молитвы благоухали любовью.

Однажды Старец сказал: «В эти дни я чувствовал ко всем такую любовь! Я постирал руки и говорил себе, что, если бы было возможно, я заключил бы в свои объятия даже деревья». И говоря это, Старец делал характерный жест, словно хотел обнять любимого человека.

Чтобы достичь меры совершенства, достичь истинной любви, Старец не брал в расчёт себя. Он возненавидел самоугодие и на его месте насадил любовь к Богу и ближнему. Один святогорский монах свидетельствует: «Отличительной чертой Старца Паисия было то, что он не брал себя в расчёт. Однажды я ему сказал: “Отче, пожалей себя немножко”, а он мне ответил: “Что мне делать, если приходят люди, измученные проблемами? Что я, буду думать о себе самом?”»

Даже в последние месяцы жизни, когда он был очень истощён постоянными кровотечениями, видя, что человек нуждается в его помощи, он забывал о болезни и «утверждал братьев своих» – сам при этом либо опираясь на забор, которым была огорожена его калива, либо лёжа на досках, которые служили скамейками.

И действительно, если из нас не будет искоренено самоугодие, то к нам не придёт и не вселится в наше сердце Божественная любовь. «В самоотвержении души, – говорит святой Исаак Сирин, – обретается любовь Божия»⁽¹⁾.

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирин. Слово 69. Ук. изд. С. 272.*

О чистой любви Старец говорил: «Если мы не уберём из своей любви своё “я”, то наша любовь – какой бы она ни была большой – не чиста. Любовь, в которой присутствует наше “я”, – это “прогорклая” любовь. Однако если мы уберём из неё своё “я”, то она становится очищенной. Если в нашей любви есть “я”, это значит, что в любви есть эгоизм. А эгоизм и любовь – вещи несовместимые. Любовь и смирение – вот два брата-близнеца, стиснувшие друг друга в объятиях. Тот, кто имеет любовь, имеет и смирение, и тот, кто имеет смирение, имеет и любовь. Мы можем трудиться, можем подвизаться, но если наша любовь не очищена, не “дистиллирована”, то плодов любви мы не увидим. Бог наделил Великого Антония благодатью чудотворений, потому что он имел чистую любовь, тогда как труды других подвижников – хотя они были и больше трудов святого Антония, если можно так выразиться, – плодов не принесли».

Поэтому Старец говорил: «Монахи имеют такие благоприятные возможности, которых не имеют люди мирские. Стяжать Божественную любовь могут только они. Ты приходишь до того, что относишься к человеку как к своему отцу, как к своему брату; к каждой старушке – как к своей собственной бабушке; к каждому старику – как к своему деду, независимо от того – красив человек или безобразен»⁽¹⁾.

Для того чтобы достичь любви, Старец подвижнически старался соблюдать заповеди Божии. «Если мы любим Бога, то стараемся соблюдать Его запове-

⁽¹⁾ «Если ты одних ненавидишь, а других ни любишь, ни ненавидишь; если одних любишь умеренно, а других сильно, то из этого неравенства познай, что ещё далёк от совершенной любви, которая предполагает равную любовь ко всем людям». Творения преподобного Максима Исповедника. Ук. изд. Кн. 1. С. 108.

ди». *«Имѣяй заповѣди Моя и соблюдаяй их, той есть любяй Мя»*⁽¹⁾. Поступая так, Старец очистил своё сердце, и оно стало тем местом, куда вселился Бог любви.

Размышляя о том, к какой категории относится та любовь, которая у него имеется, Старец, опираясь на собственные строгие критерии, находил её недостаточной. «Если бы мой родной брат был католиком, то как бы я из-за него плакал? А сейчас: разве я плачу, несмотря на то что миллионы людей вообще не веруют во Христа?» – говорил он.

Люди чувствовали великую и несвоекорыстную любовь Старца. Один ребёнок, измученный проблемами и душевно искалеченный, пришёл к Старцу. Он встретил Старца на тропинке недалеко от его каливы, обнял его и зарыдал. Старец утешил его, помог ему прийти в себя и закончить школу. Когда юношу забрали в армию, он присылал Старцу письма, называя его: «Мой сладкий, родненький батюшка».

Каждый посещавший Старца, видя его аскетическое лицо, догадывался о его великих подвигах. Однако любовь Старца посетитель чувствовал так, словно она обнимала его всего. Человек видел Старца впервые, а чувствовал себя так, словно они были знакомы долгие годы. Люди уходили от Старца, но оставались связаны с ним. Любовь Старца следовала за ними везде, даже тогда, когда они уходили из жизни, потому что он продолжал о них молиться.

Десятки знавших Старца людей уверены в том, что Старец любил их особенно. Эти люди верят, что они были самыми любимыми из всех его духовных чад, что они были связаны с ним больше, чем другие.

⁽¹⁾ Ин. 14, 21.

Каждый человек чувствовал Старца «своим» и испытывал к нему особую любовь.

В действительности, такое впечатление создавалось оттого, что Старец отдавал свою любовь целиком каждому конкретному человеку. Без остатка отдавая себя ближнему, он любил каждую приходившую к нему душу такой, какой она была – с её страстями и с её слабостями. Он любил каждого человека как родного брата и как образ Божий. Он разделял любовь на всех, но при этом в его сердце всё равно оставалась любовь, потому что он был соединён с её неистощимым Источником, с вечной Любовью, со Христом.

Он говорил: «Вопрос, куда поместит меня Бог после моей кончины, меня не занимает. Самого себя я отбросил в сторону. Я делаю добро не для того, чтобы попасть в Рай».

Старец говорил: «Для меня предпочтительнее, чтобы хоть немного вкусили Рая те несчастные, которые живут вдали от Бога. Ведь мы, по крайней мере, попробовали, что такое райская радость, тогда как они уже в этой жизни живут в адской муке». Старец просил Бога, чтобы Он освободил одну несчастную душу, мучавшуюся в адских мучениях, а его самого послал бы на её место. *«Молѝл бых ся бо сам аз отлучѣн быти от Христа по брѣтии моѣй»*⁽¹⁾, – писал святой апостол Павел. Насколько же близко было расположение Старца Паисия к этим апостольским словам!

Монахам Старец советовал: «Возделывайте дух братской любви. Сперва мы должны доставить покой своему брату – после этого жизнь монаха становит-

⁽¹⁾ Рим. 9, 3.

ся Раем. Помню, когда я жил в общежительном монастыре, каждый стремился доставить покой своему брату, облегчить его участь. Ведь Христос сказал: «То, что вы делаете этому бедному брату, вы делаете Мне Самому». Если человек помогает бедняку, несчастному, то подумай, что бы он сделал, если бы на месте этого несчастного был Сам Христос»⁽¹⁾.

Об отношениях между людьми Старец говорил: «Отправной точкой любых наших действий должна быть мысль не о том, как поудобнее устроиться самим, но о том, как облегчить участь нашего ближнего, доставить ему покой. Тогда всем будет хорошо и между людьми будет царствовать любовь».

И разве не было бы несправедливым, если бы после того, что Старец отдал всё Богу и человеку, и Бог с избытком не дал бы ему Свою Благодать? Он был возлюбленным чадом Божиим, и Бог, слыша его молитвы, отвечал на них чудесами.

Любовь была добродетелью, присущей Старцу по естеству. «Я с детства имел любовь у себя в крови», – говорил он. Потом эта естественная любовь была очищена им в горниле подвигов и в высшем горниле умной и непрестанной молитвы. Эта любовь превратилась, дошла до Божественного рачения – так Святые Отцы называют «любовь, простирающуюся к Богу»⁽²⁾.

Если Старец так сильно возлюбил людей, то насколько больше была его любовь к Богу?

(1) «Любящий Господа прежде возлюбил своего брата: ибо второе служит доказательством первого». Преподобного отца нашего Иоанна, игумена Синайской горы, Лествица, в русском переводе. Ук. изд. С. 249.

(2) Καλλίστου Καταφυγιάτου. Περί θείας ένώσεως καί βίου θεωρητικοῦ. Φιλοκαλία. Τ.Ε΄. Σ.14.

Один человек сказал ему: «Я хочу почувствовать, что такое Божественное рачение». Старец только улыбнулся. «Послушай-ка, – ответил он, – ведь грудной младенец сперва питается молоком, потом сметаной или кашкой. Потом ему дают суп, а уж когда подрастёт – начинает есть отбивные. Представляешь, если дать отбивную грудному младенцу? Ведь он не сможет её прожевать и задохнётся». Ещё Старец говорил: «Мы должны достичь любви Божией, достичь того, чтобы наше сердце ликовало, билось от радости. Пока не придёт Божественное рачение, необходим непрерывный подвиг. Когда оно придёт, нам не захочется ни есть, ни спать – как авве Сисою. Поняв, что такое любовь Божия, человек достигает божественного умопомешательства. Но как жаль: мир этой любви не понимает». Рассказывая о некоем человеке, достигшем состояния Божественного рачения, Старец открывает то состояние, в котором находился сам: «Как котёнок, который кувыркается и ласкается у тебя в ногах, трётся о них и лижет их, так и ты, сойдя с ума от любви ко Христу, ласкаешься и трёшься у Его ног. Когда любовь Божия овладеет человеком в высокой степени, человек тает, стораит. Толстые кости человеческого тела становятся мягкими, как восковые свечи. Когда человек достигнет Божественного рачения, он становится похож на пьяного. Он пленяется Божественной любовью, его не может занять ничто другое. Ко всему он становится равнодушным, подобно тому пьяному, к которому прибежали сказать, что горит его дом, и тот ответил: “Ну и пусть сгорит”. Поэтому лучше человеку недолго пребывать в состоянии Божественного рачения».

Безгласные свидетели Божественного рачения Старца – иконы Пресвятой Богородицы и Распятого Христа из его кельи, священные изображения на которых истёрты и размыты от его горячих лобзаний и слёз. Однажды Старец приял такую великую Благодарять, почувствовал такую любовь, что не смог этого вынести: у него подкосились колени. Эта великая любовь Старца выражалась в его исполненной боли молитве о людях.

Он желал любить Бога от всего сердца и поэтому говорил: «Даже если бы наше сердце было таким большим, как солнце, то всё равно не стоило бы разделять его на части. Но что мы оставим Христу, разделяя его на части сейчас – когда оно размером с кулачок?»

В письме от 6 апреля 1969 года Старец пишет: «Когда человеку удастся освободиться от всех и от всего, тогда он может почувствовать великую любовь Божию, которая овладевает им и делает его Божиим рабом».

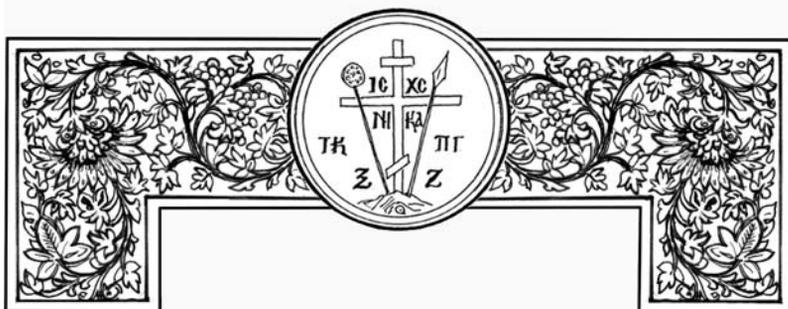
Эту любовь Старца чувствовали и дикие звери, и не знавшие греческого языка бедуины. Именно она трогает сердца нынешних измученных молодых людей. В лице Старца юноши и девушки находят нежного отца, у него они обретают ту любовь, которой были лишены. Многие из них, хотя и не знали Старца лично, приходят на его могилу, увлажняя её слезами, чувствуя, что Старец оттуда, где он сейчас находится, обнимает их своей благой любовью.

глава вторая

**БЛАГОДАТНЫЕ
ДАРОВАНИЯ
СТАРЦА**

Старец утешает и советует.

Преодоление законов естества

В этой главе собраны свидетельства о том, как перед Старцем Паисием отступали законы естества и как иногда сам он действовал, заставляя их отступать или терять свою силу.

* * *

Как и все люди, Старец укрывался от дождя под зонтом и плащом. Он не был «непромокаемым», наоборот – очень быстро простужался от холода и сырости. Однако бывали случаи, когда – Бог знает, по какой причине, – находясь под дождём, он оставался сухим. То есть когда вокруг хлестал ливень, на него не попадало ни капли.

«Однажды, – рассказывает господин Константин Куцоянис, – я на машине повёз Старца из монастыря святого Иоанна Предтечи на Халкидике в Суроти. Когда мы ехали, шёл такой ливень, что казалось, будто на землю полились все небесные воды. У входа в Суроти нас ждали сёстры с зонтами и плащами, чтобы укрыть вышедшего из машины Старца от дождя. Они стали показывать мне, чтобы я подъ-

ехал как можно ближе. Однако совершенно чудесным образом, в тот момент, когда Старец выходил из машины, в радиусе двух метров дождь прекратился, хотя за пределами этой линии творилось невообразимое. Когда Старец вышел из машины, попрощался со мной и вошёл в здание, по крыше и стеклу автомобиля опять с огромной силой полил дождь».

* * *

О подобном случае свидетельствуют и два монаха, живших в келье недалеко от «Панагуды»: «Дело было зимой. Всю предыдущую ночь, целый день и ещё одну ночь был ужасный ливень. Поток, отделяющий «Панагуду» от той кельи, где жили мы, стал очень бурным, и перейти его было невозможно. Вода поднялась очень высоко, унесла мост на пути к «Панагуде» и ещё один маленький мостик чуть ниже. Других мостов через поток нет. И вот в тот день Старец пришёл к нам в келью. Дождь лил, буквально, как из ведра, но мы обратили внимание на то, что обувь Старца была совершенно сухой и чистой. Конечно, он пришёл под зонтиком, однако, если даже под зонтиком пройти десять шагов под таким проливным дождём, вымокнет не только обувь, но и весь подрысник до нитки. Нас очень удивило то, что он был сухим, но ещё больше – то, что он смог перейти через поток! Когда он от нас уходил, мы из любопытства хотели пойти за ним, но он нам не позволил».

* * *

Свидетельство господина Георгия Куркулиотиса из города Коринфа: «В феврале 1979 года я посетил Старца Паисия в каливе Честного Креста. Калитка во двор была открыта. Я кричал, кричал, стоя за калиткой, но никакого ответа не получил. Было восемь часов утра, и я остался ждать. Вдруг я увидел Старца Паисия прямо перед собой и очень растерялся. “Я был здесь, Георгий”, – тихо сказал он мне. Потом я рассказал двум духовникам о том, как он мне явился, и они объяснили мне: “Он был перед тобой и появился, когда захотел сам”».

* * *

Свидетельство господина Елевферия Тамиолакиса, с острова Крит: «Когда Старец жил в “Панагуде”, я приехал на Афон, чтобы встретиться с ним. Я переживал большие трудности, мне надо было обязательно его увидеть. Я подошёл к задней калитке и стал кричать, но никто не отвечал. Я направился в келью отца Григория, но там тоже никого не застал. Тогда я вернулся в “Панагуду” и каждые две-три минуты кричал, зовя Старца по имени, и стучал в железное клепальце возле калитки. Но Старца нигде не было.

Я уже решил уходить, спустился к потоку и стоял на берегу среди глубокой тишины, не зная, что мне делать. Я не хотел уходить, потому что моя судьба, в буквальном смысле слова, зависела от решения Старца. Вдруг прямо над ухом я услышал: “Елевферий!” Я обернулся и увидел Старца в трёх метрах от себя. У меня дыбом поднялись волосы, ведь я был на

берегу абсолютно один, не слышал ни шагов, ни звуков – совершенно ничего и не заметил никакого движения. Было лето, поток был сухим, и вокруг царило безмолвие. Даже если бы рядом со мной пролетела муха, я бы её услышал.

Увидев Старца, я замер, глядя на него и стараясь убедиться, что это именно он. Потом подбежал к нему, поклонился, поцеловал ему руку и спросил, где он был, почему столько времени меня не слышал и как смог появиться рядом так неожиданно. Он, ничего не объясняя, сказал только, что находился глубоко в лесу и “получил извещение” о том, что я в нём нуждался. Он попросил меня сказать, зачем я пришёл, и когда понял, что рассказывать придётся долго, предложил где-нибудь сесть. Мы перешли через поток и сели на землю метрах в двух от главной тропинки, ведущей в “Панагуду”.

Я начал рассказывать Старцу о своих проблемах, и вдруг, услышав голоса спускавшихся по тропинке людей, перешёл на шёпот. “Говори нормальным голосом, благословенная душа, – сказал мне Старец, – не бойся”. Я продолжал рассказывать. Услышав голоса совсем близко, я замолчал. “Да говори же, говори, – сказал мне Старец. “Но, Геронда, – шепчу я ему, – они нас услышат, придут сюда все, и тогда я точно не смогу рассказать Вам то, о чём хочу”. – “Не бойся, – ответил он, – говори обычным голосом, не шепчи”. И вот, я говорил обычным голосом, не шептал, а Старец отвечал мне тоже обычным голосом. Посетители, держа путь к Панагуде, прошли в двух метрах от нас, и нас не увидели и не услышали.

Было необъяснимо и чудесно и внезапное появление Старца передо мной, и то, что мы остались неза-

меченными. Однако, воспринимая его святость как что-то естественное, я и эти события посчитал естественными для него. Ведь раньше, в простоте сердца, он рассказывал мне, как в его келье являлись Ангелы и Святые. Этими рассказами он открывал мне тот мир, о котором я знал, что он действительно и неложно существует, поскольку действительным, неложным и святым был тот, кто мне об этом рассказывал».

* * *

Часто во время молитвы Старец поднимался на воздух, возвышаясь не только духовно, но и телесно. Иногда его видели над землёю не только во время молитвы, но и когда он работал или куда-то шёл.

* * *

Когда он жил в келье Честного Креста, с ним произошло необыкновенное событие, о котором сам он рассказывал так: «Молясь – не знаю, что со мной произошло, – я поднялся высоко в воздух и увидел каливу под собой. Ни того, как я поднялся в воздух, ни того, как опустился обратно на землю, я не понял».

* * *

Свидетельство святогорского монаха: «Однажды я посетил Старца в “Панагуде”. Когда я пришёл, он клал у себя в келье печь из кирпичей. Он сделал из досок козлы, на которых лежали кирпичи и раствор, и сам встал на эти козлы. Он работал, а я увидел, что он стоит на воздухе на высоте тридцати сантиметров».

ров над доской. Сперва мне показалось, что я плохо вижу. Но потом я убедился в том, что он действительно стоял на воздухе! А потом я вновь увидел его стоящим на доске».

* * *

Куда бы Старец ни приходил, он разливал вокруг себя Божественную Благодать. «Если человек, имеющий в себе Благодать, куда-то идёт, то вокруг него сразу же, подобно электрическому току, разливается та духовная нежность, которую он имеет в себе. Если же человек находится в бесовском состоянии, то он тоже распространяет вокруг себя то, что у него внутри. Наше собственное духовное состояние воздействует и на других».

Старец знал о той Благодати, которую дал ему Бог, и делился с другими тем богатством, которое у него было, если они в этом нуждались.

* * *

Рассказ господина Василия Мурохидиса из города Коницы: «Когда мне было шесть-семь лет, Старец Паисий жил в монастыре Стомион. Однажды мы, дети, вместе со Старцем пошли из города в монастырь.

Подъём был очень трудным и крутым. Увидев, что я устал, отец Паисий сказал: “Василий, когда ты будешь уставать, осеняй себя крестом, опирайся своей палочкой в меня и иди дальше”.

В одном месте мы увидели, что на тропинку упал большой камень, объёмом где-то в полтора кубометра.

– Отец Паисий, – сказал я ему, – вот если бы приехал экскаватор, то он отодвинул бы эту глыбу на обочину.

– Исключено, – отвечает он. – Где мы найдём экскаватор? Ведь ты сам экскаватор – вот тебе и придётся двигать глыбу.

– Я не могу, я маленький!

– А ты постарайся, перекрестишься, прочитаешь “Отче наш” и справишься. Я тебе тоже буду помогать. Ты будешь толкать камень, а я буду толкать тебя.

Я упёрся, стараясь столкнуть глыбу, а он только чуть прикоснулся к ней рукой, и она покатила в обрыв. Обрыв был рядом, и она покатила быстро: перевернулась и полетела вниз. Казалось, что весом она была не более трёх килограммов. Тогда я не осознал чудесность этого события и понял кое-что только потом, когда немного подрос».

* * *

Свидетельство господина Георгия Куркуолиотиса из Коринфа: «Когда я приходил в келью Старца, он после беседы меня провожал. Обычно он легко похлопывал меня по голове и по плечу. Первое время я не до конца понимал, какую помощь получал от этого простого прикосновения. Однако потом осознал, что таким образом я приобретал силу, бодрость и оптимизм. Когда иной раз, провожая меня, Старец забывал похлопать меня по голове, я просил его: “Геронда, перекрести меня”. А он мне отвечал: “Я ведь не священник... Но раз ты этого хочешь...” – и клал мне на голову ладонь. В этот момент я чувствовал, как

в меня из него переходит какая-то сила. Я уходил с лёгким сердцем и разрешёнными проблемами. Старец был исполнен Божественной Благодати».

* * *

Свидетельство господина Ангелоса Хорозидиса, офицера полиции из города Салоники: «Однажды мы возвращались со Святой Горы в Салоники с отцом Паисием и с отцом Григорием из монастыря Честного Предтечи в селении Метаморфоси. До Салоник было ещё 150 километров, а я был как выжатый лимон, потому что не спал более тридцати часов. Оба Старца сидели на заднем сиденье автомобиля. Батюшка Паисий в какой-то момент сказал мне: “Устал ты. Отдохни-ка, я сам поручу”. Он пролез между сиденьями и сел впереди. Конечно, за руль Старец не садился: он и не умел водить машину. Он сказал это в шутку, однако необыкновенность заключалась в том, что я не понял, как мы доехали до Суроти, – я был свеж и полон сил».

* * *

Брат Старца Лука рассказывал: «Отец Паисий жил тогда в монастыре Стомион. Однажды на тропу, ведущую из города в монастырь, упал большой кусок скалы. Собралось много народа, чтобы с помощью деревянных рычагов сдвинуть его с места, но старания были тщетны. Потом все ушли, а Паисий мне сказал: “Ну давай, иди и ты”. Я немного отошёл, спрятался в кусты, чтобы посмотреть, что он станет делать. Он, осенив себя крестом, взялся за эту глы-

бу, поднял её, словно она была стулом, и отбросил в сторону от дороги!»

* * *

Священник одного из коницких храмов отец Харалампий Анастасис рассказывает: «Однажды я приехал на Святую Гору на престольный праздник в лавру святого Афанасия. После престольного праздника я шесть часов шёл пешком в “Панагуду”, чтобы увидеть Старца, которого не видел двадцать пять лет. Я встретил его в лесу недалеко от каливы. Он тут же узнал меня и – удивительное дело! – вспомнил точную дату, когда меня рукоположили во диакона, когда во священника. Я сказал ему: “Отче, окажи любовь, может, немножко покушаем?”

– Покушаем, – говорит, – у меня есть, что покушать.

Он показал полиэтиленовый мешочек, в котором лежало три очень маленьких помидора и полтора сухаря. Я подумал: “Так вот что мы покушаем?” Не удержавшись, я спросил: “Геронда, что нам здесь есть? Я со вчерашнего дня ничего не ел. Мне и двадцати таких помидоров будет мало”.

А он мне ответил: “Отец Харалампий, мы помолимся, ты эти помидоры благословишь, и ещё останутся лишние”.

Он развязал мешочек, разрезал его края таким образом, что из него получился крест, и разложил его как скатерть. Передо мной он положил два помидора и один сухарь, а себе оставил половину сухаря и один помидор. Ну что же, помолились мы, как положено, и Старец попросил: “Отче святой, благослови”. Я благословил, и мы сели есть. Куда подевался мой голод?

Я был совершенно сыт, словно кто-то закрыл мне горло, и мне перестало хотеться есть. Я наелся одним сухарём, даже не смог его съесть полностью – немножко оставил. Мне хотелось только пить. А Старец всё приговаривал: “Кушай, отец Харалампий, кушай!” – “Да куда тут кушать, Геронда, знаете, как я наелся!”

Потом весь день я заходил в разные кельи, монастыри, но не мог ничего есть, и даже обычное угощение, которое дают паломникам в святогорских монастырях, мне было съесть не под силу. Я только просил монахов: “Воды, воды, дайте мне воды!”

Я ушёл от Старца под сильным впечатлением, и когда брёл один по святогорским тропам, восклицал: “Что же это было за благословение?! Оно было подобно тому, которым Христос благословил пять хлебов и две рыбы, и насытились пять тысяч мужей, не считая жён и детей. Это было благословение Господне!”»

* * *

По смирению Старец не только не хотел фотографироваться и избегал этого, но и проявлял в таких случаях неудовольствие и даже сердился. Он уступал, соглашаясь, чтобы его сфотографировали, только перед чутким и смиренным человеком, чтобы не ранить его отказом, чтобы тот человек не истолковал отказ собственным недостатком. В таких случаях Старец предпочитал огорчиться сам, но не огорчать брата. В жертву любви он приносил даже своё смирение.

Многие пытались сфотографировать Старца тайно или явно, в то время как он стеснялся выразить

Неожиданно оказавшись перед объективом.

несогласие в присутствии игуменов, епископов или во время Крестного хода. Некоторые фотографии действительно выходили хорошо, однако чаще на фотографиях Старец получался неудачно. Обычно на фотографиях Старец выглядит огорчённым из-за того, что его фотографируют, так что смотрящий на фотографию чувствует себя виноватым.

Однако есть много свидетельств и о том, что, когда Старца тайком или исподтишка фотографировали без благословения, он чудесным образом не фотографировался, «не попадал» в фотообъектив. В одних случаях засвечивалась пленка или ломался фотоаппарат, а в других – фотография выходила хорошо, но Старца... на ней не было!

* * *

Профессиональный фотограф, господин К., рассказывает: «Однажды я посетил Старца и получил большую помощь от его богопросвещённых советов. Однако ещё больше меня привела в умиление его чрезвычайная любовь и жертвенность. Болезнь совершенно лишила его сил, он очень страдал от боли. Однако, поняв, что я нуждаюсь в его совете, он забыл о своём собственном состоянии, прилёг во дворе на пеньках (ведь он не мог тогда ни стоять, ни сидеть) и стал со мной беседовать. Когда я уходил, мне захотелось его сфотографировать, чтобы, глядя потом на его фотографию, вспоминать о нашей благословенной встрече. Однако, зная, что он откажется фотографироваться, я из-за спин других паломников сделал два снимка. Но Старец, хотя я в тот момент ничего и не понял, помешал съёмке по-своему: после прояв-

ления пленки, оба кадра были совершенно чёрными, такими, словно бы я делал эти фотографии, забыв снять крышку с объектива!»

* * *

«Однажды, – свидетельствует другой паломник, – я пришёл в “Панагуду”. Там никого не было. Я понял, что сам Старец был в келье, потому что навесной замочек на деревянной двери, которая вела в дом, висел открытым. “Какая удача!” – подумал я. Я поместил среди веток свой фотоаппарат так, чтобы его не было видно, навёл его на дверь кельи и постучал в железное клепальце. Как только Старец вышел на порог, я нажал на спуск. Ах, как мне было радостно!..

Однако представьте моё изумление, когда, проявив плёнку, я увидел, что, хотя дверь вышла очень чётко, Старца Паисия на пороге... не было!»

* * *

Подобное происходило и в случаях, когда беседу со Старцем хотели записать на магнитофон. То заклинивало кассету, то магнитофон переставал записывать, то на записи было всё что угодно – голоса третьих лиц, пение птиц, шумы – кроме голоса самого Старца!

* * *

Свидетельство одного студента: «Однажды с однокурсниками я посетил Старца Паисия. Мы начали беседу, и Старец, догадавшись, что мы записываем её на диктофоны, велел нам их выключить.

Мои товарищи выключили диктофоны, но я – поскольку мой диктофон был спрятан как следует – решил его не выключать. В какой-то момент Старец вновь сказал: “Да выключите вы свои магнитофоны!” – и добавил: “Да и хотя бы вы их не выключали – всё равно они ничего не запишут”.

Когда мы уходили от Старца, я выключил диктофон не сразу. Потом я стал слушать кассету и убедился, что и до беседы со Старцем, и после неё запись была нормальной, а беседа Старца с нами на кассету не записалась».

* * *

Свидетельство господина Георгия Куркулиотиса: «Однажды к Старцу пришла группа студентов, один из которых принёс с собой маленький магнитофон, чтобы записать беседу. Вдруг Старец повернулся к нему и сказал: “Та штука, которая спрятана у тебя в кармане, ничего не записала”. Молодой человек похолодел. И действительно, на кассете не записалось ни одного слова».

Примирение с творением

Старцу Паисию была дана Благодать – подобно Адаму до его падения и многим Святым нашей Церкви – свободно обращаться с дикими зверями так, чтобы те ему не вредили.

Дикие животные интуитивно чувствовали великую любовь Старца и чистоту, которую имел человек до падения. Известно, что если человек вновь восстановит в себе первородную и первозданную красоту, утраченную Божественную Благодать, то он станет владыкой твари и будет начальствовать над всеми птицами небесными, пресмыкающимися и зверями. Тогда происходит примирение с тварью. Святые Отцы так говорят о состоянии человека до грехопадения: «Если Бог пребывает в ком-то, то ему подчиняется всё – как Адаму, до преступлении им заповеди Божией»⁽¹⁾.

Старец говорил: «Если человек поставит себя на место другого, то потом он может возлюбить всех: и людей, и животных – даже самых диких. Он вмещает

⁽¹⁾ Кирилл Скифополит. Житие святого Евфимия Великого. Ук. изд. С. 23. Κυρίλλου Σκυθοπολίτου. Βίος Ἁγίου Εὐθυμίου τοῦ Μεγάλου. Ἔκδ. Schwartz E. Leipzig. 1993. S. 23.

в себя всё [творение], а сам выходит из себя ради любви.

Вот, например, я вижу дикое животное и думаю, что я тоже мог быть бы таким животным. Ведь Бог хозяин, и Он мог бы сотворить меня зверем. Если я поставил себя на место животного, я стану его любить и мне будет жаль даже змей. Подумайте: мне бы понравилось, если бы я, будучи змеёй, выползал погреться на солнышке, а кто-то подбегал бы ко мне и бил меня палкой, разбивал мне голову? Божественная любовь извещает о себе диких животных. Животное способно отличить человека, который его любит, от охотника, который хочет его убить. Человека, который его любит, оно не боится и приближается к нему. Раньше я думал, что такой интуицией обладают все дикие животные, кроме змей. Однако потом я убедился в том, что и змеи имеют точно такую же интуицию. Её имеет даже гадюка – которая по сравнению с другими змеями как коза по сравнению с овцами».

Как-то раз один диакон спросил Старца: «Геронда, я слышал, что у Вас есть змеи. Неужели это правда?» Старец ответил: «Да, дьякон, правда. Змеи живут у меня вот здесь, в сердце. Когда тебя рукоположат во священника и сделают духовником, приходи – и я тебе их покажу».

* * *

Житель города Коницы, господин Георгий Папастемистоклеус прислал следующее письменное свидетельство: «Когда Старец Паисий жил в монастыре Стомион, мы приходили туда почти каждую субботу

и воскресенье, нас как будто тянула к нему необъяснимая сила. Там мы находили мир, рядом со Старцем умиротворялся наш дух и наша душа. Одновременно мы тоже старались помочь ему в разных работах. Однажды он послал меня в монастырскую кладовку за мотыгой и лопатой.

– Георгий, – сказал он мне, – ты там увидишь двух змеек. Не бойся: они неопасные.

Я зашёл в кладовку, направился было к инструментам и вдруг увидел двух огромных полозов, которые тоже поползли в сторону, где стояли лопаты и мотыги. Я в ужасе попятился и был готов убежать. Вдруг сзади я почувствовал худую, но твёрдую руку Старца. Остановив меня, он мирным и тихим голосом “приказал” змеям: “А ну-ка ползите в свой угол, не видите разве, что Георгий боится?”

Потом он пошёл за мной, поняв, что змеи сильно меня напугали. Я обернулся, чтобы посмотреть на него, но он опустил глаза вниз.

В другой раз в монастырской кухне я услышал голос одного из школьных друзей Старца Паисия: “Ну дай же мне, отец Паисий, его подстрелить!” Я увидел, что этот человек поднимал ружьё и целился, а Старец своим сладким и мирным голосом говорил ему: “Нет, Янис, ведь у него же крест на голове!” Я свесился из окна и увидел ничего не подозревающего зайца с чёрным крестиком на лбу, который сидел недалеко от монастыря.

Вообще зайцев он подзывал так, как мы зовём кошек, и они рядом с ним жить не боялись.

А этого зайца Старец поймал на монастырском огороде среди посадок фасоли. Вот тогда он и нарисовал ему на лбу крест и предупредил своего зятя (мужа

своей сестры) Василия и других охотников, чтобы они были внимательны и его не подстрелили».

* * *

Однажды во двор монастыря Стомион забежали два медвежонка. Старец схватил их за загривки и сказал: «В другой раз внутрь монастыря не заходите. Если хотите, чтобы я вас покормил, идите к задней двери, которая ведёт на кухню», – и он показал им, где эта дверь. Об этом случае послушнику монастыря Стомион Павлу рассказали два жителя Коницы.

* * *

Паломник с Кипра М. С. рассказывает: «Однажды в “Панагуду” пришла группа кипрских паломников. Старец сказал им, чтобы они сами взяли из коробки лукум. Как только они открыли крышку, они стали глядеть друг на друга в недоумении. В коробке с лукумом было полно муравьёв. Видимо, кто-то из паломников плохо закрыл крышку, хотя Старец написал на крышке, чтобы её закрывали плотно. Муравьёв было так много, что лукума под ними даже не было видно, он казался чёрным.

Поняв, в чём дело, Старец взял из коробки кусочек лукума, отложил его в сторону и ласково, но в то же время серьёзно и строго сказал муравьям: “Этот кусок ваш. Идите и ешьте его, а другие куски оставьте людям”.

Мы в изумлении наблюдали, как муравьи, оказывая послушание Старцу, выползли из коробки, сползли к “своему” лукуму и стали его есть».

* * *

Свидетельство насельника скита святой Анны монаха Алипия: «Я познакомился со Старцем, когда мне было пятнадцать лет. Благодатью Божией я стал монахом в монастыре Кутлумуш. Из монастыря я каждый день приходил к Старцу и встречался с ним. Я слышал, что он творит чудеса, и мне захотелось тоже увидеть какое-то из его чудес. Этот помысел не оставлял меня целый месяц.

Однажды утром в начале ноября я пришёл к нему в келью и застал его во дворе. Старец был один, он мыл руки в маленькой бочке. Он впустил меня во двор и велел подождать, потом достал из-за бочки фольгу, в которую были завернуты крошки, развернул её и поглядел на небо. Птиц вокруг не было. И вдруг их собралась целая стая! Откуда взялось столько птиц, ума не приложу! Одни садились ему на голову, другие на плечи, на руки, а он их кормил. Глядя на это, я не мог пошевелиться. Моё сердце билось в умилении, я смеялся от радости. Старец, улыбаясь, сказал птицам: «Летите к нему». Он говорил с ними, как с людьми. Помню, как он говорил одной птахе, которая сидела у него на руке: «Ну, лети же и к нему, лети, ведь он тоже наш человек».

Это продолжалось минуты две. Потом Старец свернул фольгу, и птицы исчезли. Я в растерянности глядел на него. «Ну, теперь иди», – сказал он мне».

Μολιτβεννικ ο βς̅μ μιρε

Κακοε-το βρεμια να καλιτκε, κοτορια βελα βο διвор «Παναγυδυ», βισελα ταβλιτκα:

Γράψετε τί θέξετε,
 ρίξετε τό σπμείωμα
 βτό κουζι, και θα
 βας βοηθήσω θε-
 ριββότερο με την
 θροβευχη, θαρά
 με τις σολυχογίες.
 Έτσι, θα έχω χρό-
 νο να βοηθησω και
 θεριββότερους θονεμέ-
 νους. Έδω ήρθα για θρο-
 βευχη, και όχι για να κωχο βν
 σατλατο. — Μιββββ

«Напишите, что вы хотите мне сказать, бросьте записку в ящик, и я больше помогу вам молитвой, чем многими разговорами. Так у меня будет время помочь и другим страдающим. Сюда я пришёл ради молитвы, а не ради того, чтобы изображать из себя учителя. Монах Паисий».

Первое чувство было таким, что в этом месте скрыта некая духовная рация и монах, заключивший себя за ограду проволочной сетки, несёт очень важное послушание: посылать сигналы Богу, то есть молиться. Даже из этой записки видно, какое значение придавал Старец молитве за мир. Он судил по конечному результату и видел, что молитва полезнее и результативнее, чем беседа с людьми и переписка с ним.

Молитва Старца имела два крыла. Одно из них – сердечная боль. «Часто, – говорил Старец, – даже одно сердечное воздыхание равно по силе целой молитве, целым часам молитвы, целому Всенощному бдению». Другим крылом его молитвы была праведность. «Без праведности, справедливости молитва услышана не будет, – говорил он»⁽¹⁾.

Молитва Старца о мире – совокупность и результат всего его духовного состояния, особенно – его великой любви.

Редкий дар молитвы о мире дарован Старцу после его великих подвигов. Он был молитвенником обо всём мире. Обо всех он молился как о самом себе. Его молитва была непрестанной, сердечной, чистой и результативной. Он разделял её на три части: о себе самом, о живых и об усопших. Но в действительности о других он молился больше, чем о себе.

Он обобщал и расширял свою молитву так, чтобы она включала в себя всех людей. Молясь о ком-то имевшем особую нужду, например, о юноше, сбившемся с пути Божия, Старец прибавлял: «Помяни, Господи, всех молодых и помоги им». Или, например,

⁽¹⁾ «Неправду аще узрех в сердце моём, да не услышит мене Господь». Пс. 65, 18.

когда он молился о каком-нибудь болящем Николае, то добавлял: «И всех Николаев помяни, Господи».

В молитве за весь мир Старцу помогало чтение Псалтири с разными прошениями на каждом псалме – как разделил её преподобный Арсений Каппадокийский. Разница была лишь в том, что Старец обобщал эти прошения: к примеру, преподобный Арсений читал Первый псалом при посадке виноградника или деревьев – чтобы они приносили плод. Старец же Паисий, читая Первый псалом, просил Бога не только о насаждённых деревьях, но и о младенцах, зачинаемых в материнской утробе, чтобы с самого начала они имели благословение Божие и принесли плод. Или, например, псалму, читаемому во время бури, Старец прибавлял: «Христе мой, неужели Ты не видишь ту бурю, которая обуяла мир и его смущает?» И он просил, чтобы вместе со вздымающимися морскими волнами Бог умирил взволнованное и встревоженное человечество. Таким образом, его молитва обнимала весь мир. Потом он откладывал Псалтирь в сторону, и его ум погружался в сердечную молитву о людях и о всей твари.

Молитва отнимала его силы, потому что, говоря Богу о страданиях людей, прося Его об их спасении, он весь, без остатка соучаствовал в человеческой боли. Он «чувствовал многую боль, но и многое утешение». Множество человеческой боли, которую он видел вокруг, заставляло его выходить из пределов своего «я». Окружающие видели, как Старец едва передвигает ноги от усталости, видели его изнемогающие от поста колени, видели, как его скудельный сосуд – то есть тело – был готов прохудиться от немощей. Однако молитвы о мире он не оставлял.

Он говорил: «Молитва о мире оказывает большую помощь, особенно если ей сопутствует сердечная боль. Но если я сижу нога на ногу, развалясь в кресле и окружённый различными удобствами, то в боли другого человека я не участвую».

Молитву Старца сопровождали пост, труд, поклоны и, главным образом, смирение. Он говорил: «Будем просить [Бога] смиренно. Я в своей молитве говорю так: “Боже мой, я не человек, а скот. Помилуй и меня, и весь мир”».

Старец верил в то, что несёт ответственность за беды и несчастья других людей: «Если бы я был святым и Бог слышал мою молитву, они бы не страдали». В письме от 14 марта 1971 года он писал: «И вот, поскольку окаянный Паисий окаянен, из-за него мучаются многие души. Они мучаются из-за того, что Паисий не стяжал Благодати, чтобы с помощью Божией помогать людям, которым нельзя помочь по-человечески». Он говорил: «Давайте думать, что это мы виноваты в том, что какой-то больной не может выздороветь. Ведь Христос сказал, что Он даёт нам власть творить чудеса – а мы не делаем ничего». Старец добавлял: «Что мне делать, отец мой, ведь ко мне приходят люди, просят моей помощи, а я не могу им помочь. Мои недостатки – причина того, что я не могу стать любимым чадом Божиим. Если бы я им был, то Бог слышал бы мою молитву».

– Геронда, – возражал собеседник, – тогда почему люди к Вам идут?

– Знаешь, в чём тут дело? Я понял, что мир просто нуждается в любви. Ко мне приходят души, которым больно, и я просто-напросто отношусь к ним с каплей терпения».

Однако сами люди думали по-другому и поэтому шли к нему сплошным потоком. Чувствуя свою нищету, Старец, подобно доброму нищему, падал на колени, простирал руки к Богу и просил Его помочь каждому. Он умолял Его такими словами: «Христе мой, прошу Тебя, помоги этому парализованному, чтобы он мог хоть немножко ухаживать за собой сам». Или: «Пресвятая моя Богородица, я снова тревожу Тебя...» – и так далее.

Обычно Старец ставил перед иконами в архондарике своей кельи маленькие и большие свечи из чистого воска, возжигая их о здравии приходивших к нему людей. По ночам он зажигал свечи в железной коробке с дырочками в форме крестов и молился обо всём мире. Однажды, придя к нему, знакомые монахи увидели, что царские ворота в его храмике отворены, и перед ними стоит большой подсвечник с возжжённой свечой. Кто знает, может быть, это было «прилежным молением» Старца о чём-то очень серьёзном?

Когда надо было молиться о серьёзных вопросах, когда наш народ и Церковь обуревали острые кризисы, он советовал знакомым монахам: «Надо как следует ухватиться за чётки». Старец имел в виду, что нам надо много молиться, потому что в этом есть большая нужда. Конечно, Старец просил монахов молиться для того, чтобы побудить их к молитве, однако, главным образом, для того, чтобы, когда его собственная молитва будет услышана, сам он мог «скрыться за их спины».

Сам Старец молился много, но он хотел, чтобы вместе с ним в молитвах сообща трудились другие. «Если бы я мог, – говорил он, – то устроил бы молитвенную артель, в которой молитва не прекра-

щалась бы ни на минуту. Мир очень нуждается в молитве».

Накануне праздника святого Спиридона два монаха шли на Всенощное бдение в монастырь. По дороге они зашли к Старцу Паисию за благословением. Он вышел к ним с покрасневшим лицом и выглядел очень расстроенным. Он сказал отцам: «Молитесь на бдении, куда вы пойдёте, и другим отцам скажите, чтобы они тоже молились. В Румынии творятся жуткие вещи: началась Гражданская война и убивают многих людей». Это были дни, когда свергли режим Чаушеску. Старец по своему «духовному телевизору» увидел происходившее и соучаствовал в испытаниях румынского народа, испытывая боль и усердно молясь за него.

Старец имел твёрдое убеждение, что его монашеский долг – молиться о других. Каждого, заходившего к нему в келью, он, по его собственному выражению, «привязывал к своим чёткам», то есть молился за него по чёткам.

Отец попросил Старца помолиться, чтобы сын порвал с дурной компанией. Вскоре отец пришёл снова поблагодарить Старца за те изменения, которые произошли с его сыном. Старец ответил ему: «С той компанией он развязался, но вот отсюда – он показал на чётки – уже не отвяжется». Старец хотел сказать, что молиться за юношу не перестанет. Впоследствии сын этого человека с недоумением признался: «Не знаю, что со мной произошло: безо всякой внешней причины и повода мне расхотелось водить дружбу с этими ребятами».

Старец молился обо всех, а Бог давал необходимое каждому. «Вы поглядите, – говорил Старец, – сколь-

ко народа получает помощь от молитв! Они получают Божественную помощь, потому что имеют на неё право. А Бог выберет подходящий момент, чтобы эту помощь оказать. Когда молитва сильна, с Неба снисходит Сам Христос и помогает нуждающейся душе. Если человек имеет дерзновение в молитве, то он похож на министра, который просит о чём-то премьер-министра, и тот выполняет его просьбу».

Один святогорский монах рассказывает: «Перед демобилизацией со срочной службы в армии я получил отпуск и приехал на Святую Гору, где впервые встретился со Старцем Паисием. Я спросил его о том, что касалось меня лично, а потом рассказал о своём близком друге, который хотел жениться, однако родители девушки были против. В отчаянии он хотел покончить жизнь самоубийством. Когда я приехал в родной город, то несколько раз за отпуск встречал этого парня. И он мне говорил: “Я хочу наложить на себя руки, но меня словно что-то удерживает”.

Уволившись в запас, я решил приехать на Святую Гору и стать монахом. По дороге на Афон я заехал в Суроти и там встретился со Старцем. Со времени нашей последней встречи прошло семь-восемь месяцев. Старец с участием спросил меня: “А как поживает твой друг (и он назвал его имя)?” Только тогда я осознал, что всё это время, все эти месяцы Старец молился о моём друге, и его молитвы помешали тому себя погубить». Старец особо подчёркивал то, что «приношение монаха – это молитва о мире. Вместо того чтобы посещать заключённых в тюрьме, он молится об усопших».

Однажды Старца спросили: «Сколько времени мы должны молиться об усопших? Неужели своей

молитвой ты сможешь извлечь душу из ада?» Старец ответил: «Из своего опыта я знаю только то, что посредством молитвы душа усопшего человека из мрачного, сырого каземата может быть переведена в более приличную комнату. Тебе этого мало?»

Одному монаху Старец сказал: «Тебе что, нечем заняться? Я найду тебе дело. Клади поклоны об усопших. Знаешь, какую они испытывают нужду?»

Молитва Старца становилась поводом для помощи многим душам, поэтому диавол старался его молитве помешать. Старец говорил: «Искуситель находит способы, чтобы нам помешать. Он посылает мне людей, чтобы они отрывали меня от молитвы. Однако происходит и противоположное. Я понимаю, когда приходят люди, которых мне посылает Бог».

Однажды ночью монах, живший недалеко от Старца Паисия, услышал, как из его кельи доносятся песнопения. Он спросил Старца, что за песнопения слышались ночью с такого-то по такой-то час. Это было время, которое Старец посвящал молитве. Отец Паисий удивился. Он не знал, о каких песнопениях идёт речь. «Нет, – ответил он, – я на Утрени не пою, совершаю её по чёткам». Кто знает, может быть, это было пение Небесных Сил, которые помогали Старцу в его молитвах и возносили их к Богу?

Поистине мир стоит молитвами Святых, как написано о преподобном Антонии Великом: *«Вселенную утвердил еси молитвами твоими, отче преподобне».*

Мы не знаем, были ли случаи, когда Старец Паисий своими молитвами утверждал Вселенную. Но не подлежит сомнению то, что он утвердил своими молитвами бесчисленные души людей, каждая из

которых имеет цену большую, чем весь мир. Кроме этого, своей молитвой он исцелял больных, освобождал бесноватых, и только Бог знает, скольким людям он без шума помог прийти к Нему и спастись.

Сейчас, когда Старца уже нет рядом с нами, когда он не может возжигать за нас свечи и приклонять колени в молитве за весь мир, мы верим, что, находясь на Небе, он помогает нам лучше и результативней. Доказательство этого – его чудеса и явления, происшедшие после его кончины.

Всю свою жизнь Старец в молитве сгорал подобно свече. Сейчас неугасимая свеча его молитвы непрерывно горит пред Престолом Святой Троицы как ходатайство о спасении каждого из нас.

Благодатный учитель

По общему убеждению всех беседовавших со Старцем Паисием и всех читавших его книги, он обладал даром слова и Богословия – высшим из всех дарований Святого Духа.

Его слово было простым – подобно слову рыбаблей-апостолов. Оно было практическим, живым и образным, влекущим к себе, нежным и сладким. Подобно живительной влаге, оно напояло жаждущие души. В рассказах ему не было равных. Старцу удавалось без натуги, естественно вплетать в рассказ забавные истории и шутки. Рассказ становился приятным, образным, так можно было лучше подчеркнуть что-то духовное. Часто он приводил примеры из природы и жизни, *«глаго́лал в прѣтчах»*. Его слово было ясным, поэтичным и афористичным. Он мог свободно говорить целый день, не готовясь заранее, а слушатели ловили буквально каждое его слово.

Старец не читал лекций, не стремился изобразить из себя учителя. Обычно он беседовал с людьми, приходившими к нему в каливу, или, если в близких по духу монастырях его об этом просили, беседовал с братией, или отвечал на их вопросы.

Он произносил немного слов, однако их было достаточно, чтобы удовлетворить многие вопросы и

недоумения. Он обладал умением и рассуждением, оттолкнувшись от малозначащего повода, перейти к превосходному духовному поучению.

Старец Паисий обладал способностью превращать пустые разговоры в духовные. «Слава Богу, мы перекрыли крышу нашей кельи», – сказал ему один святогорец. А Старец, переводя разговор от материального строительства к духовному созиданию, ответил: «Как в доме самое основное – крыша, которая защищает дом от воды, так и в человеке – самое главное, чтобы у него не давала течи голова, то есть чтобы он не принимал помыслы».

Его слово брало людей за душу. «На меня производило впечатление, – говорил бывший наркоман, – то, что двумя-тремя словами Старцу удавалось прийти к взаимопониманию с такими, как я, и пробудить в нас интерес к жизни».

Слова Старца действовали на людей в соответствии с их внутренним расположением: одни приходили в себя и каялись, другие задумывались о жизни, третьи воодушевлялись, четвёртые получали утешение. Он не пытался убедить людей рационально, но помогал им духовно.

Изумляет многосторонность Старца, широта его практических знаний, его мудрость и безграничная память. Он был способен духовно руководить монахами и монастырями, разрешать проблемы мирских людей – неженатых и семейных, беседовать с учёными, на которых производили впечатление его знания и гибкость ума. Он умел снисходить или подниматься до того образовательного уровня, на котором находился собеседник, и до того духовного состояния, в котором тот пребывал. Он принимал во внимание

его характер, профессию, происхождение, интересы и другое. Обычно он «*глаго́лал челове́ком созида́ние и утеше́ние и утвержде́ние*»⁽¹⁾ и «*о ца́рствии Бо́жии*»⁽²⁾. Он старался не богословствовать без причины. Но, если в этом была необходимость, он богословствовал непрельщённо – простыми словами выражая те Божественные откровения, которые были открыты ему на опыте. Богозрение предшествует богословию. Именно оно явило богословом неграмотного монаха. Старец говорил, что «богословие без личного опыта похоже на крота, который пытается описать солнце».

Безусловно, в словах Старца присутствовал и человеческий элемент – как следствие его человеческих знаний и человеческого опыта. Иногда он употреблял фразы: «Помысел говорит мне, что...» или «Я думаю вот как...». Бывали случаи, когда, говоря о текущих, второстепенных событиях как человек, Старец и ошибался – да он никогда и не считал себя безошибочным.

Однако, если речь шла о духовных состояниях и вопросах, о спасении души, Старец внимательно следил за собеседником, вглядываясь ему глубоко в глаза своим пронизательным взглядом и одновременно внутренне молясь о нём. Когда он понимал суть вопроса, то начинал «говорить то, что подавалось ему Благодатью»⁽³⁾. Его ответы были настолько чёткими и ясными, что они извещали людей изнутри и принимались ими как изречения из Священного Писания.

⁽¹⁾ Ср. 1 Кор. 14, 3.

⁽²⁾ Лк. 9, 11.

⁽³⁾ *Святой Исаак Сирин. Слово 76. Ук. изд. С. 296.*

Такой исключительной силой, такой способностью к бесспорному восприятию слова Старца обладали потому, что не были его собственными, но – происходили от Святаго Духа. Старец просто передавал другим Слово Божие, которое снисходило к нему свыше и зарождалось в его сердце. Во все времена это слово являлось «исключительным, совершенным и истинным признаком святых»⁽¹⁾.

В таких случаях он говорил как имеющий власть, с уверенностью, не оставляя возможности для сомнений. Если Бог не давал ему слова и не извещал его, он не отвечал. Он говорил: «Давайте помолимся» – и давал ответ через несколько дней.

От природы Старец Паисий был красноречивым, изящным, искусным и убедительным оратором. Однако высокую цену его дарованию придаёт, главным образом, не то, как он говорил, но то, о чём он говорил. Его слова обладали силой открывать Царство Божие и изменять души людей, потому что и сам он был духовно изменён Божественной Благодатью.

Высокопреосвященнейший митрополит города Ксанфи Пантелеймон вспоминает: «Советы Старца свидетельствовали о том, что он был человек твёрдого мудрования, и о том, что его вера опиралась на жизненный опыт несравненно высший, чем те опыты, которые доступны нашему пониманию...

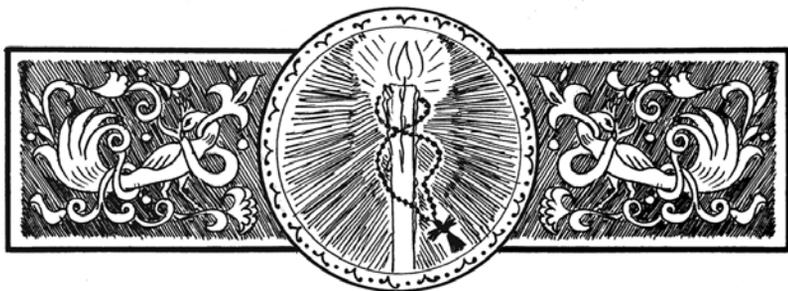
Я слушал, как он говорил, и восхищался его духом. Это был Дух Божий, Который глаголал в Своём избранном сосуде. Это убеждение утверждалось во мне всё сильнее и сильнее, превращаясь в непоколебимую веру и непреложное извещение. Старец Паисий ста-

⁽¹⁾ См. *Святой Симеон Новый Богослов*. Творения. Ук. изд. Т. II. С. 337.

новился для меня руководителем ко Христу, изъяснителем дарований Духа, указателем пути в Небесное Царствие, светом среди моей густой тьмы».

И после кончины Старец помогает людям посредством своих книг. Его книги вызывают небывалый резонанс, с жадностью читаются, переводятся на многие иностранные языки, откликаются в человеческих сердцах, приводят в умиление и трогают как простых людей, так и интеллигенцию.

Оставив нам своё духовное учение, Старец Паисий явился современным учителем духовной жизни. Его слова передаются из уст в уста, действуют посредством Благодати Святаго Духа и приводят души ко спасению.

Дарование утешения

Подобно тому как весеннее солнце разгоняет туман и согревает землю, Старец Паисий Благодатью утешения отгонял от людей огорчения и скорбь и утешал каждую измученную душу, которая к нему приближалась.

Многие люди обращались к нему, главным образом, за этим – за утешением. Они приходили к нему в скорби и внутренних нестроениях, а уходили совершенно изменившимися. Даже просто глядя на Старца, человек получал силу и испытывал радость. А если уж человек имел благословение и побеседовать со Старцем, то он чувствовал радость, которая была неведома ему раньше, и уходил от него изменённым. Дело было не в словах: примерно такие же слова, какие говорил Старец, мог сказать страдающему человеку кто-то ещё. Однако слова Старца Паисия, обладая качественно иной силой, передавали людям Благодать Божию.

Ему удавалось забирать от людей всю человеческую боль и скорбь, переливая в их сердца радость и утешение. Сам он вкушал горечь, однако люди наполнялись радостью и сладостью.

Его искренняя любовь к каждому человеку делала чужую боль и проблемы своими. Эта боль переходила в сердечную молитву о тех, кто испытывал боль. Через Старца действовала Божественная Благодать, особая Благодать утешения.

Люди получали утешение, видя его жизнь. Сам он страдал от многих немощей, однако терпел и славил Бога. Он не просил Бога дать ему здоровье, всегда был в хорошем настроении, его переполняла радость, и он делился ею с теми, кто скорбел. И скорбные люди уходили от него в радости. Утешение, которое он давал, не было ложным. Он подчёркивал значение веры в Бога, значение терпения, славословия, духовного отношения к испытаниям и указывал людям на конец и цель постигших их скорбей. Надеждой на вечную жизнь он услаждал беды и горести жизни настоящей.

К нему приходили монахи, измученные помыслами и искушениями. После краткой беседы с ним они чувствовали себя лёгкими, невесомыми и уходили от него в радости, словно улетаая на крыльях. Они вновь ощущали в себе былую ревность и чувствовали себя так, словно их монашеская жизнь только начиналась. Когда они возвращались в свою обитель, произошедшее с ними изменение было настолько заметным, что собратья спрашивали их: «Ты что, был у Старца Паисия?»

Подходя к его каливе, человек уже чувствовал какую-то сладость. «Вся атмосфера вокруг услаждала», – свидетельствуют многие. Никто не уходил от Старца неутешенным. Юные с измученными душами и склонностью к самоубийству получали утешение и уходили от него с твёрдым решением покаяться и жить духовной жизнью.

Один понтиец, приехавший в Грецию из России, не мог найти работу. Он пришёл в отчаяние и решил покончить жизнь самоубийством. Друг посоветовал ему съездить к Старцу Паисию. После беседы со Старцем этот человек изменился и ушёл от Старца радостный и исполненный надежд. Он сказал: «Теперь, даже если на моём пути встанет гора, я сдвину её в сторону и пойду дальше».

Живя в каливе Честного Креста, Старец рассказывал: «Недавно сюда приходил юноша – чистый и прекрасный, как алмаз. Такие высокие идеалы и чистоту я видел впервые в жизни. Но знакомые и даже родные считали его дурачком. Они даже хотели сдать его в сумасшедший дом, потому что он не грешил с женщинами и не вёл мирской жизни. Он пришёл ко мне, не зная, что ему делать, а ушёл совершенно изменившимся.

Приходил и ещё один: хотел покончить жизнь самоубийством, а улетел, как бабочка.

А ещё один был измучен психиатрами. Он пришёл ко мне, и мы беседовали с ним полтора часа. В конце, исполненный благодарности, он достал из кармана полторы тысячи драхм и хотел мне их дать, потому что за пятнадцатиминутный приём у психиатра он платил тысячу драхм, но психиатры ничем ему не помогли. А здесь он получил помощь, потому что его психика была в порядке – оставалось лишь привести в порядок его помысел».

Один благоговейный паломник со слезами умиления рассказал следующее: «В 1992 году я вернулся из Канады в Грецию. Я был в отчаянии – развёлся с женой, стал принимать наркотики и ещё четырнадцать разных лекарств. Я не причащался тридцать

два года. Старец сидел во дворе каливы и беседовал с группой человек из пятнадцати. Он выглядел очень измождённым. Наконец эта компания ушла, и я остался с ним один. Он сказал мне: “Ух, как издалека ты приехал! Я тебя давно ждал”. Его любовь меня изменила. Я чувствовал, что он видит всё. Он забыл о своём состоянии и взял на себя все мои беды. Он привёл в порядок всё в моей жизни: здоровье (сейчас я пью только одну таблетку в день – от давления), семью (у меня уже подрастает дочка, которую зовут Паисия), работу и, что самое главное, – веру во Христа. Моя мать не перестаёт повторять от радости: “Сынок, всё, что с тобой произошло, – это какое-то чудо”».

Однажды в Салониках Старец встретил священнослужителя – своего ученика. Когда они беседовали, к ним подошла женщина в трауре, с чёрным от горя лицом. С надрывом и болью она спросила: «Скажите, почему Бог так несправедлив? Он забрал моего мужа, а сейчас ещё и сына». Старец ничего не ответил. Он поглядел по сторонам и начал молиться. Вдруг он сказал женщине: «Глупенькая, ведь ты же сейчас всё равно что монахиня». Эти слова подействовали на несчастную неожиданно: она успокоилась, положила поклон, поцеловала ему руку и ушла, благодаря его.

Даже перед самой кончиной, когда болезнь приносила ему ужасные страдания и он мог считаться наполовину умершим, он не переставал утешать народ Божий. Знакомый Старцу юноша серьёзно заболел. Он невыносимо скорбел, стал ходить к психиатрам и принимать транквилизаторы. Старец отозвал его в сторонку, сказал ему пару слов, и юноша преисполнился радости столь великой, что её невозможно

описать. Он ушёл от Старца другим человеком и выбросил все прописанные психиатрами таблетки.

Старец страдал сам, однако подавал утешение другим. Когда он жил на земле, то утешал людей с земли. Сейчас он утешает людей с Небес и ходатайствует о них перед Богом.

Противоборец и изгнатель бесов

Бесовские явления, искушения и нападения составляют в жизни Старца Паисия отдельную главу. Знаящий его отец Афанасий (Склирис) говорил одному из своих знакомых:

«Поехали, я познакомлю тебя с одним монахом, отцом Паисием, который бьётся с бесами на передовой». Как-то раз студент рассказал Старцу, что один профессор теологии утверждает, что дьявола нет. Старец рассмеялся: «Да что он ещё говорит? Нам тут каждую ночь дьявол кино показывает». И действительно, дьявол был для Старца осязаемой реальностью. Он видел его очень часто.

Люди страстные и слабые сражаются со своими страстями, люди сильные сражаются с дьяволом. Будучи сильным, Старец Паисий вступил с дьяволом в единоборство и одержал победу в этой борьбе.

Борьба в этих схватках велась лицом к лицу. Дьявол уходил побеждённым, оставляя Старца с всклокоченными волосами и в измятой рясе. Конечно же, Старец одерживал победу не с помощью телесных сил.

Бывали случаи, когда он сражался не с одним демоном, но с целым бесовским полчищем. Он видел, как на него нападает легион бесов, стараясь растер-

зять его в ключья. Он говорил, что из этого бесовского множества «самый последний бесёнок был с булавочную головку».

Как-то раз ему принесли кассету, на которой были записаны «откровения» одной бесноватой. Бес говорил устами несчастной: «И ещё скажи этому Паисию, чтобы он сидел и не дёргался, иначе получит по первое число. Мы зададим ему такого же жару, как и в прошлый раз». Старец слушал кассету молча, но на этом месте улыбнулся и неожиданно спросил: «В какой именно из прошлых разов?» Из этого видно, что его измученное аскезой тело получало бесовские раны не однажды, но много раз. Старец объяснил, что «дёргаться» – значит делать поклоны. Однако под этим бесовским выражением можно понимать и многостороннюю благодатную деятельность Старца, с помощью которой он вырывал человеческие души из бесовских сетей.

О диавольской брани Старец говорил: «Диавол занимается своим делом как следует. Вот псу напододашь разок-другой, и он убегает. А диавола бьёшь один раз, бьёшь другой, а он не уходит, стоит на своём. Необходимо презрение к нему, нельзя давать ему прав над собой. Если мы оказываем ему презрение и не даём ему прав над собой, он начинает выламываться, хихикать, устраивать самый настоящий театр. И за билет платить не надо! Однако в этом случае человек не испытывает бесовского страха, потому что видит перед собой не дикого разъярённого пса, но паршивого шелудивого щенка».

Говоря «ты бьёшь диавола», Старец имеет в виду, что ты бьёшь его молитвой – «бичом бесов», по словам святого Иоанна Лествичника.

Бесы являлись Старцу по попущению Божию, а не потому, что Старец дал им на это права. Старец не дал диаволу совершенно никакого права над собой, и поэтому тот «не находил в нём ничего». Старец был очень внимательным и старался не давать диаволу повода даже просто себя оскорбить.

Как-то раз один монах принёс Старцу сладости и ждал, пока он их попробует. Но Старец коробку со сладостями не открывал. «Оставь-ка ты их лучше себе, – сказал он, – ты не знаешь, что потом будет мне ночью говорить тангалашка. Э, лучше тебе этого и не знать». Другой человек угостил Старца шоколадкой, но тот отказался, говоря: «Ночью надо мной будет издеваться тангалашка».

Когда Старец хотел рассказать о каком-то дьявольском нападении, то, искренне смеясь, говорил: «Поглядел бы ты, что вчера вытворял тангалашка!» Но потом он резко становился серьёзным, даже печальным и, скорбно качая головой, говорил: «До чего же довело себя лучшее из творений Божиих своей гордостью! Он ниспал из чина самых высших Ангелов и стал диаволом, исполненным ненависти и злобы. Из Ангела света он превратился в мрачного демона».

Старец не чувствовал к диаволу ненависти, не проклинал его. Ему было за него больно, и он молился, чтобы, если это возможно, тот покаялся и вновь стал Ангелом света.

Многочратно испытанный демонами, Старец стал их опытным противником. Он уже не боялся диавола, но и не недооценивал его силы. Ему были неизвестны его ухищрения, способы, которыми тот ведёт брань и ставит сети. Основываясь на своём опыте, Старец говорил: «Диавол действительно преобра-

жается в человека, в животное и тому подобное. Он действительно осязаем. Это некая иная сущность, которой мы не знаем. Ты видишь его, осязаешь его, связываешь его, и он тут же исчезает прямо на твоих глазах. Материализацией это назвать нельзя – это некое промежуточное состояние».

Один католик, став православным, попросил у Старца благословение перевести его книгу «Святой Арсений Каппадокийский» на французский язык. Он попросил лишь о том, чтобы во французском переводе не было всех случаев, связанных с дьяволом и с исцелением бесноватых, потому что европейцы этого не признают. Старец, знавший о дьяволе и о бесноватых не из книг, а из личного опыта, конечно же, отказался дать на это благословение.

Явления бесов

Когда Старец жил в монастыре Стомион, к нему пришёл паренёк и остался на ночь. Старец сказал ему: «Ты располагайся здесь, а я где-нибудь пристроюсь». Он решил пойти в пещеру на краю скалы. Под этой пещерой простиралась пропасть глубиной около трёхсот метров. Спускаясь к пещере, Старец неожиданно услышал крик петуха. Это место было чрезвычайно пустынным, никаких петухов там быть не могло. Старец понял, кто это был и дальше не пошёл. Он всю ночь простоял на том месте, где застал его крик, и молился. Это был первый случай за месяцы жизни Старца в монастыре Стомион, когда дьявол его искусил.

* * *

В другой раз он услышал музыку и шум. Было слышно, как играют скрипки и другие музыкальные инструменты. Поглядев в окно монастыря Стомион, Старец увидел пляшущего дьявола. Дьявол помахал Старцу рукой, как бы приглашая танцевать. Старец начал творить Иисусову молитву, и вскоре бесовское видение исчезло.

* * *

Ещё один случай, происшедший в монастыре Стомион: была ясная лунная ночь, вдруг возле монастыря явилось множество бесов, кричащих Старцу, чтобы он отворил им ворота.

* * *

Когда Старец жил в Иверском скиту, то вначале каждую ночь к его келье приходил дьявол и стучал в дверь со словами: «Молитвами святых отец наших...». Старец отвечал: «Дьявол, ты будишь меня на молитву и помогаешь мне попасть в Рай». – «В этом доме было какое-то искушение, – говорил он потом, – потому что один мирской человек разбил о стену бутылку с крещенской водой».

* * *

Однажды ночью, когда Старец жил в каливе Честного Креста, кто-то постучал в дверь. Старец подумал, что это вор и зажёл свечу. Вскоре стук раздался

уже не в дверь, а в окно. Тогда Старец пошёл в церковку и зажёл свечи, чтобы вор подумал, что в келье много людей и ушёл. Вскоре стук послышался сверху, с крыши. Тогда Старец понял, что ночным вором был диавол, и сказал: «А, это ты? Ну так бы сразу и сказал. Сейчас мы с тобой друг друга поняли».

* * *

В другой раз, живя в келье Честного Креста, Старец пошёл в монастырь Ставреникита на Всенощное бдение. Во время святоотеческого чтения перед Шестопсалмием Старец опустил сиденье стасидии, и на мгновение им овладел лёгкий сон. Когда сквозь дрему он услышал «Слава в Вышних Богу» и понял, что началось Шестопсалмие, то, вскочив на ноги, увидел близ себя злобного чёрного пса со свесившимся языком. Этот пёс появился на долю секунды. Старец, увидев его, осенил себя крестом, стал творить Иисусову молитву, и диавол, явившийся в виде пса, исчез.

* * *

В другой раз Старцу пришёл хульный помысел. Он резко воспротивился этому помыслу, отрицательно качая головой. Повернувшись к окну, он увидел козла (в его образе явился диавол) с волосатыми ногами, который старался залезть в келью. «А ну-ка исчезни, козлиная морда», – сказал Старец, выражая диаволу презрение.

* * *

Свидетельство Елевферия Тамиолакиса, живущего на острове Крит: «Когда я пришёл в келью Честного Креста первый раз, Старец мне долго не открывал, и я уже собирался уходить. Наконец дверь открылась, я увидел Старца и положил ему поклон. Я заметил, что он был немного встревоженным и уставшим. И ещё до того, как я успел что-то спросить, он объяснил мне, что в предыдущую ночь видел самого дьявола. Дословно он сказал мне следующее: “Благословенная душа, знаешь, на месте, где ты стоишь, вчера стоял дьявол. Он был очень наглый, жёлтого цвета, с красными глазами. Он не давал мне покоя целую ночь, сотрясая келью”. Всю предыдущую ночь Старец противодействовал дьяволу молитвами и поэтому был очень истощён. Дьявол не мог войти в его келью и сделать ему зло: его опаляла молитва Старца».

* * *

Старец рассказывал: «Я видел дьявола, который делился со мной разными “откровениями”. Он называл поимённо разных людей и говорил: “И этот мой, и этот мой”. Многое из того, что он сказал, было ложью, однако случается, что он говорит и правду».

* * *

В 1979 году Старец посетил один святогорский монастырь. Вечером он пошёл в келью в архондарике и лёг спать. Во сне услышал, как в дверь кто-то стучит.

Он подумал, что это пономарь, который зовёт его на службу. Старец поднялся и пошёл в храм. Церковь была закрыта, вокруг никого не было. Тогда он вернулся в келью, лёг и вновь услышал в коридоре стук, тяжёлые шаги и бормотание, но не мог разобрать ни слова. Выглянув за дверь, он никого не увидел, всё было погружено в молчание. То же самое повторилось и в третий раз. Тогда Старец понял, кто производил весь этот шум: «тангалашка». И Старец объяснил, зачем он его искушает.

Исцеление бесноватых

Старец Паисий вёл брань с началами и властями тьмы. Выйдя победителем из этой брани, он принял от Бога Благодать изгонять бесов, принял Благодать силы против демонов. Старец понимал, действительно ли человек одержим бесом, или же он подвергается бесовскому воздействию извне, или у него просто не всё в порядке с головой. Он говорил: «Часто человек душевнобольной одновременно одержим бесом. Для дьявола бесноватый – всё равно что загородная вилла». Как опытный врач Старец ставил правильный диагноз и выписывал людям верный духовный рецепт. Он исцелял бесноватых молитвой, верил, что, «когда монах достигает духовного состояния и молится, дьявол, видя его, дрожит от страха и, согнувшись в три погибели, пускается наутёк». – «Но, надо сказать, – говорил он ещё, – что из тысячи человек, которые приходят сюда и считают, что они бесноватые, по-настоящему бесноватых только пять. Чтобы в человека вошёл бес, человек должен предоставить ему на это нешуточные права, то есть совершить очень

тяжкие грехи. Если бесом одержимы маленькие дети, то освободиться от беса им помогает чтение над ними закликательных молитв и Божественное Причастие, потому что дети за своё беснование ответственности не несут. Однако, если бесом одержим взрослый, это другое дело. Взрослый бесноватый исцеляется посредством покаяния и исповеди. Сначала надо найти причину его беснования, а потом священник должен прочитать над ним закликательную молитву, чтобы привести его в порядок».

* * *

«На Пелопоннесе, – рассказывал Старец, – жил человек, сын которого отошёл от Церкви. “Какая всё это ерунда: Церковь, священники!..” – говорил он. И вот по попущению Божию этот человек стал бесноватым, яростным и опасным, как дикий зверь! Свою мать он тоже мучил, несчастная была вынуждена уйти из дома. Тогда отец стал ездить по монастырям и возить сына с собой. Врачи не находили у него никакой болезни. Потом отец привёз его ко мне с вопросом: “Когда он станет здоров?” – “Тогда, – ответил я, – когда твоё собственное духовное состояние станет твёрдым, неизменным”. Этот человек прочёл все Жития Святых, объездил все монастыри... Видишь, как помогает людям испытание! Ведь вначале они на чём свет стоит ругали попов! Как же помогает людям испытание! Человек бывает вынужден вернуться к Богу... Духовные законы, испытания нужны именно для того, чтобы люди вернулись к Богу».

* * *

«Однажды в Суроти привезли бесноватую и попросили меня с ней встретиться. Несчастливая была очень измождена, она показала мне опухоль у себя на правом боку. Опухоль была подобна камню. Тогда я достал ракушку, которую ношу на шее и в которой хранится большой палец преподобного Арсения Каппадокийского, и приложил её к этой опухоли. Бесноватая закричала и взбудоражила весь монастырь. Потом у неё начались рвотные спазмы. Тогда я положил святые мощи ей на горло, и она затрясла головой туда-сюда, туда-сюда. Она тряслась с такой скоростью, что могла свернуть себе шею. Поэтому она придерживала голову руками. Наконец бес вышел из этой несчастной, и она – совершенно обессиленная – успокоилась и умиротворилась».

* * *

Старец рассказывал: «Однажды ко мне в келью пришёл мирянин, который несколько лет жил на Святой Горе. Этот человек был бесноватым, но об этом не знал. Увидев его, я понял, что он страдает от беса, перекрестил его мощами преподобного Арсения, и несчастный почувствовал, что он освободился от чего-то, хотя объяснить, как это произошло, он не мог».

* * *

Старец рассказывал: «Однажды в “Панагуду” пришёл больной, душевно измученный юноша, убеждённый, что он сумасшедший. Он говорил, го-

ворил, а когда я ему отвечал, он меня не слушал, но думал о том, что бы мне сказать ещё. Он находился в состоянии сильного душевного расстройства и под действием бесовской энергии. Видишь: когда человека оставляет Благодать Божия, к делу подключаются бесы. Этот юноша буквально чернел, он дошёл до глубокого отчаяния.

Время шло, но я старался сидеть и не шевелиться, чтобы он не подумал, что я от него устал. Он просидел у меня девять с половиной часов, и девять с половиной часов я его слушал. Я только что пришёл с Бдения. У меня тогда были проблемы с кишечником. И вот я сидел на камне и мёрз. Но раз уж я его принял, надо было с ним закончить. К примеру, если бы я вытерпел восемь с половиной часов и после этого его прогнал, то труд и этих восьми с половиной часов пошёл бы насмарку.

На следующий день пришёл его брат, чтобы меня поблагодарить. «Что ты меня благодаришь? – спросил я. – Что я сделал?» Ведь этот юноша страдал восемь лет, а я, выслушав его девять с половиной часов, разве чем-то ему помог? Но человек пришёл в полный порядок. Сейчас он работает преподавателем и имеет семью. Он верует в Бога, ходит в церковь и приезжает на Афон, чтобы со мной встретиться».

* * *

Старец рассказывал: «Однажды в Суроти привезли бесноватого. Когда несчастного завели в церковь, у него начался приступ беснования, он стал богохульствовать и кричать. Из алтаря вынесли главу преподобного Арсения, и когда я положил мощи ему

на голову, он завыл, упал на пол. Тогда я положил главу Преподобного ему на грудь. В это время я и монахи-ни творили Иисусову молитву. Как только я положил святые мощи ему на грудь, он принялся дёргаться, а потом вовсе перестал двигаться, словно его парализовало. Бес из него вышел. Придя в себя, он стал благодарить святого Арсения и нас. Потом он регулярно приезжал в монастырь и привозил монахиням разные вещи. Когда он приезжал, а монастырь был закрыт, он оставлял эти вещи возле забора и уезжал.

Но вот однажды, увидев что-то во сне, он, никого не спросив, истолковал это своим умом, впал в расстройство, отчаялся и вновь начал жить греховной жизнью, ещё хуже, чем раньше. Тогда он снова стал бесноватым. В этот раз его беснование оказалось намного страшнее, чем первое. Его одержимость была мучением для его жены и детей, он боролся с демонами, видел их наяву. Однако этот человек был мужественным и отважным. Бесы били его, сбивали с ног, он валился на пол, но при этом говорил им: “Не лезьте вы на меня все вместе, подходите по очереди, один за другим”. С ним случались демонические приступы. Добрые люди посоветовали ему творить Иисусову молитву: “*Гóсподи Иисúсе Христé, помíлуй мя*”. Когда он творил молитву Иисусову, бесы шептали ему: «Не повторяй это Имя. Лучше тверди постоянно: “Казандзакис, Казандзакис, Казандзакис...”» Бесы учили его повторять и некоторые другие имена, среди которых он запомнил имя Велухиотиса⁽¹⁾. Несчастный поверил, что эти безбожники нуждаются в молитве, и записал в помянник, чтобы дать священнику для поминовения.

⁽¹⁾ Велухиотис Арис (1905–1945) – известный греческий коммунист.

Наконец он решил приехать на Святую Гору и найти меня. Когда он спускался из Кариеса к моей каливе, бесы говорили ему: “Не ходи к этому костлявому монаху. Чем он тебе поможет?” Он пришёл ко мне в келью с просьбой помолиться, чтобы он освободился от беса. Я оставил его у себя, он немного поел, и я отвёл его в архондарик. Он прилёг отдохнуть. Мы были в соседних комнатах. Я творил Иисусову молитву, и вдруг послышался сильный свист – словно летит снаряд или мина. Бесы схватили его и бросили на четыре-пять метров из архондарика в коридор. Он упал на пол, рычал, выл и богохульствовал. Бесы угрожали ему, поносили грязными словами, задирали его одежду. Я бесов не видел, но видел, как поднимаются края его одежды, слышал их сквернословие. Бесы пытались сорвать с него одежду, а я не знал, что мне с ним делать. Я вынес палец святого Арсения и стал осенять несчастного мощами, произнося молитву Иисусову. Он на какое-то время приходил в себя, бесы отходили от него, а потом всё начиналось сначала. Это продолжалось два-три часа. Потом, придя в себя, он плакал и благодарил меня. Он говорил, что четыре беса схватили его и бросили с размаху на стену против входа в архондарик, а пятый бес в это время тянул его за нос. Он ушёл здоровым и до сих пор чувствует себя хорошо. Этот человек раньше занимал важный государственный пост».

* * *

Старец рассказывал: «Один мирянин впал в прелесть. Какой-то бесноватый сказал ему: “У тебя над головой виден крест, поэтому тебе надо пропове-

довать людям Божественные истины”. Он пришёл ко мне, чтобы взять на это благословение. Я сказал ему: “Послушай-ка, благословенная душа, ведь ты имеешь в себе беса. Пойди в монастырь Ставроникита, чтобы над тобой прочли заклинательные молитвы”. Он не послушался, вернулся в мир и стал проповедовать. Однажды, когда он проповедовал в присутствии многих людей, им овладел бес и он начал хулить Пресвятую Богородицу и произносить разные богохульные слова. Люди в ужасе разбежались. Его отвезли в сумасшедший дом, он смирился, но одновременно впал в отчаяние и хотел покончить жизнь самоубийством, осознавая, что, похулив Божию Матерь и святыни, совершил очень тяжкий грех. Потом он снова приехал ко мне, и я сказал ему: “Бог снизошёл до того, чтобы быть похулённым тобой ради твоего спасения и спасения других”. После этого он пришёл в нормальное состояние».

«Миро изливанное»

Старец говорил: «Иногда Бог подаёт благоухание во время молитвы, а иногда – когда мы не молимся. Это благоухание Он даёт, для того чтобы нас утешить и укрепить или же известить о чём-то. Как бы ни было, но, если Бог даёт благоухание, в этом есть цель. Благоухание бывает очень сильным, оно не похоже на приятный запах одеколона или духов. Обоняя это благоухание, ты чувствуешь сильное облегчение. Иногда ты даже не можешь вынести этого благоухания».

Божественное благоухание открывает собой присутствие Святого Духа. Оно проявляется в освящённых местах или там, где находятся святые мощи.

* * *

«Однажды, – рассказывал Старец, – живя в монастыре Филофей, я пошёл в келью преподобного Дометия. Внезапно я почувствовал такое сильное благоухание, что стал задыхаться. Монахи, которые оказались рядом со мной, сказали, что где-то рядом – но где конкретно, не знает никто, – скрыта могила преподобного Дометия».

* * *

«В другой раз (я жил тогда на Катунаках), проходя мимо кельи, где была куча выброшенных железок и деревяшек, я почувствовал сильное благоухание. Как я узнал позже, в этой келье жил один добродетельный подвижник, который пребывал в высоком духовном устроении».

* * *

Живя в келье Честного Креста, Старец часто проходил мимо заброшенной русской кельи Святой Троицы и обычно чувствовал оттуда сильное благоухание. Однажды, проходя мимо этой кельи вместе с духовным чадом, Старец спросил его, чувствует ли он благоухание. Они спустились в костницу⁽¹⁾ кельи и убедились в том, что это благоухание исходило от головы одного усопшего добродетельного монаха.

* * *

Когда Старец готовил к изданию свою книгу «Отец Арсений Каппадокийский», он вместе с несколькими монахинями монастыря Суроти сидел в комнате и занимался исправлением текста. Вдруг Старец почувствовал неизреченное благоухание, но не подал виду – чтобы посмотреть, почувствуют ли это благоухание монахини. Вскоре монахини одна за другой начали спрашивать: «Чем это так пахнет?», «Что это за благоухание?» Старец истолковал это благоухание как благоволение преподобного Арсения на издание его Жития.

⁽¹⁾ Место, где хранятся останки усопших после извлечения из могилы. – *Прим. пер.*

* * *

Старец Паисий не только ощущал благоухание от мощей, святынь, но и сам стал «*благоуханием Христовым*». Бесчисленное множество раз Божественная Благодать выдавала его благоуханием, которое подобно «*излиянному миру*» исходило от него самого, от его личных вещей, от мест, где он жил – извещающая других о его святости.

* * *

Один святогорский монах рассказывает: «Благоухание, которое исходило от Старца Паисия, нельзя сравнить ни с чем. Часто, целуя его руку, я чувствовал сверхъестественный аромат, подобный запаху мира. Тот же самый аромат я чувствовал исходящим из его уст, когда он со мной говорил, хотя, судя по-человечески, из-за его великих постов у него изо рта должен был исходить неприятный запах. Много раз я чувствовал это неизреченное благоухание, когда, идя к Старцу, переходил по мостику через речку, и это благоухание сопровождало меня до самой “Панагуды”».

* * *

Свидетельство высокопреосвященнейшего митрополита города Лимасол на Кипре Афанасия: «Будучи диаконом, я впервые посетил отца Паисия в 1976 году. Со мной был один знакомый, тоже диакон. Тогда Старец жил в келье Честного Креста. Мы постучали в калитку и с нетерпением ожидали, когда он выйдет. Я слышал о Старце Паисии разные необыкновенные

вещи и очень хотел с ним познакомиться. Он вышел из кельи и направился к калитке, чтобы нам открыть. Он был худой, на плечах какое-то одеяло. Была зима. Когда мы беседовали, он пребывал в хорошем настроении, рассказывал нам забавные истории. По правде сказать, я разочаровался и подумал: “Так это и есть тот самый «великий святой и чудотворец», о котором столько говорят?” Тогда моё представление о Святых было другим. Он не сказал нам ничего особенного – только шутки, забавные истории, и при этом не переставал угощать нас лукумом и другими сладостями. Когда мы уходили, он проводил нас до калитки. Прощаясь, мы говорим ему: “Геронда, скажите нам что-нибудь духовное”. Он нам отвечает: “Что я вам скажу, парни? Делайте побольше поклонов”. Мы его спрашиваем: “Сколько нам делать поклонов?” Он ничего не ответил, однако вдруг изменился, и в эту самую секунду всё вокруг исполнилось неизреченного благоухания. Это благоухание было очень сильным, необыкновенно сильным! Благоухало всё! Воздух, камни, деревья – всё, всё вокруг.

Тут Старец заторопился и, подталкивая нас к выходу, стал говорить: “Ну быстренько, быстренько. Давайте-ка, уходите, уходите”.

Мы попрощались с ним, и не сказав друг другу ни слова, почувствовали в себе великую радость и побежали по дороге. Не знаю, что с нами произошло. Мы чувствовали благоухание и великую радость. Мы бежали по дороге и смеялись, а благоухание осеняло нас даже до Буразери.

После этого события я почувствовал к Старцу великое благоговение, хотя несколько минут назад моё отношение к нему было другим».

* * *

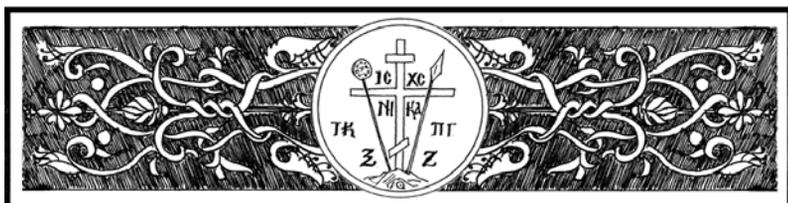
Святогорский иеромонах А. свидетельствует: «Однажды утром Старец ждал меня у себя в келье. Я должен был помочь ему в одной работе. Придя к нему и поцеловав его руку, я почувствовал сильное благоухание. Благоухала не только его рука, но и весь двор его каливы был исполнен благоухания».

* * *

О подобном благоухании свидетельствует и монах Х.: «Однажды, беседуя со Старцем, я почувствовал, что он благоухает. Я сказал ему об этом, а он ответил, что я чувствую это благоухание якобы потому, что я хороший монах. В другой раз он подарил мне деревянный крестик, и иногда этот крестик благоухал. Я ему и об этом сказал, и он ответил мне: “Крестик благоухает тогда, когда ты находишься в хорошем духовном состоянии”».

* * *

«Однажды, – свидетельствует иеромонах Григорий, старец монастыря Честного Предтечи в селении Метаморфоси, – когда я был рядом со Старцем Паисием, то почувствовал благоухание, подобное благоуханию от святых мощей. Отец Паисий был от меня недалеко. Вначале я не понимал, откуда исходит это благоухание, а подойдя к нему, убедился в том, что оно исходило от него».

Разумение иностранных языков

Известно, что Старец Паисий не знал ни одного иностранного языка. Он знал только греческий. Однако Старец владел языком Святой Пятидесятницы и поэтому, если было необходимо, мог разговаривать и понимать людей, говорящих на других языках.

* * *

«Однажды, – рассказывает отец Е. К., – я сидел во дворе каливы Старца Паисия. Со мной было ещё три посетителя и среди них француз, не знавший ни слова по-гречески. Когда пришла его очередь говорить со Старцем, они отошли в сторонку, сели на пеньки и около пятнадцати минут, сидя на пеньках, о чём-то оживлённо беседовали. Мы видели, что они разговаривали с живым интересом. Как они понимали друг друга, не имея для беседы общего языка? Ушёл француз очень радостным и удовлетворённым».

* * *

Ещё один француз, приехавший на Святую Гору как путешественник, остановился в монастыре и до-

говорился с монахом этого монастыря на следующее утро вместе пойти к Старцу Паисию. Ночью в этом монастыре служилось Всенощное бдение, после которого монах пошёл отдыхать. Француз, горя нетерпением увидеть Старца, не стал ждать и поспешил к Старцу в каливу. Вернувшись, он рассказывал, что они прекрасно побеседовали. Француз восхищался тем, что Старец Паисий безукоризненно говорит по-французски.

* * *

Насельник монастыря святого Григория отец Василий свидетельствует: «Однажды около полудня я пришёл в келью Старца. Перед закрытой калиткой на земле лежал юноша. Он был американцем греческого происхождения, но по-гречески не говорил, знал только английский. “Как же ты будешь разговаривать со Старцем?” – спросил я его. “Бог пошлёт переводчика, – ответил он и добавил: – Вот хотя бы тебя”. Когда они стали беседовать со Старцем, я пытался им переводить, хотя плохо знал английский, да можно сказать, что к тому времени совсем его забыл. Однако с величайшим изумлением я заметил, что Старец Паисий понимал всё, что говорил ему юноша. Старец понимал его лучше, чем я. Отвечал он ему, конечно, по-гречески, а я переводил ответы на английский. Старец отвечал ему с помощью простых и мудрых примеров. Никогда не забуду один ответ Старца на вопрос, заданный молодым человеком. Из этого ответа была видна великая вера отца Паисия и его доверие Промыслу Божию.

“Моя мать, – жаловался юноша, – постоянно требует у меня денег. Когда мне удаётся накопить немного, она – сколько бы я ей ни дал – бесцельно растрачивает деньги. Я не знаю, что мне делать”. – “Послушай-ка, сынок, – ответил ему Старец Паисий, – деньги, которые ты давал бы своей матери, давай в милостыню нищему и, когда ты их даёшь, молись Богу так: «Боже мой, я даю Тебе эти деньги моей матери, а Ты позаботься о ней». Тогда Бог Сам позаботится о ней, найдёт, как это сделать”».

* * *

Свидетельство отца П. Л.: «Однажды в “Панагуде” я встретил иностранца, ожидавшего своей очереди, к Старцу. Я предложил ему помощь, как переводчик. Вначале Старец слушал его вопросы в моём переводе, но потом начал отвечать на них ещё до того, как я их переводил!»

* * *

Духовное чадо Старца рассказывает: «Однажды ранним утром, едва рассвело, я пришёл в “Панагуду” и постучал в железное клепальце возле калитки. Старец открыл мне дверь с улыбкой и спросил: “Как ты думаешь, отец, когда святой Ефрем Сирийский пришёл к Великому Василию, им нужен был переводчик?” – “Думаю, что нет, Геронда”, – ответил я.

В архондарике я увидел посетителя-иностранца. Пока Старец готовил угощение, я со своим слабым английским начал с ним разговаривать. Он сказал мне, что пришёл к Старцу накануне, поздно вечером.

Он заблудился на афонских тропинках, наткнулся на “Панагуду”, и Старец оставил его у себя, потому что было уже поздно. Он рассказал мне, что беседовал со Старцем без малейшего затруднения и был уверен, что Старец знал английский язык».

Необыкновенные перемещения в пространстве

Находясь в своей келье на Святой Горе, Старец мог переноситься на далёкие расстояния, для того чтобы помочь тому, кто находится в опасности, или по другой причине. Люди, находясь далеко, его реально видели и слышали. Бывали случаи, когда, посещая какого-то человека, семью или монастырь, он оставался невидимым.

* * *

Однажды в монастыре святого Иоанна Богослова в Суроти заболела пожилая монахиня. Её решили срочно постричь в великую схиму, так как она могла умереть с минуты на минуту. Старца Паисия о её постриге и последующей кончине известить не успели. Он находился на Святой Горе, однако видел похороны, хотя и не мог понять, какую именно монахиню хоронят.

* * *

Когда Старец был в паломничестве в Иерусалиме, в его келью пришла группа молодых людей, желая

с ним встретиться. Старец был на Святой Земле, однако паломники застали его... в его келье! Старец открыл им дверь, угостил лукумом, поговорил с ними, и они ушли от него в великой радости. Ночевали они в монастыре Филофей, где рассказали монахам о том, что встречались сегодня со Старцем. Филофеевские монахи удивлялись: как они могли с ним встретиться, когда он был в паломничестве на Святой Земле? На следующий день один из филофеевских монахов специально пошёл в «Панагуду», но Старца не застал. В соседней келье подтвердили, что Старец несколько дней назад уехал в Иерусалим.

Это подтверждает и нынешний игумен монастыря Ватопед архимандрит Ефрем, который в то время был привратником монастыря Кутлумуш, и другие отцы. Об этом случае стало широко известно на Святой Горе.

* * *

15 августа 1987 года три монахини из монастыря Честного Предтечи в селении Метаморфоси на Халкидике приехали в монастырь Суроти. Во время Всенощного бдения и Литургии они пели на правом клиросе. Три раза: во время пения «Честнейшую», на «Хвалитех» и на Херувимской песне весь правый клирос слышал, как Старец Паисий подпевает им из алтаря. Но в это время он находился на Святой Горе Афон.

* * *

Иеромонах Григорий, старец вышеназванного монастыря в Метаморфоси, рассказывает: «Однажды

я посетил Старца в “Панагуде”. У него было очень много народа. Он сказал мне, чтобы я остался у него в келье на ночь. Мы перекусили на скорую руку, и он сказал мне, что сейчас мы пойдём по кельям отдыхать, потому что он очень устал и с утра ему отдохнуть не удалось. Он не спал уже две ночи. Утром, позвав меня в церковь на Утреню, он сказал: “Всю ночь они не дали мне сомкнуть глаз”.

– Кто “они”, Геронда?

– Да вот, в одном монастыре не на Афоне совершали Всенощное бдение. Бдение было действительно замечательным.

Находясь на Святой Горе, он соучаствовал во Всенощном бдении, которое совершалось в монастыре вне Афона».

* * *

Свидетельство госпожи М. Д.: «Несколько лет назад, когда отец Паисий был ещё жив, я заболела, у меня появилась небольшая опухоль. Мой сын поехал к Старцу, спросил его обо мне, и он ответил, чтобы я прошла обследование в больнице “Теагенион”. Я послушалась, мне вырезали опухоль. Биопсия показала, что она злокачественная. Через шесть дней врачи сказали, что если на следующий день не прекратится кровотечение, то мне будут делать ещё одну операцию.

Мой сын снова поехал к батюшке Паисию, и Старец сказал: “Пусть мать не расстраивается. Ничего страшного у неё нет. Зря врачи сделали эту операцию”. Он дал моему сыну чётки и сказал ему: “Передай их матери и скажи, что этими чётками она заткнёт врачам рты”.

Наступил седьмой день. И вдруг Старец, который был на Святой Горе, появился рядом со мной в больнице “Теагенион”, возле моей кровати. Он поправлял трубки, отводившие кровь. Я не успела его поблагодарить, как он исчез. Вечером врачи убедились, что кровотечение прекратилось. Рана закрылась, и впоследствии все тесты на рак были отрицательные. Не понадобилось химиотерапии. Я даже ни одной таблетки не выпила.

Когда меня выписали из больницы, я встретила Старца в монастыре Честного Предтечи в Метаморфоси и поблагодарила его за то, что он посетил меня в больнице.

Он ответил: “Я посетил тебя, дочка, потому что врачи измучили тебя зря”».

* * *

Бывали случаи, когда Старец являлся людям во сне. Конечно, ничего удивительного в этом нет. Удивительно лишь то, что сам Старец знал, кому он являлся, и, встречаясь с этими людьми, напоминал им о своём явлении и спрашивал их, сделали ли они то, что он велел.

Свидетельство священника Василия Вирлиоса из храма святого Луки в Ставруполи недалеко от Салоник: «В середине восьмидесятых годов моё здоровье резко ухудшилось. Весь июль я проболел. Начался Успенский пост. У меня была бессонница, кружилась голова, и мне пришёл помысел, что я скоро умру. На рассвете я ненадолго забылся сном и увидел Старца Паисия, который говорил мне: “Да не умрёшь же, дурень, не умрёшь”. Я спросил его, как я могу исце-

литься, и он мне ответил: “Эту болезнь исцеляет смирение”. Я почувствовал великую, не поддававшуюся объяснению внутреннюю радость и очень сильное желание посетить Старца. В тот же день я поехал на Святую Гору, взяв одного из своих знакомых, боясь, что я не смогу передвигаться один. Когда мы дошли до Кутлумуша и спросили в келье ли Старец, нам ответили: “Вы опоздали. Совсем недавно он ушёл”.

“Быстрее, быстрее!” – заторопил я своего знакомого. Дойдя до «Панагуды», мы услышали его голос: “А! Вот и учитель пришёл (тогда я ещё не был рукоположен во священника и работал учителем). Иди-ка сюда, брат ты мой. Ведь я тебя ждал. Разве я мог уйти? Ну, говори, на чём мы закончили утром нашу беседу?”

– На смирении, Геронда...»

Слышание молитв и просьб о помощи

Одна благоговейная женщина, встретив Старца в монастыре, спросила его: «Геронда, ты слышишь меня на Святой Горе, когда я тебе кричу?» Он ответил: «Ну а что же я, по-твоему, глухой?»

И действительно, своим духовным слухом он слышал просьбы о помощи и молитвы христиан, которые, находясь от него в сотнях километрах, призывали его имя. Он невидимо помогал им своей молитвой или каким-то образом посылал ответ на их затруднения и недоумения.

* * *

Старец рассказывал⁽¹⁾: «Одну женщину я никогда не видел. Однажды, выехав с Афона в мир, я встретился с её старцем. А она в это время находилась вдалеке, однако духовно, чудесным образом слышала, о чём мы говорили. Потом она рассказала об этом своему старцу.

Она прислала мне письмо на трёх страницах, описав мне нашу “беседу” с ней. То есть она была

⁽¹⁾ Рассказ от 22 апреля 1978 года.

в миру, а я со Святой Горы с ней беседовал. Знаете, если бы я переписал эти три страницы своей рукой и прислал бы их в Суроти, то сёстры даже не заподозрили бы, что писал не я. Это были действительно мои собственные слова! Как будто я сам сказал ей всё это. И теперь на это её письмо мне нечего ответить. Я ничего и не пишу, чтобы она потихоньку обо всём забыла.

Часто я нахожусь в необычном состоянии: все мои чувства остаются при мне, однако нельзя сказать, что я бодрствую. Находясь в таком состоянии, я отвечаю на вопросы какой-то души, просящей меня о помощи, и при этом чувствую её рядом с собой, тогда как в действительности испытывающая нужду душа находится далеко.

То же самое происходит, когда сюда в каливу ко мне приходят люди. Я начинаю говорить им “не от себя”. Это происходит потому, что люди приходят ко мне с глубоким благоговением. Они верят в то, что я якобы святой, и поэтому Бог им помогает.

Есть люди, которые от обыкновенного пня могут получить Благодать Животворящего Древа. Есть люди, которые от Животворящего Древа не получают совсем никакой Благодати Божией.

Бог ни с кем не поступает несправедливо. Он рассыпает Свою любовь повсюду. Лишь бы в нас было смирение. Ведь Благодать Божию привлекает именно оно. Вот я и думаю: насколько же глупо для человека растрачивать себя по пустякам, когда, имея Благодать Божию, он может помогать людям таким действенным способом и в такой степени».

* * *

Одна благоговейная мать имела трёх дочерей. Две из них были монахинями в монастыре, с которым Старец поддерживал духовные отношения. Благоговейная женщина желала, чтобы её младшая дочь тоже стала монахиней. Она молилась об этом, призывая имя Старца Паисия. Старец, находясь на Святой Горе, видел, как она поднимает на руки свою маленькую дочь и подаёт её ему со словами: «Возьми и её».

Выехав с Афона и встретив эту девочку, Старец сказал: «А с ней мы уже знакомы».

* * *

В один из Великих постов, находясь на Святой Горе, Старец почувствовал, как госпожа Елена Патера из Коницы даёт ему горячий хлеб. Он почувствовал запах и тепло этого хлеба, и ему показалось, что он насытился. Старец подумал о том, как сильно любит его эта пожилая женщина – как своего родного сына. Видимо, в те минуты госпожа Патера вынимала хлеб из печи и думала о том, как хорошо было бы, если бы она могла послать ему горячий хлеб, как она посылала ему хлеб тогда, когда он жил в Стомионе. Старец почувствовал её любовь и впоследствии рассказал об этом её дочери.

* * *

В 1981 году Старец посетил келью одного из святогорских монахов – своего духовного чада и остался у него ночевать. Утром он рассказал, что чувствовал,

как ночью его сильно и с тревогой просит о чём-то братство одного святогорского монастыря. Старец сказал, что в этом монастыре произошло сильное искушение. Потом на всей Святой Горе стало известно, что именно произошло в этом монастыре прошедшей ночью. И действительно, впоследствии монахи этого монастыря сказали, что в своих молитвах они призывали на помощь Старца Паисия.

* * *

Святогорский монах отец Х. рассказывает: «Накануне праздника Благовещения Пресвятой Богородицы мы пришли в келью иеромонаха Паисия. Благовещение – престольный праздник этой кельи, и обычно в этот день туда приходил Старец Паисий. Мы хотели встретиться с ним до того, как на панигир придут другие отцы. Старец сидел один в архондарике. Когда я вошёл туда за благословением, он сказал мне: “Только что передо мной явилась женщина, которая просила о помощи. Она выглядела очень больной, с лицом измождённым и жёлтым, как лимон. Она сильно страдала от боли. Мне часто являются люди, которые просят о помощи”».

* * *

Таможенный служащий из города Салоники по имени Харилаос свидетельствует: «Однажды к отцу Паисию пришли паломники. Одному из них он сказал: “Когда вернёшься в свой город, пойдя по такому-то адресу и передай эти иконки в благословение человеку, который держит там магазин”».

Когда этому человеку принесли благословение от Старца Паисия, он растерялся, потому что не был лично знаком со Старцем. Он удивлялся, как и почему тот посылает ему благословение. Этот человек каждую ночь по чёткам молился Старцу. И вот издалека Старец почувствовал эту молитву и подтвердил это присланным им благословением»».

* * *

Свидетельство женщины, не пожелавшей назвать своё имя: «В 1993 году мы с мужем поехали в монастырь Суроти на бдение в день памяти преподобного Арсения Каппадокийского. Мы хотели встретиться со Старцем Паисием. Собралось около трёх тысяч человек. Было очень холодно. С девяти утра до пяти вечера мы стояли в очереди желавших встретиться со Старцем. Увидев, что мой муж вспотел, побледнел, я испугалась, потому что недавно он перенёс операцию на сердце. У меня были с собой для него лекарства и еда. Я испугалась, как бы ему не стало плохо. “Что же мне делать, Боже мой?” – стала молиться я.

Вдруг я увидела, как из домика, где принимал Старец, выходит монахиня и кричит: “Будьте добры, кто здесь господин Аристидис, у которого больное сердце? Господин Аристидис в бежевой куртке! Пройдите со мной, Вас зовёт батюшка”. Я поняла, что Старец услышал мою молитву и увидел нас: не обычным зрением, а как-то по-другому.

Мы прошли без очереди и взяли благословение Старца. Ух, он показался мне таким высоким, прямо до потолка! Он улыбался, дал Аристидису совет и,

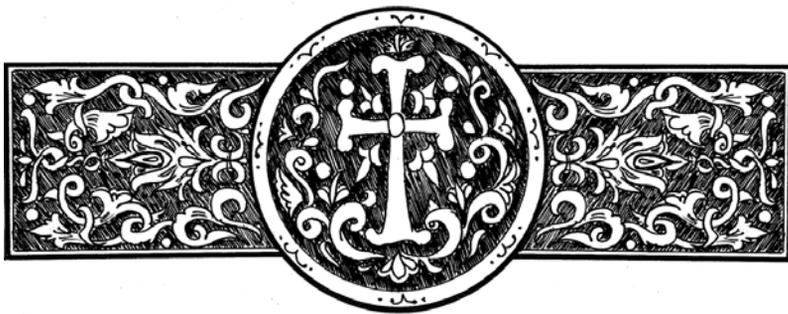
весь исполненный любви, похлопал его по плечу. “Ну а ты чего?” – спросил он меня. “А я, – говорю, – прежде всего хочу взять у тебя благословение. А ещё вот что: мой сын, когда приезжал на Святую Гору, тайком тебя сфотографировал. Так вот, я хочу, чтобы на этой фотографии твоё лицо стало не размытым, а ясным. Или я её порву!”

Он на меня поглядел и говорит:

– И зачем я тебе нужен, глупенькая?

– Ты, – говорю, – сам знаешь зачем.

Как только мы приехали домой, я с нетерпением побежала посмотреть фотографию, и увидела, что размытость исчезла, его лицо на фотографии стало совершенно ясным! Я его за это благодарю».

Знание о состоянии усопших

И истый умом, Старец Паисий Благодатью Божией удостоивался видеть души людей в те мгновения, когда они оставляли землю и поднимались на Небо. Старец знал о том, в каком состоянии находятся и другие усопшие. Когда его спрашивали об этом, он отвечал в соответствии с тем, что было ему открыто, например: «Бог упокоил твою мать», или «Подавайте о нём милостыню», или «Будем молиться Господу, чтобы Он его упокоил».

* * *

Старец рассказывал: «Я хотел узнать состояние души монахини, которая первой упокоилась в усыпальнице монастыря Суроти. И вот я увидел, что эту душу принесли мне на руках (при этом Старец сложил руки, так, словно держал младенца) и сказали: “Это душа Магдалины”. Монахиня находилась в очень добром духовном настроении, она достигла меры одного моего знакомого подвижника, который провёл в аскетических подвигах много лет».

* * *

В другой раз Старец видел душу монахини Ксении, которая жила в монастыре Святой Троицы в местечке Коропи. Её душа была подобна младенцу и восходила на небо. Эта благословенная монахиня была дочерью генерала Марулиса. Она была очень смиренна и добродетельна.

* * *

Свидетельство господина Ангелоса Хорозидиса, офицера полиции, жителя города Салоники: «8 июня 1986 года по делам Службы безопасности я находился в машине возле центральной больницы города Салоники. Неизвестные бросили мне в машину бомбу “молотов”⁽¹⁾. Я был доставлен в больницу “Ипократион” с тяжелейшими ожогами. Врачи ничем не могли помочь и сообщили моим близким, что я скоро умру. Я потерял всякий контакт с окружающим миром.

Батюшка Паисий, узнав о моём несчастье, сказал: “Он будет очень страдать, но останется жив”. Прошло несколько дней. Сознание потихоньку возвращалось.

Однако ещё через несколько дней я вновь почувствовал, что умираю, и прошептал медсестре: “Сестра, я умираю, умираю”.

Я увидел себя восходящим вверх, отрывающимся от земли и летящим между звёзд и галактик. Так я понимал происходящее со мной в то мгновение.

⁽¹⁾ Самодельная бомба – бутылка с зажигательной смесью, которую невозможно погасить водой. – *Прим. пер.*

Я поднимался всё выше и выше, к свету, подобному свету большой свечи. Вдруг я остановился, и началось движение в обратном направлении – возвращение на землю. Я очнулся в больнице на операционном столе. Мне только что сделали трахеотомию. Вокруг меня стояли врачи, которые меня разглядывали.

Спустя пять месяцев я встретился с отцом Паисием в Суроти. Он обнял меня, поцеловал, и я стал рассказывать ему, как умирал. Но он прервал меня: “Благословенная душа, да ведь мы летели в иную жизнь и возвращались вместе. Я был рядом с тобой. Неужели ты меня не видел?”

Тогда я понял, что это был за Свет, который я видел рядом с собой».

Свидетельства о прозорливости

Нменя благодатное дарование прозорливости, Старец Благодатью Божией предузнавал о приходе посетителей, об их расположении и духовном состоянии. Ему были открыты их имена, откуда они родом, проблемы, которые их занимали, их прошлое и будущее. С помощью своего «духовного телевидения» он мог видеть и человека, находившегося вдалеке: что он делает, чем занимается, как проводит время. Бывало, что Старец знал, что написано в присланном ему письме и отвечал на это письмо, не прочитывая его, или, не открывая посылки, знал, что в ней находится.

* * *

Он рассказывал: «Когда началась война в Персидском заливе, во сне я почувствовал боль. Я слышал грохот пушек, разрывы бомб, гул самолётов и, проснувшись, понял, что началась война и творится огромное зло. Потом ко мне пришёл монах из Кутлумуша и сказал, что началась война. Я ответил ему, что она началась уже два часа назад. На третий день войны я почувствовал то же самое».

* * *

Старец рассказывал: «Ко мне пришёл человек средних лет, который около года мучился сильными головными болями. Врачи не могли ему помочь. Увидев его издалека, я понял, что он одержим бесом. Когда он рассказал мне о своей боли, я ответил: “Это происходит с тобой, потому что ты обманул одну женщину. Она пошла к колдунам, и те навели на тебя порчу. А кроме этого, ты обесчестил и ещё одну девушку. Пойди к этим женщинам и попроси у них прощения. Потом поисповедуйся, попроси священника, чтобы над тобой прочли заклинательные молитвы, и ты станешь здоров”».

* * *

Письменное свидетельство святогорского монаха Г.: «Лето 1992 года было для меня нелёгким. Тогда я был мирянином, у меня были большие долги – триста тысяч драхм. Я хотел взять ссуду в банке, но там потребовали расписку от моего отца. Отец расписки давать не хотел, я жутко расстроился и решил поехать к Старцу Паисию, о котором слышал и раньше, чтобы спросить, что мне делать.

Старец обратился ко мне по имени и, даже не слушая моих объяснений, сказал: “Твой отец дал расписку и взял ссуду в Коммерческом банке”. Я его спросил: “А Вы, отец Паисий, откуда это знаете?” Он ответил: “Раз ты мне не веришь, походи в Кариес, позвони отцу и убедишься в этом сам”.

И действительно, позвонив отцу, я узнал, что час назад он взял в банке ссуду. Я тут же вернулся в ке-

лю Старца, положил поклон и поблагодарил его за оказанные мне радость и милость. Он угостил меня лукумом, и я ушёл».

* * *

«Однажды, будучи у Старца Паисия, – вспоминает господин Евангелос Антипас, – я рассказывал ему о том, что мне надо устроиться на работу. Я врач и хотел устроиться в одну из больниц Национальной системы здравоохранения. “Батюшка, – сказал я ему, – чтобы работать в такой больнице, моего стажа и врачебного уровня недостаточно”. Он ответил: “Ты подавай документы, а Божия Мать знает, что сделать”. Прошло пятнадцать дней. Я вновь приехал к нему, и он меня спросил: “Значит, тебя назначили в больницу города Харакас?”

– Нет, батюшка. Какой ещё Харакас? Ведь я же подавал заявление о назначении меня в село Мирес.

– Нет, Евангелос, тебя взяли на работу в Харакас.

– В Мирес, батюшка, – настаивал я на своём.

Вернувшись домой, я получил заказное письмо из Министерства здравоохранения, в котором меня уведомляли, что я назначен врачом-ассистентом первой категории в районную больницу города Харакас. Старец знал об этом назначении ещё до того, как был подписан соответствующий приказ.

Потом, работая на Крите, я взял отпуск и опять приехал к Старцу. Он спросил меня:

– Евангелос, ну что, тебя перевели в больницу Святого Димитрия?

– Нет, батюшка, что Вы такое говорите?

– Как нет? Ведь тебя же туда перевели.

Я ушёл от него, а через месяц вернулся и показал ему Правительственную Газету, в которой публикуются все перемещения и назначения государственных служащих. Там было написано о моём переводе в больницу местечка Халастра. Но батюшка был непреклонен: «Ты что, не перешёл в больницу Святого Димитрия? То есть он повторял то же самое, что и месяц назад.

Прошло какое-то время, и вот в одном из номеров Правительственной Газеты появилось сообщение о моём переводе в больницу Святого Димитрия. Батюшка Паисий знал об этом ещё до того, как я подал соответствующее прошение».

* * *

Полицейский из города Аридеи, господин Василий Цолакис, рассказывает: «Мой знакомый уехал за границу. К несчастью, там он связался с протестантами и, став протестантом, отказался от Православия.

Однажды он пришёл ко мне на работу и, увидев у меня в кабинете фотографию Старца Паисия, с ужасом сказал: «А этого монаха я знаю. Десять лет назад с двумя знакомыми я посетил его келью. Когда мы пришли к нему, двух моих спутников он впустил, а меня прогнал. Он сказал мне, что я еретик, потому что не верю в Божию Матерь и Святых».

* * *

Рассказ паломника с острова Кипр: «Мой отец приехал к Старцу Паисию с письмом от моей жены. Старец назвал моего отца по имени. Тот растерялся

и забыл о письме, которое должен был передать. Но Старец спросил его: “Ты ничего не должен мне передать?” – “Нет”. – “А твоя дочь ничего не передавала тебе для меня?” – “Какая ещё моя дочь?” – “Жена твоего сына: разве она тебе не дочь? Ну ладно, скажи ей только, что ответ на её проблему такой-то и такой-то”. И он подробно ответил на те вопросы моей супруги из письма, которое даже не прочитал».

* * *

Свидетельство насельника монастыря Святой Троицы в Метеорах монаха Иоанна: «Я был в Америке и попал в больницу. Навестить меня пришла киприотка Екатерина Кики. Эта женщина попросила меня по возвращении в Грецию передать письмо Старцу Паисию.

Вернувшись в Грецию, я приехал на Афон, чтобы увидеться со Старцем. Когда я пришёл к нему, то Старец ещё на пороге каливы спросил меня: “За чем ты взял от Екатерины письмо, в котором сто долларов?”

Он раскрыл конверт, который я ему передал, и достав из него сто долларов, отдал их мне. Я тоже не хотел брать эти деньги и говорил: “Геронда, что я буду с ними делать?” Он мне ответил: “Сейчас по дороге ты встретишь отца З. Отдай ему эти деньги, чтобы он купил себе схиму и стал великосхимником. А ещё скажи ему, чтобы он меня не осуждал”.

Действительно, так и произошло. Я встретил по пути этого отца и передал ему деньги. Отец З. был просто изумлён, потому что ни один человек не знал, что он готовится к принятию великой схимы. Он по-

шёл к Старцу Паисию и попросил у него прощения за то, что много раз его осуждал».

* * *

Житель города Х. господин Ф. в последние годы ходил на лекции одной из тех якобы религиозно-научных организаций, которые подобно ядовитым грибам разрастаются в нашей стране и цели которых подозрительно нечисты. Этот человек также читал книги и брошюры, которые давали в этой секте. Результатом всех этих лекций и чтений явилось то, что он стал плохо себя чувствовать, у него началось головокружение, он был смущён и запутан, раздваивался и растраивался и не знал, продолжать ли ему поддерживать связь с этой сектой. Друг, узнав о его переживаниях, посоветовал ему поехать на Святую Гору поговорить со Старцем Паисием. Он послушался и отправился на Святую Гору. В правый внешний карман своей куртки он положил Священное Писание небольшого формата, а в левый внутренний карман несколько сектантских брошюрок и одну книгу.

В «Панагуде» он увидел Старца, окружённого множеством людей. Господин Ф. ждал, пока уйдут все посетители, кроме двух, хотевших поговорить со Старцем наедине. Пока он думал, как получше изложить свою проблему Старцу, тот сам спросил его: «Как живёт город Х.?» – «Хорошо живёт, отче», – ответил он, удивляясь тому, как Старец, видя его в первый раз, узнал, из какого он города. «Слушай-ка, Ф., – сказал Старец и вновь привёл его в изумление тем, что назвал его по имени, – книга, которая лежит у тебя вот в этом кармане, – и он по-

казал на карман, где лежало Священное Писание, – это хорошая книга, и ты её читай как можно чаще. Но мусор, который лежит у тебя здесь, – и он показал на левую часть груди, – выброси как можно скорее, потому что... Скажи, а в Х. есть сумасшедший дом? Если нет, тебя отвезут куда-нибудь ещё».

* * *

Один человек хотел пойти в келью к Старцу, но не знал дороги. Встретив паломников, которые шли в «Панагуду», он направился за ними. Он был родом из города Серры, но жил в Америке. С собой у него была небольшая сумочка. Едва увидев его, Старец сказал: «Ну, дылда, садись в кресло, – и показал на пенёк. – О чём ты пришёл меня спросить: о том, будет ли война, как написано об этом в книжке, которая у тебя в этой сумке?» Достоинно внимания то, что книга, о которой шла речь, была на английском языке.

* * *

Господин Д. Х., родом с острова Крит, работал в Германии. Он привёз на Афон своего сына и устроил его в Афониаду. Он пошёл в «Панагуду», чтобы встретиться со Старцем Паисием, как посоветовал ему духовник отец Г. П. После беседы Старец легко похлопал его по спине и строгим тоном сказал: «Сейчас, когда ты пойдёшь через Кариес, позвони в Германию своей жене и успокой её. Ей наговорили о ребёнке разных глупостей, и она, как мать, переполошилась. А я отсюда тоже позвоню своей Матери»⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Старец имел в виду Пресвятую Богородицу.

Оказывая послушание Старцу, господин Д. немедленно поднялся в Кариес и позвонил супруге. Она была в сильном смущении и расстройстве. Знакомые сказали ей, что, отдав ребенка в Афониаду, они потеряют его, якобы потому что там его обманом постригут в монахи. В волнении она позвонила отцу Г., который приехал к ним домой, чтобы её успокоить, но безрезультатно. Однако как только её супруг рассказал ей о чудесном «телевидении» Старца Паисия и передал ей его слова, женщина успокоилась, изумлённая благодатным даром Старца, который, находясь на Святой Горе, знал, что происходит в их доме в Германии. Безусловно, в том, чтобы смущённое материнское сердце успокоилось, помог и «телефонный звонок» Старца его Матери – Пресвятой Богородице.

* * *

Профессор Богословского факультета Афинского университета протопресвитер Константин Пападопулос рассказывает: «Летом 1981 или 1982 года я сошёл с корабля в Дафни, держа за руку своего сына, которому тогда было шесть или семь лет. На пристани, ко мне подошёл незнакомый мирянин и сказал, чтобы сегодня я не ходил к Старцу Паисию, но посетил его завтра. Я недоумевал, откуда он знает о моих планах. Когда я его спросил об этом, он сказал, что сегодня был у Старца и тот послал его в Дафни передать эти слова священнику, сходящему с корабля и держащему за руку мальчика. В тот день Старец должен был кого-то посетить, но позаботился о том, чтобы мы не совершали напрасный труд. Благословение его да будет с нами».

* * *

Иногда, сидя со своими духовными чадами в архондарике «Панагуды», Старец, слыша, как кто-то стучит в железное клепальце возле калитки, и, не видя, кто это, говорил, например: «Открой-ка дверь, пришёл паренёк из Ларисы» или «Идёт отец Никодим» – и тому подобное. И он никогда не ошибался. Он говорил это не для того, чтобы им восхищались. Это либо вырывалось у него само собой, либо же он хотел укрепить таким образом веру своих собеседников и их доверие его духовным советам, либо по другой причине.

* * *

Когда он жил в Стомионе и сидел с людьми в монастырском архондарике, то иногда говорил, например: «Идут Василий и Димитрий», и поднимался, чтобы приготовить им обед или сварить кофе. Люди удивлялись, откуда ему это известно.

* * *

Однажды он шёл со своими знакомыми по дороге и вдруг сказал: «Нам навстречу идут три молодых человека». И действительно, спустя время они встретили трёх юношей, спускавшихся к «Панагуде».

* * *

Некоторые посетители, по скромности и чуткости не желая беспокоить Старца, приходили к «Па-

нагуде» и садились за забором, прячась за ветвями деревьев. Люди с терпением ожидали, когда Старец выйдет сам. Они не стучали в клепальце у калитки, не желая прерывать его молитву. Вскоре дверь открывалась, и Старец звал этих людей по имени, хотя не видел их и не был с ними знаком.

* * *

Были и такие, кто хотел на личном опыте убедиться в том, что в Старце *«глаго́лал Хри́сто́с»*. Эти люди хотели убедиться, действительно ли Старец обладает даром прозорливости.

Один офицер, служивший на радиолокационной станции, пришёл к Старцу, чтобы проверить, правда ли, что его «радар» работает так хорошо, как говорят. Но этот «радар» «засёк» его самого. То есть Старец «уловил» и открыл ему его помыслы.

* * *

Знакомой монахине Старец сказал: «Я вижу со Святой Горы, что ты постоянно читаешь Житие святого Арсения. Правильно делаешь, читай эту книгу».

* * *

Однажды Старец занимался рукоделием: делал штампованные иконки. Кто-то постучал в клепальце возле калитки. Старец выглянул в окно и увидел юношу, но открывать не стал и продолжал заниматься рукоделием. Трижды подходя к окну, он внимательно следил за молодым человеком. Потом Старец не-

сколько раз произнёс: «Давай, давай, парень, счастливого пути» – и объяснил монаху, который был в это время рядом с ним: «Даже если я его приму, никакого толку не выйдет, потому что он превратил своё сердце в свиной хлев».

* * *

Однажды, когда Старец жил в келье Честного Креста, кто-то постучал в клепальце. Старец выглянул в окно и увидел возле калитки мирянина. Какое-то время Старец глядел на него из окна и разговаривал сам с собой: «В епитрахили, но не священник». Потом, когда он открыл калитку и впустил посетителя, тот признался ему, что был колдуном и под рубашкой на голое тело у него была надета епитрахиль.

* * *

В другой раз Старец заранее увидел, что к нему идут юноши, которых ничего духовное не интересовало. Шли они к нему от любопытства. Чтобы не терять день даром, Старец положил в сумочку Псалтирь, закрыл келью и ушёл в лес. В калитку он воткнул записку: «Зоопарк закрыт. Обезьяны нет дома». Под «обезьяной» Старец подразумевал себя, поскольку для некоторых он был объектом любопытства.

Замечательно то, что посетителей растрогала эта записка Старца, они пришли в себя, поисповедовались и сейчас посещают Святую Гору уже ради духовной пользы.

* * *

Один ученик Афониады пришёл к Старцу, и тот спросил его: «Сколько вас братьев и сестёр?» – «Восемь», – ответил мальчик. «Ошибаешься, – сказал Старец, – не восемь, а девять». Мать этого мальчика была беременной, но он об этом ещё не знал.

* * *

Рассказ одного паломника: «Моя дочь готовилась выйти замуж и вдруг заболела раком. Её жених впал в отчаяние и приехал на Святую Гору, чтобы встретиться со Старцем Паисием. Как только он пришёл в “Панагуду”, Старец сказал ему: “Через четыре дня Господь призовет Марию к себе”. И действительно, через четыре дня моя дочь скончалась, как и предсказал Старец».

* * *

Свидетельство господина К. Д., врача из города Серры: «Впервые я посетил уважаемого Старца Паисия летом 1991 года. В то время, скопив большую сумму денег, я решал вопрос приобретения собственной квартиры. Но думал и о том, чтобы отдать эти деньги на помощь беднякам.

Не успел я о чём-либо спросить Старца, как он сам спросил меня: “Скажи-ка мне, доктор, у птиц есть гнёзда?” – “Да”, – ответил я, не успев понять, о чём идёт речь. “Ну что же, – говорит он тогда, – значит, мы с тобой друг друга поняли”. – “Как благословите”, – ответил я ему.

Он ответил на мучивший меня вопрос, и, оказывая ему послушание, я купил квартиру для нашей семьи».

* * *

Свидетельство человека, не пожелавшего назвать своё имя: «Я работал в Германии в ресторане и время от времени воровал у моего хозяина деньги. Однако меня мучила совесть. Я слышал о Старце Паисии и приехал на Святую Гору, чтобы рассказать ему о моей страсти и получить его советы.

Придя в “Панагуду”, я увидел во дворе много паломников. Как только Старец меня заметил, он отвёл меня в сторонку, завёл за келью с противоположной стороны и ещё до того, как я успел ему что-либо сказать, взял в свои руки мои ладони и, осеняя их крестным знамением, сказал: “С этого времени и впредь не делай того, что ты делал. А ещё пойдёшь к духовнику и поисповедуешься”.

Я был глубоко потрясён. Я поисповедовался и с того времени, с помощью Божией, уже никогда не воровал».

* * *

Свидетельство господина Ангелоса Хорозидиса, офицера полиции, живущего в городе Салоники: «Однажды по дороге на Святую Гору я два раза – в Урануполисе и в Кариесе – натолкнулся на моего начальника из Жандармского управления города Полигираса. Он был хорошим человеком, но очень строгим и – больше, чем нужно – формалистом. На

следующий день в десять часов утра я должен был находиться на месте моей службы в Кассандре на Халкидике. Но поскольку я ехал на Афон, это было невозможно.

Столкнувшись с ним, я постарался, чтобы он меня не увидел, но уверен в этом я не был. Приехав на Афон, я сразу же пришёл к батюшке Паисию. Когда я брал его благословение, он мне сказал: “Добро пожаловать. Да не бойся ты, он тебя не видел”. – “Кто меня не видел, Геронда?” – “Ну этот, большой человек, твой начальник из Полигирова”».

* * *

«Однажды, – пишет господин Георгий Папатемистоклеос, – мы, три студента из Коницы, встретились со Старцем в Салониках. Он выехал с Афона по состоянию здоровья. Обняв нас, он обратился ко мне: “Отец Павел (так звали моего отца, священника) уже вне опасности. Сейчас он чувствует себя хорошо”. Эти слова показались мне странными, я не знал, что отец мой болен. Да и Старец Паисий в эти дни ни с кем из Коницы не общался. Позвонив сестре, я узнал, что в тот день, когда мы встретили отца Паисия, мой отец был на волосок от смерти».

* * *

Господин Димитрий Бурюлидис, торговец из селения Корделион, что недалеко от Салоник, прислал такое письменное свидетельство: «В январе 1991 года я заболел и не мог связать двух слов. День ото дня мне становилось всё хуже и хуже. Мне сделали

лучевую томографию, которая показала, что у меня опухоль головного мозга размером 1,6 сантиметра.

На пятый день после того как меня положили в больницу, брат и тесть решили посетить Старца Паисия. Они приехали к нему, он просил их подождать, потому что у него было много других людей.

Когда очередь дошла до моих родных, батюшка Паисий, прежде чем брат успел что-то сказать, успокоил его: “Не расстраивайся. Димитрий выздоровеет. Это буря, но она пройдёт. Скажите ему, чтобы он поисповедовался и причастился”.

Прошло пятнадцать дней. Я лежал в больнице, мне сделали магнитную томографию, чтобы лучше рассмотреть состояние опухоли. После обследования врач пришёл ко мне с результатами и объяснил, что такие опухоли обычно появляются в результате метастаз. Однако в моём случае после лечения опухоль изменила форму и стала уменьшаться. Через сорок пять дней я был выписан из больницы. Сейчас я чувствую себя очень хорошо и каждый день славлю Бога, Который через отца Паисия уберёт меня от беды».

В магазине этого человека висит фотография Старца Паисия. Он каждый день лбызает её с благоговением и благодарностью.

* * *

Бог открывал Свою Волю пророкам по-разному – в том числе и через сны. Однако истолкование снов – нелёгкое дело. «Сон достоверен»⁽¹⁾ может истолковать только тот, кто имеет Благодать пророка Дании-

⁽¹⁾ 2 Мак. 15, 11.

ла и прекрасного Иосифа. Старец Паисий тоже подчёркивал, что «многие сны происходят от тревоги, и диавол может использовать их в свою пользу».

Случалось, что во сне Старец бывал извещён о конкретном событии или о человеке, который должен был его посетить. Во сне Старец узнавал его имя, внешность, в чём состоит его проблема и как она может быть разрешена.

* * *

Живя в келье Честного Креста, Старец однажды во сне увидел своего отца по плоти, который сказал ему, чтобы он почистил церковь. Внимательно осмотрев свой маленький, очень чистый храмик, Старец нашёл в трещинке на стене недавно пробившуюся от сырости смоковничную веточку.

* * *

Старец рассказывал: «Живя в келье Честного Креста, я увидел во сне одного паренька и узнал о мучившей его проблеме. У него была добрая душа, однако он стал жертвой негодных людей и дошёл до того, что забросил учёбу. На следующий день я стал его ждать. И он действительно пришёл ко мне, получил помощь и ушёл с облегчённой душой. Он был родом из Македонии. Узнав во сне о мучившей его проблеме, я заплакал – так я за него разволновался и так мне стало за него больно».

* * *

Извещения о конкретных лицах Старец получал, главным образом, во время молитвы. Однажды, молясь, он был извещён о том, что на следующий день его посетит один бесноватый. Старец приготовил кувшин с водой, в который крестообразно погрузил мощи преподобного Арсения Каппадокийского. Как только пришёл бесноватый, Старец угостил его лукумом. Тот попросил воды. Старец продолжал давать ему лукум: два, три – в общем итоге, семь кусочков. Он делал это с конкретной целью – чтобы бесноватому захотелось выпить эту воду. Потому что, отпив немного воды, он понял бы, что она освящена, и пить всю не захотел.

* * *

Рассказывает знакомый Старца: «Однажды я приехал на машине в Урануполис, чтобы отвезти Старца в Суроти. По дороге мы разговаривали об авариях. Вдруг он поворачивается ко мне и говорит: “Ведь ты тоже был в аварии, но не бойся, тебе предстоит съесть ещё много хлеба”. – “Геронда, – говорю я, – кто тебе об этом рассказал?” – “Никто не рассказал, но в то время как ты попал в аварию, я молился и вдруг увидел тебя. Я молился о тех, чья жизнь находится в опасности от аварий, несчастных случаев и увидел твоё лицо. Не бойся, ты будешь жить ещё много лет”.

И действительно, пять-шесть дней назад на мою машину наехал автобус, подмял её и потащил за собой. Меня отвезли в больницу, переломов у меня не было, только ноги почернели от ушибов. В больни-

це меня продержали два-три дня, а ещё пять-шесть дней спустя я приехал в Урануполис и забрал Старца, который уже знал о том, что со мной произошло».

* * *

Как-то раз знакомый Старца привёз ему в благословение разные вещи и продукты. Старец сказал ему: «Зачем ты притащил всё сюда? Не лучше ли было раздать это бедным там, где ты живёшь?» – «Сегодня, – ответил человек, – бедных уже не осталось». – «Если я возьмусь за чётки, – ответил Старец, – то я скажу тебе и имена бедняков вашего города, и их адреса».

* * *

Однажды рано утром отец Паисий постучал в дверь кельи, где жил его знакомый иеромонах. Старец был расстроен и спросил: «Скажи мне, что ты сделал вчера? Ночью со мной произошло что-то необычное. Я чувствовал тяжесть, а потом увидел тебя в образе торговца-бакалейщика в фартуке». Тогда иеромонах вспомнил, что накануне к нему заходил больной, который просил совершить над ним Таинство Елеосвящения. В конце он стал настаивать, чтобы оставить в благословение какие-то вещи и немного денег. Священник не принимал ни вещей, ни денег, но в конце концов, не желая расстраивать человека, взял их.

Старец Паисий, услышав это, властно сказал: «Сейчас же пойд и верни деньги, чтобы был прощён твой грех». Иеромонах потратил два дня, разыскивая больного по разным святогорским монастырям.

Найдя его, он возвратил деньги, успокоился сам и обрадовал Старца Паисия, который не хотел, чтобы священники брали деньги с больных и страждущих.

* * *

Свидетельство одного духовника: «Однажды, придя к Старцу, я рассказал ему о женщине, впавшей в депрессию. Она была как потерянная и уже несколько дней не могла уснуть. Старец в это время сидел на деревянной кровати. Слушая меня, он прикрыл глаза, и мне показалось, что он уснул. Но на самом деле он молился. Вдруг он улыбнулся, лицо засветилось от радости, и он сказал: “Ничего, пройдёт. Она впала в уныние от таких-то и таких-то вещей (он сказал, от каких конкретно), стала себя ломать и дошла вот до такого состояния”. Он был извещён об этом мгновенно, посредством краткой молитвы и говорил уверенно. Действительно, всё было именно так, как он сказал: женщину угнетали определённые вещи, а сейчас она чувствует себя прекрасно».

* * *

Часто извещение о чём-то приходило к нему в виде озарения. Когда он шёл куда-то, беседовал с кем-то, занимался рукоделием, то получал от Бога извещение о том, что происходило с человеком очень далеко. Святой Дух извещал его, и Старец, по необходимости, либо возжигал свечу и молился, либо спешил к этому человеку, чтобы помочь ему лично.

* * *

Свидетельство человека, не пожелавшего назвать своё имя: «Однажды мы ехали со Старцем в машине в Суроти, я был за рулём. Вдруг он говорит мне: “Быстро поворачивай назад. В эти минуты распадается семья”. Мы вернулись в город, вошли в один дом, и перед нашими глазами предстала картина: муж и жена, сильно ругаясь, делили свои вещи. Старец поговорил с этими людьми, и они примирились»⁽¹⁾.

* * *

«К Старцу Паисию, – рассказывает господин Матфей Голиас из города Янина, – я привёз моего сына Константина. Я сказал Старцу: “Константин занимается альпинизмом. И не только альпинизмом, но и экстремальным скалолазанием – очень опасным”.

– Вот что, Константин, – говорит тогда Старец, – на высокие горы подниматься можешь. Ведь, поднимаясь на них, ты поднимаешься выше к Богу. А вот

⁽¹⁾ Между прочим, во время примирения Старец дал этим людям несколько интересных ответов на их вопросы. Жена спросила Старца:

– Если я буду в Раю, а мой сын будет в аду, то я его буду видеть? А он будет меня видеть?

– Если мы сидим в гостиной, освещённой светом свечей, – ответил Старец, – а на дворе ночь, то мы не видим тех, кто находится во дворе, тогда как они нас видят. То же самое и в Раю: ведь если бы те, кто находится в Раю, видели тех, кто мучается в аду, то Рай не был бы для них Раем.

– А есть ли разница между состоянием тех, кто находится в Раю?

– Есть разные категории. К примеру, один человек имеет напорток радости, другой – чашку радости, третий – бочку радости, а четвёртый – целый пруд радости. Но все, независимо от того, в какой они находятся категории, чувствуют себя исполненными радости.

по скалам больше не лазай, потому что, лазая по ним, ты возделываешь свой эгоизм.

Потом он дал сыну пространные наставления со множеством примеров из собственной армейской жизни. Когда мы уходили, он проводил нас до калитки и, поцеловав моего сына в голову, повторил: “По скалам не лазай. Однако, если всё же иной раз ты на них залезешь, я буду за тебя молиться”. Эти-то последние слова Старца Константин использовал как лазейку и продолжал тайком от нас заниматься скалолазанием”.

В сентябре я вновь приехал к Старцу Паисию. У него было много народа, но, увидев меня, он сказал мне: “Подожди, пока все разойдутся, я скажу тебе что-то важное”. Когда все разошлись, он сказал мне: “Константин лез по скале и сорвался вниз. От одного кольца до другого было двадцать метров и Матерь Божия подхватила его в Свои объятия. Я видел это своими глазами”.

Я пришёл в келью возле Кариеса, где остановился, и тут же позвонил в Афины Константину и спросил его: “Костас, ты сорвался с опасной скалы?” – “Откуда ты это знаешь?” – “Знаю”. – “Ты что, сейчас у отца Паисия?” – вдруг спросил он. “Да”, – говорю. “Пойди поблагодари его и уверь, что в ближайшие дни я продам всё своё скалолазное снаряжение и больше подниматься на скалы не буду”. Так и произошло».

Благодать исцелений

Святой Максим Исповедник считает благодатный дар исцелений следствием любви. Святой пишет: «Человек, стяжавший естественное человеколюбие, после полной победы над самоугодием, приемлет благодатный дар исцелений»⁽¹⁾.

Такой благодатный дар приял и Старец Паисий. Он исцелял многих, страдавших от неисцелимых болезней: от рака, белокровия, серьёзных болезней сердца, паралича и слепоты, он разрешал бесплодие многих женщин.

Обычно он заранее знал и о болезни приходившего к нему человека, и о том, чем она закончится. Если он видел в больном веру, если он понимал, что исцеление ему духовно не навредит, то он говорил: «У тебя ничего нет, ты здоров», и больной уходил исцелённым. Иногда он крестообразно осенял больных святыми мощами и помазывал их маслом из лампы перед иконой Пресвятой Богородицы.

⁽¹⁾ *Преподобный Максим Исповедник. Вопросы и ответы к Фалассию. 59. PG 90. 617 С.*

* * *

Рассказ Старца: «Вчера⁽¹⁾ сюда привезли совершенно слепого десятилетнего мальчика. Увидев его, я спросил: “Сынок, что ты хочешь, чтобы тебе дал Христос?” Он ответил: “Я хочу стать хорошим мальчиком”. И вот: я ещё не успел помолиться – как этот ребёнок стал видеть».

Старец рассказывал об этом ещё одному слепому, желая его утешить. Однако свой собственный духовный «вклад» в исцеление ребёнка он скрыл. Он скрывал это и в других случаях, говоря о каком-то больном, например: «У него ничего нет, он выздоровел».

* * *

Житель города Янина, господин Матфей Голиас, свидетельствует: «Семнадцатилетняя дочь моего друга серьёзно заболела и постепенно становилась парализованной. Мы поехали к Старцу и рассказали ему о девочке. Он утешил её отца: “Георгия выздоровеет и поедет учиться”. За год состояние девочки поразительно улучшилось. Георгия совершенно выздоровела и уехала учиться в Афины. С тех пор она больше не болела».

* * *

Господин П., водолаз, пришёл в совершенное отчаяние. Его первый сын, родившись, едва дышал. Врачи не обещали ничего хорошего. Один знакомый предложил посетить Старца Паисия и попросить его

⁽¹⁾ Сказано в июле 1992 года.

помочь ребёнку. Исполненный тревоги, но одновременно с тайной надеждой в сердце, господин П. пришёл в «Панагуду». Подойдя к келье, он увидел, что Старец, больной, опершись на проволочную сетку калитки, его ждёт. Увидев его, он сразу же сказал: «Вот что, парень, я тебя принять не смогу. Я себя очень плохо чувствую. Поезжай сейчас в больницу и забирай оттуда сына. Ничего у него нет».

Человек так растерялся, что даже забыл поблагодарить Старца. Задыхаясь от слёз волнения, он побежал обратно в сторону Кариеса. Оттуда он позвонил своей супруге, и она подтвердила, что состояние здоровья младенца чудесным образом улучшилось.

Это произошло в 1993 году. Сегодня, спустя столько лет, маленький Афанасий отличается отменным здоровьем. Тогда господину П. так и не удалось поблагодарить Старца, потому что вскоре отец Паисий выехал со Святой Горы уже навсегда. Однако свою благодарность господин П. выражает, часто приезжая на могилу Старца, и раз в году – на Афон, в «Панагуду». Впервые приехав в «Панагуду», он попросил у живущих в келье монахов разрешения немножко побыть в храме и помолиться. Через несколько минут он вышел из храма в волнении и слезах, громко повторяя: «Старец здесь, Старец здесь! Когда я его благодарил, закачался пол церкви».

* * *

Свидетельство жителя Салоник П. Д., выпускника Афонады: «Один из учеников Афонады И. М. в 1989 году заболел раком. Опухоль образовалась у него с внутренней стороны глаза. В субботу перед

операцией он вместе с отцом посетил Старца Паисия. Отец со слезами просил Старца молиться и настойчиво спрашивал его, выздоровеет ли его ребёнок.

Старец с уверенностью успокоил их: “Не расстраивайтесь, ничего страшного нет”.

Это их немного утешило. В среду мальчик лёг в больницу на операцию. Врачи, исследовав его, убедились, что опухоль полностью рассосалась, от неё не осталось и следа. Конечно, это привело врачей в изумление.

И отец, и сын поняли, “кто виноват” в исцелении, и уже в следующую субботу опять приехали на Святую Гору и радостные пришли поблагодарить Старца. Беседуя со Старцем, отец опять плакал, но это были слёзы радости, потому что молитвами Старца его сын был здоров».

* * *

Свидетельство жителя города Коница Иоанна Корциноглу: «В 1991 или в 1992 году мы вместе с моим земляком Поликарпом Кипариссисом пришли в “Панагуду”. У Старца было много народа, и мы ждали своей очереди. Я заметил человека, сидевшего в стороне и с большим умилением глядевшего на Старца. Я его спросил: “У Вас что-то особенное?”

В волнении этот человек, учитель из города Превеза, рассказал мне, что его дочка, которая от рождения не говорила, в семь лет с помощью Старца вдруг заговорила. До этого они возили её по многим врачам, даже за границу, и потратили много денег.

Когда мы спросили об этом Старца, он подтвердил рассказанное. Он молился за девочку почти год, и его

молитвы помогли не только ей, но и её родителям. Божия Матерь открыла Старцу, что девочка заговорит, и он подготовил к этому её отца, чтобы тот не испугался. В Великую Пятницу девчушка обняла отца и вдруг сказала: “С наступающим Христовым Воскресением, папочка”».

* * *

Свидетельство одного паломника: «Меня зовут К., а мою жену А. Мы поженились в 1989 году, и несколько лет моя жена не могла забеременеть. Мы посетили многих врачей, но никто из них нам не помог.

Весной 1993 года я приехал к Старцу Паисию просить его молитв обо мне и моей супруге. Отец Паисий принимал посетителей во дворе своей каливы. Когда подошла моя очередь, он взял меня за предплечье и спросил, что я хочу. Когда я рассказал ему о нашей проблеме, он ответил: “Послушай, сынок, у твоей жены будут дети. Она похожа на дерево, у которого очень много сока. У таких деревьев чуть рассекают ствол, чтобы они могли дать плоды”. Моя душа умиралась, я словно летел над землёй.

Я так поверил Старцу, что больше ни я, ни моя жена не тревожились о том, будет ли у нас ребёнок. Через год после кончины Старца врач сказал моей жене, что ей надо сделать маленькую операцию – в буквальном смысле слова “рассечение”. После этого она забеременела и у нас родилась дочь Стелла. Сейчас кроме Стеллы у нас ещё двое детей – дочь Димитра и сын Василий-Паисий».

* * *

Рассказ иеромонаха А.: «Одна женщина четырнадцать лет была замужем, но детей у неё не было. Она роптала и говорила: “Почему Бог не даст ребёнка и мне?” Когда я рассказал о ней Старцу, он сказал: “Э, ну что же, пусть родит одного ребёнка, чтобы не роптать”. И действительно, в том же году она забеременела и родила».

* * *

Свидетельство госпожи Анастасии Н.: «Я очень хотела родить ребёнка, стать матерью. Я слышала об отце Паисии, о его молитвах и помощи страдающим людям. Весной 1989 года мы посетили монастырь святого Иоанна Богослова в Суроти, где был тогда и отец Паисий.

Старец с раннего утра без перерыва принимал людей. Я ждала своей очереди. Вдруг монахиня объявила, что Старец уже не будет принимать людей наедине, но только даст своё благословение тем, кто его ждёт. Однако мне обязательно надо было с ним поговорить! Я не находила себе места. Подойдя к монахине, которая дежурила возле скромной комнатки, где принимал Старец, я попросила: “Мне очень нужно его увидеть. Я не займу много времени”. Она провела меня к Старцу. Увидев меня взволнованной, он сказал: “По-доброму, дочка, по-доброму себя веди. Я буду за тебя молиться. Положи вот сюда свою записку (я, действительно, заранее написала записку с просьбой о том, чтобы родить ребёнка), и у тебя будет ребёнок”. Через два-три месяца после встречи со

Старцем я забеременела, а 13 июля 1990 года родила мальчика. В Святом Крещении мы дали ему имя Арсений».

* * *

Необходимо сказать и о том, что исцелялись не все больные, прибегавшие к помощи Старца. Часто больной исцелялся ещё до того, как Старец успевал о нём помолиться, однако о некоторых людях он молился очень много, но его молитва оставалась не услышанной. На это были разные причины. Например, однажды он молился об одном больном, но безрезультатно. Расспросив больного, он нашёл причину и прежде всего помог человеку привести себя в порядок духовно. После этого больной выздоровел.

Некоторым людям Старец прямо говорил, что они никогда не выздоровеют. Несмотря на усердные молитвы, Бог оставлял им болезнь как своего рода высшую аскезу, чтобы, терпя болезнь, они достигли Рая. Старец говорил: «Некоторых Бог не исцеляет от болезни, чтобы они не потеряли своей mzды. Это похоже на то, как отец не даёт наследства своим детям, не желая, чтобы они пустили его по ветру».

«Когда врачи не могут нам помочь, – говорил Старец, – мы должны просить Бога, Который делает возможным *“невозможное человекам”*. Бог знает, в чём мы нуждаемся. Когда и Бог нас *“не слышит”*, мы должны знать, что Он, будучи по природе благ, *“не слыша нас”*, хочет сделать добро. Нам надо просить Его только о том, чтобы Он даровал нам терпение».

Свидетельство жителя города Аргос Константина Мелицу: «Уже тридцать лет я страдаю хроническим неврологическим синдромом. Я парализован, у меня нарушена координация движений, я прикован к инвалидному креслу. Летом 1981 года я гостил в монастыре преподобного Григория на Святой Горе. Там ко мне подошёл очень богатый бизнесмен, грек, и сказал мне, что берёт на себя оплату моей поездки в Америку и лечение там, потому что американская медицина очень преуспела, и врачи там могут пересаживать даже нервные клетки.

Желание встать на ноги и ходить разгорелось во мне с огромной силой. В моей голове стали роиться помыслы о том, что мне действительно надо поехать в Америку и сделать операцию. Я открывал эти помыслы отцам монастыря, но они отговаривали: “Костас, сиди, где сидишь, не слоняйся без дела”. – “Да, да, я слоняюсь без дела! – в отчаянии восклицал я. – Откуда вам знать, как я мучаюсь!” На следующий день с монахом отцом Тимофеем мы поехали в Кариес, чтобы встретиться со Старцем Паисием. Я хотел спросить Старца, нужно ли мне ехать в Америку. В пять часов утра в старом медицинском пункте в Кариесе была назначена встреча со Старцем. Старца попросили прийти туда, потому что нести меня в “Панагуду” монахам было бы очень тяжело.

Старец выслушал мой помысел и крестообразно осенил мне голову мощами святого Арсения Каппадокийского, которые он носил с собой. Потом он взял в свои руки мои парализованные и недоразвитые ноги и стал целовать их, приговаривая: “Ножки вы,

ножки... Ведь они же приведут тебя в Рай, а ты этого не понимаешь”.

Потом он сказал: “В Америку не ездят. Там из тебя сделают подопытное животное”. Как только я услышал эти слова Старца, у меня как камень с души свалился, мне стало легко и спокойно. Он поглядел мне в глаза и сказал: “А ну-ка вставай, немножко походим”.

Я подумал, что он шутит. Но он вновь повторил: “Ну давай же, поднимись хоть раз в жизни!” – “Геронда, – говорю, – но ведь я не могу встать! Я даже не знаю, как это: ходить”. Тогда он обнял меня, поднял с кровати и, прижав к себе, начал ходить вместе со мной. В это время он молился со слезами на глазах, повторяя какие-то слова, которые я не мог разобрать.

Я чувствовал, что хожу своими ногами! Мне казалось, что у меня выросли крылья! Видя своё тело “стоящим”, я разволновался и расплакался. Потом Старец усадил меня в инвалидную коляску, сел рядом и сказал: “Послушай меня, сынок. Бог не хочет, чтобы ты когда-нибудь выздоровел. Твоё состояние будет всё хуже и хуже – лучше не будет. Но знай: те люди, которые собираются вокруг тебя и тебе служат, спасают таким образом свои души. Оказывая помощь тебе, они получают помощь сами, хотя этого не понимают. Так ты становишься средством спасения душ. Бог хочет от тебя именно этого. Поэтому живи у себя на родине, в Аргосе, и никогда оттуда не уезжай”».

* * *

Бывали и другие случаи, ещё более тяжкие. Старец рассказывал: «О некоторых людях я молюсь

очень долго, но они не получают помощи, потому что страдают упрямством, своеволием и эгоизмом. Они говорят: “Почему Бог не даёт мне этого?” Но зачем Он будет нам “это” давать? Для того чтобы сделать нас ещё большими эгоистами и своевольниками? Нет. Если дать таким людям то, о чём они просят, то это не пойдёт им на пользу. Да и просят они Его таким тоном, словно Ему приказывают. А вот когда говорят: “Если Ты хочешь, дай мне это”, тогда другое дело. Молитва должна быть смиренной».

В письме от 18 сентября 1967 года Старец писал: «Часто в молитве я настаивал на чём-то и “требовал” у Бога исполнить прошение, касавшееся меня лично или других братьев и сестёр. Но потом [когда Он выполнял мои настойчивые просьбы] я был вынужден просить у Него за это прощения или даже просить Его, чтобы Он сделал всё, как было раньше. С того времени я прошу Его, чтобы Он, как Добрый Отец, подавал каждому то, что полезно его душе, потому что вся Его жертва была ради того, чтобы вновь вернуть души людей в Рай, вернуть их к Себе».

Старец Паисий отличался беспристрастием. Молясь о людях, он не делал между ними никакого различия. Однако воля Божия о каждом человеке индивидуальна. Безусловно лишь то, что все получали от Старца утешение и силу.

В телесном исцелении, самом по себе, нет пользы, если предварительно не будет исцелена душа. Ведь люди с неисцелённой душой, но с исцелившимся телом обычно возвращаются к прежней греховной жизни.

Чудеса имеют сотериологический характер, то есть смысл чуда – в спасении души. К этому стре-

мился и Старец Паисий. Его заботило не только то, чтобы была исцелена телесная немощь человека, но – в большей степени – чтобы была спасена его душа, ради которой Сам Бог стал Человеком и пролил на Кресте Свою Кровь. Конечно, самым большим чудом для тех, кто был исцелён Старцем от телесных болезней и немощей, было то, что они укреплялись в вере, становились сознательно верующими людьми, исцеляли свои души от страстей и денно и ночью славилы Бога. Эта сторона чудес имеет несравненно большее достоинство, такие чудеса продолжаются вечно. Старец хотел, чтобы сами больные содействовали своему исцелению, чтобы они совершили ради Христа пусть самую малую жертву, например отсекли какую-то из своих страстей: бросили курить, пить и тому подобное.

Когда исцелённые хотели отблагодарить Старца деньгами или чем-то ещё, Старец от них ничего не принимал. Он просил у них только одного: привести себя духовно в порядок, поисповедоваться, причащаться Святых Христовых Таин и жить по-христиански. Он не требовал у них раздавать в милостыню крупные суммы, строить храмы, не налагал на людей *«бременá неудобоносíмые»*. Всё это он оставлял на их собственное произволение. Когда вместе с телом больного исцелялась душа человека, когда через это получала духовную помощь вся его семья и таким образом прославлялось имя Бога – радость Старца Паисия была великой.

Явления Святых

Как было уже сказано, в своей земной жизни Старец Паисий видел многих Святых, а также своего Ангела-Хранителя, многократно – Пресвятую Богородицу и Самого Христа. Он видел Их не во сне. Иногда это было ночью, иногда среди бела дня. Он беседовал с Ними, Они давали ему Своё целование, и он целовал Их в ответ. Они давали ему пищу Своей рукой, исцеляли его, обещали ему что-то, открывали ему небесные тайны.

Одному человеку Старец говорил: «С юности я читал очень много Житий Святых, а сейчас чтение Житий мне помогает уже не столько – потому что я их уже не читаю, а живу». То есть в такой духовной пище как чтение Старец нуждался меньше, потому что переживал нечто высшее.

Старец неохотно рассказывал о своих опытах такого рода. Он рассказывал о явлениях ему Святых и тому подобном, если видел, что это принесёт помощь чьей-то душе. Когда он рассказывал о чём-то ещё, то был очень увлекательным, талантливым рассказчиком. Но вот в описаниях явлений ему Святых он был очень сдержан и краток. Слушателя таких откровений приводили в изумление простота, естественность, а также исключительность происходивших со

Старцем событий. Он говорил, к примеру: «Со мной произошло одно событие», имея в виду посещение какого-то Святого. Или: «Я почувствовал нечто». Собеседник мог подумать, что Старец почувствовал просто какое-то умиление. Однако на самом деле это «нечто» было чем-то несравненно более глубоким: откровением, видением, восхищением в созерцание или чем-то подобным. Обычно день, когда ему было видение или нечто иное, он «зашифровано» отмечал на полях богослужебных книг.

Ещё до того как он стал монахом, его ум во время молитвы часто бывал восхищаем в созерцание. Из своего опыта он говорил: «Находясь в созерцании, человек может, предположим, слышать, как звонит будильник, – не больше. Другой связи с окружающим миром у него нет».

Относительно видений Старец объяснял: «Человек зрит видение глазами души. Иногда, когда мне бывали видения, я закрывал глаза, но продолжал видеть. Значит, я видел глазами души. Когда кому-то является Святой в присутствии кого-то ещё, то иногда этот третий человек может видеть Святого, иногда может слышать его голос, а иногда не видит и не слышит ничего. Общего закона тут нет». Ещё Старец подчёркивал, что «вначале с монахом происходят небольшие сверхъестественные события, потом бóльшие, а потом ещё бóльшие». Конечно, это происходит с монахом, который подвизается правильно и твёрдо.

Производит впечатление следующее: как мог Старец Паисий после всех бывших ему видений, откровений, после всего, что он пережил, после того «доброе умопомрачения», в которое он приходил, после того как он испытал Божественное рачение и небес-

ную сладость, которые оставляли ему небесные посетители, – как после всего этого его ум мог отрываться от Неба и возвращаться на землю? Ведь это нелёгкое дело: резко спускаться с Фаворской Горы в Долину Плача, жертвовать райским состоянием и заниматься проблемами людей. Это достойно удивления и восхищения. Для Старца такое возвращение с Небес на землю было дополнительным подвигом и трудом.

Из отрывочных сведений, услышанных от Старца, и свидетельств других людей можно сделать вывод, что, кроме явлений Святых, о которых сказано в первой части настоящей книги, Старцу были и другие явления. Упомянем о некоторых из них.

* * *

Когда Старец проходил в Конице курс лечения, он видел трёх Святителей. Об этом рассказала Екатерина Патера: «Однажды вечером он, как обычно, заперся у себя в келье и читал Повечерие. Утром он мне говорит: “Прости меня, сестра, что прошедшей ночью я не давал вам спать”. – “Когда ты не давал нам спать?” – “Сегодня ночью пришли три Святителя, и мы с ними беседовали. Я их постоянно просил: “Потише, потише, потому что мы разбудим людей, у которых я живу”. Я не хотел вас беспокоить”.

А я-то ничего и не слышала! Он всю ночь разговаривает со Святыми, а я этого даже и не заметила».

* * *

Точно известно, что Старец видел святую великомученицу Екатерину. Он рассказал об этом человеку, который нуждался в утешении. «Увидев её, я сразу

же ей поклонился и ухватился за её ноги, – сказал Старец. – Святая великомученица Екатерина высокого роста».

* * *

14 октября 1979 года (по новому календарю – 27 октября, накануне праздника Святого Покрова⁽¹⁾) Старец был в монастыре Суроти. Этой ночью он увидел Покров Пресвятой Богородицы. Это был не сон, но видение. Он видел Покров Божией Матери как светлое облако, которое осеняло и покрывало нескольких сербских монахинь, приехавших с ним встретиться.

* * *

Также Старец видел святого апостола и евангелиста Иоанна Богослова. На вопрос, как выглядел святой Иоанн и какими глазами он его видел, Старец ответил: «Ну как... было темно, но я его видел. Ведь такие явления – тайны Божии. Часто на иконах святого Иоанна Богослова на лбу у него изображают какую-то шишку, а на самом деле она не такая большая».

* * *

Когда Старца спросили, зачем он написал книгу о Хаджи Георгии, он ответил: «Если бы в моей жизни не произошло одного события, связанного с Хаджи

⁽¹⁾ Греки перенесли празднование Покрова Пресвятой Богородицы на 28 октября после явления Божией Матери греческим войскам во время войны с итальянцами в Албании в 1940 году. – *Прим. пер.*

Георгием, я бы этой книги не писал». О явлении ему преподобного Старца Хаджи Георгия Старец Паисий в книге не пишет. «Хватит того, что я натерпелся с преподобным Арсением», – говорил Старец, имея в виду, что в Житии святого Арсения Каппадокийского он рассказал, как этот Святой ему являлся. Но и перед Хаджи Георгием Старец Паисий очень благоговел. Лично он относился к нему как к Святому и призывал его имя, молясь по чёткам. Он даже верил в то, что пришло время официальной канонизации Старца Хаджи Георгия.

Источник Нетварного Света

Старец Паисий часто созерцал Нетварный Свет, но известно много случаев, когда разные люди видели и то, как сам он светится Нетварным Светом.

* * *

Письменное свидетельство иеромонаха Максима (Псилопулоса), старца кельи Введения во храм Пресвятой Богородицы на Керасье Святой Афонской Горы: «Был праздник Преображения Господня – 6 августа 1977 года. Старец Паисий с вечера пришёл в келью на Капсале, где я тогда жил. У меня в гостях были два преподавателя богословия: господин Г. Дилбоис и господин Афанасий Вистас (ныне монах Арсений, насельник нашей кельи). На Всенощном бдении Старец пел по-монашески, умилительно. Потом мы накрыли стол, а после трапезы он стал собираться к себе в келью. Солнце ещё не всходило. Прощаясь с ним, я увидел, что его лицо сияет в буквальном смысле “яко свет”. Он излучал белый Свет. Этот Свет не слепил. Он был подобен свету автомо-

бильных фар сквозь густой туман. Сперва я не обратил на это внимание. Мне пришёл помысел, что, может быть, этот Свет – дар, который Бог послал с Неба ради праздника Преображения. Я успокоился.

Двух своих гостей я попросил проводить Старца до кельи пророка Илии. Когда они вернулись, я услышал, как они говорят между собой: “Что же это был за Свет?” И меня они стали спрашивать: “Вы ничего не заметили в лице Старца Паисия?” Я сказал: “Заметил”. И они подтвердили, что лицо Старца было сияющим и освещённым, но каким-то другим Светом, не похожим на свет солнца или звёзд.

Итак, мы втроём убедились в том, что Преобразившийся Господь увенчал Светом Своего раба Паисия, подвизавшегося ради того, чтобы преобразить себя самого. И мы прославили Господа, Который прославляет прославляющих Его. Самому Старцу Паисию ни я, ни мои знакомые не стали ничего говорить. Мы стеснялись, колебались, не знали, как ему об этом сказать... Он так и ушёл на Небо, не узнав о том, что мы, ничтожные и недостойные, удостоились увидеть его в Свете Преображения. Мы уверены, что сейчас он пребывает в Свете Божия Царства».

* * *

Письменное свидетельство одного брата с просьбой не называть его имени: «В конце августа – начале сентября 1984 года с моим духовным братом и его сыном шести-семи лет мы приехали на Святую Гору и остановились в монастыре Кутлумуш. Архондаричный принёс нам обычное угощение и показал нашу комнату.

Занеся в комнату вещи, мы вышли на балкон, с которого открывался прекрасный вид. Вдали виднелся Иверский монастырь, а между ним и Кутлумушем – маленькая келья отца Паисия – “Панагуда”. Было около половины четвёртого пополудни. Солнце ярко освещало всё вокруг, заливало светом горизонт. Мы с другом говорили о всякой всячине и наблюдали за его шустрым сыном, который пытался забраться на решётку, ограживающую балкон.

Вдруг я увидел, как из окон кельи отца Паисия исходит свет. Этот свет был не таким, как свет солнца. Он был сильнее, чем солнечный, и отличался от него по структуре: более прозрачный, более чистый, с золотым и одновременно голубым оттенком.

Этот чудесный Свет исходил из кельи Старца около десяти минут. Всё это время я спрашивал себя, хорошо ли я вижу и, вообще, в порядке ли у меня с головой. Я продолжал беседовать с другом, но одновременно наблюдал за этим Светом, не говоря о том, что вижу. Я был потрясён и решил оставить это видение “для себя”.

В последний раз я посетил Старца Паисия в конце сентября 1993 года. Он был уже совсем без сил, очень измождён. Когда мы беседовали, помысел стал настойчиво говорить мне, чтобы я рассказал о чудесном событии – то есть о видении Света из его кельи в 1984 году. Когда я Старцу об этом рассказал, его лицо изменилось. Оно стало очень радостным. Через несколько секунд он смиренно и как бы смущаясь сказал: “Бывает много всякого, но мне бесполезно рассказывать об этом другим”. Уходя, я попросил у него благословения рассказать об этом случае. Он

ответил: “Да ладно тебе, благословенная душа, зачем это нужно?”»

* * *

Высокопреосвященнейший митрополит города Ксанфи господин Пантелеймон рассказывает о следующем случае, очевидцем которого он был: «Однажды я остался ночевать у Старца в “Панагуде”. Была глубокая ночь. Мы совершили Утреню в храмике кельи, потом начали Литургию. Я служил как священник, а Старец Паисий пел на клиросе. Не могу описать ту полноту благословения, которую ощущал. Литургия подходила к концу, пришло время Божественного Причащения. Когда я вышел с Чашей, Старец со многим благоговением и робостью подошёл к Царским вратам, чтобы причаститься. Совершая поклон перед Чашей, он снял скуфью, и волосы упали ему на плечи. Я поразился: на его лице было явное знамение Божественного изменения. Его лицо стало светлым, оно излучало радостный яркий Свет. Это Божественное мерцание было для меня необычным. Мне стало как-то сладко, я не хотел ничего говорить. Я сохранил в своём сердце светоносный образ Старца, готовившегося принять в себя Господа Славы подобно драгоценному дару. Сейчас я рассказываю об этом другим, потому что этот случай принадлежит не только моему недостоинству, но и всем тем, кто ищет утешения у его светоносного лица».

Однажды Старец сказал: «Я знаю многих, кто в момент Божественного Причащения мог бы сиять от Света. Однако Бог не попускает этого, чтобы другие, увидев их, не стали завидовать». Кто знает, мо-

жет быть, под «многими» Старец имел в виду себя? Известны и другие свидетельства того, что во время Божественного Причащения Старец излучал Свет.

* * *

Однажды Старца посетили два авиамеханика, служивших в Военно-воздушных силах. Он спросил: «Где вы будете ночевать?» Они переглядывались, пытаясь вспомнить название монастыря, где договорились о ночлеге. «Ничего, – сказал Старец, – вспомните. Вы кем работаете?» – «Авиационными техниками». – «А-а-а, – сказал Старец, – я вот тоже знал одного авиационного техника. Его звали Ксенофонт». Сказав это, Старец наклонил голову. «Вот-вот! Мы будем ночевать в Ксенофонте, в монастыре Ксенофонт», – обрадовались паломники. Было два часа пополудни, ярко сияло солнце. И вдруг один из этих людей увидел вокруг головы Старца светящийся нимб, сияющий ярче солнца! Как только они отошли от калитки, он спросил своего друга: «Слушай, Георгий, я хочу тебя о чём-то спросить...» – «О “чём-то”! – скажи лучше “о нимбе”!»

* * *

Свидетельство иеромонаха Стефана из румынского скита Лакку на Святой Афонской Горе: «Это произошло осенью 1993 года, когда я второй раз в жизни пришёл к Старцу Паисию. Вместе со мной был монах из Румынии, отец Досифей. Мы вошли во двор с задней калитки. Во дворе было много народа, Старец разговаривал с посетителем, стоя к нам спи-

ной. Услышав наши шаги, он повернулся и посмотрел на нас. О, что я увидел! Его лицо сияло, оно было таким, как прежде, но – в Свете. Я замер на месте, и моё сердце исполнилось многой любовью и радостью. Весь Старец был каким-то сладким. Такой любви я не чувствовал никогда в жизни. Потом Свет исчез, и его лицо стало обычным».

* * *

Свидетельство насельника скита святой Анны монаха Алипия: «В келье святого Иоанна Богослова, которая находится недалеко от “Панагуды”, совершался монашеский постриг. Туда пришёл и Старец Паисий. В храме я стоял возле него. После “*Святая Святым*” Старец запел запричастный стих. Взглянув на него, я увидел, что его голова сияет – подобно лампе. Свет был таким сильным, что я не мог на него смотреть! Продолжалось это недолго».

* * *

Свидетельство священнослужителя, не пожелавшего называть своё имя: «Когда я впервые посетил келью Старца Паисия, то ненадолго остановился возле окна его комнаты. Старец об этом не знал. Он молился, я слышал его громкий голос. Мне казалось, что он не один, а с кем-то говорит. Я увидел его, в буквальном смысле слова, омытым голубоватым Светом, а если быть более конкретным, сверху сходил луч синего цвета, который освещал всего Старца. Весь он казался каким-то большим – больше, чем на самом деле, с необычным лицом: светлым и тоже как

бы увеличившимся. Стоя у окна, я и не подумал, что человек, за которым наблюдаю, – это отец Паисий. Только спустя время я убедился, что кроме него в келье не было никого.

Уходя из его каливы, я всё больше и больше понимал, какого я великого дара сподобился, и это меня радовало и услаждало».

* * *

Хотя Старец Паисий видел Славу Божию, созерцал Нетварный Свет и часто сам сиял этим Светом, сам он, насколько мог, старался скрываться и не говорить об этих состояниях. Как-то раз его спросили о Нетварном Свете. Как обычно шутя, Старец ответил: «У меня в келье есть одна печка – тварная, сложенная из кирпичей»⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Игра слов: *κτιστός* – тварный, сооружённый (из камня), в противопоставление *ἄκτιστος* – нетварный. – *Прим. пер.*

глава третья

**ПРИНОШЕНИЕ
СТАРЦА МИРУ**

Со Старцем Григорием и Старицей Евфимией в монастыре Честного Предтечи в Метаморфоси.

«Наставник пустыни»

Старец Паисий прошёл все образы монашеской жизни: в общежитии, в идиоритмическом монастыре, в монастыре в миру, в пустыне, в скиту, один в каливе.

Пройдя через послушание, будучи, подобно тесту, замешан на Предании прежних отцов, он приобрёл большой личный монашеский опыт.

По смирению он не хотел принимать никакого высшего сана. Будучи духовно чутким, не брал себе послушников. Объясняя, почему он не берёт послушников, Старец говорил: «Если я возьму послушника, то он будет иметь право на то, чтобы я уделял ему два часа в день. А разве я смогу найти это время, принимая столько народа? Так что же? Взять человека якобы для того, чтобы сделать его монахом и на самом деле сделать его официантом?» Но, хотя Старец и не имел собственного братства, он явился наставником пустыни и практическим учителем монашеской жизни. Уже само его чудесное житие, сам его пример руководствуют и утверждают без слов. Кроме этого, Старец говорил, писал и защищал Божественное установление монашества – духовного резерва Церкви.

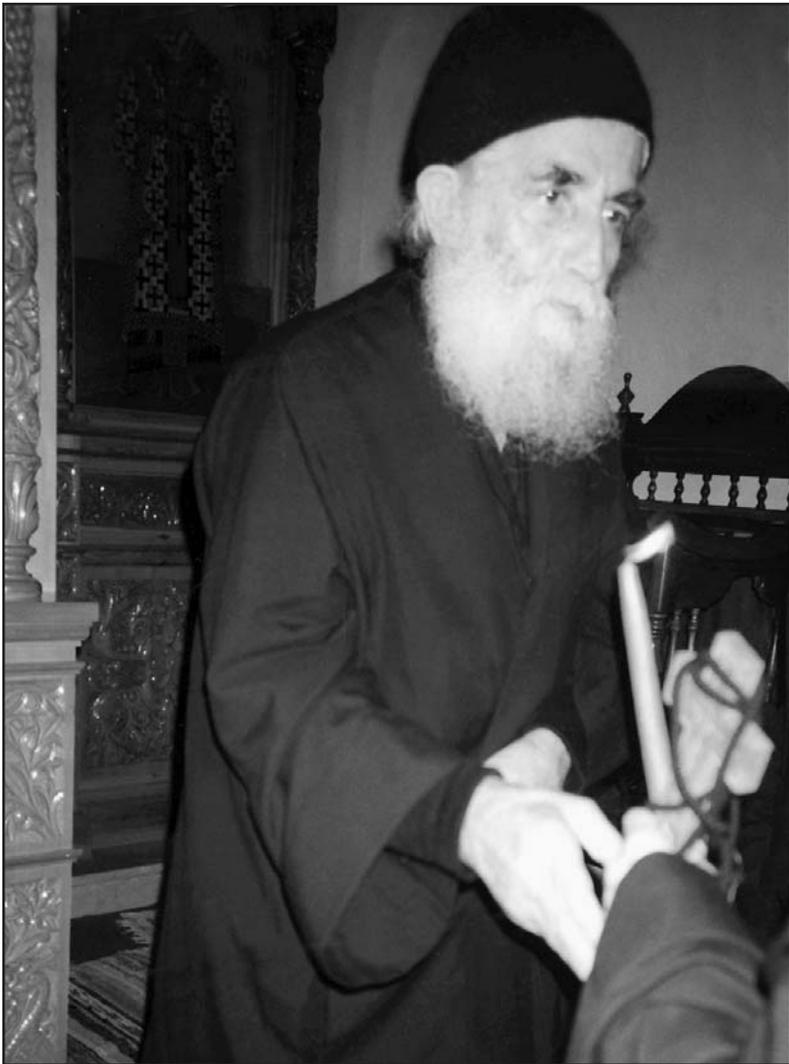
С помощью Старца Паисия многие юноши вступили на путь монашеской жизни. Уходя из мира, они спрашивали его, в какой монастырь им поступить, многие просились к нему в послушники. С рассуждением отец Паисий помогал каждому из них найти подходящего старца и впоследствии – утвердиться и преуспеть. Его практическое и исполненное Благодарности слово давало покой душам, утешало, разрешало недоумения и рассеивало искушения молодых монахов. Они уходили от него обновлённые, облегчённые, расположенные к новым подвигам. Со всей Святой Горы к Старцу Паисию приходили монахи, подвижники, старцы, даже игумены монастырей. Старец «смазывал монашеские шестерёнки», потому что он мог «взять на свои плечи и исцелить их помыслы». Он был одним из невидимых, но наиболее действенных «факторов», возродивших монашескую жизнь на Святой Горе.

За советом к нему приходили и многие монахини, монахи и игумены из монастырей, находящихся в миру. С некоторыми из них он состоял в переписке. Сам Старец не стремился становиться восприимчивым монахов при постриге, не хотел брать под своё духовное руководство монастыри – напротив, этого избегал. Он не хотел выглядеть Старцем – но просто по-братски, смиренно советовал что-то тем, кто спрашивал его, желая получить пользу.

Он не стремился тщеславно увеличить число своих духовных чад. По «случаю», по долгу, по духовной нужде или по Божественному Промыслу – но, всегда испытывая затруднения, он согласился помогать некоторым молодым монашеским братствам в миру. Как опытный духовный архитектор, он давал

им устав, внушал монашеский дух и помогал стать носителями аскетического предания. Под его духовным руководством быстро умножались и укреплялись монастырские братства, которые, как желал этого сам Старец, приносят сейчас духовные плоды. Он говорил: «Пусть ваши двери и ваши объятия будут распротёрты. Несите сердцам людей духовный покой. Ведь сейчас все ждут от монахов чего-то качественно иного. И если они не найдут этого в монастырях, то снова уйдут [из Церкви]».

Если суммировать сказанное Старцем о монашестве, то можно выразить его монашеский идеал так: «Монахи должны выполнять свои монашеские обязанности, но они должны стяжать и монашеский дух, монашескую совесть и образ поведения, монашескую нравственность и “стиль”. Монахи должны относиться ко всему духовно – в противном случае они не будут иметь радости ни одного дня. Прежде всего они должны работать над своими душами, а потом – потихоньку заниматься внешними делами и стройками. Если внешнему будет предшествовать духовное, то внешние работы не будут утомлять. Наоборот, у такого отношения к делам есть духовное преимущество: духовное освящает и внешние дела. Задача монаха – очищение своего сердца. Он должен стать чутким, как листочек сусального золота, и молиться обо всём мире. Мы приходим в монастырь, чтобы жить духовно и чтобы духовно помочь всем людям».

На монашеском постриге в женском монастыре.

Служение людям из пустыни

Старца никогда не мучил выбор: безмолвие или миссионерство. Как однажды сам он выразился о себе самом, он был «монах-исихаст». Он молился о спасении всех людей, он желал, чтобы все познали Бога. Несмотря на то что он был монахом, всю жизнь он благовествовал Христа. Великая Благодать, которой он удостоился, «не тща бысть»⁽¹⁾ в нём.

Живя в пустыне, он совершал апостольское служение, помог множеству людей. И если говорить в этом смысле, то Старец Паисий был одновременно аскетом и миссионером. Его миссионерство – преизлияние его любви к людям, «избыток» Божественной Благодати. Он был похож на духовно богатого человека, который может питать многих голодных. Он не выезжал со Святой Горы, чтобы учить других, не ездил на дальние континенты с миссионерскими поездками. Подвизаясь в аскезе, он жил в своей пустыне, а Сам Бог посылал к нему людей со всех пяти континентов.

⁽¹⁾ 1 Кор. 15, 10.

Его миссионерское апостольское приношение было сущностным и результативным, потому что происходило от аскезы и сопровождалось аскезой. То, что Старец говорил людям, он сперва переживал на опыте сам. И один его светлый пример – это уже учение и миссионерство.

Главное приношение Старца миру – пример его жизни. Он явил себя образцом для других, совлекших ветхого человека, «*просвети́в ё́же по о́бразу*», став подражателем Христа, «*о́бразом ве́рным*», одушевлённой иконой первосозданной красоты. Своей жизнью он подтвердил достоверность Евангелия, утвердил истинность сверхъестественных событий Священного Писания. Этот подвиг Старца и есть его коренное сущностное приношение – приношение вневременного достоинства. Отсюда получает вес и Благодать то, что он сказал, сделал и принёс другим.

Как светлый столп, Старец ведёт людей к познанию Бога и к духовным подвигам. Показав своей жизнью то, что «*Иисýс Христóс вчера́ и днесъ той же и во ве́ки*», он независтно подаёт Божественную Благодать тем, кто её достоин. Своим примером Старец подтвердил: сверхъестественные события, о которых говорит Священное Писание, – это события реальные и осязаемые. Его письменное наследие также является непрестанной проповедью и существенной помощью монахам и мирянам.

Старец радовался, когда кто-то говорил ему, что хочет стать миссионером. Он помогал такому человеку стать миссионером настоящим. Выражая чисто православный взгляд на миссионерство, Старец считал необходимым, чтобы будущий миссионер на-

чинал миссионерство с себя самого. Для того чтобы освящать других, сперва человек должен освятиться сам. В основание миссионерской деятельности должен быть положен наш внутренний человек. Если наш внутренний человек ослабевает, то это подвергает опасности всё дело. Следовательно, задача состоит в том, чтобы человек приял Благодать, чтобы он освятился. В сущности, настоящее миссионерство начинается именно отсюда.

Старец говорил: «Этот неправославный “миссионерский дух” появился и у нас. Мы не глядим на самих себя, на то, что мы изранены и злосмрадны, но глядим на то, как “спасти других”. Для монаха такой лёгкий миссионерский дух – это препятствие. Тогда как если мы начнём с себя – а здесь можно работать бесконечно, – если мы обратимся внутрь себя, то другие тоже получают помощь. На Святой Земле одна русская монахиня в монастыре святой Магдалины проповедовала своей жизнью и своим молчанием. Её выдавала другим Божественная Благодать. Просто смотря на неё, ты уже чему-то научался. Я подарил этой монахине свои чётки».

Один человек попросил у Старца благословение поехать за границу в миссионерскую командировку, и Старец ответил: «Чтобы поехать в миссионерскую командировку и достичь положительного результата, надо быть святым. Миссионеру мало уметь водить машину и тому подобное: он должен уметь творить чудеса! К примеру, если во время своей миссионерской командировки он встречает на углу улицы колдуна, то должен сотворить перед ним чудо – так чтобы несчастный колдун уверовал во Христа». Ещё одному известному миссионеру Старец, прежде чем

отправляться на такое служение, посоветовал несколько лет пожить в монастыре.

Старец советовал: «Если где-то в монастыре или в пустыне живёт благоговейный иеромонах, который любит аскезу, то не надо гнать его в мир, оправдывая это тем, что мир испытывает нужду. Если у нас всего один картофельный клубень, то не будет ли глупо съесть его сразу? Надо посадить этот клубень в землю, и к осени их будет в несколько раз больше».

Большинство приходивших к Старцу людей были мирянами. Много лет занимаясь их проблемами, Старец приобрёл огромный опыт. Как опытный врач, он умел исцелять духовные недуги. Избегая лицепрятия, Старец некоторым людям оказывал предпочтение. Прежде всего – тем, кто испытывал духовную нужду и одновременно был болен и страдал.

Кроме этого, он старался помочь людям создать правильные христианские семьи. Он говорил, что добрая семья – это «великое дело». И напротив: «Часто все мучающие человека проблемы начинаются в семье. Распавшаяся семья – отправная точка целой кучи проблем».

Старец советовал супругам жить духовной жизнью и иметь одного духовника. Он советовал отцам и матерям учить детей благоговению собственным примером. «Самый лучший многодетный отец – тот, кто помогает своим детям», – говорил он. Под «помощью» он имел в виду духовное наследство, которое оставляют детям родители. Он говорил, что в семье должен работать только отец, а мать должна заниматься детьми и домом. Он советовал людям избегать мирского духа, жить в простоте, без лишних расходов и щегольства. Он подчёркивал, что в миру людям

очень помогает общение с другими христианскими семьями.

Относительно воспитания детей он советовал следующее: «Чтобы дети пошли по правильному пути, надо много молиться. Не надо слишком показывать детям нашу любовь, потому что иначе они вырастут избалованными наглецами. Но одновременно не надо быть и слишком строгими, потому что в этом случае мы вырастим из них бунтарей. Весь секрет в том, чтобы уметь натягивать уздечку ровно столько, сколько нужно. В спорах взрослых дети участвовать не должны».

Особую заботу Старец проявлял по отношению к юным. Он помогал им найти свой путь, жить с Богом, иметь уважение и идеалы. Один богатый человек хотел взять у Старца благословение устроить дом престарелых, но Старец сказал ему: «Давай хоть немножко позаботимся о молодых». По совету Старца этот человек устроил особый дом для помощи юным, испытывавшим трудности.

Старец помогал и людям, занимавшим высокие должности. Он делал это, не заискивая перед ними и не желая ничего от них получить, но для того, чтобы со своих высоких мест они могли честно и сознательно помогать другим.

Думая о том, как помочь своим братьям, живущим и подвижающимся в миру, Старец решил написать книгу, основанную на примерах жизни разных добродетельных мирян. Он начал писать эту книгу, но его кончина этому помешала. Он говорил: «Сегодня, вместо того чтобы обличать человеческие грехи, лучше показывать людям на настоящие звёзды – то есть на добродетельных христиан. И, к счастью, та-

ких христиан много. Я знаю много положительных примеров.

Эти христиане достигли чистоты и, поскольку Слово Божие чисто, они понимают смысл Евангелия и могут принять Божественное просвещение. В своём помысле они всегда оправдывают других и осуждают самих себя».

Старец не был общественным деятелем и миссионером, но из своей пустыни он помог многим – даже в православных миссиях за границей. Говоря о распространении Евангелия в мире, он сказал: «Придёт время, когда многие будут с нетерпением стремиться узнать что-то о Христе и о Православии. Так во всём мире будет проповедано Евангелие».

Выезды в мир

Как уже было сказано, находясь в больнице, Старец познакомился с несколькими девушками, желавшими стать монахинями. В знак благодарности им за поддержку, которую они оказали ему, когда у него был неполадок со здоровьем, он помог им духовно. Таким образом, в селении Суроти, недалеко от Салоник, был основан исихастирий святого Иоанна Богослова. После основания монастыря Старец посещал его, когда в этом была нужда. Впоследствии он решил приезжать туда дважды в год: осенью и после Пасхи. «Раз я принял на себя ответственность за них, – говорил он, – не поехать не могу».

Духовная помощь сёстрам монастыря и была главной целью выезда Старца в мир. Кроме монастыря в Суроти, он взял на себя духовную ответственность за монастырь Честного Предтечи в селении Метаморфоси на Халкидике, а время от времени посещал и другие монастыри. Вначале Старец не знал, как ему поступить. Однажды, когда он вернулся на Святую Гору из Суроти, помысел стал говорить ему: «Ну чего ради я связался с монашками?» И тогда, как он рассказывал сам, ему было следующее видение: «Я увидел себя в монас-

тырской трапезной. За столами находились Великие Святые Отцы, а на игуменском месте – Каппадокиец. Я тоже сидел там на одном из почётных мест. В какой-то момент игумен позвонил в колокольчик и сказал чтецу: “Прерви-ка чтение. Давай споем, потому что кое-кто здесь имеет помыслы”. (В этот момент Старец улыбнулся.) И они запели что-то похожее на военный марш, слова которого ответили на мои помыслы и успокоили моё сердце».

Старец не желал выезжать в мир. К этим выездам его подвигали любовь и послушание, в жертву которым он приносил и своё возлюбленное безмолвие. Это видно из следующего рассказа Старца: «Однажды я получил из мира письмо с просьбой приехать и помочь людям. Это был действительно очень серьёзный случай. Однако ехать я не хотел. Взял чётки и босиком поднялся на вершину Афона, чтобы помолиться и получить от Бога извещение о том, что мне делать. Через несколько часов я спустился вниз с израненными ногами, но никакого извещения не получил. На душе было очень плохо.

Тогда я решил сходить к Старцу, батюшке Тихону, и посоветоваться с ним. Батюшка сказал, что я должен поехать к этим людям, должен выехать в мир. Но я снова не хотел ехать. Вернувшись к себе в калливу я увидел, что мне принесли ещё одно письмо. Эти люди просили меня прислать им хотя бы письменный ответ. Они были уверены, что если я им напишу, то в их жизни всё упорядочится. Я вновь пошёл к Старцу Тихону и прочитал ему это письмо.

– Нет, – говорит он мне, – лучше поезжай сам, встретись с ними и скажи им всё это лично.

*1978 год. Суроти. Вместе со знакомым юношей
из Австралии.*

Я решил оказать ему послушание и поехать. Тут же исчезла вся давившая на меня тяжесть и пришла Благодать Божия. Бог хочет, чтобы, если это возможно, мы советовались с другими».

Вначале, выезжая в мир, Старец задерживался там примерно на неделю. В последующие годы он за-

держивался в миру дольше. Он спешил встретиться со всеми, ожидавшими его помощи, и быстрее возвратиться в свою келью. Однажды он приехал в монастырь на острове Керкира, с которым поддерживал духовные связи. Был поздний вечер. Всю ночь он не сомкнул глаз: принимал сестёр, помогал им, чем мог, и утром уехал на Афон.

Многие, узнавая, что он приехал в Суроти, спешили туда, желая посоветоваться с ним о своих проблемах и взять его благословение. К Старцу привозили больных и несчастных. Ожидая встречи с ним, люди стояли в очереди много часов.

В последние годы число людей, приезжавших в Суроти для встречи со Старцем, доходило иногда до нескольких десятков тысяч в день. Люди приезжали со всех концов Греции, из-за границы, даже из далёкой Австралии. Это было необыкновенное стечение народа: необычное даже для церковных хроник. Такому скоплению народа позавидовали бы многие политики и «пиарщики», тратящие много денег на рекламу, чтобы собрать людей.

Старец Паисий, напротив, не стремился никого собирать. Не говоря никому ничего, он уезжал со Святой Горы, быстро заканчивал свои дела в миру и, насколько это было возможно, избегал встреч. Однако что-то словно электризовало и, как магнитом, притягивало людей к нему. Для Старца это было трудом, доводящим до изнеможения: стоя на ногах, беседовать с людьми, которые шли и шли нескончаемым потоком. Обычно, принимая людей, Старец страдал от болезни. И хотя он помог во время своих выездов в мир многим, хотя он совершил столько чудес, сам он считал эти выезды отклоне-

нием от своей главной миссии – от молитвы за мир, отклонением, которое можно было оправдать только по снисхождению. Он говорил: «Самим являть себя миру – опасное занятие. Однако если нас явит людям Бог, тогда всё меняется, потому что тогда всему предшествует Благодать Божия, которая хранит нас от опасности».

Возвращаясь в свою келью, он смиренно говорил: «Моя душа заросла сорняками, как зарос ими и двор моей каливы». Для того чтобы очистить ум от впечатлений и образов мира и вновь войти в привычный ритм монашеской жизни, Старец несколько дней совершал Вечерню в храме своей кельи не по чёткам, но читал и пел по книгам. Он говорил: «Хотя я выезжаю со Святой Горы ради духовной цели не для себя, и хотя эти выезды не приносят мне удовольствия, всё равно, когда я возвращаюсь, мне необходимо три-четыре дня, чтобы прийти в себя и в распорядок своей жизни».

Воздаваемая честь и знаки благоговения Старцу не вредили. «Я стал противен себе самому, – признался он однажды. – Да кто я такой, чтобы мне оказывали честь? Ведь я всего этого недостоин. Когда мне оказывали честь, я думал лишь о том, как бы поскорей закончить все эти дела и вернуться на Святую Гору».

Хотя Старец иногда и рассказывал о чудесных случаях или об исцелениях, происходивших во время его выездов в мир, он делал это для того, чтобы обратить внимание на что-то важное или кого-то чему-то научить. Сам он был внимательным к своему внутреннему подвигу, старался «не потерять своего внутреннего монаха», не прерывать связи с

Богом. Всё имевшее отношение к миру, он старался забыть, не забывая лишь о людях, испытывавших страдание. Их боль, их проблемы он привозил с собой из мира на Афон и потом – в молитве – возносил их к Богу.

Во время выездов Старца в мир произошло много чудесных событий. Приведём лишь немного примеров, рассказанных самим Старцем и другими достойными свидетелями, чтобы читателю стало ясно, как Старец помогал людям, находясь в миру.

* * *

Старец рассказывал: «Однажды, году в 1976 или 1977, приехав в Суроти, я спросил сестёр: “Как у вас с водой?” Они мне ответили: “Слава Богу, вода есть”. – “Хорошо, – говорю, – у вас-то она есть, а вот людей вы спросили, есть ли вода у них?”» В тот год была очень сильная засуха. Старец сказал: «Давайте совершим Всенощное бдение и помолимся о том, чтобы пошёл дождь». И действительно, было отслужено бдение, пошёл дождь, посевы не засохли и земледельцы возрадовались тому благословию, которое послал Бог. Потом, когда Старец спросил жителей других мест, оказалось, что дождь шёл от Салоник до Фессалии.

* * *

В другой раз Старец рассказывал: «Однажды я перекрестил больную раком женщину мощами преподобного Арсения Каппадокийского. Через несколько дней я получил от неё письмо, в котором она благо-

дарила меня за исцеление и просила написать, как зовут Святого, мощами которого я её благословил».

* * *

Одна благоговейная женщина, настоящая раба Божия, жительница города Салоники, заболела раком. Она много лечилась, но болезнь развивалась, и рак дал метастазы на кости. Она приехала в Суроти, чтобы встретиться со Старцем. Взяв его благословение, она с тревогой спросила: «Геронда, я выздоровлю?» Старец ответил отрицательно. Больная заплакала. Потом он долгое время беседовал с ней наедине, утешил её и приготовил к предстоящей кончине. Она ушла от него успокоенной, мирной, зная, что вскоре ей предстоит уйти из этой жизни и что её путь будет хотя и болезненным, но блаженным. Так и произошло в действительности.

* * *

Когда Старец жил в келье Честного Креста, знакомые попросили его выехать в мир, чтобы им помочь. В городе, где они жили, появилась бесноватая, которая своими «откровениями» переполошила народ. Некоторые считали её благодатной прорицательницей и верили в её слова. В городе царило необыкновенное смущение. Старец не стал отказываться. Он сказал, что приедет, и только попросил, чтобы люди взяли на его приезд благословение у местного епископа. Он сказал, что, если такого благословения не будет, он никуда не поедет. Эти люди тут же пошли к епископу, и тот прислал

Старцу приглашение. Старец приехал и, открыв людям источник «прорицаний» бесноватой, устыдил диавола. На людей произвело впечатление то, что ещё до поездки Старец был уверен в том, что это дело окончится успехом.

* * *

Свидетельство врача из города Салоники, господина Хризостомоса Папасотириу: «У моего знакомого по имени Христос, сотрудника фармацевтической компании, заболела жена. Её почти полностью парализовало. Осенью 1989 года её привезли в монастырь Суроти, чтобы взять благословение Старца и попросить его утешить больную. Когда подошла их очередь, Христос взял жену под мышки, чтобы подняться по ступенькам в домик, где Старец принимал людей. Вдруг из домика послышался голос Старца: “Не поднимайся, Евангелия, оставайся там, где ты сидишь. Не трать сил. Сейчас я иду”. Старец этих людей не видел и об их приходе не знал. Потом он с ними поговорил, и они ушли с облегчённой и утешенной душой».

* * *

Свидетельство женщины, не назвавшей своего имени: «Мы приехали в Суроти, чтобы встретиться со Старцем. Он был болен и на следующий день должен был ложиться на операцию. Очередь к Старцу была очень большая. Нам сказали, что Старец чувствует себя плохо и поговорить не сможет, так как время было уже позднее. Он мог только дать своё

благословение каждому из пришедших. Мы встали в хвост очереди. Люди подходили к нему, целовали его руку, а он клал каждому в ладонь несколько маленьких крестиков. Подойдя к нему, я стала вспоминать, что именно хотела ему сказать, хотя была уверена, что ничего сказать не успею.

Я поглядела на него. Он был очень бледен от болезни, но, несмотря на это, продолжал стоять, давать людям благословения и раздавать крестики. Когда я подошла, он насыпал мне в ладонь крестиков и сказал мне: “То, что ты хочешь, произойдёт, только не будь трусихой и не расстраивайся”. Я похолодела, поцеловала его руку, и он мне сказал: “Иди. Да будет с тобой Матерь Божия”.

И действительно, он ответил мне на мой вопрос. Но оказалось, что ему не нужно было даже говорить об этом».

* * *

Свидетельство госпожи М. З.: «Был ноябрь 1992 года. Мой супруг П. перенёс неудачную операцию. В июне того же года его в третий раз оперировали в Германии по поводу аденомы гипофиза. Зрение после операции к нему так и не вернулось, его мучила жуткая сонливость, и, что хуже всего, он находился в глубокой депрессии. Лечащий врач, обеспокоенный его состоянием, собирался срочно класть его в больницу “Иппократион” в Салониках. 7 ноября 1991 года в Суроти мы встретились со Старцем Паисием. Это было во время Всенощного бдения: в храме к нам подошла монахиня и провела нас к Старцу.

Мы подошли к нему с большой тревогой, благоговением и страхом. Он сидел на маленькой кушетке. Когда мы вошли, он встал. Мы поцеловали его святую руку, и я сказала ему: “Отче, у нас очень большие нелады со здоровьем: у меня и у моего мужа. Просим Вас, помогите нам, мы нуждаемся в Вашей помощи. Мне год назад сделали операцию на груди...” – “Ну и что, – перебил он меня, – что они тебе сказали? Что это рак?” – “Ну а что же, – говорю, – как не рак. Ведь они делали мне всю эту химиотерапию, облучения...” – “Да ну их! Пусть себе говорят, что хотят!” – ответил он мне уверенно и громко.

Этих слов я не забуду никогда, они дали мне силы и дают мне их до сих пор. Это были слова благодатного святого человека. Тогда я ему сказала: “Я расскажу Вам о моём муже. Ему сделали три операции на головном мозге, и он продолжает мучиться”. – “Э, – говорит Старец, – это всё невелика беда”. Он взял на палец маслица из горевшей лампы, крестообразно помазал мужу лоб, дал ему поцеловать крест и посоветовал ему причаститься. “Не обращай ты внимания на эту чудачку, – сказал он ему, имея в виду меня, – она всё преувеличивает”. Я действительно легко впадала в панику и волновала себя и других. Но я продолжала: “Отче, у нас есть ещё друг, который поехал в Лондон для пересадки органов. Он очень страдает”. – “А как его зовут?” – спросил он. “Ставро”, – ответила я.

Больше о нашем друге мы Старцу ничего не сказали. Он дал нам в благословение четыре крестика, а мне – чётки. Мы вышли из его келейки другими людьми – лёгкими, окрылёнными, исполненными оптимизма.

Мне запомнилось лицо Старца. Всё время, пока мы говорили о наших с мужем проблемах, его лицо светилось радостью. Он разговаривал весело, словно речь шла о приятных вещах. Его глаза светились светом, таким светом, какой виден на иконах Святых. Однако, как только я сказала ему о нашем друге, его лицо изменилось и сделалось серьёзным. Мой муж тоже это заметил.

Потом мы рассказали об этом одному духовному человеку, который тоже знал Старца. Он сказал нам: “С вами-то всё будет нормально, а вот с вашим другом...”

Он дал нам понять, что наш друг не выздоровеет. И действительно, через два месяца он умер. Мы же, слава Богу, молитвами батюшки Паисия по сей день чувствуем себя прекрасно»⁽¹⁾.

* * *

Жительница селения Стилида, госпожа Елена Кацули свидетельствует: «8 мая 1986 года мы приехали с моим братом Константином Цалангосом, который тоже живёт в Стилиде, на престольный праздник монастыря святого Иоанна Богослова в Суроти. Год назад брату сделали сложную операцию. Ему вырезали из головного мозга доброкачественную опухоль. Выздоровливал он очень тяжело. В это время он встретился со Старцем, который спросил его, есть ли у него дети. Узнав, что у брата двое детей, Старец ему сказал: “У тебя ещё есть обязанности. Ты должен жить, и ты будешь жить”. Эта встреча была решающей в жизни моего брата. С помощью Божией и

⁽¹⁾ Свидетельство 2002 года.

молитвами Старца Паисия он жив и здоров – да так, что позавидуешь.

После той встречи мой брат испытывает к Старцу Паисию особое благоговение и призывает его имя во всех тяжёлых случаях своей жизни».

Поборник Предания

Старец Паисий имел врождённую любовь и глубокое уважение к Церковному Преданию, к установлениям Святых Отцов. Он, в точном смысле этого слова, был «ревнитель отеческих Преданий». Он не принимал и бичевал любую модернистскую тенденцию: будь то отмена ношения священниками ряс, перевод литургических текстов на современный язык, сокращение постов и тому подобное. Православное Предание вообще и святогорское Предание в частности были самыми любимыми темами Старца Паисия. О Предании и пойдёт речь в этой главе⁽¹⁾.

⁽¹⁾ На Святой Афонской Горе, в этом благословенном месте непрестанного служения Богу, хранятся драгоценнейшие святыни нашей веры: Святой Пояс Божией Матери, части Животворящего Древа Креста Господня, святые мощи, чудотворные иконы, рукописи и много других святынь. Равночестно этим святыням сохраняющееся на Святой Горе монашеское Предание, которому более тысячи лет. Предание – как образ жизни, аскезы и служения Богу. То, что было пережито Преподобными отцами египетских, синайских, палестинских и сирийских пустынь, обителей Константинополя и Олимпа Вифинского, хранится сегодня не только в библиотеках святогорских монастырей, не только в архитектуре, не только в византийском пении и в уставе, но и в жизни и аскезе святогорских отцов. Безмолвие, даже недопущение в обители женщин, святые мощи, реликвии и рукописи можно найти и в других местах, и, возможно, ещё в большей степени, чем на Афоне (например, на Святой Земле, на Синае). Но непрерывающееся на протяжении стольких веков монашеское Предание, хранящееся таким количеством мона-

Ещё будучи молодым монахом Старец искал отцов-подвижников, находившихся в духовном состоянии и выражавших монашеское Предание. То, что он услышал и узнал от них, он постарался применить на своём собственном опыте. Впоследствии он описал некоторые из этих встреч в своей книге «Святогорские отцы и святогорские истории».

В беседах Старец часто заводил речь о Предании прежних отцов, о том, как жили и подвизались они и как живём сегодня мы. Он говорил: «Мы должны сравнивать себя со Святыми, чтобы видеть, продолжаем ли мы их Предание, а не с какими-нибудь соседями, сравнивая себя с которыми мы считаем себя лучшими носителями Предания, чем они. К примеру, у тебя есть мул и ты говоришь: “Я лучше выражаю монашеское Предание, чем вот этот монах, у которого есть машина”. Однако у Святых не было ни машин, ни мулов – они носили тяжести на своей спине, утруждая таким образом своё тело и упражняясь в добродетели».

«Мы обязаны, – подчёркивал Старец, – сохранить Предание, простоту и аскезу, чтобы осталось что-то для тех, кто придёт вслед за нами».

Старец видел святогорское Предание во всей его полноте. Он не проповедовал исключительное Предание какого-нибудь Старца и не основывал собственных «монашеских школ», поскольку не считал

хов и во всех видах монашеской жизни, нельзя найти нигде, кроме Святой Афонской Горы. С этой точки зрения, Святую Гору Афон можно назвать исключительной.

В наше время проявляется забота о восстановлении монастырских зданий, об очищении фресок, о реставрации и сохранности древних реликвий. Но прилагается ли какое-нибудь старание сохранить и не дать увянуть монашескому Преданию Святой Горы Афон, которое легко повредить и разрушить?

себя исключительным носителем и выразителем, «атлантом» святогорского Предания. Быв в течение десятилетий учеником многих старцев, получив от них пользу, Старец говорил о Предании естественно и передавал это Предание молодым монахам. Вот как он описывал атмосферу, царившую на Святой Горе в то время, когда приехал на неё, чтобы стать монахом: «Раньше здесь, на Святой Горе, можно было вживую увидеть то, о чём пишется в Отчениках, можно было встретить и Христа ради юродивых, и святых, и просто старых монахов, достигших высокой духовной меры. Можно было встретить и прельщённых. Только вот сегодня мы видим прелесть не такую, как раньше. Сегодня наталкиваешься на какую-то европейскую “корректность”. Я жил в той благословенной атмосфере, а если бы я в ней не жил, то [сейчас] умер бы от горя. Однако, зная о том, как было раньше, я переживаю за сегодняшнее состояние, мне становится больно, когда я сравниваю нынешнее состояние с тем, что было раньше. Тогда всё побуждало монаха к доброму, к борьбе, тогда как сегодня многое побуждает его к вещам мирским. Когда я вижу замешанное на воде монашество и фальшивую “корректность”, мне становится больно».

Монашество есть, главным образом, Предание. Молодой монах учится у Старца образу жизни и подвигам, которым его духовный руководитель научился у предыдущих отцов. И если от старца к старцу идти по течению монашеского Предания вверх, то можно дойти до пустынных подвижников первых веков христианства.

Старец Паисий советовал юношам, желавшим стать монахами, поступить в монастырь или к стар-

цу, знающему монашескую жизнь на практике, чтобы научиться монашеской жизни не из книг, но из дела. Он говорил: «У самого себя ничему не научишься. Вот, например, эти котята: они умные, потому что выросли возле матери, и она их всему научила. А вон тот котёнок – сирота. Бедняжка совсем ни на что не годится, он ничего не умеет». Этим сравнением Старец хотел подчеркнуть пользу ученичества.

Старец побуждал молодых монахов посещать старых святогорских отцов, беседовать с ними на духовные темы и записывать услышанное. «Погляди, – говорил он, – с какой опасностью для своей жизни шли к пустынным отцам те, кто составил Отечники, Патерики и Лавсаики. А сейчас до какого-нибудь старца можно добраться без труда: тебя ещё и угостят чем-нибудь вкусным».

Очень поучительно было видеть, как Старец Паисий расспрашивает других старых подвижников о том, какое они совершают правило, как они подвизаются. Он спрашивал их об этом с единственной целью: получить пользу самому. После беседы с ними он укорял себя в том, что по сравнению с ними совсем не подвизается – хотя на самом деле подвизался больше, чем они. Он часто и со всегдашним уважением говорил о святогорском Предании, считая его драгоценным, но одновременно легко подверженным многим болезням – подобно дереву, которое засыхает и у которого осталось всего несколько зелёных ветвей.

Таким вкратце было отношение Старца к аскетическому и трезвенному святогорскому Преданию. Он относился к Преданию с почтением, всю жизнь

учился ему, брал на себя многие подвиги, чтобы пережить его на опыте и неизменённым передать молодым монахам.

С другой стороны, Старец отрицательно относился к мирскому мудрованию, к мирскому образу жизни и мирскому отношению к проблемам. Он выразительно говорил: «Хуже всего – это мирской дух»⁽¹⁾. Старец считал, что мирской дух – основная причина ослабления монашеского Предания. Он говорил, что мирской дух может повредить монаху больше, чем сам диавол⁽²⁾.

Конечно, мирские вещи в принципе несовместимы с монашеской жизнью, очень вредны для неё. Но Старец считал, что не должны иметь мирской дух не только монахи, но и христиане, живущие в миру.

⁽¹⁾ Святой апостол и евангелист Иоанн Богослов пишет о мире: *«Не любите мiра, ни яже в мiре: аще кто любит мир, несть любве Отци в нем: яко все, еже в мiре, похоть плотская и похоть очима и гордость житейская, несть от Отца, но от мiра себѣ есть. И мiр преходит, и похоть его, а творяй волю Божию пребывает во веки»* (1 Ин. 2, 15–17).

Святые Отцы словом «мир» называют страсти и грех, но, главным образом, мирской дух и привязанность к земным, мирским вещам и заботу о них, от чего научают нас удаляться. «Не возлюби душею своею чего-либо мирского», – говорит святой Исаак Сирин. (*Святой Исаак Сирин. Слово 7. Ук. изд. С. 35.*) Потому что «мир есть блудница, которая взирающих на неё с вожделением красоты ея привлекает в любовь к себе. В ком, хотя отчасти, возобладали любовь к миру, кто опутан им, тот не может выйти из рук его, пока мир не лишит его жизни. И когда мир совлечёт с человека всё, и в день смерти вынесет его из дому его, тогда узнает человек, что мир подлинно лстец и обманщик... И таким образом, мир удерживает в себе не только учеников и чад своих, и тех, которые связаны им, но и нестяжательных и подвижников, и тех, которые сокрушили узы его и однажды стали выше его». *Святой Исаак Сирин. Слово 85. Ук. изд. С. 329.*

⁽²⁾ «Покой и праздность – гибель душе, и больше демонов могут повредить ей». *Святой Исаак Сирин. Слово 73. Ук. изд. С. 291.*

Слово Старца, подобное «огню горящему и секире, секущей камень»⁽¹⁾, отличало и отделяло мирское от монашеского. Старец отличал мирское от монашеского даже там, где другие смешивали эти понятия. В этом отношении он обладал редкой чувствительностью.

С печалью Старец свидетельствовал о том, что «сегодня заметно влияние мира на монашество. Происходит то, о чём написано в пророчествах: в последние времена монахи станут подобны мирским, тогда как мирские станут подобны демонам. Однако есть и исключения». Поэтому Старец советовал: «Сегодня, когда монашество расслабилось, необходимо много внимания, чтобы не дать этому потоку тебя увлечь. Ведь зло увлекает нас потихоньку. Человек увлекается им, сам того не понимая. Мирской дух повлиял и на многие монастыри. То есть сегодня монах хочет жить комфортно, хочет освятиться с наименьшим трудом».

Будучи носителем и проповедником чистого святоотеческого духа, Старец считал для монаха вредным и разрушительным отвлечение от его главной цели, то, что он не занимается духовным, сверх меры занимается второстепенными вещами монашеской жизни, такими, как рукоделие, строительство роскошных зданий (Старец не имел в виду необходимый ремонт), устройство пышных престольных праздников и тому подобное. Он считал для монаха вредным и разрушительным избегать труда и стремиться к комфорту и лёгкости.

Когда Старец жил в Стомионе, к монастырю хотели провести две дороги: автомобильную и монорель-

⁽¹⁾ Иерем. 23, 29.

совую. Узнав об этом, Старец стал собирать вещи, чтобы перейти в другое место. Другой на его месте радовался бы такому удобству, однако критерии Старца были иными.

О старце, который часто шёл на уступки своим монахам в отношении удобства и комфорта, Старец Паисий сказал: «Почему бы этим монахам не подняться до уровня своего старца, ведь они могут это сделать. Почему они заставляют его опускаться на их уровень?»

Как-то раз, придя в одну келью, он увидел в ней мирские вещи и спросил: «Что это за мирские вещи?» – «Мне их подарили», – стал оправдываться старец кельи. «А если бы тебе подарили юбку, ты надел бы её вместо подрясника?» – спросил Старец.

Старец рассказывал, что однажды его посетил монах, живший в пустыне. С радостью этот монах рассказал ему, что он провёл себе в келью телефон. Он взахлёб перечислял различные блага, которыми наслаждался от этого удобства: теперь у него было больше времени на молитву, потому что по телефону он заказывал себе необходимые вещи и продукты из Дафни и не тратил силы на поездки туда. Старец Паисий не согласился с этим и ответил: «Я тоже знаю, что иметь телефон – удобно. И чем больше у тебя будет мирских вещей, тем больше у тебя будет удобств. Но разве для этих удобств мы пришли сюда? Э, если для этих, то лучше бы нам было остаться в миру, где удобств у нас было бы ещё больше».

Старец приводил и другой пример: «В одной келье жил Старец со своим послушником. Старец говорил послушнику: “Я хочу, чтобы ты немножко занимался рукоделием (они вырезали крестики) и много мо-

лился”. Но послушник стал уговаривать Старца благословить его научиться писать иконы и наконец его “уломал”. Постепенно они стали брать много заказов, купили в келью мебель и облачения для тридцати священников и трёх архиереев. Совсем недавно этот послушник – он был уже стареньким монахом – скончался. Перед его кончиной я пришёл к нему в келью. Он жил один, был немощным старичком и с трудом ухаживал за собой. Кресла и другая мебель были испачканы грязью и мышинными нечистотами. Вот чем всё заканчивается, если мы оставляем молитву и настаиваем на своей воле».

«Старец Хаджи Георгий, – говорил отец Паисий, – многим послушникам послушания не давал. Они почти всё своё время отдавали молитве и совершали земные поклоны за весь мир».

Однажды на Святую Гору приехали высшие государственные чиновники, которые зашли и в каливу Старца Паисия. Они сказали ему: «Комфорт и мирские вещи у нас есть и в миру. Сюда мы приехали, чтобы увидеть что-то иное».

Старец советовал монахам: «Это мир должен подражать нам, монахам, в духовном развитии, а не мы – подражать ему в развитии мирском».

Если монах не найдёт сладости в духовном, он останется без утешения. Потом он начинает хотеть мирского и, поскольку не может насладиться мирским в той степени, в какой наслаждаются им люди мира сего, начинает мучиться. Мирские вещи и мирской дух принесут запустение и на Святую Гору, как это произошло с египетским монашеством. Сегодня археологи откапывают в Фиваиде монашеские кельи эпохи императора Зенона. Эти кельи украшены ба-

рельефами, изображающими охоту и тому подобное. Когда была утеряна простота и монахи стали заниматься такой ерундой, египетское монашество пришло в запустение».

О Святой Афонской Горе Старец пророчески говорил: «Вот увидите: те большие здания, которые строят некоторые, впоследствии запустеют. И никто не захочет в них жить – даже если будут платить за это деньги. Все эти большие роскошные здания будут разбирать на камни и строить из них маленькие простые каливки».

Старец констатировал: «Сегодня есть исходный материал для монашества, то есть на Святую Гору приезжает много молодых людей, желающих стать иноками. Но вот закваски маловато. Мы не дотягиваем до того уровня, которого хочет от нас Бог, и юноши, приходящие сюда, не видят в нас живого примера. Не хватает именно этого: живого примера».

Старцу было больно за Святую Гору, и он хотел, чтобы она оставалась безмолвной, духовной, чуждой миру (однако при этом гостеприимной), чтобы разрушительное мирское влияние не действовало на неё, чтобы эта Гора продолжала быть Святой, чтобы она продолжала являть миру Святых. Исполненный надежды, Старец говорил: «Потом всё равно вернуться к Преданию. Вот увидите: роскошные автомобили некоторых монахов будут заброшены, как курятники, а молодые монахи станут жить в пещерах».

Старец желал, чтобы монах ограничивал себя самым необходимым, чтобы он не растрчивал время и силы на бесполезные и суетные вещи и в результате оставался духовно засохшим.

Каливка Старца в Иверском лесу.

Отношение Старца к Преданию не было формальным, сухим и негибким: нет, он чувствовал достоинство Предания, жил согласно Преданию и предвидел, к каким плодам приведёт сохранение Предания. Старец рассудительно снисходил, но не потакал человеческим слабостям. Он говорил: «Ну ладно, если человек плохо себя чувствует и заправляет постную пищу ложкой растительного масла, я это понимаю. Бросить в печку лишнее полено – это мне тоже по-

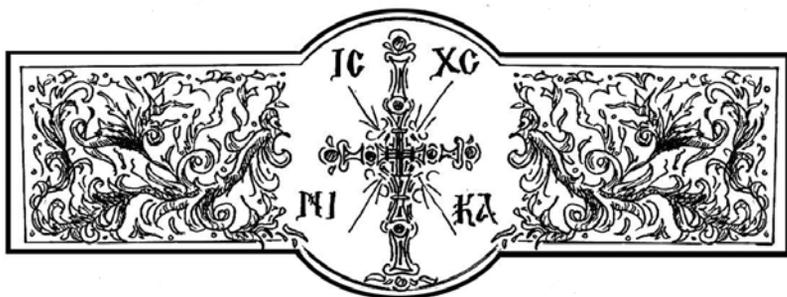
нятно. Если он не может обойтись без мула или лошади – это тоже куда ни шло. Однако мы зашли слишком далеко. Какого *“жити́я по́стнического”* мы желаем и от какого мира мы отрицаемся, когда удерживаем весь мир – то есть мирское мудрование – в себе, когда мы наполнили нашу жизнь комфортом и удобствами всякого рода? И знаете, что самое страшное? Вместо того чтобы, хотя бы осознавая своё падение, нам оплакивать свою жизнь, мы изображаем себя более рассудительными, чем Святые Отцы». Старец подавал другим пример своей непорочной жизнью. У него в келье не было даже керосиновой лампы. Ночи он проводил со свечой. Для паломников он провёл во двор шланг с водой, а для себя ведром носил воду на балкон и выливал её в умывальник, который там висел. Когда его спросили, почему он не проведёт воду и в келью, он ответил: «Неужели я, по-вашему, такой дурак? Думаете, я не могу провести шланг внутрь, чтобы иметь воду и в келье? Конечно могу, однако это будет мне духовно мешать». Некоторые, слыша об «архондарике под открытым небом» Старца Паисия, представляли роскошный салон с креслами. Приходя к Старцу, они видели не кресла, а стоявшие прямо на земле изъеденные жучками пни. Однако эта простота была людям по душе. «К этому мы и стремились», – говорили они. Хотя у Старца были золотые руки, хотя он знал и плотницкое, и столярное ремесло, ему и в голову не приходило строить «точёные каливки»⁽¹⁾. Вместо этого он отдавал силы на созидание дома своей души. Он не белил стены кельи, но непрестанно убелял свою душу подвигами и молитвами. Его маленькая келья была простой и

⁽¹⁾ Выражение преподобного Нила Мироточивого.

старой. Комната, в которой он жил, была закопчена из-за того, что он жёл там много свечей. В углах висела паутина. «Это помогает мне духовно, – объяснял Старец, – потому что такая обстановка напоминает мне пещеры, в которых жили Святые Отцы, тогда как мирские вещи переносят меня в мир». Его приводило в умиление всё простое, аскетическое, бедное, всё то, что подходит монахам. Когда ему подарили тёплую шубу из дорогого меха, он тут же отдал её кому-то, а сам остался в простом шерстяном пальто. По своей собственной воле он лишал себя многого – того, без чего другие не могли бы обойтись. Однако это лишение давало ему духовное утешение. Как говорил он сам, «для того чтобы пришло Божественное утешение, сначала должны исчезнуть утешения ложные». «Кто обнищает в мирском, тот обогатится в Боге»⁽¹⁾, – пишет авва Исаак Сирийский.

Таким, в немногих словах, был дух Старца Паисия. Такова цель, ради которой монах должен избегать мирских вещей. Однажды Старец сказал об этом очень просто: «Да чтоб тебя!.. Мы ушли в пустыню ради Нетварного Света, а продолжаем гоняться за одним только тварным».

⁽¹⁾ *Святой Исаак Сирийский. Слово 43. Ук. изд. С. 178.*

К Матери–Церкви

Помимо своей матери по плоти Евлогии и Матери Пресвятой Богородицы, Старец Паисий считал своей истинной Матерью и нашу Святую Церковь. Церковь – это действительно Мать всех верующих. Она возрождает нас в Святом Крещении и питает нас Благодатью Своих Таинств.

Это сыновнее отношение к Церкви Старец особо подчёркивал. В письме одному юноше он написал: «Потом, когда ты закончишь учиться, выбери путь, который тебе по душе – в недрах Матери-Церкви». Старец был монахом с церковным мудрованием и церковным сознанием. Его эkkлесиологические взгляды были предельно православными. Он верил в то, что Церковь обладает полнотой Богооткровенной Истины. Он говорил: «Всё, что имеет Церковь, очищено – подобно дистиллированной воде». Спасение людей осуществляется в Церкви. Старец чувствовал себя одним из Её членов. Ей он подчинял свою волю. Ради Её блага приносил себя в жертву. Даже в его аскезе был эkkлесиологический смысл. Он верил в то, что «если я исправлю себя, то одновременно

исправляется частичка Церкви». Его любовь к Церкви была чрезвычайной. Ради Её благоутверждения Старец брал на себя труды, шёл на жертвы, о Её славе он непрестанно молился, прилагал многообразные старания, заботясь о Её единстве. Он писал: «Я не из тех, кто превратил Православную Христову Церковь в политическую партию. Я люблю добрых делателей Христовых и помогаю им, чем могу».

Старец помог многим молодым людям стать хорошими священнослужителями, добрыми делателями виноградника Господнего. Он советовал им: «Смирненно трудитесь в Церкви, а Господь Сам, если это будет нужно, известит о вас людей». Некоторые из этих юношей сегодня являются украшением нашей иерархии.

Старец хотел, чтобы священнослужители помогали народу в покаянии, чтобы мы могли избежать праведного гнева Божия. Он говорил, что смысл священнического служения в спасении верующих и в славе Церкви, а не в стяжании славы для себя самого. Об одном священнослужителе, который делал достойное похвалы большое дело, Старец говорил, что «его дело имело бы высокую цену, если бы при этом он не имел ещё и личных целей». Живя в своём аскетии, Старец с интересом и без шума следил за положением дел в Церкви. Он молился, говорил, писал и, когда считал это необходимым, выезжал в мир ради какого-то церковного дела. Один раз, когда этого требовало положение дел в Церкви, он выехал в мир и встретился с афинским архиепископом Иеронимом, в другой раз посетил митрополита Флорины Августина. Тот спросил его: «Что, монах, приехал меня обличать?» – «Нет, Ваше Высокопре-

освященство, – ответил Старец, – Святое Евангелие говорит: *“Аще согрешит к тебе брат твой, иди и обличи его...”*⁽¹⁾, Евангелие не говорит о том, чтобы мы обличали отца». Старец положил перед владыкой земной поклон и сказал ему несколько слов, которые подвижник-митрополит принял, согласившись с ними. С тех пор владыка Августин относился к Старцу Паисию с большим благоговением. Многие епископы советовались со Старцем и поддерживали с ним отношения.

Старцу было очень больно, когда в Церковь проникали соблазны, когда Церковь переживала кризис. Тогда он молился больше, чем обычно. «Я описал Вам мою глубокую боль», – говорит он в письме, написанном в один из церковных кризисов⁽²⁾. Старец объясняет, почему в Церкви происходят кризисы и соблазны: «У нас нет святоотеческого духовного благородства, и вследствие этого мы начинаем, как цыгане, ругаться между собой».

По поводу так называемых религиозных организаций, братств, о которых каждый судил по-своему, Старец сказал: «Распускать христианские братства не нужно, нужно только сделать их святоотеческими».

Старец соблюдал Священные Каноны и чин Церкви. Он с уважением относился к властям и установлениям Святой Афонской Горы. Без письменного разрешения Кинота он с Афона не выезжал. Однажды он приехал в Суроти и увидел, что срок его предыдущего письменного разрешения на выезд с Афона уже истёк. Хотя ему надо было уезжать по срочному

⁽¹⁾ Мф. 18, 15.

⁽²⁾ 12 апреля 1975 года.

делу, он остался на месте и потерял два дня, ожидая, пока с Афона ему привезут новую отпускную грамоту.

Старец испытывал благоговение и уважение к епископам. Знакомый мирянин пригласил его к себе в гости. «Конечно, – ответил Старец, – приехать к тебе я не смогу. Но если бы я даже и приехал, прежде всего мы должны были бы пойти к епископу вашего города, чтобы взять у него благословение и засвидетельствовать ему своё почтение. А на это мы потеряли бы пару дней». – «Геронда, – ответил его знакомый, – ну зачем нам идти к владыке?» – «Нет, – настаивал Старец, – к нему надо было бы пойти, потому что он – генерал, а мы с тобой – простые солдаты».

Старец испытывал особое уважение к престолу Вселенской Патриархии. Он признавал её всеправославную миссию и понимал, в каком нелёгком положении она находится. Он много молился о Вселенской Патриархии и часто публично защищал и поддерживал её.

Мы помним, что, живя в монастыре Стомион, Старец явил себя крепким противником сект и ересей. В том, что касалось веры, он был бескомпромиссен и отличался акривией.

Старец обладал большой православной чуткостью и поэтому не принимал общих молитв и церковного общения с неправославными. Он говорил: «Для того чтобы вместе помолиться с кем-то, нам необходимо сначала прийти с ним к согласию в вере». Если священнослужитель соучаствовал в общих молитвах с инославными, Старец прерывал с ним всякую связь и избегал встреч с ним. «Таинства» инославных он не признавал. Он советовал, прежде чем принимать

инославных в Православную Церковь – конечно, через Крещение, – как следует научить их истинам веры.

Старец боролся с экуменизмом и говорил о величии и исключительности Православия, черпая эту истину из своего сердца, преисполненного Божественной Благодатью. Доказательство превосходства Православия – вся его жизнь.

На какое-то время Старец с подавляющим большинством святогорских отцов прекратил почитать Вселенского патриарха Афинагора⁽¹⁾ из-за его опасных действий в отношении римо-католиков, но Старец делал это с болью. «Я молюсь, – признался он одному человеку, – чтобы Бог забрал дни моей жизни и отдал их патриарху Афинагору, чтобы он успел покаяться».

О монофизитах Старец сказал так: «Монофизиты не хотят признаться в том, что они не поняли Святых Отцов, но утверждают, что Святые Отцы их не поняли. То есть они ведут себя так, словно бы они правы, а их поняли неправильно». Когда из богослужебных книг предложили убрать слово «еретики» по отношению к Диоскору и Севиру, Старец охарактеризовал это предложение как «богохульное». Он сказал: «Значит, столькие Святые Отцы, имевшие Божественное просвещение и жившие в одно время с этими еретиками, не поняли их и ошиблись? И теперь, столько веков спустя мы хотим исправить этих Святых Отцов? Неужели даже чудо святой Евфимии Всехвальной ни о чём не говорит этим людям? Неужели она тоже “неправильно поняла” еретическое исповедание веры?»

⁽¹⁾ Патриарх Афинагор занимал Вселенский Престол в 1948–1972 годах.

Старец не желал выглядеть исповедником. Однако он противодействовал неправославным поступкам некоторых церковных лиц. «Церковь, – говорил он, – это не прогулочный корабль того или иного епископа, чтобы он плыл на нём, куда ему вздумается». Противодействия Старца неправославным действиям того или иного епископа сопровождались многими молитвами и любовью к Церкви. И не только к Церкви, но и к тем, кто уклонялся от истины. Предпосылкой стояния Старца за истину было его бесстрашие, рассуждение и просвещение свыше.

Ещё Старца волновала проблема церковного календаря. Переживая из-за календарного раскола, он молился, чтобы Господь уврачевал этот недуг. Он жалел различные старостильнические группировки, которые отломились от Церкви, как ветви от лозы, и не имеют общения ни с одной из Поместных Православных Церквей. По совету Старца некоторые приходы старостильников в Афинах и Салониках воссоединились с Церковью, сохранив в своём богослужебном уставе старый юлианский календарь.

Старец говорил: «Хорошо, если бы календарной разницы не было. Однако это не вопрос веры». На возражение, что новый григорианский календарь придумал папа, Старец отвечал: «Новый календарь придумал папа, а старый календарь придумал идолопоклонник», имея в виду римского императора Юлия Цезаря.

Чтобы отношение Старца к календарной проблеме было более понятным, приводим нижеследующее свидетельство.

Один православный грек много лет жил в Америке. У него была серьёзная проблема в семье: сам он был зилотом, то есть старостильником, а его жена и дети принадлежали к Церкви, которая жила по новому календарю.

«Ни одного церковного праздника мы не могли отпраздновать всей семьёй, – сокрушался этот человек. – У них было Рождество, а у меня память святого Спиридона, у меня Рождество – у них Собор Иоанна Предтечи. Но это бы ещё ничего. Хуже всего было сознавать – так нас учили, – что новостильники – еретики, и они пойдут в адскую муку. Шуточное ли дело: без конца слышать, что твоя жена и дети предали веру, присоединились к папе, что в Таинствах новостильной Церкви нет Благодати. Мы часами напролёт беседовали на эти темы с женой, но договориться не могли. По правде сказать, у старостильников мне тоже не всё нравилось. Особенно не нравилось, когда приезжали епископы-старостильники и нас собирали для беседы с ними. О “прельщённых” – так они называли новостильников – они говорили без любви и без боли. Напротив, было такое чувство, что они ненавидят их и радуются, говоря, что те пойдут в вечную муку. Они были очень фанатичны. Когда беседа с ними заканчивалась, я чувствовал смущение и терял мир. Однако мне и в голову не могло прийти порвать со старостильниками. Я просто разрывался. Если бы так продолжилось ещё какое-то время, от расстройств я повредился бы умом.

Как-то приехав в Грецию, я рассказал о мучившей меня проблеме своему двоюродному брату Янису, который предложил поехать на Святую Гору и встретиться со Старцем Паисием.

Когда мы пришли в “Панагуду”, Старец, радостно улыбаясь, угостил нас лукумом и посадил меня рядом с собой. Я был в растерянности. Он вёл себя со мной так, словно знаком со мной многие годы и знает обо мне всё.

Его первый вопрос был таким: “Ну как ты там в Америке справляешься со своими автомобилями?” Я растерялся. (Забыл сказать, что в Америке я работал на автостоянках, и, естественно, вся моя работа была связана с автомобилями.)

“Справляюсь...” – только и мог пробормотать я, глядя на Старца глупыми глазами. “Сколько в вашем городе православных храмов?” – “Четыре”, – ответил я и изумился ещё раз.

“Там служат по старому стилю или по новому?” – спросил Старец, и меня ударила третья молния. Однако эта “молния”, вместо того чтобы увеличить мою растерянность, как бы сроднила меня со Старцем, “приземлила” меня к его дарованию.

– В двух – по старому, а в двух – по новому, – ответил я.

– А ты в какой храм ходишь?

– Я хожу к старостильникам, а моя жена – к новостильникам.

– Слушай-ка, – сказал Старец, – ты тоже ходи в тот храм, куда ходит твоя жена. – Старец произнёс эти слова “со властью”, авторитетно и хотел объяснить мне что-то ещё. Однако вдруг я осознал, что этот вопрос для меня уже закрыт. Объяснения и аргументы были уже не нужны. Со мной произошло что-то необъяснимое, что-то Божественное, с души упал тяжёлый камень и улетел далеко-далеко. Как по ветру разлетелись все старостильнические ар-

гументы, угрозы и “отлучения” новостильников. Я ощущал в себе Благодать Божию, которая через этого святого мужа действовала во мне и наполняла меня миром, к которому я стремился много лет. То необыкновенное состояние, которое я переживал, наверное, отразилось и на моём лице.

Скорее всего, выражение моего лица заставило Старца на какое-то время остановиться. Но потом он продолжил свою речь и дал мне некоторые объяснения. Возможно, он сделал это для того, чтобы я передал его слова другим. А может быть, для того, чтобы я использовал эти доводы для себя самого во время искушения, когда состояние переживаемой мной в те минуты небесной радости пройдёт.

“Конечно, – говорил Старец, – и мы на Святой Горе живём по старому календарю. Но мы – другое дело. Мы едины с Церковью, со всеми Патриархатами, со всеми Поместными Церквами – как с теми, кто живёт по новому календарю, так и с теми, кто придерживается старого. Мы признаём Таинства этих Церквей, а они признают наши Таинства. Их священники сослужат с нашими священниками. А вот несчастные зилоты от Церкви откололись. Большинство из них имеют и благоговение, и бескомпромиссность, и подвижнический дух, и ревность по Богу. Только их ревность нерассудительна, она “*не по разуму*”. Некоторые были вовлечены в этот раскол по простоте, другие – по незнанию, третьи – по эгоизму. Тринадцать дней разницы между юлианским и григорианским календарями они посчитали догматическим вопросом и всех нас записали в прельщённые, а сами ушли из Церкви. Зилоты не имеют общения с Патриархатами и другими По-

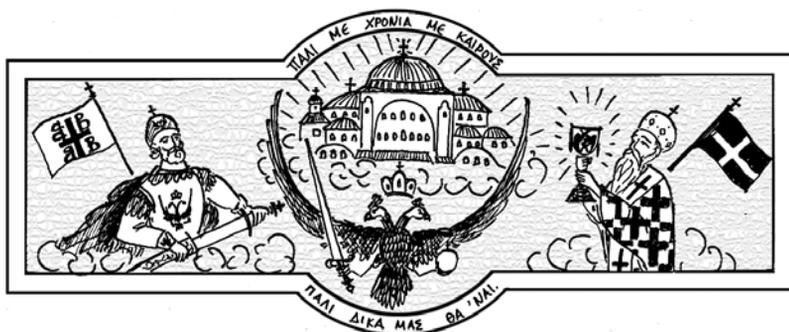
местными Церквами, придерживающимися нового календаря. Но ведь с Патриархатами и Церквами, которые придерживаются старого календаря, они тоже не имеют общения – якобы потому, что те “осквернились” общением с новостильниками. Но это ещё не всё. Зилотов-старостильников осталось немного, но и эти немногие, я уж не знаю как, раздробились на мелкие группировки. И они не могут остановиться: всё дробятся и дробятся, предают друг друга анафеме, отлучают друг друга от Церкви, низвергают из священного сана. Ты не можешь себе представить, как я исстрадался и как много молился из-за этого искушения. Мы должны любить зилотов-старостильников, нам должно быть за них больно, мы не должны их осуждать. Больше всего нам надо молиться о том, чтобы Бог просветил их, а если иногда кто-то из них, будучи расположен по-доброму, попросит нас о помощи, мы можем ему сказать то, что мы знаем».

Через пять лет после кончины Старца Паисия господин Х., рассказавший эту историю, приехал из Америки на Афон, пришёл в «Панагуду» для того, чтобы поблагодарить Старца. После той беседы его духовная, а также и семейная жизнь полностью наладились. О своей встрече со Старцем он рассказывал со слезами на глазах.

Приведём ещё один пример рассудительного отношения Старца к одному из тонких церковных вопросов. Один православный священник из-за границы рассказал Старцу, что его правящий епископ устраивал под храмами танцевальные залы и совершал другие модернистские действия. Прихожанам это не нравилось, и они стали уходить из

его юрисдикции в одну из раскольнических церквей. Выслушав священника, Старец ответил: «Если ты хочешь помочь людям, то соглашаться со всем, что делает твой владыка, ты не должен. Ведь этими действиями он добивается лишь того, что из Церкви уходят люди. Я не говорю тебе, чтобы ты прекращал с ним общение и уходил в раскол, и не говорю, чтобы ты его публично осуждал. Но и хвалить его и соглашаться с ним ты тоже не должен».

Имея любовь, молитву, рассуждение, Старец знал, когда нужно говорить, как нужно действовать и как без бесполезного шума помогать Матери-Церкви, как, избегая крайностей, исцелять раны, которые мучают Её Тело и соблазняют верующих.

Верный сын Отечества

В детском возрасте став беженцем и пережив ужас войны и оккупации, Старец из собственного опыта знал, что «*ми́рное и безмо́льное жити́е*» – это великое благословение.

Старец любил Отечество. Он говорил: «Отечество – это большая семья». Он не желал Родине национального величия, славы и крепости – в мирском смысле этих слов, но желал ей мира, её гражданам – духовного преуспеяния и нравственной жизни, необходимых для того, чтобы Бог нам помогал. Старец хотел безопасности для Родины не для того, чтобы греки могли наслаждаться роскошью и комфортом.

Греку, жившему в Америке, горячему патриоту, который пытался сделать что-то для блага Эллады, Старец посоветовал поднять духовный подвиг, чтобы освятиться самому, и сказал, что если это произойдёт, то он сумеет и Элладе помочь правильно и духовно.

Пророки Израилевы действительно соучаствовали в жизни народа: каждый по-своему. Они молились о людях, плакали о них, обличали царей, проповедовали покаяние и пророчествовали о грядущих бедах. Подобно им и Старец Паисий не был равнодушным

и бесстрастным к Отечеству. Пророк, сказавший «*Си́бна ра́ди не умолчу́*»⁽¹⁾, не был националистом. Подобным было отношение Старца Паисия к Родине – его отношение к ней было чисто духовным. Живя вне мира, он радел о благе Отечества как немногие, а вклад Старца в защиту национальных, территориальных интересов Греции трудно переоценить. Он выступал против различных антигреческих течений, против фальсификаторов исторической истины, главным же образом, против неправильных территориальных претензий к Греции со стороны албанцев, турок и других. Он говорил: «Одни хотят забрать себе Салоники, другие хотят, чтобы их границы простирались до Лáрисы, третьи хотят иметь Эгейское море... Да, в конце-то концов, что, никогда не было Греции?»

Старец предупреждал о грозящих Отечеству опасностях ещё до того, как они проявлялись. Он помог многим ясно увидеть вред пропаганды различных врагов Греции против Родины. Некоторые люди, занимавшие высокие должности, под влиянием бесед со Старцем приняли определённые меры.

Человек, занимавший высокий пост в правительстве, свидетельствует: «Когда назревала македонская проблема, у меня была ответственная должность. Значения всему этому я не придавал, а Старец открыл мне глаза на эту проблему. Вначале я с ним не соглашался: “Что это такое говорит Старец, откуда он обо всём этом знает?” Но впоследствии я убедился в его правоте”. Начиная в 1977 года, со своей поездки в Австралию, Старец говорил о важности македонской проблемы. В то время некоторые “эксперты” считали

⁽¹⁾ Ис. 62, 1.

его предупреждения “безответственными фанатичными разглагольствованиями об опасности”. Отстаивая греческое право на Македонию, Старец повесил в своём архондарике текст из книги пророка Даниила, говорящий о царе эллинов Александре. Рядом с этим текстом он поместил большую бумажную икону Ангела из Сербского монастыря. Икона была повешена таким образом, что Ангел показывал на этот текст».

Бывшую югославскую республику Македонию Старец уподоблял строению, сложенному наполовину из кирпичей и из кусков халвы, слепленных в форме кирпичей. Он говорил, что рано или поздно это строение рухнет.

Когда Старец прочёл книгу бывшего министра Северной Греции господина Николаоса Мартиса «Фальсификация истории Македонии», он был воодушевлён. «Слава Богу, – сказал он, – у нас остались и патриоты». Он купил много экземпляров этой книги и раздавал их в благословение. В честь автора книги Старец написал небольшое похвальное стихотворение, которое тот включил в новое издание книги.

О Турции Старец с уверенностью говорил: «Она распадётся, и государства, играющие решающую роль в мировой политике, отдадут Константинополь нам. Они сделают это не потому, что они нас любят, но потому, что Бог устроит всё так, что им будет выгодно, чтобы Константинополь был греческим. Подействуют духовные законы. Туркам придётся расплачиваться за то, что они натворили, они погибнут, потому что заняли эту землю без благословения Божия. Их конец уже близко. Незадолго до Обмена Населением святой Арсений говорил: “Мы потеряем нашу Родину, но потом вновь её обретём”».

Когда Старца спросили, когда будет освобождён Кипр, он ответил: «Кипр будет освобождён тогда, когда покаются киприоты. Устраивайте на Кипре духовные военные базы, чтобы разогнать военные базы турок, англичан и американцев». То есть на кипрскую проблему Старец смотрел как на проблему духовную – а не как на национальную или политическую. Он верил, что разрешение этой проблемы – в покаянии народа и в молитве.

Видя опасность турецкой пропаганды во Фракии, Старец приехал в город Комотины, чтобы поддержать обращённых в христианство мусульман, пожить с ними какое-то время, чтобы им помочь.

Старец хотел, чтобы христиане были патриотами Родины. Он очень огорчился, видя, как духовные люди стремятся поудобнее устроиться сами и не заботятся о благе Родины. Он испытывал боль и недоумение, видя, что люди, занимающие ответственные должности, не понимают, куда мы катимся. Сам Старец ещё много лет назад видел, к какому состоянию придёт наше государство. Он беспокоился, но не сеял панику среди людей, а говорил: «Из того зла, которое царит сегодня, произойдёт великое добро».

Старец огорчился, видя, сколь низко духовно пали наши соотечественники. Он резко отзывался о тех, кто принимал противохристианские законы. Когда в греческих университетах отменили кафаревусу⁽¹⁾, он сказал: «Греки грядущего поколения будут приглашать немцев, чтобы они научили нас древнегреческому языку, и наши дети нас оплюют». В одном

⁽¹⁾ В современном греческом языке существует два стиля: димотика (букв. – “народный” язык) и кафаревуса (“чистый” язык). В грамматическом и лексическом отношении кафаревуса значительно ближе к древнегреческому языку. – *Прим. пер.*

из писем Старец пишет: «Те, кто отменил древнегреческий язык, вновь его вернут».

Старец опубликовал небольшую статью в поддержку целомудреннейшего патриота и благоговейнейшего героя Иоаниса Макрияниса, опровергая несправедливые и ложные обвинения в его адрес.

Этой статьёй он не только хотел помочь восторжествовать истине. Тогда, как и сегодня, была острая необходимость показать людям идеального национального деятеля – чтобы дать образец для подражания современным политическим вождям, а также чтобы помочь людям сформировать правильные политические критерии при выборе правителей нашей страны.

Один премьер-министр Греции, разрушительные для народа и Церкви действия которого Старец публично порицал, попросил разрешения приехать в Суроти и встретиться с ним. Старец согласился: «Пусть приедет. Я скажу ему всё это и прямо в глаза». Нищий монах-келиот имел духовную силу, чтобы бесстрашно возвысить свой голос против сильных века всего.

Когда один из президентов Греции приехал на Святую Гору Афон, Старец посоветовал святогорским монастырям не принимать его, потому что он подписал закон, легализующий аборты.

Один министр хотел помочь монастырю, с которым Старца связывали особые духовные связи. Старец велел монахиням не брать от него ни драхмы, потому что этот министр был членом партии, утвердившей антихристианские законы.

Старец был человеком мира и единства. Он не принадлежал ни к одной из политических партий.

Он был выше партий. Он не хотел и слышать о безбожных политических партиях и о связанных с масонством политиках из-за их безбожия и враждебной Церкви деятельности. Старец говорил: «Какая разница в том, правая рука или левая, если она не совершает крестного знамения?» Таким образом, Старец отвергал безбожных политиков независимо от их политической платформы. Некоторые политические партии, зная о его влиянии на народ, пытались привлечь его на свою сторону с тем, чтобы приобрести побольше голосов. Но их старания оказались тщетными.

Его посещали политики, министры, сенаторы из Греции и США. Король Константин присылал ему поздравительные открытки. Однако ни у кого из сильных мира сего Старец не попросил ничего для себя или для монастырей, за которые он нёс духовную ответственность. Он просил у них только одного: чтобы их действия были направлены на благо Родины и Церкви.

Также своими советами Старец помог многим государственным служащим быть честными и сознательными в работе. Старец почитал хороших педагогов за то огромное дело, которое они делают, а также благоговейных, имеющих идеалы военных.

Многих юношей-анархистов Старец убедил пойти служить в армию.

Вообще, Старец убеждал всех чтить и любить Родину, сознательно действовать ради общего блага и не увлекаться общим духом равнодушия, нивелирования всего, приспособленчества и злоупотреблений.

Но, главным образом, Старец помог Отечеству своей молитвой. Это видно из тех его уставов, кото-

рые приведены выше, а также из стихотворения, посланного им своей матери. В конце этого стихотворения он пишет, что становится монахом, для того чтобы молиться «о *мире мiра*». Он первый подавал пример такой молитвы и побуждал к ней других: «Давайте будем молиться, чтобы Бог просвещал тех, кто занимает в государстве ответственные должности, потому что такие люди могут сделать много добра».

Когда в греко-турецких отношениях возникло напряжение, Старец говорил: «Собралось много туч. Если сможем, давайте их разгоним молитвой».

В таких случаях Старец совершал у себя в каливе Божественную Литургию. На «*Блажённых...*» он пел не тропари, предусмотренные уставом, но тропари из канона преподобного Николая Катаскепипноса, потому что они подходили к таким случаям: «*Безбóжных агáрян стрéлы сокруши́, Влады́чице, и всякое наваждéние бесóвское отжени́, лю́ди хри́стоимéнные покрывáя и сохраня́я, да любóвию Тя сла́вим*»⁽¹⁾.

В периоды политической нестабильности в Греции из-за невозможности сформировать правительство Старец очень страдал и молился. Когда в короткий срок были назначены третьи выборы подряд, Старцу, по его собственному свидетельству, было следующее видение: «Накануне выборов я сидел на деревянной кровати в архондарике и творил молитву Иисусову. Вдруг передо мной явился диавол в образе... (Старец назвал имя политического деятеля той эпохи, разрушительные действия которого он осуждал.) Диавол

⁽¹⁾ *Святой Никодим Святогорец*. Феотокарион. Глас осмый, в субботу вечера.

стал мне угрожать, однако подойти ко мне не мог, словно был связан. Что-то удерживало его, и он как бы зажимался».

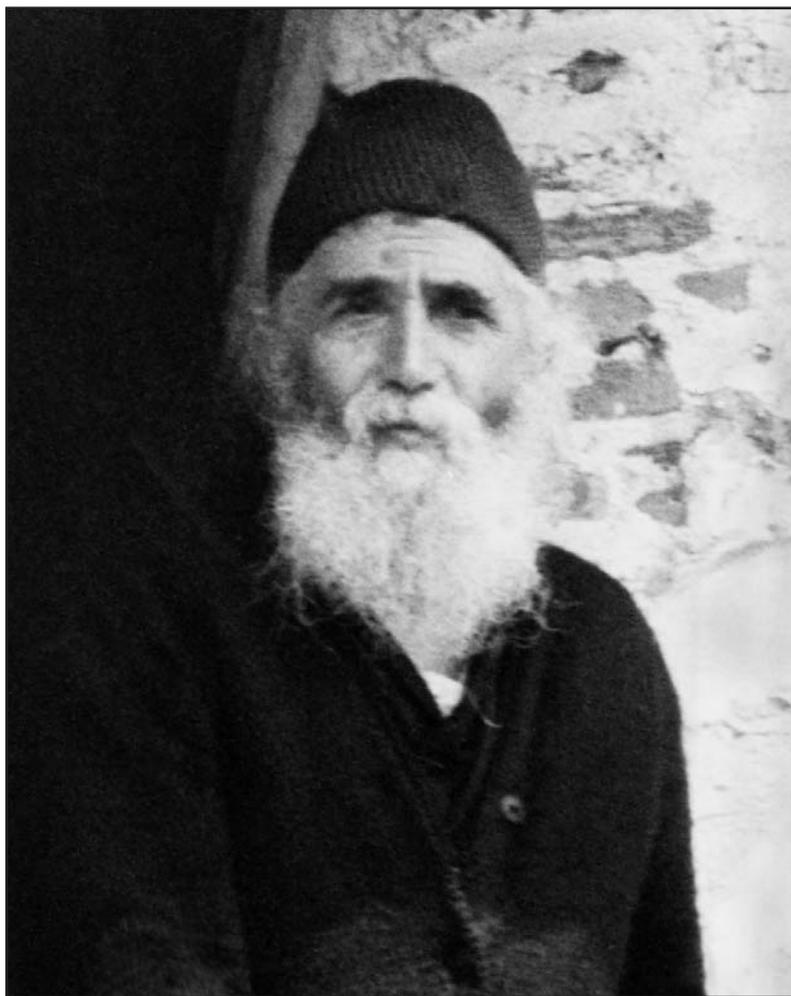
В ту самую ночь Старец явился во сне одному женатому священнику в миру и строго сказал ему: «Батюшка, что ты спишь? Вставай и молись – Отечество в опасности».

Спасения нашего народа Старец ждал не от людей, но от Бога. Он говорил: «Если бы Бог оставил судьбу нашего народа в руках политиков, то мы бы погибли. Но Он даёт им не всю власть, а лишь до какого-то предела, чтобы стало явным расположение каждого».

О политиках, которые делали зло нашему народу, Старец говорил: «Со спокойной совестью я прошу Бога дать этим людям покаяние и забрать их в иную жизнь, чтобы они не успели сделать большего зла и чтобы Он восстановил Маккавеев».

Старец верил, что один монах может помочь целому народу. «Кого-то Бог делает монахом для того, чтобы помочь семье, кого-то – чтобы помочь целому народу. Святая Гора может дать нашему народу многое. Она вновь может создать Византию, от которой произошла».

ПРИЛОЖЕНИЕ

Старец Паисий.

Внешний вид, характер и природные дарования Старца

Внешне Старец выглядел как обычный монах. Среднего роста, приблизительно метр шестьдесят, очень худой от многолетней аскезы, черты его лица были красивыми, гармоничными и тонкими. Весь его внешний вид излучал доброту и сострадание.

Его взгляд был живым, выразительным (он мог «говорить глазами»), пронизательным и искромётным, движения – исполненными мира, уверенности и благородства. Борода была средней длины, густая и – незадолго до кончины – почти вся белая. Волосы – чёрные с сединой, очень густые, они доставали до плеч. Обычно он носил плетёную шерстяную скуфью, достаточно толстую, чтобы она защищала от холода. Когда он выезжал в мир или шёл в монастырь, то надевал обычную святогорскую скуфью.

Ладони его были больше обычного, сильные, чувствовалось, этот человек занимается физическим трудом. Он имел большие ступни ног, непропорциональные его росту. Зубов у него почти не было: оставалось только два на верхней челюсти и несколько передних на нижней. Духовные чада предлагали ему вставить зубы, но он отказывался.

Однако потом снизошёл к их просьбам и вставил себе два «моста», когда он смеялся, их было видно. Несмотря на то что у него не было зубов, он говорил чисто, и отсутствие зубов не воспринималось как телесный недостаток. Он покрывался ярко выраженной Божественной Благодатью, под воздействием которой выглядел *«яко красён добротою»*. Его лицо было светлым и радостным. *«Свѣтлое Благодати познание»* – такими словами можно было описать его внешность.

До самой кончины он был сверхчувствительным. Он за километр чувствовал табачный дым. Слух имел очень чуткий, острота зрения вызывала изумление: на дальнем расстоянии он мог разглядеть даже мелочи. Нося «плюсовые» очки, он до самой кончины вырезал иконки с тонкими деталями. Старец выглядел как обычный человек, однако скрывал в себе *«сокрытаго сердца человека по Бóже созданнаго»*, он носил в себе Божественную Благодать, которую было невозможно скрыть и постичь.

Седой, немощный и беззубый старик – и одновременно лев. В нём было что-то сильное, решительное, Божественное. В немощном и маленьком теле скрывалась мужественная душа. Эта душа обладала многой силой и *гнёвом* – в святоотеческом смысле этого слова. Святые Отцы называли гнев нервом души. Эту силу гнева Старец обратил к доброму и использовал её для стяжания добродетели. Если кто-то совершал зло, превосходившее меру, Старец без колебаний его обличал, он умел *бесстрастно гнѣваться* – по речению Священного Писания *«гнѣвайтесь и не согрешайте»* – то есть он умел гнѣваться, не теряя внутреннего мира, и – в любом

случае – побудительной причиной его гнева была защита не себя, но чего-то высшего. В таких случаях он говорил с людьми не под властью страсти гнева, но с душевной болью.

От природы Старец был открытым и благодарным человеком. Он любил оказывать гостеприимство и милостыню – настоящий человек благословенного Востока. Любил рассказывать весёлые истории с духовным содержанием, от сердца смеяться. «К сожалению, сегодня, – говорил он, – многие утратили естественный смех». Сострадая чужой боли, Старец мог разразиться рыданиями, он мог, как родного брата, обнять и поцеловать человека, испытывающего боль, хотя видел его первый раз, мог пойти на любую жертву, чтобы облегчить его участь и помочь ему. И всё это он совершал от сердца, естественно и непринуждённо.

Старец приносил себя в жертву ради того, во что верил, и ради любви к ближнему. Он терпеть не мог двуличности, подлости и бессовестности, чтит и уважал людей добродетельных, благоговейных, тех, кто имеет идеалы и трудится на благо Церкви и народа, у кого есть любочестие, кто отличается духом жертвенности. Он говорил: «Я ношу в своём сердце тех, кто отличается добротой, благоговением и простотой».

Перед самым последним человеком, особенно если у него была страдающая и чуткая душа, Старец беспредельно смирялся, повергался в прах. Однако одновременно он, как достигающая небес гора, как непоколебимая скала, возвышался перед угрозами и устрашениями, лестью и лукавыми дарами сильных века сего. Его не устрашали угрозы, опасность

и смерть, он был неуязвим для клеветы и даже для физических нападений «*борющих его с высотъ*»⁽¹⁾, то есть сильных земли.

Человек с богатым внутренним миром, он умел чувствовать чисто – к эмоциям любого рода это отношения не имело. Совершенный человек, человек Божий – рождённый Богом образ, украшенный драгоценной мозаикой – добродетелями. Это было «*чистое и непорочное зеркало*», отражавшее в себе Божественные свойства. Старец был благ по естеству и наделён редкими дарованиями. Но и сам он подъял великий подвиг, увеличив и приумножив свои таланты. Бог дал ему много – Старец откликнулся на это многое и во много его увеличил.

Это был человек редкого ума и сообразительности. Случай редкий и необычный. У него была поразительная память. Увидев человека всего один раз, он помнил его десятилетия. Однажды в «Панагуде» его посетил пожилой мужчина. Старец спросил его: «Ты Кокинелис?» И действительно, это был Кокинелис, вместе с которым Старец недолгое время служил в армии полвека назад.

Он умел входить во всё, не отвлекаясь на всё. Он знал о том, что происходит в мире, пребывая в пустыне. Духовно он находился вместе со всеми, удалялся от людей из любви к ним.

Он многое знал, хотя и не учился, легко общался и разговаривал с учёными и другими выдающимися людьми, не чувствуя своей ущербности. Напротив, мудрецы века сего приходили к нему за советом.

На вопрос «не жалеет ли он, что не получил образования?», – Старец ответил отрицательно. Толь-

⁽¹⁾ Пс. 55, 3.

ко о знании древнегреческого языка он говорил так: «Если бы я окончил хотя бы пару классов средней школы, то я понимал бы лучше Священное Писание и Святых Отцов». Однако в своих словах он был необыкновенно точен, его ответы не содержали пустот и недосказанностей. Сразу становилось понятно, что он хотел сказать, выразительным жестом он мог выразить сущность человека или целого дела.

От природы он был художником и поэтом, писал стихи, тропари, умел рисовать.

Он любил всякое дело делать по-хозяйски. Если уж брался за что-то своими руками, то доводил до конца с любовью и безупречно. Особенно если это связано с Богом и с Церковью. Он умел быть настойчивым и знал, как добиться того, чего хотел.

В своих отношениях с другими был прост, непосредствен, искренен, имел свой особенный способ, некое духовное искусство приблизиться к человеку, найти доступ к его сердцу и его успокоить. Он молча, с напряжённым вниманием, слушал, давал говорить и ставил себя на место ближнего. С людьми он вёл себя чутко и тонко, и только по отношению к самому себе оставался строг. Эти противоположности его характера слагались в чудную гармонию: терпимость к другим и строгость к себе, безмолвие и общительность, простота веры и интеллектуальная исключительность, благоговейное хранение и соблюдение уставов и – дух свободы.

Каким бы путём ни пошёл Старец в своей жизни, он всё равно стал бы выдающимся, потому что был вместительным сосудом, сильной машиной, прожектором, который бьёт на дальние расстояния.

Однако вместо того, чтобы временно блистать в этом лживом мире своим собственным блеском, он предпочёл стать «крышкой от консервной банки», в которой отражаются лучи Солнца Правды, отражается Само Солнце. Он подъял великий подвиг и совершил его с любочестием и самоотречением. Он всё отдал Богу, претерпев ради Него искушения и скорби. Он помог бесчисленному множеству людей, вступил в единоборство с дьяволом и вышел победителем из этой схватки. И сейчас он слышит блаженный голос: *«Побеждающему дам ясти от дрéва живóтнаго, ёже есть посредé рая Бóжия»*⁽¹⁾.

⁽¹⁾ Апок. 2, 7.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вместо эпилога⁽¹⁾

Сначала мы веруем в Бога, а затем любим Бога и Его образ – человека. Вера умножается посредством молитвы. *«Приложі нам вѣру».*

«Насколько я понял, всё зло происходит от неверия. Когда человек не верует в Бога, он хочет превратить свою жизнь в сплошную праздничную пирушку. Поэтому он и предаёт себя всякого рода грехам».

«Человек должен уловить глубочайший смысл жизни, должен понять, что эта жизнь дана ему для того, чтобы подготовиться к жизни иной. Поняв это, человек – подобно тому как земной путешественник находит себе проводника – должен найти проводника для своего небесного путешествия. Этот проводник – духовник. Духовник установит распорядок жизни, скажет, что читать и как молиться, как избегать поводов ко греху и мирского духа, который страшнее всего. Таким образом человеческое сердце будет пребывать во Христе».

⁽¹⁾ Вместо эпилога приводятся некоторые характерные поучения Старца.

«Мы должны подъять любочестный спасительный подвиг, ради того чтобы не огорчить Христа. Христос скажет: “Дитя Моё, Я сделал столько, чтобы спасти тебя! Я пролил ради этого Свою Кровь, Я претерпел столько страданий. А что ты сам сделал для того, чтобы спастись?”»

«Каждый человек должен найти и освятить своё призвание. Человек старательный и усердный – какую бы жизнь он ни избрал, семейную или монашескую, – преуспеет везде».

«Будем предпочитать скорби и принимать их с большей отрадой, чем радость. Горькое лекарство часто полезнее, чем сладкое, потому что горькое исцеляет болезнь. Настоящая радость рождается из боли».

«Духовному преуспеянию человека препятствует то, что он работает своим умом не в том, что может помочь ему духовно, а в других – совсем посторонних вещах».

«Чтобы мы могли совершать сердечную молитву, в нас должна появиться боль за то, что происходит вокруг».

«Сегодня пришло время отделения овец от козлиц, то есть верующих людей от неверующих. Позже для нас придёт время сдачи духовных экзаменов. Мы подвергнемся и гонениям за нашу веру, и тогда станет видно, где золото, а где – то, что просто блестит».

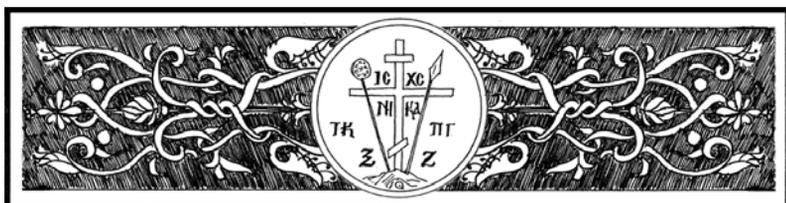
«Если кто-то страдает за других, испытывает за них боль, делает их проблемы своими, то его ждёт воздаяние мученика. Насколько же просветлены люди, которые жертвуют всем! У них нет никаких затруднений, их лица сияют, потому что они постоянно исполнены Божественной радости».

«Вся основа духовной жизни в том, чтобы думать о другом, а себя ставить на последнее место и не брать в расчёт. Если мы ставим себя на место нашего ближнего, если мы его понимаем, то находимся в родстве со Христом».

«Благодать Божия дорого стоит. Для того чтобы она пришла и вселилась в человека, она должна найти человека согласным по духу с Богом. Кроме того, в человеке должно иссякнуть всё человеческое. А мы хотим, чтобы Божественная Благодать пришла и освободила нас от наших слабостей – не прилагая для этого труда. Для того чтобы в человека вселился Дух Святой, требуется многое самоотречение, многое любочестие, смирение, благородство, жертвенность. Духовная жизнь – это не наслаждение. Христос подключил вилку к розетке, но наши собственные провода заржавели и не принимают Божественной Благодати. Надо очистить провода от ржавчины, поднять подвиг, чтобы познать себя, отсечь свои страсти и стяжать добродетели. Таким образом нас осенит Благодать Бога».

*Ему же слава и держава во веки.
Аминь.*

ДУХОВНОЕ
ЗАВЕЩАНИЕ
СТАРЦА

Духовное завещание Старца

Τοῦ Δογόνμου ὁ Μοναχὸς
Παΐσιος, ὅσως ἐξέλασα
τὸν ἑαυτῶν μου, ἴδω ὅτι
ἄει τῆ ἐννοίᾳ τοῦ
Κυρίου τῆς καρδίᾳ,
ὄει τῆ ἀμαρτίας τῆ
ἔχω καὶ τ. Δὲν ἔχει
σημασία εἶν, ὀρισμέ-
νες ἔχον γίνῃ εἰ
μικρότερο βαθμῶ,
διότι δὲν ἔχω κατὰ
δὸν ἐλαφρύνει κα,
ἔπειθ' ἢ μὲ ἔχει, ἐβ-
ρῆσι βη αὐτῶ ὁ Κύριος.

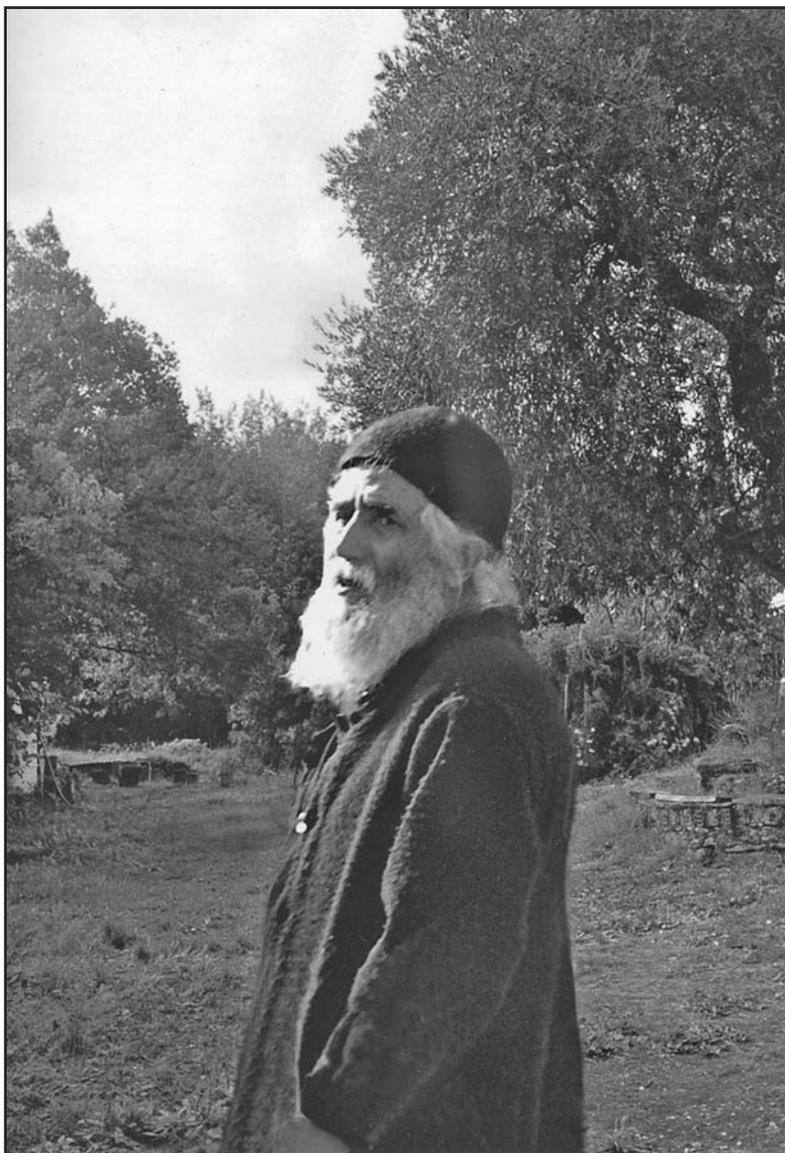
Εἶχεσθε νὰ μὲ
 εἴτεται ὁ χρῆστος.
 εὐχαριστοῦμε,
 καὶ εὐχαριστοῦμε
 νὰ εἶναι, ὅσοι νο-
 μίζουσι ὅτι μὲν
 ἀνθρῶπι.
 εὐχαριστοῦμε θεῷ,
 καὶ θεῷ
 εὐχαριστοῦμε.
 Ληοχρῶπιου

Этот драгоценный документ, написанный рукой самого Старца, был найден в его келье после его кончины:

Я, монах Паисий, рассмотрев свою жизнь, увидел, что я преступил все заповеди Господа, что я совершил все грехи. И не имеет значения, если некоторые из этих грехов я совершил в меньшей степени, потому что у меня совсем нет смягчающих вину обстоятельств, поскольку Господь оказывал мне великие благодеяния. Молитесь, чтобы меня помиловал Христос. Простите меня, и да будут прощены мной все те, кто считает, что чем-то меня огорчили.

*Очень благодарен
и снова прошу –
молитесь.*

Монах Паисий.

ИЕРОМОНАХ ИСААК
ЖИТИЕ СТАРЦА ПАИСИЯ СВЯТОГОРЦА

Перевод с греческого
иеромонаха Доримедонта (Сухинина)

Над книгой работали:

Игорь Кварталов, Сергей Королёв, Андрей Ковалёв,
Антон Данилин, Арсений Миронов, Григорий Маракуев,
Наталья Сухинина, Наталья Николаева, Мария Иванова,
Татьяна Рулькова, Зоя Васильева, Роман Егоров,
Сергей Гусаков, Роман Кордюков, Дарья Николаева,
Денис Рютин.

*Дорогие читатели !
Книги Издательского Дома «Святая Гора»
вы можете получить по почте.
Оплата наложенным платежом.*

Ваши заказы присылайте по адресу:

107082, Москва, а/я 93
тел.: (495) 540-11-40, факс: (495) 246-69-39
E-mail: info@agionoros.ru

Лицензия ИД № 05182 от 25.06.2001
Подписано в печать 15.02.2006. Формат 60x90/16
Печать офсетная. Бумага офсетная № 1
Гарнитура «Journal». Усл. печ. л. 46.
Тираж 30 000 экз. Заказ №

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Можайск, ул. Мира, 93